

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е.Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С.А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г.А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К.К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор

В.И. Елинский

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А.Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С.С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О.В. Зиборов,

доктор юридических наук, доцент

И.А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

В.Л. Кубышко,

кандидат педагогических наук

С.С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А.Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Румянцев,

доктор юридических наук

М.В. Саудаханов,

кандидат юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В.Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю.А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б.С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

E.N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S.A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G.A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K.K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V.I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A.E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S.S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O.V. Ziborov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

I.A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

V.L. Kubyshko,

Candidate of Pedagogical Sciences

S.S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A.L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N.V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

M.V. Saudakhanov,

Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V.Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu.A. Tsyppkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B.S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N.D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of
Russia in the Field of Science and Technology

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю.М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А.В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А.Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор

Е.В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С.А. Боголюбов,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А.А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т.М. Гандилов,
доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России

М.М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В.В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А.В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

Л.Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О.Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С.М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С.В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н.Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р.А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В.П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И.Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S.V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu.M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A.V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A.R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

E.V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S.A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

G.A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A.A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T.M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

M.M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V.V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A.V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor

L.G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O.D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S.M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S.V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O.Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N.G. Kadnikov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

R.A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V.P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

I.B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

Н.Н. Карпов

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ

А.И. Клименко,

доктор юридических наук, доцент

Н.А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

И.И. Котляров,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А.Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р.А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

С.Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А.Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н.П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В.П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н.Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г.Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н.В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р.С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАН

Н.Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С.Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш.М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А.М. Осавелюк,

доктор юридических наук, профессор

А.С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К.Е. Сигалов,

доктор юридических наук, доцент

А.В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д.П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

N.N. Karpov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia

A.I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

N.A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

I.I. Kotlyarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A.N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R.A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S.Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A.N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N.P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V.P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N.F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G.B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N.V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R.S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N.G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S.L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S.M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A.M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A.S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K.E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A.V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D.P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л.В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е.Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О.В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Л.А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А.П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б.С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А.Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L.V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E.N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O.V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

L.A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N.M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A.P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B.S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A.B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю.Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В.И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р.П. Бульга,
доктор экономических наук, профессор

Л.П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д.В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А.Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р.В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В.Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е.Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М.А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е.И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н.П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

И.А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор
заслуженный деятель науки РФ

В.Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T.A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu.T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V.I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R.P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L.P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D.V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A.F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R.V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V.G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E.N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M.A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E.I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N.P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

I.A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

V.B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

В.С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г.Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С.Г. Симагина,
профессор экономических наук, профессор

А.Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н.В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

V.S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G.B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S.G. Simagina,
Professor of Economic Sciences, Professor

A.E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И.В. Грошев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В.Ф. Енгальчев,
доктор психологических наук, профессор

А.Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии

В.М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л.Н. Костина,
доктор психологических наук, доцент

И.Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

Л.В. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

А.Н. Сухов,
доктор психологических наук, профессор

С.Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В.Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

Г.С. Човдырова,
доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V.S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I.V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V.F. Engalychev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A.G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Winner of the State Award

V.M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L.N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

I.B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L.V. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A.N. Suhov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S.N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V.L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

G.S. Chovdyrova,
Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Medical Sciences, Professor

С.Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В.Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

В.А. Волох,
доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А.Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А.Д. Иоселiani,
доктор философских наук, профессор

S.R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V.Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V.A. Volokh,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A.L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A.D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации**
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор*

Н.Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Врио главного редактора
А.Н. Осипова

Старший редактор
В.С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д.Е. Барикаева

Номер подготовили:
**Л.С. Антоненко,
А.И. Антошина**

При участии:
М.И. Никитин

Дизайн и верстка:
А.П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

**Свидетельство о регистрации
№ 77-14723**

**Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс» — 84629**

*Подписано в печать 20.12.2021 г.
Цена договорная*

**Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>
[https://www.instagram.com/
mosumvd.official/](https://www.instagram.com/mosumvd.official/)**

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 6 • 2021

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки*

АБЛЯТИПОВА Н. А., КРАВЦОВА А. А. Нарушение прав потребителей при приобретении товара дистанционным способом в сети Интернет: проблемы идентификации продавца и его недобросовестности	12
АКСЕНОВ В. А. Роль и значение программного комплекса «Антифрод» как меры специально-криминологического характера в предупреждении мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	16
АЛЕКСАНДРИНА М. А. Реализация функций международного частного права в условиях цифровой экономики	21
АЛЕКСАНДРОВА Н. С. Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив»	28
АРЗУМАНЯН Д. А. Предоставление нотариусом информации адвокату	32
БЕЛОЗЕРЦЕВ С. М., МАМЕДОВ Э. Ф., КУЗНЕЦОВ Е. В. Сравнительно-правовое исследование запаховых следов человека в Республике Казахстан	35
БОЛЬШАКОВА В. М., ЗЕМЛИН А. И., НАУМОВ П. Ю. Вопросы единовременной выплаты военнослужащим и сотрудникам в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)	38
БРЫКА И. И., НАСИМОВ Г. А. Предложение о внесении дополнения в ст. 11 Уголовного кодекса Российской Федерации	44
БУТБАЯ Г. М. Правила и соглашения участников национальной платежной системы как способ регулирования новых форм расчетов за рамками имеющегося правового регулирования	49
БЫЧКОВ В. В., ХАРЧЕНКО С. В. Противодействие расследованию преступлений экстремистской направленности и меры по его преодолению	55
ВЕЦКАЯ С. А., МУЛЛАГАЛЕЕВА Л. Р. Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства	60
ГАВРИЛИН С. А. Современные возможности использования специальных знаний при комплексном криминалистическом исследовании документов	66
ГАСАНОВ К. К., ВОСТРОКНУТОВ А. Л., ЗЫКОВ В. В. Пути решения актуальных проблем социально-правового обеспечения в области оплаты труда сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации	73
ГРУДЦЫНА Л. Ю., ЧЕРНЯВСКИЙ А. Г. Сущность и содержание способов защиты прав интеллектуальной собственности	81
ГУСЕНКОВА А. А. Применение систем видеонаблюдения и автоматизированных систем биометрической идентификации человека при производстве портретных экспертиз и исследований (на примере аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»)	86
ГУСТОВА Э. В., КУЛИКОВА М. А. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ)	91
ДАДАБАЕВ В. К., РОМОДАНОВСКИЙ П. О., БАРИНОВ Е. Х., МУРАШЕВ П. М. Возможности лучевых методов диагностики в судебно-медицинской практике	98
ДЕМИН А. А. О механизме гражданско-правового регулирования приобретения и осуществления субъективного права в цифровой среде ..	105
ДЕНИСОВ Н. Л. Вопросы квалификации покушения на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование	109
ДЖИКИЯ М. Д., ШКАЛЕНКО А. В., ДЖИКИЯ А. А. Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности	114

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

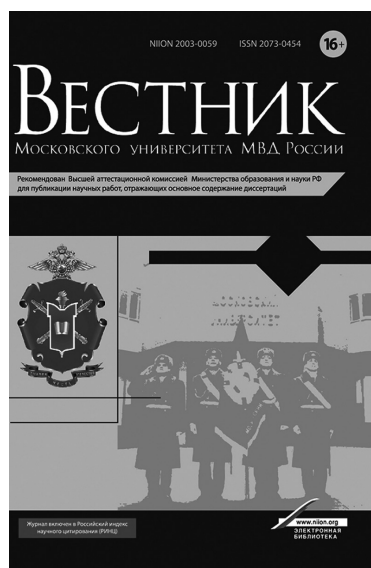
- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

**Московский университет
 МВД России имени В.Я. Кикотя
 117997, г. Москва,
 ул. Академика Волгина, д. 12**

ИВАНОВ А. П., ИГНАТЬЕВА С. В. Право на жилое помещение в гражданском законодательстве	120
ИВАНОВ П. И., ШЕГАБУДИНОВ Р. Ш. Уголовно-правовая политика в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, в условиях цифровой трансформации	124
КАЗАНЦЕВ С. Я., КРАСИЛЬНИКОВ В. И., Судебно-криминалистическая дефиниция серийных преступлений	129
КАРПОВ Н. Н. К вопросу об основах правовой теории сецессии	134
КОВАЛЕВА О. А. Проблемные аспекты правового регулирования применения цифровых технологий в предоставлении услуг в области жилищно-коммунального хозяйства	143
КОЛОКОЛОВ Н. А. Судебное строительство: от века индустриального до эпохи второго модерна	149
КОНОВАЛОВА Е. А., ЕСИНА А. С. Сравнительно-правовой анализ категории «организованная преступная группа»	161
ЛАРИОНОВА Л. И. Об организованной преступности в сфере экономики в Российской Федерации	166
МАЙОРОВА Е. И., ЗУБАЧ А. В., ТОМИЛИНА Е. Е. Правовые проблемы борьбы с отходами в свете Национальных программ Российской Федерации	171
МАКАРОВ В. О. Проблемы теории и перспективы внедрения института «регулятивных песочниц» (экспериментальных правовых режимов) в современной России	176
МАЛЫКОВЦЕВА Е. В. Правовые ценности как средство гармонизации публичного и частного интереса	183
МАТИЕНКО Т. Л. Из пепла революции: к вопросу об организационных и правовых принципах становления советского уголовного розыска	187
МОСКОВЦЕВА К. А. Послереволюционный генезис становления и развития института ведомственного контроля в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации	193
МУРАТОВА С. А. Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства	198
МЫШКО Е. Ф. Правовое регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в России и Японии	203
НЕВЕРОВ А. Я. О месте и роли конституционно-правового регулирования общественных отношений в условиях развития информационных технологий	207
НИКОЛАЕВ Б. В., МИНАСЯН К. Т., МИНАСЯН Н. Т. Преступность несовершеннолетних и ювенальная юстиция: североамериканский опыт	215
ОКСАМЫТНЫЙ В. В. Проблемы проявления правовой культуры в пограничном правовом поведении	221
ОСАВЕЛЮК Е. А. Связь национальной безопасности и внешней политики России	227
ПУЗЫРЕВА Ю. В., ЗАХАРОВА А. Д. Актуальные направления международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере информационных технологий в отношении детей	231
САМОЙЛОВ В. Д., НУРАДИНОВ Ш. М., БОЙЦОВ П. В. Миграционная безопасность в условиях геополитических вызовов России	235
САУДАХАНОВ М. В., ЕЛИНСКИЙ В. И. Особенности экономической основы конституционного строя Российской Федерации как системы	241
СВИНОВ Д. В. О месте и роли руководителя территориального органа внутренних дел в организации оперативно-разыскной деятельности	245
СЕВОСТЬЯНОВ М. В. Концепция договорного регулирования культурной деятельности в Российской Федерации в условиях цифровизации экономики	254
СЕМОЧКИНА А. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за педофилию	261
СЕРПИОНОВА А. И. Международные стандарты в области защиты прав и свобод человека и гражданина как основа реализации реадмиссионных отношений государствами-членами ЕС	266
СКАЧКО А. В., ВАНИН Д. А. Развитие института уголовной ответственности за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем	270
СОЙНИКОВ С. А. К вопросу о пресечении деяния, содержащего признаки состава административного правонарушения	274

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК Минобрнауки России журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в утвержденный Министерством образования и науки РФ Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

СУЛЕЙМЕНОВ Н. А. Практика защиты прав предпринимателей в странах СНГ и дальнего зарубежья	278
СУЛТАНОВ К. А., ШИХНАБИЕВ Р. А. Меры, принимаемые сотрудниками органов внутренних дел по противодействию административным правонарушениям, посягающим на здоровье граждан	285
ФЕДОРОВА И. В., РЖАНИЦЫНА И. А., КЛОКОВА Д. С. «На доступной игле»: почему наркотики имеют большую распространённость среди подростков и пути контролирования их потребления	289
ЧЕМЕТЕВА Ю. В. Неологизмы в юридическом дискурсе: проблема экспликации понятий	293
ЧЕРВОНЮК В. И. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 7. Инновационные технологии восприятия и осуществления права	298
ШАРНО О. И. Цифровой формат возмещения экологического вреда	305
ШУРУХНОВА Д. Н., АВЕТИСЯН К. Р. Административно-правовая ответственность за неправомерное акустическое сопровождение	311
ЭРИАШВИЛИ Н. Д., ГРИГОРЬЕВ А. И., ДЖАФАРОВ Н. К. Законодательство о налогах и сборах – 2021: устранены ли препятствия в реализации положений ст. 3 Налогового кодекса РФ	315

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Математические, статистические
и инструментальные методы экономики
Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

АБРАМОВ В. И. Контуры антикриминальной и антикоррупционной модели обеспечения экономической безопасности на основе цифровых технологий сопровождения хозяйственной активности бизнес-агентов	320
ЗИМИНА О. С., ФИНОГЕНОВА Ю. Ю. Влияние ESG на банковский сектор: новые возможности	324
ИЩЕНКО А. Н., МИХЕЕВА М. В. Применение средств автоматизации в экономических исследованиях несостоятельности хозяйствующего субъекта	331
ЛИТВИНЕНКО А. Н., ГУСАРОВ И. Е. Информационно-коммуникационная инфраструктура как элемент развития контрактной системы	337
НАЗАРЫЧЕВ Д. В., БОГАТЫРЕВ А. В., ИГОНИНА Е. С., СОЛОВЬЕВ О. Д. Систематизация методов повышения эффективности осуществления функции органа валютного контроля	344
НАУМОВ Ю. Г., ХАЗИЕВ Г. А. Неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности Российской Федерации	349
ШМАНЁВА Л. В. Особенности расслоения экономического пространства как фактор влияния на управление организацией	356

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

БАШЛУЕВА Н. Н., КЛЕМЕНТЬЕВА В. С. Проблема становления личности в современном информационном пространстве	361
ВОЛОБУЕВ Н. А., ГРОШЕВ И. В., ЛОГИНОВ Е. Л., МАЦКЕВИЧ И. М., ЭРИАШВИЛИ Н. Д. Конструирование информационной среды управления образовательным процессом, реализующей функции интеллектуального анализа данных о когнитивных и личностных особенностях обучающегося	366
МАЮРОВ Н. П., ОРОЕВА О. Д. Честь как моральный ориентир в развитии деонтологических основ в законодательстве о службе в органах внутренних дел	374
МЫШКО Ф. Г., ЧЕРНЕГА Е. В. Психологические особенности обучения будущих педагогов и педагогов-психологов	382
ПОЛОЗОВА Т. Ю., АНИКЕЕВА Н. В., КОНЬКОВА А. А. О роли особенностей познавательных процессов в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД	385
ПЕТРОСЯНЦ В. Р., ГРИДЯЕВА Л. Н., ВАЛЕЕВА Г. В., АРПЕНТЬЕВА М. Р. Стили жизнедеятельности студентов и психологическая безопасность образования	391

МАИЛЯН С. С., ЭРИАШВИЛИ Н. Д. О допустимости включения цифрового права в систему права и правоохранительной деятельности в Российской Федерации	399
--	-----

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific Editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and
technics, Doctor of Economic
Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Professor*

N.D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Acting editor-in-chief
A.N. Osipova

Senior editor
V.S. Klementieva

Executive secretary
D.E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
**L.S. Antonenko,
A.I. Antoshina**

With participation of:
M.I. Nikitin

Design and layout:
A.P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the
Agency «Ural-Press» — 84629**

*It is sent for the press 20.12.2021
Contractual price*

**Editorial Staff address:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2.
Tel. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>
[https://www.instagram.com/
mosumvd.official/](https://www.instagram.com/mosumvd.official/)**

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 6 • 2021

JURISPRUDENCE

*Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal Law Sciences
International legal sciences*

ABLYATIPOVA N. A., KRAVTSOVA A. A. Violation of consumer rights in purchasing goods remotely on the Internet: problems of identifying the seller and his bad faith.....	12
AKSENOV V. A. The role and significance of the Anti-Fraud Suite as a special criminological measure to prevent fraud committed through the use of information and telecommunication technologies.....	16
ALEXANDRINA M. A. Implementation of the functions of private international law in the digital economy.....	21
ALEKSANDROVA N. S. Relationship of the concepts “digital rights”, “digital currency” and “digital financial assets”.....	28
ARZUMANIAN D. A. Provision of information by a notary to a lawyer.....	32
BELOZERTSEV S. M., MAMEDOV E. F., KUZNETSOV E. V. Comparative legal study of human odor traces in the Republic of Kazakhstan....	35
BOLSHAKOVA V. M., ZEMLIN A. I., NAUMOV P. YU. Issues of one-time payment to military and employees in connection with the new coronavirus infection pandemic (COVID-2019).....	38
BRYKA I. I., NASIMOV G. A. Proposal to amend Article 11 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	44
BUTBAIA G. M. Rules and agreements of the participants of the national payment system as a way of regulating new forms of settlements beyond the existing legal regulation.....	49
BYCHKOV V. V., KHARCHENKO S. V. Countering the investigation of extremist crimes and measures to overcome them.....	55
VETSKAYA S. A., MULLAGALEEVA L. R. Individual issues of the prosecutor’s implementation of the function of criminal prosecution at the pre-trial stage of criminal proceedings.....	60
GAVRILIN S. A. Modern possibilities of using special knowledge in complex forensic examination of documents.....	66
GASANOV K. K., VOSTROKNUTOV A. L., ZYKOV V. V. Ways to solve urgent problems of social and legal support in the field of employee remuneration law enforcement agencies of the Russian Federation.....	73
GRUDTSYNA L. YU., CHERNYAVSKY A. G. Essence and content of ways to protect intellectual property rights.....	81
GUSENKOVA A. A. Application of video surveillance systems and automated systems of biometric identification of a person in the production of portrait examinations and research (on the example of the hardware and software complex “Safe city”).....	86
GUSTOVA E. V., KULIKOVA M. A. Criminal liability for fraud with the use of electronic means of payment (Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	91
DADABAEV V. K., ROMODANOVSKY P. O., BARINOV E. KH., MURASHEV P. M. Capabilities of radiation diagnostic methods in forensic practice.....	98
DEMİN A. A. On the mechanism of civil law regulation of acquirement and implementation of a subjective right in the digital environment.....	105
DENISOV N. L. Questions of qualification of an attempt on the life of a person administering justice or preliminary investigation.....	109
DZHIKIYA M. D., SHKALENKO A. V., DZHIKIYA A. A. Role of “LegalTech” in professional legal activities modernization.....	114

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii» the reference to the journal is obligatory.

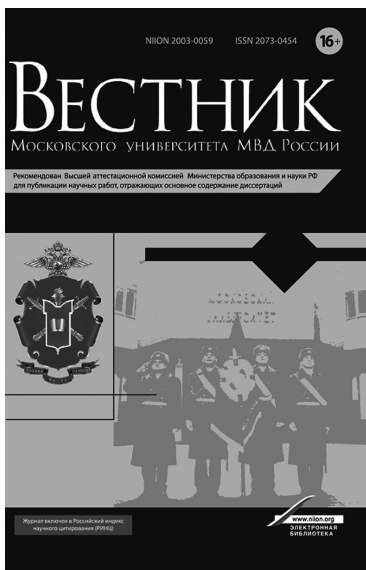
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)

Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

IVANOV A. P., IGNATYEVA S. V. The right to residential premises in civil legislation	120
IVANOV P. I., SHEGABUDINOV R. SH. Criminal law policy in the field of combating organized economic crime associated with corruption in the context of digital transformation.....	124
KAZANTSEV S. YA., KRASIL'NIKOV V. I. Forensic definition of serial crimes	129
KARPOV N. N. On the question of the foundations of the legal theory of secession	134
KOVALEVA O. A. Problematic aspects of legal regulation of the use of digital technologies in the provision of services in the field of housing and communal services	143
KOLOKOLOV N. A. Judicial construction: from the industrial age to the era of the second modern	149
KONOVALOVA E. A., YESINA A. S. Comparative legal analysis of the category “organized criminal group”	161
LARIONOVA L. I. About organized crime in the sphere of economy in the Russian Federation	166
MAYOROVA E. I., ZUBACH A. V., TOMILINA E. E. Legal problems of waste control in the light of the National Programmes of the Russian Federation	171
MAKAROV V. O. Theoretical problems and implementation prospects of regulatory sandboxes (experimental legal regimes) in modern Russia.....	176
MALYKOV'TSEVA E. V. Legal values as a means of harmonizing public and private interest	183
MATIYENKO T. L. From the ashes of the Revolution: on the question of organizational and legal principles of the formation of the Soviet criminal investigation department	187
MOSKOV'TSEVA K. A. Post-revolutionary genesis of the formation and development of the institution of departmental control in the criminal procedure department legislation of the Russian Federation.....	193
MURATOVA S. A. Legislative regulation and legal nature of surrogacy contracts	198
MYSHKO E. F. Legal regulation of civil-legal relations with a foreign element in Russia and Japan	203
NEVEROV A. YA. On the place and role of the constitutional and legal regulation of public relations in the conditions of development of information technologies.....	207
NIKOLAEV B. V., MINASYAN K. T., MINASYAN N. T. Juvenile crime and juvenal justice: North American experience	215
OKSAMYTNYI V. V. Problems of display of legal culture at border legal behavior	221
OSAVELYUK E. A. The relationship between national security and Russia's foreign policy	227
PUZYREVA YU. V., ZAHAROVA A. D. Current directions of international cooperation in combating crimes committed in the field of information technology against children.....	231
SAMOILOV V. D., NURADINOV SH. M., BOYTISOV P. V. Migration security in the context of Russia's geopolitical challenges.....	235
SAUDAKHANOV M. V., ELINSKIY V. I. Features of the economic basis of the constitutional system of the Russian Federation as a system.....	241
SVINOV D. V. About the place and role of the head of the territorial body of internal affairs in the organization of operational and investigative activities ...	245
SEVOST'YANOV M. V. The concept of contractual regulation of cultural activities in the Russian Federation in the context of digitalization of the economy.....	254
SEMOCHKINA A. A. Actual problems of criminal responsibility for pedophilia.....	261
SERPIONOVA A. I. International standards in the field of protection of human and civil rights and freedoms as the basis for the implementation of readmission relations by the EU member states	266
SKACHKO A. V., VANIN D. A. Development of the institute of criminal responsibility for the legalization of money or other property acquired in a criminal way	270
SOYNIKOV S. A. To the question of suppressing an action containing signs of the composition of an administrative offense	274

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of lawenforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of Russia, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, which should publish the main scientific results of the dissertation for the degree of doctor and candidate of science.

Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press» 84629, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

SULEIMENOV N. A. The practice of protecting the rights of entrepreneurs in the CIS countries and far abroad.....	278
SULTANOV K. A., SHIKHNABIEV R. A. Measures taken by employees of the internal affairs bodies to counteract administrative offenses that infringe on the health of citizens.....	285
FEDOROVA I. V., RZHANITSYNA I. A., KLOKOVA D. S. “On the access needle”: why drugs are more widespread among children and ways to control consumption.....	289
CHEMETEVA YU. V. Neologisms in legal discourse: problem of concept explication.....	293
CHERVONYUK V. I. Innovation in law: modern legal technologies in the context of digital reality. Article 7. Innovative technologies of perception and implementation of law.....	298
SHARNO O. I. Digital format for compensation for environmental damage..	305
SHURUKHNOVA D. N., AVETISYAN K. R. Administrative and legal responsibility for improper acoustic accompaniment.....	311
ERIASHVILI N. D., GRIGORIEV A. I., DZHAFAROV N. K. Legislation on taxes and fees – 2021: have the obstacles to the implementation of the provisions of Article 3 of the Tax Code of the Russian Federation been eliminated	315

ECONOMIC SCIENCE

*Mathematical, statistical
and instrumental methods of economics
Regional and sectoral economics
Finance*

ABRAMOV V. I. Outlines of an anti-criminal and anti-corruption model of ensuring economic security based on digital technologies for supporting the economic activity of business agents.....	320
ZIMINA O. S., FINOGENOVA YU. YU. ESG impact on the banking sector: new opportunities.....	324
ISCHENKO A. N., MIKHEEVA M. V. The use of automation tools in economic studies of the insolvency of an economic entity	331
LITVINENKO A. N., GUSAROV I. E. Information and communication infrastructure as an element of the contract system development.....	337
NAZARYCHEV D. V., BOGATYREV A. V., Igonina E. S., SOLOVIEV O. D. Systematization of methods to improve the efficiency of the function of the currency control body	344
NAUMOV YU. G., KHAZIEV G. A. Misuse of insider information and market manipulation as a threat to the economic security of the Russian Federation	349
SHMANEVA L. V. Features of the stratification of economic space as a factor of influence on the management of the organization	356

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

BASHLUEVA N. N., KLEMENTYEVA V. S. The problem of personality formation in the modern information space	361
VOLOBUEV N. A., GROSHEV I. V., LOGINOV YE. L., MATSKEVICH I. M., ERIASHVILI N. D. Designing the information management environment, the educational process that implements the functions of intellectual analysis of data on the cognitive and personal characteristics of the student.....	366
MAYUROV N. P., OROEVA O. D. Honor as a moral guideline in the development of deontological foundations in the legislation on service in the internal affairs bodies.....	374
MYSHKO F. G., CHERNEGA E. V. Psychological features of training future teachers and psychological educators	382
POLOZOVA T. YU., ANIKEEVA N. V., KONKOVA A. A. On the role of the features of cognitive processes in the professional activities of traffic police officers.....	385
PETROSYANTS V. R., GRIDYAEVA L. N., VALEEVA G. V., ARPENTEVA M. R. Student’s styles of life and psychological safety of education.....	391

MAILYAN S. S., ERIASHVILI N. D. On the admissibility of the inclusion of digital law in the system of law and law enforcement in the Russian Federation	399
--	-----

Научная статья

УДК 347.451

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-12-15>

НИОН: 2003-0059-6/21-068

MOSURED: 77/27-003-2021-06-267

Нарушение прав потребителей при приобретении товара дистанционным способом в сети Интернет: проблемы идентификации продавца и его недобросовестности

Наталья Айдеровна Аблятипова¹, Анастасия Алексеевна Кравцова²

^{1,2} Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Республика Крым

¹ ve_na2014@mail.ru, ORCID 0000-0002-4579-3871

² nastia.kravtsova@gmail.com, ORCID 0000-0001-9754-0836

Аннотация. Рассмотрены вопросы нарушения прав потребителей при дистанционной купле-продаже в контексте проблемы идентификации продавца в сети Интернет, приведена классификация основных нарушений. Анализируются трудности доказывания связи между сайтом и продавцом. В работе исследованы информационные обязанности продавца; предлагается их расширение в целях решения проблемы идентификации продавца в сети Интернет.

Ключевые слова: дистанционная купля-продажа, права потребителей, идентификация продавца, информационные обязанности продавца, неисполнение обязательства, ненадлежащее исполнение обязательства

Для цитирования: Аблятипова Н. А., Кравцова А. А. Нарушение прав потребителей при приобретении товара дистанционным способом в сети Интернет: проблемы идентификации продавца и его недобросовестности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 12–15. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-12-15>.

Original article

Violation of consumer rights in purchasing goods remotely on the Internet: problems of identifying the seller and his bad faith

Natalia A. Ablyatipova¹, Anastasia A. Kravtsova²

^{1,2} Russian State University of Justice (Crimean branch), Simferopol, Republic of Crimea

¹ ve_na2014@mail.ru, ORCID 0000-0002-4579-3871

² nastia.kravtsova@gmail.com, ORCID 0000-0001-9754-0836

Abstract. The article is devoted to the issues of violation of consumer rights in remote purchase and sale, in the context of the problem of identification of the seller on the Internet, the classification of the main violations is given. The difficulties of proving the connection between the site and the seller are considered. The paper analyzes the information responsibilities of the seller and suggests their extension in order to solve the problem of identifying the seller on the Internet.

Keywords: remote purchase and sale, consumer rights, seller identification, information obligations of the seller, non-performance of obligations, improper performance of obligations

For citation: Ablyatipova N. A., Kravtsova A. A. Violation of consumer rights in purchasing goods remotely on the Internet: problems of identifying the seller and his bad faith. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):12–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-12-15>.

© Аблятипова Н. А., Кравцова А. А., 2021

Отношения по договору розничной купли-продажи, осуществляемой дистанционным способом при использовании сети Интернет имеют ряд преимуществ: простота, доступность, скорость взаимодействия и др. Однако, в контексте защиты прав потребителей при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства продавцом по данному договору ключевыми проблемами выступают вопросы идентификации продавца, безопасности сделок и добросовестности контрагента, обеспечения реализации информационных прав потребителей.

Проблема идентификации субъектов выступает одной из системных проблемам сети Интернет, в том числе эта проблема связывается и с тем, что разные лица могут взаимодействовать с иными субъектами отношений используя одну и ту же учетную запись [1], IP-адрес не всегда может решить проблему идентификации: он не всегда означает привязку к определенному лицу [4, с. 74; 5, с. 6], использование электронной цифровой подписи также не разрешает указанную проблему в полной мере [3]. В силу технических особенностей сети Интернет осуществить эффективное регулирование таких дистанционных отношений, направленное на охрану и защиту прав их участников не просто. Одновременно указанная проблема идентификации субъектов влечет за собой возможность нарушения прав потребителей со стороны недобросовестных продавцов, которые используют данную особенность сети Интернет, и трудности защиты нарушенных прав. Сложности возникают в доказывании связи между сайтом и продавцом, при нелегальной деятельности продавца, получении потребителем поддельного чека; в суде может быть заявлено ходатайство о направлении судебного запроса в телекоммуникационную компанию, предоставившую продавцу номер телефона [2, с. 75]. Между тем, отсутствуют гарантии того, что таким способом будет идентифицирован продавец, и будет осуществлена эффективная судебная защита нарушенных прав в силу отсутствия сведений об ответчике.

Отличительная черта дистанционного способа продажи товаров в сравнении с другими способами — это невозможность личного ознакомления потребителя с предлагаемым товаром до момента его получения, решение о заключении сделки принимается лишь после ознакомления с товаром при помощи коммуникативных средств (Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 24.04.2018 по делу № 33-3542/2018). Именно поэтому в случае с договором купли-продажи, осуществляемой дистанционным способом при использовании сети Интернет решающее значение имеют информационные права потребителя, как возможность потребителя требовать от продавца предоставления необходимой и достоверной информации о продавце и реализуемых им товарах,

которым корреспондируют соответствующие обязанности продавца (ч. 1 ст. 7, ст. 10 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», п. 17 Правил продажи товаров дистанционным способом, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2007 г. № 612).

При рассмотрении проблемы идентификации продавца для целей защиты нарушенного права в судебном порядке возникает вопрос о том, кто выступает надлежащим ответчиком в суде, в том случае, когда на сайте, через который потребителем осуществлен заказ товара содержатся данные об одном лице, а в момент доставки товара предоставляются документы (например, товарная накладная), из которых следует, что продавец иное лицо. Возможно ли предъявление имущественных и неимущественных требований в случае обнаружения недостатков товара в том числе к лицу, о котором есть сведения на сайте осуществления заказа. Позиция Московского городского суда по данному вопросу заключается в том, что такое лицо является надлежащим ответчиком при наличии следующих условий: а) в материалах дела нет доказательств того, что данное лицо вдет торговую деятельность через интернет-магазин, где был осуществлен заказ товара истцом, либо является владельцем этого сайта, рекламодателем, владельцем электронной площадки (Апелляционное определение Московского городского суда от 20.07.2018 по делу № 33-31790/2018); б) о таком лице хотя и есть информация на сайте, но нет сведений в товарной накладной, поскольку существенные условия договора купли-продажи признаются согласованными, если передача товара была совершена по товарной накладной или иному документу в котором они указаны, лицо указанное в товарной накладной и выступает продавцом по договору (Апелляционное определение Московского городского суда от 18.07.2017 по делу № 33-24162/2017).

Между тем, такой подход создает правовую неопределенность и позволяет действовать недобросовестно продавцу. Так, например, если представители юридического лица, которое указано в товарной накладной в качестве продавца в заседание суда не являются, а судебное извещение, направленное такому лицу, возвращается за истечением срока хранения (Апелляционное определение Московского городского суда от 20.07.2018 по делу № 33-31790/2018), можно предположить, что данное лицо, вероятно, не находится по юридическому адресу, и исполнить решение в части удовлетворенных к нему истцом требований будет затруднительно. Представляется, что в подобной ситуации отрицание причастности к договору лица, о котором содержатся сведения на сайте, посредством которого осуществлен заказ товара не в достаточной мере согласовывается с целью защиты прав потребителей, как экономически более слабой стороны: в мо-

мент осуществления выбора товара необходимо иметь представление о контрагенте. Кроме того, в судебной практике сформировался подход о том, что из анализа положений п. 18 и п. 20 Правил продажи товаров дистанционным способом, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.09.2007 № 612, вытекает, что в случае с договором розничной купли-продажи, осуществляемой дистанционным способом такой договор считается заключенным с того момента, как продавец, направивший оферту получил сообщение от покупателя о намерении приобрести товар, с этим моментом связывается возникновение обязанности передать товар и другие связанные с этим обязанности (Апелляционное определение Челябинского областного суда от 27.06.2017 по делу № 11-7360/2017; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22.02.2018 № 33-4031/2018 по делу № 2-7477/2017; Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 09.04.2018 по делу № 33-4301/2018; Апелляционное определение Саратовского областного суда от 09.10.2019 по делу № 33-7532/2019). Несколько проще правовая ситуация, когда на сайте интернет-магазина указано, что деятельность осуществляется конкретным субъектом предпринимательской деятельности, соответственно, если заказанный товар доставляется покупателю от отправителя иного, лицо, указанное на сайте осуществления заказа, является ответчиком по спорам о защите прав потребителей (Решение Заводского районного суда Кемерово № 2-4201/2015 2-4201/2015-М-3958/2015 М-3958/2015 от 28 сентября 2015 г. по делу № 2-4201/2015).

В Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28.08.2017 г. № 1837-р, предлагается обеспечить защиту прав потребителей в сфере электронной торговли, в том числе в части расширения состава информации о продавце и о товарах, ее размещения на сайтах в сети Интернет, мобильных приложениях продавца. В настоящее время действующее законодательство прямо не предусматривает такой способ исполнения информационных обязанностей продавца при осуществлении продажи товаров дистанционным способом в сети Интернет, как размещение на своем сайте (мобильном приложении) достоверных сведений о продавце и товаре в качестве обязательного. Представляется, что установление законодательного предписания в отношении таких лиц об обязательном размещении на сайте продавца (в мобильном приложении) информации о продавце, включающей сведения из ЕГРЮЛ и ЕГРИП, способствовало бы в некоторой степени разрешению проблемы идентификации продавца в сети Интернет, укреплению защиты прав потребителей. Целесообразно, чтобы сведения о сайте лица, осуществляющего розничную продажу товаров

в сети Интернет (адресе интернет-сайта) представляли собой открытую информацию и содержались в публичных реестрах: ЕГРЮЛ и ЕГРИП, были доступны потребителю путем ознакомления с выпиской из соответствующего реестра.

Из анализа основных нарушений прав потребителей при приобретении товаров дистанционным способом в сети Интернет, указанных в Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28.08.2017 г. № 1837-р, в части проблемы неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств продавца по договору можно выделить три группы нарушений. Первая, основная группа нарушений – собственно неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства по передаче товара в собственность по договору розничной купли-продажи дистанционным способом с использованием сети Интернет, которые находят свое выражение в следующем: а) товар не поставляется продавцом покупателю, оплатившему его; б) покупателю передается товар ненадлежащего качества, либо товар надлежащего качества, который в свою очередь либо не соответствует описанию, либо не отвечает ожиданиям потребителя.

К группе дополнительных нарушений прав потребителей, можно отнести нарушения, которые способствуют в дальнейшем неисполнению или ненадлежащему исполнению обязательств продавцом по передаче товара при осуществлении дистанционной купли-продажи (предшествующие (способствующие) нарушения), и нарушения, вытекающие из неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по такому договору. К группе предшествующих (способствующих) нарушений относятся нарушения информационных прав потребителей, связанные с сокрытием информации о продавце (изготовителе) либо неполным раскрытием таковой информации, либо информации о товаре и его потребительских свойствах. Ко второй группе нарушений, вытекающих из неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности продавца передать товар, относятся: а) уклонение продавцом от рассмотрения требований, предъявленных потребителем; б) невозврат или уклонение от возврата денежных средств, которые были уплачены потребителем по договору.

Как правило, если имеет место собственно неисполнение или ненадлежащее исполнения обязательства продавца по передаче товара потребителю, в комплексе с ним наличествуют способствующие нарушения и (или) вытекающие из неисполнения или ненадлежащего исполнения нарушения, характерно также и то, что продавец, будучи ответчиком по делу, не присутствует в судебном заседании (Решение Ворошиловского районного суда Ростова-на-Дону №

М-2464/2013 2-3092/2013 2-3092/2013~М-2464/2013 от 23 декабря 2013 г.; Решение Тракторозаводского районного суда Челябинска № 2-1287/2019 2-1287/2019~М-883/2019 М-883/2019; Решение Выксунского городского суда Нижегородской области № 2-347/2019 2-347/2019~М-123/2019 М-123/2019 от 21 мая 2019 г. по делу № 2-347/2019), что вызывает некоторые сомнения в возможности беспрепятственно исполнить судебное решение, вынесенное в пользу потребителя.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Сложности осуществления и защиты прав потребителей в отношении купли-продажи, осуществляемой дистанционным способом в сети Интернет, вытекают из взаимосвязи и взаимообусловленности проблем идентификации в сети Интернет, нарушения информационных прав потребителей, что способствует неисполнению или ненадлежащему исполнению обязательства по передаче товара продавцом и вытекающих из этого нарушений. Способствовать повышению гарантий безопасности подобных сделок может законодательное закрепление обязанности раскрывать на сайте продавца информацию о данном лице из ЕГРЮЛ и ЕГРИП, с одновременным расширением сведений указанных реестров данными об адресе интернет-сайта соответствующего субъекта, осуществляющего дистанционную продажу товаров.

Список источников

1. Архипов, В. В., Килинкарлова, Е. В., Мелашенко, Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет : от дистанционной торговли до виртуальной собственности [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2020).
2. Здорovina, Н. В., Нестерова, Т. И. Договор

купли-продажи посредством сети Интернет // Право и практика. Научные труды института Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина в Кирове. 2015. № 1(14). С. 73–76.

3. Иванов Антон «Нам потребуется много новых правовых конструкций» [Электронный ресурс] // Режим доступа: Антон Иванов персональный сайт. URL: http://antonivanov.ru/news/news-1_463.html (дата обращения: 03.09.2020).

4. Красуля, Е. В. Правовой статус интернет-магазина // Наука и современность. 2017. № 2 (12). С. 71–82.

5. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 5–17.

References

1. Arkhipov, V. V., Kilinkarova, E. V., Melashchenko, N. V. Problems of legal regulation of goods turnover on the Internet: from remote trade to virtual property. [Internet resource]. Access: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03.09.2020).

2. Zdorovina, N. V., Nesterova, T. I. The Contract of purchase and sale through the Internet. Law and practice. Scientific works of the Institute of the Moscow state law Academy named after O. E. Kutafin in Kirov. 2015; 1(14):73–76.

3. Ivanov Anton: “We will need a lot of new legal structures” [Internet]. Anton Ivanov personal website. URL: http://antonivanov.ru/news/news-1_463.html (accessed: 03.09.2020).

4. Krasulya, E. V. Legal status of the online store // Science and modernity. 2017; 2(12):71–82.

5. Talapina, E. V. Law and digitalization: new challenges and prospects // Journal of Russian law. 2018; 2(254):5–17.

Информация об авторах

Н. А. Аблятипова – доцент кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым;

А. А. Кравцова – магистрант Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Information about the authors

N. A. Ablyatipova – Associate Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice (Crimean branch), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea;

A. A. Kravtsova – Graduate Student of the Russian State University of Justice (Crimean branch).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-16-20>

НИОН: 2003-0059-6/21-069

MOSURED: 77/27-003-2021-06-268

Роль и значение программного комплекса «Антифрод» как меры специально-криминологического характера в предупреждении мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Вадим Александрович Аксенов

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, guronxx@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено понятие программного комплекса «Антифрод», в том числе законные и подзаконные нормативно-правовые акты, где указанная система нашла свое отражение. Изучен комплекс мер специально-криминологического предупреждения кибермошенничества системы «Антифрод», применяемых в финансово-кредитных организациях. Обозначены проблемы и предложены их решения по функционированию программного комплекса «Антифрод» у операторов сотовой связи.

Ключевые слова: антифрод, мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, предупреждение, роль, система, специальные меры

Для цитирования: Аксенов В. А. Роль и значение программного комплекса «Антифрод» как меры специально-криминологического характера в предупреждении мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 16–20. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-16-20>.

Original article

The role and significance of the Anti-Fraud Suite as a special criminological measure to prevent fraud committed through the use of information and telecommunication technologies

Vadim A. Aksenov

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, guronxx@mail.ru

Abstract. This study examines the concept of the Anti-Fraud software system, including the legal and regulatory framework in which the system is reflected. A set of special criminological measures of cyberfraud prevention of the Anti-Fraud system applied in financial and credit institutions was studied. Problems are outlined and solutions proposed for the functioning of the Anti-Fraud software system for mobile operators.

Keywords: anti-fraud, fraud, information and telecommunication technologies, prevention, role, system, special measures

For citation: Aksenov V. A. The role and significance of the Anti-Fraud Suite as a special criminological measure to prevent fraud committed through the use of information and telecommunication technologies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):16–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-16-20>.

© Аксенов В. А., 2021

Современная модель построения цифрового общества неразрывно связана с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как в рабочей среде людей, так и в процессе их иной жизнедеятельности. Данное явление продемонстрировало ряд негативных моментов, связанных со злоупотреблением их использования со стороны преступников. В целях предотвращения причин и условий, способствующих совершению преступлений данной категории, перед субъектами профилактической деятельности поставлены задачи в выработке системы мер специального характера.

Рассмотрим мнения различных ученых относительно определения понятия «специально-криминологическое предупреждение преступности». А. И. Долгова считает, что данное понятие представляет собой систему влияния на процессы детерминации и причинности преступности, имеющих отношение к отдельным социальным группам, областям деятельности и объектам, определяющихся высокой вероятностью совершения преступлений [1, с. 448–449]. В более широком смысле рассматривает специальное предупреждение преступности В. И. Шульга, определяя его как деятельность по предотвращению, пресечению и раскрытию преступлений; выявлению и устранению детерминант преступности, причин и условий конкретных преступлений; исправлению лиц, от которых можно ожидать совершения или уже совершивших преступления [8, с. 60–61].

Предупреждение мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий специфично и имеет явные отличия от иных преступлений, как в системе применяемых мер предупредительного воздействия, так и непосредственно в субъектах профилактики. Наиболее распространенные специальные меры предупреждения мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, задействованы в системе «Антифрод», представляющих собой программные комплексы, главная цель которых состоит в предупреждении мошеннических операций.

Законодательное закрепление данной системы осуществлено в рамках изменений в Федеральном законе «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ [5], внесенных Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств» от 27.06.2018 № 167-ФЗ. В результате дополнения ст. 8 частью 5.1 операторы переводов денежных средств наделены полномочиями

в блокировании перевода на срок не более 2-х рабочих дней, в том случае, когда выявлены признаки переводов, совершенных без согласия клиента [4]. Признаки осуществления таких переводов установлены приказом Банка России от 27.09.2018 № ОД-2525:

Совпадение сведений о получателе перевода денежных средств, совершенного без согласия клиента, со сведениями из базы данных Центрального Банка России;

Совпадение технических сведений об абонентских устройствах, с помощью которых произведен доступ к программному обеспечению онлайн-банкинга с целью перевода денежных средств без согласия клиента, со сведениями из базы данных Центрального Банка России;

Отсутствие соответствия характера, параметров, объема осуществляемой операции (время суток, день недели, место осуществления операции, устройство, с помощью которого производится транзакция и технические параметры его использования, сумма транзакции, периодичность (частота), получатель средств) операциям, обычно осуществляемым клиентом [2].

В соответствии с изменениями в ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ Банк России наделен полномочиями в получении от финансово-кредитных организаций, операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры сведений о ситуациях и попытках производства транзакций без согласия клиентов. Также Банк России имеет право на получение информации о транзакциях, банковских счетах и вкладах, в которых выявлены случаи или попытки производства перечислений денежных средств без ведома клиента [3].

Системы «Антифрод» производят анализ транзакций, на каждой из которых фиксируется метка, отражающая ее надежность. В её структуру входят три системы: обнаружения, предотвращения и анализа мошенничества. Подозрительные транзакции могут определяться по следующим параметрам:

- размер транзакции;
- уникальный токен банковской карты;
- цифровая метка пользователя;
- IP-адреса оборудования, использующегося при совершении перевода;
- история предыдущих приобретений по банковской карте;
- имеющиеся отказы о переводе денежных средств в прошлом.

В целях установления и приостановления подозрительных операций используются определенные

фильтры и правила, в том числе технологии машинного обучения. Суть правила заключается в снижении условий для совершения мошенничества. Каждому правилу присущи определенные ограничения: общее количество операций за временной промежуток; сумма одной транзакции; перечень банковских карт, с которых конкретный пользователь имеет возможность совершать финансовые операции. Такие меры предупреждают случаи использования мошенником большого количества скомпрометированных банковских карт. В свою очередь, машинное обучение предоставляет возможность в установлении фактов мошеннических действий, когда транзакции по банковской карте не имеют явных признаков хищения, но в тоже время проявляются значительные отличия от привычного ее использования владельцем. Например, в случаях, когда держатель банковской карты осуществляет покупку в сети Интернет с ранее неизвестного устройства, либо через ранее не использовавшийся браузер, это может явиться основанием для проверки личности покупателя. «Антифрод» может запрашивать иную информацию у пользователя банковской карты в случаях возникновения подозрения в мошенничестве, или в автоматическом режиме осуществлять блокировку подобных транзакций [9].

По статистике ФинЦЕРТ Банка России количество мошеннических транзакций увеличилось на 34,0% (773 008 операций за 2020 год против 576 897 операций за 2019 год). Объем подобных транзакций вырос на 52,2%, составив 9777,3 миллиона рублей (за аналогичный период 2019 года — 6425,8 миллиона рублей) [7].

К мерам специального предупреждения преступлений данной категории программного комплекса «Антифрод», предлагаемых Банком России, можно отнести следующие: включение в транзакционный процесс программного обеспечения, требующего подтверждение перевода по альтернативным каналам связи; модернизирование антифрод — систем и увеличение сферы их использования в различных каналах проведения транзакций, в том числе в системах дистанционного банковского обслуживания и онлайн-банкинга. Не менее важной мерой в борьбе с мошенничеством данной категории является внедрение антивирусного программного обеспечения в приложения финансово-кредитных учреждений и дополнительных методик аутентификации пользователей [7].

Иной мерой предупреждения незаконных CNP-транзакций (это операции, при которых продавец не может проверить, есть ли у покупателя карта, и вынужден полагаться на предоставленную последним информацию [10]) является взаимообмен информа-

цией между финансово-кредитными организациями и регистраторами доменных имен о фишинговых интернет-ресурсах (доменные имена, с которых совершаются мошенничества с использованием банковских карт) [9].

Помимо Банка России субъектами предупреждения кибермошенничеств являются Федеральная служба безопасности Российской Федерации и Федеральная служба по техническому и экспортному контролю Российской Федерации. В соответствии со ст. 57.4 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ Банк России обязан согласовывать с Федеральной службой безопасности и Федеральной службой по техническому и экспортному контролю Российской Федерации (ФСТЭК России) обязательные для финансово-кредитных организаций требования по защите банковской информации во избежание переводов денежных средств, совершенных без согласия клиента.

Аналогичные согласования с указанными службами осуществляет Банк России при установлении обязательных для некредитных финансовых организаций мер по защите информации в сфере финансовых рынков, в целях пресечения незаконных финансовых транзакций [6].

В соответствии со ст. 27 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ Органы внутренних дел также могут выступать субъектом специального предупреждения преступлений данной категории в случаях, когда система «Антифрод» финансово-кредитных организаций осуществила приостановление подозрительной операции по счетам злоумышленника, однако для возврата похищенных денежных средств клиенту необходимо обратиться в ОВД с целью вынесения сотрудниками органов предварительного следствия постановления о наложении ареста и осуществления взыскания на денежные средства, находящиеся в финансово-кредитной организации [3].

Следует отметить, что по каждой транзакции, совершенной без ведома собственника денежных средств, оператор по переводу может направить в Банк России информацию о номере обращения клиента в органы внутренних дел (с согласия клиента). В результате обращения граждан в ОВД Банк России получит возможность осуществлять анализ фактов обращений клиентов, у которых осуществлены неправомерные списания с банковских счетов. Полученную по результатам анализа информацию в рамках межведомственного взаимодействия Банк России может направлять в МВД России для повышения уровня раскрываемо-

сти преступлений, в случае, когда денежные средства, переводимые в рамках операции без согласия клиента, снимаются получателем [7].

Отдельно необходимо упомянуть о роли операторов сотовой связи в предупреждении кибермошенничеств. В период с 2019 по 2021 год в схемах совершения мошенничества от имени сотрудника финансово-кредитных учреждений звонки осуществлялись с использованием функции подмены абонентского номера, затрудняющей для правоохранительных органов установление инициатора вызова. При применении системы мер специального предупреждения данного вида мошенничества необходимо обратить внимание на следующие проблемы:

- положения ст. 46 ФЗ «О связи» от 07.07.2003 № 126 о запрете подмены номера вызывающего абонента на практике не работают;
- технические индикаторы подмены номера вызывающего абонента не существуют;
- сложившаяся в России система межоператорского взаимодействия не позволяет эффективно бороться со звонками мошенников;
- оператор связи не имеет права самостоятельно решать за клиента: какие вызовы пропускать, а какие блокировать;
- инструменты выявления и блокировки мошеннических звонков не являются штатными стандартизованными системами оператора связи.

На основе обозначенных проблем выработаны следующие предложения по их решению:

- запрет на прием вызовов с российским ABC-номером из-за границы;
- единые правила идентификации клиентов;
- создание базы данных абонентских номеров мошенников и обязанность операторов связи блокировать звонки, поступающие от них;
- уведомление абонента о подозрительном вызове;
- регулирование бизнеса провайдеров IP-телефонии в России.

Подводя итог, следует отметить, что в будущем нас ожидает рост количества мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, изменение их схем, в том числе методик социальной инженерии, и рисков, связанных с развитием технологий 5G и eSIM. Субъектам специального предупреждения мошенничеств данной категории в лице финансово-кредитных организаций, операторов сотовой связи, правоохранительных органов, провайдеров интернет-услуг и иных организаций необходимо усилить взаимодействие с целью разработки, дополнения и внедрения в практическое поль-

зование новейших технических методик программных комплексов «Антифрод».

Список источников

1. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 912 с.
2. Приказ Банка России «Признаки осуществления перевода денежных средств без согласия клиента» от 27 сентября 2018 № ОД-2525 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71964072/> (дата обращения: 25.07.2021).
3. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 25.07.2021).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств» от 27.06.2018 № 167-ФЗ // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301060/ (дата обращения: 25.07.2021).
5. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 25.07.2021).
6. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 25.07.2021).
7. ФинЦерт Банка России: Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций за 2020 год // [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/32190/Review_of_transactions_2020.pdf (дата обращения: 25.07.2021).
8. Шульга В. И. Криминология : учебное пособие. Владивосток : ВГУЭС, 2008. 132 с.
9. Энциклопедия Лаборатории Касперского // [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/antifraud/> (дата обращения: 25.07.2021).
10. Энциклопедия Лаборатории Касперского // [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/sard-not-present-cnp-fraud/> (дата обращения: 25.07.2021).

References

1. Criminology : textbook for universities / under the general ed. of A. I. Dolgova. 3rd ed., reprint. and additional M. : Norma, 2005. 912 p.

2. Order of the Bank of Russia “Signs of money transfer without the consent of the client” dated September 27, 2018 No. OD-2525 // [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71964072/> / (date of appeal: 25.07.2021).

3. Federal Law “On Banks and Banking Activities” dated 02.12.1990 No. 395-1-FZ // [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (accessed: 25.07.2021).

4. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding countering the theft of funds” dated 27.06.2018 No. 167-FZ // [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301060/ (accessed: 25.07.2021).

5. Federal Law “On the National payment System” dated 27.06.2011 No. 161-FZ // [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (accessed: 25.07.2021).

6. Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)” dated July 10, 2002 No. 86-FZ // [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (accessed: 25.07.2021).

7. FinCERT of the Bank of Russia: Review of transactions performed without the consent of clients of financial organizations for 2020 // [Electronic resource]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/32190/Review_of_transactions_2020.pdf (accessed: 25.07.2021).

8. Shulga V. I. Criminology : textbook. Vladivostok: VSUES, 2008. 132 p.

9. Encyclopedia of Kaspersky Lab // [Electronic resource]. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/antifraud/> (accessed: 25.07.2021).

10. Encyclopedia of Kaspersky Lab // [Electronic resource]. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/sard-not-present-cnp-fraud/> (accessed: 25.07.2021).

Информация об авторах

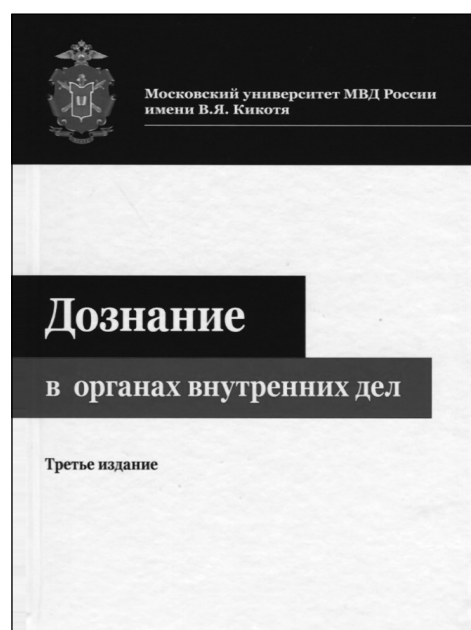
В. А. Аксенов – адъюнкт кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

V. A. Aksenov – Adjunct of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.08.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 26.08.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф.К. Зиннурова, А.С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-21-27>

НИОН: 2003-0059-6/21-070

MOSURED: 77/27-003-2021-06-269

Реализация функций международного частного права в условиях цифровой экономики

Мария Александровна Александрина

Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), Астрахань,
Россия, aleks9999.72@inbox.ru

Аннотация. Подчеркивается роль функций международного частного права в практической реализации правовых норм и, одновременно, в определении направлений, в которых должно осуществляться правовое регулирование отношений, возникающих в современных условиях развития цифровой экономики. С учетом мнения ученых выделяются регулятивная функция (в отраслевом аспекте проявляется в виде коллизионной, унифицирующей, саморегулирующей функций и функции организации общественных отношений), охранительная и воспитательная функции. Исследуются средства реализации функций международного частного права применительно к основным видам общественных отношений, связанных с цифровыми технологиями. Выявлено особое значение функций в определении направлений развития правового регулирования трансграничных частноправовых отношений в условиях цифрового общества.

Ключевые слова: функции права, средства реализации, цифровые технологии, цифровое право

Для цитирования: Александрина М. А. Реализация функций международного частного права в условиях цифровой экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 21–27. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-21-27>.

Original article

Implementation of the functions of private international law in the digital economy

Maria A. Alexandrina

Astrakhan branch of the Saratov State Law Academy (SGLUA), Astrakhan, Russia, aleks9999.72@inbox.ru

Abstract. The role of the functions of private international law in the practical implementation of legal norms and, at the same time, in determining the directions in which the legal regulation of relations arising in the modern conditions of the digital economy development should be carried out is emphasized. Taking into account the opinion of scientists, the regulatory function is distinguished (in the sectoral aspect it is manifested in the form of collisional, unifying, self-regulating functions and the function of organizing public relations), protective and educational functions. The means of realizing the functions of private international law in relation to the main types of social relations associated with digital technologies are investigated. The special importance of functions in determining the directions of development of legal regulation of cross-border private law relations in a digital society is revealed.

Keywords: functions of law, means of implementation, digital technologies, digital law

For citation: Alexandrina M. A. Implementation of the functions of private international law in the digital economy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):21–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-21-27>.

© Александрина М. А., 2021

Стремительно развивающиеся цифровые технологии пронизывают практически все сферы общественной жизни, формируя новое, так называемое информационное общество с его новым качеством общественных отношений, в регулировании которых главная роль принадлежит праву. В этой связи необходимость в содержательном, структурном изменении всей правовой системы выходит на первый план. Международное частное право способно ранее других отраслей адаптироваться к новым условиям цифрового развития государства, общества, экономики, поскольку характеризуется более гибкими методами регулирования, отсутствием в большинстве случаев жесткой привязки к национальному праву, возможностью негосударственного регулирования отношений в соответствии с принципами свободы договора и автономии воли сторон. Поскольку цифровое право находится на начальной стадии формирования, особое внимание следует уделить адаптации действующих правовых норм (в том числе, путем расширительного толкования их содержания) к особенностям общественных отношений в условиях цифрового общества. Поэтому исследование функций международного частного права как направлений воздействия на общественные отношения имеет сегодня важное не только теоретическое, но и практическое значение. Прежде всего, следует остановиться на проблеме реализации функций частных правовых отраслей в современных условиях развития цифровой экономики, обратив особое внимание на средства реализации функций международного частного права.

Если смотреть с позиции соотношения с другими основополагающими категориями права, и, в частности, отдельных отраслей, а именно — с целями, задачами и принципами, то функции можно определить как средства решения задач и, одновременно, как правовое явление, в котором проявляются отраслевые и межотраслевые принципы, и которое осуществляется в соответствии с правовыми принципами. Таким образом, специфика отраслевых функций обусловлена целями и задачами соответствующей отрасли, проявляется в предмете и методах регулирования, присущих ей, и базируется на отраслевых принципах.

Именно через функции осуществляется практическая реализация права, это — стороны и направления его воздействия на общественные отношения [2, с. 9]. Функция понимается и как направление воздействия на общественные отношения [1, с. 73], и как осуществление права, его правовое воздействие в определенном направлении [23, с. 45]. Более точным представляется первое определение, поскольку формулировка «воздействие права в определенном направлении» не отражает значение функции как процесса, а лишь акцентирует внимание на целях, которые должны быть достигнуты в результате воздействия права на обще-

ственные отношения.

Функции права также призваны определять содержание правовых норм. [5, с. 101]. И в условиях зачаточного состояния системы норм цифрового права функции права, прежде всего, определяют направления, в которых должно осуществляться правовое регулирование. Поэтому следует обозначить эти направления, а затем — перспективы реализации функций.

Одним из элементов структуры функции права являются средства ее реализации [22, с. 21–27]. Реализация каждой функции права осуществляется через способы правового регулирования, одним из которых является дозволение – предоставление субъектам возможности действовать по собственному усмотрению. А также средствами реализации функций являются: запрещение, позитивное обязывание и рекомендование [11]. Преобладающим способом реализации функций международного частного права следует считать дозволение.

Общеправовая регулятивная функция, имеющая в международном частном праве особое проявление в виде функции преодоления коллизионной проблемы и унифицирующей функции, предопределяет создание целой системы унифицированных материальных и коллизионных норм, которые будут регламентировать отношения, возникающие в связи с использованием цифровых технологий.

Регулятивная функция в гражданском праве (также как и в других частноправовых отраслях) приобретает отраслевую специфику и выступает в виде отраслевой функции организации общественных отношений [8, с. 123]. Применительно к международному частному праву данная функция реализуется, например, посредством закрепления в Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (с поправками от 15 июня 1999 г.) прав субъектов в сфере защиты персональных данных.

Международному частному праву свойственна саморегулирующая функция как межотраслевая самостоятельная функция частноправовых отраслей. Она базируется на таких правовых принципах как автономия воли, свободы договора и др. [16, с. 49]. Основной способ реализации данной функции – дозволение. Право воздействует на частноправовые отношения с иностранным элементом посредством предоставления участникам таких отношений в определенных сферах самостоятельно определять применимое право к их отношениям в соответствии с коллизионным принципом *lex voluntatis*, исключать применение некоторых норм международных договоров и договариваться о применении международных обычаев и обыкновений, т.е. «заведенного порядка», действующего в течение долгого периода (*lex mercatoria*) [17, с. 61]. Наиболее очевидным показателем реализации данной функции

международного частного права выступают в настоящее время так называемые «умные контракты» или, по-другому смарт-контракты, в которых присутствует иностранный элемент.

Смарт-контракт («интеллектуальный» контракт, «умный» контракт) представляет собой самоисполняемый договор, базирующийся на платформе блокчейн, заключаемый в электронной форме, в котором для ввода в блокчейн всех условий договора используется математический код.

Неоднократно говорилось о корректировке понятия договора в связи с расширением практики использования «умных контрактов», которые могут заключаться и исполняться без участия субъекта гражданского права и нередко относятся к категории непоименованных контрактов, а также в связи с развитием торговли товарами и услугами посредством использования сети «Интернет». Следует обратить внимание на отсутствие специального правового регулирования в данной сфере как на национальном уровне, так и на основе международных источников.

Необходимо вести активную работу по разработке единых языка и инструментов для описания самоисполняемых контрактов. Регулятивная унификационная функция международного частного права указывает на актуальность выработки единых правил конструирования смарт-контрактов через принятие глобальной конвенции в этой интенсивно развивающейся сфере. Проблема определения применимого права к таким контрактам связана с адаптированностью известных коллизионных принципов исключительно к традиционным гражданско-правовым договорам. Например, проблемы определения места заключения смарт-контракта, места исполнения, права страны, с которой он наиболее тесно связан. Распределительный характер обязательства, заключенного в смарт-контракте, предполагает применение личного закона каждого из участников в равной мере, а также участника блокчейна [15, с. 176]. Важным моментом здесь является унификация национального права в целях исключения коллизионной проблемы [20]. В условиях цифровой экономики трансграничный бизнес нуждается в формулировании единообразных материально-правовых норм, в которых закрепляются права и обязанности сторон и которые будут применимы арбитражами [13, с. 98].

Не исключено появление проблемы квалификации, тесно связанной с коллизионной проблемой. И, соответственно, в целях решения вопроса квалификации и преодоления коллизионной проблемы в смарт-контрактах для удобства и быстроты заключения, разрешения возможных споров должен содержаться алгоритм квалификации договорных отношений как международной коммерческой сделки (трансграничной сделки), приоритета применимого права в соот-

ветствии с коллизионным принципом *lex voluntatis*, возможного исключения применения некоторых норм международных договоров и международных обычаев и обыкновений, т.е. «заведенного порядка», действующего в течение долгого периода (*lex mercatoria*). А затем, определяется применимое к договору право на основе коллизионных принципов [14, с. 145], т.е. реализуется коллизионная функция международного частного права. На практике стороны смарт-контрактов в соответствии с принципом автономии воли чаще избирают наиболее предпочтительные правовые системы, более благоприятные к смарт-контрактам. Но в случае нахождения узлов сети распределительного реестра в зонах действия различных юрисдикций имеет место расщепление договорного статута, что значительно затрудняет выбор применимого права [13, с. 103].

Как уже было отмечено, специфика предмета и методов регулирования, целей и задач международного частного права обусловили выделение таких отраслевых функций как коллизионную и унифицирующую [16, с. 50].

Коллизионная функция состоит в выборе компетентного правопорядка, с которым частноправовое отношение международного характера имеет связь. А унифицирующая функция заключается в создании унифицированных норм международных договоров, которые предназначены регулировать частноправовые отношения с иностранным элементом [4, с. 43].

Функции показывают способность права быть регулятором общественных отношений и их реализация возможна только в рамках правового регулирования [21, с. 8]. Однако практически полное отсутствие системного регулирования трансграничных отношений в цифровой среде не позволяет говорить о выделении и полноценной реализации отраслевых функций, опираясь на конкретные нормы. Напротив, построение системы и теоретическое осмысление содержания функций международного частного права с учетом специфики общественных отношений, складывающихся в цифровой среде, будет, наряду с задачами и принципами, определять содержание соответствующих норм.

Учитывая основные направления реализации Федерального проекта, посвященного развитию цифровой экономики на период с 2019 по 2024 годы, на межгосударственном уровне необходимо исследовать возможность заключения международных договоров посредством электронных программ, сделать их исполнение автоматическим государствами-участниками. Таким образом значительно повышается эффективность международных конвенций как правовых регуляторов частноправовых отношений международного характера.

Единая международной база машиночитаемых

нормативно-правовых актов возможно ускорит процессы унификации и гармонизации права и позволит во многих ситуациях исключить появление коллизионных проблем.

Унифицирующая функция международного частного права могла бы предопределить заключение международного соглашения, устанавливающего унифицированные правила определения личного закона физического и юридического лица, а также вводящего механизм электронного взаимодействия национальных реестров юридических лиц. Таким образом, обеспечивается прозрачность формирования и деятельности транснациональных компаний. Это также позволит исключить возникновение параллельных производств о банкротстве.

В цифровую эпоху на первый план выходят проблемы, связанные с защитой персональной информации, идентификацией субъектов отношений, возникающих посредством использования сети «Интернет». Определенные шаги в этом направлении были предприняты на национальном уровне принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и ФЗ от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». На международном уровне охранительная функция международного частного права находит свое выражение в положениях Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (с поправками от 15 июня 1999 г.), где закреплено, что любому лицу должна быть предоставлена возможность знать о существовании автоматизированного файла персональных данных и название, место проживания или место нахождения контролера файла, получать подтверждение того, хранятся ли его данные в автоматизированном файле, добиваться в случае необходимости исправления или уничтожения таких данных, прибегать к средствам правовой защиты в случаях нарушения прав в данной сфере (ст. 8 Конвенции) [10]. В целом Конвенция направлена на защиту физических лиц от злоупотреблений при сборе и обработке персональных данных и на регулирование трансграничного потока персональных данных. Россия присоединилась к данной Конвенции, подписав Протокол к ней 10 октября 2018 г. И в настоящее время Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981г. (с поправками от 15 июня 1999 г.), известная как «Конвенция 108», остается единственным глобальным международным договором в сфере защиты персональных данных.

Требуется своего разрешения и соответствующего регулирования проблема идентификации субъектов: в каких случаях идентификация возможна и необходима; право на использование псевдонима (сетевое имя); право на забвение и «цифровую смерть». В ли-

тературе предлагается два варианта решения данной проблемы: признать виртуальную личность, которую невозможно идентифицировать, самостоятельным субъектом частноправовых отношений, возникающих в сети «Интернет»; признать объектом гражданского права персональные данные [25, с. 7].

Возникновение и эффективное развитие информационных технологий стало возможным благодаря использованию так называемых «облачных» сервисов. Несмотря на рост популярности, удобство и оперативность, с их использованием связаны множество проблем. И прежде всего, это правовая квалификация договора на предоставление права пользования «облачными» сервисами, лицензирование, налогообложение, защита персональных данных. «Облачный» сервис представляет собой автоматизированный способ предоставления вычислительных мощностей (в том числе программного обеспечения) через сеть Интернет по запросу клиента [24].

Вследствие использования «облачных» сервисов обеспечивается безопасность, быстрота и единые правила международных расчетов.

На основе технологии блокчейн первоначально была создана цифровая валюта биткойн, а затем появились и сегодня продолжают создаваться новые криптовалюты, которые активно используются в интернет-торговле в качестве средств платежа. При этом предполагается, что блокчейн-технологии позволяют проводить транзакции быстро, безопасно и без посредников [9, с. 29]. Однако в последнее время использование криптовалют ставится под сомнение, биткойн подвергается жесткой критике из-за постоянного увеличения стоимости содержания лежащей в его основе блокчейн системы [12, с. 83]. Среди других недостатков криптовалют называются: отсутствие законодательной базы и официальных обменных процедур, невозможность аннулирования транзакций и возврата средств в случае мошенничества, уязвимость для взломов криптовалютных платежных систем, отсутствие гарантий исполнения сделок [18, с. 59]. Продолжают развиваться платежные системы, основанные на блокчейн-технологии. Наиболее известна банковская расчетная система SWIFT. Однако в последнее время она проявила уязвимость для хакерских атак. Можно назвать систему GPSG, которая рассматривается как конкурент SWIFT, новую платформу CLS Not и др. [19, с. 116–117].

Проблема использования различных баз данных и доступа к ним проявляется во всех сферах частноправовых отношений. В сфере защиты интеллектуальных прав расширение возможностей единой базы данных, введение единого реестра интеллектуальных прав на основе технологии блокчейн необходимо в условиях цифровой экономики для информационного поиска в целях установления оригинальности, научной новиз-

ны, наличия действующего патента. В итоге, это может привести к созданию единого международного патента, гарантированной охране прав авторов и патентообладателей, созданию более эффективной системы управления авторскими правами.

В сфере отношений интеллектуальной собственности блокчейн-сервисы способствуют осуществлению регистрации интеллектуальных прав, заключению и исполнению лицензионных смарт-договоров, отслеживанию соблюдения интеллектуальных прав на объекты в цифровом имущественном обороте, обнаружению контрафактных или поддельных товаров [9, с. 29–30].

В сфере трудового права специального регулирования требуют заключение и исполнение трудовых договоров без личного контакта сторон (удаленная трудовая деятельность), что особенно актуально в современных условиях. Сейчас активно развивается электронный кадровый документооборот. В РФ создается единая база данных иностранных мигрантов. Она позволит заинтересованным ведомствам обмениваться информацией в целях предоставления мигрантам государственных услуг, информации о вакансиях и позволит оформить патент на работу в режиме онлайн.

Охранительная функция международного частного права в современных условиях цифровой экономики предопределила совершенствование системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров, перевод рассмотрения споров в международных коммерческих арбитражных судов в онлайн-режим. Мировые торговые площадки используют специальные центры урегулирования споров, создаваемые, как правило, цифровыми платформами и функционирующие по собственным правилам [15, с. 180]. Блокчейн-арбитражи могут пойти по иному пути – «адаптироваться» к праву (в частности, к нормам Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) [13, с. 104]. Но, вместе с тем, следует обратить внимание на проблемы, которые могут возникать в процессе признания и исполнения решений, принятых в порядке онлайн-арбитража. Например, относительно формы арбитражного соглашения, которая изначально Нью-Йоркской конвенцией предписывалась только письменная. Но впоследствии ЮНСИТРАЛ допустил возможность расширительного толкования положений Нью-Йоркской конвенции относительно формы арбитражного соглашения, приравняв к ней обмен электронными сообщениями. Законодательство некоторых государств предусматривает возможность заключения арбитражного соглашения в электронном виде. Другая особенность онлайн-арбитража — взаимодействие сторон с арбитрами происходит опосредованно через онлайн-платформу. Это может быть электронная коммуникация в форме непосредствен-

ного видеообщения с одновременным предоставлением данных и необходимых документов различными способами. Законодательство некоторых государств предоставляет сторонам возможность отказаться от устных слушаний. В таком случае арбитр рассматривает спор путем исследования предоставленных сторонами письменных документов. И иногда регламенты предусматривают предоставление документов по делу путем загрузки их на платформе. Однако отсутствие унифицированных норм, регламентирующих процедуру онлайн-арбитражей, может привести к нарушению принципа равенства сторон. Требования к форме арбитражного решения устанавливаются правом того государства, где рассматривается спор, что может привести к невозможности его признания и исполнения в том государстве, законодательство которого не предусматривает электронную форму для такого рода документов [3, с. 135–141].

Потребность в унификации порядка рассмотрения споров, возникающих из смарт-контрактов, предопределила появление так называемого транснационального права электронной торговли (*lex electronica/informatica*), представляющего собой систему международно-правовых норм, которые регулируют отношения, возникающие в результате совершения транснациональных сделок посредством использования цифровых технологий [7, с. 105]. Интересным проектом в сфере создания особой децентрализованной системы разрешения споров стал проект Kleros, суть которого заключается в автоматическом направлении информации в зашифрованном виде в Kleros в случае возникновения спора между сторонами смарт-контракта, после чего происходит случайный отбор арбитров из числа зарегистрированных лиц, использующих токены, которые удостоверяют их права в рамках платформы *rinakoïn*. Арбитры для сторон остаются анонимными. Решение принимается большинством голосов. А члены жюри, оставшиеся в меньшинстве теряют определенное количество токенов, которые переходят остальным арбитрам [6, с. 162–163].

Реализация воспитательной функции права выявляется не так очевидно, осуществляется через дозволения, рекомендации и запреты в процессе адаптации субъектов в цифровом пространстве, формирования нового правосознания участников общественных отношений, возникающих в процессе использования цифровых технологий.

Современные тенденции развития цифровых технологий и применения их в сферах имущественного оборота, оборота и защиты информации, интеллектуальных прав, осуществления и защиты трудовых, наследственных прав и семейных прав, реализации процессуальных прав в гражданском процессе требуют создания совершенно новой системы правовых норм, регулирующих отношения, которые основаны

на цифровых технологиях. И, поскольку специфика современных трансграничных частнопроводных отношений довольно часто предполагает использование цифровых технологий, нормы цифрового права, прежде всего, должны создаваться на международном уровне, образуя подотрасль международного частного права. Содержание таких норм предопределяется (наряду с другими отраслевыми категориями) функциями международного частного права и, впоследствии, уже действующие правовые нормы получают реализацию через осуществление указанных функций.

Список источников

1. Абрамов, А. И. Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 71–83.
2. Байтин, М. И. О принципах и функциях права : новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4–16.
3. Галковская, Н. Г., Вутын, В. Е. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 133–145.
4. Ермолова, О. Н., Максименко, С. Т. О специальных функциях частного права // Юридическая наука. 2017. № 2. С. 42–44.
5. Зайцев, О. В. Сущность и виды функций гражданского права // Legal Concept / Правовая парадигма. 2018. Том 17. № 1. С. 98–103.
6. Засемкова, О. Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 160–167.
7. Казаченок, С. Ю. Развитие LEX ELECTRONICA как предпосылка включения в арбитражное соглашение условия об онлайн-арбитраже // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 5, Юриспруденция. 2014. № 4. С. 104–107.
8. Каравай, Т. В. Понятие и виды функций гражданского права. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2. С. 121–127.
9. Карцхия, А. А. Цифровое право как будущее классической цивилистики // Право будущего : Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1. С. 26–40.
10. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28 января 1981 г.) (с поправками от 15 июня 1999 г.) // Собрание законодательства РФ, 26.12.2005, N 52 (1 ч.), ст. 5573.
11. Константинова, А. В. Реализация функций права // Юрист-Правовед. 2010. №1. URL://http://cyberleninca.ru/article/b/realizatsiya-funktsiy-prava.
11. Липницкий, Д. В. Возможности и вызовы для блокчейн в новой индустриализации // Экономика промышленности. 2019. № 1. С. 82–100.
12. Мажорина, М. В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex Russica*. 2019. № 7. С. 93–107.
13. Мажорина, М. В. Трансграничные договорные обязательства: проблема правовой квалификации // *Право. Журнал высшей школы экономики*. 2016. № 2. С. 143–157.
14. Мажорина, М. В., Терентьева Л. В., Шахназаров Б. А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 5. С. 161–189.
15. Максименко, С. Т. К вопросу о функциях международного частного права // *Вестник СГЮА*. 2015. № 4. С. 47–52.
16. Новикова, Н. А. *Lex mercatoria* как источник международного частного права // *Научный диалог*. 2013. № 12: *Общественные науки*. С. 59–63.
17. Перцева, С. Ю. Криптоиндустрия и платежные системы // *Государственный советник*. 2019. № 2. С. 58–63.
18. Пономаренко, В. Е. Мировой опыт внедрения технологии распределенного реестра в платежной индустрии // *Юридическая наука*. 2017. № 5. С. 113–121.
19. Портнова, Е. В. Некоторые проблемы унификации международного частного права в современном мире // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. 2016. Т. 4, № 2. URL://http://esj.pnzgu.ru ISSN 2307-9525.
20. Рыбаков, В. А. Функции права: критические замечания // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2018. № 3. С. 6–9.
21. Рыженков, А. Я. Компенсационная функция в гражданском праве. Саратов : Изд-во Саратовского университета. 1983, С. 8–28.
22. Рыженков, А. Я. Функции гражданского права : вопросы теории // *Пробелы в российском законодательстве*. 2012. № 4. С. 44–50.
23. Савельев, А. И. Правовая природа «облачных» сервисов : свобода договора, авторское право и высокие технологии. URL://http://wiselawyer.ru/poleznoe/80560-pravovaya-priroda-oblachnykh-servisov-svoboda-dogovora-avtorskoe.
24. Талапина, Э. В. Право и цифровизация : новые вызовы и перспективы // *Журнал российского права*. 2018. № 2. С. 5–17.

References

1. Abramov, A. I. The concept of the function of law // *Journal of Russian Law*. 2006. No. 2. P. 71–83.
2. Baytin, M. I. On the principles and functions of law : new moments // *Jurisprudence*. 2000. No. 3. P. 4–16.
3. Galkovskaya, N. G., Vutyn, V. E. Online arbitration as a means of resolving cross-border economic disputes. *Problems of enforcement of online arbitration decisions* //

- Bulletin of Tomsk State University. Right. 2017. No. 24. P. 133–145.
4. Ermolova, O. N., Maksimenko, S. T. On special functions of private law // *Legal Science*. 2017. No. 2. P. 42–44.
5. Zaitsev, O. V. The essence and types of functions of civil law // *Legal Concept /Legal paradigm/*. 2018. Volume 17. No. 1. P. 98–103.
6. Zasemkova, O. F. Dispute resolution using blockchain technology // *Actual problems of Russian law*. 2019. No. 4. P.160–167.
7. Kazachenok, S. Yu. The development of LEX ELECTRONICA as a prerequisite for the inclusion in the arbitration agreement of the terms on online arbitration // *Bulletin of the Volgogr. State University. Series 5, Jurisprudence*. 2014. No. 4. P. 104–107.
8. Karavay, T. V. The concept and types of functions of civil law // *Bulletin of Omsk University. The series “Law”*. 2016. No. 2. P. 121–127.
9. Kartschiya, A. A. Digital law as the future of classical civil law // *Law of the future : Intellectual property, innovation, Internet*. 2018. № 1. P. 26–40.
10. Convention on the protection of individuals with regard to automatic processing of personal data (Strasbourg, 28 January 1981) (amended June 15, 1999) // *meeting of the legislation of the Russian Federation*, 26.12.2005, N 52 (1 h.), art. 5573.
11. Konstantinov, A. V. Realization of the function of the law // *Lawyer*. 2010. № 1. URL://<http://cyberleninca.ru/article/b/realizatsiya-funktsiy-prava>.
12. Lipnitsky, D. V. Opportunities and challenges for blockchain in the new industrialization // *Industrial economics*. 2019. No. 1. P. 82–100.
13. Mazhorina, M. V. Conflict-of-law and “unjust”, the renovation of the lex mercatoria, smart contracts and blockchain arbitration // *Lex Russica*. 2019. No. 7. P. 93–107.
14. Mazhorina, M. V. Cross-border contractual obligations: the problem of the legal qualifications // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. No. 2. P. 143–157.
15. Mazhorina, M. V., Terentyeva L. V., Shakhnazarov B. A. International private law in the context of the development of information and communication technologies // *Actual problems of Russian law*. 2019. No. 5. P. 161–189.
16. Maksimenko, S. T. On the question of the functions of private international law // *Bulletin of the SSSA*. 2015. No. 4. P. 47–52.
17. Novikova, N. A. Lex mercatoria as a source of international private law // *Scientific Dialogue*. 2013. No. 12: Social Sciences. P. 59–63.
18. Pertseva, S. Yu. Crypto industry and payment systems // *State Adviser*. 2019. No. 2. P. 58–63.
19. Ponomarenko, V. E. World experience in implementing distributed registry technology in the payment industry // *Legal Science*. 2017. No. 5. P. 113–121.
20. Portnova, E. V. Some problems of unification of private international law in the modern world // *Electronic scientific journal “Science. Society. The state”*. 2016. Vol. 4, No. 2. URL://<http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525.
21. Rybakov, V. A. Functions of law : critical remarks // *Bulletin of Omsk University. The series “Law”*. 2018. No. 3. P. 6–9.
22. Ryzhenkov, A. Ya. Compensation function in civil law. Saratov : Publishing House of Saratov University. 1983, P. 8–28.
23. Ryzhenkov, A. Ya. Functions of civil law : questions of theory // *Gaps in Russian legislation*. 2012. No. 4. P. 44–50.
24. Saveliev, A. I. The legal nature of “cloud” services: freedom of contract, copyright and high technologies. URL://<http://wiselawyer.ru/poleznoe/80560-pravovaya-priroda-oblachnykh-servisov-svoboda-dogovora-avtorskoe>.
25. Talapina, E. V. Law and digitalization : new challenges and prospects // *Journal of Russian Law*. 2018. No. 2. P. 5–17.

Информация об авторе

М. А. Александрина – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), кандидат юридических наук.

Information about the author

M. A. Alexandrina – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Astrakhan branch of the Saratov State Law Academy (SGLUA), Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-28-31>

НИОН: 2003-0059-6/21-071

MOSURED: 77/27-003-2021-06-270

Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив»

Наталья Сергеевна Александрова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия, natalex034@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6173-3676>

Аннотация. Рассматриваются понятия цифрового права, цифрового финансового актива и цифровой валюты применительно к действующему законодательству России. Предметом исследования являются некоторые новеллы Федерального закона № 259-ФЗ от 31.07.2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Цель работы заключается в соотношении рассматриваемых понятий. Методологическую основу работы составляют метод научного анализа, сравнительно-правовой метод. Результатом работы является выявление общих черт и различий рассматриваемых понятий. Областью применения результатов выступают теоретические исследования отечественных ученых, практическое использование рассматриваемых новелл. Автором сделаны выводы о неоднородной природе понятия «цифровая валюта», отсутствии обязанного лица применительно к последней.

Ключевые слова: цифровое право, цифровая валюта, цифровой финансовый актив, эмиссионная бумага, денежное требование, иное имущество, электронные данные, цифровая среда

Для цитирования: Александрова Н. С. Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 28–31. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-28-31>.

Original article

Relationship of the concepts “digital rights”, “digital currency” and “digital financial assets”

Natalia S. Aleksandrova

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation, natalex034@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6173-3676>

Abstract. This article discusses the concepts of digital law, digital financial asset and digital currency in relation to the current legislation of Russia. The subject of the study is some novelties of the Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation». The purpose of the work is to correlate the concepts under consideration. The methodological basis of the work is the method of scientific analysis, the comparative legal method. The result of the work is to identify common features and differences of the considered concepts. The field of application of the results is theoretical research of domestic scientists, the practical use of the novels under consideration. The author draws conclusions about the heterogeneous nature of the concept of «digital currency», the absence of an obligated person in relation to the latter.

Keywords: digital law, digital currency, digital financial asset, issue paper, monetary claim, other property, electronic data, digital environment

For citation: Aleksandrova N. S. Relationship of the concepts “digital rights”, “digital currency” and “digital financial assets”. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):28–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-28-31>.

© Александрова Н. С., 2021

С принятием Федерального закона № 259-ФЗ от 31.07.2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] (далее — ФЗ-259) законодателем предпринята попытка создания базиса нормативного регулирования сферы цифровых активов. Долгое время отечественное законодательство никак не регулировало цифровые права и оборот цифровых валют, весьма сдержанно и даже с опасением подходу к правовому регулированию рассматриваемых процессов. Актуальность темы статьи обусловлена стремительной интеграцией цифровой среды практически во все сферы жизни современного общества, вектор развития государственных программ в цифровом секторе (ссылка на программу цифровая среда). Целью настоящей статьи является соотнесение некоторых понятий, предусмотренных новеллами ФЗ-259. Задачами исследования является анализ понятий «цифровое право», «цифровой финансовый актив», «цифровая валюта», выявление их общности и противоречий.

Термин «цифровой финансовый актив» (далее — ЦФА) в научных работах практически не встречался и был предложен рабочей группой в ходе работы над первой версией законопроекта. В науке гражданского права интерес ученых вызывала сама природа цифровых прав и цифровой валюты. Высказывались точки зрения о возможности выделения цифрового права в отдельную отрасль права, регулируемую отношения, скальвающиеся в случае применения цифровых технологий и (или) с использованием цифровых данных [8]. Позднее стало ясно, что понятие «цифровое право» представляется слишком многоаспектным, чтобы применять его исключительно к цифровым валютам и финансовым активам. Разнообразие отношений, так или иначе регулируемых цифровым правом, обуславливает проблематичность определения метода регулирования, что приводит к отсутствию возможности выделения цифрового права в подотрасль права [5].

В разрезе финансового применения цифровых активов интерес отечественных цивилистов изначально сконцентрировался на цифровых валютах и их природе. Часть исследователей высказывалась о схожести свойств цифровых валют с деньгами [6]. Тем не менее, большинство исследователей относил цифровую валюту к имущественной категории [1, 2].

Необходимо отметить, что с принятием Федерального закона 259-ФЗ вопросы определения природы рассматриваемых понятий не сняты. Под цифровыми финансовыми активами законодатель понимает «цифровые права, включающие денежные требования, воз-

можность осуществления прав, связанных с эмиссионными ценными бумагами, при условии обращения в информационной системе». В качестве операторов таких информационных систем могут выступать юридические лица, удовлетворяющие целому ряду требований, отсекающих подавляющее большинство субъектов. Думается, столь жесткий отбор субъектов, способных осуществлять операторскую деятельность введён в связи со слабой исследованностью описываемой сферы. За некорректное регулирование информационной системы предусмотрена ответственность в виде обязанности возместить убытки пользователям информационной системы.

Исходя из законодательного определения цифровых финансовых активов, возможно сделать следующие выводы. Во-первых, подтверждается точка зрения о многообразии понятия цифровых прав и невозможности их отнесения исключительно применительно к финансовым инструментам. Федеральный закон рассматривает лишь часть цифровых прав, сопряженных с денежными требованиями или обращением эмиссионных бумаг в заданной информационной системе. Во-вторых, предметом цифровых прав, обусловленных ЦФА, могут выступать деньги, а точнее, денежные требования. В отечественной науке нет единого подхода к сущности денежного требования. В широком смысле оно представляет собой обязанность передать определённую сумму денег. В узком смысле денежное требование сопряжено с понятием долга. Применительно к рассматриваемой ситуации, учитывая, что записи распределенного реестра о принадлежности цифровых финансовых активов их владельцу носят по сути функцию титула, и сами по себе не означают наличие в любой момент времени у субъекта цифровых прав материальных денег, обусловленных названным ЦФА (ведь для материализации ЦФА необходимо предъявить денежное требование), допустимо предположить, что обладатель ЦФА является кредитором либо должником по отношению к стороне сделки, заключенной в рамках информационной системы.

Далее, ЦФА может являться выражением прав, связанных с эмиссионными ценными бумагами, участием в уставном капитале непубличного акционерного общества. Последнее является ещё одной новеллой, дополняя ранее закреплённый перечень возможного вклада в уставный капитал акционерного общества. Следует отметить, что практике известны случаи внесения в уставный капитал общества цифровой валюты. Неясна логика законодателя в презумпции возможности внесения ЦФА в уставный капитал исключительно непубличных акционерных обществ. почему

остальные коммерческие организации, к примеру, общества с ограниченной ответственностью, оставлены за бортом новых возможностей формирования уставного капитала. Означает ли это, что законодатель под ЦФА подразумевает, главным образом, виртуальные или, скажем, цифровые акции, которые будут являться разновидностью бездокументарных ценных бумаг? Исходя из действующих формулировок, скорее всего, ответ утвердительный. Но в таком случае, что конкретно представляет собой цифровой финансовый актив, включающий денежное требование?

Таким образом, определяя понятие ЦФА, законодатель указал на применимость онога к обороту эмиссионных ценных бумаг, а также к денежным требованиям в условиях существования в информационной системе. Сама информационная система при этом предусматривает возможности заключения сделок по обмену ЦФА.

Цифровая валюта представляет собой электронные данные, которые могут быть приняты в качестве средства платежа и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед их обладателями. Вынуждены отметить неопределённость такого понятия. Признание в законодательстве возможности использования в качестве средства платежа приближает цифровую валюту к понятию денег. Само по себе определение круга законных платежных средств является исключительной прерогативой государства. Исторически государственный контроль денежной системы стал возможен лишь в результате монополии на чеканку монет и установления обязанности граждан использовать их в качестве законного средства платежа [3]. Далее само определение «цифровая валюта», а точнее, наличие в нём термина «валюта», который в наименовании ст. 140 Гражданского кодекса РФ, приведён в качестве синонима денег, также свидетельствует о близости к денежной природе. В то же время рассматриваемым законом установлен запрет на использование цифровой валюты в качестве встречного представления за передаваемые товары или оказываемые услуги. Впрочем, физические лица, находящиеся на территории России менее полугодя в течение 12 месяцев, под указанный запрет не подпадают. Одновременно с изложенным в целый ряд нормативно-правовых актов внесены поправки о признании цифровой валюты имуществом. Такая разрозненность позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода государства к сущности цифровой валюты.

Как следует из сказанного, понятие ЦФА сопряжено с денежными требованиями и эмиссионными бума-

гами, а сам ЦФА может быть подвергнут обмену между участниками информационной системы. Сведения об участниках содержатся в реестре информационной системы, что позволяет установить обязанное по обязательству лицо. Цифровая же валюта представляет собой имущественную категорию, при этом обязанное лицо отсутствует. Не смотря на закрепление возможности оборота цифровой валюты, принципы и основные критерии такого оборота законодателем не установлено. Судебная защита требований, связанных с оборотом цифровой валюты, возможно лишь при условии декларирования о наличии такой валюты.

Думается, описанные пробелы в регулировании цифровой валюты обусловлены недостаточной теоретической разработанностью понятий цифровой среды, а также неясностью возможной степени государственного регулирования оборота цифровой валюты. Фактически оборот существует давно, однако действенных механизмов по контролю в описанной сфере пока не предложено. Проблема регулирования и контроля деятельности актуальна во многих сферах гражданского оборота в условиях экспансии цифровой среды [9]. По справедливому замечанию некоторых исследователей, именно благодаря функциям координации и взаимодействия органов государственной власти в процессе контроля повышается эффективность государственного управления [4].

Очевидно, законодательство о цифровых финансовых активах будет совершенствоваться. Законодателю необходимо определить, являются ли цифровые валюты имуществом или же в перспективе альтернативой денежным средствам. От избранного зависят, в том числе, возможности защиты цифровых прав.

Список источников

1. Гаврилов, В. Н., Рафиков, Р. М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // ВЭПС. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-obekt-grazhdanskih-prav-v-zakonodatelstve-rossii-i-ryada-zarubezhnyh-gosudarstv> (дата обращения: 29.09.2020).
2. Конобеевская, И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyi-obekt-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 29.09.2020).
3. Кучеров, И. И. Законное платежное средство как категория финансового права // Журнал российского права. 2014. № 8 (212). URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/zakonnoe-platezhnoe-sredstvo-kak-kategoriya-finansovogo-prava (дата обращения: 29.09.2020).

4. Маилян, С. С., Миронов, А. Л. Некоторые вопросы по повышению эффективности государственного управления // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-po-povysheniyu-effektivnosti-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 29.09.2020).

5. Рожкова, М. А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 3–13.

6. Савельев, А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–154.

7. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5018.

8. Цифровое право : учебник / [Егорова М. А., Блажеев В. В.]; Под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва : Проспект, 2020. 640 с.

9. Agnessa O. Inshakova, Ludmila A. Chegovadze, Tatyana V. Deryugina. Legal realisation of information technology activities of the government-owned corporations : automation of management and control // IOP Conference Series : Materials Science and Engineering. Issue 1, 20 March 2019. Vol. 483.

References

1. Gavrilov, V. N., Rafikov, R. M. Cryptocurrency as an object of civil rights in the legislation of Russia and a number of foreign states // VEPS. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-obekt-grazhdanskih-prav-v-zakonodatelstve-rossii-i-ryadazarubezhnyh-gosudarstv> (date of access: 29.09.2020).

2. Konobeevskaya, I. M. Digital rights as a new object of civil rights // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Economy. Management. Right. 2019. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyiy-obekt-grazhdanskih-prav> (date of access: 29.09.2020).

3. Kucherov, I. I. Legal tender as a category of financial law // Journal of Russian Law. 2014. № 8 (212). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonnoe-platezhnoe-sredstvo-kak-kategoriya-finansovogo-prava> (date of access: 29.09.2020).

4. Mailyan, S. S., Mironov, A. L. Some questions on improving the efficiency of public administration // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-po-povysheniyu-effektivnosti-gosudarstvennogo-upravleniya> (date of access: 29.09.2020).

5. Rozhkova, M. A. Is digital law a branch of law and should we expect the appearance of a Digital Code? // Economy and Law. 2020. No. 4. pp. 3-13.

6. Saveliyev, A. I. Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights // Law. 2017. No. 8. P. 136–154.

7. Federal law of 31.07.2020 No. 259-FZ “On digital financial assets digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. St. 5018.

8. Digital law : textbook / [M. A. Egorova, V. V. Blazheev]; ed. by V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow: Prospect, 2020. 640 p.

9. Agnessa O. Inshakova, Ludmila A. Chegovadze, Tatyana V. Deryugina. Legal realisation of information technology activities of the government-owned corporations : automation of management and control // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Issue 1, 20 March 2019. Vol. 483.

Информация об авторе

Н. С. Александрова – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Information about the author

N. S. Aleksandrova – Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-32-34>

НИОН: 2003-0059-6/21-072

MOSURED: 77/27-003-2021-06-271

Предоставление нотариусом информации адвокату

Диана Альбертовна Арзуманян

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, arzumanyandiana01@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы получения адвокатом сведений, связанных с совершением нотариальных действий в отношении его доверителя. Являясь представителем, адвокат вправе направить адвокатский запрос нотариусу и осуществить контроль за своевременностью и полнотой ответа на обращение. Данная процедура позволит максимально полно осуществлять квалифицированную юридическую помощь адвокатом и нотариусом, сокращая количество споров, которые могут возникнуть в будущем.

Ключевые слова: адвокатура, нотариат, правозащитная деятельность, удостоверение сделок, волеизъявление, правоспособность, дееспособность, договор

Для цитирования: Арзуманян Д. А. Предоставление нотариусом информации адвокату // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 32–34. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-32-34>.

Original article

Provision of information by a notary to a lawyer

Diana A. Arzumanian

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, arzumanyandiana01@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues of obtaining information related to the performance of notarial acts in respect of his principal. Being a representative, a lawyer has the right to send a lawyer's inquiry to a notary and exercise control over the timeliness and completeness of the response to the appeal. This procedure will enable the attorney and the notary to render qualified legal assistance to the maximum extent possible, reducing the number of disputes that may arise in the future.

Keywords: advocacy, notariat, human rights activities, certification of transactions, expression of will, legal capacity, capacity, contract

For citation: Arzumanian D. A. Provision of information by a notary to a lawyer. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):32–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-32-34>.

Основными принципами, пронизывающими деятельность нотариуса, является независимость и беспристрастность осуществляемой деятельности. Под независимостью понимается недопустимость вмешательства третьих лиц в деятельность нотариуса. Беспристрастность заключается в том, что нотариус не отдает предпочтение какой-либо из сторон, умалять права и законные интересы заявителей.

Сохранение сведений, полученных нотариусом в

рамках осуществления нотариальной деятельности, является залогом реализации защиты прав и свобод лиц, обратившихся к нему. В соответствии с Указом Президента РФ от 06 марта 1997 года № 188, нотариальная тайна, так же, как и адвокатская, отнесены к тем сведениям, доступ к которым ограничен законом.

В правоприменительной практике возникают проблемы, связанные с отсутствием терминологического значения «нотариальной тайны» и должного правового

© Арзуманян Д. А., 2021

го механизма его обеспечения.

Закон не закрепляет перечень сведений, не подлежащих разглашению нотариусом. Данный вопрос пытаются решить представители юридической науки. С. П. Гришаев предлагает понимать под нотариальной тайной сведения, которые получил нотариус, осуществляя определенное нотариальное действие [1, с. 24]. И. Соловьев относит к нотариальной тайне только лишь те сведения, которые нашли свое отражение на бумажных носителях, выданных нотариусом заявителям [2, с. 65].

На наш взгляд, обозначения терминологии, предлагающиеся представителями науки, охватывают не весь спектр сведений, которыми обладает нотариус.

Нами предлагается следующее значение.

Нотариальная тайна охватывает любые сведения, которые были сообщены нотариусу или лицу, работающему в нотариальной конторе, в рамках совершения нотариального действия, так и факт обращения лица.

Статья 5 Основ законодательства РФ о нотариате освещает круг субъектов, имеющих право получить сведения от нотариуса.

Адвокаты вправе реализовать свои полномочия по получению сведений от нотариуса в рамках части 3 статьи 5 Основ законодательства РФ о нотариате. Сведения или документ, удостоверенный нотариально, может быть выдан исключительно лицу от имени или по поручению которого совершено указанное действие.

Нотариус выдает сведения в форме выписок из реестра, которая содержит подпись и скрепляется печатью.

Важнейшим шагом в развитии взаимодействия адвоката и нотариуса в рамках осуществления правозащитной деятельности, является создание публичного реестра отмененных доверенностей, целью которого является предоставление гражданам сведений об отмененных доверенностях. Информация является открытой и находится в свободном доступе. Адвокату следует знать реестровый номер, дату удостоверения документа, кто удостоверил.

Публичный реестр позволяет решить две проблемы, возникающие на практике. Во-первых, уменьшается количество сделок, которые могли быть заключены по недействующим доверенностям. Во-вторых, нотариат разгружает суды, в части исков о признании сделки, совершенной представителем, недействительной.

Третьи лица считаются извещенными об отмененной доверенности на следующий день после регистрации соответствующих сведений об этом в ЕИС (абзац 4 пункта 1 статьи 189 ГК РФ).

Дополнительной гарантией защиты прав является простановка нотариусом индивидуального QR-кода на документах, а также внесение в ЕИС скан-образа доверенности.

В соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (далее — ФЗ об адвокатуре), адвокат вправе истребовать любые сведения путем направления запроса в установленном законом порядке.

Рассматривая «адвокатский запрос» в качестве инструмента, служащего дополнительным способом защиты прав и законных интересов заявителя, необходимо отметить важность его роли в механизме взаимодействия с нотариусом.

ФЗ об адвокатуре предусмотрел общий срок для ответа на адвокатский запрос — месяц. На наш взгляд, основной характеристикой взаимоотношений адвоката и нотариуса является их оперативность в оказании квалифицированной юридической помощи. В виду чего нами предлагается установить более короткий срок для выдачи ответа нотариусом — 10 рабочих дней.

Ответственность за отсутствие ответа на адвокатский запрос предусмотрена нормой ст. 5.39 КоАП РФ, санкция которой предусматривает штраф в размере от 5 тысяч до 10 тысяч. В современных условиях, указанная санкция является малозначительной.

Нами предлагается введение ответственности, схожей с процедурой обжалования постановления нотариуса в нотариальную палату субъекта. В случае неправомерного отказа, несвоевременного ее предоставления либо предоставления заведомо недостоверной информации, адвокат вправе обжаловать действие нотариуса в нотариальную палату с правом ходатайства о рассмотрении вопроса в составе Комиссии с представителями палаты.

Данная процедура позволит адвокату более эффективно осуществить контроль за деятельностью нотариуса в части получения ответа на адвокатский запрос.

Список источников

1. Гришаев, С. П. Право на неприкосновенность частной жизни // Гражданин и право. 2012. № 11, 12.
2. Соловьев, И. Правовой режим доступа к нотариальной и журналистской тайне // Налоговый вестник. 2012. № 6.

References

1. Grishaev, S. P. The right to inviolability of private life // Citizen and law. 2012. No. 11, 12.

2. Soloviev, I. The legal regime of access to notarial and journalistic secrets // Tax Bulletin. 2012. No. 6.

3. Репин, В. С. Настольная книга нотариуса (теория и практика). М. : Юрид. Лит. 1994. 288 с.

Библиографический список

1. Галушкин, А. А., Грудцына, Л. Ю. Современные проблемы и тенденции адвокатуры. М. : РУДН, 2015.

2. Рагулин, А. В. Профессиональные права адвоката-защитника в России : история развития и современное состояние [Электронный ресурс] [Текст] : монография. 2-е изд., стереотипное. М. : Изд. «ФЛИНТА», 2016. 137 с.

Bibliographic list

1. Galushkin, A. A., Grudtsyna, L. Yu. Modern problems and trends of advocacy. Moscow : RUDN, 2015.

2. Ragulin, A.V. Professional rights of a defense lawyer in Russia : history of development and current state [Electronic resource] [Text] : monograph. 2nd ed., stereotype. M. : FLINT Publishing House, 2016. 137 p.

3. Repin, V. S. Notary's handbook (theory and practice). Moscow : Jurid. Lit. 1994. 288 p.

Информация об авторе

Д. А. Арзуманян – соискатель Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

D. A. Arzumanian – Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 14.05.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Нотариат. Под ред. Г.Б. Мирзоева, Н.Д. Эриашвили, М.Н. Илюшиной. 7-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 335 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Представлена история становления и организация нотариатов в Российской Федерации; дана характеристика норм права, регулирующих общественные отношения, возникающие при удостоверении нотариусами бесспорных прав и фактов; рассмотрены вопросы свидетельствования документов, выписок из них, оформления наследственных прав, придания документам исполнительной силы и выполнения других предусмотренных законом действий в целях обеспечения защиты прав и интересов граждан и юридических лиц.

Учтены последние изменения в законодательстве о нотариате и проанализированы новые нормативные акты, относящиеся к нотариальной деятельности.

Для студентов и аспирантов юридических вузов, а также руководителей хозяйствующих субъектов.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-35-37>

НИОН: 2003-0059-6/21-073

MOSURED: 77/27-003-2021-06-272

Сравнительно-правовое исследование запаховых следов человека в Республике Казахстан

Сергей Михайлович Белозерцев¹, Эльшан Фахраддинович Мамедов², Евгений Викторович Кузнецов³

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, zuyn03@mail.ru

² Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, docentmamedov@mail.ru

³ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, kev300579@gmail.ru

Аннотация. Осуществлено сравнительно-правовое исследование запаховых следов человека в Республике Казахстан. Рассмотрены одорологические исследования, которые позволяют работать с запаховыми следами и использовать запаховую информацию в процессе раскрытия и расследования преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: одорологические исследования, государства СНГ, преступления, криминалистические методы, сравнительный анализ

Для цитирования: Белозерцев С. М., Мамедов Э. Ф., Кузнецов Е. В. Сравнительно-правовое исследование запаховых следов человека в Республике Казахстан // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 35–37. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-35-37>.

Original article

Comparative legal study of human odor traces in the Republic of Kazakhstan

Sergey M. Belozertsev¹, Elshan F. Mamedov², Evgeny V. Kuznetsov³

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, zuyn03@mail.ru

² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, docentmamedov@mail.ru

³ Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, alalkuz@mail.ru

Abstract. In the article the comparative legal study of human odor traces in the Republic of Kazakhstan is carried out. Within the framework of the article, odorological studies were considered, which allow working with odor traces and using odor information in the process of disclosure and investigation of crimes, including grave and especially grave ones on the territory of the Russian Federation.

Keywords: odorological studies, CIS states, crimes, forensic methods, comparative analysis

For citation: Belozertsev S. M., Mammedov E. F., Kuznetsov E. V. Comparative legal study of human odor traces in the Republic of Kazakhstan. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):35–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-35-37>.

В рамках нашей статьи речь пойдет об одорологических исследованиях, которые позволяют работать с запаховыми следами и использовать запаховую информацию в процессе раскрытия и расследования преступлений. Будучи относительно свежим криминалистическим методом, одорологическое исследование

вызывает массу споров, как в среде ученых — криминалистов, так и среди практикующих юристов, которые зачастую не могут найти универсального подхода к данному методу в системе доказывания.

В этой связи особый интерес приобретает передовой опыт зарубежных государств, с целью решения

© Белозерцев С. М., Мамедов Э. Ф., Кузнецов Е. В., 2021

вопроса об имплементации положительного опыта в деятельность правоохранительной системы Российской Федерации. В частности, в рамках нашей статьи нами будут рассмотрены особенности применения ольфакторного метода в Российской Федерации и в Республике Казахстан. Безусловно, главным образом нами будет рассмотрено применение одорологического метода в странах-участницах СНГ, так как по ряду признаков указанные государства являются наиболее приближенными друг к другу как в уголовно-процессуальном, так и в криминалистическом аспектах.

Исследование запаховых следов человека в Республике Казахстан проводится на протяжении продолжительного времени и его востребованность практикой раскрытия и расследования преступлений определяется особенностями ольфакторного метода, позволяющими устанавливать личность преступника даже в тех случаях, когда это невозможно сделать средствами иных исследований. Однако, эти исследования не входят в перечень видов исследований, выполняемых в экспертном подразделении органов внутренних дел Республики Казахстан, то есть, процессуально не закреплены и, соответственно, не рассматривается судами как источник доказательств.

Данное исследование (речь об ольфакторном методе) представляет собой средство, которое не используется, хотя может помочь правоохранительным органам в решении их задач. Вопрос о статусе доказательств, полученных в результате ольфакторного исследования до сих пор является открытым как в науке криминалистике, так и в уголовно-процессуальной науке. В данной ситуации есть необходимость обращения к зарубежному опыту, который демонстрирует успешное применение в судах результатов этого вида исследований [1, с. 260].

При проведении настоящего сравнительно-правового анализа запаховых исследований считаем более корректен будет выбор для сравнения именно стран-участниц СНГ, в связи с тем, что наши страны продолжительное время находились в общем правовом пространстве, но и, разделившись, все также остались в романо-германской правовой семье [5, с. 233].

Следует отметить, что несмотря на специфичность результатов, полученных с помощью одорологической экспертизы, в юридической практике Российской Федерации отсутствуют факты признания доказательств, полученных данными методами недопустимыми [6, с. 148].

По нашему мнению, процессуальное закрепление результатов одорологической выборки невозможно в том виде, в котором она сейчас существует, хотя принципы выборки и одорологического исследования одни, но без соблюдения методики подготовки собак, алгоритма проведения исследования и наличия квалификации лица, проводящего данное исследование, есть вероятность погрешности, что недопустимо для

применения в процессе доказывания [3, с. 33–34].

Вместе с тем, в действующий на настоящий момент уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан внесено условие, при котором по проведенному исследованию специалиста назначают экспертизу «заключение специалиста не является обязательным для органа, ведущего уголовный процесс, однако его несогласие с заключением должно быть мотивировано». Еще одним из доводов в пользу именно экспертного исследования запаховых следов человека является сторонняя подведомственность лиц, проводящих исследования и ведущих уголовное преследование (Министерство Юстиции и МВД соответственно) [4, с. 68].

Другим вариантом процессуального закрепления исследования запаховых следов человека является заключение специалиста-криминалиста МВД, имеющего право на производство данных исследований. Кроме того, в свете последних изменений внесенных в УПК РК, а именно включение статьи 117 «Заключение и показания специалиста», регламентирующей порядок проведения исследования для составления заключения специалиста, усилило доказательственную значимость данного заключения. Также на стороне этой позиции нахождение в ведомстве одорологических лабораторий, кинологического центра, многолетний опыт работы со служебно-разыскными собаками и собаками-биодетекторами [2, с. 169–196].

Сравнивая два данных способа внедрения результатов одорологических исследований в деятельность правоохранительных органов Республики Казахстан, следует отметить, что оба они в равной степени позволяют решить существующую в данном государстве проблему с процессуальным статусом доказательств, полученных в результате их проведения. Следует отметить, что независимо от выбранного способа «легитимизации», существующие коллизии будут сняты, что позволит более эффективно реализовывать потенциал рассматриваемого нами исследования.

Нельзя не отметить важность квалификации специалиста проводящего криминалистическое исследование запаховых следов человека, в связи со сложностью процессов которые необходимо контролировать и необходимостью знания к каким последствиям могут привести отклонения от методики проведения исследования. Кроме того, важно отметить, что исследование должны проводиться с соблюдением успешно применяемых, в мировой практике, научно доказанных и практически апробированных методик проведения исследования, подготовки специалистов, собак-биодетекторов. Проведенный анализ показывает, что данный вид исследования успешно используется в мировой практике, в частности, в Российской Федерации, и нет объективных причин, препятствующих его внедрению его в Республике Казахстан.

Вместе с тем, строгое следование официально

признанным одорологическим методикам позволяет с достаточно высокой степенью вероятности утверждать, что их внедрение в практическую деятельность правоохранительных органов будет способствовать повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений. Анализ законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации и зарубежных государств, позволяет прийти к выводу, что внедрение результатов одорологии в систему доказывания является общим трендом, игнорировать который было бы весьма недальновидно.

Список источников

1. Грибунов, О. П. Использование ольфакторной информации при раскрытии и расследовании краж личного имущества, совершенных на железнодорожном транспорте // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 2. С. 257–263.
2. Панфилов, П. Б. Основные принципы обеспечения достоверности исследований запаховых следов человека с использованием собак-детекторов в судебной экспертизе : Учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2007. 262 с.
3. Сулимов, К. Т., Ибрагимова, О. А. Использование шакало-псовых бастардов в криминалистической одорологии : история, теория и практика // Полицейская и следственная деятельность. 2017. № 1. С. 27–47.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 (утратил силу с 1 января 2015 г.). Ст. 84, п. 1–1.
5. Черчен, О. А. Предмет и история развития криминалистической одорологии // Царскосельские чтения. Материалы международной научной конферен-

ции / Под общей редакцией В. Н. Скворцова Л. М. Кобрин (отв. ред.). СПб, 2015. С. 232–235.

6. Экгардт, А. В. К вопросу об организации и проведению одорологического исследования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 11-3. С. 147–149.

References

1. Gribunov, O. P. The use of olfactory information in the disclosure and investigation of thefts of personal property committed on railway transport // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 2. P. 257–263.
2. Panfilov, P. B. The basic principles of ensuring the reliability of human odor trace studies using detector dogs in forensic examination : Textbook. M. : Yurлитinform, 2007. 262 p.
3. Sulimov, K. T., Ibragimova, O. A. The use of jackal-dog bastards in forensic odorology : history, theory and practice // Police and investigative activities. 2017. No. 1. P. 27–47.
4. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan // Vedomosti of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 1997 (expired on January 1, 2015). Article 84, p. 1–1.
5. Cherchen, O. A. Subject and history of the development of forensic odorology // Tsarskoye Selo readings. Materials of the international scientific conference / Under the general editorship of V. N. Skvortsov and L. M. Kobrin (resp. edit.). Saint-Peterburg, 2015. P. 232–235.
6. Ekgardt, A. V. On the organization and conduct of odorological research // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. No. 11–3. P. 147–149.

Информация об авторах

С.М. Белозерцев – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России;

Э. Ф. Мамедов – доцент центра компетенций по кибербезопасности Иркутского национального исследовательского технического университета;

Е. В. Кузнецов – доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета.

Information about the authors

S. M. Belozertsev – Senior lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. F. Mamedov – Associate Professor of the Cybersecurity Competence Center of Irkutsk National Research Technical University;

E. V. Kuznetsov – Associate Professor of the Judicial Law Department of the Irkutsk State University Law Institute.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 29.11.2021. The article was submitted 23.10.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 29.11.2021.

Научная статья

УДК 34.03

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-38-43>

НИОН: 2003-0059-6/21-074

MOSURED: 77/27-003-2021-06-273

Вопросы единовременной выплаты военнослужащим и сотрудникам в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)

Валентина Михайловна Большакова¹, Александр Игоревич Землин², Петр Юрьевич Наумов³

¹ Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Российская Федерация, valentinabolshakova@rambler.ru

² Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация, Zemlin.Aldr@yandex.ru

³ Центр военно-врачебной экспертизы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, petr.naumov.777@mail.ru

Аннотация. Исследованы механизмы предоставления социальных гарантий и компенсаций личному составу силовых структур. От уровня социальной обеспеченности военнослужащих, сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти (МВД России, МЧС России, Росгвардии, ФСИН России и др.) зависит эффективность и качество выполняемых личным составом задач.

Вопросы практического применения Указа Президента Российской Федерации от 1 февраля 2021 г. № 60 «О дополнительных государственных гарантиях отдельным категориям граждан» через изучение его содержания и формулировку соответствующих выводов.

Ключевые слова: военнослужащие, сотрудники, социальные гарантии, страховые выплаты, единовременная выплата, правоприменение, публичная власть

Для цитирования: Большакова В. М., Землин А. И., Наумов П. Ю. Вопросы единовременной выплаты военнослужащим и сотрудникам в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 38–43. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-38-43>.

Original article

Issues of one-time payment to military and employees in connection with the new coronavirus infection pandemic (COVID-2019)

Valentina M. Bolshakova¹, Alexander I. Zemlin², Petr Yu. Naumov³

¹ Nizhny Novgorod Institute of Management – a branch of the Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, valentinabolshakova@rambler.ru

² Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation, Zemlin.Aldr@yandex.ru

³ Center for military medical expertise of the troops of the national guard of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, petr.naumov.777@mail.ru

Abstract. The issues of providing social guarantees and compensations to the personnel of power structures have always been relevant for science and practice. The efficiency and quality of the tasks performed by the personnel depends on the level of social security of servicemen, employees of some federal executive bodies (the Ministry of Internal Affairs of Russia, the National Guard, the Ministry of Emergencies of Russia, the Federal Penitentiary Service of Russia, etc.).

© Большакова В. М., Землин А. И., Наумов П. Ю., 2021

This study examines the application of the Decree of the President of the Russian Federation of February 1, 2021 № 60 “On additional state guarantees to certain categories of citizens” through the study of its content and the formulation of appropriate conclusions.

Keywords: military personnel, staff, social guarantees, insurance payments, lump sum payment, enforcement, public authority

For citation: Bolshakova V. M., Zemlin A. I., Naumov P. Yu. Issues of one-time payment to military and employees in connection with the new coronavirus infection pandemic (COVID-2019). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):38–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-38-43>.

Введение. В 2020 году наша страна вслед за другими странами мира приняла на себя воздействие пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (далее — COVID-19), а медицинские организации, врачебный состав и средний (младший), и иной медицинский персонал приступили к диагностике и лечению данного заболевания. Помимо медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения медицинскую помощь больным COVID-19 сразу начали оказывать так называемые «ведомственные медицинские организации», входящие в состав Вооруженных Сил РФ, МВД России, МЧС России, Росгвардии, ФСИН России и т.д. Соответственно почти сразу возникли проблемы правового регулирования как оказания медицинской помощи пациентам, имеющим право на её получение в указанных организациях, так и вопросы предоставления социальных гарантий и компенсаций личному составу вышеприведенных государственных органов, участвующему в лечении и диагностике COVID-19.

Материалы и методы исследования. Основными методологическими подходами в исследовании выступали системный и сравнительно-правовой подход, к основным методам исследования относились аналитическое изучение научной литературы и нормативных правовых актов и синтез их результатов, движение от общего к частному, структурно-функциональный анализ.

Обзор литературы. Исторические условия приводят к определенному сходству действий, их результатов и последствий. Вся многотысячелетняя история человечества свидетельствует, что в аналогичных ситуациях люди действуют аналогично, принимают аналогичные решения и предпринимают аналогичные действия. Причем это касается не одного индивидуального уровня, но и уровня государственного управления [2].

На территории России оказывается медицинская помощь по видам (первичная медико-санитарная помощь; специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь; скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь; паллиативная медицинская помощь), в следующих условиях: вне медицинской организации; амбулаторно; в

дневном стационаре; стационарно. Формами оказания медицинской помощи являются экстренная, неотложная и плановая [5].

Вопросы медицинского обеспечения армии и иных вооруженных формирований с древнейших времен носили важнейший характер, поскольку солдаты и офицеры, входящие в состав вооруженных сил, предназначены для участия в боевых действиях, войнах и вооруженных конфликтах, участие в которых неизбежно связано с гибелью и ранениями личного состава. В связи с этим, от уровня, скорости оказания и качества оказываемой медицинской помощи зависит не только то, насколько быстро раненные и больные вернутся в строй. Качественная и своевременная медицинская помощь существенно оказывает влияние на боевой дух своей армии и подрывает моральное состояние противника [1].

На военнослужащих и сотрудников, указанных ранее федеральных органов исполнительной власти возложены особые задачи, которые выполняются, в том числе с риском для жизни. На эту группу задач хотелось бы обратить особое внимание, поскольку у них существует общий родовый признак – они решаются в специальных, отличных от обыденных условиях, когда в государстве или на определенной территории вводится особый правовой режим, обусловленный причинами и возможными или наступившими последствиями его введения [4].

В период пандемии COVID-19 планирование, проведение подготовительных и профилактических мероприятий, а также оперативное исполнение заранее организованных действий не только позволило обеспечить эффективную работу причастных органов и организаций по предотвращению её распространения, но и исключило введение избыточных, не вызванных крайней необходимостью запретов и мер, ограничивающих права граждан [3].

Основная часть. В целях обеспечения дополнительных государственных гарантий отдельным категориям граждан из числа военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел России, сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной

системы, сотрудников войск национальной гвардии России (далее — военнослужащие (сотрудники)) 1 февраля 2021 года Президент России издал Указ № 60 «О дополнительных государственных гарантиях отдельным категориям граждан» (далее — Указ № 60) [10]. Нельзя сказать, что данный указ появился своевременно, скорее речь идет об опоздании. Например, аналогичный Указ Президента страны, устанавливающий подобные выплаты отдельным категориям работников (работающих по трудовому договору) был принят еще 6 мая 2020 года [9] (далее — Указ № 313), т.е. почти за год до Указа № 60. При этом законодатель решил вопрос позднего выхода Указа № 60, отметил в нем то обстоятельство, что он распространяет свое действие с 1 апреля 2020 года. При реальном применении данной нормы могут возникнуть практические трудности, связанные с оформлением необходимых документов о заболеваниях (перенесенных заболеваниях, повреждениях здоровья из за перенесенной инфекции COVID-19). Не совсем ясно, в какой срок такие факты необходимо расследовать и оформить. Указанные вопросы, похоже, будут разрешены в ходе формирования соответствующей правоприменительной практики федеральных органов исполнительной власти и федеральных судов общей юрисдикции, а также могут быть решены путем издания разъясняющих писем (позиций).

В пункте 1 Указа № 60 предписано осуществлять единовременную выплату следующим категориям граждан из числа военнослужащих (сотрудников): а) медицинским работникам, непосредственно оказывающим медицинскую помощь пациентам, у которых подтверждено наличие COVID-19, и пациентам с подозрением на эту инфекцию; б) лицам, осуществляющим транспортировку пациентов, у которых подтверждено наличие COVID-19, и пациентов с подозрением на эту инфекцию к месту оказания медицинской помощи. В подпункте «а» пункта 1 речь идет непосредственно о медицинском персонале (из числа военнослужащих и сотрудников), а в подпункте «б» о вспомогательном персонале, например, о водителях экипажей скорой медицинской помощи и реанимационных автомобилей.

В пункте 2 Указа № 60 приведен перечень оснований для единовременной выплаты, а также установлено каким порядком и кто устанавливает, являются ли обстоятельства заболевания военнослужащего (сотрудника) основанием для осуществления выплаты.

Так, основанием для осуществления единовременной выплаты является освобождение военнослужащего (сотрудника) от исполнения обязанностей военной службы (служебных обязанностей) и (или) его нахождение на лечении в стационарных условиях в связи с развитием у него полученных при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей) за-

болеваний (синдромов) или осложнений, вызванных COVID-19. Заболевание COVID-19 должно быть подтверждено лабораторными методами исследования. Также установлено, что при отсутствии возможности проведения лабораторных исследований, заболевание COVID-19 должно быть подтверждено решением врачебной комиссии, (принятым на основании результатов компьютерной томографии легких), и повлекших за собой временную нетрудоспособность, но не приведших к инвалидности.

Кроме того, в пункте 2 имеется отсылочная норма, устанавливающая полномочия Правительству России утвердить перечень таких заболеваний (синдромов) и осложнений. В настоящее время указанный перечень утвержден постановлением Правительства России от 30 апреля 2021 г. № 688 «Об утверждении Правил осуществления единовременной выплаты отдельным категориям граждан и о внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 мая 2020 г. № 1272-р», путем внесения изменений в распоряжение Правительства России от 15 мая 2020 г. № 1272-р, изданному во исполнение пункта 2 Указа № 313.

Пунктом 3 Указа № 60 (который состоит из двух подпунктов «а» и «б» соответственно) установлено, что размер единовременной выплаты составляет 68811 рублей (подпункт «а»). Указанная сумма аналогична сумме, установленной подпунктом «б» пункта 4 Указа № 313, в связи с чем, определение аналогичного размера для военнослужащих (сотрудников) выглядит вполне логичным. Также в подпункте «б» имеется указание на то, что единовременная выплата производится федеральными органами исполнительной власти, в которых военнослужащие (сотрудники), проходят военную службу (службу).

В соответствии с пунктом 4 Указа № 60 Правительству России предписано обеспечить в установленном порядке финансирование расходов, связанных с реализацией Указа № 60. Кроме того, ему также предписано определить порядок и условия осуществления единовременной выплаты, в том числе перечень документов, необходимых для ее осуществления. Мы отмечали ранее, что в настоящее время порядок и условия осуществления единовременной выплаты, как и перечень документов, Правительством России определены в постановлении Правительства России от 30 апреля 2021 г. № 688.

Пункт 5 Указа № 60 устанавливает, что он вступает в силу со дня его подписания и распространяется на правоотношения, возникшие с 1 марта 2020 года. Связано это с тем, что именно в марте прошлого года Россия вступила в активную фазу борьбы с пандемией COVID-19 и в тот период многие военнослужащие (сотрудники), на которых не распространялось действие Указа Президента от 6 мая 2020 г. № 313 «О

предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников» заразились и заболели (перенесли заболевания, получили повреждения здоровья) COVID-19 при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), однако страховых гарантий не получили, поскольку заболевание COVID-19 не входило в перечень страховых случаев по обязательному страхованию жизни и здоровья военнослужащих (сотрудников) и не могло быть отнесено к тяжелым или легким увечьям (ранениям, травмам, контузиям), поскольку не являлось повреждением, обусловленным острым одномоментным воздействием факторов военного труда (барометрических, акустических, электромагнитных полей, оптических квантовых генераторов, лазеров, радиоволн, радиоактивного, ионизирующего излучения (местного или общего), микроорганизмов I, II групп патогенности), которые привели к умеренным или значительным нарушениям функций [7].

Заключение. Следует особо отметить, что Указ № 60 не содержит в себе положений или указаний на вину военнослужащего (сотрудника) или государственного органа, как условие, исключающее осуществление единовременной выплаты. Следовательно, указанная выплата осуществляется вне зависимости от установленной в ходе расследования вины военнослужащего (сотрудника) или государственного органа в возникновении случая, повлекшего выплату. Аналогичной позиции придерживается Минздрав России в отношении единовременных страховых выплат, предусмотренных Указом № 313 [6].

В отношении работников, работающих по трудовому договору согласно подпунктам «а» и «в» Указа № 313 право на получение единовременной страховой выплаты возникает в случае смерти медицинского работника в результате инфицирования новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) при исполнении им трудовых обязанностей или установлении ему инвалидности. При этом пунктом 5 Указа № 313 установлено, что единовременная страховая выплата производится сверх предусмотренных Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» выплат. Указ № 313 издан впрямь до принятия соответствующего федерального закона. Подобного указания Указ № 60 не содержит.

Еще одним отличием Указа № 60 от Указа № 313, который принят в отношении медицинских работников, работающих по трудовому договору, является то, что смерть военнослужащего (сотрудника) в связи с развитием у него полученных при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей) заболеваний (синдромов) или осложнений, вызванных

COVID-19, или установление ему инвалидности не влечет за собой единовременной выплаты им предусмотренной. Это обусловлено тем, что в соответствии с законодательством об обязательном страховании жизни и здоровья военнослужащих (сотрудников), смерть в период прохождения военной службы (службы) является страховым случаем и влечет за собой соответствующие страховые выплаты [11].

Для дальнейшего исследования перспективным и актуальным является вопрос правового регулирования осуществления военно-врачебной экспертизы при выяснении причин и условий повреждений здоровья в связи с заболеванием COVID-19, поскольку новый коронавирус SARS-CoV-2, вызывающий это заболевание, отнесен ко II группе патогенности, а также включен в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих. При этом, в соответствии с подпунктом «а» пункта 94 Положения о военно-врачебной экспертизе [8], если заболевание получено освидетельствуемым при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей) в результате поражений, обусловленных воздействием микроорганизмов I и II групп патогенности военно-врачебная комиссия выносит заключение о причинной связи увечий (заболеваний) с формулировкой «военная травма».

Таким образом, Указом № 60 военнослужащим (сотрудникам) установлена единовременная выплата дополнительно к выплатам, предусмотренным федеральными законами «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», «О полиции», «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, лиц проходящих военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии, сотрудников органов принудительного исполнения» и изданным в их развитие Указами Президента России, Правительства России и соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Осуществление указанной выплаты производится определенным категориям военнослужащих (сотрудников) и при соблюдении указанных условий.

Список источников

1. Большакова, В. М. и др. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских фор-

мирований и органов : Комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года [Текст] / В. М. Большакова, Г. В. Енгибарян, П. Ю. Наумов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30–37.

2. Большакова, В. М. Характер и сущность судебных реформ 1864 г. и конца XX – начала XXI века [Текст] / В. М. Большакова // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 11А. С. 13–19.

3. Землин, А. И. Некоторые аспекты обеспечения безопасности на транспорте в условиях распространения инфекционных заболеваний (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19) [Текст] / А. И. Землин // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 15–29.

4. Метелицкий, В. В. и др. Особенности психологической подготовки будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации для выполнения задач в особых условиях [Текст] / В. В. Метелицкий, П. Ю. Наумов, А. А. Дьячков // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 62–65.

5. Наумова, Л. Ю. и др. Особенности правового регулирования возмещения расходов за оказание услуг военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации высокотехнологичной медицинской помощи [Текст] / Л. Ю. Наумова, П. Ю. Наумов, О. М. Пятилышнова, А. С. Гибизов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2019. № 10 (267). С. 77–82.

6. Письмо Минздрава России от 6 июля 2020 г. № 28-1/И/2-9309 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий врачам, среднему и младшему медицинскому персоналу медицинских организаций, водителям автомобилей скорой медицинской помощи, непосредственно работающим с пациентами, у которых подтверждено наличие новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Текст письма опубликован не был.

7. Постановление Правительства России от 29 июля 1998 г. № 855 «О мерах по реализации Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел РФ, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии РФ, сотрудников органов принудительного исполнения РФ» (и изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 августа 1998 г. № 32 ст. 3900.

8. Постановление Правительства России от 4 июля 2013 г. № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 28. Ст. 3831.

9. Указ Президента России от 6 мая 2020 г. № 313

«О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.05.2020, Собрание законодательства Российской Федерации, 11.05.2020, № 19, ст. 2977.

10. Указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2021 г. № 60 «О дополнительных государственных гарантиях отдельным категориям граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.02.2021, Собрание законодательства Российской Федерации, 08.02.2021, № 6, Ст. 962.

11. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, лиц проходящих военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии, сотрудников органов принудительного исполнения» // Собрание законодательства Российской Федерации, 30.03.1998, № 13, Ст. 1474. Ст. 4.

References

1. Bolshakova, V. M. et al. Medical support as a special type of support for the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies: Commentary to Article 17.1 of the Federal Law “On Defense” of May 31, 1996 [Text] / V. M. Bolshakova, G. V. Engibaryan, P. Yu. Naumov // Law in the Armed Forces – Military-Legal Review. 2021. No. 2 (283). P. 30–37.

2. Bolshakova, V. M. The nature and essence of judicial reforms of 1864 and the end of the XX – beginning of the XXI century [Text] / V. M. Bolshakova // Issues of Russian and international law. 2018. Vol. 8. No. 11A. P. 13–19.

3. Zemlin, A. I. Some aspects of transport safety in conditions of the spread of infectious diseases (on the example of the COVID-19 coronavirus pandemic) [Text] / A. I. Zemlin // Military law. 2020. No. 6 (64). pp. 15–29.

4. Metelitsky, V. V. et al. Features of psychological training of future officers of the National Guard troops of the Russian Federation to perform tasks in special conditions [Text] / V. V. Metelitsky, P. Yu. Naumov, A. A. Dyachkov // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2020. No. 3 (12). P. 62–65.

5. Naumova, L. Yu. et al. Features of the legal regulation of reimbursement of expenses for the Provision of high-tech medical care to servicemen of the National Guard of the Russian Federation [Text] / L. Yu. Naumova, P. Yu. Naumov, O. M. Pyatilyshnova, A. S. Gibizov // Law in the Armed Forces – Military-legal review. 2019. No. 10 (267). P. 77–82.

6. Letter No. 28-1/I/2-9309 of the Ministry of Health of the Russian Federation dated July 6, 2020 “On providing additional insurance guarantees to doctors, secondary and junior medical personnel of medical organizations, drivers of ambulances working directly with patients who have confirmed the presence of a new coronavirus infection (COVID-19)” // The text of the letter was not published.

7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 855 of July 29, 1998 “On measures to implement the Federal Law “On Compulsory State Life and Health Insurance of Military Personnel, Citizens Called Up for Military Training, Persons of Ordinary and Commanding Staff of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, the State Fire Service, Employees of institutions and bodies of the Penal Enforcement System, employees of the National Guard Troops of the Russian Federation, Employees of the Enforcement Bodies of the Russian Federation” (with amendments and additions) // Collection of Legislation of the Russian Federation of August 10, 1998 No. 32, Article 3900.

8. Resolution of the Government of the Russian Federation dated July 4, 2013 № 565 “About approval of the Regulations on military-medical examination” //

Collection of Legislation of the Russian Federation of July 15, 2013 No. 28. St. 3831.

9. Decree of the President of the Russian Federation dated May 6, 2020 № 313 “Additional insurance guarantees certain categories of medical workers” // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 06.05.2020, Collection of Legislation of the Russian Federation, 11.05.2020, No. 19, p. 2977.

10. Decree of the President of the Russian Federation No. 60 dated February 1, 2021 “On additional state guarantees to certain categories of citizens” // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 01.02.2021, Collection of Legislation of the Russian Federation, 08.02.2021, No. 6, Article 962.

11. Federal Law No. 52-FZ of March 28, 1998 “On compulsory state insurance of the life and health of military personnel, persons undergoing military training, ordinary and commanding personnel of internal affairs bodies, State Fire Service, employees of institutions and bodies of the penal enforcement system, employees of the National Guard troops, employees of enforcement bodies” // Collection of Legislation of the Russian Federation, 30.03.1998, No. 13, Article 1474. Article 4.

Информация об авторах

В. М. Большакова — доцент кафедры конституционного и административного права Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

А. И. Землин — заведующий кафедрой «Транспортное право» Российского университета транспорта, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;

П. Ю. Наумов — помощник начальника Центра военно-врачебной экспертизы войск национальной гвардии Российской Федерации по правовой работе, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

V. M. Bolshakova — Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Nizhny Novgorod Institute of Management – a branch of the Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. I. Zemlin — Head of the Department of Transport Law of the Russian University of Transport, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored scientist of the Russian Federation;

P. Yu. Naumov — Assistant to the Chief of the Center for military medical expertise of the troops of the national guard of the Russian Federation for Legal Work, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 23.08.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-44-48>

НИОН: 2003-0059-6/21-075

MOSURED: 77/27-003-2021-06-274

Предложение о внесении дополнения в ст. 11 Уголовного кодекса Российской Федерации

Игорь Иванович Брыка¹, Геннадий Асафович Насимов²

¹ iibr04@mail.ru

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), pravorf@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена и проанализирована проблема территориального принципа действия уголовного закона, возникающая при совершении преступления; выявлен пробел, содержащийся в диспозиции этой правовой нормы. Предложено внести изменение в виде дополнения в эту норму, подкорректировав ее содержание. Данное предложение, по мнению авторов, способно более эффективно повлиять на реакцию законодателя модифицировать эту норму уголовного закона.

Ключевые слова: дислокация, законодательный иммунитет, миротворческий контингент, миротворческая миссия, экономическая зона

Для цитирования: Брыка И. И., Насимов Г. А. Предложение о внесении дополнения в ст. 11 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 44–48. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-44-48>.

Original article

Proposal to amend Article 11 of the Criminal Code of the Russian Federation

Igor' I. Bryka¹, Gennadiy A. Nasimov²

¹ iibr04@mail.ru

² All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), pravorf@gmail.com

Abstract. The article examines and analyzes the problem of the territorial principle of the operation of the criminal law arising from the commission of a crime and reveals a gap contained in the disposition of this legal norm. The proposal to make a change in the form of an addition to this norm correcting its content is made. This proposal is capable, in the authors' opinion, of more effectively influencing the legislator's reaction to modify this provision of the criminal law.

Keywords: deployment, legislative immunity, peacekeeping contingent, peacekeeping mission, economic zone

For citation: Bryka I. I., Nasimov G. A. Proposal to amend Article 11 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):44–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-44-48>.

В ст. 11 УК РФ изложено и содержится понятие территориального принципа действия уголовного закона, который непосредственно связан с вопросом о месте совершения преступления. Согласно диспозиции этой нормы, местом совершения преступления следует считать территорию Российской Федерации,

к которой также можно отнести, например, территорию российского посольства, другие строения на ее территории, а так же транспорт дипломатических представительств. Кроме того, согласно действующей диспозиции этой правовой нормы, совершенное противоправное деяние распространяется в отношении

© Брыка И. И., Насимов Г. А., 2021

виновного и в том случае, когда преступление было совершено на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне, на судне, принадлежащем российскому государству в период его нахождения в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов страны. К уголовной ответственности можно привлечь лицо, если оно совершило преступление на военном водном или воздушном судне под российским флагом или опознавательным знаком, в том числе и тогда, когда такое судно находилось в порту иностранного государства [1].

К сожалению, не будет неожиданным факт того, что в настоящее время в отношении такого понятия, как национальный интерес и угроза безопасности, в современном мире действует модель двойного стандарта [2]. Эту же модель можно отнести к понятию территориальность и правовой иммунитет. Так, осуществляя проведение политики связанной с национальной безопасностью, некоторые государства, при возникновении определенной на их взгляд необходимости, в первую очередь применяют национальное уголовное законодательство в отношении лица совершившего или совершающего преступление в ущерб интересам страны. Такие страны не всегда принимают во внимание место совершения преступления, каким иммунитетом обладал или обладает лицо совершившее преступление или подозреваемое в его совершении, место его нахождения. Разъяснение всему мировому сообществу о совершении таких действий у этих государств одно — «национальная безопасность и торжество закона». На таких догмах, граждане этих государств понимают, что они надежно защищены международными законами, национальным уголовным законодательством, и уверены в том, что виновные в совершении противоправного будут найдены, задержаны и справедливо наказаны. В связи с этим можно сделать вывод в том, что некоторые государства несколько по-иному, чем Российская Федерация, трактуют такие понятия как национальная безопасность, территориальность и правовой иммунитет, что заставляет задуматься.

На этом основании, давайте рассмотрим и проанализируем содержание ст.11 УК РФ, в которой, на наш взгляд, можно обнаружить факт наличия в ее диспозиции существования правового пробела, где он содержится, в чем заключается и что можно предложить для его устранения?

Для этого, в качестве примера рассмотрим и проанализируем известные всем нам события августа 2008 года, произошедшие на территории Южной Осетии, во время которых российские миротворцы оказались,

защищены российским уголовным законом не в полной мере и почему это произошло. Одна из проблем, на наш взгляд, заключается в том, что территориальный принцип действия уголовного закона не распространяется на территорию расположения нашего миротворческого контингента, т.е. в ст. 11 УК РФ он законодательно не содержится.

Контингент российских военнослужащих находился с миротворческой миссией на территории Южной Осетии в соответствии с Дагомысскими соглашениями от 27 июня 1992 г. [3], которые были подписаны российской, грузинской и осетинской сторонами, и впоследствии мандат на их присутствие дважды продлевался в 1994 г. и в 1996 г. Из этого следует, что российские миротворцы присутствовали на территории тогда еще не признанного Южноосетинского государства легитимно. Однако, рассматриваемая нами проблема в полной мере заявила о себе в период совершения акта агрессии со стороны грузинских воинских подразделений, которые на основании приказов своего руководства совершили ряд тяжких преступлений, в результате которых потерпевшими оказались российские граждане, выступавшие в роли миротворцев (в рассматриваемом случае речь идет исключительно о них).

В целях объективности, рассмотрим сначала позицию грузинской стороны. С точки зрения правительства Грузии, нынешнее суверенное государство Южная Осетия — это часть территории, незаконно отторгнутое от грузинского государства, что нарушило его целостность, и эта территория является частью их государства, на которой действуют сепаратисты. При этом Грузия, приводя в пример Чечню, заявляла, что они на собственной территории так же, как и Россия, осуществляли наведение конституционного порядка, и все действия, в том числе и насильственного характера, были законны и легитимны. Они осуществлялись в соответствии с конституционным законом грузинского государства, проводя политику национальной безопасности, оперируя национальным законодательством в государственных интересах при защите своих граждан, ставя его в главенствующее положение перед международными нормами права. С точки зрения грузинской стороны, в связи с тем, что ею неоднократно предъявлялись требования о выводе российского военного миротворческого контингента с территории суверенного государства, а удовлетворены они не были, российские миротворцы, с точки зрения грузинской стороны, превратились в «оккупантов». Ранее подписанные соглашения грузинской стороной перестали признаваться, а все это в целом оз-

начало, что миротворцы находятся на территории суверенного грузинского государства нелегитимно. Из этого, следуя логике грузинской стороны, можно сделать заключение о том, что в период августовских событий 2008 г., грузинскими военными подразделениями осуществлялись мероприятия по восстановлению конституционного порядка на определенной части территории государства, а миротворцы, «российские оккупанты» оказали им вооруженное сопротивление. Кроме того, они оказывали содействие сепаратистам, что, естественно, и привело к наступлению тяжелых последствий. В соответствии с уголовным законом Грузии никаких преступных действий в отношении российских граждан совершено не было, так как российские миротворцы — это нежелательные гости и пособники сепаратистов, незаконно находившиеся на территории грузинского государства. Причиненный им вред был мерой вынужденной, так как последние находились на «оккупированной» грузинской территории, были вооружены и оказывали сопротивление.

Рассмотрим иную точку зрения. Территория Южной Осетии на тот момент, являлась территорией «спорной», так как на момент совершения акта агрессии она не имела никакого определенного государственного статуса. На территории этого государства, грузинские законы уголовно-правового характера не признавались, не исполнялись и не действовали. Своего национального уголовного законодательства у Южной Осетии не было, юрисдикция российского уголовного законодательства на эту территорию не распространялась. Российский контингент, осуществляющий на этот момент миротворческую миссию на этой территории, располагался на заранее оговоренной всеми сторонами территории. Никакого секрета о месте их дислокации, численности, вооружении и проводимых мероприятиях по осуществлению и поддержанию безопасности и мира в этом регионе не было. 8 августа 2008 г. с грузинской стороны сначала был осуществлен массированный обстрел из всех видов вооружения Цхинвала, в том числе и территории, где был расквартирован российский миротворческий контингент, о котором грузинская сторона знала, а потом проведена и наземная операция [4]. Следовательно, убийство российских миротворцев, осуществление вооруженного нападения на территорию расположения российского миротворческого контингента изначально имело целенаправленный характер, содеянное заранее было спланировано и подготовлено. В результате преступных действий российским гражданам, осуществлявшим миротворческую миссию и российскому государству, был причинен вред физический,

моральный и имущественный (потери убитыми и ранеными, разрушение зданий и помещений, уничтоженная и поврежденная техника).

В принципе, все ясно, тяжкие последствия, наступившие в результате совершенного преступления налицо, есть потерпевшие, есть свидетели, видео и фото доказательства, а также и многое другое. По данному факту было возбуждено уголовное дело и проведены все необходимые следственные мероприятия, однако понесли ли наказание лица, виновные в совершении этого преступления, ответим, нет, не понесли. За убийства наших миротворцев, уничтоженную технику, строения, имеющиеся на месте дислокации миротворцев, никто никакого наказания не понес, т.е. причиненный материальный и имущественный ущерб нам никто не возместил. Ни одно из лиц, совершивших это тяжкое преступление, задержан и осужден не был, а бывший президент Грузии, отдавший преступный приказ, М. Н. Саакашвили, по настоящее время от правосудия не скрывается, а даже является весьма публичным лицом.

В связи с этим следует рассмотреть и осмыслить несколько показательных примеров.

США. Бесспорное применение национального уголовного законодательства, например, в отношении торговцев наркотиками или лиц, подозреваемых в терроризме. Американскими правоохранительными службами возбуждаются уголовные дела, а виновные задерживаются не только в пределах этого государства. Такие правонарушители доставляются на территорию США и предаются суду по национальному уголовному законодательству, несмотря на то, что на территории США большинство из преступников никогда не находились, исполнителями конкретных преступлений, совершенных на территории США, они не являлись, а если и планировали их совершение, то не на американской территории. Примером может послужить арест и осуждение на длительный срок президента Панамы М. Норьегги. Несмотря на то, что М. Норьегга являлся главой суверенного государства, в рамках проводившегося расследования по уголовному делу в 1990 году он был задержан американскими военными на территории посольства Ватикана в Панаме, арестован, доставлен в США, где впоследствии был осужден на длительный срок лишения свободы. Администрация США считала, что он представляет для их страны угрозу, так как покровительствует террористам и обеспечивает безопасность торговцев наркотиками.

Израиль. Нацистских преступников, совершивших акт геноцида в отношении еврейского народа,

находят в различных странах земного шара и несмотря на то, что большинству из них уже за 90 лет, их задерживают, доставляют в Израиль и предают суду, хотя еврейского государства на момент совершения акта геноцида еще не существовало. Обвинение — акт геноцида, который имел местом совершения территорию различных стран мира. Но обвиняемых судят в Израиле по национальным законам и освещают это в израильских средствах массовой информации. Например, в мае 1960 г. в Аргентине был тайно задержан, вывезен в Израиль, осужден и впоследствии повешен Адольф Эйхман, основатель юдофобского движения и автор так называемого плана «окончательного решения еврейского вопроса». И это справедливо и правильно, так как все преступники, укрывающиеся от правосудия, должны понимать, что заслуженного наказания им не избежать.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для того, чтобы в дальнейшем избежать разночтений, рассуждений и толкований, необходимо ввести в ст. 11 УК РФ такое конкретное понятие как «территории расположения миротворческого контингента», и эту проблему необходимо срочно решать на законодательном уровне. Не следует забывать, что российский миротворческий контингент в настоящее время находится в разных странах мира (о военных базах речь не идет, здесь все предельно понятно), в том числе и на «спорных территориях», где может произойти аналогичное изложенному выше, а виновные вновь смогут избежать ответственности, сославшись на указанные выше аргументы. Политическая обстановка у границ Российской Федерации очень тревожная, предположим возникновение глобального военного конфликта между Украиной, с одной стороны, и ДНР и ЛНР, с другой. Сотни тысяч граждан ДНР и ЛНР являются гражданами России и Украину, на примере Грузии, России тоже, хотим мы этого или не хотим, придется «склонять к миру». После, в целях обеспечения безопасности ситуации и стабилизации обстановки России придется в эти территории вводить миротворческий контингент, который надо будет где-то размещать, а отсутствие законодательного статуса территории их размещения будет снова для определенного контингента обозначены как «оккупированные», а наши миротворцы станут опять «оккупантами». А вот если наделить территорию дислокации российских миротворцев законодательным иммунитетом, она станет территорией неприкасаемой, и можно с уверенностью сказать, что лица, планирующие посягательство на эту территорию, более здраво оценят и взвесят свои намерения. Такое посягательство было бы равноценно

нападению на наше посольство или консульство, а посягательство на жизнь и здоровье миротворца приравнивалось бы к посягательству на жизнь и здоровье посла или дипломата и подобные агрессивные действия фактически могли бы расцениваться как объявление Российской Федерации войны, а это уже вопрос намного серьезнее.

Видится необходимым дополнить часть 3 рассматриваемой нормы новым признаком, таким как «дислокация миротворческого контингента», указав, что действие уголовного законодательства Российской Федерации распространяется на виновное лицо и в случае посягательства на территорию российского миротворческого контингента, расположенного вне пределов российского государства. Принятия такого дополнения в УК РФ, разъяснит мировому сообществу, что территория дислокации российского миротворческого контингента неприкосновенна, а лицо, посягнувшее на эту территорию, будет привлечено к уголовной ответственности и предано суду в Российской Федерации, согласно действующему уголовному закону.

Кроме того, необходимо на международном уровне внести предложение о придании территории расположения миротворческого контингента соответствующего статуса, приравняв ее к территории посольства или дипломатического представительства. При этом расположение территории дислокации миротворческого контингента надо заранее определять, оговаривая при этом срок, в течение которого эта территория будет иметь особый статус (например, на период нахождения в ней миротворческой сил). Это должна быть исключительно строго отчерченная и конкретизированная территория рассредоточения всего миротворческого контингента и его техники. Вне всякого сомнения, к этой проблеме надо привлечь российских специалистов в области международного права, которые смогли бы более детально раскрыть и изложить суть предложенного, устранив таким образом имеющуюся проблему.

Список источников

1. Иванов Н. Г. Курс уголовного права. Особенная часть. М. : Проспект, 2020. 752 с.
2. Восканян Р. О. Взаимозависимые лица как угроза экономической безопасности // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 1. С. 24–28.
3. Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта // Электронный фонд правовых и нормативно технических документов // <https://docs.cntd.ru/>.

4. Интернет СМИ – Кавказский Узел. Пятидневная война (8-12 августа 2008 года) // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/210899>.

References

1. Ivanov N. G. Course of criminal law. Special part. М. : Prospect, 2020. 752 p.
2. Voskanyan R. O. Interdependent persons as

a threat to economic security // Problems of theory and practice of management. 2019. No. 1. С. 24–28.

3. Agreement on the Principles of Settlement of the Georgian-Ossetian Conflict // Electronic fund of legal and regulatory technical documents // <https://docs.cntd.ru/>.

4. Internet Media – The Caucasian Knot. The Five-Day War (August 8-12, 2008) // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/210899>.

Информация об авторах

И. И. Брыка – кандидат юридических наук, доцент;

Г. А. Насимов – доцент кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. I. Bryka – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

G. A. Nasimov – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 13.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-49-54>

НИОН: 2003-0059-6/21-076

MOSURED: 77/27-003-2021-06-275

Правила и соглашения участников национальной платежной системы как способ регулирования новых форм расчетов за рамками имеющегося правового регулирования

Георгий Мангулиевич Бутбая^{1,2}

¹ Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, advokat@butbaya.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы регулирования расчетных правоотношений в рамках национальной платежной системы. Проанализированы имевшиеся в ретроспективе и появившиеся с моментом построения национальной платежной системы механизмы регулирования отношений участников, государственно–частно-правовые. В статье затрагиваются обстоятельства деятельности международных платежных систем в Российской Федерации и их регуляторных механизмов, нашедшие свое отражение внутри национальной платежной системы.

Ключевые слова: национальная платежная система, международная платежная система, финансовый рынок, расчеты, правила

Для цитирования: Бутбая Г. М. Правила и соглашения участников национальной платежной системы, как способ регулирования новых форм расчетов за рамками имеющегося правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 49–54. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-49-54>.

Original article

Rules and agreements of the participants of the national payment system as a way of regulating new forms of settlements beyond the existing legal regulation

Georgy M. Butbaia^{1,2}

¹ Scientific Research Institute of Education and Science, Moscow, Russia, advokat@butbaya.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the issues of regulation of settlement legal relations within the national payment system. The mechanisms of relations regulating of the participants, state — private-legal, that existed in the past and appeared at the moment development of the national payment system are analyzed. The article deals with the circumstances of the activities of international payment systems in the Russian Federation and their regulatory mechanisms, which are reflected within the national payment system.

Keywords: national payment system, international payment system, financial market, calculations, rules

For citation: Butbaia G. M. Rules and agreements of the participants of the national payment system as a way of regulating new forms of settlements beyond the existing legal regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):49–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-49-54>.

Многие финансовые продукты, принесенные в Россию международными платежными системами (далее — МПС) были (и во многом остаются) инновационными для нашей действительности. В момент появления МПС в России уникальной для существовавшей на том момент системы организации участников

© Бутбая Г. М., 2021

финансового рынка была и форма организации участников международных платежных систем.

Существовавшая на тот момент финансовая система Российской Федерации еще только формировалась в ее современном понимании, а доля финансовых институтов, предоставляющих услуги с использованием инструментов, отличных от традиционных расчетов (например, с использованием чеков, устройств самообслуживания или с использованием платежных карт), была относительно невелика.

В ходе реформы 1987 года государственные банки были реорганизованы, переведены на самообеспечение (хозрасчет), однако даже это (равно как и произошедший революционный рост количества банков) не дало толчка к развитию новых расчетных технологий силами только российского рынка. Сохранились и пробелы в правовом регулировании деятельности новых субъектов.

Действовавший на тот момент Закон о банках определял виды допустимых банковских операций, а возможность осуществлять банковские операции, как в целом, так и отдельные их этапы, была предусмотрена (и Законом о банках и иными применимыми актами) исключительно для банков, имевших лицензию, предоставленную Банком России. Никакие иные субъекты, имевшие отношения к оказанию расчетных услуг (например, инкассация или услуги связи/коммуникаций) не были встроены в финансовые отношения, а сделки с ними осуществлялись на свободной и самостоятельной основе.

Соответственно, новые участники финансового рынка, появившиеся в России: международные платежные системы и финансовые/технологические посредники, обслуживающие операции в МПС, не укладывались в традиционную регуляторную модель российского рынка, т.к. для многих из них просто не было применимых легальных статусов (как например, для процессинговых компаний).

Стремительно складывающаяся практика показала, что новые участники появились и закрепились на российском рынке, предложенные ими новые услуги были востребованы, а их доля постоянно росла.

Однако пробелы в регулировании новых продуктов и услуг сохранялись не только на уровне государственного регулирования, но и на уровне организаторов новых форм взаимодействия — платежных систем.

Прежде всего нужно отметить, что правила МПС, не содержат какого-то закрытого перечня продуктов и технологий, которые международные платежные услуги предлагают своим участникам. Новые сервисы и требования, необходимые для выполнения участником, при внедрении новых сервисов, появляются по-

стоянно, и их использование является добровольным.

Обратившись к правилам собственно международных платежных систем VISA и MasterCard можно также обнаружить, что платежные системы не описывают четкого перечня форм расчетов, используемых в рамках платежной системы.

Также отметим, что хотя стандартно правила международной платежной системы содержат описание двух стратегических направлений, по которым платежная система предоставляет услуги своим участникам (эмиссия карт платежной системы и эквайринг), требования по этим направлениям деятельности детализированы способом, отличным от привычного нам правового метода регулирования (в массиве различных документов, принимаемых оператором платежной системы или уполномоченных им лицами). Например, описание расчетов с использованием платежного клиринга между участниками международной платежной системы (Authorization Requests and Clearing) хотя и содержится в некоторых разделах правил (п.п. 1.7.3., 1.7.4., 1.7.5. и 7.6.), однако эти положения касаются только условий расчетов между участниками системы и не содержат детализации касательно используемых инструментов.

Имевшееся в тот момент нормативно-правовое регулирование расчетов в Российской Федерации предусматривало следующие формы расчетов:

- расчеты наличными деньгами;
- расчеты безналичными денежными средствами, в том числе электронными деньгами.

Расчеты с использованием платежных карт нормативно не выделялись в качестве отдельного самостоятельного вида расчетов, несмотря на то, что расчеты с их использованием с появлением в России международных платежных систем широко распространились в российском обороте. Их законодательное регулирование во многом отставало от практики и долгое время регулирование расчетных правоотношений, основанных на использовании карт, было ограничено только Положением от 24 декабря 2004 г. № 266-П «Об эмиссии банковских карт и об операциях, совершаемых с использованием платежных карт».

Хотя отсутствие прямого регулирования (или отсутствие применимых аналогий) можно частично оправдать разницей правовых систем, породивших рассматриваемые явления, следует признать, что расчетные формы и инструменты, принесенные международными платежными системами на российский рынок, были новыми и требовали регулирования в качестве отдельного самостоятельного вида правоотношений.

Несмотря на то, что имевшееся или появлявшееся регулирование новых расчетных правоотношений

являлось необходимым, до 2011 года оно проводилось в основном через деятельность Банка России. Положение Банка России № 266-П, являясь продолжением нормативной деятельности Банка России на рынке расчетных услуг (после Положения Банка России № 23-П), можно рассматривать как факт синергии новых платежных технологий, принесенных международными платежными системами в Россию с традиционными формами расчетов, известными российской правовой системе.

Однако при этом Положение 266-П следует рассматривать все-таки как незавершенный акт правового регулирования, поскольку оно не отражало некоторые существенные элементы новых расчетных правоотношений: не определяет порядок, условия и основания организации, а также расчетов между его участниками, а также не определяет некоторые базовые условия для новых форм расчетов, такие как, например, сроки, претензионный порядок и защита клиентов.

Генеральным актом для оформления новых форм расчетов стал Федеральный закон «О национальной платежной системе» (а также принятые в его развитие нормативные акты Банка России, прежде всего, Положение Банка России от 19 июня 2012 г. № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»).

Закон содержит описание структуры платежной системы и описание требований к ее участникам, их документам и взаимоотношениям (глава 3 Закона об НПС). Закон закрепил регулирование еще несколько важных особенностей, происшедших на тот момент изменений.

Внедрение и развитие информационных технологий внутри расчетных механизмов и упрощение механики доступа к денежным средствам привело в свою очередь к появлению на рынке множества коммерческих агентов — посредников, специализирующихся на тех или иных секторах рынка платежных услуг.

Произошла сегментация (дробление) функционала, а расчетная услуга стала оказываться на всем ее протяжении не только профессиональным исполнителем (банком), но и отдельными иными лицами, которые оказывают услуги технического или информационного характера участникам расчетов на отдельных этапах. Платежные системы оказались теми участниками рынка, которые не только вовлекли в свою орбиту традиционных субъектов расчетных отношений, но и собрали «под общей крышей» все имеющееся множество функциональных посредников: агентов, провайдеров, процессоров и т.д.

Эта модель агрегации участников расчетной операции оказалась чрезвычайно удобной по сравнению с традиционной универсальной моделью (когда участник расчетной операции обеспечивал ее полностью на

своей стороне) и позволила диверсифицировать расходы и увеличить качество расчетной услуги на всем ее протяжении.

Предложенную модель Закон об НПС и закрепил в описании функциональных ролей участников национальной платежной системы.

Другой важной особенностью регулирования отношений в рамках НПС стало внедрение регулирования с использованием правил платежных систем и договоров между участниками. Именно способ организации деятельности участников платежной системы и регулирования их посредством присоединения к коллективному договору, общему для всех участников — правилам платежной системы, стал одним из ключевых на наш взгляд преимуществ международных платежных систем перед российскими финансовыми организациями и сообществами.

Правила платежной системы являются по существу договорами присоединения, регулируемые организатором платежной системы. И хотя содержание их определенным образом закреплено организатором ПС, содержание правил ПС может существенно превосходить состав требований, вытекающих из правового поля, в котором такая платежная система функционирует.

Таким образом, регулирование отношений участников ПС не посредством прямых двухсторонних отношений между участниками, а посредством глобального соглашения о присоединении позволяет:

- а) осуществлять регулирование в режиме реального времени;
- б) осуществлять учет и контроль участников;
- в) обеспечить централизацию регулирования как правил, так и тарифов и расчетных операций участников ПС;
- г) привлекать к участию в ПС субъектов с различными правовыми и функциональными статусами.

На примере регулирования участия в МПС VISA можно отметить, что МПС использует дифференцированное регулирование и в зависимости от критерия правила могут быть различными:

- по региону/стране применения (например, правила платежной системы Виза для осуществления операций на территории Российской Федерации или VISA CoreRules, применяемые в отношении трансграничных расчетов);
- по составу участников, кому правила адресованы (правила для эмитентов, эквайеров, процессоров и иных типов участников);
- по обязательности использования (обязательные к использованию или рекомендованные к использованию);
- по функциональной направленности (напри-

мер, Правила по продуктам и услугам платежной системы (для VISA) и руководство по работе с оспоренными операциями (Chargeback Guide для MasterCard).

Хотя основным способом регулирования отношений в НПС Закон об НПС предусматривает законодательное регулирование, Закон об НПС содержит в себе и регулирование отношений участников НПС коллективным договором (правилами).

Статья 3 Закона об НПС (подп. 22) содержит легальное определение этого понятия:

«Правила платежной системы – документ (документы), содержащий (содержащие) условия участия в платежной системе, осуществления перевода денежных средств, оказания услуг платежной инфраструктуры и иные условия, определяемые оператором платежной системы в соответствии с настоящим Федеральным законом...».

Это определение, в совокупности с определением национальной платежной системы, данным в подп. 1 указанной нормы, позволяют сделать вывод, что правила платежной системы можно определить именно как один из основных (наряду с законодательством) источников регулирования отношений участников НПС.

Взаимосвязь между соответствием правил платежных систем, принимаемых операторами платежных систем в рамках НПС, законодательству об НПС достигается путем наличия в Законе об НПС специальных механизмов эмиссии и легализации правил платежных систем.

1. Закон об НПС предписывает обязательные условия, которые должны содержаться в правилах платежной системы. В частности, они должны содержать:

- порядок взаимодействия между оператором платежной системы, участниками платежной системы и операторами услуг платежной инфраструктуры;
- порядок осуществления контроля за соблюдением правил платежной системы;
- ответственность за несоблюдение правил платежной системы;
- критерии участия, приостановления и прекращения участия в платежной системе;
- порядок привлечения операторов услуг платежной инфраструктуры и ведения перечня операторов услуг платежной инфраструктуры;
- применяемые формы безналичных расчетов;
- порядок осуществления перевода денежных средств в рамках платежной системы, включая моменты наступления его безотзывности, безусловности и окончательности;
- порядок сопровождения перевода денежных

средств сведениями о плательщике в соответствии с требованиями Федерального закона от 07.08.2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» в случае, если они не содержатся в распоряжении участника платежной системы;

- порядок оплаты услуг по переводу денежных средств, являющийся единообразным в рамках платежной системы;
- порядок осуществления платежного клиринга и расчета;
- порядок оплаты услуг платежной инфраструктуры, являющийся единообразным в рамках платежной системы;
- порядок предоставления участниками платежной системы и операторами услуг платежной инфраструктуры информации о своей деятельности оператору платежной системы;
- систему управления рисками в платежной системе, включая используемую модель управления рисками, перечень мероприятий и способов управления рисками;
- порядок обеспечения бесперебойности функционирования платежной системы;
- временной регламент функционирования платежной системы;
- порядок присвоения кода (номера), позволяющего однозначно установить участника платежной системы и вид его участия в платежной системе;
- порядок обеспечения исполнения обязательств участников платежной системы по переводу денежных средств;
- порядок взаимодействия в рамках платежной системы в спорных и чрезвычайных ситуациях, включая информирование операторами услуг платежной инфраструктуры, участниками значимой платежной системы оператора значимой платежной системы о событиях, вызвавших операционные сбои, об их причинах и последствиях;
- требования к защите информации;
- перечень платежных систем, с которыми осуществляется взаимодействие, и порядок такого взаимодействия;
- порядок изменения правил платежной системы;
- порядок досудебного разрешения споров с участниками платежной системы и операторами услуг платежной инфраструктуры.

2. Указанная норма Закона об НПС содержит несколько важных указаний касательно эмиссии и статуса правил платежной системы:

а) Правила платежной системы, за исключением правил платежной системы Банка России, являются договором. Правила платежной системы могут быть составлены в виде единого документа или нескольких взаимосвязанных документов, и они могут содержать предусмотренные другие (кроме указанных выше) положения, необходимые для обеспечения функционирования платежной системы.

б) Правила платежной системы, включая тарифы и иные виды платы за услуги в рамках платежной системы (далее — тарифы), являются публично доступными. Оператор платежной системы вправе не раскрывать информацию о требованиях к защите информации и информацию, доступ к которой ограничен в соответствии с законом.

в) Правила платежной системы должны быть согласованы с Банком России.

Учитывая предусмотренное Законом об НПС условие о том, что правила платежной системы могут быть составлены в виде единого документа или нескольких взаимосвязанных документов, отметим, что:

а) операторы российских платежных систем используют комплексный подход к регулированию отношений. Правила ПС МИР, например, предусматривают, что участники ПС МИР осуществляют взаимодействие на основании Правил ПС МИР, а также Стандартов ПС МИР и договоров, заключаемых между участниками;

б) указанный подход к формированию регулирующего документа является заимствованным из практики международных платежных систем (в частности, МПС Visa имеет несколько разновидностей правил МПС, сформулированных по территориальному или функциональному признаку).

Учитывая изложенное, а также положения статьи 2 Закона об НПС, которая определяет основы именно нормативно-правового регулирования НПС, и положения главы 4 Закона об НПС, определяющей нормативные требования к правилам платежной системы, представляется возможным сделать вывод о том, что правила платежной системы (и связанные с ними документы), оформленные в соответствии с требованиями Закона об НПС, являются одним из основных способов регулирования отношений:

- а) между участниками платежной системы;
- б) между участниками платежной системы и НПС;
- в) между участниками платежной системы и Национальной системой платежных карт;
- г) между участниками платежной системы и потребителями услуг, оказываемых платежной системой и ее участниками.

Безусловной новеллой со стороны Закона об НПС стало описание в законе разных участников расчетных

отношений, не имеющих статуса кредитных организаций, привлекаемых для обеспечения отдельных частей расчетов (для вычисления клиринговых позиций участников ПС или передачи финансовых сообщений при авторизации или исполнении операций, применения различных информационных механизмов, поддерживаемых специализированной инфраструктурой и т.д.). Закон об НПС в этой части:

а) определил легальные статусы участников платежной системы (кроме оператора и участников);

б) определил, что порядок взаимодействия между оператором платежной системы, участниками платежной системы и операторами услуг платежной инфраструктуры должен быть отражен в правилах платежной системы.

Сегментация участников платежной системы не по их универсальному статусу (когда участник либо осуществляет, либо нет весь комплекс расчетных операций), а по их функциональному признаку позволила урегулировать деятельность новых субъектов и создать механизм для легализации деятельности таких субъектов (даже в отсутствие прямого правового регулирования), а также сделать их услуги доступными и регулируемые для иных участников платежной системы.

С учетом этого представляется возможным сделать вывод, что предусмотренный Законом об НПС формат регулирования отношений участников ПС через правила ПС позволяет обеспечить легализацию различных форм расчетов, применяемых участниками финансового рынка – участниками платежной системы.

Отдельно нужно сказать об индивидуальных договорах, заключаемых между участниками НПС и/или между участниками платежных систем, входящих в состав НПС. Закон об НПС рассматривает несколько случаев наличия индивидуальных договоров:

а) договоры между операторами по переводу денежных средств (в том числе в случае привлечения оператором по переводу денежных средств посредника в переводе);

б) договоры между участниками платежной системы (между прямым и косвенным участником платежной системы, между оператором платежной системы и операторами услуг платежной инфраструктуры);

в) договоры между платежными системами (локальными и иностранными платежными системами);

г) договоры между операторами по переводу денежных средств и лицами, привлекаемыми ими для оказания услуг по переводу денежных средств (в том числе договоры с платежными агрегаторами, банковскими платежными агентами, операторами услуг информационного обмена, иностранными поставщика-

ми платежных услуг).

В ряде случаев, например, для случаев работы с банковскими платежными агентами или иностранными поставщиками платежных услуг, Закон об НПС прямо определяет ряд обязательных условий, которые должны содержаться в таком договоре. Так, статья 9.1. Закона об НПС определяет, что прием на территории Российской Федерации электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг клиентам, личным законом которых считается право иностранного государства (далее — иностранные клиенты), может осуществляться только при наличии договора между оператором по переводу денежных средств и иностранным поставщиком платежных услуг и соблюдении следующих требований:

1) установления в договоре между оператором по переводу денежных средств и иностранным поставщиком платежных услуг порядка взаимодействия между оператором по переводу денежных средств и иностранным поставщиком платежных услуг в случаях осуществления спорных, несанкционированных операций с использованием электронных средств платежа иностранных клиентов;

2) установления в договоре между оператором по переводу денежных средств и иностранным поставщиком платежных услуг срока получения денежных средств оператором по переводу денежных средств от иностранного поставщика платежных услуг не позднее трех рабочих дней со дня осуществления операции с использованием электронного средства платежа;

3) установление в договоре между оператором по переводу денежных средств и иностранным поставщиком платежных услуг способа (способов) обеспечения обязательств иностранного поставщика платежных услуг перед оператором по переводу денежных средств;

4) проведения иностранным поставщиком платежных услуг идентификации иностранных клиентов в

соответствии с требованиями законодательства иностранного государства, на территории которого зарегистрирован иностранный поставщик платежных услуг;

5) установления в договоре между оператором по переводу денежных средств и иностранным поставщиком платежных услуг обязанности иностранного поставщика платежных услуг предоставлять оператору по переводу денежных средств по его запросу в срок не позднее трех рабочих дней со дня получения такого запроса сведения об иностранных клиентах, полученные иностранным поставщиком платежных услуг при проведении идентификации иностранных клиентов в соответствии с требованиями законодательства иностранного государства, на территории которого зарегистрирован иностранный поставщик платежных услуг;

6) соблюдения установленных Банком России требований к защите информации при осуществлении переводов денежных средств.

Таким образом, Закон об НПС прямо предусматривает возможность регулирования отношений участников НПС не только: путем прямого законодательного регулирования и участия в коллективных соглашениях, но и путем индивидуальных договоров, заключаемых между участниками НПС.

Коллективные (правила участников платежной системы) и индивидуальные договоры являются источником регулирования отношений участников платежной системы, позволяя в рамках нормативного государственного регулирования обеспечивать описание и регулирование расчетных правоотношений.

Такой смешанный подход к регулированию (одновременно и с использованием публично-нормативного и частно-правового подхода) отношений участников НПС позволяет обеспечить мобильность регулирования постоянно изменяющихся реалий рынка, сохраняя при этом требуемый уровень контроля.

Информация об авторе

Г. М. Бутбая – научный сотрудник Научно-исследовательского института образования и науки, соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

G. M. Butbaia – Researcher of the Scientific Research Institute of Education and Science, Applicant of the Department of Civil and Labor Law, Civil Process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-55-59>

НИОН: 2003-0059-6/21-077

MOSURED: 77/27-003-2021-06-276

Противодействие расследованию преступлений экстремистской направленности и меры по его преодолению

Василий Васильевич Бычков¹, Сергей Владимирович Харченко²

^{1,2} Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия

¹ bychkov_vasilij@bk.ru

² x.s.v.l@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся способов и приёмов, субъектов и объектов, обстановки, мотивов и целей противодействия расследованию преступлений экстремистской направленности. Сформулированы меры по преодолению указанного противодействия.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, расследование, противодействие, приёмы, субъекты, объекты, обстановка, мотивы, преодоление, меры

Для цитирования: Бычков В. В., Харченко С. В. Противодействие расследованию преступлений экстремистской направленности и меры по его преодолению // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 55–59. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-55-59>.

Original article

Countering the investigation of extremist crimes and measures to overcome them

Vasily V. Bychkov¹, Sergey V. Kharchenko²

^{1,2} Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ bychkov_vasilij@bk.ru

² x.s.v.l@yandex.ru

Abstract. The article discusses the methods and methods, subjects and objects, environment, motives and objectives of countering the investigation of extremist crimes. Measures have been formulated to overcome this opposition.

Keywords: extremism, extremist crimes, investigation, counteraction, manifestations, subjects, objects, environment, motives, overcoming, measures

For citation: Bychkov V. V., Kharchenko S. V. Countering the investigation of extremist crimes and measures to overcome them. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):55–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-55-59>.

С тех пор, как существуют преступления и связанные с ними процессы расследования и судебного разбирательства, существуют и способы сокрытия следов преступлений, другие различные уловки, направленные на уклонение виновных от ответственности. Причем это в полной мере относится к общественно опасным деяниям экстремистской направленности [2].

Об этом писали неоднократно еще Г. Гросс,

С. Н. Трегубов, И. Н. Якимов, В. И. Громов и многие другие первопроходцы зарубежной и отечественной криминалистики.

Почти все криминалисты, писавшие в 30–70-х гг. прошлого века о тактике отдельных следственных действий, например, о допросе, обыске (И. Е. Быховский, А. Р. Ратинов, Н. И. Порубов, А. В. Дулов, А. А. Закатов, А. А. Шмидт, А. Н. Васильев, А. Б. Соловьев

© Бычков В. В., Харченко С. В., 2021

и другие), обязательно останавливались на таких наиболее распространенных приемах противодействия установлению истины при расследовании, как дача ложных показаний, отказ от дачи показаний, самоговор или оговор других лиц. Несколько работ было посвящено разоблачению инсценировок (В. А. Овечкин — 1975 г., Е. В. Баранов — 1977 г.).

В 1970 г. в Высшей школе МВД СССР вышла в свет монография Г. Г. Зуйкова, посвященная поиску преступников по признакам способов преступления. В ней был поставлен вопрос о способах сокрытия преступлений и лиц, их совершивших, а также о криминалистическом значении использования сведений о них в расследовании по уголовным делам [3].

Анализ практики расследования уголовных дел об экстремизме, показал, что зачастую их расследование происходит в условиях противодействия, оказываемого различными субъектами [4].

Проблеме противодействия при расследовании преступлений, а также разработке средств и методов для его преодоления посвящены работы многих ученых-криминалистов: Г. Г. Зуйкова, В. Н. Карагодина, А. М. Кустова, Р. С. Белкина, С. Ю. Журавлева, В. П. Лаврова, Л. В. Лившица, А. Ф. Лубина, И. М. Лузгина и др.

Например, Кустов А. М. считает, что «деятельность по противодействию расследованию в широком смысле представляет собой совокупность умышленных действий, направленных на воспрепятствование другим действиям (деятельности правоохранительных органов), имеющим целью достижение объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия» [8, с. 313]. Однако отметим, что противодействие может выражаться не только в активной форме, то есть в действиях, но и в пассивной форме путем бездействия, например, путем уклонения от явки на допрос, от прохождения психолого-психиатрической судебной экспертизы, непредставление или несвоевременное представление образовательными и медицинскими учреждениями необходимой документации.

Не во всех случаях противодействие расследованию носит системный характер. Оно может проявиться в отдельных, не связанных общим умыслом поведенческих актах. В зависимости от категории преступления выделяются специфические особенности противодействия расследования. В рамках данной статьи, рассматривая вопрос противодействию расследованию экстремизма, остановимся более подробно на способах и приемах, субъектах и объектах, обстановке, мотивах и цели противодействия.

На выбор способа противодействия влияют объективные и субъективные факторы, например, в за-

висимости от возраста, характера, привычек, наклонностей, а также в зависимости от лица, которому оказывается противодействие.

Планирование оказания противодействия может начинаться еще до начала расследования, которое происходит при подготовке преступления экстремистской направленности, непосредственного его совершения и сокрытия преступления (чаще всего сокрытие следов и орудий преступления). С того момента, как органам предварительного расследования становится известно о факте совершения преступления экстремисткой направленности, начинается активное противодействие, которое заключается, к примеру, в подготовке ложного алиби, уклонения от явки к следователю, даче ложных показаний и т.п. [5].

Практическое значение установления способа противодействия расследованию заключается в том, что, во-первых, имея информацию о нем, возможно установить круг лиц, для которых характерно применение конкретного способа противодействия; во-вторых, способ противодействия в некоторой степени отражает способ совершения преступления, тем самым возможно обнаружение материальных следов или иных доказательств совершения преступления посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий [6].

Проведенное нами исследование позволило выявить наиболее типичные способы противодействия, при расследовании преступлений экстремисткой направленности, на досудебной стадии:

- создание ложного алиби;
- уничтожение следов, орудий преступления и документов, предназначенных для обнародования, либо информация на иных носителях, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности и т.д.;
- дача ложных показаний или отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации;
- оказание физического и психического давления на соучастников, потерпевшего, его близких, свидетелей;
- обжалование законных действий следователя;
- затягивание сроков следствия при ознакомлении с материалами уголовного дела;
- со стороны сотрудников правоохранительных органов — затягивание сроков экспертиз, отсутствие надлежащего взаимодействия.

Практика показывает, что расследование преступлений экстремисткой направленности имеет определенные особенности и требования, закрепленные в

законе, круг возможных субъектов противодействия расширяется, если в качестве субъекта совершения рассматриваемых преступлений выступают несовершеннолетние, то, соответственно, в некоторых следственных действиях участвуют педагог, психолог, законный представитель несовершеннолетнего.

Исследование показало, что все субъекты противодействия расследованию преступлений экстремистской направленности, могут быть условно разделены на две группы:

1) участники уголовного процесса — несовершеннолетние подозреваемые / обвиняемые; их законные представители; потерпевший (его законный представитель); защитник, понятые, эксперт/специалист, руководитель следственного органа, представитель органа дознания и др.;

2) лица, не являющиеся участниками уголовного процесса — сотрудники и руководители организаций, правоохранительных органов, работники средств массовой информации.

Криминалистически значимыми при расследовании данных преступлений являются сведения о целях и мотивах противодействия расследованию. Под влиянием конкретных мотивов у субъектов формируется цель, которая обусловлена его интересами. К примеру, по делам рассматриваемой категории распространенными мотивами дачи ложных показаний являются: неверное представление о чувстве долга или товарищества; страх наказания; влияние родственников, друзей и знакомых; желание избежать ответственности, угрозы соучастников [7].

Отметим, что мотивы, побуждающие к противодействию расследования преступлений экстремистской направленности, обладают спецификой, которая объясняется психологическими и иными особенностями личности лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, в том числе несовершеннолетних.

Для преодоления противодействия необходимо обладать сведениями об объекте воздействия. В самом общем виде под объектом противодействия понимаются правоотношения, урегулированные уголовно-процессуальным законом, складывающиеся по поводу установления объективной истины о событии преступления. К числу объектов воздействия можно отнести:

- предварительное следствие целом;
- лицо, осуществляющее предварительное расследование;
- лица, являющиеся носителями доказательственной информации (потерпевший, свидетель, соучастники преступления).

Успешное расследование преступлений экстремистской направленности во многом, зависит не только от знаний о сущности противодействия, но и от овладения навыками по преодолению и нейтрализации противодействия. Следует согласиться с мнением Р. С. Белкина, который писал: «...следователь должен быть готов к противодействию, должен допускать его возможность» [1, с. 80].

Изучение практики показало, что сама деятельность по противодействию расследованию рассматриваемых преступлений, в основном, заключается в следующем:

1) распознавании — обнаружении признаков и содержания противодействия.

На данном этапе следователь устанавливает обстоятельства, субъекта противодействия, используемые им способы;

2) пресечении — деятельность лица, осуществляющего предварительное расследование, направленное на прекращение действий по воздействию.

Следователь определяет и предпринимает меры, направленные на эффективное предупреждение или пресечение противодействия путем сочетания гласных и негласных методов, учитывая психологические и возрастные особенности субъекта противодействия;

3) нейтрализации — блокировка действий субъекта противодействия.

Данный этап предполагает анализ сложившейся ситуации, эффективности предпринятых мер, и результата преодоления противодействия.

Таким образом, на наш взгляд, к наиболее эффективным приемам и методам, направленным на предупреждение, пресечение и нейтрализацию противодействия при расследовании преступлений экстремистской направленности следует отнести:

- разъяснение лицу о необходимости давать правдивые показания, а также последствия отказа от дачи показаний;
- выявление случаев оказания психического или физического воздействия на участников уголовного процесса в целях принуждения к даче ложных показаний;
- обеспечение в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ безопасности отдельных участников уголовного судопроизводства;
- обеспечение явки к следователю;
- проверка достоверности показаний;
- обеспечение исполнения в срок законных требований следователя;
- разъяснение последствий для лица при отказе от подписания документов;

- сохранение тайны предварительного следствия;
- взаимодействие следователя с оперативными подразделениями;
- обеспечение личной безопасности следователя при необходимости;
- принятие мер к обеспечению сохранности вещественных доказательств;
- предупреждение необоснованных жалоб на законные действия следователя путем применения фото- и видеофиксации следственных действий, освидетельствования подозреваемых, находящихся под стражей.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях причиной противодействия расследованию служит невнимательность и небрежность следователя при производстве предварительного следствия, например, вследствие неточности при фиксации показаний, отсутствии конкретизации, возможность утечки информации, представляющей интерес для следствия. Перечисленные процессуальные и тактические ошибки позволяют заинтересованным субъектам избирать необходимые для них способы противодействия.

В завершение отметим, что выбор конкретного криминалистического приема и способа противодействия при расследовании преступлений экстремистской направленности, во многом зависит от уровня профессиональной подготовки следователя, сложившейся следственной ситуации, избранной тактики расследования.

Список источников

1. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 3. М., 1997.
2. Бычков, В. В., Харченко, С. В. Понятие и формы использования специальных знаний при выявлении противодействия расследованию преступлений экстремистской направленности // Раскрытие и расследование преступлений : наука, практика, опыт: сборник научных трудов. Ч. 2. Тула : Изд-во ТулГУ, 2020. С. 9–14.
3. Бычков, В. В., Харченко, С. В. К истории организационно-структурного обеспечения расследования преступлений экстремистской направленности // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи : материалы Всероссийской научно-практической конференции (24.09.2020). М. : Московская академия СК России, 2020. С. 30–36.
4. Бычков, В. В., Харченко, С. В. Некоторые особенности выдвижения и проверки следственных версий по уголовным делам о преступлениях экстремист-

ского характера // Российский следователь. 2021. № 4. С. 17–20.

5. Бычков, В. В., Харченко, С. В. Некоторые вопросы деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия информационной активности участников террористических и экстремистских действий // Военное право. 2021. № 3(67). С. 9–16.

6. Бычков, В. В., Харченко, С. В. О некоторых проблемах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Журнал. В двух томах. Том 1(2). Орёл : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2020. С. 49–57.

7. Бычков, В. В., Харченко, С. В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 102–105.

8. Кустов, А. М. Криминалистическая сущность противодействия расследованию и его механизм // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве : процессуальные и криминалистические вопросы : сб. науч. трудов. М., 2007.

References

1. Belkin, R. S. Rate of the Soviet criminology. T. Z. M., 1997.
2. Bychkov, V. V., Kharchenko, S. V. Concept and form of use of special knowledge in the identification of impeding the investigation of crimes of an extremist orientation // Disclosure and investigation of crimes: science, practice, and experience: collection of scientific works. Part 2. Tula : Izd-vo Tulgu, 2020. P. 9–14.
3. Bychkov, V. V., Kharchenko, S. V. On the history of organizational and structural support for the investigation of extremist crimes // The creation and development of models of preliminary investigation in the Russian Empire : materials of all-Russian scientific-practical conference (24.09.2020). Moscow : the Moscow Academy of the investigative Committee of Russia, 2020. P. 30–36.
4. Bychkov, V. V., Kharchenko, S. V. Some features of the extension and validation of investigative leads in criminal cases on crimes of an extremist nature // Russian investigator. 2021. No. 4. P. 17–20.
5. Bychkov, V. V., Kharchenko, S. V. Some issues of the activities of law enforcement agencies in the field

of countering the information activity of participants in terrorist and extremist actions // *Military law*. 2021. No. 3(67). P. 9–16.

6. Bychkov, V. V., Kharchenko, S. V. On some problems of using the results of operational investigative activities in the disclosure and investigation of extremist crimes // *Modern criminal procedural law – lessons of history and problems of further reform*. Journal. In two volumes. Volume 1(2). Orel : Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 2020. P. 49-57.

7. Bychkov, V. V., Kharchenko, S. V. On the question of the investigator's activity in the framework of a typical situation at various stages of the investigation of crimes of an extremist nature // *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2021. No. 2. P. 102–105.

8. Kustov, A.M. Criminalistic essence of counteraction to investigation and its mechanism // *Investigation and counteraction to it in adversarial criminal proceedings : procedural and criminalistic issues : collection of scientific works*. M., 2007.

Информация об авторах

В. В. Бычков – декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

С. В. Харченко – профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. V. Bychkov – Dean of the Faculty of Excellence of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

S. V. Kharchenko – Professor of the Department of forensics of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-60-65>

НИОН: 2003-0059-6/21-078

MOSURED: 77/27-003-2021-06-277

Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства

Светлана Анатольевна Вецкая¹, Лилия Рамилевна Муллагалеева²

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, ida_2008_79@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, lilya_07ur@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с реализацией прокурором функции уголовного преследования и соотношении данной функции с надзорной функцией. Анализ положений действующего уголовно-процессуального закона позволил авторам проанализировать существующие проблемы при реализации прокурором полномочия по направлению соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства, при реализации процессуальной функции прокурора по возвращению уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия. Авторами обоснован вывод о том, что уголовное преследование и надзор за исполнением законов это две самостоятельно существующие государственно-властные функции прокуратуры, со своими задачами, целями, содержанием и предметом правового регулирования.

Ключевые слова: уголовное преследование, надзор, досудебное производство, прокурор, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании, следователь, обвинительное заключение, дополнительное следствие

Для цитирования: Вецкая С. А., Муллагалеева Л. Р. Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 60–65. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-60-65>.

Original article

Individual issues of the prosecutor's implementation of the function of criminal prosecution at the pre-trial stage of criminal proceedings

Svetlana A. Vetskaya¹, Lilia R. Mullagaleeva²

¹ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, ida_2008_79@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, lilya_07ur@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the implementation of the prosecutor's function of criminal prosecution and the relationship of this function with the function of supervision. The analysis of the provisions of the current criminal procedure law allowed the authors to analyze the existing problems in the exercise of the prosecutor's authority to send relevant materials to the investigative body to resolve the issue of criminal prosecution on the facts of revealed violations of the criminal law provided for and in the implementation of the prosecutor's procedural function to return the criminal case to the investigator for additional investigation. The authors substantiate the conclusion that criminal prosecution and supervision of the execution of laws are two independently existing state-power functions of the prosecutor's office, with their own tasks, goals, content and subject of legal regulation.

Keywords: criminal prosecution, supervision, pre-trial proceedings, prosecutor, prosecutor's decision on sending relevant materials to the investigative body to resolve the issue of criminal prosecution, investigator, indictment,

© Вецкая С. А., Муллагалеева Л. Р., 2021

additional investigation

For citation: Vetskaya S. A., Mullagaleeva L. R. Individual issues of the prosecutor's implementation of the function of criminal prosecution at the pre-trial stage of criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):60–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-60-65>.

Осуществление прокурором уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства сведено к минимуму, что связано с масштабным реформированием и созданием Следственного комитета в 2007 году. Тем не менее, на определенных этапах досудебного производства прокурор выполняет функцию уголовного преследования. В указанной статье остановимся на некоторых сложностях в определении и реализации прокурором уголовного преследования и соотношении последней с функцией надзора.

Рассматривая проблему процессуальных функций в уголовном судопроизводстве, необходимо отметить, что ряд ученых, таких как Сычев Д. А., Никитин Е. Л. считают уголовное преследование и прокурорский надзор равноценным направлениями, и, соответственно функцию прокурора предлагают именовать — правозащитной, то есть симбиозом надзора и уголовного преследования [7, с. 96].

Уголовное преследование и надзор за исполнением законов — это две государственно-властные функции прокуратуры, существующие самостоятельно. Прокурор осуществляет уголовное преследование как на досудебной стадии уголовного судопроизводства, так и на судебной. На судебной стадии прокурор осуществляет уголовное преследование, поддерживая государственное обвинение, тем самым стремясь к тому, чтобы суд постановил справедливый обвинительный приговор [8, с. 95]. В то же время, положение прокурора на досудебной стадии по осуществлению уголовного преследования определено законодателем не совсем конкретно.

Представляется, что одним из основных полномочий прокурора, образующих уголовное преследование является возможность прокурора выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства.

УПК РФ предусматривает четыре повода для возбуждения уголовного дела. В 2010 году в данную статью к трем установленным поводам: заявление о преступлении; сообщение о совершенном или гото-

вящемся преступлении, полученное из иных источников; явка с повинной добавлено постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (далее — постановление прокурора для решения вопроса об уголовном преследовании).

По мнению Соловьевой Н. А., Ильясовой А. К. введение такого повода для возбуждения уголовного дела, как постановление прокурора усиливает его роль в осуществлении уголовного преследования, так как распространяет свое действие в случаях непосредственного обнаружения признаков преступления [10, с. 135].

В данной ситуации орган предварительного следствия может находиться в некоем «зависимом» положении от органа прокуратуры, что проявляется в исключительной функции указанного органа по направлению уголовного дела в суд при условии наличия соответствующей заинтересованности [10, с. 137].

Для решения вопроса об уголовном преследовании прокурорами в органы предварительного расследования в 2020 году направлено 5 468 материалов проверки, из которых по 5 051 приняты решения о возбуждении уголовного дела [11], то есть эффективность направления материалов прокурорами составляет 92 %.

В следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Оренбургской области в 2020 году поступило 91 постановление прокурора, направленное в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, по результатам проведения доследственных проверок возбуждено 76 уголовных дел, принято 13 решений об отказе в возбуждении уголовного дела, 2 решения о передаче по подследственности. Таким образом, процент возбужденных уголовных дел по результатам рассмотрения постановлений прокуроров об уголовном преследовании составляет 83,5 %. В то время как всего в следственное управление по Оренбургской области в 2020 году поступило 14 517 сообщений о преступлении, из них возбуждено 1 987 уголовных дел [12], то есть всего 14 % от общего числа поступивших сообщений. То есть, по сути, реализация прокурором своего полномочия в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ

является безусловным основанием для возбуждения уголовного дела.

Возникает закономерный вопрос, почему именно данный повод — постановление прокурора для решения вопроса об уголовном преследовании, по сравнению с другими поводами влечет практически 80–90 % показатель возбуждения уголовных дел.

Проведенное Колосовичем М. С. анкетирование практических работников выявило ряд сложностей при рассмотрении постановлений прокурора и отчасти позволяет объяснить столь высокий процент возбужденных уголовных дел. Так, 11 % опрошенных указали, что постановление прокурора воспринимается как указание к обязательному возбуждению уголовного дела. 15 % респондентов заявили, что будут вынуждены возбудить уголовное дело, чтобы не «портить» отношения с прокурором. 74 % указали, что примут решение о возбуждении уголовного дела только при наличии оснований для этого [6, с. 112].

Обосновывая значимость указанного повода, Дикарев И. С. указал, что прокуроры выносят мотивированные постановления о направлении материалов в следственный орган при наличии следующих оснований:

- в случаях непосредственного обнаружения признаков преступления;
- в связи с выявлением преступлений в ходе проведения общенадзорных проверок;
- в связи с выявлением фактов фальсификации материалов следственных проверок [3, с. 88].

По нашему мнению, неверно суждение Дикарева И. С. о том, что возбуждение уголовного дела при получении соответствующего постановления прокурора должно на практике осуществляться автоматически без проведения предварительной проверки [3, с. 88].

Аналогичного мнения придерживается и Клещев С. В., который считает, что собранные прокурором материалы уже содержат достаточные основания для принятия решения именно о возбуждении уголовного дела, а не об отказе в возбуждении, так как нет необходимости прокурору направлять постановление и материалы, заранее предполагая, что уголовное преследование не начнется [5, с. 177].

Таким образом, указанные ученые фактически наделяют прокурора завуалированным правом возбуждать уголовные дела. Но, учитывая, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве выражена система сдержек и противовесов, нецелесообразно наделять постановление прокурора для решения вопроса об уголовном преследовании такой прерогативой при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Насколько верно постановление прокурора выделять как исключительный повод? По нашему мнению, не должна образовываться иерархия из четырех имеющихся поводов. Так как в любом случае действующее законодательство обязывает следователя проводить доследственную проверку независимо от повода к ее проведению, по результатам которой следователь самостоятельно принимает решение.

Необходимо отметить, что прокуроры вправе направлять в следственные органы для проведения доследственных проверок не только постановления в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ для решения вопроса об уголовном преследовании, но и иные сообщения, требующие проведения доследственной проверки в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ. Указанные нами «иные сообщения» направляются прокурорами в следственные органы сопроводительным письмом с рапортом об обнаружении признаков преступления. Таких «иных сообщений» в 2020 году в следственное управление по Оренбургской области поступило 360. К сожалению, статистика их рассмотрения отсутствует.

Остается неясным вопрос о том, что прокурор для проведения доследственной проверки, то есть и для решения вопроса о возбуждении уголовного дела направляет в следственные органы, зарегистрированные ими рапорта, но без оформления постановления в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. То есть прокурор заведомо понимает, что будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела? В таком случае насколько обоснована регистрация рапортов и последующее их направление в следственные органы. В то же время, исходя из опыта практической деятельности, следует, что и по указанным «иным сообщениям» возбуждаются уголовные дела.

Так, Абдулинским межрайонным прокурором Оренбургской области направлен в территориальный следственный орган Следственного комитета без постановления, вынесенного в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, рапорт об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 145.1 УК РФ в действиях директора Абдулинского потребительского общества. В следственном органе по результатам рассмотрения сообщения о преступлении возбуждено уголовное дело (уголовное дело № 513/3-2016, расследованное СК России по Оренбургской области).

Таким образом, считаем целесообразным не выделять как самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела — постановление прокурора для решения вопроса об уголовном преследовании. Так как следователь должен при рассмотрении сообщений о преступлении автономно принимать решения, без за-

ранее установленных для него прерогатив.

Представляется верным, что основная функция прокурора на этапе возбуждения уголовного дела это функция надзора, а не уголовного преследования.

Также в науке уголовного процесса длительное время остается дискуссионным вопрос, касающийся определения функции прокурора на этапе утверждения обвинительного заключения по уголовному делу.

Мнения ученых в части определения функции прокурора на этапе утверждения обвинительного заключения разделились. Одни считают, в частности Ю. П. Синельщиков, Е. А. Буглаева [2], что прокурор, изучая материалы уголовного дела, поступившие к нему с обвинительным заключением, осуществляет надзорную деятельность. По мнению других, в частности Жука О. Д. [4, с. 116], прокурор, утверждая обвинительное заключение, берет на себя осуществление функции уголовного преследования. По мнению третьих, в частности А. Б. Соловьева, А. Г. Халиулина, М. П. Кан, прокурорская деятельность на данной стадии состоит из нескольких элементов, и прокурорская деятельность не обосновывается, исходя из функции надзора или функции уголовного преследования.

Действия и решения прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, представляют собой заключительную стадию досудебного производства, на котором решается вопрос об утверждении окончательного обвинения и направлении уголовного дела в суд. Эта стадия характеризуется определенной самостоятельностью, так как для нее установлены свои задачи, срок и итоговые решения [9, с. 85].

Содержание данной стадии состоит в том, что прокурор или его заместитель в течение 10 суток проверяют качество проведенного предварительного следствия и наличие достаточных доказательств для рассмотрения дела в суде путем изучения материалов дела.

Прокурор при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным заключением наделен правом только констатировать допущенные в ходе предварительного следствия нарушения, но самостоятельно без участия следователя, не может принимать каких-либо мер по их устранению.

В научном мире высказываются мнения о том, что прокурора на этапе утверждения обвинительного заключения нужно наделить определенным объемом полномочий, связанных с непосредственным осуществлением уголовного преследования.

Так, по мнению Булановой Н. В. прокурор при изучении уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением, должен быть наделен та-

кими полномочиями как изменение объема обвинения либо квалификации содеянного по уголовному закону о менее тяжком преступлении, прекращение уголовного дела (уголовного преследования). Указанное позволит избежать производства дополнительного расследования и как следствие продление срока следствия и срока содержания под стражей [2, с. 52].

По нашему убеждению, в отечественном уголовном процессе справедливо функции надзора и уголовного преследования отчетливо разграничены между прокурором и следователем при возвращении прокурором уголовного дела и при производстве дополнительного следствия. Следователь, являясь самостоятельным должностным лицом, в ходе дополнительного следствия устанавливает, имеются ли действительно основания для принятия таких решений как изменение объема обвинения, прекращение уголовного дела (уголовного преследования), после чего принимает соответствующие решения, а прокурор проверяет их в порядке надзора.

Необходимо и не оставлять без внимания тот факт, что качество предварительного следствия и последующее принятие судом окончательного решения по делу, зависит от того как прокурор оценит полноту собранных в ходе следствия доказательств. Прокурор, утверждая обвинительное заключение, фактически уже определяет пределы предстоящего судебного разбирательства. Ю. Я. Чайка, являвшийся Генеральным прокурором России 23 марта 2016 г. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, указал, что «высшей степенью ответственности прокурора является изучение завершённого расследованием дела. Утверждение обвинительного заключения при наличии сомнений в виновности обвиняемого, пусть даже согласившегося на особый порядок рассмотрения дела, считаю признаком профессиональной несостоятельности» [13].

По нашему мнению, в заключение целесообразно обосновать вывод о биполярности процессуальных функций прокурора, позволяющий утверждать о том, что современные функции прокурора во многом отражают суть идеи, исторически заложенной еще в Уставе уголовного судопроизводства, когда надзорная функция прокурора в досудебном уголовном процессе была закреплена в сочетании с его обвинительной функцией на судебных стадиях. Авторы считают логичным полномочия прокурора по возвращению уголовного дела следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования или пересоставления обвинительного заключения рассматривать биполярно, то есть относить к

реализации надзорной функции прокурора и функции уголовного преследования. С одной стороны, прокурор досконально изучает материалы уголовного дела в рамках надзорной функции. С другой стороны, после утверждения обвинительного заключения прокурор начинает осуществлять функцию уголовного преследования. Следовательно, прокурор изучает материалы уголовного дела с позиции оценки достаточности доказательств и последующего осуществления им уголовного преследования в суде.

Список источников

1. Бабаева, И. Д. О процессуальных функциях прокурора на этапе утверждения обвинительного заключения // [Электронный ресурс]. URL: <https://sibac.info/journal/student/20/89775> (дата обращения: 04.11.2019).
2. Буланова, Н. В. Механизм осуществления прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2 (52).
3. Дикарев, И. С. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : монография. Волгоград, 2011.
4. Жук, О. Д. Соотношение уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12.
5. Клещев, С. В. «Прокурорский» повод для возбуждения уголовного дела : проблемы реализации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3.
6. Колосович, М. С. Теоретические и практические проблемы возбуждения уголовного дела по постановлению прокурора // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2012. № 1 (20).
7. Маслов, И. В. Уголовно-процессуальные функции участников досудебного производства : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
8. Муллагалеева, Л. Р. Возвращение уголовного дела для дополнительного следствия: история и прогрессивные тенденции зарубежного уголовно-процессуального законодательства // материалы Международной научно-практической конференции «Следствие в России : три века в поисках концепции». М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017.
9. Смирнов, А. В., Калиновский, К. Б. Уголовный процесс. СПб : Питер, 2015.
10. Соловьева, Н. А., Ильясова, А. К. Постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела: проблемы совершенствования законодательства // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4.

11. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2020 г. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2021).

12. Статистический отчет по форме № 1-Е (СК) «Сведения о следственной работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по Оренбургской области за январь-декабрь 2020 года».

13. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры России 23 марта 2016 // [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 13.07.2019).

References

1. Babaeva, I. D. On the procedural functions of the prosecutor at the stage of approval of the indictment // [Electronic resource]. URL: <https://sibac.info/journal/student/20/89775> (date of appeal: 04.11.2019).
2. Bulanova, N. V. The mechanism of the prosecutor's criminal prosecution in pre-trial proceedings // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2016. No. 2 (52).
3. Dikarev, I. S. The essence and actual problems of the stage of initiation of a criminal case : monograph. Volgograd, 2011.
4. Zhuk, O. D. The ratio of criminal prosecution and prosecutorial supervision in the pre-trial stages of the criminal process // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 12.
5. Kleshchev, S. V. "Prosecutorial" reason for initiating a criminal case : problems of implementation // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 3.
6. Kolosovich, M. S. Theoretical and practical problems of initiating a criminal case by the decision of the prosecutor // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1 (20).
7. Maslov, I. V. Criminal procedural functions of participants in pre-trial proceedings : monograph. M. : Yurlitinform, 2018.
8. Mullagalееva, L. R. The return of a criminal case for additional investigation: history and progressive trends of foreign criminal procedural legislation // materials of the International scientific and practical conference "Investigation in Russia: three centuries in search of a concept". Moscow : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2017.
9. Smirnov, A.V., Kalinovsky, K. B. Criminal trial. St.

Petersburg : Peter, 2015.

10. Solovyova, N. A., Ilyasova, A. K. The prosecutor's decision as a reason for initiating a criminal case : problems of improving legislation // The legal paradigm. 2019. Vol. 18. No. 4.

11. Statistical data on the main indicators of the activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January-December 2020 // [Electronic resource]. Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (accessed:

05/14/2021).

12. Statistical report on Form No. 1-E (SC) "Information on the investigative work of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Orenburg Region for January-December 2020".

13. Speech of the Prosecutor General of the Russian Federation at an expanded meeting of the Board of the Prosecutor General's Office of Russia on March 23, 2016 // [Electronic resource]. URL: <https://genproc.gov.ru> / (accessed: 13.07.2019).

Информация об авторах

С. А. Вецкая – доцент кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук;

Л. Р. Муллагалеева – соискатель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

S. A. Vetskaya – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences;

L. R. Mullagaleeva – Applicant of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 29.11.2021.

The article was submitted 13.10.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 29.11.2021.

Научная статья

УДК 343.982.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-66-72>

НИОН: 2003-0059-6/21-079

MOSURED: 77/27-003-2021-06-278

Современные возможности использования специальных знаний при комплексном криминалистическом исследовании документов

Сергей Алексеевич Гаврилин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, gavrilines@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются различные формы использования специальных знаний, применимые в процессе комплексного криминалистического исследования документов.

На основе анализа криминалистической и процессуальной литературы, а также практической деятельности судебно-экспертных учреждений приводится авторский взгляд на классификацию форм использования знаний сведущих лиц в процессе исследования указанных объектов. Наиболее детально описываются три ключевые формы комплексного исследования документов: комплекс экспертиз, комплекс исследований в рамках одной экспертизы и комплексные экспертизы. С учетом экспертно-криминалистической практики приводятся примеры их эффективного применения в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: исследование документов, формы использования специальных знаний, сведущие лица, экспертиза, комплексное исследование, комплексная экспертиза, комплекс экспертиз, выводы эксперта

Для цитирования: Гаврилин С. А. Современные возможности использования специальных знаний при комплексном криминалистическом исследовании документов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 66–72. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-66-72>.

Original article

Modern possibilities of using special knowledge in complex forensic examination of documents

Sergei A. Gavrilin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, gavrilines@mail.ru

Abstract. The article considers various forms of using special knowledge that are used in the process of complex forensic research of documents.

Based on the analysis of forensic and procedural literature, as well as the practical activities of forensic institutions, the author's view on the classification of forms of using the knowledge of knowledgeable persons in the study of these objects is given. The most detailed description of three key forms of complex research of documents: a complex of monoexpertises, a complex of studies within the framework of a single examination, and complex examinations. Taking into account expert and forensic practice, examples of their effective application in law enforcement are given.

Keywords: research of documents, forms of using special knowledge, competent persons, monoexpertiza, complex research, complex expertise, complex expertise, insights of an expert

For citation: Gavrilin S. A. Modern possibilities of using special knowledge in complex forensic examination of documents. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):66–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-66-72>.

© Гаврилин С. А., 2021

В двадцать первом веке — веке информационных технологий ключевым условием развития современной науки выступает интеграция. Именно интеграция и комплексирование научного знания являются одной из основных закономерностей научно-технического прогресса. основополагающими проводниками его достижений в сферу уголовного и административного судопроизводства традиционно выступают криминалистика в целом и судебная экспертиза в частности. Данные отрасли научных знаний имеют синтетическую природу и объединяют в себе естественнонаучные, социальные и юридические знания. Ввиду этого их дальнейшее развитие, расширение возможностей, а также повышение роли в процессе раскрытия и расследования преступлений невозможно без интеграции современных знаний и достижений науки и техники. Основным проявлением отмеченного процесса в судебной экспертизе выступает комплексный подход к исследованию всех объектов материального мира.

В настоящее время комплексирование знаний стало повседневным явлением в экспертной практике, которое успешно выступает основанием для создания новейших методов и методик экспертного исследования, а также новых видов судебной экспертизы.

Следует отметить, что каждый объект криминалистического исследования является материальным носителем информации о расследуемом событии и характеризуется наличием различных свойств, всестороннее изучение которых предполагает использование разных специальных знаний. На практике почти любое судебно-экспертное исследование в той или иной степени можно рассматривать как комплексное. Вместе с тем, современный уровень развития судебной экспертизы позволяет четко разграничивать формы комплексных исследований. Так, согласно общепризнанной концепции на настоящем этапе выделяются три основные формы комплексных исследований: комплекс экспертиз, комплексное исследование в рамках моноэкспертизы и комплексная экспертиза [5, с. 241]. Рассмотрим их более подробно на примере комплексного исследования документов.

Использование комплексного подхода к объекту и процессу исследования представляется логически верным в отношении документов. Данное обстоятельство обусловлено тем, что современные документы являются многокомпонентными объектами, характеризующимися многоэлементным составом, сложным содержанием и структурой. Поэтому процесс их исследования подразумевает решение сложных экспертных вопросов, находящихся на стыке разных наук, что требует использования значительного количества

технических средств, множества методов, большого числа частных методик и применения различных специальных знаний.

В условиях современности для соблюдения требований законодательства при использовании разнообразных знаний сведущих лиц в процессе комплексного исследования документов необходимо правильное представление о его формах. В результате изучения различных точек зрения ученых, работающих как в сфере уголовно-процессуальной, так и криминалистической науки, прослеживается отсутствие единого взгляда на данную проблему. В юридической литературе приводятся разные мнения по поводу форм использования специальных знаний в судопроизводстве. Большая часть авторов разделяет формы применения знаний сведущих лиц на процессуальные и непроцессуальные. При этом в настоящее время отсутствуют общепринятые основания классификации форм использования специальных знаний. Так, одни авторы дифференцируют формы использования специальных знаний в зависимости от вида и целей деятельности. Другие ученые в качестве классификационного основания используют степень урегулированности определенной формы процессуальным законодательством [1, с. 113]. Также существуют иные мнения об использовании различных критериев дифференциации.

В целях более точного определения места и роли рассматриваемых форм в системе иных видов применения знаний сведущих лиц и установления их доказательственного значения необходимо провести анализ существующих классификаций в данной области судопроизводства.

В. Н. Махов в своих работах дифференцирует знания сведущих лиц в зависимости от их определения в уголовно-процессуальном законодательстве. По этому основанию он выделяет три группы форм: «непосредственно предусмотренные законом; о которых есть упоминание в законе; приобщение к делу документов, содержащих справочные и иные сведения, подготовленные с использованием специальных знаний» [4, с. 72].

Первую группу составляют: производство судебных экспертиз; привлечение специалистов к участию в следственных действиях; участие переводчика.

Вторую группу образуют ревизии, назначаемые по инициативе следователя; восстановление бухгалтерского учета силами самих предприятий; документальные проверки; медицинское освидетельствование для дачи заключения о направлении лица на принудительное лечение от алкоголизма; составление документов сведущими лицами, в которых они фиксируют до возбуждения уголовного дела сведения об обстоя-

тельствах преступления.

В третью группу входят справки, составляемые по запросу следователя [4, с. 72].

А. А. Эйсман среди форм применения специальных знаний сведущих лиц выделяет: «экспертизу, консультацию, ревизию, техническую помощь и техническое обследование» [12, с. 41].

В. И. Шикановым предлагается следующая классификация форм применения специальных знаний:

- непосредственное использование специальных знаний следователем, прокурором, составом суда;
- применение специальных познаний сведущих лиц без привлечения их к участию в следственных действиях (консультации, справки по отдельным вопросам);
- использование материалов несудебных (ведомственных административных) расследований, а также результатов исследований, проводившихся в их процессе;
- применение знаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций специалиста;
- использование знаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций судебного эксперта;
- использование специальных знаний переводчиков и лиц, понимающих знаки глухого, немого (переводчиков жестового языка);
- назначение и проведение ревизий;
- производство технических или иных обследований по заданию следователя или суда [11, с. 41].

В. А. Образцов в своих научных трудах предлагает выделять следующие формы использования знаний сведущих лиц: «привлечение специалистов для участия в процессуальных и иных действиях; производство судебных экспертиз; проведение документальных ревизий и иных обследований; получение справок и консультаций; использование составляемых специалистами документов в ходе их служебной деятельности; допрос сведущих лиц в качестве свидетелей либо экспертов (при их участии в производстве судебных экспертиз)...» [6, с. 281–285].

Согласно точке зрения Ю. К. Орлова, основной формой использования специальных знаний уголовном судопроизводстве выступает судебная экспертиза, помимо нее им выделяются: «ревизия, несудебная экспертиза, справочная деятельность, участие специалистов в производстве следственных действий, а также деятельность педагога и переводчика» [7, с. 16].

В результате анализа рассмотренных классифи-

каций следует сделать вывод о том, что в качестве основания для классификации форм использования специальных знаний в отечественной уголовно-процессуальной и криминалистической науке зачастую выступает указание УПК на определенную форму использования знаний сведущих лиц в раскрытии и рассмотрении уголовных дел, а именно процессуальную и непроцессуальную. Вследствие этого при их последующей дифференциации на классы в качестве наиболее подходящих оснований использовались два критерия:

- процессуальный порядок проведения определенного процессуального действия, в рамках которого применяются специальные знания;
- доказательственное значение результата использования.

На основании данного утверждения, предлагается авторская классификация форм использования специальных знаний, применимых в процессе комплексного криминалистического исследования документов:

1. Использование специальных знаний, процессуальный порядок которых закреплен законодательно, а их результаты имеют доказательственное значение. Указанную группу составляют: *назначение и производство экспертизы; допрос эксперта; участие специалиста в следственном действии, заключение и показания специалиста.*

В рамках данного блока все более востребованным направлением использования специальных знаний становится производство комплексных экспертиз. Их широкое распространение вызвано рядом объективных причин. Первая из них связана с кооперированным характером процесса производства экспертизы, в котором четко прослеживаются черты научного разделения труда. Это обусловлено интенсивным внедрением научных и технических достижений в экспертную практику и усиливающейся дифференциацией и интеграцией знаний. Вторая причина вызвана увеличением количества используемых методов и усложнением методик экспертного исследования, что порождает усиление специализации экспертов, в том числе в пределах одной специальности [8, с. 174]. Третья причина связана с отсутствием возможности получения ответа на какой-либо сложный вопрос посредством привлечения эксперта одной определенной специальности, в особенности узкой. В данном случае его специальных знаний окажется просто недостаточно для всестороннего и полного решения поставленной задачи. Четвертая причина обусловлена современными потребностями судебно-следственной практики в решении сложных вопросов, которые находятся на сты-

ке разных наук и требуют использования различных специальных знаний.

На сегодняшний день комплексная экспертиза характеризуется широкими возможностями, а методы «...совокупного, синтезированного применения знаний из разных отраслей науки и техники...» [10, с. 17] доказали свою эффективность в правоохранительной деятельности.

2. Использование специальных знаний, упомянутых в процессуальном законе, при этом процессуальный статус которых не определен, но результаты выступают доказательством по делу (преимущественно справочно-консультационная деятельность). В рассматриваемую группу входят: *проведение документальных проверок и ревизий; исследования, проводимые с привлечением специалиста на стадии возбуждения дела; разъяснение сторонам и суду вопросов в рамках компетенции специалиста, помощь дознавателю, следователю, суду в части постановки вопросов перед экспертом (экспертами), а также консультации лица, обладающего специальными знаниями, которые имеют ориентирующий характер.* Кроме того, возможно использование других форм специальных знаний, результаты которых не являются доказательствами, но могут быть использованы в процессе расследования и раскрытия преступлений.

Анализ судебной и экспертной практики свидетельствует, что к последней из рассмотренных форм использования специальных знаний при необходимости исследования документов органы предварительного расследования и суды прибегают наиболее часто. В частности, огромное значение для комплексного исследования документов приобретает помощь специалиста при назначении судебной экспертизы, определении: кому следует поручить производство конкретной экспертизы, какие поставить вопросы, какие материалы направить в распоряжение эксперта, в каком порядке проводить исследования при назначении комплекса экспертиз.

Еще одним актуальным направлением в рамках данного блока выступает использование специальных знаний в форме привлечения специалиста для оценки научной обоснованности экспертных исследований и выводов по ним, которое является эффективным инструментом объективизации уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что специальные знания в области теории судебной экспертизы являются теоретической базой осуществления комплексного экспертно-криминалистического исследования документов. Анализ научно-практической деятельности в данной

области позволяет выделить наиболее востребованные со стороны следственно-судебных органов формы использования знаний сведущих лиц.

1. В процессе проведения комплексного исследования документов особое значение для осуществления правоохранительной деятельности приобретает производство судебной экспертизы. С учетом практики производства соответствующих экспертиз, объектом которых выступают документы, необходимо более точно подходить к трактовке их комплексности, что определяет необходимость осуществления более детальной дифференциации данной формы.

В данном вопросе мы разделяем позицию Ю. Г. Корухова, который в рамках нее различает три категории понятий [2, с. 14]:

А) комплекс экспертиз.

Посредством использования указанной формы на исследование может быть направлен один многокомпонентный объект и поставлены вопросы, относящиеся к различным экспертным специальностям. При этом экспертами разного профиля разных экспертных специальностей будут проводиться отдельные исследования, по итогам которых в рамках своей компетенции самостоятельно даны выводы, не зависящие от результатов других экспертов.

Следует отметить, что в рассмотренном случае каждая из проводимых экспертиз будет выступать в качестве моноэкспертизы, поскольку поставленные следователем или судом вопросы изначально не требуют комплексирования результатов, получаемых разными экспертами в процессе самостоятельных исследований.

В рамках комплексного исследования документов в качестве таких моноэкспертиз могут выступать: судебно-почерковедческая; криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (далее – КЭМВИ); технико-криминалистическая экспертиза документов (далее – ТКЭД); судебно-бухгалтерская; финансово-экономическая; финансово-кредитная; налоговая; автороведческая; лингвистическая; фототехническая и др.

Применимо к комплексному исследованию документов таковым объектом может, например, выступить какой-либо договор дарения, в отношении которого будут поставлены вопросы, относящиеся к области почерковедческой экспертизы, ТКЭД, а также КЭМВИ. В этом случае вопросы по поводу исполнителя подписи «дарителя» будут решаться экспертами-почерковедами, а идентификация и диагностика оттиска печатей будет проводиться посредством использования специальных знаний в области ТКЭД,

тогда как исследование красящего вещества штрихов пишущего прибора необходимо осуществлять путем производства КЭМВИ.

В) Комплексные исследования в рамках одной экспертизы. Являются наиболее частым вариантом использования специальных знаний в рассматриваемом процессе исследования документов. В данном случае на экспертизу поступает либо многокомпонентный объект, либо документ, характеризующийся рядом определенных свойств, исследование которых входит в основную задачу эксперта, но требует применение разнородных методов или использования специальных знаний, выходящих за пределы его собственных специальных знаний (или комиссии экспертов). Указанное исследование проводится в пределах одного конкретного рода (вида) судебной экспертизы и завершается одним экспертом.

Основная отличительная особенность данной формы использования специальных знаний от комплексной экспертизы заключается в том, что в исследовании участвует эксперт наиболее широкого профиля (интегратор), который обобщает результаты исследований, проведенных экспертами различных специальностей или разных специализаций, решает основную комплексную задачу, а также формулирует и подписывает конечный вывод [2, с. 15].

В качестве примера комплекса исследований в рамках одной экспертизы следует рассмотреть производство почерковедческой экспертизы, объектом которой выступает краткая рукописная запись в договоре купли-продажи, выполненная на иностранном языке. В рамках данной экспертизы экспертом-интегратором выступит эксперт-почерковед, который будет решать общий вопрос в отношении выполнения записи тем лицом, от имени которого она значится, в рассматриваемом случае — продавца товара. При этом на этапе установления признаков предварительной технической подготовки при ее выполнении, а также признаков применения технических средств (приёмов) требуется использование специальных знаний в области ТКЭД. Также в целях установления конкретного типа латиницы (испанской, итальянской либо немецкой) отдельное исследование должен провести эксперт-лингвист. В итоге на основе полученных исходных данных о рукописном выполнении объекта и типе латинского алфавита, который был использован при выполнении букв, эксперт-почерковед проведет идентификационное исследование краткой записи и установит ее исполнителя.

С) Комплексная экспертиза представляет собой междисциплинарное исследование, которое прово-

дится на стыке нескольких научных дисциплин при участии специалистов из разных областей научных знаний. Ее гносеологическая сущность заключается в необходимом синтезе знаний из разных областей науки в целях ответа на поставленный перед экспертом вопрос, в котором выражен предмет экспертного исследования [5, с. 242]. В основе данной экспертизы лежит именно синтез, комбинация различных знаний, а не их простое суммирование.

Основное отличие данной формы комплексного исследования от моно- и комиссионной экспертизы заключается в том, что на ее разрешение зачастую ставится один либо два главных вопроса, которые требуют комплексирования разных специальных знаний для дачи общего вывода. По мнению Ю. Г. Корухова, в рамках таких вопросов могут ставиться следующие задачи: «по установлению причины какого-либо явления; соответствия либо несоответствия действий субъекта установленным правилам; кульминации исследуемого явления (столкновения, наезда на пешехода) и т.д.» [2, с. 16]. В целях успешного решения этих «комплексных» вопросов каждым из экспертов различных специальностей проводятся полноценные самостоятельные исследования. В их процессе решаются частные задачи, а полученные промежуточные выводы используются в дальнейшем для формулирования общего вывода.

Комплексная экспертиза достаточно часто проводится по делам, связанным с фальшивомонетничеством. Так в качестве примера можно рассмотреть ситуацию, когда на экспертизу представлены денежные билеты Банка России, а также оборудование, изъятое у подозреваемого. В данном случае главный вопрос, поставленный перед экспертами, может иметь следующую формулировку: «Не выполнены ли представленные на исследование денежные билеты с использованием оборудования (технических средств) и материалов, изъятых у подозреваемого?». В целях всестороннего и полного ответа на данный вопрос потребуются привлечение экспертов в области ТКЭД, трасологической, компьютерно-технической экспертизы, а также КЭМВИ. Задачи по установлению способов изготовления каждого средства защиты денежных билетов будут решаться экспертом в области ТКЭД, экспертом-трасологом будут исследоваться следы оборудования, использовавшегося в процессе их изготовления, эксперт в области компьютерной техники будет устанавливать факты применения изъятых технических средств при создании денежных купюр, а различные материалы, входящие в состав объекта (красящие вещества, клеи и бумага), будут изучаться

экспертом-химиком. По итогам проведенных исследований и на основании всех полученных выводов экспертами будет дан общий вывод на поставленный комплексный вопрос.

Внимания заслуживает позиция авторов новой информационно-логической концепции комплексной экспертизы, дополнительно выделяющие в качестве одного из ее видов — последовательную экспертизу [9, с. 133], в которой при решении конечной задачи используются выводы предыдущих экспертиз. В данном случае мы полностью разделяем точку зрения Н. П. Майлис и В. Ф. Орловой, рассматривающих описываемые случаи как вариант комплекса экспертиз, т.к. «...задача каждого эксперта остается в рамках его экспертной специальности, а результат экспертизы одного из них используется как исходные данные» [3, с. 143].

Вместе с тем, в процессе проведения каждой из трех рассмотренных форм комплексных исследований возможно появление проблем практического характера, которые связаны с видоизменением определенных свойств документа либо его порчей, что затрудняет или исключает последующее изучение документа. Для решения отмеченных трудностей в экспертно-криминалистической практике устанавливается определенный порядок исследования объекта. Последовательность применения методов, предназначенных для исследования документов, в каждой конкретной ситуации определяется индивидуально. Однако принцип исследования от неразрушающих методов к частично или полностью разрушающим документ должен соблюдаться в любом случае. Например, при исследовании денежных билетов по факту взятки должностным лицом изначально проводятся исследования элементов защиты данного объекта в рамках ТКЭД, а лишь затем в процессе дактилоскопической экспертизы химическими методами на нем выявляются следы рук, т.к. при этом изменяются определенные свойства документа.

2. Консультационная помощь специалиста на этапе назначения комплекса экспертиз, комплексных исследований в рамках одной экспертизы или комплексной экспертизы, состоящая из следующих направлений: помощь при выборе экспертного учреждения или конкретного эксперта; участие специалиста в подготовке материалов, необходимых и достаточных для производства экспертных исследований; оценка информативности как исследуемых документов, так и образцов для сравнительного исследования.

3. Квалифицированная оценка проведенных исследований специалистом (желательно занимающимся научной деятельностью) в области экспертно-

го исследования документов. Соответствующая деятельность чаще всего реализуется посредством дачи заключения специалиста на предмет достоверности и научной обоснованности выводов экспертизы. Законодательно такое действие предусмотрено в ст. 80 УПК РФ.

Представляется, что использование отмеченных форм использования специальных знаний в процессе комплексного криминалистического исследования документов расширит возможности следственно-судебных органов в получении доказательственной информации. Кроме того, конкретные практические примеры применения трех основных форм комплексных исследований документов будут способствовать более точной трактовке комплексности при производстве соответствующих судебных экспертиз, что положительно скажется на эффективности использования их результатов в процессе доказывания. Отдельные положения, изложенные в работе, могут выступить основой для дальнейших научных изысканий в области криминалистического исследования документов.

Список источников

1. Зуйков, Г. Г. Общие вопросы использования специальных познаний в процессе предварительного расследования // Криминалистическая экспертиза. М., 1966.
2. Корухов, Ю. Г. Проблема комплексности в судебной экспертизе (к вопросу о законодательной регламентации) // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. 3 (15). С. 14–16.
3. Майлис, Н. П., Орлова, В. Ф. Еще раз о комплексной экспертизе и путях ее развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33).
4. Махов, В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
5. Моисеева, Т. Ф. Методологические и процессуальные проблемы комплексных исследований в судебной экспертизе // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 241–242.
6. Образцов, В. А. Выявление и изобличение преступника. М., 1997.
7. Орлов, Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) : Учебное пособие. М. : Юрист, 1995.
8. Орлов, Ю. К. Комплексная экспертиза как правовое понятие // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. 4 (32).
9. Усов, А. И., Микляева, О. В., Карпухина, Е. С., Эджузов, Л. Г. О трех версиях теории комплексной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы.

2015. № 1 (37).

10. Шиканов, В. И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. Иркутск, 1976.

11. Шиканов, В. И. Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1980.

12. Эйсман, А. А. Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения судебных доказательств // Вопросы криминалистики. Вып. 6–7. М., 1962.

References

1. Zuikov, G. G. General questions of using special knowledge in the process of preliminary investigation // Forensic examination. M., 1966.

2. Korukhov, Yu. G. The problem of complexity in forensic examination (on the issue of legislative regulation) // Theory and practice of forensic examination. 2009. 3 (15). P. 14–16.

3. Mailis, N. P., Orlova, V. F. Once again about complex expertise and ways of its development // Theory and practice of forensic examination. 2014. № 1 (33).

4. Makhov, V. N. Using the knowledge of knowledgeable persons in the investigation of crimes. Moscow, 2000.

5. Moiseeva, T. F. Methodological and procedural problems of complex research in forensic expertise // Bulletin of Tomsk state University. 2019. № 449. P. 241–242.

6. Obraztsov, V. A. Detection and exposure of the criminal. Moscow, 1997.

7. Orlov, Yu. K. Expert opinion and its assessment (in criminal cases) : Textbook. M. : Lawyer, 1995.

8. Orlov, Yu. K. Complex expertise as a legal concept // Theory and practice of forensic examination. 2013. 4 (32).

9. Usov, A. I., Miklyayeva, O. V., Karpukhina, E. S., Edzhubov, L. G. On three versions of the theory of complex expertise // Theory and practice of forensic examination. 2015. № 1 (37).

10. Shikanov, V. I. Complex expertise and its application in the investigation of murders. Irkutsk, 1976.

11. Shikanov, V. I. Problems of using special knowledge and scientific and technical innovations in criminal proceedings : dis. ... doctor of law. Irkutsk, 1980.

12. Eisman, A. A. Criteria and forms of using special knowledge in forensic research in order to obtain judicial evidence // Questions of criminology. Issue 6-7. M., 1962.

Информация об авторе

С. А. Гаврилин – начальник курса Института судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

S. A. Gavrilin – Head course of the Forensic Institute of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 14.05.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 349

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-73-80>

НИОН: 2003-0059-6/21-080

MOSURED: 77/27-003-2021-06-279

Пути решения актуальных проблем социально-правового обеспечения в области оплаты труда сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации

Карим Кадырович Гасанов¹, Александр Леонидович Вострокнутов², Вячеслав Викторович Зыков³

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

³ Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево, Московская область, Россия

¹ GasanovKK@mail.ru

² al_vostroknutov@mail.ru

³ slawa-64@mail.ru

Аннотация. Статья является продолжением ранее опубликованной статьи «Актуальные проблемы административно-правового регулирования социальной защиты сотрудников ОВД правоохранительных органов РФ», в которой описаны правовые проблемы (коллизии законодательства), выявленные нами в ходе научного анализа специальных норм Федерального законодательства РФ, регулирующих служебную деятельность сотрудников ОВД.

В данной статье на основе анализа различных научных точек зрения и положений Конституционного и Верховного судов РФ исследуются фундаментальные аспекты описываемой в статье проблематики и выделяются не только общие положения, но особенности специального законодательства в сфере служебной деятельности сотрудников ОВД правоохранительных органов РФ, а также рассматриваются и показываются пути решения актуальных проблем социально-правового обеспечения сотрудников правоохранительных органов РФ на современном этапе развития.

В частности, в рамках реализации государственных гарантий рассматриваются меры и механизмы социально-правового обеспечения по оплате труда сотрудников ОВД государственными органами РФ.

Ключевые слова: государственная служба, государственный орган, социально-правовое обеспечение, государственные гарантии, оплата труда, служебное время

Для цитирования: Гасанов К. К., Вострокнутов А. Л., Зыков В. В. Пути решения актуальных проблем социально-правового обеспечения в области оплаты труда сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 73–80. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-73-80>.

Original article

Ways to solve urgent problems of social and legal support in the field of employee remuneration law enforcement agencies of the Russian Federation

Karim K. Gasanov¹, Alexander L. Vostroknutov², Vyacheslav V. Zikov³

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

³ State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuevo, Moscow region, Russia

¹ GasanovKK@mail.ru

² al_vostroknutov@mail.ru

³ slawa-64@mail.ru

© Гасанов К. К., Вострокнутов А. Л., Зыков В. В., 2021

Abstract. This article is a continuation of previously published articles “Topical problems of administrative legal regulation of social protection of employees of internal affairs bodies and law-enforcement bodies of the Russian Federation” which describes the legal issues (conflicts of law) identified by us in the course of scientific analysis of special norms of the Federal legislation of the Russian Federation regulating service activities of police officers.

In this article, based on the analysis of different scientific perspectives and the provisions of the constitutional and Supreme courts of the Russian Federation, explores the fundamental aspects of these issues and are not only General, but special legislation in the sphere of office activity of police officers of law enforcement bodies of the Russian Federation, and also discusses and shows the ways of solving the urgent problems of socio-legal support staff of law enforcement bodies of the Russian Federation at the present stage of development. In particular, as part of the implementation of state guarantees, measures and mechanisms of social and legal support for the remuneration of police officers by state bodies of the Russian Federation are considered.

Keywords: state service, state body, social and legal support, state guarantees, remuneration, service time

For citation: Gasanov K. K., Vostroknutov A. L., Zykov V. V. Ways to solve urgent problems of social and legal support in the field of employee remuneration law enforcement agencies of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):73–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-73-80>.

В конце XX и начале XXI веков в России сформировались конституционные основы государственной службы как важнейшего механизма государственного управления, принципиально отличающегося от действовавшей ранее административной системы управления Советского периода. Военная и правоохранительная службы являются видами федеральной государственной службы и находятся в исключительном ведении Российской Федерации, поэтому только государство может служить гарантом правовой и социальной защищенности военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД). В современном российском обществе государственная служба в правоохранительных органах является социально-экономическим институтом с ярко выраженными особенностями и особым видом трудовой деятельности, требующая специального регулирования, так как связана с повышенной ответственностью сотрудников ОВД правоохранительных органов, а как показывает практика эффективность их деятельности находится в зависимости от уровня социальной защиты их сотрудников [1].

Государственными органами постоянно проводится работа по оптимизации нормативно-правовой базы для социальной защиты сотрудников правоохранительных органов, основной целью которой является совершенствование нормативной базы и государственных гарантий социальной и правовой защищенности.

Социальные отношения в сфере труда сотрудников ОВД регламентируются следующими нормативными правовыми актами: Конституцией РФ [6], принятой в 1993 г., которая заложила основы социального обеспечения всех граждан РФ, указами Президента РФ [12], Трудовым кодексом РФ [7], федеральными законами [17], иными нормативными актами [5] и ведомственными приказами.

Государственные гарантии оплаты труда, заложенные в указанных законах, выполняют следующие функции:

- повышение мотивации эффективного исполнения сотрудниками ОВД своих должностных обязанностей;
- укрепление стабильности профессионального состава кадров сотрудников ОВД;
- компенсация ограничений, установленных для сотрудников ОВД действующим законодательством [1; 2; 3; 4].

По нашему мнению, указанные функции напрямую должны согласовываться с нормами Трудового кодекса РФ и не противоречить федеральному законодательству, регулирующему служебную деятельность государственных служащих.

Однако, как показала правоприменительная практика и анализ некоторых статей федерального законодательства РФ, не все нормы специального законодательства в полной мере охватывают правовые нюансы служебной деятельности сотрудников ОВД. В настоящее время остаются неразрешенными актуальные проблемы, выявленные нами в ходе анализа вышеуказанных некоторых норм законодательства РФ как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, в части установления особого порядка оплаты труда категории лиц — «сотрудник Росгвардии — сотрудник правоохранительных органов, переведенный сотрудник ОВД МВД России в соответствии с Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии РФ» [13] (далее — Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157) и проходящий службу в распоряжении вновь образованного органа внутренних дел (Росгвардии) на предполагаемую к замещению должность (которая замещалась им (определена) ранее в МВД России в

соответствии с ранее заключенным контрактам о прохождении службы в ОВД МВД России), которую он не замещал (занимал) в Росгвардии с момента образования Росгвардии и которая не подлежит сокращению из состава Росгвардии, как штатная единица из полного штатного состава вновь образованного государственного органа (Росгвардии), в случае проведения организационно-штатных мероприятий в Росгвардии, который не заключил контракт с органами внутренних дел (Росгвардии) не по своей инициативе (волеизъявлению) и поэтому еще не поступил на военную службу по контракту в войска национальной гвардии РФ» (здесь и далее сокращение — «переведенные в соответствии с Указом Президента РФ сотрудники ОВД и проходящие службу в распоряжении Росгвардии»), при котором оплата труда производится на усмотрение руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя подразделений ОВД и находится в зависимости от часто меняющихся положений подзаконных актов (приказов), а вследствие этого, по нашему мнению, иногда не в соответствии с законом.

В частности, нами выявлено, что ст. ст. 30 (ч.ч. 1 и 3), 36 (ч. 1 п. 1, ч. 4, 5, 6, 7), 82 (ч. 2 п. 11 и ч. 7), 84 (ч.ч. 1, 2, и 4), 85 (ч.ч. 1 и 2) Федерального закона от 30.11.2011 №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [16] (далее — Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ) и ст. 44 ч. 4 п. 4 Федерального закона от 03.07.2016 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии РФ» [18] (далее — Федеральный закон от 03.07.2016 № 227-ФЗ) — не предполагают возможность применения предусмотренного ими основания — для вышеуказанной категории лиц — сохранения периодов и сроков предоставления основных и дополнительных отпусков, расчетных периодов для исчисления пособий и компенсаций, исчисленные во время службы в ОВД, и тем самым вышеуказанную категорию лиц (сотрудников) при наличии правового основания исключают из перечня лиц, за которыми сохраняются периоды и сроки предоставления основных и дополнительных отпусков, расчетных периодов для исчисления пособий и компенсаций, исчисленные во время службы в органах внутренних дел, и тем самым лишают права на отдых и/или денежную компенсацию за него и в том числе денежную компенсацию при увольнении сотрудника Росгвардии, проходившего службу в распоряжении с момента образования Росгвардии.

Нарушения вышеуказанными положениями федеральных законов РФ, трудовых прав сотрудников

ОВД нами усматривается в том, что эти положения противоречат Конституции РФ и Трудовому кодексу РФ, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, содержащиеся в них положения не предполагают возможность применения предусмотренного им основания в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами РФ, указанными в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, к правоотношениям, связанным со службой сотрудников в органах внутренних дел, — норм трудового законодательства, и вследствие этого они предполагают применение к правоотношениям, связанным со службой сотрудников Росгвардии п. 4 ч. 4 ст. 44 Федерального закона от 03.07.2016 № 227, которые исключают (не учитывают) категорию лиц «переведенные в соответствии с Указом Президента РФ сотрудники ОВД и проходящие службу в распоряжении Росгвардии» из перечня лиц, которым (учитываются) сохраняются периоды и сроки предоставления основных и дополнительных отпусков, расчетные периоды для исчисления пособий и компенсаций, исчисленные во время службы в органах внутренних дел, т. е. не сохраняют и не учитывают время дополнительных дней отдыха за неотгулянные дополнительные отпуска (в связи с болезнью сотрудника ОВД во время основного отпуска) и денежную компенсацию (и/или дополнительные дни отдыха) за выполнение служебных обязанностей сверх установленной продолжительности рабочего времени сотрудников Росгвардии, находящихся в распоряжении при прохождении службы ранее в сокращенных подразделениях МВД России и предполагающих проведение учета и сохранения вышеуказанного времени в нарушении конституционных норм и федеральных законов РФ, по инициативе (по выбору) руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя в отношении сотрудника Росгвардии произвольно, а также не предполагает переход обязанности на вновь образованный орган внутренних дел по выплате денежной компенсации при увольнении и окончательном денежном расчете сотруднику Росгвардии, находящемуся в распоряжении органа внутренних дел, за дополнительные дни отдыха за неотгулянные дополнительные отпуска (в связи с болезнью сотрудника ОВД во время основного отпуска) и дополнительные дни отдыха за выполнение служебных обязанностей сверх установленной продолжительности рабочего времени при прохождении службы ранее в сокращенных подразделениях ОВД (МВД России), а также вышеуказанные положения закона не предусматривают при переводе из ОВД (МВД России) в другие органы внутренних дел (Росгвардии) сохранения права за сотрудником ОВД, проходящем службу в распоряжении вновь образованного государ-

ственного ОВД (Росгвардии), на дополнительные дни отдыха за неотгулянные дополнительные отпуска и денежную компенсацию (и/или дополнительные дни отдыха) за выполнение служебных обязанностей сверх установленной продолжительности рабочего времени при прохождении службы в сокращенных подразделениях МВД России и переданных в органы внутренних дел Росгвардии в соответствии с Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 157 или денежную компенсацию за эти дни при увольнении сотрудника ОВД и не содержат указаний о выплате при увольнении выше указанным категориям лиц денежной компенсации за неиспользованные дополнительные выходные дни за ранее сверхурочно отработанное время, сотруднику Росгвардии, не заключившему контракт, проходящему службу в распоряжении органа внутренних дел Росгвардии, у которого имеется право и волеизъявление (в срок указанный законом поданные рапорта) на дополнительные дни отдыха за неотгулянные дополнительные отпуска (в связи с болезнью сотрудника ОВД во время основного отпуска) и денежную компенсацию (и/или дополнительные дни отдыха) за выполнение служебных обязанностей сверх установленной продолжительности рабочего времени при прохождении службы ранее в сокращенных подразделениях МВД России, — тем самым вышеуказанную категорию лиц при наличии правового основания в нарушении конституционных норм и законов РФ исключают из перечня лиц, за которыми сохраняются периоды и сроки предоставления основных и дополнительных отпусков, расчетные периоды для исчисления пособий и компенсаций, исчисленные во время службы в органах внутренних дел МВД России, тем самым лишают сотрудников Росгвардии права на отдых и/или денежную компенсацию за него и препятствуют предоставлению сотруднику Росгвардии социальных и иных гарантий, предоставляемых при прохождении службы и увольнении из органов внутренних дел (Росгвардии) сотруднику, не заключившему контракт для дальнейшего прохождения службы в Росгвардии, а проходящему службу в распоряжении Росгвардии, предусмотренных ст.ст. 6 (ч. 2), 7 (ч.ч. 1 и 2), 15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 19 (ч.ч. 1 и 2), 37 (ч.ч. 3 и 5) и 55 (ч. 3) Конституции РФ, постановлением Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 38-П [10], ст.ст. 124, 126, 127 (ч. 1), 136, 140, 149, 152, 153, 154 и 164 Трудового кодекса РФ, ст. 44 ч. 4 п. 4 Федерального закона от 03.07.2016 № 227, ч. 9 (п. («б»)), 11, 13, 14 и 22 Указа Президента РФ от 05.04.2016 № 157, ст.ст. 53 (ч. 6) и 59 (ч. 1) Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, ст. 3 (ч. 11) Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О социальных гарантиях сотрудникам ОВД РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [15] (далее — Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ), ч. 56 постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами РФ Трудового кодекса РФ» [9], ч.ч. 56, 81 (п. 81.1), 101 (п. 101.4) Приложения № 1 к приказу МВД России от 31.01.2013 № 65 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников ОВД РФ» (далее — Приложения № 1 к приказу МВД России от 31.01.2013 № 65) [11] и ст. 45 «Положения о службе в органах внутренних дел РФ», утвержденного постановлением Верховного Совета РФ от 23.12.1992 № 4202-1 (ред. от 07.02.2011) [8] (далее — Положение о службе от 23.12.1992 № 4202-1) — в данном случае ставит их в неравное положение с лицами (сотрудниками), проходящими службу в органах внутренних дел (Росгвардии), заключившими контракт и относящимися к той же категории — «сотрудники ОВД МВД России — сотрудники правоохранительных органов», и поэтому нарушают конституционное право таких лиц на равный доступ к государственной службе, при том, что для них вышеуказанные положения законов и нормативных актов — устанавливают более четкое правовое регулирование, предполагающее возможность предоставления сотрудникам ОВД дополнительных дней отдыха за неотгулянные дополнительные отпуска и денежную компенсацию (и/или дополнительные дни отдыха) за выполнение служебных обязанностей сверх установленной продолжительности рабочего времени при прохождении службы, а в случае увольнения денежную компенсацию за них.

Мы полагаем, что по смыслу и в силу закона положения ч. 2 ст. 3, ч. 1 (п. 1) и ч. 3 ст. 59 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ и п. 4 ч. 4 ст. 44 Федерального закона от 03.07.2016 № 227 должны рассматриваться в совокупности с положениями, указанными в ст. 6 (ч. 2), 7 (ч.ч. 1 и 2), 15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 19 (ч.ч. 1 и 2), 37 (ч.ч. 3 и 5) и 55 (ч. 3) Конституции РФ, постановлением Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 38-П, ст.ст. 124, 126, 127 (ч. 1), 136, 140, 149, 152, 153, 154 и 164 Трудового кодекса РФ, ч.ч. 9 (п. («б»)), 11, 13, 14 и 22 Указа Президента РФ от 05.04.2016 № 157, ст.ст. 53 (ч. 6) и 59 (ч. 1) Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, ст. 3 (ч. 11) Федерального закона от 19.06.2011 № 247-ФЗ, ч. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами РФ Трудового кодекса РФ», ч.ч. 56, 81 (п. 81.1), 101 (п. 101.4) Приложения № 1 к Приказу МВД России от 31.01.2013 № 65 и ст. 45 Положение о службе от 23.12.1992 № 4202-1, — в той мере, в какой содержащиеся в них нормы по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования сложившейся правоприменительной практикой и в той мере, в какой они предусматривают переход прав и обязанностей вновь образованному государственному органу внутренних дел (Росгвардии) по предоставлению переведенным сотрудникам ОВД МВД России во вновь образованный государственный орган внутренних дел (Росгвардии), дополнительные

дни отдыха за неотгулянные дополнительные отпуска и денежную компенсацию (и/или дополнительные дни отдыха) за выполнение служебных обязанностей сверх установленной продолжительности рабочего времени при прохождении службы и переданных Росгвардии в соответствии с Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 157 подразделениях МВД России, тем самым предоставляя права на отдых и/или денежную компенсацию за них, в том числе выплату денежной компенсации при увольнении и окончательном расчете категории лиц «проходящие службу в распоряжении, переведенные в соответствии с Указом Президента РФ сотрудники ОВД».

Однако, как показали анализ специальных норм права и правоприменительная практика (дело № 2-4896/2017 Щелковского городского суда РФ и дело № 33-33358/2018 Московского областного суда РФ), нами обнаружилась неопределенность в вопросах, соответствует ли Конституции РФ вышеуказанное положение Федерального закона.

Так, в положении ст. 44 (ч. 4 п. 4) Федерального закона № 227-ФЗ от 03.07.2016 буквально указано, что: «Лицам, указанным в ч. 3 настоящей статьи, при поступлении на военную службу по контракту в войска национальной гвардии РФ:

4) сохраняются периоды и сроки предоставления основных и дополнительных отпусков, расчетные периоды для исчисления пособий и компенсаций, исчисленные во время службы в органах внутренних дел».

Поэтому категория лиц «сотрудники Росгвардии» — «переведенные в соответствии с Указом Президента РФ сотрудники ОВД и проходящие службу в распоряжении», в перечень указанного положения федерального закона не включена.

Еще одна нерешенная актуальная проблема — Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ определяя категорию сверхурочной работы (ч. 6 ст. 53) не указывает порядок её оплаты, а также не содержит указаний о выплате денежной компенсации за неиспользованные дополнительные выходные дни за ранее сверхурочно отработанное время сотруднику ОВД, проходящему службу в распоряжении (не заключившему контракт), в случае его увольнения из ОВД.

Вместе с тем согласно ст.ст. 127, 136, 140, 152 Трудового кодекса РФ обязанность работодателя по выплате работнику заработной платы и погашению образовавшейся задолженности сохраняется в течение всего периода работы.

Мы считаем, что в соответствии со ст.ст. 6 (ч. 2), 7 (ч.ч. 1 и 2), 15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 19 (ч.ч. 1 и 2), 37 (ч.ч. 3 и 5) и 55 (ч. 3) Конституции РФ, ст.ст. 124, 126, 127 (ч. 1), 136, 140, 149, 152, 153, 154 и 164 Трудового кодекса РФ, п. 4ч. 4 ст. 44 Федерального закона № 227-ФЗ от 03.07.2016, ст.ст. 28 (ч. 4) и 42 (ч. 2) Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [14], ст. 45

и 46 «Положения о прохождении службы в ОВД РФ» от 23.12.1992 № 4202-1, ст. ст. 53 (ч.ч. 5, 6 и 10) и 89 (ч. 8) Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, ч.ч. 81 (п. 81.1) и 101 (п. 101.4) Приложения № 1 к приказу МВД России от 31.01.2013 № 65 — обязанность «работодателя» (МВД РФ и Росгвардии) по предоставлению выходных дней за сверхурочную работу либо выплате его денежной компенсации сохраняется до дня увольнения, когда производится выплата всех сумм, причитающихся работнику от «работодателя».

Вследствие вышеизложенного, поскольку нормы специального законодательства не содержат положений, регулирующих порядок выплаты компенсации за все неиспользованные дополнительные отпуска и выходные дни за сверхурочную работу и при этом прямо предусматривают возможность применения норм трудового законодательства к таким правоотношениям, то в этой части, как предусмотрено ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, законодатель правомерно считает, что следует руководствоваться нормами Трудового кодекса РФ или, как мы предлагаем, что данные положения следует дополнить — положением (правилами) «о выплате компенсаций при увольнении сотрудника ОВД за вышеуказанное неоплаченное и/или неиспользованное во время службы время отдыха». Поэтому, в соответствии с нормами права, мы полагаем, что все обязанности по обеспечению денежной компенсацией сотрудников правоохранительных органов, за указанные выше периоды службы, переходят к вновь образованному государственному органу, в данном случае к Росгвардии.

В связи с вышеизложенным мы считаем, что никакие ведомственные приказы не могут ущемлять предоставленные гарантии работнику, связанные с размером оплаты труда, по сравнению с гарантиями, установленными Трудовым кодексом РФ. Последний по юридической силе является актом, превалирующим над приказами МВД России и Росгвардии, а соответственно, при расчете суммы оплаты за все неиспользованные дополнительные отпуска и выходные дни за сверхурочную работу (если они не оговорены в ведомственных приказах и специальных нормах Федеральных законов для ОВД) должны применяться положения Трудового кодекса РФ.

Проведенный анализ реализации социально-правового обеспечения по оплате труда сотрудников правоохранительных органов позволяет нам сформулировать предложения по совершенствованию данного механизма на федеральном уровне и уровне субъектов РФ.

С учетом вышеизложенного, а также исходя из требований Конституции РФ и с учетом правовых позиций, выраженных на основе постановлений Конституционного и Верховного судов РФ, рассмотреть органами государственной власти субъектов РФ воз-

возможность реализации опыта судебной правоприменительной практики для внесения изменения в Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ, Федеральный закон № 227-ФЗ от 03.07.2016, «Положение о прохождении службы в ОВД РФ» от 23.12.1992 № 4202-1, Приказ МВД России от 31.01.2013 № 65 и дать рекомендации федеральному законодателю – внести соответствующие изменения и установить правовой механизм в части, касающейся вышеуказанных правовых норм, а именно:

– при наличии правового основания, позволяющего обеспечить учет и сохранение периодов и сроков предоставления основных и дополнительных отпусков, расчетных периодов для исчисления пособий и компенсаций, исчисленные во время службы в органах внутренних дел для всех категорий лиц «сотрудников правоохранительных органов», т.е., в том числе строгий учет времени выполнения служебных обязанностей сверх установленной продолжительности рабочего времени, учет периода неотгулянных дополнительного отпуска и дополнительных дней отдыха за выполнение служебных обязанностей сверх установленной продолжительности рабочего времени при прохождении службы сотрудниками в органах внутренних дел МВД России, а также учесть категорию лиц (сотрудников) переведенных во вновь образованный орган внутренних дел (Росгвардии) в соответствии с Указом Президента РФ, проходящих службу в распоряжении и не заключивших контракт для дальнейшего прохождения службы не по своей инициативе или уволенных в связи с принятием ими решения об увольнении со службы из ОВД (Росгвардии), по основанию, выбранному сотрудником ОВД, при исчислении денежной компенсации за неотгулянные дополнительные отпуска и дополнительные дни отдыха за выполнение служебных обязанностей сверх установленной продолжительности рабочего времени при прохождении службы в органах внутренних дел МВД России и имеющих на это законные основания.

Мы полагаем, что разработанная выше правовая концепция предлагает в качестве компенсации законодательных ограничений на государственной службе, а также тягот и лишений, связанных с ее прохождением сотрудниками правоохранительных органов, предоставлять сотрудникам ОВД соответствующие этим видам государственные социальные и правовые гарантии. Соответственно, государственным служащим — сотрудникам ОВД должно обеспечиваться единство основных государственных социальных и правовых гарантий независимо от того, в каком правоохранительном государственном органе он проходит службу. Кроме этого, сотрудникам ОВД должны гарантироваться государством право на отдых, право на оплату труда и иные выплаты, установленные феде-

ральными законами РФ [2].

Список источников

1. Корнилова, С. В. Анализ практики социально-правового обеспечения государственных гражданских служащих в субъектах Российской Федерации / С. В. Корнилова, Д. А. Смирнов // Молодой ученый. 2014. № 17 (76). С. 275–282. URL: <https://moluch.ru/archive/76/12893/>.
2. Миренкова, Е. П. Проблемы реализации социальной защиты сотрудников органов внутренних дел на современном этапе развития РФ / Е. П. Миренкова, И. Н. Кремёнев // Молодой ученый. 2019. № 41. С. 95–98. URL: <https://moluch.ru/archive/279/62875/> (дата обращения: 14.03.2020).
3. Митрохин, В. В. Принципы организации и прохождения службы в органах внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 691–699.
4. Осокин, Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности России : лекция / Р. Б. Осокин. Тамбов : Тамбовский филиал МосУ МВД России, 2006. 56 с.
5. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 15.03.2020).
6. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ и с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
7. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (дата обращения: 26.02.2020).
8. Постановление ВС РФ от 23.12.1992 № 4202-1 (ред. от 28.11.2015) «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника ОВД Российской Федерации» // URL: <https://bazanpa.ru/vs-rf-postanovlenie-n4202-1-ot23121992-h184878> (дата обращения: 02.03.2020).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами РФ трудового кодекса РФ» // URL: <https://bazanpa.ru/verkhovnyi-sud-rf-postanovlenie-n2-ot17032004-h786800/> (дата обращения: 02.04.2020).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 38-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 127 и части первой статьи 392 Трудового кодекса РФ в связи с жалобами граждан М. В. Данилова, К. В. Кондакова и других» // URL: <https://bazanpa.ru/konstitutsionnyi-sud-rf>

postanovlenie-n38ot25102018h4200372 (дата обращения: 13.03.2020).

11. Приказ МВД России от 31.01.2013 № 65 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников ОВД РФ» (зарегистрирован в Минюсте России 06.05.2013 № 28315) // Московский университет МВД России // URL:<https://моф.мосу.мвд.рф/document/13702193>. (дата обращения: 20.02.2020).

12. Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 1995 № 857 «О некоторых социальных гарантиях лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и должности федеральных государственных служащих» // Российская газета. – 1995. – 24 авг.

13. Указ Президента РФ от 5 апреля 2016г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 15. – Ст. 2072.

14. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

15. Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О социальных гарантиях сотрудникам ОВД РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30. – Ч. 1, ст. 4595.

16. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49. – Ч. 1, ст. 7020.

17. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27, ст. 4159.

18. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии РФ» (с изм. и доп.: согласно Федеральному закону от 05.12.2017 № 391-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27, ст. 4160.

References

1. Kornilova, S. V. Analysis of the practice of social and legal support of state civil servants in the subjects of the Russian Federation / S. V. Kornilova, D. A. Smirnov // Young scientist. 2014. No. 17 (76). P. 275–282. URL:<https://moluch.ru/archive/76/12893>.

2. Mirenkova, E. P. Problems of implementing social protection of employees of internal affairs bodies at the present stage of development of the Russian Federation / E. P. Mirenkova, I. N. Kremenev // Young scientist. 2019. No.

41. P. 95–98. URL: <https://moluch.ru/archive/279/62875/> (accessed: 03/14/2020).

3. Mitrokhin, V. V. Principles of organization and service in internal affairs bodies // Administrative and municipal law. 2015. No. 7. P. 691–699.

4. Osokin, R.B. Law enforcement agencies in the security system of Russia : lecture / R. B. Osokin. Tambov : Tambov branch of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 56 p.

5. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (ed. of 28.12.2013) // ConsultantPlus. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (accessed: 03/15/2020).

6. The Constitution of the Russian Federation of 1993 (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation and with amendments approved during the All-Russian vote on July 1, 2020) // ConsultantPlus. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

7. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated 30.12.2001 // ConsultantPlus. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (accessed: 26.02.2020).

8. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4202-1 of December 23, 1992 (ed. of 11/28/2015) “On approval of the Regulations on Service in the Internal Affairs bodies of the Russian Federation and the text of the Oath of an employee of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation” // URL:<https://bazanpa.ru/vs-rf-postanovlenie-n4202-1-ot23121992-h184878> (accessed: 02.03.2020).

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 dated 17.03.2004 “On the application of the Labor Code of the Russian Federation by the courts of the Russian Federation” // URL: <https://bazanpa.ru/verkhovnyi-sud-rf-postanovlenie-n2-ot17032004-h786800/> (accessed: 02.04.2020).

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 38-P dated 25.10.2018 “On the case of checking the constitutionality of Part one of Article 127 and part one of Article 392 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens M. V. Danilov, K. V. Kondakov and others” // URL <https://bazanpa.ru/konstitutsionnyi-sud-rf-postanovlenie-n38ot25102018h4200372> (accessed: 13.03.2020).

11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 65 dated 31.01.2013 “On approval of the Procedure for providing monetary allowances to employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation” (registered with the Ministry of Justice of Russia 06.05.2013 No. 28315) // Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL:https://моф.мосу.Министерство_Внутренних_Дел_России/document/13702193 (accessed: 20.02.2020).

12. Decree of the President of the Russian Federation No. 857 dated August 16, 1995 “On certain social guarantees of persons holding State Positions of the Russian Federation and positions of Federal Civil servants” // Rossiyskaya Gazeta. – 1995. – 24 Aug.

13. Decree of the President of the Russian Federation dated April 5, 2016 No. 157 “Issues of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 15. – Article 2072.

14. Federal Law No. 3-FZ of 07.02.2011 (ed. of 13.07.2015) “On the Police” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 7, art. 900.

15. Federal Law No. 247-FZ of 07/19/2011 (as amended on 23.11.2015) “On Social guarantees to Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 30. – Part 1, article 4595.

16. Federal Law No. 342-FZ of 30.11.2011 (as amended on 05.10.2015) “On service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 49. – Part 1, Article 7020.

17. Federal Law No. 226-FZ of 03.07.2016 “On the troops of the National Guard of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 27, article 4159.

18. Federal Law No. 227-FZ of 03.07.2016 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Certain Legislative Acts (Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On the Troops of the National Guard of the Russian Federation” (with amendments and additions: according to Federal Law No. 391-FZ of 05.12.2017) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 27, article 4160.

Информация об авторах

К. К. Гасанов – заместитель начальника Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя по работе с личным составом, доктор юридических наук, профессор;

А. Л. Вострокнутов – старший научный сотрудник, профессор кафедры деятельности ОВД в особых условиях Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат технических наук, профессор;

В. В. Зыков – старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета, кандидат юридических наук.

Information about the authors

K. K. Gasanov – Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot' for work with personnel, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. L. Vostroknutov – Senior Researcher, Professor of the Department of Activity of Law-enforcement Bodies in Special Conditions of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Technical Sciences, Professor;

V. V. Zykov – Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines of the State University of Humanities and technology, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 10.12.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-81-85>

НИОН: 2003-0059-6/21-081

MOSURED: 77/27-003-2021-06-280

Сущность и содержание способов защиты прав интеллектуальной собственности

Людмила Юрьевна Грудцына¹, Александр Геннадьевич Чернявский²

¹ Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, ludmilagr@mail.ru

² Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, aleksandrcher@mail.ru

Аннотация. Исследуют содержание и сущность способов защиты прав интеллектуальной собственности с привлечением трудов зарубежных ученых и практиков. Собственность на результаты интеллектуального труда может быть как государственной, так частной и даже смешанной – частно-государственной. Конституция Российской Федерации гласит, что право частной собственности охраняется законом. Но здесь возникает вопрос: гарантируют ли принятые законы действительную, реальную охрану и защиту права интеллектуальной собственности и реализацию правовых механизмов ее защиты? В полной ли мере работает охранительная функция права? Реализуются ли механизмы компенсационного характера при нарушении прав интеллектуальной собственности, которые могут работать только при объективной оценке интеллектуальной собственности?

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, защита прав, функция права, гражданское право, закон

Для цитирования: Грудцына Л. Ю., Чернявский А. Г. Сущность и содержание способов защиты прав интеллектуальной собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 81–85. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-81-85>.

Original article

Essence and content of ways to protect intellectual property rights

Ludmila Yu. Grudtsyna¹, Alexander G. Chernyavsky²

¹ Northwestern Institute (branch) of O. E. Kutafin University (Moscow State University), Vologda, Russia, ludmilagr@mail.ru

² Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, aleksandrcher@mail.ru

Abstract. In the article the authors investigate the content and essence of ways to protect intellectual property rights, with the involvement of the works of foreign scientists and practitioners. Ownership of the results of intellectual labor may be both public and private and even mixed — private-state. The Constitution of the Russian Federation stipulates that the right to private property is protected by law. But here the question arises: do the adopted laws guarantee the real, real protection and protection of the right of intellectual property, and the implementation of legal mechanisms for its protection? Does the protection function of law work fully? Are compensatory mechanisms implemented in the event of infringement of intellectual property rights, which can only work with an objective assessment of intellectual property?

Keywords: intellectual property, copyright, protection of rights, function of law, civil law, law

For citation: Grudtsyna L. Yu., Chernyavsky A. G. Essence and content of ways to protect intellectual property rights. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):81–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-81-85>.

© Грудцына Л. Ю., Чернявский А. Г., 2021

Приступая к рассмотрению механизма, или правильнее сказать, механизмов правовой защиты прав интеллектуальной собственности, необходимо, на наш взгляд, прежде всего, изучить природу и право на защиту государством нематериальных благ, созданных духовным, умственным трудом человека. Большинство политэкономистов соглашается с тем, что производить не значит создавать вещество, так как человек не в силах создать ни одного атома материи: она дается ему всецело природой; он может произвести в предметах одну только полезность, или годность, т. е. способность служить к удовлетворению тех или других потребностей людей. Так, промышленное производство есть только видоизменение материи, приспособление к удовлетворению потребностей; производство же, называемое торговлей, даже и не видоизменяет материи, а только переносит ее из той местности, где она находится в изобилии, в другую местность, где ее нет, и чем делает ее способной удовлетворить потребности жителей последней. Но если производить хозяйственное добро, значит не создавать вещество, а предоставлять людям простую только возможность удовлетворять свои потребности, то отсюда прямой вывод, что к производству должно быть отнесено и оказание невещественных услуг, ибо и последними дается в такой же степени возможность этого удовлетворения, как и создание годности в вещественных предметах. Способностью удовлетворять человеческие потребности обладают не одни вещественные продукты, но также и невещественные услуги. Результаты умственного, интеллектуального труда человека, соответственно должны быть отнесены к нематериальным видам. Одновременно результаты интеллектуального труда должны стать собственностью субъекта их создавшего. А став таковой, должны, как и все остальные продукты как материального, так и нематериального труда стать защищаемой собственностью.

Собственность на результаты интеллектуального труда, может быть, как государственной, так частной и даже смешанной — частно-государственной. Конституция Российской Федерации 1993 г. гласит, что «право частной собственности охраняется законом» [1]. Но здесь возникает вопрос: гарантируют ли принятые законы действительную, реальную охрану и защиту права интеллектуальной собственности, и реализацию правовых механизмов ее защиты? В полной ли мере работает охранительная функция права? Реализуются ли механизмы компенсационного характера при нарушении прав интеллектуальной собственности, которые могут работать только при объективной оценке интеллектуальной собственности?

Хотя потребности и подразделяются на материальные и духовные, но предметы, служащие к удовлетворению тех и других, бывают одинаково как вещественные, так и невещественные. Так, имущественная

безопасность, предоставляемая гражданским государством, не принадлежит к числу вещественных продуктов, между тем ее обеспечение составляет материальную потребность людей [3]. Нельзя не согласиться, в главных основаниях, со справедливостью того определения понятия о производстве, которое давалось большей частью французских экономистов. Производство, говорят они, есть, в последнем анализе, ни что иное как приложение сил, имеющее в своем результате что-либо способное удовлетворять потребности человека. Рассматриваемое с широкой точки зрения производство имеет целью преодоление препятствий к удовлетворению наших потребностей, происходят ли эти препятствия от внешней природы, как в земледельческом производстве, промышленном и торговом, или же со стороны самих людей, как, например, в производстве государственных услуг и религиозных. Духовенство, проповедующее религию и совершающее богослужение, педагоги, заботящиеся об образовании и воспитании юношества, живописцы, скульпторы, артисты, действующие на чувство изящного, судьи, администраторы и войско, охраняющие неприкосновенность права, — все это такие классы общества, которые не оказывают ему никакой материальной услуги; тем не менее, истинное, благое, прекрасное, справедливое служат потребностям как отдельных лиц, так и всего общества. Поэтому нельзя не признать деятельности всех классов лиц, служащих удовлетворению этих потребностей, входящей в состав народного производства. Цель духовного производства одна и та же с материальным: служит удовлетворению человеческих потребностей с той только разницей, что виды этих потребностей сами по себе различны; но это не мешает им быть столь же всеобщими и почти столь же настоятельными. Духовные потребности не есть возвышенная привилегия только нескольких избранников, но вместе с материальными составляют общий удел всего человечества на всех ступенях его развития. Если признать, что медики, художники, ученые, духовенство и лица, находящиеся на государственной службе, в том числе военные, своей деятельностью ничего не производят, то в таком случае как же можно признать за производство такие виды труда, все назначение которых состоит только в содействии этой деятельности? А между тем к таким видам труда должны быть отнесены очень многие занятия, создающие и чисто вещественные и невещественные продукты, как, например, вещественные; работы изготавливающие материалы для письма, печатания, различного рода научные инструменты, астрономические, физические, химические и проч. и невещественные: технологии изготовления этих вещественных предметов и т. д.

Никакой предмет не может иметь значения хозяйственного добра без отношения к человеческим по-

требностям. Хотя Рау, Л. Штейн и другие германские политэкономисты говорят о «мире добра», в смысле мира вещественных ценностей, также об «имущественной жизни» и тому подобных явлениях, но вещественное добро, или имущество не имеет никакой жизни и не образует никакого отдельного, самостоятельного мира. Всякой вещи принадлежит качество добра только по отношению к человеку, а если этот продукт умственного, интеллектуального труда — разве он не имеет отношения к человеку его создавшему. Если мы говорим о хозяйственном добре, о производительном и непроизводительном труде и тому подобных понятиях, то очевидно обращаем внимание не на то, что такое сам по себе продукт, создаваемый этим трудом, а на то, к чему служит этот продукт, создаваемый этим трудом. Если мы называем его хозяйственным добром, то не потому, чтобы он сам по себе был таковым, но по отношению к потребностям человека.

Еще Фр. Лист красноречиво указывал неестественность рассмотрения понятия о добре без связи с человеческими потребностями и возведении его в самостоятельное значение. В слове имущественный мир, справедливо замечает он, заключается целая бездна ошибок! К понятию о мире принадлежит духовное и живое бытие, если под этим мы будем понимать даже животную жизнь и животный дух. Но можно ли говорить, например, о мире минералов? Отнимите дух и все, что называется вещественным добром или имуществом, обратитесь в мертвую материю. Что сделалось с богатствами Тира и Кареагена, что сделалось с ценностями венецианских дворцов с тех пор, как отлетел дух от этих каменных масс? С вашим имущественным миром вы хотите возвысить материю до самостоятельного значения. Вы рассекаете перед нами мертвое тело, показываете нам строение и составные части его членов, но снова соединить эти члены в одно тело, вдохнуть в него дух, привести его в движение, этого вы не в состоянии сделать; ваш имущественный мир химера [5]. В не так давнее время Дитцель тоже старался доказать невозможность для учения о народном хозяйстве возвыситься до степени науки при принятии за исходные пункты этого учения таких понятий и категорий, как жизнь вещественного добра, или имущественный мир [2].

Несмотря на это Л. Штейн в своей статье посвященной определению научного содержания учения о народном хозяйстве, снова обращается к принятию подобных категорий за основание для этого определения. Правда, Штейн допускает, что добро само по себе не составляет самостоятельной субстанции, ни области вещей, существующих самих для себя, что оно обуславливается жизнью человеческой личности. Это, говорит он, есть часть великого ее жизненного процесса. Потому и учение о добре составляет органи-

ческую часть учения о человеческой жизни. Но если это верно, то в таком случае политическая экономия в своем учении о добре должна рассматривать человека таким, каким он есть, во всей полноте его жизненных стремлений, а не отрывочно. Нельзя говорить о физической стороне стороне человеческой жизни без связи с духовной, и наоборот; ибо дух и материя в каждом человеке непосредственно соединены между собой и оказывают постоянное взаимодействие. Между тем Штейн странным образом разрывает органическую связь между материальными и духовными отправлениями человеческой жизни, между внешним и внутренним миром, а потому и между предметами, служащими для удовлетворения потребностей их обоих. Человек, говорит он, живет для себя физически в своем теле; он живет духовно в своем знании и желании; во внешнем физическом мире он живет посредством добра; добро есть его личная жизнь в мире вещей; это есть личное качество и форма, которые принимает естественное бытие в руках человека; таким образом, это есть хозяйственное тело человека. Учение о добре составляет поэтому учение об этой части человеческого жизненного процесса; в этом заключается его содержание и достоинство [9].

Не говоря о том, что такого рода метафизическое определение понятия о добре и вывод из него сущности содержания учения обо всем народном хозяйстве могут послужить основанием ко всякого рода недоразумениям, и потому вместо уяснения повести к еще большей путанице понятий, оно, насколько нам кажется, грешит против тех простейших оснований для определения понятия как о производстве, так и природе механизмов защиты права на продукты интеллектуальной деятельности, которые только что мы стремились выяснить.

Человек, по мнению Штейна, живет физически в своем теле и духовно — в своем сознании и желании. В удовлетворении физических потребностей Штейн видит назначение одного только вещественного добра, составляющего, говоря его словами, часть жизненного процесса человека, его хозяйственное тело. Этот жизненный процесс он отделяет от внутреннего, духовного процесса, заключающегося в знании и желании. Но Штейн упускает из виду, что и для удовлетворения физических потребностей тела нередко необходима ни одна только материя, но и невещественные услуги, действия и проявления чисто духовного, внутреннего мира, как, например, знание в услугах медика, или желание — в услугах сестры милосердия и вообще в благотворительной деятельности. Даже в создании вещественных продуктов, служащих для удовлетворения потребностей тела, знание играет настолько существенно важную роль, что без него немислимо производство ни одного вида из этих продуктов. Что кроме знания в производстве каждого вещественного

добра участвует также и желание, это становится особенно ясным из сравнения результатов рабского труда со свободным.

Так Ж.Б. Сей указывает на непосредственное участие знания науки в производстве почти каждого вида вещественного добра [8]. Подобным образом Росси замечает, что из средств производства бельё бывает физическим, а другое — интеллектуальным. Нужно ли объяснять эти термины и доказывать правильность различия [7]? Человек как существо разумное, свободное, ответственное, находится под властью нравственного закона. Ничто в проявлениях человеческой воли не может, замечает Росси, освободиться от физических законов. Труд есть проявление воли.

Поэтому отвлеченным образом рассматривать законы труда, отдельно от нашей нравственной природы, значило бы злоупотреблять анализом и низводить человека до уровня животного. Нет никакого основания для политэкономиста присваивать себе это право. Экономист должен принимать факты такими, как они есть; а это не значит принимать их в настоящем виде, если мы будем смешивать труд человека со всякой другой производительной силой. Унижать человека до степени животного, или, по крайней мере, рассматривать человеческий труд как механическое действие силы чисто материальной, — это значило бы подвергать экономическую науку порицанию каждого, кто станет говорить во имя начал справедливости и нравственности [7; 4]. Что высказанные соображения не принадлежат к области чистого умозрения доказывается положительным законодательством всех цивилизованных государств, принявшим за основание принцип свободы и не отчуждаемости человеческой личности.

Таким образом, в создании чисто материальных продуктов проявляется постоянно сущность человеческого духа: мысль и воля. Человеческий дух раскрывает свое содержание одинаково как в производстве вещественного добра, так и в науке, искусстве и правовых учреждениях. История народного хозяйства, понимаемого даже в смысле создания вещественного добра, есть процесс развития нашего духа, ибо, по выражению римского поэта, *mens agitat molem*. Хозяйственное вещественное добро есть ничто иное, замечает Удэ, как облеченные в материю мысли [11]. С другой стороны, в жизнь духа в знании и желании не мыслима вне зависимости от внешнего мира и вещественного добра. Знание невозможно без изучения внешнего мира, а, следовательно, и без вещественных орудий, необходимых для этого. Точно также само желание не может быть поставлено в полную независимость от внешнего мира: *mens sana in corpore sano*, учила еще классическая древность. Физические лишения угнетают мысль и волю. В том именно и заключается высокое этическое значение материальных сфер народной деятельности, что они освобождают в из-

вестной степени человеческий дух от подчинения материи. Как промышленное искусство, так земледелие и другие виды вещественного производства стремятся победить в людях те стороны, которые делают их существами конечными, вечно склоненными к земле, подобно прочим животным (*quae natura prona finxit veluti resoga* — характер их создан так, что они как звери вниз лицом — *Salust.*); или лучше сказать, они стремятся победить условия конечности, в которые поставлен человек по своей физической природе.

Для оказания нематериальных услуг, точно также, как и для производства вещественных продуктов, необходимы три условия, или фактора производства: природа, труд и капитал. Причины, производящие богатство, являются в то же время и причинами, производящими нематериальное добро: природе, труду и капиталу мы обязаны всеми как вещественными, так и невещественными ценностями. Даже в таких чисто духовных видах производства, замечает Рошер, как, например, в поэзии, необходимо содействие природы, труда и опыта. Последний есть правильно собранный запас знаний, завещанный прошлыми веками и, следовательно, особый вид нематериального капитала [6; 10].

Список источников

1. Чернявский, А. Г. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Новая редакция (постатейный), Нормативная литература / Москва, 2020. Ст. 35.
2. Dietzel, C. Die Volkswirtschaftslehre als Wissenschaft, Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft/ Journal of Institutional and Theoretical Economics, Tübingen, H. Laupp'schen Buchhandlung, 1866, Band. 22, P. 328.
3. Eotvos, J. Der Einfluss der herrschenden Ideen des 19. Jahrhunderts auf den Staat, Leipzig, F. A. Brockhaus, 1854, II, P. 102.
4. Falatti. Die Genesis der Völkergesellschaft, Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft/ Journal of Institutional and Theoretical Economics, Tübingen, H. Laupp'schen Buchhandlung, 1844, Bd. 1, H. 2. P. 262.
5. List, F. Das nationale System der politischen Oekonomie. Bd. 1. Der internationale Handel, die Handelspolitik und der deutsche Zollverein, Stuttgart, Tübingen, Cotta, 1844, S. XLIV.
6. Roscher, W. System der Volkswirtschaft. Bd.1: Die Grundlagen der Nationalökonomie: Ein Hand- und Lesebuch für Geschäftsmänner und Studierende, Stuttgart, Cotta, 1869, § 47.
7. Rossi, P. Cours d'économie politique, Bruxelles, Warles et Compagnie, 1840, P. 269.
8. Say, J. B. Cours complet d'économie politique pratique ou l'économie des sociétés, Paris, Chez Rapilly Libraire, 1828, I, P. 191–196.
9. Stein, L. Die organische Auffassung des Lebens der Güterwelt, Zeitschrift für die gesammte

Staatswissenschaft/ Journal of Institutional and Theoretical Economics, Tübingen, H. Laupp'schen Buchhandlung, 1868, Bd. 24, H. 2, P. 221.

10. Storch, H. F. Cours d'économie politique, Paris, J. P. Aillaud, 1823, III, P. 238.

11. Uhde, E. W. Die Grundzüge der National-Oekonomie, oder socialen Physiologie: nach ethischer Anschauung und mit Bezug auf die Landwirthschaft und ihre Geschichte. Erste Abtheilung, Propädeutik, Berlin, E.S. Mittler und Sohn, 1849.

References

1. Chernyavsky, A. G. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. New edition (article by article), Normative literature / Moscow, 2020. Art. 35.

2. Dietzel, C. Die Volkswirtschaftslehre als Wissenschaft, Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft/ Journal of Institutional and Theoretical Economics, Tübingen, H. Laupp'schen Buchhandlung, 1866, Band. 22, P. 328.

3. Eotvos, J. Der Einfluss der herrschenden Ideen des 19. Jahrhunderts auf den Staat, Leipzig, F. A. Brockhaus, 1854, II, P. 102.

4. Falatti. Die Genesis der Völkergesellschaft, Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics, Tübingen, H.

Laupp'schen Buchhandlung, 1844, Bd. 1, H. 2. P. 262.

5. List, F. Das nationale System der politischen Oekonomie. Bd. 1. Der internationale Handel, die Handelspolitik und der deutsche Zollverein, Stuttgart, Tübingen, Cotta, 1844, S. XLIV.

6. Roscher, W. System der Volkswirtschaft. Bd.1: Die Grundlagen der Nationalökonomie: Ein Hand – und Lesebuch für Geschäftsmänner und Studierende, Stuttgart, Cotta, 1869, § 47.

7. Rossi, P. Cours d'économie politique, Bruxelles, Warles et Compagnie, 1840, P. 269.

8. Say, J. B. Cours complet d'économie politique pratique ou l'économie des sociétés, Paris, Chez Rapilly Libraire, 1828, I, P. 191–196.

9. Stein, L. Die organische Auffassung des Lebens der Güterwelt, Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft/ Journal of Institutional and Theoretical Economics, Tübingen, H. Laupp'schen Buchhandlung, 1868, Bd. 24, H. 2, P. 221.

10. Storch, H. F. Cours d'économie politique, Paris, J. P. Aillaud, 1823, III, P. 238.

11. Uhde, E. W. Die Grundzüge der National-Oekonomie, oder socialen Physiologie: nach ethischer Anschauung und mit Bezug auf die Landwirthschaft und ihre Geschichte. Erste Abtheilung, Propädeutik, Berlin, E.S. Mittler und Sohn, 1849.

Информация об авторах

Л. Ю. Грудцына – профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

А. Г. Чернявский – профессор кафедры конституционного (государственного) и международного права Венного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

L. Yu. Grudtsyna – Professor of the Department of Civil Law and Civil Process of the Northwestern Institute (branch) of O. E. Kutafin University (Moscow State University), Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. G. Chernyavsky – Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 29.11.2021.

The article was submitted 08.09.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 29.11.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-86-90>

ИПОН: 2003-0059-6/21-082

MOSURED: 77/27-003-2021-06-281

Применение систем видеонаблюдения и автоматизированных систем биометрической идентификации человека при производстве портретных экспертиз и исследований (на примере аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»)

Ангелина Алексеевна Гусенкова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, gusenkova99@mail.ru

Аннотация. Система видеонаблюдения является наиболее эффективным средством, способствующим раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. В январе 2020 г. в московскую систему видеонаблюдения была интегрирована система распознавания лиц российской компании NtechLab.

Основанный на алгоритме продукт FindFace эффективно распознает лица и является биометрической системой. Алгоритм включает в себя следующие этапы распознавания: детектирование лица и силуэта на изображении; исправление визуальных искажений; извлечение характеристик лица; верификация или идентификация лица. Тем не менее, несмотря на наличие такого уровня программ, все также продолжают назначаться портретные экспертизы в силу того, что доказательством по делу является именно заключение эксперта.

Ключевые слова: системы видеонаблюдения, алгоритм, биометрическая система, идентификация, база данных, портретная экспертиза

Для цитирования: Гусенкова А. А. Применение систем видеонаблюдения и автоматизированных систем биометрической идентификации человека при производстве портретных экспертиз и исследований (на примере аппаратно-программного комплекса «Безопасный город») // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 86–90. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-86-90>.

Original article

Application of video surveillance systems and automated systems of biometric identification of a person in the production of portrait examinations and research (on the example of the hardware and software complex “Safe city”)

Angelina A. Gusenkova

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, gusenkova99@mail.ru

Abstract. The video surveillance system is the most effective tool that contributes to the detection, investigation and prevention of crimes. In January 2020, the face recognition system of the Russian company NtechLab was integrated into the Moscow video surveillance system.

Based on the algorithm, the FindFace product effectively recognizes faces and is a biometric system. The algorithm includes the following stages of recognition: detection of the face and silhouette in the image; correction of visual distortions; extraction of facial characteristics; identification or identification of the face. Nevertheless, despite the existence of such a level of programs, portrait examinations continue to be appointed due to the fact that the expert's conclusion is the evidence in the case.

Keywords: video surveillance systems, algorithm, biometric system, identification, database, forensic facial identification

For citation: Gusenkova A. A. Application of video surveillance systems and automated systems of biometric identification of a person in the production of portrait examinations and research (on the example of the hardware and software complex “Safe city”). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):86–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-86-90>.

© Гусенкова А. А., 2021

Ежегодно технологии, связанные с идентификацией человека по различным основаниям совершенствуются и развиваются. Разрабатываются и реализуются различные проекты, модернизирующие имеющиеся системы опознавания личности и направленные на создание совершенно новых систем. Однако основной целью таких проектов является создание мультибиометрического комплекса идентификации личности в режиме реального времени. Такие технологии основаны на том, что камера, подключенная к подобной системе, выхватывает лицо из потока, сверяет его в режиме реального времени с имеющейся базой данных и определяет, представляет ли данное лицо оперативный интерес, а также устанавливает данные личности. В Москве развернута обширная городская система видеонаблюдения, подобного рода [1].

Кроме того, в Москве ежегодно проходит масштабная модернизация городской системы видеонаблюдения: десятки тысяч камер заменяются на камеры с более высоким разрешением, а также устанавливаются камеры в тех местах, где ранее их не было. Обновленные системы видеонаблюдения оснащены специальными цифровыми камерами с функцией «интеллектуального видео». Данная функция позволяет анализировать статические (фотографии) и динамические (видеозаписи) изображения и сверять полученную информацию с имеющимися базами данных. Повышение качества изображения способствует росту эффективности использования средств видеонаблюдения.

Система видеонаблюдения является наиболее эффективным средством, способствующим раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. В современном мире система видеонаблюдения является основной системой, используемой для обеспечения охраны различного рода объектов.

В настоящее время системы видеонаблюдения широко применяются для обеспечения охраны различных объектов. В случае возникновения криминальной ситуации системы видеонаблюдения дают реальную возможность наиболее объективно зафиксировать процесс совершения преступления, а также запечатлеть лиц, совершивших преступление, что впоследствии является доказательством по уголовному делу, а также объектами для производства таких судебных экспертиз как портретная, видео- и фототехническая.

Одним из важнейших моментов достижения результатов являются параметры аппаратуры. Наиболее актуальны цифровые камеры видеонаблюдения с разрешением Full HD 1920x1080, что существенно превышает разрешение устаревших аналоговых камер. Благодаря высокому разрешению, на видеозаписи с

цифровых IP видеокамер различимы не только общие черты человека, его фигуры, одежды, но и мелкие индивидуализирующие признаки элементов лица.

«Безопасный город» — это автоматизированная система для удовлетворения основных потребностей города, основанная на комплексе программно-аппаратных средств и организационных мер для обеспечения видеоохраны и технической безопасности, а также управления объектами жилищно-коммунального хозяйства и другими распределенными объектами в масштабах города.

Система «Безопасный город» функционирует на базе Единого центра хранения и обработки данных, сокращенно ЕЦХД. Информация с камер Москвы поступает в центр обработки данных ЕЦХД, который обеспечивает надежное хранение видеозаписей.

По данным, имеющимся на официальном сайте ЕЦХД, по состоянию на конец 2020 года к системе Безопасный город подключено 173 тысячи камер. Данные камеры охватывают 100 % административно-территориального деления города Москвы [3].

Большое число камер расположено в жилом секторе. В настоящий момент 93% жилого сектора города Москвы оборудовано камерами видеонаблюдения, большая часть которых расположена на домофонах.

В январе 2020 года в московскую систему видеонаблюдения была интегрирована система распознавания лиц российской компании NtechLab.

Основанный на алгоритме продукт FindFace эффективно распознает лица и работает исключительно на инфраструктуре клиента — компания NtechLab, не передает и не хранит биометрические данные [4]. FindFace способен обнаружить и даже идентифицировать лицо человека на фото, а также в видеопотоке, в котором может присутствовать большое количество лиц. Данный алгоритм возможно использовать для решения разнообразных задач, в число которых входит точный подсчет людей в видеопотоке, контроль доступа на объекты, отслеживание передвижений и поведения людей, запечатленных на видеозаписи. Алгоритм FindFace является биометрической системой.

Биометрические системы — это системы, основанные на использовании биометрических данных лиц, в целях удостоверения личности человека.

В России понятие «биометрических персональных данных» закреплено в статье 11 Федерального закона «О персональных данных» № 152-ФЗ [2]. Это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность.

Биометрическая система может работать в двух

режимах:

Верификация — это процесс сравнения биометрического образца с другими ранее сохраненными образцами. Иными словами, данное сравнение можно назвать сравнением «один к одному»;

Идентификация — это процесс сравнения, основанный на том, что полученные биометрические данные сравниваются с имеющимися в системе, и система осуществляет поиск лица, которому принадлежит искомый образец, устанавливается наличие совпадения. Данный процесс можно назвать сравнением «один ко многим». Идентификация личности завершается получением положительного результата в том случае, когда необходимый биометрический образец имеется в базе данных. При этом может быть найдено несколько кандидатов, которые имеют сходство с проверяемым объектом.

Биометрический шаблон (образец) — это данные, получаемые биометрической системой в виде последовательности чисел (в двоичном формате) на основе анализа имеющихся характеристик лица.

Используемые в идентификации и верификации методы и средства, основанные на изучении биометрических характеристик личности, называются биометрическими технологиями.

Каждая биометрическая система включает в себя две основные части: аппаратные средства и специализированное ПО (программное обеспечение). В число аппаратных средств входят различные биометрические сканеры и терминалы, которые необходимы для фиксации какого-либо биометрического параметра, а также для его преобразования в цифровой код, доступный компьютеру. Затем полученная цифровая модель анализируется специализированным ПО и сопоставляется с имеющимися биометрическими базами.

Биометрический параметр человека — это определенная физическая характеристика или поведенческая черта. Основываясь на эти параметры, происходит процесс сравнения с полученными ранее аналогичными биометрическими характеристиками и чертами других людей.

Биометрические параметры делятся на две категории: физиологические и поведенческие.

Физиологические (статические) параметры — это индивидуальные признаки человека, полученные при рождении и неотъемлемые и чаще неизменные в течение всей жизни. К числу подобных параметров относятся, например, геометрия кисти руки, рисунок сетчатки глаза и др.

Поведенческие (динамические) параметры — это характеристики, приобретенные человеком со време-

нем и способные меняться с возрастом или под внешним воздействием. К ним относятся: голос человека, динамические параметры письма и воспроизведения подписи, динамические параметры набора текста на клавиатуре, походка, сердечный ритм и иное.

Любая биометрическая характеристика обладает рядом следующих свойств:

- всеобщность — каждому человеку присущи биометрические характеристики;
- уникальность — каждый человек обладает индивидуальными, неповторимыми биометрическими характеристиками;
- постоянство — биометрические характеристики обладают устойчивостью во времени;
- измеримость — имеется реальная возможность измерить биометрические характеристики определенным считывающим устройством;
- приемлемость — сбор биометрических характеристик не должен нарушать права пользователей и общества в целом.

Эффективность применения биометрических систем определяет комбинация описанных выше свойств.

FindFace Security является интеллектуальной видеоаналитикой, основанной на распознавании лиц. Лица в режиме реального времени выделяются из видеопотока специализированной системой, сверяются со списками мониторинга и, в случае обнаружения совпадения, система отправляет уведомление о наличии совпадения с определенным лицом в имеющейся базе.

Алгоритм включает в себя следующие этапы распознавания: детектирование лица и силуэта на изображении; исправление визуальных искажений; извлечение характеристик лица; верификация или идентификация лица.

Работа алгоритма начинается с того, что он анализирует кадр видеоряда, состоящего из отдельных кадров. Каждый стоп-кадр анализируемого видеоряда состоит из огромного массива пикселей.

Затем происходит определение цветов пикселей. Каждому пикселю присваивается свой собственный уникальный цветовой код, который представляется в виде трех числовых значений из палитры RGB. По итогам данного процесса происходит вход в матрицу нейронной сети из RGB-значений пикселей.

Следующим этапом является определение местонахождения лица на изображении. Существенным преимуществом алгоритма NtechLab является то, что он может задетектировать абсолютно любое число лиц в кадре. Именно это преимущество позволяет применять его в целях обеспечения безопасности в местах

массового скопления людей и в общественных местах. На скорость работы детектора не влияет количество лиц в кадре. Алгоритм технологии распознавания лиц выдаёт координаты границ бибокса: верхняя левая и правая нижняя граница лица для дальнейшей работы с каждым лицом.

После определения местонахождения лица на кадре происходит исправление визуальных искажений. Специально созданный алгоритм, входящий в основной алгоритм NtechLab, четко определяет положение головы анализируемого лица и исправляет визуальные искажения, то есть разворачивает лицо в положение анфас. Изображение проходит выравнивание по многим точкам, в число которых входит выравнивание по зрачкам, углам рта, носу.

После этого алгоритм извлекает полученные числовые характеристики лица. Сеть генерирует и присваивает лицам персональный вектор признаков, называемый биометрическим шаблоном. Биометрический шаблон — определенный числовой код, сгенерированный нейросетью после преобразования исследуемого изображения, и используемый в процессе сравнения с имеющимися в базе шаблонами.

Следующий этап — поиск и проверка по имеющимся базам изображений. Производитель утверждает, что алгоритм находит лица даже после значительных изменений, связанных с возрастом, появлением бороды или усов, а также в тех случаях, когда часть лица прикрыта каким-либо предметом, например очками или медицинской маской.

Система выделяет для себя признаки лица, называемые атрибутами. Используя поиск по атрибутам, можно быстро найти в базах мониторинга лица с определенным признаком, например, все лица с бородой или усами. Для каждого признака (атрибута) существует индивидуальная нейронная сеть, однако при поиске по нескольким атрибутам сразу (например, при поиске лиц в очках и с усами) все задействованные одномоментно сети работают параллельно.

Также производитель утверждает, что система способна определять наличие медицинской маски на лице в трёх состояниях: нет маски, правильно надета, неправильно надета. Актуальность данной функции обусловлена современными реалиями жизни, вызванными всеми известной коронавирусной инфекцией.

Тем не менее, несмотря на наличие такого уровня программ, все также продолжают назначаться портретные экспертизы в силу того, что доказательством по делу является именно заключение эксперта.

В этой связи мы предлагаем внедрять систему распознавания лиц в работу эксперта, с целью изначально

ной проверки лиц, изображенных на стоп-кадрах из видеозаписей по биометрическим базам данных, а затем проверять установленные совпадения с помощью методов портретной экспертизы.

Что касается исследования лиц, закрытых маской. В настоящее время методика портретной экспертизы не предусматривает исследование таких объектов в силу того, что большое количество элементов лица не просматривается. В соответствии с методикой портретной экспертизы, изложенной в сборнике «Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1» под редакцией кандидата технических наук Дильдина Ю. М., может быть сформулирован вывод о невозможности решения вопроса в том случае, когда невозможно проанализировать характер совпадений и различий признаков внешности из-за несопоставимых условий съемки. Наличие маски на лице человека, изображенного на исследуемом объекте, может относиться к описанной выше ситуации, приводящей к НПВ.

Однако производители системы распознавания лиц, используемой в настоящий момент в городе Москве утверждают, что их алгоритмы способны идентифицировать лица, несмотря на наличие маски. Поэтому в дальнейшем наше исследование будет направлено на установление возможности идентификации лиц в медицинских масках по тем элементам внешности, которые могут быть изучены, несмотря на наличие медицинской маски, с применением метода визуального сопоставления признаков внешнего облика человека, а также иных методов, применимых к подобным изображениям.

Ситуация в стране и мире ежегодно меняется, технологии развиваются, поэтому и судебная экспертиза должна идти в ногу со временем, применять имеющиеся достижения науки и техники в целях расследования и раскрытия преступлений, изменять методики, разработанные многие годы назад, и адаптировать их к современным условиям жизни.

Список источников

1. Савенкова, Е. Ю., Дробышева, Т. В., Лештаева, Т. Э., Попова, А. А. Городская система видеонаблюдения «Безопасный город». Внедрение современных технологий в распознавании лиц / Справочное пособие ЭКЦ ГУ МВД России по Москве, 2019. 24 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // СПС Консультант Плюс.
3. Единое хранилище данных: [Электронный ресурс]. URL: https://ehd.moscow/index.php?id_src=441&id_ind=900&id_tab=1&action=show_details_

open&show=inds&show_full=1&exist=1&source=-9997&id_root[0]=441_441&id_root[1]=441_900 (дата обращения: 14.03.2021 г.).

4. NtechLab – дополняя интеллект: [Электронный ресурс]. URL: <https://ntechlab.ru/> (дата обращения: 14.03.2021 г.).

References

1. Savenkova, E. Yu., Drobysheva, T. V., Leshtaeva, T. E., Popova, A. A. City video surveillance system “Safe City”. Introduction of modern technologies in face recognition / Reference manual of the ECC of the Ministry

of Internal Affairs of Russia in Moscow, 2019. 24 p.

2. Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 (as amended on 31.12.2017) “On personal data” // SPS Consultant Plus.

3. Unified data warehouse: [Electronic resource]. URL: [https://ehd.moscow/index.php?id_src=441&id_ind=900&id_tab=1&action=show_details_open&show=inds&show_full=1&exist=1&source=-9997&id_root\[0\]=441_441&id_root\[1\]=441_900](https://ehd.moscow/index.php?id_src=441&id_ind=900&id_tab=1&action=show_details_open&show=inds&show_full=1&exist=1&source=-9997&id_root[0]=441_441&id_root[1]=441_900) (Accessed: 03/14/2021).

4. NtechLab – complementing intelligence: [Electronic resource]. URL: <https://ntechlab.ru/> (Accessed: 03/14/2021).

Информация об авторе

А. А. Гусенкова – курсант Института-факультета судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Gusenkova – Cadet of the Institute-faculty of Forensics of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.08.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 26.08.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Н.П. МАЙЛИС

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ЭКСПЕРТА

Настольная книга эксперта. Майлис Н.П. Монография. 287 с. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований

Изложены истоки формирования и развития судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены вопросы формирования теории идентификации и диагностики в судебной экспертизе, современная классификация судебных экспертиз и перспективы их развития, субъекты судебно-экспертной деятельности и ее правовое обеспечение. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным законодательством и Кодексом об административных правонарушениях рассмотрены виды назначаемых экспертиз, особенности проведения комплексных экспертиз, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности и отдельных видов экспертиз, а также экспертная этика как важная составляющая профессиональной деятельности. Должное внимание уделено экспертным ошибкам и подготовке судебных экспертов.

Для аспирантов (адъюнктов), студентов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к криминалистике и судебной экспертизе.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-91-97>

НИОН: 2003-0059-6/21-083

MOSURED: 77/27-003-2021-06-282

Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ)

Элла Владимировна Густова¹, Маргарита Андреевна Куликова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ ellagustova@mail.ru

² kulikowa.margo2017@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечается преобразование криминологической характеристики преступных деяний в отношении собственности за счет популяризации применения электронных расчетных средств и современных способов их воспроизводства, в том числе с использованием информационных технологий, которые постоянно совершенствуются. Рассматриваются многочисленные способы хищения денежных средств с использованием электронных средств платежа. Наблюдается, что проблема правоприменения ст. 159.3 УК РФ сопряжена с недостаточной научной разработкой элементов, включенных в состав преступления, а также с дефицитом нормативного руководства и рекомендаций по их квалификации.

Ключевые слова: мошенничество с использованием электронных средств платежа, электронные средства платежа, мошенничество, кража, преступление, общественная опасность, противоправное деяние

Для цитирования: Густова Э. В., Куликова М. А. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 91–97. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-91-97>.

Original article

Criminal liability for fraud with the use of electronic means of payment (Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Ella V. Gustova¹, Margarita A. Kulikova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ ellagustova@mail.ru

² kulikowa.margo2017@yandex.ru

Abstract. The article notes the transformation of criminological characteristics of criminal acts in relation to property by popularizing the use of electronic means of calculation and modern methods of their reproduction, including using information technologies, which are constantly being improved. Numerous means of embezzlement using electronic means of payment are considered. It is observed that the problem of enforcement of Art. 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation is associated with insufficient scientific development of elements included in the corpus delicti, as well as with a shortage of normative guidance and recommendations for their qualification.

Keywords: fraud with the use of electronic means of payment, electronic means of payment, fraud, theft, crime, public danger, illegal act

For citation: Gustova E. V., Kulikova M. A. Criminal liability for fraud with the use of electronic means of payment (Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):91–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-91-97>.

© Густова Э. В., Куликова М. А., 2021

Каждый год прослеживается тенденция роста операций с применением расчетов в безналичной форме. Статистические данные Центробанка РФ указывают на рост электронных переводов денег посредством платежной системы Банка РФ. В цифровом выражении: за 2019 год переводов было осуществлено 1 715,7 млн ед., а за 2020 год — 1 844,1 млн ед., то есть число операций, связанных с переводом денежных средств, увеличилось на 7,4 % [11].

Интернет-банкинг стал применяться в России в прошлом веке. С 2016 года количество банковских счетов превысило общую численность населения страны. Основными факторами, которые определили динамику роста дистанционных форм обслуживания потребителей финансовых услуг, стали политика банков по сокращению персонала, а также ускорение развития дистанционных форм обслуживания. Отличительным преимуществом технологии мобильного банка по сравнению с технологией интернет-банка является расширение возможностей владельца счета для дистанционного доступа к управлению безналичными денежными средствами. Ведь она применяется не только там, где есть интернет, но и в любом месте, где есть мобильная связь.

Эволюционный процесс не стоит на месте, и уже сейчас финансовый сектор находится на пороге новой революции, которая затронет наличные денежные средства. Цифровые деньги только недавно появились, находясь в активном поиске своего местоположения в экономике, но уже в определенной мере конкурируют в функционале с традиционными деньгами.

Массовый переход на дистанционное банковское обслуживание мошенники используют в своих интересах, пытаясь вторгнуться во взаимодействие клиента и банка и перенаправляя денежные средства в свою сторону. Мошенничество с цифровыми деньгами переживает свой исторический расцвет. Несанкционированное списание с электронного (цифрового) кошелька – достаточно распространенное явление. В свою очередь, отсутствие судебной практики взыскания цифровых денег и системы страхования электронных кошельков значительно повышает риски стать жертвой мошенников.

Кроме того, в период пандемии COVID-19 в Российской Федерации значительно увеличилось количество мошеннических действий [3]. Во время самоизоляции большая часть страны перешла на удаленный формат работы, что повлекло за собой активное использование электронных систем расчета и разработку новых методов совершения хищений. В этот период начисления заработной платы, пенсий, пособий про-

изводились с использованием банковских карт. Широкое применение получили операции по онлайн-оплате приобретенных товаров, оказанных услуг.

Так, например, приобрели «популярность» такие схемы мошеннических действий, как рассылки сообщений с просьбами пожертвований на производство вакцины, предложениями приобрести лекарственные препараты от вируса COVID-19 от лица органов здравоохранения, в том числе международных, таких как Всемирная организация здравоохранения, ЮНИСЕФ, естественно, не имеющих к ним никакого отношения. Набирают обороты онлайн-продажи фальшивых прививочных сертификатов.

Известны случаи, когда мошенники, владея информацией о проблемах с трудоустройством, осуществляли «корпоративные» рассылки с предложениями удаленной работы, например, с участием Zoom-конференции или быстрого и легкого заработка на майнинге криптовалюты.

Кроме фальшивых интернет-магазинов по продаже товаров путем размещения недостоверных фотографий, изображений товара, увеличилось количество сайтов-клонов, например приложение СберБанк Онлайн, с помощью которых сумма денежных средств переводится на счет мошенникам.

Таким образом, в период ограничений, связанных с пандемией коронавирусной инфекции, в России резко выросло число зарегистрированных случаев мошенничества с использованием электронных средств платежа, о чем свидетельствует статистика ГИАЦ МВД России. При этом рост данных преступлений произошел исключительно за счет телефонного и интернет-мошенничества, то есть преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации — за 2020 год зарегистрировано 25 820 случаев такого мошенничества, по отношению к аналогичному периоду 2019 года (16 119 случаев) их число выросло на 60,2 % [10].

Широкая распространенность преступных деяний, направленных на хищение безналичных денежных средств со счетов граждан, определенная специфика преступления, способов и средств его совершения обусловили необходимость выделения Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2012 № 207-ФЗ данных преступлений в самостоятельный состав (ст. 159.3 УК РФ) [13].

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от

23.04.2018 № 111-ФЗ в ст. 159.3 внесены изменения, касающиеся названия статьи «Мошенничество с платежными картами», оно заменено на «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», и диспозиции, в которой был расширен круг деяний, подпадающих под действие указанной нормы [14].

В период быстрого развития информационных технологий, которые на сегодняшний день затрагивают и товарно-денежные отношения, законодатель верно сделал, поменяв название статьи, но недостающим моментом, по нашему мнению, является отсутствие законодательного разъяснения понятия «мошенничество с использованием электронных средств платежа», что вызывает у правоприменителей множество вопросов, касающихся отграничения смежных составов преступлений. Ответственность за совершение преступных деяний с помощью электронных платежных средств предусмотрена ст. ст. 158, 159.3, 159.6 УК РФ. Индивидуальность безналичных, электронных денежных средств, систем электронных платежей и их взаимодействий требует выделить информационную безопасность как дополнительный объект преступного посягательства, которому тоже причиняется вред преступными деяниями вышеперечисленных составов преступлений.

Помимо платежных карт разновидностью средств безналичных расчетов являются также Apple Pay и Samsung Pay, электронные кошельки, например Qiwi и т.д., использование которых с каждым днем набирает обороты. Поэтому законодатель значительно увеличил область правоприменения ст. 159.3, используя в диспозиции понятие «электронные средства платежа», охватив наряду с платежными картами иные средства платежа, посредством которых можно совершить хищение, включая те, что могут появиться в будущем. Он выбрал более обобщенную и универсальную, удовлетворяющую современному обороту категорию. Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» по сей день дается разъяснение мошенничества с использованием кредитной, расчетной или иной платежной карты, не охватывающее иные средства электронного платежа [7].

Независимо от того, что это определение раскрывается в Федеральном законе от 27 июня 2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», в целях восполнения пробела в части нормативного закрепления понятия необходимо разъяснить значение и содержание путем включения примечания к ст. 159.3 УК РФ, это способствовало бы корректному толкованию

понятийного аппарата и единообразной практике [15].

Необходимо сказать, что законодатель решил сократить диспозицию статьи путем исключения из нее способа мошеннических действий (обман или злоупотребление доверием) и не формулировать ее в развернутом виде, что также не совсем обоснованно, так как в иных специальных составах мошенничества такая формулировка приведена. Полагаем, было бы верным закрепление в диспозиции способов обмана или злоупотребления доверием как обязательных признаков состава мошенничества с использованием электронных платежных средств в целях отграничения от п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ — «тайного хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

Спонтанное внесение изменений в статьи УК РФ повлекло огромное количество проблем, прежде всего касающихся неоднозначного толкования норм, а вследствие этого и квалификации деяний, установления и доказывания объективных признаков преступления, и вдобавок обусловило расширение границ судебного усмотрения.

Например, при оплате приобретенного товара на кассах торговых организаций совершение хищения происходит при помощи бесконтактной банковской карты, а также не менее актуальным на настоящий момент является способ хищения с использованием информационных технологий, в том числе «мобильных банков». Разрешить конкуренцию норм ст. 159.3 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ — главная цель в данной ситуации. При этом остаются вопросы к Постановлению Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», которое в обязательном признаке объективной стороны ст. 159.3 УК РФ по сей день содержит формулировку «обман работника торговой или иной организации».

Наиболее точно отразить проблему применения данных норм возможно, рассмотрев примеры неоднозначной судебной практики.

Так, заместитель прокурора Центрального района Читы в своем апелляционном представлении полагает, что приговор суда подлежит изменению по причине неправильного применением судом уголовного законодательства. Считает, что действиям Н. следует дать правовую оценку по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ (ранее его действия были квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В основе аргументации изложенных доводов отмечает, что Н. в различных местах произвел расчеты ранее похищенной им у Л. банковской картой. При этом Н. умолчал о незаконности использования

банковской карты, т. е. обманывал продавцов и злоупотреблял их доверием [2].

В таком случае получается, что обману подвергается продавец. Отсюда следует, что бездействию придается уголовно-правовое значение, как форме преступного деяния или, иными словами, пассивному обману. Это обман путем бездействия, т. е. умалчивания об истинном владельце банковской карты.

В такой ситуации надо понимать и анализировать в каждом конкретном случае императивно выработанные критерии бездействия: информационный, энергетический и противоправный. При этом последний, в отличие от первых двух, является обязательным, поскольку информационная составляющая бездействия как таковая не может иметь каузальный характер, поскольку свойствами причинения не обладает [17, с. 45–48].

Правовая природа пассивного обмана в уголовно-правовых пределах, как отмечает М. Д. Шаргородский, может раскрываться, когда имеется юридическая обязанность гражданина следовать закрепленным в законе конкретным правилам [16, с. 47]. В нашем случае — удостоверить собственника карты.

Из разъяснений Минфина РФ следует, что банковская карта при проведении оплат вставляется в платежный терминал, который связан с эмитентом. В процессе проверки карты путем передачи номера счета устанавливается ее принадлежность конкретной личности и платежеспособность. После карта возвращается владельцу.

Из этого следует, что верификация владельца и установление его платежеспособности осуществляется оператором платежной карты с помощью терминала. Работник торговой организации непосредственно не влияет на процесс списания денег, а только исполняет функцию обслуживающего звена. Именно поэтому вести речь о пассивном обмане как способе мошенничества в данном случае неуместно, а значит, отсутствует и сам состав преступления, предусмотренный ст. 159.3 УК РФ.

Но с точки зрения уголовного закона правовая квалификация действий злоумышленника подлежит по ст. 159.3 УК РФ, если хищение чужого имущества совершено с применением платежной карты, которая принадлежит иному владельцу, а виновный умалчивает об этом перед продавцом. Поэтому суд согласился с мнением государственного обвинителя Центрального района Читы и переквалифицировал действия подсудимого на ч. 2 ст. 159.3 УК РФ.

Другим примером может быть случай, когда лицо, имея при себе ранее похищенную им банковскую кар-

ту, на счету которой находилось 21600,18 руб., решило с ее помощью частями похитить всю сумму денег. С этой целью зашло в кафе, где указанной картой расплатилось на кассе посредством бесконтактного способа оплаты на общую сумму 380 руб. В продолжение незаконных действий там же была осуществлена попытка с использованием электронного средства платежа незаконно снять с похищенной карты в кассовом терминале деньги в размере 3101,55 руб. Однако лицо не смогло довести свой умысел до конца по независящим от его воли обстоятельствам. В частности, на кассовом терминале отсутствовал бесконтактный способ оплаты и требовался ввод пин-кода. К тому же в это время потерпевший выполнил блокировку карты, после чего доступ к банковскому счету стал невозможным. Предварительным следствием указанные действия квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159.3 УК РФ [1].

В литературе по данному вопросу нет единого мнения. По мнению Л. В. Боровых и Л. А. Корепановой [4], а также известного российского ученого-правоведа С. М. Кочои [5], необходим обман сотрудника банковской либо торговой организации, в которой непосредственно производилась такая операция, послужившая основанием для получения чужих денежных средств. Причем такой обман должен иметь пассивный характер. Другие авторы, например П. С. Яни [18, с. 44], М. В. Степанов [12, с. 23], указывают на необходимость установления факта обмана в отношении потерпевшего лица.

Для того чтобы понять, может ли в данном случае обман быть направлен на третье лицо, требуются более подробные законодательные разъяснения и изменения.

Поскольку в данном случае работники, например, торговых организаций не обязаны проверять законность и правомерность владения лицом платежной карты, использования ее для оплаты товаров, то наиболее разумной представляется именно данная точка зрения. Фактически в данном случае путем обманных действий собственник утрачивает права на личное имущество, а потому обман злоумышленника направлен именно против собственника, против его интересов, правомочий.

Анализируя судебную практику, стоит отметить различия в квалификации, хотя во всех случаях злоумышленник предъявил электронное средство платежа третьему лицу, а значит, по умолчанию использовал пассивную форму обмана.

Так, при аналогичных фактических обстоятельствах Куйбышевский районный суд Иркутска признал

лицо виновным по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [8]. Лицо из корыстных побуждений, реализуя ранее возникший умысел на тайное хищение чужого имущества, воспользовавшись тем, что у банковской карты ПАО «Сбербанк России» имеется бесконтактный доступ оплаты, то есть функция совершения покупок без ввода пин-кода, осуществило покупки в магазинах.

Если говорить об оплате электронными платежными средствами, например в онлайн-магазинах, совершаемой путем информационных и телекоммуникационных технологий либо использования «мобильного банка», которое на сегодняшний день стремительно увеличивается, то перевод денежных средств осуществляется напрямую через эмитента. Сотрудников кредитной, торговой организации нет, а, следовательно, нет и обмана указанных лиц.

В таком случае хищение безналичных денежных средств квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, когда лицо через третьих лиц передает денежные средства или иное имущество преступнику, который сам осуществляет действия по их изъятию с платежной карты потерпевшего.

Если же потерпевший, введенный в заблуждение (например, звонок виновного лица под видом сотрудника банка), лично передает денежные средства, то есть сам переводит их на счет преступника, то, как отмечает Е. А. Русскевич, содеянное образует признаки общеуголовного состава мошенничества [9].

Исследуя применение права в практической деятельности, можно констатировать наличие имеющихся проблем в судах и следственных подразделениях при разграничении мошенничества и кражи, потому как эти преступления могут содержать элементы обмана и злоупотребления доверием [6].

Необходимо указать, что с объективной стороны для тайного хищения характерны обман или злоупотребление доверием, которые субъект преступления использует не в целях завладения имуществом, а для того чтобы облегчить выполнение объективной стороны преступления.

При мошенничестве же потерпевший сам, в результате обмана или использования злоумышленником его доверия, передает имущество преступнику, дает ему право на владение им, управление, пользование или распоряжение (когда имущество передается в собственность). Обман в данном случае является главной причиной передачи имущества от потерпевшего к преступнику, который и обращает его в свою пользу.

Как указывалось ранее, актуальной проблемой на сегодняшний день в связи с ситуацией, связанной с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19,

является рост мошенничества с использованием электронных платежных средств посредством информационных технологий, в большинстве случаев с применением метода социальной инженерии. В правоприменительной деятельности при квалификации деяний сотрудники также встречаются с трудностями по причине низкого уровня нормативного регулирования отношений в данной сфере. Быстрое развитие технологических, информационных средств, с помощью которых совершаются новые мошеннические действия, требует немедленного реагирования законодателя и приведения законодательства в соответствие новому этапу развития общества.

В современных реалиях платежные карты хоть и подвержены атакам мошенников, но, несомненно, являются очень удобным средством расчета. Их развитие и повсеместное распространение должно сочетаться с созданием эффективной системы управления, нормативно-правовым обеспечением и мерой ответственности за совершение противоправных действий с электронными средствами платежа, а также формированием культуры использования электронных платежных средств, обеспечивающими сохранность денежных средств.

Список источников

1. Апелляционное определение Самарского областного суда от 23.11.2019 по делу № 33-13104/2019 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.05.2021).
2. Апелляционное определение Центрального района Читы от 27.06.2019 по делу № 22-1753/2019 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.05.2021).
3. Багреева, Е. Г., Крохина, Д. А., Киселева, Л. Ю. Рост количества преступлений с использованием компьютерной информации в период пандемии Covid-19 как угроза информационной безопасности и устойчивого развития рынка связи // Самоуправление. 2020. Т. 2. № 2 (119). С. 20–23.
4. Боровых, Л. В., Корепанова, Л. А. Проблема квалификации хищения с использованием банковских карт // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 84–86.
5. Кочои, С. М. Новые нормы о мошенничестве в УК РФ: особенности и отличия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 106.
6. Лаиш, Д. Д., Перебейносов, М. С., Коробейников, И. В. Уголовно-правовая характеристика мошенничества с использованием электронных средств пла-

тежа // Modern Science. 2020. № 7–1. С. 45–47.

7. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: Постановление Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.05.2021).

8. Приговор Куйбышевского районного суда Иркутска № 1-44/2019 от 25 февраля 2019 г. по делу № 1-44/2019 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.05.2021).

9. Русскевич, Е. А. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации хищений с банковского счета потерпевшего, а равно в отношении электронных денежных средств // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 29–33.

10. Статистика по данным ГИАЦ МВД РФ [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 25.05.2021).

11. Статистика Центрального банка РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 25.05.2021).

12. Степанов, М. В. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 159.1-159.6 УК РФ : методические рекомендации. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2014.

13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ 48 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.05.2021).

14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ 48 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.05.2021).

15. О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.05.2021).

16. Шаргородский, М. Д. Вопросы уголовного права в практике Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. 1945. № 9.

17. Южин, А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

18. Яни, П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 5.

// URL: <http://sudact.ru> (date of access: 05/25/2021).

2. Appeal determination of the Central District of Chita dated 06/27/2019 in case No. 22-1753 / 2019 [Electronic resource] // URL: <http://sudact.ru> (date of access: 05/25/2021).

3. Bagreeva, E. G., Krokhina, D. A., Kiseleva, L. Yu. The growth in the number of crimes using computer information during the COVID-19 pandemic as a threat to information security and sustainable development of the communications market // Self-government. 2020. Vol. 2.No. 2 (119). P. 20–23.

4. Borovykh, L.V., Korepanova, L.A. The problem of qualifying theft using bank cards // Russian legal journal. 2014. No. 2. P. 84–86.

5. Kochoi, S. M. New rules on fraud in the Criminal Code of the Russian Federation : features and differences // Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2013. No. 4. P. 106.

6. Laish, D. D., Perebeinosov, M. S., Korobeynikov, I. V. Criminal and legal characteristics of fraud using electronic means of payment // Modern Science. 2020. No. 7–1. P. 45–47.

7. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement : Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces dated November 30, 2017 No. 48 [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 05/25/2021).

8. Sentence of the Kuibyshevsky District Court of Irkutsk No. 1-44 / 2019 dated February 25, 2019 in case No. 1-44 / 2019 // [Electronic resource] // URL: <https://sudact.ru> (date of access: 25.05. 2021).

9. Russkevich, E. A. Competition of criminal law norms in qualifying theft from the victim's bank account, as well as in relation to electronic money // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2019. No. 4 (72). P. 29–33.

10. Statistics according to the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (date of access: 25.05.2021).

11. Statistics of the Central Bank of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: <https://cbr.ru/statistics/> (date of access: 25.05.2021).

12. Stepanov, M. V. Features of the qualification of crimes under Art. Art. 159.1-159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation: guidelines. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014.

13. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the

References

1. The appeal ruling of the Samara Regional Court of 11/23/2019 in case No. 33-13104 / 2019 [Electronic resource]

Russian Federation : Federal Law of 29.11.2012 No. 207-FZ 48 [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 25.05.2021).

14. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation : Federal Law of 23.04.2018 No. 111-FZ 48 [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 25.05.2021).

15. On the national payment system: Federal Law of

27.06.2011 No. 161-FZ // [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 25.05.2021).

16. Shargorodsky, M. D. Issues of criminal law in the practice of the Supreme Court of the USSR // Socialist legality. 1945. No. 9.

17. Yuzhin, A. A. Fraud and its types in Russian criminal law : dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2016.

18. Yani, P. S. Special types of fraud // Legality. 2015. No. 5.

Информация об авторах

Э. В. Густова – доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

М. А. Куликова – командир отделения Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

E. V. Gustova – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

M. A. Kulikova – Head of the Department of the Institute for Training of Employees for the Preliminary Investigation Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 10.06.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-98-104>

НИОН: 2003-0059-6/21-084

MOSURED: 77/27-003-2021-06-283

Возможности лучевых методов диагностики в судебно-медицинской практике

Владимир Кадырович Дадабаев¹, Павел Олегович Ромодановский², Евгений Христофорович Баринов³, Павел Михайлович Мурашев⁴

¹ Тверской государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь, Россия

^{2,3} Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия

⁴ Научно-исследовательская судебно-экспертная группа «Содействие», Тверь, Россия

¹ VKDadabaiev@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-9421-8534>

³ <https://orcid.org/0000-0003-4236-4219>, ev.barinov@mail.ru

⁴ myptver@gmail.com

Аннотация. В статье освещены вопросы и возможности современных технологий их роль в правильной, своевременной диагностике, тактике выбора лечения, ведения пациентов с повреждением костной ткани и без. Возможность получения на расстоянии данных цифровых изображений полученных с помощью РКТ, СКТ, МСКТ и др., при различных видах травматической патологии костной ткани и без нее с целью получения полезной информации для консультации, правильной интерпретации «чтения» полученных при исследовании. Внедрение телекоммуникационных сети в клинической и судебно-медицинской практике неопределима, она позволяет обмениваться полученной информацией в кратчайшие временные периоды с целью диагностики, лечения, оценки степени тяжести, давности образования, а также в решении вопросов о причинах диагностических и лечебных ошибок на всех этапах оказания медицинской помощи при производстве экспертиз [1–7].

Ключевые слова: современные технологии, телемедицина, томографические методы исследования (РКТ, СКТ, МСКТ, МРТ), видеоконференции, оценка и интерпретация данных при описании рентгенологических снимков, оказание помощи, экспертиза определения морфологии перелома

Для цитирования: Дадабаев В. К., Ромодановский П. О., Баринов Е. Х., Мурашев П. М. Возможности лучевых методов диагностики в судебно-медицинской практике // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 98–104. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-98-104>.

Original article

Capabilities of radiation diagnostic methods in forensic practice

Vladimir K. Dadabaev¹, Pavel O. Romodanovsky², Evgeny Kh. Barinov³, Pavel M. Murashev⁴

¹ Tver State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Tver, Russia

^{2,3} A. I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Moscow Russia

⁴ Research Forensic Expert Group “Assistance”, Tver, Russia

¹ VKDadabaiev@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-9421-8534>

³ <https://orcid.org/0000-0003-4236-4219>, ev.barinov@mail.ru

⁴ myptver@gmail.com

© Дадабаев В. К., Ромодановский П. О., Баринов Е. Х., Мурашев П. М., 2021

Abstract. The article highlights the issues and possibilities of modern technologies their role in the correct, timely diagnosis, tactics of choosing treatment, management of patients with bone damage and without. Possibility of obtaining at a distance of data digital images obtained with the help of RCT, SCT, MSCT, etc., in various types of traumatic pathology of bone tissue and without it in order to obtain useful information for consultation, correct interpretation of “reading” of the obtained during the study. The introduction of telecommunication networks in clinical and forensic practice is invaluable, it allows the exchange of information received in the shortest time periods in order to diagnose, treat, assess the severity, age of education, as well as in solving questions about the causes of diagnostic and therapeutic errors at all stages of medical care during the examination [1–7].

Keywords: modern technologies, telemedicine, tomographic methods of research (RCT, SCT, MSCT, MRI), videoconferencing, evaluation and interpretation of data when describing radiological images, assistance, examination of determination of fracture morphology

For citation: Dadabaev V. K., Romodanovsky P. O., Barinov E. Kh., Murashev P. M. Capabilities of radiation diagnostic methods in forensic practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):98–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-98-104>.

В медицинской литературе все чаще встречаются публикации, посвященные современным инновационным методикам, рентгенологическим методам исследования, рентгеновской компьютерной томографии (РКТ), спиральной компьютерной томографии (СКТ), мультиспиральной компьютерной томографии (МСКТ), магнитно-резонансной томографии (МРТ).

Однако, ограничено публикуются данные о применении телевизионных технологий в медицине (ТМ) и, в частности, в судебно-медицинских экспертной деятельности для консультаций врачами–специалистами и правильной интерпретации полученных цифровых изображений. Можно с гордостью отметить, что одними из основоположников внедрения методики передачи данных видеоизображений в Российской Федерации являются члены–корр. РАМН проф., д.м.н. Г. А. Франк и Ю. Л. Перов. Они не только создавали, но и непосредственно участвовали в разработке и внедрении телемедицины в Российской Федерации, в рамках ведомственного ТМ-проекта Патологоанатомического отделения Центральной клинической больницы с поликлиникой Управления делами Президента РФ (ПАО ЦКБП УДП РФ).

Учитывая то, что это уже не первая научная разработка, на момент внедрения телемедицины (1999–2001 гг.) была приобретена и установлена аппаратура, не имеющая аналогов в Российской Федерации. Была внедрена и апробирована внутрибольничная коммуникационная связь, что существенно сказалось на положительных результатах работы всего больничного комплекса.

Модернизация в прямом смысле применима к компьютерным технологиям — электронно-вычислительным машинам (ЭВМ), так как технологии в

этой отрасли развиваются стремительно и зачастую опережают настоящее время. Заложенные в ЭВМ программы ежеминутно обновляются, увеличивая объем передаваемой памяти и сокращая скорость передачи информации, не говоря о качестве цифрового формата и многих других важных параметрах, которые в десятки раз повысили качество.

Задача исследование:

- произвести совместный консилиум, используя телекоммуникационную связь, путем передачи полученных цифровых снимков и томограмм в формате DICOM по Интернету с участием врачей судебно-медицинских экспертов и рентгенологов Российской Федерации и Республики Ливан;
- выявить положительные и отрицательные моменты телекоммуникационной медицины применительно к целям и задачам судебно-медицинской экспертной деятельности.

Материалы и методы:

Материал и объект живой человек, фрагменты костной ткани, анатомические муляжи, а также архивные компьютерные томографические данные, полученные в формате DECOM.

Исследование объектов производили в режимах аксиального сканирования и во фронтальной проекции на аппаратах, МРТ выполнялась на МР-томографе Philips Medical System с напряженностью магнитного поля 3 Тл с толщиной среза 2,5 мм. Оценивались в основном МР-томограммы в последовательности STIR, а также T1-ВИ и T2-ВИ, на которых визуализировались костная и мягкая ткань объекта исследования: *компьютерный томограф РКТ SOMATOM ARC (концерн SIEMENS, Германия); мультиспиральный ком-*

пьютерный томограф МСКТ PHILIPS Brilliance 380, фирма производитель Philips; магнитно-резонансный томография (МРТ) выполнялась на МР-томографе PHILIPS Medical System.

Материал исследовательской работы в период 2017–2018 гг. включительно.

Всего анализу подвергнут 11 пострадавших с сочетанной травмой и 76 компьютерных томограмм, изображений на пленке и экране монитора компьютера, полученных из архивных файлов в формате DICOM, а также соответствующие описания результатов исследований, проведенных специалистами по РКТ, МСКТ и МРТ у пострадавших с сочетанной травмой, лиц обоих полов в возрасте 34–47 лет; 5 актах исследования трупов; 2 фрагмента с наличием костной и мягкой ткани.

В ходе проведения НИР была специально разработана и запатентована база данных, которая помимо всех выявленных и зафиксированных в медицинских документах (протоколы, дневники, клинические анализы и др.) и томограмм — цифровых изображений формате DICOM, JPG. Необходимо отметить, что созданная база данных позволяет хранить цифровые изображения разрешением от 512x512 до 3840x2160 пикселей и разрешением фото свыше 18 Мр, в том числе с возможностью хранения и воспроизведения видео MP4, MP3 и др. форматы.

Следует отметить, что с появлением смартфонов возможность передачи качественных цифровых фото и видео файлов значительно возросло, чем зачастую применяется на практике врачами клиницистами. Архивацию и хранение полученной информации для базы данных производили на выносных накопителях — жестком диске в ITв.

В ходе исследование выявлено, что применяя телекоммуникационную связь и методы РКТ, СКТ, МСКТ и МРТ в клинической и судебно-медицинской экспертной практике, возможно решать достаточно большой круг вопросов, начиная с того, что применение выше перечисленных методов не нарушает первоначальную структуру костной и мягкой ткани в объекте исследования, сохраняет их первоначальный вид (рис. 1).

Важно то, что исследование трупной ткани возможно на всех этапах исследования даже с учетом того, что при повышении температуры среды мягкая ткань подвержена разложению. Поздние трупные явления и гнилостная среда изменяют морфологические проявления, что отрицательно сказываются на последующих результатах гистологических исследований. Однако, эти изменения не влияют при исследовании

рентгенологическими методами, в частности, в исследовании мумифицированного трупа и при повторном (дополнительном) исследовании после эксгумации.

Передача по телекоммуникационной связи (сети) данных выявлением при рентгенологическом исследовании позволяет совместно с различными специалистами установить, зафиксировать, а при необходимости в последующем уточнить точную локализацию, время и механизм образования повреждений костной и мягкой ткани, заканчивая прогнозом восстановления.

Использование телекоммуникационной связи позволяет моментально передавать полученные данные для консультации на длительные расстояния без искажений, а при необходимости — создать группу и на расстоянии провести консилиум с узкими специалистами.

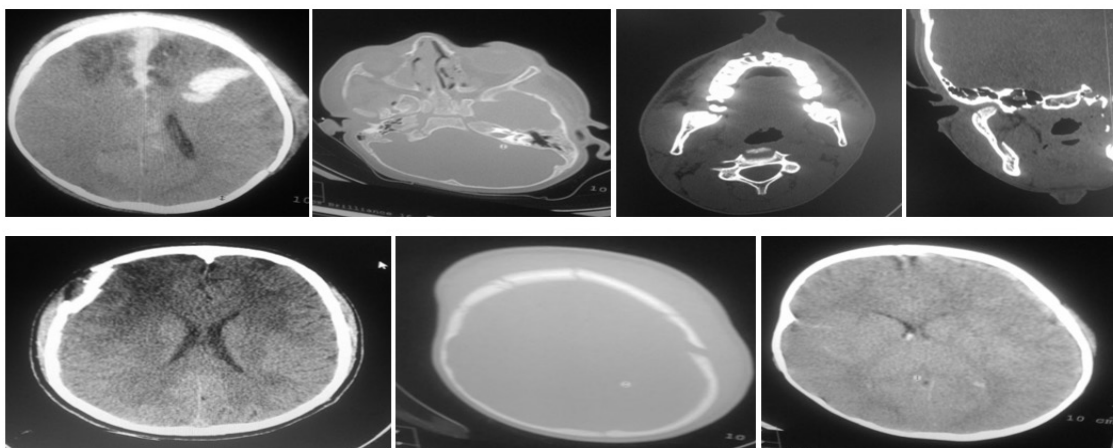
Указанные критерии оказывают положительное влияние на сроки и качество проводимых судебно-медицинских экспертиз, позволяет минимизировать ошибки судебно-медицинских экспертов и патологоанатомов

Не секрет, что проблема вскрытия (патологоанатомического и судебно-медицинского исследования) трупа экспертом не всегда подлежит анализу так как акт исследования не содержит визуализационной картины, его нельзя визуально оценить на предмет объективности содержащийся в нем информации.

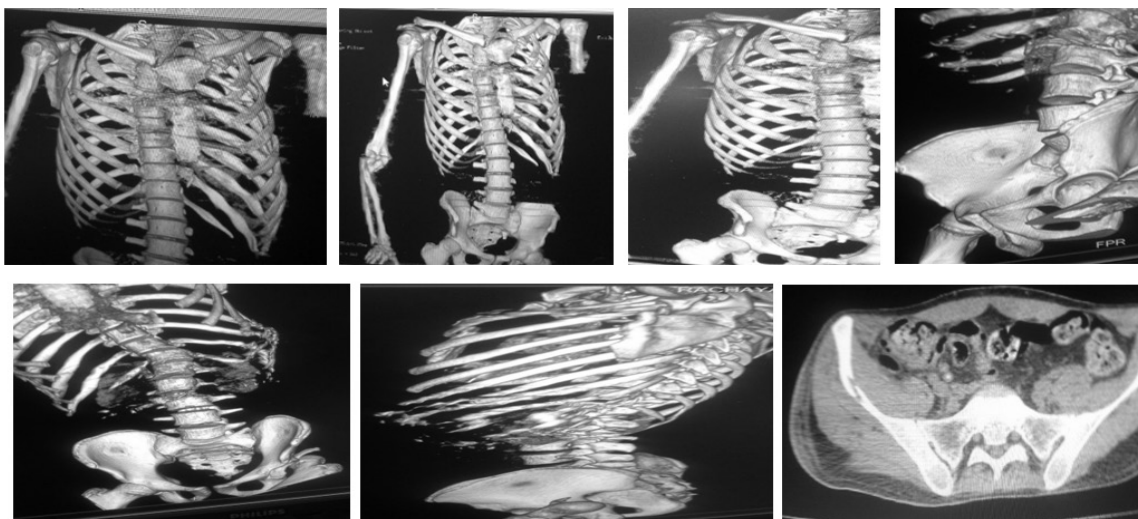
Архивированная информация — фото, видео в цифровом формате, а также томограммы на пленке и в формате DICOM позволяют в последующем провести комплексный анализ, дать объективное судебно-медицинское заключение о причине смерти и характере травмы (рис. 1). Данные, занесенные в базу, позволяют повторно провести экспертное исследование, при этом отпадает необходимость проводить эксгумации.

Рис. 1. Серия МСКТ сканов сочетанная травма головы (а), груди (б), живота с повреждением внутренних органов и костной ткани (в).

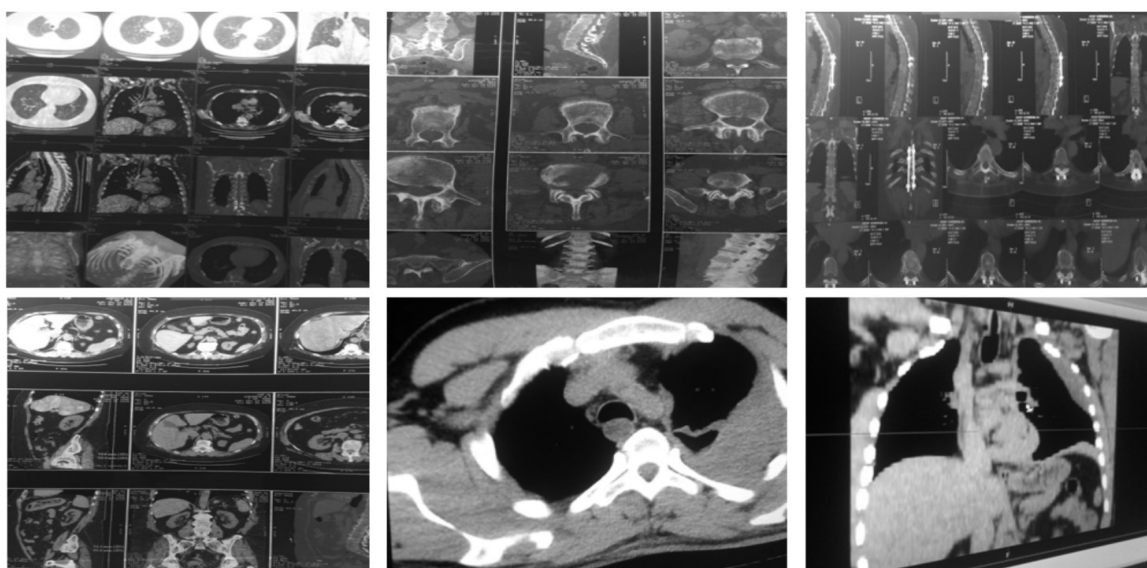
В ходе проведения научно-исследовательской работы были применены ранее разработанные базы данных для сбора комплекса критериев, позволяющие хранить, перерабатывать без первоначального изменения как сами томограммы, так и протоколы исследования и другие важные медицинские документы применительно к изучаемому случаю. Все измерения в рамках данного способа производят при помощи специальных программ, заложенных в ЭВМ компьютерного томографа, исключая человеческий фактор; без использования ручных инструментов (штангенциркуля, линейки) [2–7].

а) Серия МСКТ сканов сочетанной травмы переданной по каналам телекоммуникационной связи: перелом свода костей черепа с кровоизлиянием в вещество головного мозга, сужение желудочкового комплекса, отек вещества головного мозга с дислокацией.

б) Серия МСКТ сканов сочетанной травмы переданной по каналам телекоммуникационной связи: перелом костной ткани грудной клетки, позвоночника и костей таза.

в) Серия МСКТ сканов сочетанной травмы переданной по каналам телекоммуникационной связи: живота с повреждением внутренних органов и костной ткани.

Рисунок 1.

Была апробирована методика проведения исследования на рентгенологических аппаратах с передачей информации по каналам телекоммуникационной связи с соблюдением норм безопасности и САН ПИН РФ, без искажения, для визуализации внутренних органов человеческого тела методами РКТ и МСКТ. Методы РКТ, МСКТ позволят решить вопрос судебно-медицинского и патологоанатомического вскрытия тел усопших ненасильственной смерти, не проводя секционного исследования трупа, а в некоторых случаях

дополняя его, а полученные данные будут являться вещественным доказательством [1–8].

Выводы

Таким образом, применение современных телекоммуникационных связей и рентгеновских методов исследований в судебной медицине, патологоанатомической практике выявили как положительные, так и отрицательные свойства применительно к целям и задачам, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Положительные и отрицательные возможности телекоммуникационной связи и рентгенологических методов

<i>Положительные возможности телекоммуникационной связи и рентгенологических методов</i>	<i>Отрицательные возможности телекоммуникационной связи и рентгенологических методов</i>
Методы телемедицины и компьютерной томографии РКТ и МСКТ обладают высокими пространственными и временными разрешениями	Не всегда возможно исключить артефакты
Уникален своей мобильностью, его можно передать на расстояние, распечатать в традиционном варианте	Требует создания комплексной базы данных для индивидуального хранения
Поддается длительному хранению	Непосредственно от выбора носителя
Занимает минимальный объем	Объем информации напрямую зависит от внешнего — выносного жесткого диска, оптимальный объем памяти 1Тв
Получать цифровое изображение 2х- и 3х-мерную реконструкцию изображения, с последующим воспроизведением на экране	Для последующего исследования необходима ЭВМ программа, что иногда затратно и требует дополнительно финансирования, что не всегда соизмеримо для бюджетных организаций
Не нарушать структуру костной и мягкой ткани в объекте исследования, сохраняя их первоначальный вид;	
Возможность при исследовании трупов умерших, избежать заражения особо опасными инфекциями, в том числе в частности СПИДа и др.;	Не применяются на территории РФ
В режиме реального времени по Internet — со своего рабочего места проводить видеоконференции, кансилиумы с врачами клиницистами	Частично нашло применение в Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Хабаровск
Проводить анализ изображения, оперативно решать вопросы, вынесенные следственными органами на разрешение экспертам	

В ходе нынешнего исследования разработаны применительно к целям и задачам судебно-медицинской и патологоанатомической практике база данных и программы для ЭВМ, апробирована методика, протокол и последовательность (этапность) проведения исследования методами РКТ и МСКТ живого человека и усопшего тела для последующей передачи данных по телекоммуникационной связи, в нашем случае Интернет.

Совместное применение телекоммуникационных связей и рентгенологических методов позволяют ис-

пользовать в медико-криминалистических лабораториях полученные томограммы, реконструировать полученные данные в 2 и 3 D формате, воссоздавать (единый) комплекс объекта при отсутствии фрагментов частей, что имеет существенное значение в идентификации неопознанной личности.

Внедрение в экспертную и клиническую практику телекоммуникационной связи для передачи данных, полученных при помощи МСКТ и (или) РКТ, позволит решить значительный круг вопросов, учитывая, что в

данном случае речь идет о защите и реализации конституционных прав граждан РФ, в вопросах качества и своевременности, адекватности оказания медицинской помощи гражданам с соблюдением законных интересов граждан РФ.

Список источников

1. Дадабаев, В. К. Метод рентгеновской компьютерной томографии в судебно-медицинской практике при исследовании черепно-мозговой травмы / В. К. Дадабаев // Верхневолжский медицинский журнал. 2005. Т. 4. Вып. 5–6. С. 83–85.
2. Дадабаев, В. К. Экспертная оценка рентгеновской компьютерно-томографической картины сотрясения и ушиба головного мозга. / В. К. Дадабаев, А. В. Ковалев, В. В. Колкутин // Материалы научной конференции судебно-медицинских экспертов, посвященной 60-летию образования государственных судебно-экспертных учреждений Министерства обороны Российской Федерации на территории Приволжско-Уральского Военного округа. Самара, 2005. С. 85–87.
3. Дадабаев, В. К. Метод рентгеновской компьютерной томографии как составная часть комплексного судебно-медицинского исследования при черепно-мозговой травме, причиненной тупыми предметами / В. В. Колкутин, А. В. Ковалев, В. К. Дадабаев // Материалы научной конференции судебно-медицинских экспертов, посвященной 60-летию образования государственных судебно-экспертных учреждений Министерства обороны Российской Федерации на территории Приволжско-Уральского Военного округа. Самара, 2005. С. 116–118.
4. Дадабаев, В. К. Анализ судебно-медицинских экспертиз по качеству оказания медицинской помощи в Тверской области / В. К. Дадабаев // Верхневолжский медицинский журнал. 2006. Т. 4. Вып. 1–2. С. 69–71.
5. Дадабаев, В. К. Возможности применения дополнительных методов в установлении черепно-мозговой травмы при проведении судебно-медицинских экспертиз / В. К. Дадабаев // Верхневолжский медицинский журнал. 2007. Т. 5. Вып. 1/2. С. 38–39.
6. Дадабаев, В. К. Судебно-медицинские аспекты хронических субдуральных гематом / В. К. Дадабаев, В. В. Колкутин, А. В. Ковалев. // Военно-медицинский журнал. М., 2007. № 8. С. 67–68.
7. Дадабаев, В. К. Свидетельство о государственной регистрации программы базы данных № 2017621049 в ФСПИС РФ от 15 сентября 2017 года. «Клинико-морфологические признаки, выявленные на компьютерных томограммах у пострадавших с сочетанной травмой».

8. Дадабаев, В. К. Свидетельство о государственной регистрации программы базы данных № 2017620898 в ФСПИС РФ от 14 августа 2017 года. «Квалифицирующие клинико-морфологические признаки у пострадавших с сочетанной травмой по результатам компьютерной томографии».

References

1. Dadabaev, V. K. Method of X-ray computed tomography in forensic medical practice in the study of traumatic brain injury / V. K. Dadabaev // Verkhnevolzhsky Medical Journal. 2005. Vol. 4. Issue 5–6. P. 83–85.
2. Dadabaev, V. K. Expert assessment of the X-ray computed tomographic picture of concussion and brain injury. / V. K. Dadabaev, A.V. Kovalev, V. V. Kolkutin // Materials of the scientific conference of forensic experts dedicated to the 60th anniversary of the formation of state forensic institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation on the territory of the Volga-Ural Military District. Samara, 2005. P. 85–87.
3. Dadabaev, V. K. The method of X-ray computed tomography as an integral part of a complex forensic medical examination for traumatic brain injury caused by blunt objects / V. V. Kolkutin, A.V. Kovalev, V. K. Dadabaev // Materials of the scientific conference of forensic experts dedicated to the 60th anniversary of the formation of state forensic institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation on the territory of the Volga-Ural Military District. Samara, 2005. P. 116–118.
4. Dadabaev, V. K. Analysis of forensic medical examinations on the quality of medical care in the Tver region / V. K. Dadabaev // Verkhnevolzhsky Medical Journal. 2006. Vol. 4. Issue 1–2. P. 69–71.
5. Dadabaev, V. K. The possibility of using additional methods in the establishment of traumatic brain injury during forensic medical examinations / V. K. Dadabaev // Verkhnevolzhsky Medical Journal. 2007. Vol. 5. Issue 1/2. P. 38–39.
6. Dadabaev, V. K. Forensic aspects of chronic subdural hematomas / V. K. Dadabaev, V. V. Kolkutin, A.V. Kovalev. // Military Medical Journal. M., 2007. No. 8. P. 67–68.
7. Dadabaev, V. K. Certificate of state registration of the database program No. 2017621049 in the FSPIS of the Russian Federation dated September 15, 2017. “Clinical and morphological signs revealed on CT scans in patients with combined trauma”.
8. Dadabaev, V. K. Certificate of state registration of the database program No. 2017620898 in the FSPIS of the Russian Federation dated August 14, 2017. “Qualifying clinical and morphological signs in patients with combined trauma according to the results of computed tomography”.

Информация об авторах

В. К. Дадабаев — доцент кафедры судебной медицины с курсом правоведения Тверского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктор медицинских наук, доцент;

П. О. Ромодановский — заведующий кафедрой судебной медицины и медицинского права Московского государственного медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор;

Е. Х. Баринов — профессор кафедры судебной медицины и медицинского права Московского государственного медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор;

П. М. Мурашев — судебный эксперт, председатель Научно-исследовательской судебно-экспертной группы «Содействие».

Information about the authors

V. K. Dadabaev – Associate Professor of the Department of Forensic Medicine with the course of Jurisprudence of the Tver State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Doctor of Medical Sciences, Associate Professor;

P. O. Romodanovsky – Head of the Department of Forensic Medicine and Medical Law of the A. I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Doctor of Medical Sciences, Professor;

E. Kh. Barinov – Professor of the Department of Forensic Medicine and Medical Law of the A. I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Doctor of Medical Sciences, Professor;

P. M. Murashev – Expert, Chairman of the Research Forensic Expert Group “Assistance”.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 29.11.2021.

The article was submitted 15.10.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 29.11.2021.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-105-108>

НИОН: 2003-0059-6/21-085

MOSURED: 77/27-003-2021-06-284

О механизме гражданско-правового регулирования приобретения и осуществления субъективного права в цифровой среде

Алексей Александрович Демин

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, bullpit@rambler.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на пути развития гражданско-правового регулирования субъективных прав в цифровой среде. Делается сравнение механизма гражданско-правового регулирования приобретения и осуществления «традиционных» субъективных гражданских прав и цифровых субъективных прав. Делается вывод о том, что развитие гражданско-правового регулирования приобретения и осуществления цифрового субъективного права схоже с регулированием вещных и обязательственных прав.

Ключевые слова: механизм гражданско-правового регулирования, субъективное право, осуществление субъективного права, приобретение субъективного права, цифровые права, правовое регулирование цифровых прав

Для цитирования: Демин А. А. О механизме гражданско-правового регулирования приобретения и осуществления субъективного права в цифровой среде // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 105–108. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-105-108>.

Original article

On the mechanism of civil law regulation of acquirement and implementation of a subjective right in the digital environment

Aleksey A. Demin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, bullpit@rambler.ru

Abstract. The article prescribes attention to the ways of development of civil law regulation of private rights in the digital environment. The author compares the mechanism of civil law regulation of acquirement and implementation of “traditional” subjective civil rights and digital subjective rights. It is assumed that the development of civil law regulation of the acquisition and implementation of digital subjective rights is similar to the regulation of real and binding rights.

Keywords: civil law regulation mechanism, subjective law, implementation of subjective rights, acquirement of subjective rights, digital rights, legal regulation of digital rights

For citation: Demin A. A. On the mechanism of civil law regulation of acquirement and implementation of a subjective right in the digital environment. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):105–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-105-108>.

Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р, принята программа развития цифровой экономики РФ. Принятие документа обусловлено необходимостью повышения конкурентоспособности страны, качества жизни граждан, обеспечения экономическо-

го роста и национального суверенитета. Достижение поставленных задач напрямую связано с гражданским оборотом и требует изменений в сфере гражданского законодательства.

Среди первостепенных изменений гражданского

© Демин А. А., 2021

законодательства следует обратить внимание на включение в состав объектов гражданских прав — цифровые права (ст. 128 ГК РФ). В качестве цифровых прав законодатель обозначает обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (ст. 141.1 ГК РФ). При этом обращается внимание на то, что осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (ст. 141.1 ГК РФ).

Известно, что обеспеченные правом возможности — это содержание права, само право это средство обеспечения воплощения их в действительность, а действия — это реализация заключенных в праве возможностей [6, с. 8]. Именно действия связанные с реализацией имеющихся правовых возможностей должны приводить к удовлетворению частного интереса индивида, юридически обеспечивая, к примеру, беспрепятственную возможность потребления какого-либо социального блага, в частности цифровых прав. Поэтому, Т. В. Дерюгина отмечает, что для осуществления субъективного права необходимо наличие самой конструкции субъективного права и пределов поведения, а также наличие права требования, которое может рассматриваться как возможность требовать совершения как активных действий, так и воздержания от совершения действий другими лицами [3, с. 25]. Это означает, что субъективное цифровое право, как и любое субъективное право не безгранично, а юридически упорядочено типичной для отдельной правовой ситуации юридической конструкцией. В связи с этим в науке гражданского права говорится о механизме гражданско-правового регулирования осуществления субъективного права, под которым понимается «законодательно санкционированный порядок организации фактических и (или) юридически значимых действий участников гражданских правоотношений, обеспечивающий действительное достижение субъектами правовой цели...» [1, с. 110]. Иными словами, нормативно закреплён порядок действий для управомоченного лица, соблюдение которого юридически обеспечивает достижение правовой цели.

Исходя из этого, для действий управомоченного лица, обладающего субъективным правом, необходимо законодательное регулирование, а точнее механизм гражданского правового регулирования приобретения и осуществления субъективного права. И представля-

ется, что этот механизм схож с механизмом правового регулирования «традиционных» субъективных гражданских прав (например, вещных или обязательственных).

И. А. Еськина отмечает, что сущностью понятия приобретение субъективных гражданских прав является направленность действий на установление своих прав [5, с. 10], и приходит к выводу, что «механизм приобретения гражданских прав можно определить как систему правовых средств, обеспечивающую упорядочение целенаправленного взаимодействия субъектов в целях установления субъективных гражданских прав [5, с. 9].

Следует согласиться с тем, что нормы ГК РФ не хаотичны, а институциональны и упорядочивают действия субъектов, направленные на возникновение разнообразных субъективных гражданских прав. Что, в свою очередь означает, что существуют особые механизмы правового регулирования приобретения субъективных прав. Более того, для различных целей по приобретению права предусмотрены свои нормативные конструкции, правовые способы и средства [5, с. 9], кроме того правовой механизм находится в зависимости от характера объекта [4, с. 288]. Эти нормативные конструкции составляют правовую основу как для будущего субъективного права, поскольку определяют его характер и содержание, так и определяют вид действий, совершение которых необходимо для приобретения соответствующего субъективного права.

Кроме того, о приобретении субъективного гражданского права также говорится как о наступившем правовом последствии. И поэтому в ГК РФ установлены основополагающие положения, где нормативно закреплено, что основанием возникновения субъективных гражданских прав являются различного рода обстоятельства — юридические факты, которые указаны в законе (сделки, договоры, причинение вреда и пр.), или иные действия гражданско-правовой природы (статья 8 ГК РФ). Они вызывают наступление юридических последствий в силу того, что формальные свойства и признаки этих обстоятельств учтены правом в качестве значимых [7, с. 32] в различных юридических конструкциях. Указанные в статье 8 ГК РФ юридические факты являются явлениями общего характера по отношению к конкретным правоотношениям. Совершение предписанных нормативной конструкцией действий образует соответствующей ей юридический факт, что вызывает связанное с обстоятельствами данного факта возникновение конкретного субъективного гражданского права.

Вместе с тем, уже было сказано, что субъективное гражданское право в правоотношении выступает некой моделью потенциально возможного поведения конкретного лица. Оно производно от норм объективного права, где устанавливается типичная модель поведения. И действиями по установлению субъективного права формируются дальнейшие поведенческие возможности субъекта [8, с. 26], на основе тех, что сформулированы объективным правом. Как правило, в абсолютных правоотношениях, поведенческие возможности и пределы осуществления субъективного права определяются объективным правом. В относительных обязательственных правоотношениях усмотрение субъекта в формировании пределов собственного поведения в рамках правоотношения наиболее выражено. В таких правоотношениях поведенческие возможности формируются посредством собственного волеизъявления, например, в различных соглашениях. Поэтому, для надлежащего осуществления субъективного гражданского права необходимо учитывать не только факт возникновения субъективного права, но и условия его возникновения.

Следует признать, что механизм приобретения гражданского права является основополагающим для механизма осуществления субъективного гражданского права. И в связи с тем, что осуществление субъективного права есть обеспеченная правом возможность определённого поведения, характер и содержание данного права не должно вызывать каких-либо сомнений у других участников гражданского оборота. Поэтому, нормативно установленный порядок приобретения субъективных гражданских прав действует в рамках гражданско-правового механизма их приобретения.

Функциональным предназначением механизма приобретения субъективных гражданских прав является упорядочение действий или взаимодействия субъектов на стадии установления субъективных гражданских прав. При этом, юридический эффект в виде наступления очевидных и бесспорных правовых последствий обеспечивается совершением тех действий, которые предписаны соответствующей нормативной юридической конструкцией, используемой участниками гражданского оборота в качестве типичной модели своего дальнейшего поведения. Любые отклонения от заданного поведения в зависимости от степени погрешности могут привести к затруднительности, а то и невозможности осуществления субъективного права.

С учётом изложенного, под правовым механизмом приобретения субъективного гражданского права сле-

дует считать систему правовых средств, функционирующих с целью обеспечения сонаправленных или взаимных действий субъектов гражданского права, совершаемых для установления субъективных гражданских прав.

Список источников

1. Вавилин, Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 416 с.
2. Демин, А. А. О юридических конструкциях и механизме гражданско-правового регулирования // Гражданское право. № 3.
3. Дерюгина, Т. В. Принципы осуществления гражданских прав : Монография. М. : Книгодел, 2010. 188 с.
4. Дозорцев, В. А. Понятие исключительного права Проблемы современного гражданского права : Сборник статей. М. : Городец, 2000. С. 287–320.
5. Еськина, И. А. Механизм приобретения гражданских прав. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. 29 с.
6. Чеговадзе, Л. А. Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения // Гражданское право. 2013. № 2. С. 8–11.
7. Чеговадзе, Л. А. Юридический факт как средство формальной определенности явлений // Материалы Международной научно-практической конференции «Третьи юридические диспуты по актуальным проблемам частного права» / Под ред. И. С. Канзафаровой. Одесса : Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, 2013. С. 18–35.
8. Чеговадзе, Л. А., Куфлин, А. С., Социально-правовое предназначение категории «субъективное гражданское право». М. : Юрист, 2007, № 3. С. 23–26.

References

1. Vavilin, E. V. The exercise and protection of civil rights. 2nd ed., reprint. and DOF. M. : Status, 2016. 416 p.
2. Demin, A. A. On legal constructions and the mechanism of civil law regulation // Civil law. No. 3.
3. Deryugina, T. V. Principles of the exercise of civil rights : Monograph. M. : Knigodel, 2010. 188 p.
4. Dozortsev, V. A. The concept of exclusive right Problems of modern civil law : Collection of articles. M. : Gorodets, 2000. P. 287–320.
5. Es'kina, I. A. Mechanism of acquisition of civil rights. Autoref. dis. ...kand. jurid. sciences'. Nizhny Novgorod, 2015. 29 p.
6. Chegovadze, L. A. Abuse of law as a form of civil offense // Civil law. 2013. No. 2. P. 8–11.
7. Chegovadze, L. A. Legal fact as a means of formal

certainty of phenomena // Materials of the International Conference “Third legal disputes on topical issues of private law” / Ed. I. S. Kanzafarova. Odessa : Odessa National University named after I. I. Mechnikov, 2013. P. 18–35.
8. Chegovadze, L. A., Kuffin, A. S., Socio-legal purpose of the category “subjective civil law”. M. : Lawyer, 2007, N 3. P. 23–26.

Информация об авторе

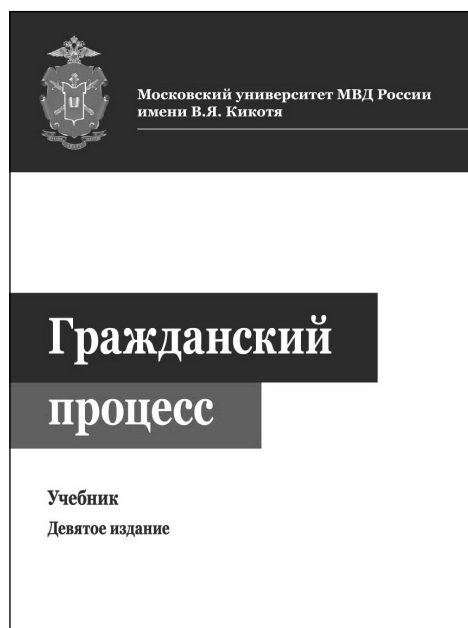
А. А. Демин – доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. A. Demin – Associate Professor of the Department of Civil law and procedure of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Гражданский процесс. Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-109-113>

НИОН: 2003-0059-6/21-086

MOSURED: 77/27-003-2021-06-285

Вопросы квалификации покушения на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование

Николай Леонидович Денисов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, DenisovNL@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы квалификации покушений на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование и пути оптимального их решения. В частности, идет речь о ситуациях, когда осуществляется оконченное и неоконченное покушение на данных лиц и когда имеет место ошибка в потерпевшем.

Ключевые слова: оконченное и неоконченное покушение, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, убийство, преступления против правосудия

Для цитирования: Денисов Н. Л. Вопросы квалификации покушения на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 109–113. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-109-113>.

Original article

Questions of qualification of an attempt on the life of a person administering justice or preliminary investigation

Nikolay L. Denisov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
DenisovNL@yandex.ru

Abstract. This article examines the problems of qualification of attempts on the life of a person administering justice or preliminary investigation and ways of their optimal solution. In particular, we are talking about situations when a completed and unfinished attempt on these persons is carried out and when there is a mistake in the victim.

Keywords: completed and unfinished attempt, encroachment on the life of a person administering justice or preliminary investigation, murder, crimes against justice

For citation: Denisov N. L. Questions of qualification of an attempt on the life of a person administering justice or preliminary investigation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):109–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-109-113>.

Право на жизнь является наиболее ценным личным правом человека, поэтому оно охраняется уголовным законом наиболее строго от преступных посягательств. При этом наличие определенных обстоятельств может повысить и без того значительную

общественную опасность таких преступлений. Например, особенности потерпевшего, характеризующие определенную его социальную роль, либо связанные с осуществлением им определенной деятельности [см. подробнее: 4]. Данные особенности могут обуславли-

© Денисов Н. Л., 2021

вать либо наличие квалифицирующего признака как в пункте «б» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), либо закрепление специальных норм в статьях 277, 295 и 317 УК РФ. При этом следует отметить, что необходимость выделения данных специальных норм в самостоятельные статьи является дискуссионной в научной среде [5]. Однако в рамках данной статьи речь пойдет не об этом.

Вопросы вызывает некоторая некорректность формулировок тех диспозиций, которые содержатся в указанных специальных нормах, влекущих за собой сложности в восприятии и соответственно применении закрепленных в них составов преступлений. Рассмотрим обозначенную проблему на примере статьи 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование».

Начнем, прежде всего, с того, что умышленное посягательство на жизнь другого человека в уголовном законодательстве, исходя из диспозиции части 1 статьи 105 «Убийство» УК РФ, определяется как «умышленное причинение смерти другому человеку». Однако в специальной норме, в статье 295 УК РФ, используется несколько иной термин — «посягательство». К сожалению, ни законодатель, ни Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъяснений относительно указанного термина не приводят.

Данный пробел обуславливает существование различных позиций по трактовке указанной дефиниции. Дискуссии по данной проблеме были проанализированы Азаренковой Е. А. [1] и другими авторами [3]. Обобщив результаты данного анализа можно сделать вывод, что в конечном итоге наиболее распространенной позицией как в научных кругах, так и на практике является понимание под термином «посягательство на жизнь» как оконченого посягательства, предполагающего наступление смерти, так и покушения на причинение смерти соответствующему потерпевшему.

На наш взгляд, для того, чтобы внести большую ясность и единообразие в правоприменительную деятельность следовало бы указать в примечании к одной из статей 277, 295 или 317 УК РФ, где в конструкции используется термин «посягательство», его толкование, либо внести соответствующее разъяснение в указанное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

По поводу предложения о разъяснении в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Фе-

дерации есть некоторые вопросы, которые обусловили возникновение дискуссии относительно значимости и обязательности положений, указанных в этих постановлениях, для правоприменителей.

Исходя из сложившейся правовой системы толкования норм права в Российской Федерации, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации не являются официальным толкованием. Однако, Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 23 декабря 2013 года № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука», опираясь на статью 126 Конституции Российской Федерации и положения Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», указал, что «после принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором разъясняется смысл той или иной нормы права, применение судами общей юрисдикции в ходе рассмотрения дела конкретных правовых норм должно соотноситься с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, — иное может свидетельствовать о судебной ошибке, допущенной при разрешении дела». Соответственно разъяснения в указанном постановлении могло выступить альтернативным путем решения проблемы правоприменения.

Помимо понимания термина «посягательство» на практике возникли и еще могут возникнуть и дополнительные проблемы при квалификации по статье 295 УК РФ.

Одной из проблем является определение, какое покушение охватывается диспозицией данной статьи. Исходя из теории уголовного права [см. например: 8] выделяются два вида покушения: оконченое и неоконченое покушение. Обе ли эти разновидности при их совершении должны квалифицироваться по статье 295 УК РФ или нет? Данный вопрос вытекает исходя из того, что в главе 31 «Преступления против правосудия» УК РФ имеется статья 296 «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования», которая в определенных ситуациях и некоторых обстоятельствах может выступать альтернативой статье 295 в качестве основания уголовной ответственности.

Наличие спорности в вопросе квалификации по данным статьям при совершении неоконченого покушения можно проиллюстрировать на примере уголов-

ного дела № 2-31/2015, рассмотренного Красноярским краевым судом 27 мая 2015 г. Исходя из материалов уголовного дела, усматривается, что в отношении знакомого Пивоварова А. С. следователем было возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 105 УК РФ. Зная об этом, Пивоваров А. С., будучи в состоянии алкогольного опьянения, неоднократно приходил в рабочий кабинет следователя и в присутствии других лиц угрожал убийством в связи с производством ею предварительного расследования в отношении его знакомого. В дальнейшем он также высказывал аналогичные угрозы в процессе не менее трех телефонных звонков на абонентский номер следователя.

Когда следователь приехала на служебном транспортном средстве к дому, где в одной из квартир распивал спиртные напитки Пивоваров А. С., для вызова свидетелей он вышел на улицу. Подойдя к автомобилю, он открыл водительскую дверь автомобиля и стал угрожать ей убийством. После чего Пивоваров навалился телом на сидящего на водительском сиденье сотрудника полиции, схватил руками следователя за шею и стал её сдавливать.

В процессе действий Пивоварова потерпевшая смогла освободиться и покинуть салон автомобиля. Пивоваров, продолжая высказывать угрозы причинением смерти в её адрес, начал преследовать следователя во дворе дома. В процессе чего был задержан сотрудниками полиции.

При рассмотрении данного дела, суд перевалифицировал данное деяние со статьи 295 УК РФ на часть 3 статьи 296 УК РФ. В обосновании своего решения он указал, что, исходя из обстоятельств совершения данного преступления, Пивоваров А. С. не имел намерения реализовать свою угрозу исходя из того, что напал на потерпевшую не непосредственно, а через водительскую дверь и сотрудника полиции. Никаких препятствий сделать это через незаблокированные пассажирские двери не было. После того сотрудник полиции его оттолкнул, каких-либо активных действий по причинению вреда потерпевшей не совершил, хотя несмотря на противодействие, не лишен был это возможности.

Из показаний свидетелей вытекало, что, в то время, когда Пивоваров выкрикивал угрозы и делал попытки приблизиться к потерпевшей, сотрудник полиции не применял в отношении него специальных средств и приемов, а лишь вставал между ним и потерпевшей, упирался ему в грудь рукой. По мнению свидетелей, этого было достаточно для удержания Пивоварова. При этом важно, что в дальнейшем для преодоления его сопротивления при задержании потребовались

усилия трех сотрудников полиции и применение наручников.

Указанное решение является спорным в силу того, что расценивать как угрозу фактически совершенное неоконченное покушение некорректно. Из данного события вытекает, что фактически имело место неоконченное покушение, которое не было виновным до конца не в силу того, что он не захотел, а потому, что не смог. Доводы о том, что Пивоваров А.С. не выбрал более рациональный путь для достижения преступной цели, недостаточно весомы в силу того, что это могло стать результатом его состояния опьянения и внезапно возникшим умыслом, которые не позволили мыслить рационально и определить оптимальный путь совершения преступления. Умысел мог внезапно возникнуть на почве сильного душевного волнения, которое в дальнейшем уже могло отсутствовать, что объясняет его более спокойное поведение.

Похожие решения имеются и по другим делам, которые были изучены автором.

Исходя из указанного, можно сделать вывод, что в судебной практике в качестве посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, как правило, рассматривают только оконченное покушение. Если речь идет о неоконченном покушении суды квалифицируют по соответствующей части статьи 296 УК РФ как угрозу убийством.

Обоснованием такой практики может явиться спорность содержания субъективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 295 УК РФ относительно намеренности доведения замысла о лишении жизни до конца, а также излишняя строгость санкции, предусматривающей ответственность за совершение деяния в данной статье.

Для решения данной проблемы есть два пути. Во-первых, как уже указывалось, указать соответствующие разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Во-вторых, в конструкции статьи 295 УК РФ предусмотреть две части, первая из которых будет предусматривать ответственность только за покушение на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, а вторая — за оконченное посягательство. Это позволит дифференцировать уголовную ответственность за данное посягательство, исходя из фактически наступивших общественно опасных последствий.

Следующей проблемой на практике может быть квалификация деяния, предполагающего фактическую ошибку в потерпевшем и соответственно в объ-

екте посягательства. Так, преступник, намереваясь лишить жизни лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, ошибочно убивает обычного гражданина.

В такой ситуации может быть рассмотрено два варианта квалификации. Первый вариант, предполагает квалификацию по статье 295 УК РФ. Второй вариант — квалификация по совокупности части 1 статьи 105 УК РФ и статьи 295 УК РФ [см. подробнее: 6].

На наш взгляд, первый вариант наиболее верный по следующим причинам. Во-первых, второй вариант противоречит принципу справедливости, в силу того, что суд при принятии решения, исходя из данного варианта, будет назначать наказание в соответствии с правилами, изложенными в части 2 статьи 69 УК РФ, когда по совокупности данных преступлений будет применяться правило: «окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения назначенных наказаний. При этом окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений». Следовательно, максимальный размер наказания будет не более 10 лет лишения свободы. В то время как при квалификации только по статье 295 УК РФ максимальный срок составляет 20 лет лишения свободы. Таким образом, получается, что преступник, совершивший менее общественно опасное деяние, будет наказан строже.

Во-вторых, в данной ситуации совокупности преступлений нет ни юридически, ни фактически, а имеется одно преступление, при котором виновный заблуждается в личности потерпевшего в объекте, совершенное по определенному мотиву или с определенной целью [2; 7]. Это вытекает из положений уголовного права о покушении на преступление, закреплённых в части 3 статьи 30 УК РФ, где указано, что «покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам».

В данной ситуации виновный сделал, по его мнению, все, чтобы достигнуть преступного результата, однако желаемые последствия не наступили по не зависящим от него обстоятельствам, соответственно данное посягательство следует рассматривать как покушение на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование. Исходя из предложенного нами понимания термина «пося-

гательство», указанного в диспозиции статьи 295 УК РФ, данная ситуация должна быть квалифицирована как преступление, предусмотренное указанной статьей.

В качестве заключения хотелось бы указать, что наличие специальной нормы в статье 295 УК РФ и отсутствие руководящих разъяснений в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации способствует наличие разнообразной юридической практики и проблем при квалификации совершаемых преступлений. Для их решения следует внести в указанное постановления соответствующие положения о применении статей 277, 295 и 317 УК РФ, либо дополнить данные статьи примечанием, где бы давалось разъяснение термина «посягательство».

Список источников

1. Азаренкова, Е. А. Посягательство на жизнь и здоровье сотрудника органов внутренних дел: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь / Е. А. Азаренкова, Ю. Е. Духовник // Современные проблемы квалификации преступлений : Сборник научных статей, Москва, 25–26 мая 2017 года / Ответственный редактор: Н. Г. Кадников. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2017. С. 377–381.
2. Денисов, Н. Л. Определение особенностей предмета преступления и потерпевшего как первый этап квалификации преступлений, предупреждающий установление объекта преступления / Н. Л. Денисов // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 90–95.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический, постатейный / Н. И. Ветров, С. В. Борисов, М. М. Дайшутов [и др.]. 6-е издание. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2019. 1096 с.
4. Нудель, С. Л. Тенденции современной Российской уголовной политики в контексте криминализации / С. Л. Нудель // Человек : преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 1. С. 18–26.
5. Нуркаева, Т. Н. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, сотрудника правоохранительного органа, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование и их место в системе Особенной части УК РФ / Т. Н. Нуркаева, И. Р. Диваева // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 5. С. 68–70.
6. Попов, А. Н. Преступления против жизни, со-

вершенные при отягчающих обстоятельствах, относящихся к личности потерпевшего (пп. «б», «в», «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / А. Н. Попов; С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации. СПб, 2002. С. 21–22.

7. Практикум по квалификации отдельных видов преступлений : учебник / В. Н. Балябин, Ж. А. Бойцова, В. Б. Боровиков [и др.]. Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020. 488 с.

8. Уголовное право России : Учебник в 2 томах. Том 1 / А. А. Абдульманов, С. В. Борисов, Ж. В. Виденькина [и др.]. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2018. 436 с.

References

1. Azarenkova, E. A. Encroachment on the life and health of an employee of the internal affairs bodies: comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus / E. A. Azarenkova, Y. E. Dukhovnik // Modern problems of crime qualification : Collection of scientific articles, Moscow, May 25-26, 2017 / Responsible editor: N. G. Kadnikov. Moscow : Limited Liability Company “Publishing House “Jurisprudence”, 2017. P. 377–381.

2. Denisov, N. L. Defining the features of the subject of the crime and the victim as the first stage of the qualification of crimes, anticipating the establishment of the object of the crime / N. L. Denisov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of

Russia. 2020. No. 4. P. 90–95.

3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical, article-by-article / N. I. Vetrov, S. V. Borisov, M. M. Daishutov [et al.]. 6th edition. Moscow : Limited Liability Company “Publishing House “Jurisprudence”, 2019. 1096 p.

4. Nudel, S. L. Trends of modern Russian criminal policy in the context of criminalization / S. L. Nudel // Man : crime and punishment. 2019. T. 27. No. 1. P. 18–26.

5. Nurkaeva, T. N. Attempt on the life of a state or public figure, a law enforcement officer, the person administering justice or preliminary investigation and their place in the system of the Special part of criminal code / T. N. Nurkaeva, I. R. Divaeva // Business in law. Economic and Legal Journal. 2014. No. 5. P. 68–70.

6. Popov, A. N. Crimes against life committed under aggravating circumstances relating to the identity of the victim (paragraphs “b”, “c”, “d” Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) / A. N. Popov; St. Petersburg Law institute of the Prosecutor’s office of Russia. St. Petersburg, 2002. P. 21–22.

7. Workshop on the qualification of certain types of crimes : textbook / V. N. Balyabin, Zh. A. Boytsova, V. B. Borovikov [et al.]. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2020. 488 p.

8. Criminal Law of Russia : Textbook in 2 volumes. Volume 1 / A. A. Abdulmanov, S. V. Borisov, Zh. V. Videnkina [et al.]. Moscow : Limited Liability Company “Publishing House “Jurisprudence”, 2018. 436 p.

Информация об авторе

Н. Л. Денисов – старший научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. L. Denisov – Senior Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 08.11.2021.

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 08.11.2021.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-114-119>

НИОН: 2003-0059-6/21-087

MOSURED: 77/27-003-2021-06-286

Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности

Михаил Давидович Джикия¹, Анна Викторовна Шкаленко², Анастасия Андреевна Джикия³

^{1,2,3} Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹ dzhickiamd@volsu.ru

^{2,3} oponir@volsu.ru

Аннотация. Переход на цифровой сценарий развития страны был обозначен правительством России в качестве одного из приоритетных направлений развития государства. Модернизационные процессы в условиях такого перехода приобретают ряд специфических черт, авторами статьи были рассмотрены сильные и слабые стороны LegalTech, угрозы, исходящие от форсированной цифровизации профессиональной юридической деятельности, а также возможности, открывающиеся для дальнейшего прогрессивного развития отрасли. Методологической основой исследования стали общие научные принципы системного подхода, сравнительный анализ, а также методы стратегического планирования (swot-анализ). Результаты исследования показали, что для эффективного и безболезненного внедрения информационных технологий в профессиональную деятельность юридических акторов в Российской Федерации назрела необходимость формирования новой экосистемы цифровизации профессионального юридического сообщества при участии ученых, профессионального сообщества, предпринимателей, инвесторов и других субъектов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная юридическая деятельность, сильные и слабые стороны, угрозы и возможности, информационные технологии, цифровизация экономики, платформы, программы, продукты и инструменты, LegalTech

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-78-10075.

Для цитирования: Джикия М. Д., Шкаленко А. В., Джикия А. А. Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 114–119. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-114-119>.

Original article

Role of “LegalTech” in professional legal activities modernization

Mikhail D. Dzhikiya¹, Anna V. Shkalenko², Anastasiya A. Dzhikiya³

^{1,2,3} Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹ dzhickiamd@volsu.ru

^{2,3} oponir@volsu.ru

Abstract. The transition to a digital scenario for the country’s development was designated by the Russian government as one of the priority areas for the development of the state. Under the conditions of such a transition, modernization processes acquire a number of specific features, the authors of the article considered the strengths and weaknesses of LegalTech, the threats posed by the forced digitalization of professional legal activity, as well as the opportunities that open up for the further progressive development of the industry. The methodological basis of the study was the general scientific principles of the systems approach, comparative analysis, as well as methods of strategic planning (SWOT-

© Джикия М. Д., Шкаленко А. В., Джикия А. А., 2021

analysis). The results of the study showed that for the effective and painless implementation of information technologies in the professional activities of legal actors in the Russian Federation, there is a need to form a new digitalization ecosystem for the professional legal community with the participation of scientists, professional community, entrepreneurs, investors and other business entities.

Keywords: professional legal activity, strengths and weaknesses, threats and opportunities, information technology, digitalization of the economy, platforms, programs, products and tools, LegalTech

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 18-78-10075.

For citation: Dzhikiya M. D., Shkalenko A. V., Dzhikiya A. A. Role of “LegalTech” in professional legal activities modernization. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(6):114–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-114-119>.

Введение.

В современных условиях развития общества и экономики значительно возрастает роль технологической модернизации не только промышленности, но и других отраслей народного хозяйства. Масштабная цифровизация стран, внешние вызовы и растущая конкуренция как на внутреннем, так и на внешних рынках неизбежно приводит к тому, что изменения затрагивают такие направления деятельности, которые до недавнего времени казались весьма консервативными. Не осталась в стороне и профессиональная юридическая деятельность. Цифровые технологии в данной области призваны не только облегчить и повысить эффективность деятельности, автоматизировав типовые и базовые задачи, но и ставят перед собой цель полной замены человека на юриста-робота.

Такие сложные и стремительные изменения заставляют ученых, профессиональное сообщество, предпринимателей, инвесторов и других субъектов хозяйственной деятельности формировать новую экосистему цифровизации профессионального юридического сообщества [3, с. 2–3]. В научной среде появляются ряд статей, рассматривающих различные стороны процесса внедрения IT-технологий в профессиональную деятельность юриста. Так, например, британские ученые Ireland, C. и Hockley, R. в своей работе «A call for introducing LegalTech in the classroom» оценивают и обосновывают необходимость включения элементов LegalTech в программу подготовки бакалавров права (Bachelor of Laws) [10]. Вопросы развития юридического образования в условиях цифровизации экономики также освещены российскими учеными Епифановой Т. В., Вовченко Н. Г., Тороповым Д. и Позднышовым А. Н. в работе «Development of Legal Education and Machine-Readable Law in the Conditions of Economy Digitization» [9]. Второй блок работ посвящен тем возможностям, которые возникают у профессионального юридического сообщества посредством внедрения LegalTech в их деятельность. Так, в своей статье «Consumer Protection in the Digital

Era: The Potential of Customer-Centered LegalTech» авторами из Технического университета Мюнхена Braun, D., Scepankova, E., Holl, P., Matthes, F. рассмотрен потенциал полезности LegalTech в вопросах защиты прав потребителей [8]. Однако, как и любое другое нововведение, внедрение LegalTech открывает не только новые возможности, но и несет за собой ряд сложностей и угроз, что подтверждают публикации таких авторов, как Biard, A., Skjølvsvik, T., Perner, F., Rivas, A.G., Tsyganova, M., Mik, E.

На основе обзора научной литературы стоит отметить, что задачи цифровизации экономики РФ обозначены на общегосударственном уровне. В этой связи LegalTech оказывает некоторое влияние как на систему государственного управления (включающую юридическую профессиональную деятельность) в целом, так и в частности на оказание государственных услуг и реализацию конституционных прав граждан.

Таким образом, авторы предполагают, что цифровизация юридически значимых действий в ближайшем будущем будет влиять не только на частную юридическую практику, но и на государственное управление и реализацию базовых прав человека и гражданина.

Методология и методы исследования.

Методологическую базу работы составили труды отечественных и зарубежных ученых в области цифровизации профессиональной управленческой и юридической деятельности в современных условиях развития общества. Среди современных методов исследования в статье были использованы: методы анализа и синтеза, индукции и дедукции; методы научных исследований — для анализа генезиса и сущности понятия «LegalTech» в юридической деятельности; методы диалектического познания — для систематизации основных характеристик процесса использования IT-технологий в юридической деятельности; SWOT-анализа — при определении сильных и слабых сторон, угроз и возможностей цифровизации профессиональной юридической деятельности; логического обобщения — при формулировании выводов о роли

«LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение.

Генезис и сущность понятия «LegalTech»

Понятие LegalTech является заимствованным из английского языка и сокращением от словосочетания legal technology. С точки зрения смысловой нагрузки, под LegalTech понимаются специализированные информационно-технические средства: платформы, программы, продукты и инструменты, которые направлены на оптимизацию и упрощение процессов профессиональной юридической деятельности.

Родиной зарождения и становления LegalTech можно считать Соединенные Штаты Америки, а первопроходцем — созданную в 1977 году компанию LexisNexis. Началом развития и расцвета отрасли следует считать 2000-е годы, в этот период на рынке услуг стали появляться стартапы, которые начали оказывать юридические онлайн-консультации и услуги автоматизированного создания документов. Первопроходцами таких видов услуг выступили компании LegalZoom и Rocket Lawyer. Однако, дальнейшее распространение подобных компаний за пределы национального рынка вызывало ряд затруднений, которые были вызваны спецификой национальных правовых систем, что привело к появлению региональных очагов развития индустрии Legaltech. Так, например, в Европе данная сфера получила значительно меньшее развитие, чем в США, хотя в таких странах, как Франция и Бельгия, рынок Legaltech больше развит, чем в других европейских государствах, что можно объяснить сложностью национальных правовых систем.

Перспективные направления процесса использования IT-технологий в юридической деятельности

Учитывая современные условия развития юридической деятельности, можно выделить основные характеристики использования IT-технологий в указанной сфере:

1. Продвинутый уровень обеспечения доступности юристов для клиентов. IT-технологии в ближайшем будущем обеспечат режим удаленного доступа к юридическим услугам 24 часа в сутки, без привязки к географическим точкам.

2. Цифровизация юридического документооборота позволит значительно ускорить совершение юридически значимых действий (электронное правительство, электронный нотариат, электронное правосудие).

3. Существенный толчок в развитии бизнес-процессов может дать широкое внедрение чат-ботов в контексте развития удаленного юридического консалтинга.

4. Перспективным является использование программных методов анализа юридических документов

(predictive coding). В зарубежной практике уже делаются попытки использования программного анализа в антимонопольных разбирательствах, где хорошие результаты дает машинный анализ электронных данных о содержании государственных и муниципальных контрактов [2].

5. В ближайшие годы перед ведущими международными юридическими фирмами встанет задача создания крупных IT-интеграторов с конкурентоспособными программно-аппаратными решениями в области юридического сопровождения бизнес-процессов.

SWOT-анализ цифровизации профессиональной юридической деятельности

Цифровая эпоха преобразует все: характер рынков и продуктов, способы производства, способы доставки и оплаты, масштаб капитала для работы на глобальном уровне и потребности в человеческом капитале. Это также повышает производительность, предоставляет компании новые идеи, технологии, новые модели управления и бизнеса и создает новые каналы доступа на рынки. И все это при относительно низких затратах. Не будет преувеличением предсказать, что субъекты профессиональной юридической деятельности будут все больше полагаться на искусственный интеллект для реализации текущей деятельности и для решения более сложных задач [1, с. 14–15].

Основными сильными сторонами цифровизации деятельности профессиональных юридических организаций выступают:

- повышение уровня экономической мобильности юридического бизнеса (за счет дополнительной технологизации);

- по мнению приверженцев концепции делиберативной демократии одной из сильных сторон информационного общества стоит считать преобладание горизонтальных отношений между различными слоями общества над вертикально-иерархическими [4];

- цифровизация открывает все больше новых возможностей для удаленной коммуникации, повышения уровня комфорта и скорости при совершении операций;

- внедрение интеллектуальных роботизированных систем в процесс принятия юридически значимых решений.

Как и любой другой процесс внедрение IT-технологий не лишен уязвимых мест, которые определяют ряд слабых сторон, а его осуществление в рамках профессиональной юридической деятельности сопровождается рядом узких моментов:

- искусственный интеллект (ИИ) сегодня не является полноценным субъектом права, поэтому можно поставить под сомнение легальность принимаемых им решений. До тех пор, пока ИИ не станет полноценным

участником правовых отношений, он не сможет заменить человека (следователя, нотариуса и др.);

- появляются новые каналы для «утечки» персональных данных пользователей цифровых услуг. Возрастают риски нарушения права на неприкосновенность частной жизни и коммерческую тайну;

- отсутствие персональной ответственности должностных лиц за принятие решений. Ограничение прав на участие в юридических процессах и прав на обжалование решений, выносимых автоматизированными системами;

- появление новых видов правонарушений: разработка злоумышленниками способов мошенничества, методов «отмывания» денежных средств, ухода от налогов, финансирования терроризма и др.

Процесс перехода экономики на цифровой сценарий развития, как сложное комплексное явление, обладающее сильными и слабыми сторонами, открывает перед обществом и государством ряд новых возможностей, которые могут быть использованы для дальнейшего поступательного движения вперед, не исключение и юридическая сфера:

- дистанционная реализация права (право на получение медицинской помощи: электронная регистратура, телемедицина; избирательные права: он-лайн голосование) [6];

- повышение уровня квалификации работников за счет получения навыков управления цифровыми системами [7]. Постепенное внедрение роботизации рабочих мест, создание перечня профессий и программ при обучении на которых будут введены ограничения на использование дистанционных онлайн технологий;

- отказ от построения нормативного регулирования по принципу «догоняющего права». Создание экспериментальных площадок для внедрения цифровых технологий в целях оценки потенциальных юридических рисков. Создание системы взаимодействия между законодателем и правоприменителями в целях оперативного устранения коллизий и пробелов законодательства в области цифровых технологий. Что не приведет к передаче принятия юридически значимых решений роботизированным системам, а предоставит возможность использовать системы искусственного интеллекта в поисковых, аналитических и иных вспомогательных целях для повышения уровня правового сопровождения модернизационного процесса в условиях цифровизации экономики.

Любые изменения, которым подвергается устоявшаяся система, несут в себе ряд угроз, которые могут иметь серьезные негативные последствия, в случае отсутствия возможности эффективного ответа российского общества на новые вызовы (переход на цифровой сценарий развития) с учетом взаимодействия человека

и природы, человека и технологий, социальных институтов [5].

Можно выделить несколько основных опасных моментов цифровизации профессиональной юридической деятельности:

- информатизация юридически значимых процедур и создание глобальных баз данных несет в себе угрозу утечки персональных данных граждан;

- цифровизация может повлечь за собой появление новых видов правонарушений и всплеск киберпреступности. Существующие сегодня технические решения не позволяют осуществлять полную защиту ИИ, а значит, возможны взломы, переподчинения, злоупотребления, что в свою очередь будет приводить к неправоудным решениям, подлогам и т.д.;

- криминализация действий в виртуальной реальности (распространение уголовных наказаний за «лайки», «репосты» и др. Повышение количества привлекаемых к уголовной ответственности – рост социального напряжения.

Роль «LEGALTECH» в модернизации профессиональной управленческой и юридической деятельности

Ключевая роль «LegalTech» в модернизации профессиональной управленческой и юридической деятельности может быть выражена в следующих основных моментах:

Предупреждение конфликтных ситуаций. Основными инструментами предупреждения конфликтных ситуаций выступают «умные контракты» (Smart Contract) и «интернет вещей» (технологии IoT). Посредством смарт-контрактов не только закрепляются обязанности и ответственность сторон, но и вступают в законную силу, что элиминирует промежуточные шаги в случае нарушения сторонами договорных обязательств. Контроль качества продукции на любом этапе технологической цепочки посредством технологий IT сокращает число конфликтных ситуаций в результате исполнения контрактных обязательств.

Повышение общего уровня правовой грамотности населения. Ряд инструментов, которые предлагаются в результате цифровизации определенных процессов юридической деятельности, позволяют оценить обстоятельства с юридической точки зрения неспециалистам в указанных вопросах: физические лица, индивидуальные предприниматели, самозанятые, малые предприятия. Новые технологии частично позволяют автоматизировать такие процессы, как анализ и подготовка правовых документов (проекты договоров, завещаний и пр.), принятие решений по некоторым юридическим вопросам. Что в свою очередь не только повышает уровень грамотности населения в юридической сфере, но и снижает стоимость юридических

услуг.

Повышение уровня эффективности работы специалистов в области юриспруденции. Использование информационно-технических инструментов, справочных и информационных систем не только упрощают и снижают издержки профессиональной юридической деятельности, но и повышают эффективность и качество работы юристов посредством более точной оценки перспектив юридической процедуры и более глубокого анализа имеющейся судебной практики.

Создание альтернативных вариантов разрешения споров. Внедрение новых технологических решений в профессиональную юридическую деятельность позволяет отойти от использования традиционных инструментов разрешения правовых споров посредством создания краудфандинговых платформ. Данные решения способны оценить перспективы судебного дела и представить интересы в суде за определенный процент от выигранной суммы.

Повышение эффективности и результативности правоохранительной и правоприменительной государственной деятельности. Новые технические решения позволяют определить ключевые моменты юридического спора и проанализировать принятые решения по похожим делам.

Разработка системы мониторинга исполнения федерального законодательства. Машинные системы анализа правоприменительной практики позволят органам власти вносить нужные коррективы в осуществление правовой политики.

Заключение.

Авторами статьи была предпринята попытка описать роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности в условиях перехода экономики на цифровой сценарий развития и определить сильные и слабые стороны данного процесса, а также угрозы, которые он в себе несет, и возможности, открывающиеся перед обществом и государством. Авторами было выявлено, что важную роль в успехе цифровизации экономики в целом, и профессиональной юридической деятельности в частности, играет готовность российского общества к эффективному ответу на модернизационные процессы с учетом специфических особенностей цифрового сценария развития. В этой связи, на первый план выходят такие факторы, как потеря традиций и суверенитета, безопасность, социальная напряженность, увеличение числа безработных, снижение качества образования, деперсонализация общества и некоторые другие. Для успешного осуществления модернизационных процессов цифровизации профессиональной деятельности юристов необходимо сформировать новую экосистему, в которой будут задействованы не только юристы, но и ученые,

профессиональное сообщество, предприниматели, инвесторы и другие субъекты хозяйственной деятельности с целью повышения долгосрочной конкурентоспособности отрасли, а не ограниченную лишь применением и использованием цифровых технологий. Для этого необходимо обратить акцентированное внимание на сильные стороны внедрения Legaltech в профессиональную юридическую деятельность, нивелировать слабые стороны путем использования возможностей, которые дают цифровые технологии, тем самым добившись оптимизации преимуществ, при этом минимизируя риски.

Список источников

1. Джикия, М. Д. Экономико-правовое взаимодействие в свете технологической модернизации экономики РФ / М. Д. Джикия // Вопросы экономики и права. № 10 (124). 2018. С. 12–16.
2. Инновации в юриспруденции: обзор достижений и тенденций в области IT-технологизации юридического бизнеса в англоязычных юрисдикциях / Электронный ресурс. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/12/16/innovacii_v_yurisprudencii_obzor_dostizhenij_i_tendencij_v_oblastiit-tehnologizacii_yuridicheskogo_b_71828.
3. Косов, М. Е. Рынок LegalTech : обзор и перспективы развития // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 2. С. 19–29.
4. Котова, А. И. Делиберативная демократия: обзор концепции Ю. Хабермаса / А. И. Котова, В. В. Денисенко. Текст : непосредственный // Право: современные тенденции : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар : Новация, 2016. С. 10–13. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/180/9738/> (дата обращения: 05.10.2020).
5. Медведев, Д. А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28 (статья в журнале).
6. Онлайн-конференция «Развитие Legal Tech» (Санкт-Петербург, 20 апреля 2020 г.) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. № 2 (2020). С. 101–105.
7. Цифровая трансформация экономики и промышленности : проблемы и перспективы / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 807 с.
8. Braun, D., Scepankova, E., Holl, P. & Matthes, F., (2019). Consumer Protection in the Digital Era: The Potential of Customer-Centered LegalTech. In: David, K., Geihs, K., Lange, M. & Stumme, G. (Hrsg.), INFORMATIK 2019: 50 Jahre Gesellschaft für Informatik – Informatik für Gesellschaft. Bonn: Gesellschaft für Informatik e.V. (S. 407-420). DOI: 10.18420/inf2019_58.
9. Epifanova, T. V., Vovchenko, N. G., Toporov, D. A.,

Pozdnyshov, A. N. (2020) Development of Legal Education and Machine-Readable Law in the Conditions of Economy Digitization. In: Popkova E., Sergi B. (eds) Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 87. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29586-8_110.

10. Ireland, C. and Ryan Hockley. (2020) A call for introducing LegalTech in the classroom. *Comput. Law Secur. Rev.* 36: 105399.

References

1. Dzhikiya, M. D. Economic and legal interaction in the light of technological modernization of the Russian economy / M. D. Dzhikiya // *Issues of Economics and Law*. № 10 (124). 2018. P. 12–16.

2. Innovations in jurisprudence: an overview of achievements and trends in the field of IT-technologization of legal business in English-speaking jurisdictions / Electronic resource. Access mode: https://zakon.ru/blog/2017/12/16/innovacii_v_yurisprudencii_obzor_dostizhenij_i_tendencij_v_oblastiit-tehnologizacii_yuridicheskogo_b_71828.

3. Kosov, M. E. LegalTech Market : Review and Development Prospects // *International Journal of Civil and Commercial Law*. 2019. No. 2. P. 19–29.

4. Kotova, A. I. Deliberative democracy: an overview of the concept of Y. Habermas / A. I. Kotov, V. V. Denisenko. Text: direct // *Law: modern trends: materials of the III Intern. scientific conf.* (Krasnodar, February 2016). Krasnodar : Novatsiya, 2016. P. 10–13. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/180/9738/> (date of access: 05.10.2020).

5. Medvedev, D. A. Russia-2024: Strategy of Socio-Economic Development // *Economic Issues*. 2018. No. 10. P. 5–28 (article in the journal).

6. Online conference «Legal Tech Development» (St. Petersburg, April 20, 2020) // *Theoretical and Applied Jurisprudence*. No. 2 (2020). P. 101–105.

7. Digital transformation of the economy and industry : problems and prospects / ed. Dr. econ. sciences, prof. A. V. Babkin. SPb. : Publishing house of Polytechnic. un-ta, 2017. 807 p.

8. Braun, D., Scepankova, E., Holl, P. & Matthes, F., (2019). Consumer Protection in the Digital Era: The Potential of Customer-Centered LegalTech. In: David, K., Geihs, K., Lange, M. & Stumme, G. (Hrsg.), *INFORMATIK 2019: 50 Jahre Gesellschaft für Informatik – Informatik für Gesellschaft*. Bonn: Gesellschaft für Informatik e.V. (S. 407-420). DOI: 10.18420/inf2019_58.

9. Epifanova T.V., Vovchenko N.G., Toporov D.A., Pozdnyshov A.N. (2020) Development of Legal Education and Machine-Readable Law in the Conditions of Economy Digitization. In: Popkova E., Sergi B. (eds) Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 87. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29586-8_110.

10. Ireland, C. and Ryan Hockley. (2020) A call for introducing LegalTech in the classroom. *Comput. Law Secur. Rev.* 36: 105399.

Информация об авторах

М. Д. Джикия – научный сотрудник Волгоградского государственного университета;

А. В. Шкаленко – ведущий научный сотрудник Волгоградского государственного университета;

А. А. Джикия – старший научный сотрудник Волгоградского государственного университета.

Information about the authors

M. D. Dzhikiya – Researcher of the Volgograd State University;

A. V. Shkalenko – Leading Researcher of the Volgograd State University;

A. A. Dzhikiya – Senior Researcher of the Volgograd State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-120-123>

НИОН: 2003-0059-6/21-088

MOSURED: 77/27-003-2021-06-287

Право на жилое помещение в гражданском законодательстве

Александр Павлович Иванов¹, Светлана Викторовна Игнатьева²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, Ivanovalexcivil@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия, svetignateva60@mail.ru

Аннотация. Рассматривается понятие права на жилище в гражданском праве и его доктринальное обоснование. Анализируются взаимосвязи конституционного права на жилище с гражданскими правами, закрепленными в Гражданском и Жилищном кодексах. Определяются возможные способы использования жилья, урегулированные в жилищном законодательстве. Дана сравнительно-правовая характеристика понятий «право на жилище» и «право собственности на жилое помещение» в контексте соотношения естественных и позитивных прав в отношении жилища.

Ключевые слова: право на жилище, способы использования жилья, жилищное законодательство, право собственности на жилое помещение конституционное право на жилище, гражданские права на жилое помещение

Для цитирования: Иванов А. П., Игнатьева С. В. Право на жилое помещение в гражданском законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 120–123. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-120-123>.

Original article

The right to residential premises in civil legislation

Alexander P. Ivanov¹, Svetlana V. Ignatyeva²

¹ Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, Ivanovalexcivil@mail.ru

² Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia, svetignateva60@mail.ru

Abstract. The concept of the right to housing in civil law and its doctrinal justification are considered. The interrelationships of the constitutional right to housing with civil rights enshrined in the Civil and Housing Codes are analyzed. The possible ways of using housing regulated in the housing legislation are determined. Comparative legal characteristics of the concepts of “right to housing” and “ownership of residential premises” are given in the context of the correlation of natural and positive rights in relation to housing.

Keywords: right to housing, ways of using housing, housing legislation, ownership of residential premises, constitutional right to housing, civil rights to residential premises

For citation: Ivanov A. P., Ignatyeva S. V. The right to residential premises in civil legislation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):120–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-120-123>.

Проанализируем сущность права на жилище в гражданском праве и его доктринальное обоснование. Право на жилище обладает следующими признаками:

Право на жилище провозглашено в статье 40 Конституции Российской Федерации (далее — Конститу-

ция РФ) [9]. Право на жилище обладает следующими признаками:

- жилище должно обладать определенными физическими характеристиками, то есть оно

© Иванов А. П., Игнатьева С. В., 2021

- должно быть признанным жилым помещением;
- жилище должно характеризоваться определенным местом расположения.

Соответственно в гражданском праве право на жилище выражается в различных вещных правах на жилые помещения и включает гражданско-правовые правомочия по владению, пользованию и распоряжению жилым помещением [10, с. 152–155].

В современном мире трактовка жилища значительно расширилась. В настоящее время этому праву придается особое социальное значение [2, с. 5–10]. Интерес (как в теоретическом, так и прикладном аспектах) представляет анализ взаимосвязи конституционного права на жилище с иными гражданскими правами, так как выявление таких взаимосвязей позволяет определить значимость и ценность каждого из этих закрепленных в Гражданском и Жилищном кодексах прав.

В целом под правом на жилище следует понимать естественное и неотчуждаемое право человеческого индивида, безусловно вытекающее из его природы, на жилье как обособленный объект, предназначенный и пригодный для проживания, которое должно реализовываться и обеспечиваться каждым государством посредством норм позитивного права.

Однако, следует обратить внимание и на явную несогласованность положений ст. 288 ГК РФ и ст. 17 ЖК РФ в части урегулирования вопросов назначения и использования жилого помещения [3].

В данном случае жилищное законодательство демонстрирует более широкий подход к определению возможных способов использования жилья, и очевидно, что положения указанных нормативно-правовых актов должны быть приведены в соответствие. Кроме того, Конституционный Суд РФ также придерживается более широкого подхода к использованию права на жилое помещение.

Проблематика понимания права на жилое помещение во многом обусловлено тем, что это право представляет собой сложный феномен, которым оперируют многие отрасли законодательства.

При этом, как справедливо отмечает Р. А. Андрейченко, ни в одной из таких отраслей не содержится легального определения «права гражданина на жилое помещение» [1].

Право каждого на жилище закреплено в системообразующем нормативно-правовом акте — Конституции Российской Федерации (ст. 40). Конструкция «каждый имеет право на жилище», безусловно, стоит выше гражданских правоотношений и связана в первую очередь не с вещными правами человека на конкретное жилое помещение — которого у него может и не быть, а представляет собой закрепление естественного, вытекающего из самой людской природы, правомочия любого человека на жилье.

В соответствии со ст. 25 Всеобщей декларации

прав человека [4], жилище наряду с пищей, одеждой выступает важнейшим условием обеспечения необходимого жизненного уровня человека, поддержания здоровья и благосостояния его и его семьи. Соответственно, важнейшая задача государственно-правовой машины — закрепить такое право в базовых нормативно-правовых актах и сформировать условия для его реализации, притом не только посредством института собственности.

Очевидно, что конструкция «право на жилище» значительно шире, чем «право собственности на жилое помещение» («право на жилое помещение») — первая носит конституционный характер, и как раз и реализуется посредством ряда гражданско-правовых институтов, одним — но не единственным из которых — выступает право собственности.

В свою очередь, право на жилое помещение, как пишет И. В. Качалова, «это субъективное гражданское право на конкретное жилое помещение, которое по юридической природе может быть вещным, обязательственным, корпоративным. Это понятие не должно отождествляться, с одной стороны, с элементом общей правоспособности всякого физического лица (правом на жилище), с другой стороны, с элементом специальной гражданской правоспособности физического лица, признанного нуждающимся в улучшении жилищных условий, приобрести право на жилое помещение по договору социального найма (правом на жилплощадь)» [8, с. 29].

Иначе говоря, право на жилище, закрепленное в Конституции — это естественное, неотчуждаемое у человека право, в то время как право на жилое помещение — это уже позитивное право, которое при определенных условиях может быть отчуждено.

Попадая в сферу позитивного права, т. е. права, закрепленного нормативно-правовой системой государства, естественные права при определенных условиях могут быть ограничены.

Говоря о соотношении естественных и позитивных прав в отношении жилища, необходимо понимать различия между непосредственно «правом» и его предметом, в данном случае жилым помещением.

В соответствии со ст. 446 ГПК РФ [6] на единственное, пригодное для проживания должника жилое помещение, не может быть обращено взыскание по исполнительным документам. Вместе с тем, жилое помещение, являющееся предметом ипотеки, может быть конфисковано по решению суда даже в том случае, если оно является единственным пригодным для проживания.

Однако сама по себе конфискация жилища не означает лишения права лица на жилище. Очевидно, что в современных условиях право на жилище не следует понимать как обязанность государства предоставить жилое помещение на праве собственности каждому

нуждающемуся лицу.

Современное государство не берет на себя обязательства по обеспечению каждого гражданина жилищем на праве собственности и не признает за собой таких обязательств — подобный подход явился бы утопическим.

Государство содействует гражданам в реализации конституционного права на жилище, и в необходимых случаях предоставляет определенным категориям граждан жилые помещения безвозмездно или за доступную плату из специализированного (государственного или муниципального) фонда в соответствии с договором социального найма.

В целом государство обеспечивает реализацию прав на жилище посредством трех институтов:

- приобретение гражданином жилого помещения в собственность;
- проживание в государственном или муниципальном жилом помещении в соответствии с договором социального найма;
- коммерческая аренда жилого помещения.

Соответственно, в результате свершения тех или иных юридически значимых действий — сделки по купле-продаже жилья, заключения договора социального или коммерческого найма, лицо приобретает право на жилое помещение, включающее в себя определенные правомочия, которые, безусловно, наиболее полно раскрываются в рамках права собственности на жилье.

По сути, именно таким образом и обеспечивается реализация конституционного права на жилище (в ст. 40 Конституции России закреплено, что государство «создает условия для осуществления права на жилище»).

В частности, если говорить о праве собственности на жилое помещение, то следует обратить внимание на ст. 288 ГК РФ [5], в соответствии с которой собственник осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему жилым помещением в соответствии с его назначением.

Жилые помещения предназначены для проживания граждан, и собственник жилого помещения может использовать его для личного проживания и проживания членов его семьи.

Также жилые помещения могут сдаваться в аренду их собственниками для проживания на основании договора. Размещение в жилых домах промышленных производств не допускается.

Соответственно, можно обратить внимание на специфику осуществления права собственности на жилое помещение, которая связана со строго целевым характером использования такого помещения. Гражданское законодательство предполагает исключительно проживание в нем, устанавливая запрет на производственную деятельность в жилище.

Вместе с тем, следует обратить внимание, что «использование для проживания» и «запрет на размеще-

ние производственной деятельности» не охватывают все возможные способы использования жилья и, соответственно, реализации права собственности на жилое помещение.

Здесь следует обратить внимание на положения ст. 17 ЖК РФ [7] «назначение жилого помещения и пределы его использования». Согласно ст. 17 ЖК РФ, жилое помещение предназначено для проживания граждан. Допускается использование жилого помещения для осуществления профессиональной деятельности или индивидуальной предпринимательской деятельности проживающими в нем на законных основаниях гражданами, если это не нарушает права и законные интересы других граждан, а также требования, которым должно отвечать жилое помещение.

Соответственно, сопоставление положений ГК РФ и ЖК РФ позволяет обратить внимание на то, что гражданское законодательство достаточно строго ограничивает использование жилого помещения и связывает его исключительно с проживанием, в то время как нормы жилищного законодательства предусматривают, с соблюдением определенных условий, и его использование для профессиональной или предпринимательской деятельности.

По мнению автора можно подвергнуть критике нормы ст. 288 ГК РФ, необоснованно сужающих возможности по использованию жилых помещений. Строго говоря, если у гражданина в собственности находятся две квартиры, одну из которых он использует для проживания, а во второй хранит имущество (мебель, бытовую технику и т.д.), формально имеет место нарушение положений ст. 288 ГК РФ, поскольку эта вторая квартира используется не для проживания, а для хранения имущества.

Представляется очевидным, что для устранения противоречий между гражданским и жилищным законодательством, с учетом приведенных в работе позиций Конституционного Суда, следует придать нормам ст. 288 ГК РФ более диспозитивный характер, в частности, абз. 2 п. 2 ст. 288 ГК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Гражданин – собственник жилого помещения может использовать его для личного проживания и проживания членов его семьи, а также в иных целях, не запрещенных законом и не нарушающим права и законные интересы других граждан».

Список источников

1. Андрейченко, Р. А. Понятие «право на жилое помещение» в российском конституционном, гражданском, жилищном, уголовном законодательстве / Р. А. Андрейченко // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. № 2. С. 66–70.

2. Барсукова, В. Н. Право человека на достойную жизнь : общая характеристика // Современное право. 2016. № 1. С. 5–10.

3. Беспалов, Ю. Ф. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации. Постатейный научно-практический / Ю. Ф. Беспалов, О. А. Егорова. М.: Проспект, 2014. 704 с.

4. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 декабря.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая, от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 1994. № 238–239.

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.

7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 24 декабря 2004 года № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 2005. № 1.

8. Качалова, И. В. Право собственности и иные вещные права граждан на жилые помещения / И. В. Качалова. Автореферат дис. канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.

9. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

10. Скулкин, И. С. Жилищные конституционные права человека и гражданина конституционное право граждан на жилище [Электронный ресурс] / И. С. Скулкин // Современные научные исследования: актуальные вопросы. Достижения и инновации, 2019. С. 152–155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41359018>.

References

1. Andreichenko, R. A. The concept of “right to housing” in the Russian constitutional, civil, housing,

criminal legislation / R. A. Andreichenko // Gaps in Russian legislation. Law journal. 2015. No. 2. P. 66–70.

2. Barsukova, V. N. The human right to a decent life : general characteristics // Modern law. 2016. No. 1. P. 5–10.

3. Bespalov, Yu. F. Commentary on the Housing Code of the Russian Federation. Article-by-article scientific and practical / Yu. F. Bespalov, O. A. Egorova. M.: Prospect, 2014. 704 p.

4. The Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948) // Rossiyskaya Gazeta. 1998. December 10.

5. The Civil Code of the Russian Federation, Part One, dated November 30, 1994 No. 51-FZ (ed. from 07/31/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1994. No. 238-239.

6. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 // Rossiyskaya Gazeta. 2002. No. 220.

7. Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ dated December 24, 2004 (ed. dated 07/31/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2005. № 1.

8. Kachalova, I. V. The right of ownership and other property rights of citizens to residential premises / I. V. Kachalova. Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. M., 2006. 29 p.

9. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. № 237.

10. Skulkin, I. S. Housing constitutional rights of man and citizen constitutional right of citizens to housing [Electronic resource] / I. S. Skulkin // Modern scientific research: topical issues. Achievements and Innovations, 2019. P. 152–155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41359018>.

Информация об авторах

А. П. Иванов – адъюнкт кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России;

С. В. Игнатьева – профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Information about the authors

A. P. Ivanov – Graduate student of the Department of Civil Law and Civil Procedure of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

S. V. Ignatyeva – Professor of the Department of State Law of the Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.05.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 21.05.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-124-128>

НИОН: 2003-0059-6/21-089

MOSURED: 77/27-003-2021-06-288

Уголовно-правовая политика в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, в условиях цифровой трансформации

Пётр Иванович Иванов¹, Равиль Шайхлисламович Шегабудинов²

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия, IvanovPI1952@yandex.ru

² Управление внутренних дел по ЮВАО Главного управления МВД России по Москве, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается влияние современных цифровых технологий на дальнейшее развитие уголовной политики в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией.

Ключевые слова: цифровая трансформация, влияние цифровой трансформации, уголовная политика, организованная экономическая преступность, коррупция, органы внутренних дел, подразделения внутренних дел по экономической безопасности и противодействию коррупции (ЭБиПК)

Для цитирования: Иванов П. И., Шегабудинов Р. Ш. Уголовно-правовая политика в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, в условиях цифровой трансформации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 124–128. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-124-128>.

Original article

Criminal law policy in the field of combating organized economic crime associated with corruption in the context of digital transformation

Petr I. Ivanov¹, Ravil Sh. Shegabudinov²

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, IvanovPI1952@yandex.ru

² Department of internal affairs for the Southern Administrative District of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, Moscow, Russia

Abstract. The influence of modern digital technologies on the further development of criminal policy in the field of combating organized economic crime associated with corruption is considered.

Keywords: digital transformation, impact of digital transformation, criminal policy, organized economic crime, corruption, internal affairs bodies, internal affairs bodies on economic security and anti-corruption units (EBIPK)

For citation: Ivanov P. I., Shegabudinov R. S. Criminal law policy in the field of combating organized economic crime associated with corruption in the conditions of digital transformation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):124–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-124-128>.

Модернизация уголовно-правовой политики в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, на основе цифровой трансформации, преследующая цель приведения ее современным реалиям, на наш взгляд, может достичь названную цель при одном условии, когда она

будет осуществлена **на системной основе**, ибо только системный подход [1] к претворению ее в жизнь позволяет иметь всестороннее представление о ней. В этом плане мы разделяем мнение И. А. Климова и Н. И. Сазоновой, утверждающих:

1) при исследовании и конкретизации любого объ-

© Иванов П. И., Шегабудинов Р. Ш., 2021

екта его необходимо рассматривать как определенную социальную систему, в то же время – как подсистему более высокого порядка;

2) всякая система состоит из определенных взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, образующих в совокупности ее структуру; наконец,

3) элементы системы определенным образом упорядочены, взаимодействуют между собой и вступают в определенные связи, отношения [6, с. 63].

Применение системного подхода к изучению уголовно-правовой политики в рассматриваемой области позволяет:

- глубже проникнуть в ее сущность. Однако это не означает даче ею готовых решений тех вопросов, которые связаны с противодействием организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией. Глубина познания и масштабность охвата предмета исследования свидетельствуют как о современном методе познания;
- вести речь о целостном единстве уголовно-правовой политики в рассматриваемой области, то есть противодействия организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией. Такое понимание обеспечивает познание степени и характера взаимосвязи элементов (подсистем), входящих в системное образование. При этом очень важно уяснить для себя, что только системный подход позволяет выявить качественные устойчивые стороны интегрального образования, а не механическую совокупность составляющих его компонентов. Учитывая преимущества (достоинства) анализируемого подхода, мы его относим к числу методов — отправной точки научного познания уголовной политики в рассматриваемой нами области;
- утверждать о наличии двух взаимосвязанных систем: с одной стороны, это организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией, с ее причинным комплексом, с другой — противодействие ей. Обе системы, находясь в более общей системе — экономических отношений, взаимодействуют между собой в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей. Изучая причинно-следственные связи, мы невольно выходим на уровень познания уголовно-правовой политики, ее современного механизма воздействия. Результаты ее познания обеспечивают выявление характера взаимосвязи уголовной

политики как системы с противодействием организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, (внешней средой), правильную оценку реальных возможностей ОВД и их подразделений ЭБиПК в противодействии с названным видом преступности [5], оптимальный поиск путей и средств ее преодоления, который предполагает учет глобальных перемен в обществе. Преступная среда на этом фоне также претерпела существенным изменениям. Современная компьютерная технология и глобальная информационная сеть предоставили возможность удаленного доступа и общения в отсутствие непосредственного контакта, усложнило работу правоохранительных органов по своевременному выявлению, раскрытию и расследованию преступлений экономической и коррупционной направленности. Например, общение между членами организованной преступной группы, как правило, происходит путем создания аккаунтов в социальных сетях и Интернет-мессенджерах, безопасных каналов связи. К сожалению, возникают объективные сложности установления пользователей соответствующего оборудования, особенно с учетом повсеместного открытого доступа к средствам сокрытия идентификационной информации пользователей сети «Интернет» и преобладания серверов и ресурсов, находящихся за пределами действия законодательства Российской Федерации.

Как нам представляется, при выявлении преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых с использованием телекоммуникационных сетей, важно воспользоваться результатами мониторинга и диагностики, осуществляемых на предмет выявления как скрытых, зашифрованных, так и открыто размещенных данных, содержащих отдельные признаки указанных видов преступлений.

Уголовно-правовая политика нацеливает правоохранительные органы на повышение эффективности их деятельности путем освоения ими возможностей цифровизации и грамотного ее применения для нужд выявления, предупреждения и раскрытия преступлений экономической и коррупционной направленности. Целесообразно было бы для этого создать некую модель.

Говоря об этом, нельзя не отметить некоторые особенности, характерные современной уголовно-правовой политике. К их числу относим:

- тесную ее связь с законодательной и право-

- применительной практикой;
- формирование уголовно-правовых норм на основе существующей политики;
- обеспечение приведения системы мер в борьбе с рассматриваемым видом преступности в максимальное соответствие с реальными потребностями общества и государства;
- четкое определение субъектов реализации уголовной политики и их компетенции;
- требование строгого соблюдения законности в судебно-следственной практике в условиях **цифровой трансформации**. Цифровизацию многие специалисты (мы разделяем их мнение) склонны определить как совокупность информационных и аналитических систем, сетей связи, средств программного обеспечения, высокотехнологичных устройств, направленных на повышение качества, обеспечение прозрачности и сокращение, в частности, сроков осуществления предварительного расследования и судебного разбирательства. Однако мы в настоящей статье перед собой не ставили цель подробно их рассмотреть, поскольку эти компоненты неплохо освещены в смежных отраслях знаний;
- ограничение неоправданного давления на бизнес со стороны правоохранительных органов, соблюдение ими правил и предписаний, вытекающих из норм уголовного права [2];
- принятие в правоприменительной деятельности комплекса мер в строгом соответствии с установленной компетенцией, определенной ведомственным сегментом обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции [8].

К сожалению, качество правовой среды, включая уголовно-правовую, вызывает у правоведов некоторые вопросы, неоднозначные ответы на которых свидетельствуют об отсутствии единодушия среди них. Мы полагаем, что сложившаяся на сегодня социально-экономическая ситуация, безусловно, оказывает самое непосредственное на это влияние.

Материальной основой, в частности, уголовно-правовой среды выступает современное уголовное право. Например, профессор И.А. Клепицкий предлагает «новое экономическое уголовное право»¹. Думается, название несколько «режет» на слух, если

¹ 9 апреля сего года на базе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) состоялся VIII Московский юридический форум «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды». В рамках теоретической сессии прошла презентация монографии профессора И. А. Клепицкого «Новое экономическое уголовное право».

сравнить с традиционным пониманием уголовного права. Как известно, любая отрасль права защищает экономическую основу государства, и их развитие обусловлена, прежде всего, экономическими переменами. Надо ли в таком случае вставить в само, название, слово «экономическое», что при этом оно несет в себе. Если предлагаем что-то новое, значит, старое почему-то не устраивает. Невольно возникает вопрос: есть ли вообще «старое экономическое уголовное право»?

При первом приближении к затронутому вопросу у нас возникли некоторые обозначенные нами вопросы, ответы на которых (мы несколько не сомневаемся) автором, скорее всего, представлены исчерпывающе.

Как нам представляется, не менее важной проблемой на сегодня является создание необходимых условий в правоохранительных органах для использования в борьбе с преступностью цифровых технологий [4]. На службу названных органов поставить бы современные технологии противостоят той ситуации, когда она активно внедряется организованными преступными группами в механизм совершаемых ими преступлений. Мы считаем недопустимым, когда правоохранительные органы в этом плане пока что **плетутся** как говорят «в хвосте», вместо того чтобы опережали действия криминальных структур. Эти и другие вопросы активно обсуждались **27 января 2021 г.** в Университете прокуратуры РФ в рамках I всероссийской научно-практической конференции «Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения)». На сегодня все отрасли права лицом повернулись в сторону названной проблемы, которая, на наш взгляд, является под номером один.

На международных форумах все чаще из уст научной общественности то и дело раздаются возгласы, например, «цифровые вызовы и экономические преступления»². Это, на наш взгляд, не случайно, ибо происходит цифровизация криминальной среды, уже четко обозначились ее тенденции (например, мошенничество, совершаемое с использованием цифровых технологий, легализация преступных доходов с использованием новых цифровых финансовых инструментов или криптовалюта стала как предметом и средством совершения экономических преступлений). Изучение и анализ правоприменительной практики позволяет констатировать тот факт, что экономическим и коррупционным преступлениям, совершаемым

² 16 апреля 2021 г. под эгидой АНО «Платформа для работы с обращениями предпринимателей» (МГИМО МИД России) состоялась VII международная конференция – практикум «Экономические преступления: цифровые вызовы».

с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, присуще высокий уровень латентности [3].

С цифровой реальностью тесно связан искусственный интеллект (большие данные), который постепенно должен быть поставлен на службу полиции. Об этом и шла речь в международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект (Большие данные) на службе полиции», которая состоялась **28 ноября 2019 г.** в стенах Академии управления МВД России. Его внедрение таит в себе большие перспективы в плане повышения эффективности ее деятельности [7, с. 476]. Уже сегодня делается многое.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, уголовная политика, как и сама внутренняя политика, подвержена постоянным изменениям, обусловленным многими факторами, в том числе цифровой трансформацией. Модернизация уголовно-правовой политики в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, происходит по своим закономерностям, познание которых посредством проведения глубоких исследований — задача, стоящая перед специалистами теории уголовного права на предстоящий период.

Во-вторых, цифровую трансформацию в плане модернизации уголовно-правовой политики мы рассматриваем как одним из основных условий осовременивания политики в указанной области.

В-третьих, внедрение в территориальных органах МВД России и их подразделениях ЭБиПК цифровых технологий в интересах повышения эффективности противодействия организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, предполагает разработку и принятие для этого системы мер в соответствии с политикой, действующей на данном этапе социально-экономического развития общества.

Список источников

1. Афанасьев, В. Т. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973. № 6.
2. Иванов, П. И. Об обеспечении защиты прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, от преступных посягательств // Безопасность бизнеса. 2021, № 2. С. 21–26.
3. Иванов, П. И., Беляева, Л. И. Теория оперативно-розыскной деятельности о латентности экономических и коррупционных преступлений // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел. М. : ВНИИ МВД России. 2014. № 4 (32). С. 3–16.

4. Иванов, П. И., Шитов, А. С. Актуальные проблемы цифровизации оперативно-розыскной деятельности // Межведомственная конференция «Технологии информационного общества и развитие теории оперативно-розыскной деятельности» : сборник научных трудов. М. : ВНИИ МВД России, 2020. С. 27–33.

5. Иванов, П. И., Шитов, А. С. Уголовная политика в области борьбы с экономической преступностью и особенности ее реализации подразделениями ЭБиПК органов внутренних дел Российской Федерации // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (11 сентября 2020). Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 15–24.

6. Климов, И. А., Сазонова, Н. И. Основные системообразующие понятия теории оперативно-розыскной деятельности и их роль в ее формировании и конкретизации // Научный портал МВД России. 2008, № 1.

7. Максимов, С. В., Васин, Ю. Г., Утаров, К. А. Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4.

8. Модельная концепция реализации в системе МВД РФ государственной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции. М. : ВНИИ МВД России, 2019.

References

1. Afanasyev, V. T. On a systematic approach in social cognition // Questions of philosophy. 1973. No. 6.
2. Ivanov, P. I. On ensuring the protection of the rights and legitimate interests of persons engaged in entrepreneurial activity from criminal encroachments // Business security. 2021, No. 2. P. 21–26.
3. Ivanov, P. I., Belyaeva, L. I. Theory of operational investigative activity on the latency of economic and corruption crimes // Actual problems of operational investigative and administrative activities of internal affairs bodies. Moscow : VNIИ MIA of Russia. 2014. No. 4 (32). P. 3–16.
4. Ivanov, P. I., Shitov, A. S. Actual problems of digitalization of operational investigative activity // Interdepartmental Conference “Information Society Technologies and development of the theory of operational investigative activity” : collection of scientific papers. Moscow : Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. P. 27–33.
5. Ivanov, P. I., Shitov, A. S. Criminal policy in the field of combating economic crime and the specifics of its implementation by the EBiPK units of the internal affairs

bodies of the Russian Federation // Collection of materials of the International scientific and Practical Conference “Criminal policy and culture of combating crime” (September 11, 2020). Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. P. 15–24.

6. Klimov, I. A., Sazonova, N. I. The main system-forming concepts of the theory of operational investigative activity and their role in its formation and concretization // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of

Russia. 2008, № 1.

7. Maksimov, S. V., Vasin, Yu. G., Utarov, K. A. Digital criminology as a tool for combating organized crime // All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12, No. 4.

8. Model concept of implementation in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the state policy on ensuring economic security and combating corruption. Moscow : Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

Информация об авторах

П. И. Иванов – главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный профессор Академии управления МВД России;

Р. Ш. Шегабудинов – заместитель начальника УВД по ЮВАО ГУ МВД России по Москве, кандидат юридических наук.

Information about the authors

P. I. Ivanov – Chief Researcher of the Department for Research of Problems of Branch Management of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

R. Sh. Shegabudinov – Deputy Head of the Department of Internal Affairs for the Southern Administrative District of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 28.05.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-129-133>

НИОН: 2003-0059-6/21-090

MOSURED: 77/27-003-2021-06-289

Судебно-криминалистическая дефиниция серийных преступлений

Сергей Яковлевич Казанцев¹, Владимир Иванович Красильников²

^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Республика Татарстан, Россия

² krasilnikov.49@bk.ru

Аннотация. Осуществлено обзорное научно-практическое направление психолого-криминалистического исследования формирования комплексного подхода к дефиниции серийных преступлений с позиции судебной криминалистики. Исследование проведено по данным открытых публикаций и на основании изученных материалов архивных уголовных дел.

Ключевые слова: судебная криминалистика, дефиниция серийных преступлений, серийные убийства

Для цитирования: Казанцев С. Я., Красильников В. И. Судебно-криминалистическая дефиниция серийных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 129–133. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-129-133>.

Original article

Forensic definition of serial crimes

Sergey Ya. Kazantsev¹, Vladimir I. Krasil'nikov²

^{1,2} Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

² krasilnikov.49@bk.ru

Abstract. A review of the scientific and practical direction of psychological and criminalistic research of the formation of an integrated approach to the definition of serial crimes from the standpoint of forensic criminology has been carried out. The study was conducted according to open publications and on the basis of the studied materials of archival criminal cases.

Keywords: forensic criminology, definition of serial crimes, serial murders

For citation: Kazantsev S. Ya., Krasil'nikov V. I. Forensic definition of serial crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):129–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-129-133>.

Введение.

Современная эпоха характерна сильнейшими потрясениями, связанными с возрастающей поляризацией общества, увеличением разрыва между богатыми и бедными, с подрывом политической и экономической стабильности, ростом напряженности в связи с неуправляемостью миграционных процессов, которые становятся предикторами деструктивной протестной активности, как отдельных субъектов, так и многочисленных групп. Волна социального недовольства,

насилия экстремизма, захлестнувшая разные страны, фиксирует вступление человечества в эпоху радикальной вседозволенности на грани криминалитета. Появляется своего рода опасное привыкание общества к патологическим извращениям, которые благодаря горячим репортажам в СМИ становится чем-то обыденным. Очевидно, что с окончательным обыденно-привычным установлением информационного общества потенциал радикальной преступной активности не снизится, а будет набирать обороты, трансформируясь

© Казанцев С. Я., Красильников В. И., 2021

в новые, все более изощренные формы.

Материалы собственных исследований.

Особая жестокость совершения преступлений, их внешняя не мотивированность и не согласованность с логическими понятиями, множественность безвинных жертв, значительная часть которых представлена малолетними и несовершеннолетними, затруднения в розыске преступника и следствия выводят проблему серийных убийств на особое место среди всех вариантов криминального насилия и лишения жизни. Социально психологические последствия серийных убийств, такие как высокая общественная психологическая напряженность среди населения, в местах их совершения, почти мистическое отношение к «маньякам», закрепляемое немалым количеством видеофильмов и художественных произведений, страх, близкий к ужасу, парализующий население целых регионов, иногда политические последствия (например, «белый марш» в поддержку родителей погибших детей и отставка министров юстиции и внутренних дел Бельгии в случае, когда раскрыли преступления «серийного» педофила-киллера Марка Дютру, названного «позором нации»). Повышают негативную общественную значимость серийных убийств, приводящую к резонансным, на грани массового взрыва недовольства населения, социальным последствиям [1; 2].

С другой стороны, ни у кого уже не вызывает сомнения тот факт, что это формально грубое криминальное насилие может быть понято, проанализировано, а данные анализа использованы для раннего выделения серий, разработки розыскных версий, адекватной экспертной и судебно-следственной оценки, планирования и проведения профилактических мероприятий только на пути мультидисциплинарного подхода. Последний предполагает интегрированное участие в этой работе криминалистов, психологов, психиатров, специалистов в области патологии высшей нервной деятельности и др. Необходимым условием этой работы и возможности адекватности при сопоставлении результатов является единообразие подходов к выделению этого вида преступлений, единый «язык» общения специалистов [3].

На первый план при этом выступает определение серийных убийств. Когда и криминолог, и психиатр, и психолог, и практик криминальной полиции, прокуратуры или суда под серийными убийствами будут понимать одно и то же явление, только тогда можно рассчитывать на профессиональное решение этой проблемы [4].

Как показывают проведенные исследования, основанные на изучении серий убийств и иных серийных

преступлений, как-то серий изнасилований, развратных действий, серийные убийства во всех отношениях имеют с ними гораздо больше сходства, чем различий (основное различие — квалификация преступлений по УК) и должны рассматриваться как частный вариант серийных преступлений [5].

Данные исследований [Шостакович Б. В., (1994); Антонян Ю. М. с соавт., (1997); Ткаченко А. А. с соавт., (1997)] позволяют отнести к квалифицирующим признакам серийных преступлений [1; 7; 8]:

1. Повторяемость двух и более эпизодов криминального насилия против личности, здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы граждан. Исходя из этого положения:

а) эпизод следует понимать как ограниченный в месте, времени, ситуации, фабуле самостоятельный акт завершенного или не завершенного (по зависящим или не зависящим от преступника причинам) криминального произвольного (волевого) или психопатологически обусловленного поведения;

б) эпизодов должно быть не менее двух;

в) оценивается не отдельное преступление, а именно эти, каждый из которых может включать 2 и более составов преступлений.

г) все эпизоды совершаются одним и тем же лицом, действующим как правило, в одиночку;

д) большинство эпизодов совершается в условиях неочевидности, что затрудняет поисковые мероприятия и способствует течению серии и ее пролонгированию во времени;

е) оценивается не число жертв, а наличие повторяемости эпизодов. Иногда к серийным преступлениям необоснованно причисляют преступления по признаку множественности жертв. Если под множественностью понимать некое количество жертв как следы повторных эпизодов, когда множественность жертв является прямым следствием и находится в прямой связи с множественностью эпизодов, то теряется его квалифицирующая значимость, так как она иллюстрирует характер следствия и производного от основного признака серийного преступления — «многоэпизодности». Если же иметь в виду 1 и более жертв в результате одного преступного эпизода, тогда отношение таких случаев к многоэпизодным вообще и к серийным преступлениям в частности исключается.

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что для серийных преступлений множественность жертв в одном эпизоде как раз нехарактерно (1,02±0,04 жертвы на один эпизод), что отражает связь их с сексуальным поведением. Те редкие случаи серийных преступлений, которых в структуре отдельных эпизодов

зафиксировано две и более жертв, объясняются или дополнительными, прямо к серии не относящимися причинами, например, устранение свидетеля (эпизод убийства матери и дочери Погосян в деле Чикатило), или элементом случайности, используемой преступником с целью усиления степени садистичности и соответствующих ей ощущений и переживаний истинно серийный эпизод в деле Головкина — (попытки и последовательное убийство на глазах друг у друга трех подростков, случайно захваченных им). Но и в этих случаях подобные эпизоды с множественностью жертв выглядят как экзвизитные на фоне разворачивающейся серии [6].

Таким образом, множественность жертв не только не может быть отнесена к квалифицирующим признакам серийности, а скорее выступает основанием для возникновения сомнений в ней, предположения о ее отсутствии [9].

В открытой литературе была отмечена только одна серия, в которой множественность жертв, являлась основной характеристикой эпизодов нападения на женщин, на руках которых или при которых находились малолетние дети. Последние приобрели характер обязательного состав->0 компонента индивидуально-патосексуального садистского проявления (угрозе жизни и сексуальной неприкосновенности ребенка в присутствии матери) почерка.

Значение данного признака: он позволяет исключить из серийных преступлений иные многоэпизодные (исключительно корыстные, совершаемые по найму, террористические акты, убийства пожилых лиц, потерявших социальные связи, с целью присвоения их жилой площади, и пр.). И одно эпизодные с множественностью жертв - бандитские разборки, преступления, совершенные из ревности, в состоянии физиологического аффекта, и пр.),

2. Центральной характеристикой каждого эпизода является насилие над личностью. Серийные преступления — это всегда преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности и личной свободы.

Однако отдельные эпизоды лишь в редких случаях квалифицировались только по одной статье. Во всех остальных случаях преступное поведение, относимое к серии, отмечалось одновременно по двум и более статьям. В ряде некоторых сериях криминальное сексуальное насилие сочеталось с имущественными преступлениями. Способность некоторых форм корыстного преступного деяния выступать в качестве своеобразного эротизирующего феномена как одна из основных характеристик серии при наблюдениях, в

которых данные преступления оказывались в интимной связке с сексуальными действиями. Анализ этих деяний, обнаруживший в них значительное сходство, позволил выделить их в самостоятельную группу эротизирующей клептомании. В остальных случаях преступления против собственности выступали как составляющие полевого поведения и суть серии не определяли [10; 11; 12].

Таким образом, для серийных преступлений характерно обязательное участие социально неприемлемой формы проявления сексуального влечения (явно «читаемого» или скрытого, нередко относящегося к подсознательной сфере, но выявляемого при тщательном профессиональном исследовании). При серийном преступлении сексуальное поведение определяется закономерными психологическими, или психопатологическими факторами.

Последнее детерминирует сложность судебно-психиатрической оценки серийного преступления и ее понимания судебно-следственным аппаратом. Трудности в расследовании возникают оттого, что происходит как бы диссоциация психологического критерия невменяемости, изолированно страдает волевая его часть при формальной сохранности интеллектуальной составляющей.

Значение этого признака позволяет исключить из числа серийных преступлений много эпизодные преступные деяния, совершенные психическими большими по бредовым, галлюцинаторным мотивам, в состоянии нарушенного сознания. Что настоятельно требует обязательного предварительного анализа много эпизодных корыстных преступлений с целью выдвижения гипотезы возможной серийности преступления (установление возможного сходства жертв по полу, возрасту внешности, обнаружение садистских черт в почерке насилия, и заставляет назначать комплексные экспертизы с участием психиатра, психолога и патосексолога).

3. Повторяемость сексуально мотивированных эпизодов достаточна для определения серийности. Характерным признаком для нее является садистское оформление эпизодов насилия. При этом эпизод сам по себе, как правило, приобретает свойство фетишной эротизации.

Этот признак позволяет исключить из группы серийных преступлений подобные случаи изнасилования с гедонической мотивацией.

4. Но и этого недостаточно для выделения серийных преступлений. Повторы эпизодов последних должны быть объяснены психологическими или психиатрическими закономерностями. При серийном

преступлении криминальное сексуальное насилие приобретает компенсаторный характер и диктуется не столько стремлением удовольствию (гедонизм) и/или имущественной выгоде, сколько стремлением избежать, уйти от неудовольствия, психического и/или физического дискомфорта, напряжения, тягостности, тревоги и чувства опасности, изменить свое актуальное психическое состояние, свою самооценку. Фактически такое поведение является криминальным вариантом психологической защиты своеобразной личности или диктуется механизмами психопатологии расстройств поведения именно личность «серийных преступников», ее психологические и психопатологические состояния и являются той основой, которая диктует и определяет серийность — повторяемость криминальных поведенческих актов.

5. Однотипность эпизодов серии (а не преступлений вообще). Этот признак предполагает сходство условий их возникновения. Этакая психогенная провоцируемость, метеотропность, психическая и/или физическая похожесть жертв. А также сходство ситуаций, предрасполагающих к совершению преступлений, мест их совершения, формы первичного контакта с жертвами (как правило, патосексуального), индивидуальный почерк — способы, средства и этапы психического, физического и сексуального воздействия на жертву и ее принуждения.

Этот признак допускает в «послужном списке» «серийного преступника» и иные составы и фабулы преступлений (хулиганство, кража, мошенничество, грабеж, разбой и т. п.). Возможно перемежающихся эпизоды серии, но ее не определяющих. Они могут встречаться в виде отдельных, самостоятельных, не включаемых в серии эпизодов или, как сказано выше, в качестве волевого поведения [3; 4; 5].

Таким образом, серийные преступления как бы специфический чрезвычайный вариант много эпизодного садистского насилия, направленного против личности и половой неприкосновенности граждан, осуществляемого, как правило, в условиях неочевидности одиночным преступником, специфическая дисгармония личности которого закономерно приводит его в состояние психической или психофизической дезадаптации, что и определяет психолого-психиатрическую терминацию криминального поведения, аномально реализующего потребность в компенсации и комфорте (психическом и/или физическом) [9; 10].

Выводы.

Подобная однозначность определения серийных преступлений позволяет не только планировать и

осуществлять комплексные исследования с целью познания и дальнейшей систематизации психиатрами и психологами феноменов «серийные преступники» и серийные преступления» — криминологами и криминалистами, но и более точно и адекватно разрабатывать практические меры по их раннему выявлению, пресечению и профилактике.

Заключение.

В рамках развития современной судебной психологии и психопатологии агрессивного поведения личности, возможно выделение особого междисциплинарного направления — социальной и индивидуальной конфликтологии и виктимологии.

Список источников

1. Антонян, Ю. М. Психология убийства. М. : Юрист, 1997. 304 с.
2. Антонян, Ю. М., Могачев, М. И. Серийные сексуальные убийцы. Учебное пособие. М. : Щит, 2000. 240 с.
3. Красильников, В. И. Характер экспертных решений и рекомендованных принудительных мер медицинского характера по результатам проведенных судебно-психиатрических экспертиз в РТ лицам, совершившим правонарушения // Вестник казанского юридического института МВД России (научно-теоретический журнал). 2015. № 3 (21). Казань, 2015. С. 72–81.
4. Красильников, В. И. Анализ экспертных решений судебно-психиатрической экспертизы лицам, совершившим правонарушения // Вестник казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22). Казань, 2015. С. 77–84.
5. Модестов, Н. С. Маньяки. Слепая смерть. М., 1997. 286 с.
6. Норрис, Д. Серийные убийцы. М. : Крон-пресс, 1998. 101 с.
7. Образцов, В. А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики. Учебное и практическое пособие. М. : Омега-Л, ИМПЭ, им. А. С. Грибоедова, 2003. 208 с.
8. Образцов, В. А., Богомолова, С. Н. Криминалистическая психология. М. : Юнити-Дана, 2002. 357 с.
9. Ткаченко, А. А. Аномальное сексуальное поведение. Монография. М., 1997. 530 с.
10. Шостакович, Б. В. Половые преступления против детей и подростков. Ростов-на-Дону : ЛРНЦ, 1994. 103 с.
11. Хаэр, Р. Д. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. М. : ООО «И Д Вильямс» 2007. 28 с.
12. Эверит, Д. Энциклопедия серийных убийц. М. : Крон-Пресс, 1998. 62 с.

References

1. Antonyan, Yu. M. Psychology of murder. M. : Jurist, 1997. 304 p.
2. Antonyan, Yu. M., Mogachev, M. I. Serial sexual killers. Textbook. M. : Shield, 2000. 240 p.
3. Krasilnikov, V. I. The nature of expert decisions and recommended compulsory medical measures based on the results of forensic psychiatric examinations in the Republic of Tatarstan to persons who have committed offenses // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (scientific and theoretical journal. 2015. No. 3 (21). Kazan, 2015. P. 72–81.
4. Krasilnikov, V. I. Analysis of expert decisions of forensic psychiatric examination to persons who have committed offenses // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4 (22). Kazan, 2015. P. 77–84.
5. Modestov, N. S. Maniacs. Blind death. M., 1997. 286 p.
6. Norris, D. Serial killers. Moscow : Kron-press, 1998. 101 p.
7. Obraztsov, V. A. Serial murders as an object of psychology and criminology. Educational and practical manual. M. : Omega-L, IMPE, named after A. S. Griboyedov, 2003. 208 p.
8. Obraztsov, V. A., Bogomolova, S. N. Criminalistic psychology. Moscow : Unity-Dana, 2002. 357 p.
9. Tkachenko, A. A. Abnormal sexual behavior. Monograph. M., 1997. 530 p.
10. Shostakovich, B. V. Sexual crimes against children and adolescents. Rostov-on-Don : LRNTS, 1994. 103 p.
11. Haer, R. D. Deprived of conscience. The frightening world of psychopaths. Moscow : LLC "ID Williams" 2007. 28 p.
12. Everit, D. Encyclopedia of serial killers. Moscow : Kron-Press, 1998. 62 p.

Информация об авторах

С. Я. Казанцев – профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;

В. И. Красильников – доцент кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, доктор медицинских наук, профессор, действительный член Российской академии медико-технических наук.

Information about the authors

Kazantsev S. Ya. – Professor of the Department of Criminalistics of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor;

V. I. Krasil'nikov – Associate Professor of the Department of Criminology of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, Doctor of Medical Sciences, Professor, full member of Russian Academy of medical and technical sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 13.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-134-142>

НИОН: 2003-0059-6/21-091

MOSURED: 77/27-003-2021-06-290

К вопросу об основах правовой теории сепарации

Николай Николаевич Карпов

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, nkarpov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы о приоритетности либо права государства на территориальную целостность, либо права народа на самоопределение. Обращается внимание на необходимость исследования теоретической базы понятий «право народа на самоопределение» и «сепарация». Рассматривается комплекс причин сепарации и ее исторические корни. Исследуются международно-правовые основы и для ряда государств внутригосударственные конституционно-правовые основы права на сепарацию. Разрабатываются основы общей теории сепарации, в том числе такие ее элементы, как поводы, основания и условия сепарации.

Ключевые слова: право государства на территориальную целостность, право народа на самоопределение, причины и исторические корни сепарации, международно-правовые основы сепарации, внутригосударственные конституционно-правовые основы права на сепарацию, основы общей теории сепарации, элементы сепарации, поводы, основания и условия сепарации

Для цитирования: Карпов Н. Н. К вопросу об основах правовой теории сепарации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 134–142. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-134-142>.

Original article

On the question of the foundations of the legal theory of secession

Nikolay N. Karpov

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, nkarpov@yandex.ru

Abstract. The article deals with the priority of either the right of the state to territorial integrity, or the right of the people to self-determination. Attention is drawn to the need to study the theoretical basis of the concepts of “the right of a people to self-determination” and “secession”. The complex of reasons for secession and its historical roots are considered. The article examines the international legal basis and, for a number of States, the domestic constitutional and legal basis of the right to secession. The foundations of the general theory of secession, including its elements such as the reasons, grounds and conditions of secession, are developed.

Keywords: right of the state to territorial integrity, right of the people to self-determination, reasons and historical roots of secession, international legal foundations of secession, domestic constitutional and legal foundations of the right to secession, foundations of the general theory of secession, elements of secession, the reasons, grounds and conditions of secession

For citation: Karpov N. N. On the question of the foundations of the legal theory of secession. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):134–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-134-142>.

Одной из, пожалуй, самых актуальных, сложных, и, в целом, не в полной мере исследованных проблем современного как международного, так и конституционного права является не получившая до настоящего времени надлежащего правового разрешения дискуссия о приоритетности либо права государства на территориальную целостность, либо права народа на самоопределение.

© Карпов Н. Н., 2021

Его научное исследование позволяет определить ряд серьезных проблем правового характера, без решения которых поставленный автором ранее вопрос так и останется дискуссионным.

Так, отметим, что в том случае, когда речь идет о выходе из состава государства отдельной его части (государственной территории) применяется термин сецессия. Указанный термин происходит от латинского слова *secessio* (уход, отделение, движение, перемещение). В целом, указанный термин («сецессия») может быть применим к классическому правовому термину международного права «право народа на самоопределение», но, на наш взгляд, оба термина не являются в полной мере тождественными и вопрос об их сходстве и различиях требует серьезного теоретического исследования. Дело в том, что понятие «народ» в своем классическом понимании предполагает устоявшиеся веками (или, по крайней мере, десятилетиями) экономические, социальные, этнические, культурные, в определенной мере религиозные, и иные контакты различных категорий и групп населения, проживающих на определенной территории. Народ в таком понимании, безусловно, имеет право на самоопределение. Отделение части государства от его целого не есть реализация права народа на самоопределение, если только народ, проживающий на предполагаемой к отделению территории, не имеет еще более устойчивых (более обособленных) связей по отношению к связям, возникшим у него ранее с «народом», проживающим на территории всего государства. В настоящей статье мы в связи с изложенным, несколько условно, под сецессией будем понимать право народа именно отдельной части государства на самоопределение, понимая под народом в данном конкретном случае народ (население) отдельной части государства, предполагаемого к отделению от основной части указанного государства, характеризующийся устоявшиеся веками (или, по крайней мере, десятилетиями) экономические, социальные, этнические, культурные, в определенной мере религиозные, и иные контакты различных категорий и групп населения, проживающих на определенной территории.

Кроме того, в настоящее время не существует принципиального подхода к разграничению обоих понятий, то есть права народа на самоопределение и права отдельной части государства на отделение (сецессия), в мировой практике применяются и объясняются именно сецессией практические действия отдельных частей суверенных государств, направленные на отделение от него, выход из его состава. Вопрос же о том, имеет ли право проживающий на отдельной административно определенной территории (автономное сообщество, субъект федеративного или даже унитарного государ-

ства и т. д.) «народ» позиционировать себя народом, которому мировым сообществом предоставлено право на самоопределение, и добиваться реализации данного права широкой дискуссии не подвергался.

В доктрине международного права нет единого мнения по поводу соотношения принципов территориальной целостности и самоопределения народов. Эта проблема является одной из наиболее дискуссионных в международном праве и мировой политике [3].

По мнению Т. Я. Хабриевой, в международном праве отсутствует однозначное установление приоритета между принципами территориальной целостности государств и самоопределения народов. Это вызывает спор в научной литературе о доминирующем положении того или иного принципа¹.

Автор ни в коей мере не является ни сторонником субъективных, необоснованных доводов в пользу как сохранения государственной целостности в ущерб права народа на самоопределение, так и подходов в защиту сецессии, которая может отыгрываться отдельной группой лиц в интересах приобретения власти или иных личных предпочтений. Объективный подход к решению данной проблемы заключается в разработке правовой теории сецессии, которая должна быть невосприимчивой к различного рода политическим, националистическим, псевдоэкономическим и иного рода воздействиям.

При этом существо проблемы заключается, прежде всего, в том, что постулаты, доктринальные положения международного права, по существу, не воспринимаются нормами конституционного права отдельных, назовем их так, «заинтересованных» государств в части именно приоритетности в случае предполагаемой сецессии либо права народа, нации, отдельной части государства на самоопределение, либо права государства на территориальную целостность.

Возникновение и первые случаи сецессии обоснованно связываются с сецессией Объединенных провинций Нидерландов от Испании в XVI–XVII вв., сецессиями в период освобождения от власти метрополий почти всего американского континента в течение XVIII–XIX вв. [1, с. 131].

Из наиболее ярких примеров попыток реализации сецессии за последнее время следует отметить попытку выхода Шотландии из состава Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также Каталонии из состава Испании. Менее известными, но не менее значимыми в плане постановки правовой проблемы являются информационные сообщения об

¹ Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно правовое исследование. М., 2010. С. 44. Цит. по Караев Р. М. О соотношении принципов территориальной целостности государств и равноправия и самоопределения народов / Журнал российского права. 2020. № 10. СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.04.2021).

активизации движений за отделение от базовой части государства, к примеру, в Австрии (Тироль), Германии (Бавария), Дании (Фарерские острова) и в ряде других государств.

В связи с изложенным, вполне можно согласиться с В. И. Лафитским, замечаящим, что вся история современной цивилизации — это непрерывный процесс образования, развития и полного либо частичного распада государств [4, с. 30].

Односложно объяснить причины сецессионного процесса представляется невозможным. Изучение исторических аспектов сецессии в разных странах позволяет автору предположить, что выделить одну главную причину того или иного отделения части государства от его целого весьма проблематично, основанием процесса является, как правило, несколько факторов, их комплекс.

Наилучшим образом этот вывод характеризует, к примеру, история гражданской войны 1861–1865 гг. (войны «Севера и Юга») в истории Соединенных Штатов Америки, перед началом которой одиннадцать штатов отделились от Союза и создали Конфедерацию. Одной из главных причин отделения Южной Каролины, Миссисипи, Флориды, Алабамы, Джорджии и ряда других штатов (а, собственно, и последовавшей за этим гражданской войны), наряду с различием в позициях по отношению к рабовладению, а также к подготовке и реализации известного «Акта о гомстедах», стал, в частности, вопрос о налогах на ввозимые товары в промышленно развитые регионы Севера, и предпринимаемых в связи с этим южными штатами попытках установить беспопылинную торговлю с другими странами (то есть целый комплекс причин).

Задача автора состоит в том, чтобы на основании исследования имеющейся исторической базы, политологических, экономических, социальных и непосредственно правовых подходов к определению сецессии, предложить основы правовой теории сецессии, которую, как представляется, можно было бы позиционировать и принимать за объективную, деполитизированную основу той или иной аргументации предполагаемой сецессии. Совершенно очевидно, что в полном объеме сделать это в рамках научной статьи представляется нереальным, в связи с чем мы изложим здесь только основные положения выстраиваемой общей теории сецессии.

Сложность определения приоритетов в вопросах сецессии заключается не только: а) зачастую, в ее политической либо личностной мотивации со стороны отдельных национальных элит, политических партий и социальных групп, но и в б) крайне противоречивой правовой базе урегулирования данной проблемы нормами конституционного (в данном случае внутри-

государственного) права и международного (внешнего по отношению к конкретному государству правового регулирования) права.

Очевидно, что та или иная, пусть даже вполне объективная и справедливая общая правовая теория сецессии не может встроить внутреннего законодателя того или иного государства в свою схему и обязать его к принятию тех или иных конституционных актов. Однако, будем справедливы, определить именно основные концептуальные правовые основы аргументации и последующей реализации права на сецессию с учетом доктринального международно-правового подхода во избежание в дальнейшем политизированности и субъективизма, как представляется, общей правовой теории сецессии вполне под силу.

Исследуем первоначально правовые основы регулирования права на сецессию международными правовыми актами.

Так, в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 1 Устава Организации Объединенных Наций (в дальнейшем – ООН) ООН преследует, в частности, цели развивать дружественные отношения между нациями *на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов* (курсив наш — Н. К.), а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира; осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

В ч. 1 ст. 1 Международного Пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 содержится норма о том, что все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие. Вторая часть указанной статьи устанавливает, что все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования.

В третьей части исследуемой нами статьи право на самоопределение и вовсе поощряется, норма выглядит следующим образом «3. Все участвующие в настоящем Пакте государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление самоуправляющимися и подопечными территориями, должны, в соответствии с положениями Устава Организации

Объединенных Наций, *поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право* (курсив наш – Н.К.)».

Практически дословно указанные нормы воспроизведены и в ст. 1 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года. Отметим, что оба Пакта были приняты Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

Однако необходимо отметить, что в ч. 1 ст. 2 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах содержится интересная для нашего исследования норма о том, что каждое участвующее в данном Пакте государство *обязуется* в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества, в частности в экономической и технической областях, принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, *включая, в частности, принятие законодательных мер* (курсив везде наш — Н. К.).

Таким образом, по существу, государства, не высказавшие возражений против Резолюции 2200 (XXI) 1496-го пленарного заседания Генеральной Ассамблеи ООН приняли на себя обязательство обеспечить полное осуществление реализации права народа на самоопределение и, в частности, принять для этого необходимые законодательные акты.

В «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», принятой 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, Организация объединенных наций, рассмотрев принципы международного права, касающиеся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, торжественно провозгласила семь таких принципов, одним из которых является «принцип равноправия и самоопределения народов».

Декларацией устанавливалось, в частности, что все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава. При этом формами осуществления народом права на самоопределение признавались: а) создание суверенного и независимого государства, б) свободное присоединение к независимому государству или в) объединение с ним, или г) установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом.

Определялось также, что каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих мерах против таких насильственных действий и в оказании им сопротивления эти народы, в порядке осуществления своего права на самоопределение, вправе добиваться поддержки и получать ее в соответствии с целями и принципами Устава ООН.

Отдельно оговаривалось, что ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории.

В Декларации заявлялось также, что воплощенные в ней принципы представляют собой основные принципы международного права, и поэтому Организация объединенных наций призывает все государства руководствоваться этими принципами в своей международной деятельности и развивать свои взаимоотношения на основе строгого соблюдения этих принципов.

Таким образом, ключ к решению проблемы сецессии очевиден: международно-правовые нормы совершенно недвусмысленно подчеркивают, что все народы имеют право на самоопределение, которое соответствующие суверенные государства должны не только уважать, но и поощрять. Государствам же необходимо обеспечить соответствие норм своего внутреннего (в данном случае конституционного) права своим международным обязательствам всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие необходимых законодательных актов.

Как представляется, согласно логике теории права в таком случае, все главные мировые проблемы сецессионных процессов должны быть решены. Разумеется, и эту оговорку необходимо сделать в обязательном порядке: во внутреннем конституционном законодательстве государств с правовой точки зрения необходимо не только односложно закрепить возможность сецессии, но в самой конституции (основном законе), либо отдельно органическом, конституционном законе подробно, детально, поэтапно прописать легитимную процедуру возможной сецессии.

С учетом исследованных нами постулатов международного права представляется возможным адекватно активизировать и авторитет Организации Объединен-

ных Наций для решения указанного вопроса (проведение международных конференций, в том числе, прежде всего, в «проблемных в данной сфере регионах» под эгидой ООН, инициализация рассмотрения вопроса на Генеральной ассамблее, либо в Комитетах и Комиссиях ООН, проведение постоянных консультаций, осуществление необходимого посредничества и др.).

Современная (уже после принятия названных международных правовых актов) история сецессии свидетельствует о различных подходах к решению данной проблемы.

Рассмотрим для примера получившие достаточно широкую мировую известность попытки сецессии в Испании, а также в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 1 Конституции Испании (Королевства Испании) 1978 года национальный суверенитет принадлежит испанскому народу, от которого исходят полномочия государства. Вторая статья испанской Конституции устанавливает, что Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, единой и неделимой для всех испанцев Родине; она признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между всеми ними.

В главе 1 Раздела VIII Конституции Испании («О территориальной организации государства») определено, что государство в своей территориальной организации включает муниципалитеты, провинции и автономные сообщества. Все эти единицы пользуются автономией при ведении своих дел (ст. 137). При этом государство гарантирует эффективное осуществление принципа солидарности, провозглашенного статьей 2 Конституции, наблюдая за установлением адекватного и справедливого экономического равновесия между различными частями испанской территории, уделяя особое внимание специфическим обстоятельствам.

Таким образом, в тексте Конституции Испании отсутствуют нормы, свидетельствующие о допустимой ею возможности сецессии, что, проецируя на нее исследуемые нами международно-правовые нормы, позволяет сделать вывод о сложившейся патовой ситуации, не позволяющей без внесения изменения в конституционное законодательство страны, реализации права народа на самоопределение.

Причем данная патовая ситуация заключается как в принципиальной невозможности отделения части территории (в исследуемом случае — Каталонии) от страны (как раз именно этот вопрос и должна решить Конституция страны, либо внутренний органический, конституционный закон), так и в отсутствии определенного порядка, схемы легитимного поэтапного процесса правового решения данного вопроса.

Официальная доктрина по вопросам сохранения единства государства и недопустимости сецессии была сформулирована, прежде всего, в многочисленных решениях Конституционного суда Испании, который неоднократно подчеркивал необходимость соблюдения конституционного принципа неделимости государства¹.

Положение ст. 2 Конституции 1978 г., по мнению Суда, не может быть преодолено путем политического соглашения центра и регионов. Это означает, что центр и регионы не могут проводить реформы, радикально меняющие структуру испанского государства. Другой важный аргумент Конституционного суда Испании связан с вопросом о национальном суверенитете. Суд указал в одном из своих решений, что положение п. 2 ст. 1 Конституции Испании («носителем национально-го суверенитета является испанский народ, источник государственной власти») надо рассматривать как «основание всего нашего правопорядка». Это означает, что национальный суверенитет принадлежит исключительно испанскому народу, который только и может быть источником учредительной власти², а для того, чтобы региональный референдум по вопросам сецессии стал легитимным, требуется проведение реформы Конституции Испании 1978 г.³.

Другие же испанские исследователи вопроса о сецессии, такие как, в частности, профессор Университета Барселона М. А. Апарисио Перес, вместе с тем, полагают, что изначальная модель территориального устройства государства, урегулированная в Конституции Испании 1978 г., постепенно трансформировалась в политическом и правовом отношении в нечто отличное от буквы Конституции. Тем самым был нарушен изначальный учредительный договор и создана нефункциональная как политически, так и конституционно система территориальной организации⁴.

Кроме того, как отмечают испанские исследователи, в 1989, 1998, 2010 и 2011 гг. парламент Каталонии принимал различные решения, которые содержали торжественные заявления о самоопределении народа,

¹ Андреева Г. Н. Конституционно-правовая доктрина по вопросам сецессии в странах-членах ЕС (на примере Испании, Германии, Италии, Великобритании) / *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 133. Со ссылками на: 12STC 103/2008, de 11 de septiembre, FJ 4; STC 42/2014, de 25 de marzo, FFJJ 3–4; STC 31/2015, de 25 de febrero; STC 32/2015, de 25 de febrero; 14STC 6/1981, FJ 3.

² Bar Cendón A. El proceso independentista de Cataluña y la doctrina jurisprudencial: Una visión sistemática // *Teoría y Realidad Constitucional*. Madrid, 2016. No37. P. 201. Цит. по: Андреева Г. Н. указ. соч. С. 133.

³ Breda V. La devolución de Escocia el referendun de 2014: ¿Cuáles son las repercusiones potenciales en España? // *Teoría y realidad constitucional*. Madrid, 2013. No 31. P. 84. Цит. по: Андреева Г. Н. указ. соч. С. 133.

⁴ Aparicio Pérez M.A. Los últimos cuarenta años de reorganización territorial del estado en España // *Ivs Fvgit*. Zaragoza, 2017. No20. P. 15–46.19 cit. P. 35.21. Цит. по: Андреева Г. Н. Указ. соч. С. 133–134.

и они не были оспорены Конституционным судом¹.

Совершенно по иному вопрос о возможности проведения сецессии решается в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, более того, подход Великобритании к решению указанного вопроса в полном соответствии с нормами международного права является своеобразным образцом для подражания другими государствами.

Сепаратистские настроения в Шотландии существовали задолго до появления ЕС, поскольку до 1707 г. она была независимым государством. Связь с ЕС и экономический кризис усилили эти настроения. В 1998 г. Вестминстерский парламент принял решение о возвращении части полномочий Шотландии, Уэльсу и Северной Ирландии. Деволуция в отношении Шотландии была материализована в виде Акта о Шотландии. В докладе правительства, представленном парламенту в 2012 г. секретарем по Шотландии, подчеркивалось, что правительство не будет препятствовать проведению в Шотландии референдума о независимости и что судьба Шотландии должна быть решена ее народом на референдуме. В конституционно-правовых исследованиях отмечается, что в силу распределения полномочий между Великобританией и Шотландией парламент Шотландии не мог принять решение о референдуме, это была прерогатива парламента Великобритании. Последний мог сам принять это решение или делегировать данное полномочие парламенту Шотландии, что он и сделал².

Как известно, в результате прошедшего в 2014 году референдума о выходе Шотландии из состава Великобритании, свыше 55 % проголосовавших высказалось за сохранение Шотландии в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

С высокой оценкой политической и правовой толерантности со стороны государства-метрополии (Канада) следует подойти и к предоставлению возможности населению франкоязычной канадской провинции Квебек дважды, в 1980 и 1995 годах, легитимно и свободно высказать свое мнение по вопросу выхода из состава Канады. И если в ходе первого референдума 1980 года «только» 40,44 % голосовавших отдали свои голоса за отделение Квебека от Канады, то уже в 1995 году лишь минимальным большинством от общего числа голосовавших (50,58 %) было сохранено нахождение провинции Квебек в составе Канады.

¹ Costa J. ¿Tiene Cataluña derecho de autodeterminación? // Portal SEPRID. Martes 26 de septiembre de 2017. URL: <https://www.nodo50.org/ceprid/spip.php?article2286> (дата обращения: 20.02.2018). Цит. по: Андреева Г. Н. Указ. соч. С. 134.

² Montilla Martos J.A. El referendum de secesion en Europa // Revista de Derecho constitucional Europeo. 2016. No 26. URL: http://www.ugr.es/~redce/REDCE26/articulos/11_MONTILLA.htm (дата обращения: 20.02.2018). Цит. по: Андреева Г. Н. Указ. соч. С. 139.

Весьма важным представляется, чтобы при совершенствовании своего внутреннего конституционного законодательства государствами были определены сами понятия «территориальная целостность», «право народа на самоопределение», «сецессия», а также детально урегулирован правовой механизм, последовательная схема легитимного алгоритма реализации права на сецессию.

Как представляется, с теоретической точки зрения право на сецессию может быть признано:

а) за административными территориями, освобожденными от колониальной зависимости.

Обратим внимание на то, что в теории международного права проводится различие между сецессией по освобождению колоний от колониальной зависимости и так называемой «простой сецессией»³;

б) за административными территориями государств (обособленными территориями, субъектами федерации, автономными сообществами и т. д.), которым предоставлена легитимная возможность проведения процедуры сецессии Основным законом (Конституцией) или органическими (конституционными) законами метрополии.

Так, к примеру, ст. 70 Конституции СССР 1977 года было установлено, что Союз Советских Социалистических Республик — единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате *свободного самоопределения наций и добровольного объединения* (курсив мой — Н. К.) равноправных Советских Социалистических Республик. Ст. 72 указанной конституции провозглашалось, что за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР. Как это явствует из конституционных норм, указанные положения юридически не закрывали союзным республикам СССР возможность на конституционных основаниях свободно выйти из состава Союза ССР.

В то же время, по итогам общесоюзного референдума, состоявшегося 21.03.1991, за сохранение СССР проголосовало 76 % от общего числа голосовавших (при этом отдельные союзные республики отказались проводить референдум), в связи с чем Верховный Совет СССР постановил государственным органам Союза ССР и республик руководствоваться в своей практической деятельности решением народа, принятым путём референдума в поддержку обновлённого Союза Советских Социалистических Республик, исходя из того, что это решение является окончательным и име-

³ Müller A. Th. Steuerung durch Erlaubnisnormen am Beispiel von Sezession und Selbstbestimmungsrecht // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. Heidelberg, 2016. Vol. 76. H. 2. P. 475. Цит. по: Андреева Г. Н. Указ. соч. С. 131.

ет обязательную силу на всей территории СССР. Президенту СССР и Совету Федерации, Верховным Советам республик было рекомендовано, исходя из итогов состоявшегося референдума, энергичнее вести дело к завершению работы над новым Союзным Договором с тем, чтобы подписать его в кратчайшие сроки. Одновременно ускорить разработку проекта новой Конституции Союза ССР.

Сложность оценки положения, создавшегося в начале 90-х годов прошедшего столетия в СССР состоит с одной стороны в том, что с точки зрения юридико-технической общесоюзный референдум формально не отменил ранее нами названных норм союзной конституции 1977 года и не провозгласил новые конституционные положения. С другой стороны, отдельные союзные республики, заявившие о своей независимости, отказались проводить указанный референдум, в связи с чем невозможно учесть мнение (волю) народа указанных республик по поводу сохранения Союза ССР, то есть участия этих союзных республик в союзном договоре, объединения их в союз с другими республиками. Однако, таким образом, в историко-правовой процесс процедуры сецессии опыт Советского Союза внес свою очевидную лепту;

в) за самостоятельными административными территориями государств, которые в настоящее время не разрушают единые государства только по причине большего плодородия земель территории и наличия более развитой промышленности и других экономических возможностей, но экономика которых может функционировать в обособленном от государства-метрополии режиме и которые могут предоставить достаточные весомые доказательства выполнения функции государства-донора в прежней метрополии (то есть в случае, когда данная обособленная часть государства перечисляет в бюджет метрополии гораздо более существенные суммы, нежели, чем получает назад в виде налогов, льгот и иных преференций);

г) за административными территориями государств, которые обладают еще и другими обособленностями, к которым следует в обязательном порядке отнести этнические особенности, собственный государственный (региональный) язык, религиозные отличия и т.д.;

д) за государствами, население которых по этническим, религиозным и иным причинам длительное время подвергается различного характера репрессиям со стороны метрополии, в которых по этой причине нарушаются общепризнанные права и свободы человека и гражданина.

Право народов на самоопределение сегодня всё чаще рассматривается через призму правозащитной (ремедиальной) сецессии – как право, допускающее

одностороннее отделение (сецессию) определённой территории с целью защиты населения последней от массовых, грубых и систематических случаев нарушения прав человека [2, с. 118].

В иных же случаях решение вопроса о возможности сецессии потребует соответствующей дополнительной аргументации.

До настоящего времени не разработана общая, назовем ее так – классическая теория сецессии, которая могла бы на научном, теоретическом уровне, пусть и предварительно, сформировать, определить алгоритм правовой, легитимной сецессии. В полной мере признавая серьезное, пожалуй, даже решающее значение политического фактора при решении указанного вопроса, постараемся, тем не менее, рассмотреть его исключительно с правовой точки зрения.

В соответствии с логикой исследования далее предпримем попытку изложить основы общей теории сецессии.

Составными частями (элементами) указанного правового алгоритма сецессии должны стать, прежде всего:

- а) достаточные, аргументированные поводы для начала процедуры сецессии;
- б) основания для предполагаемой сецессии;
- в) условия подготовки и реализации предполагаемой сецессии.

Рассмотрим указанные элементы правовой теории сецессии подробнее.

Достаточные, аргументированные *поводы* для начала процедуры сецессии.

К их числу следует отнести:

а) объяснимые, отвечающие как интересам самой предполагаемой к выделению составной части территории государства, так и в максимально возможной мере, самой метрополии¹ (государства, из которого предполагается выделение его составной части) *цели и задачи* предполагаемой сецессии;

б) предполагаемые, аргументированные, научно обоснованные *выгоды для населения* («народа») отделившейся территории в политической, экономической, социальной, оборонной и других сферах государственной и общественной жизни;

Аргументация указанных целей и задач предполагаемой сецессии, выгод для населения («народа») предполагаемой к отделению территории должна быть подготовлена инициаторами сецессии и, по возможности, направлена для ознакомления заинтересованным сторонам сецессионного процесса, или их представителям.

¹ В настоящей статье под «метрополией» мы несколько условно будем подразумевать государство, от которого планирует отделиться определенная его часть, определенная территория.

Представляется, что крайне уместным было бы привлечение, задействование в указанном процессе возможностей международного сообщества. В первую очередь, необходимо использовать для этого авторитет и полномочия ООН, ОБСЕ, Совета Европы и других региональных международных организаций, международных и внутригосударственных правозащитных организаций

Основания (в том числе политические, экономические, юридические, этнические, религиозные и др.) предполагаемой сепарации;

Так, например, к политическим основаниям сепарации необходимо отнести:

а) предварительно выраженную в определенной легитимной форме волю населения предполагаемой к отделению территории (на примере проведения референдумов о предоставлении права отделения Шотландии в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии или провинции Квебек в Канаде, согласованных с центральной властью соответственно Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Канады).

Предполагается, что такое предварительное мнение населением может быть выражено в ходе местных референдумов, которые необходимо организовать под строгим контролем обеих сторон сепарационного процесса и приглашенных международных наблюдателей. Эти референдумы (местные голосования) нет необходимости проводить на всей территории предполагаемого к отделению региона, их следует в целях получения достаточно репрезентативной картины происходящего провести в отдельных административных районах предполагаемой к отделению территории, к примеру, охватывающих не менее трети всей территории, или заселенной не менее, чем, к примеру, тридцатью пятью процентами граждан (подданных) от общего их числа. Весьма важно при этом исключить вероятность лоббирования сепарационной позиции отдельными лицами или группами лиц, желающими, вопреки мнению основной части населения, захватить власть или использовать отделение в иных личных политических и экономических интересах. При этом представляется недопустимым проявление выражения воли даже абсолютного большинства населения в нелегитимной форме, что не может не привести к эскалации агрессии, насилия с обеих сторон.

Для привлечения внимания к мнению населения предполагаемой к отделению территории должны использоваться только законные способы, к примеру, публикации и выступления в государственных и зарубежных средствах массовой информации, разработка и передача властным структурам соответствующих

законопроектов, поддержанных (и это крайне важно) значительным количеством подписей граждан (поданных); привлечение внимания органов международного сообщества посредством направления в международные органы и организации (ООН и другие) аргументированных обращений; проведение консультаций, научных форумов для широкого обсуждения проблемы и путей ее решения и т.д.;

б) достаточную известность предполагаемой к отделению территории на международной арене; позиционирование объективной возможности несомненного признания отделившейся территории международным сообществом или его определенной частью, группой государств;

в) существование на предполагаемой к отделению территории полностью или в значительной мере обособленного от территории метрополии этноса, своего национального языка, иной, нежели, чем на основной территории метрополии религиозной общности, наличие дополнительно аргументирующих сепарацию исторических предпосылок и других особенностей взаимоотношений метрополии и предполагаемой к отделению территории.

Под экономическими основаниями сепарации следует позиционировать, в частности:

а) экономическую самостоятельность и самодостаточность предполагаемой к отделению территории;

б) наличие неравномерного (в пользу метрополии) перераспределения получаемых предполагаемой к отделению территорией доходов при отсутствии компенсаторного механизма (к примеру, налогового, таможенного и др.) возмещения ей указанной диспропорции.

Так, к примеру, сторонники отделения от Испании одной из ее автономных областей — Страны Басков полагают, что их автономное сообщество вносит в бюджет Испании существенно большую сумму, чем та, которую метрополия выделяет на их регион, о чем даже сложена народная песня;

в) отсутствие очевидного экономического ущерба от сепарации для государства-метрополии;

г) согласованная возможность предоставления для метрополии отделившимся государством преференций, льгот, финансовых, социальных (к примеру, в туристической сфере), торговых (к примеру, продажа товаров по беспощинной шкале, или по сниженной по сравнению с мировыми ценами стоимости) и иных компенсаций.

К правовым основаниям сепарации необходимо отнести:

- обязательное соблюдение действующего законодательства в ходе подготовки и проведения мероприятий по предполагаемой сепарации, прежде всего, при проведении самой процедуры волеизъявления граждан;

- необходимость точного позиционирования, разграничения и согласования юрисдикционных процедурных вопросов, то есть всех этапов процедуры сепарации, порядка (механизма) ее проведения.

3. Условия подготовки и реализации предполагаемой сепарации представляют собою:

а) *способность руководства и администрации отделившейся территории* самостоятельно, без помощи метрополии, организовать экономическую и социальную жизнедеятельность региона, защиту его от внешней агрессии, законность и правопорядок, защиту прав и свобод человека и гражданина;

б) возложение на инициаторов сепарационного процесса обязанности обеспечить гарантии его мирного проведения, не допустить, предупредить конфликтное противостояние, обеспечить соблюдение определенных конституцией и законами государства прав и свобод человека и гражданина.

Разработка завершенной общей теории сепарации представляется невозможной без достаточно подробного анализа ее причин в различных государствах, рассмотрения в исторической ретроспективе ее поводов и механизмов развития, причем как для реализованной, так и для нереализованной сепарации, детальной разработки поводов, оснований и условий для ее проведения, дальнейшего углубленного изучения ее теоретических и правовых нюансов.

В условиях весьма ограниченного объема журнальной статьи рассмотреть все вопросы, связанные с проблематикой права на сепарацию не представляется возможным. Однако актуальность проблемы в мировом масштабе требует ее несомненного дальнейшего научного исследования.

Информация об авторе

Н. Н. Карпов – заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, заслуженный работник прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

N. N. Karpov – Head of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Federal Legislation and Participation of the Prosecutor in Civil, Administrative Proceedings and Arbitration Proceedings of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Honored Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 13.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Список источников

1. Андреева, Г. Н. Конституционно-правовая доктрина по вопросам сепарации в странах-членах ЕС (на примере Испании, Германии, Италии, Великобритании) / *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 8 (141).

2. Калинина, Е. В., Приходько, А. В. К вопросу о праве на отделение (сепарацию) в международном праве // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2.

3. Караев, Р. М. О соотношении принципов территориальной целостности государств и равноправия и самоопределения народов // *Журнал российского права*. 2020. № 10. СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.04.2021).

4. Лафитский, В. И. Сепарация в современном мире : конституционно-правовые и международно-правовые аспекты // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2014. № 1.

References

1. Andreeva, G. N. Constitutional and legal doctrine on secession in the EU member states (on the example of Spain, Germany, Italy, Great Britain) / *Lex russica* (Russian Law). 2018. № 8 (141).

2. Kalinina, E. V., Prikhodko, A.V. On the question of the right to secession (secession) in international law // *World of Politics and Sociology*. 2018. № 2.

3. Karaev, R. M. On the correlation of the principles of territorial integrity of states and equality and self-determination of peoples // *Journal of Russian Law*. 2020. No. 10. SPS "Consultant-Plus" (date of application: 04/21/2021).

4. Lafitskiy, V. I. Secession in the modern world : constitutional-legal and international-legal aspects // *Journal of Foreign legislation and Comparative Jurisprudence*. 2014. № 1.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-143-148>

НИОН: 2003-0059-6/21-092

MOSURED: 77/27-003-2021-06-291

Проблемные аспекты правового регулирования применения цифровых технологий в предоставлении услуг в области жилищно-коммунального хозяйства

Ольга Александровна Ковалева

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, radaurist@mail.ru

Аннотация. Автор отмечает положительные и отрицательные аспекты использования цифровых технологий в области предоставления услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства, на примере России, Великобритании, Франции и Германии. Проанализированы цифровые технологии и опыт их внедрения в сферу ЖКХ. На основе выводов исследования сделаны предложения по совершенствованию жилищного законодательства в части легитимизации процедуры электронного голосования собственников МКД и возможности подписания цифровых договоров с УК и ресурсоснабжающими организациями.

Ключевые слова: управляющая компания, коммунальные услуги, жилищное право, цифровые технологии, жилищно-коммунальное хозяйство, электронная форма, цифровой договор

Для цитирования: Ковалева О. А. Проблемные аспекты правового регулирования применения цифровых технологий в предоставлении услуг в области жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 143–148. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-143-148>.

Original article

Problematic aspects of legal regulation of the use of digital technologies in the provision of services in the field of housing and communal services

Olga A. Kovaleva

Orenburg State University, Orenburg, Russia, radaurist@mail.ru

Abstract. The author notes the positive and negative aspects of the use of digital technologies in the provision of services in the field of housing and communal services, on the example of Russia, Great Britain and Germany. The article analyzes digital technologies and the experience of their implementation in the housing sector. Based on the findings of the study, proposals were made to improve housing legislation in terms of legitimizing the electronic voting procedure for owners of apartment blocks and the possibility of signing digital contracts with the management company and resource supplying organizations.

Keywords: management company, utilities, housing law, digital technologies, housing and communal services, electronic form, digital contract

For citation: Kovaleva O. A. Problematic aspects of legal regulation of the use of digital technologies in the provision of services in the field of housing and communal services. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):143–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-143-148>.

Сегодня вопросы цифровизации как никогда актуальны для жилищно-коммунального хозяйства (далее по тексту — ЖКХ). Это связано с возрастающей интенсивностью внедрения современных технологий в условиях индустриализации сферы и повышением уровня претензий со стороны потребителей услуг к

© Ковалева О. А., 2021

качеству сервиса и его уровню.

Кроме того, на этот процесс большое влияние оказывает стратегия координации деятельности органов власти всех уровней. Она все более активизируется в масштабах и глубине, в контексте трансформации и развития современных подходов к стратегированию социально-экономического развития, а также внедрения технологий управления инцидентами. Последний пункт отражает необходимость проведения процесса цифровизации ЖКХ не только по всей стране, но и в регионах. В этом смысле целью активизации должно стать формирование системы мониторинга и, с одной стороны, контролируемого процесса обратной связи в социально-экономических системах регионального и муниципального уровня между населением и властью. Функциональные возможности и показатели мониторинга и контроля процесса обратной связи могут служить основой для построения более оптимальной проектной и программной деятельности органов власти в области разработки стратегии развития ЖКХ.

Кроме того, ряд исследователей, верно предполагают, что внедрение цифровых технологий в сферу жилищно-коммунального хозяйства, положительно повлияет на сокращение коррупционных проявлений в данной сфере [2; 3; 6].

По результатам опроса общественного мнения в 2019 году доля россиян, удовлетворенных качеством жилищно-коммунальных услуг, выросла за последние девять лет с 39 % до 60 %. Однако проводя опрос, исследователи не ставили вопрос: «Что по мнению граждан, повлияло на улучшение качества жилищно-коммунальных услуг?» [1]. По мнению некоторых авторов, отечественных и зарубежных [4; 7, с. 34; 16], одной из причин повышения удовлетворенности услугами ЖКХ, является в том числе, и внедрение в жилищно-коммунальное хозяйство цифровых технологий, которые упрощают для граждан пользование обозначенными услугами.

В данном аспекте интересен зарубежный опыт применения цифровых технологий в сфере ЖКХ [13; 14, с. 12]. Например, в Великобритании, с момента использования компанией HaltonHousing новых ИТ-технологий произошли следующие положительные изменения:

- примерно 70 % домохозяйств связываются с поставщиком услуг по цифровым каналам;
- более 87 % всех проводимых клиентом транзакций теперь также осуществляются в цифровом формате;
- 40 % о всех авариях и необходимых ремонтах теперь сообщается в цифровом формате;

- около 99 % запросов на аренду квартиры осуществляется через цифровые платформы;
- произошло сокращение входящих и исходящих звонков более чем на 60% [5].

В результате этого транзакционные издержки сократились с примерно 15 фунтов стерлингов до менее чем 1 фунта, а количество сотрудников службы поддержки клиентов сократилось на 50 %, и эти сотрудники были перераспределены в другие сферы бизнеса для обеспечения более интенсивной поддержки наиболее сложных вопросов [5].

В Германии внедряются технологии «умного города» — это уникальная возможность для городов различного размера использовать потенциал цифровых инноваций, сделать его более доступным для жителей, туристов и местного бизнеса [10].

Правовое регулирование внедрения цифровых технологий в систему ЖКХ в странах Европы также не совершенно. Во всех странах Европы центральное правительство устанавливает общие принципы развития цифровых технологий, а конкретизация законодательства происходит на региональном уровне, как правило, в пользу интересов местных властей.

Система внедрения новых технологий и ее реализация во многом зависят от того, унитарное государство или федеральное. Скажем, в Германии центральное правительство лишь декларирует базовые принципы для местных властей, которые вольны в своих действиях. Во Франции — унитарном государстве — нормативная правовая база начинает формироваться в центре, затем она прописывается региональными властями, доходя до местного уровня, где обогащается новыми деталями. В стране существует статус местного нормативно-правового акта (PLU — PlanLocald'Urbanisme), но при их разработке муниципалитеты руководствуются принципами, заложенными в центре. Они могут касаться сложности, типологии использования «умных» технологий в ЖКХ, а иногда даже разграничения возможности применения цифровых технологий в той или иной местности, учитывая региональные особенности [5].

Само понятие «местный уровень» тоже имеет различия. Например, во Франции средний муниципалитет насчитывает около 1400 жителей, а в Великобритании — 120 тыс. Таким образом, во Франции люди, которые принимают участие в планировании внедрения цифровых технологий, живут в той среде, которая возникает в результате их решений [5].

Если принятие решений спущено на слишком низкий уровень, есть опасность сопротивления жителями развитию территорий, в особенности в том

случае, подчеркивают зарубежные исследователи [8; 11], когда процесс цифровизации не предусматривает субсидирования со стороны центральных властей. В ряде стран выделяются так называемые зоны развития, в отношении которых решения о цифровизации услуг ЖКХ принимаются на региональном или центральном уровне. Там процедуры принятия решений максимально упрощены, в некоторых случаях даже предусматриваются субсидии.

Анализируя степень и продуктивность использования цифровых технологий, в области предоставления услуг ЖКХ в России можно выделить следующие основные положительные моменты:

- упростился способ оплаты услуг (используются различные интернет сайты, мобильные приложения, терминалы банков);
- стала доступной информация управляющих компаний об их деятельности, что находит свое отражение на интернет-сайтах;
- возможность обращения граждан через интернет-порталы в органы контроля и надзора при нарушениях законодательства в области жилищных правоотношений;
- развивается государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства (далее — ГИС ЖКХ);
- уменьшается количество сотрудников работающих с гражданами;
- уменьшается коррупция в системе предоставления государственных услуг в сфере ЖКХ [3; 6];
- уменьшение количества издержек управляющих компаний при предоставлении услуг ЖКХ;
- модернизация и обновление инженерных сетей и основных фондов ЖКХ с целью внедрения цифровых технологий для внедрения ресурсосберегающих технологий;
- сообщение информации о предоставлении государственных льгот и услуг в цифровом формате;
- реализуются программы по реформированию различных секторов ЖКХ в разных городах России;
- автоматизация предоставления услуг, информации, операций контроля и учета потребления коммунальных услуг с помощью цифровой технологии блокчейна;
- вливание частных инвестиций, предназначенных для модернизации коммунальной инфраструктуры;
- сокращение числа посредников при предоставлении и оплате коммунальных услуг.

Однако, положительное влияние представленных

факторов интенсивной цифровизации сектора ЖКХ сегодня сталкивается с рядом правовых проблем. Зачастую, внедрение новых цифровых технологий во все сферы, связанные с жилищно-коммунальными услугами, опережает правовое регулирование такого внедрения.

Научный сотрудник Международной лаборатории по праву информационных технологий интеллектуальной собственности НИУ ВШЭ Йен Ллойд, считает, что «основная проблема заключается в том, что право постоянно пытается догнать ту или иную инновацию, и в какой-то степени оно регулирует уже технологии прошлого, а нормы устаревают почти в день их вступления в силу» [8].

В результате суды и исполнительные органы в любой юрисдикции, как правило, вынуждены обращаться к правовым инструментам, которые обеспечивают наиболее близкие аналогии с ранее принятыми нормами для решения возникающих проблем. Однако не все проблемы можно решить методом аналогии.

Правовое регулирование процесса цифровизации жилищно-коммунальной инфраструктуры России начался с создания и внедрения государственной информационной системы (ГИС ЖКХ) в 2016 году, которая по своей сути является информационной базой обо всех услугах предприятий жилищно-коммунального хозяйства в пределах Российской Федерации. Её деятельность регулируется Федеральным законом от 21.07.2014 № 209-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства». Система содержит информацию о коммунальных услуги, выполняемых работах, системах связи, жилищно-коммунальным фонде, и т.д.

Поставщики услуг публикуют отчеты о своей деятельности в ГИС ЖКХ, сведения о тарифах на оплату аренды жилого помещения, перечень должников за коммунальные услуги и т.д.

Потребители жилищно-коммунальных услуг могут:

- контролировать качество и объем выполняемых операций и предоставляемых услуг;
- контролировать расходы своих товариществ собственников жилья, направлять жалобы и обращения в жилищно-коммунальные службы;
- контролеры, поставщики ресурсов, ассоциация домовладельцев, товарищества собственников жилья могут инициировать проведение собраний своих резидентов в электронном виде в режиме реального времени.

Таким образом, ГИС ЖКХ является стратегическим инфраструктурным проектом, который позволяет оптимизировать взаимодействие органов власти,

граждан и организаций, обеспечивающих оказание жилищно-коммунальных услуг.

По сути, указанный выше Федеральный закон является единственным федеральным нормативным актом, регулирующим использование информационной цифровой платформы в сфере ЖКХ. Далее нормативное регулирование «отдано на откуп» подзаконных актов Президента и Правительства РФ, таких как Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации», Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 — 2030 годы» и некоторых других. Более детальное правовое регулирование применения цифровых технологий происходит на региональном и местном уровне с применением целевых программ.

Недостаток федерального регулирования использования цифровых технологий в жилищно-коммунальной сфере приводит к возникновению вопросов правового характера. Например, платформа ГИС ЖКХ консолидирована с платформой государственных услуг, что позволяет пройти авторизацию и оплатить в онлайн формате услуги ЖКХ. Однако возможна ситуация, когда денежные средства пользователем перечислены, а поставщиком услуг не получены. Возникает вопрос: кто в данном случае виноват? Платформа ГИС ЖКХ, платформа Госуслуги, или банк уполномоченный на перевод платежа?

Судебная практика в настоящее время исходит из того, что услугу по перечислению денежных средств осуществляет уполномоченный банк, следовательно, и ответственность за некачественное оказание услуги несет банк. Так, мировой судья, ссылаясь на ст.ст. 4, 13, 28, 29 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 24.04.2020) «О защите прав потребителей», пришел к выводу, что банком услуга по зачислению денежных средств на счет управляющей компании была оказана ненадлежащим образом. Ввиду чего с ответчика надлежит взыскать в пользу истца денежные средства, перечисленные им через онлайн-систему электронных платежей. Как мы видим, даже учитывая технический сбой на платформе ГИС ЖКХ, ответственность за некачественное оказание услуг, все-таки, будет нести уполномоченный банк.

На наш взгляд, данный пробел в регулировании деятельности информационных платформ возникает в связи с неясностью их статуса. То есть, на данный момент ГИС ЖКХ выполняет только информационную функцию по предоставлению информации. В дальнейшем, с учетом внедрения на указанной платфор-

ме технологий блокчейн, будет возможно заключать электронные контракты с поставщиками услуг ЖКХ, выбирать обслуживающий банк и т.д. Применение технологии блокчейн позволяет фиксировать обязательства между потребителями и поставщиками ресурсов и автоматически записывать точные суммы за предоставленные коммунальные услуги. В этом случае потребители видят, сколько и за что они заплатили.

Использование «умных контрактов» освободит потребителя и поставщиков коммунальных услуг от посредников [10]. При использовании блокчейна фальсификации практически невозможны, поскольку хранимые документы не могут быть заменены, и невозможно заставить программный код сделать необоснованный платеж. Вся информация по потреблению, договорам, платежам и т.п. будет доступна в личном кабинете пользователя [9].

Кроме того, цифровизация ЖКХ позволяет вовлекать граждан в юридически значимые процедуры управления многоквартирным домом (далее по тексту МКД): внедрение возможности проводить общие собрания собственников помещений в МКД посредством электронного голосования на платформах ГИС ЖКХ или Госуслуг.

Однако, возможность заключения договоров управления многоквартирным домом с управляющими компаниями в электронной форме (путем электронного голосования на общем собрании и электронной подписи) и, или возможность заключения договоров с поставщиками ресурсов с помощью цифрового договора [15] необходимо предусмотреть в Жилищном кодексе РФ либо хотя бы обозначить такую возможность в ФЗ «О ГИС ЖКХ», а затем уже отрабатывать эту систему на практике, внедряя на платформу.

Кроме этого, назрела необходимость объединения в едином законодательном акте общих условий и принципов внедрения цифровых технологий в регулирование деятельности организаций тепло-, водо-, электро- и газоснабжения. Пока они регулируются разрозненными нормативными актами [12, с. 56].

Подводя итог всему выше изложенному, следует отметить, что государство стремится перевести ряд правоотношений в информационную плоскость, однако встречаются определенные проблемные аспекты. В случае с введением цифровых технологий при предоставлении услуг ЖКХ, возникает и ряд недостатков, будь то сбои при направлении электронных обращений или же при оплате. Все это говорит о необходимости совершенствования самой системы и необходимостью внедрять в жизнь систематизированную и четко урегулированную законодательством архитектуру

цифровой экосистемы ЖКХ на территории регионов и всей страны.

На законотворческом уровне нужны кардинальные перемены: отсутствие утвержденных Правительством РФ «Технологических стандартов» по внедрению различных информационно-коммуникативных технологий не дает им быстро развиваться. Нормативная база в области цифровизации ЖКХ в существенной части неполна, неустойчива и подвержена частым изменениям, законодательное регулирование в области цифровизации насчитывает небольшое количество законов и требует опережающего правового регулирования.

Список источников

1. Аналитический обзор ВЦИОМ. Индекс удовлетворенности услугами ЖКХ. URL://<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10391>.

2. Ганченко, Д. Н., Бодров, А. А. Цифровизация жилищно-коммунального хозяйства в условиях новой индустриализации / Сб. статей Первой Международной научной конференции «Современные тенденции менеджмента и Цифровая экономика : от регионального развития к глобальному экономическому росту». М., 2018.

3. Глухова, А. А. Об опыте предупреждения коррупции за рубежом на современном этапе // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 195–201.

4. Дроздова, И., Петров, А. Мировая практика и российский опыт цифровизации жилищно-коммунального хозяйства. URL://<https://doi.org/10.1051/shsconf/20184400031>.

5. Зарубежный опыт ЖКХ и возможности его применения в России. URL://<https://www.gkh.ru/article/102164-zarubejnyu-opyt-jkh>.

6. Ковалева, О. А. Проблемы реализации антикоррупционной политики государства в сфере жилищно-коммунального хозяйства. М. : Русайнс, 2019. 130 с.

7. Ларионова, А. А. Цифровизация ЖКХ как стратегическое планирование его развития. Интервью с А. И. Кулешовым // Бюджет. 2020. № 9. С. 34–38.

8. Ллойд, Й. Право на стадии оцифровки. URL://<https://pravo.hse.ru/news/213376657.html>.

9. Самсонов, М., Росляков, А., Ваняшин, С., Гребенков, А. Интернет вещей в умном городе. URL://<http://www.iksmedia.ru/articles/4990900-Internet-veshhej-v-umnom-gorode.html>.

10. Технология «Умный дом». URL://<http://www.aptech.ru/tehnologii-dom>.

11. Уайтхед, К. Жилищная политика : разные подходы и общие проблемы. URL : //<https://iq.hse.ru/news/177674018.html>.

12. Юматов, А. С. Методологические аспекты использования цифровой платформы «Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства» // Социум и власть. 2019. № 2(76). С. 56–57.

13. ELhamid, A., Salama, A., Hassan, A. A., Ayad, S. I. Towards virtual technology vision in critical cases. URL://<https://www.researchgate.net/publication/311159834/>

14. Fields, D., Rogers, D. Towards a Critical Housing Studies Research Agenda on Platform Real Estate // Housing, Theory and Society. Article in Press. 2019. № 12. С. 12–21.

15. Kirillova, Elena Anatolyevna; Zenin, Sergey Sergeevich Zenin; Kovaleva, Olga Aleksandrovna; Baskakova, Natalia Pavlovna y Fatkuln, Safargaley Tamindarovich. Legal status, classification, and features of electronic contracts. Revista Inclusiones Vol : 7 num Especial (2020): 325-336. URL <http://www.archivosrevistainclusiones.com/A%C3%B1o-2020>.

16. Wichmann, J., Wißotzki, M., Sandkuhl, K. Toward a smart town: Digital innovation and transformation process in a public sector environment // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019. № 189 P. 89–99.

References

1. Analytical review of the polls. Index of satisfaction with housing and utilities services. URL://<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10391>.

2. Ganchenko, D. N., Bodrov, A. A. Digitalization of housing and communal services in the conditions of new industrialization / Collection of articles of the First International scientific conference “Modern management trends and Digital economy: from regional development to global economic growth”, Moscow, 2018.

3. Glukhova, A. A. On the experience of preventing corruption abroad at the present stage // Actual problems of Economics and law. 2015. No. 3. P. 195–201.

4. Drozdova, I., Petrov, A. World practice and Russian experience of digitalization of housing and communal services. URL : //<https://doi.org/10.1051/shsconf/20184400031>.

5. Foreign experience in housing and utilities and its application in Russia. URL://<https://www.gkh.ru/article/102164-zarubejnyu-opyt-jkh>.

6. Kovaleva, O. A. Problems of implementation of anti-corruption policy of the state in the sphere of housing and communal services. Moscow : Rusains, 2019. 130 p.

7. Larionova, A. A. Digitalization of housing and communal services as strategic planning of its development. Interview with A. I. Kuleshov // Budget. 2020. № 9. P. 34–38.

8. Lloyd, Rd. Right at the digitization stage. URL://

<https://pravo.hse.ru/news/213376657.html>.

9. Samsonov, M., Roslyakov, A., Vanyashin, S., Grebenkov, A. Internet of things in a smart city URL : <http://www.iksmedia.ru/articles/4990900-Internet-veshnej-v-umnom-gorode.html>.

10. Smart home technology. URL:<http://www.aptech.ru/tehnologii-dom>.

11. Whitehead, K. Housing policy: different approaches and common problems. URL:<https://iq.hse.ru/news/177674018.html>.

12. Yumatov, A. S. Methodological aspects of using the digital platform “State information system of housing and communal services” // Society and power. 2019. № 2(76). P. 56–57.

13. Elhamid, A., Salama, A., Hassan, A. A., Ayad, S. I. Towards virtual technology vision in critical cases. URL:<https://www.researchgate.net/publication/311159834>.

<https://www.researchgate.net/publication/311159834>.

14. Fields, D., Rogers, D. Towards a Critical Housing Studies Research Agenda on Platform Real Estate // Housing, Theory and Society. Article in Press. 2019. № 12. P. 12–21.

15. Kirillova, Elena Anatolyevna; Zenin, Sergey Sergeevich Zenin; Kovaleva, Olga Aleksandrovna; Baskakova, Natalia Pavlovna y Fatkulin, Safargaley Tamindarovich. Legal status, classification, and features of electronic contracts. Revista Inclusiones Vol : 7 num Especial (2020): p.p 325-336. URL <http://www.archivosrevistainclusiones.com/A%C3%B1o-2020>.

16. Wichmann, J., Wißotzki, M., Sandkuhl, K. Toward a smart town : Digital innovation and transformation process in a public sector environment // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019. № 189. P. 89–99.

Информация об авторе

О. А. Ковалева – доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Kovaleva – Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Orenburg State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-149-160>

НИОН: 2003-0059-6/21-093

MOSURED: 77/27-003-2021-06-292

Судебное строительство: от века индустриального до эпохи второго модерна

Никита Александрович Колоколов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению таких социально-правовых явлений как «судебная власть», «судебное строительство», «судебная система», «суд», «судья», «судебная деятельность», «судопроизводство», «правосудие». Автор делает вывод, что судебная власть — явление объективное, как и все прочие виды власти, свойственные человеческому обществу, начиная от организации отношений в семье, заканчивая властью государственной. Аппарат судебной власти – судебная система, архитектура которой предопределена уровнем развития общества целом. Судебно-властные отношения — элемент государственно-властных отношений, что и определяет потолок их эффективности. Автор также предостерегает: прежде чем ответить на вопрос, каким должен быть суд, какие инновационные решения необходимо воплотить в жизнь, необходимо ответить другой вопрос: «Как называется общество, в котором мы живем?».

Ключевые слова: право, государство, закон, судебная власть, судебное строительство, судебная система, суд, судья, вектор развития, «эффект колеи», эволюция судебных систем, судебная реформа, судебная контрреформа, революция в судопроизводстве, контрреволюция в судопроизводстве, новации и инновация в судебной деятельности, контринновации в правосудии, лайфхак в судебной деятельности, глобализация в судопроизводстве, общепризнанные стандарты справедливого правосудия, индустриальная эпоха, модерн, постмодерн, второй модерн, второй постмодерн

Для цитирования: Колоколов Н. А. Судебное строительство: от века индустриального до эпохи второго модерна // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 149–160. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-149-160>.

Original article

Judicial construction: from the industrial age to the era of the second modern

Nikita A. Kolokolov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of such social and legal phenomena as “judicial power”, “judicial construction”, “judicial system”, “court”, “judge”, “judicial activity”, “legal proceedings”, “justice”. The author concludes that the judiciary is an objective phenomenon, like all other types of power inherent in human society, from the organization of relations in the family to the power of the state. The apparatus of the judiciary is a judicial system, the architecture of which is predetermined by the level of development of society as a whole. Judicial-power relations are an element of state-power relations, which determines the ceiling of their effectiveness. The author also warns: before answering the question, what should be the court, what innovative solutions need to be implemented, it is necessary to answer another question: “What is the name of the society in which we live?”.

Keywords: law, state, law, judiciary, judicial construction, judicial system, court, judge, vector of development, “rut effect”, evolution of judicial systems, judicial reform, judicial counter-reform, revolution in legal proceedings, counter-revolution in legal proceedings, innovations and innovation in judicial activity, counter-innovation in justice, life hack in

© Колоколов Н. А., 2021

judicial activity, globalization in legal proceedings, generally recognized standards of fair justice, industrial era, modern, postmodern, second modern, second postmodern

For citation: Kolokolov N. A. Judicial construction: from the industrial age to the era of the second modern. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):149–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-149-160>.

«Обгонять не догоняя» Девиз инноваторов

Введение

Государства, опирающиеся на право, и свойственную данному феномену сложную (не обязательно стройную и завершённую) систему организации власти — объективно существующие, признанные общественными науками, самостоятельные и, в тоже время, тесно взаимосвязанные юридические категории. Изучение данных социально-правовых явлений невозможно без уяснения сути таких понятий как «судебная власть», «судебное строительство», «судебная система», «суд», «судья», «судебная деятельность», «судопроизводство», «правосудие». Отдельные результаты нашего подхода к осмыслению перечисленных категорий нашли свое отражение в целом комплексе монографических исследований [6; 7; 8; 9; 10; 11].

Предметом настоящего повествования является перманентный процесс эволюции судебных систем, периодически «взбадриваемый» иницируемыми правящими элитами судебными реформами (контрреформами), перебиваемыми спонтанными яркими революциями (контрреволюциями) в организации судопроизводства, со свойственным данным событиям новациями (контрновациями), инновациям (контринновациями) в судебной деятельности в целом, в правосудии в частности, а равно комплексом лайфхаков в судебной работе. Основные движущие силы всех этих непростых процессов в текущий момент времени просматриваются в тотальной глобализации, выравнивании общепризнанных стандартов справедливого правосудия¹, что, в конечном итоге, определяет вектор развития суда в самом широком смысле этого термина.

Анализ перечисленных явлений проблемного характера мы считаем нужным начать с изложения авторского видения некоторых базовых категорий, включающих понятия: право, государства, судебная система и судебная деятельность и др.

1. Право

«Современное реальное право — адская смесь следственных, прокурорских и судебных практик.

Насколько допустимо практикам от юриспруденции готовить такую смесь», судья Верховного суда США Б. Кардозо, объяснять не стал, он только «констатировал: такая смесь реальность» [4, с. 10–11]. По большому счету, писанные нормы права эпизодически появляются только лишь для того, чтобы несколько упорядочить процесс формирования реального права судами. Насколько это получается у российского законодателя, судить читателю, мы же только констатируем: законодатель, не успев принять одну норму, положенную в основу судебной деятельности, с помощью совокупности других тут же пытается ее улучшить.

Право — юридическая ноосфера² — творческая эволюция (L'évolution créatrice) регулятора, в употребимом виде формируемого, в первую очередь, практиками, процесс непрерывный, в его основе «жизненный порыв» (l'élan vital), генерация которого обусловлена текущей потребностью в сфере правоприменения. В основе такие туманные категории как: справедливость (justice) и общая польза (general utility) для наших целей.

Особо следует подчеркнуть, что в организации судебной деятельности право далеко не единственный, а порой далеко и не самый важный регулятор общественной жизни. Так, в СССР компетенция судебных инстанций была необычайно узка: дела уголовные и дела «тряпичные» (гражданские). Основной объем споров разрешался в административном, а то и вообще в «партийном» порядке: исключили человека из членов КПСС — автоматически утратил право на должность. Правом на иск о восстановлении на работе обладали, в основном, лица, «производившие что-то руками» (гигемон), в то время как их руководители, должности которых входили в специальные два списка, такой возможность были лишены, особо следует подчеркнуть, не по закону (КЗоТ РСФСР), а в силу подзаконного административного акта, который, как видим, в те годы по силе легко превосходил все законы, включая Конституцию СССР.

Дезавуирование значимости этих актов (демократическая инновация) привело к тому, что в суды «ринулись», обиженные руководители. Результат: по решению гарнизонного военного трибунала — появились

¹ Системы процесса разные, а суть одна: на первом месте, по крайней мере, в западных моделях процесса декларируются, права человека. См. об этом: Головкин Л. В. Основные модели уголовного процесса и современная уголовно-процессуальная карта мира // Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головкин. М.: Статут, 2016. С. 182–194.

² Ноосфера (от греч. νόος — разум и σφαῖρα — шар, дословно — «сфера разума») — сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (эта сфера обозначается также терминами «антропосфера»).

сразу два командира дивизии внутренних войск в Орле; по решению Верховного Суда РФ — при одной штатной единице — два первых заместителя прокурора Курской области. Со временем суды научились при рассмотрении подобных исков руководствоваться не только и не столько формальным правом истца на конкретную должность, но и скрытым в совокупности многих регуляторов особым государственным интересом.

2. Государство

Государство, как и право, понятие гораздо более емкое, чем об этом принято писать в современных конституциях, регламентирующих организацию власти в обществе (официальное государство). Наряду с государством, представленном его легальными (конституционными) органами, существует и, так называемое, «глубинное (скрытое) государство», «государство конгломерат», система совокупности параллельных властей, совокупности ядер всевозможных социально-правовых режимов [см. подробнее: 2, с. 412–426].

Сложности, характерные системам организации власти, предопределяют и вектор развития судебных систем, и свойственные этому процессу инновационные комплексы.

3. Судебная власть

Судебная власть — это метафизическая и историческая реальность, уникальные, возникающие на базе законов природы *общественные отношения*, источник которых заключается в потенциальной способности человечества, опираясь на такую социально-коммуникационную ценность как право и прочие регуляторы, посредством определенного комплекса когнитивных средств мобилизовать свои ресурсы для разрешения некоторых видов социальных конфликтов. Сказанное означает, что судебная власть присуща социальной природе человека как *средство самосохранения*, необходимое *условие* функционирования любой высоко развитой общности. Судебная власть — это признанная нами процессуально-правовая *парадигма* поведения некоторых субъектов права при разрешении социальных конфликтов.

Безусловно, что в таком виде судебная власть — *ресурс*, который необходим для осуществления целенаправленных действий. В организации судопроизводства используется практически все, что может быть конвертировано во власть: богатство, влияние и культура. Судебная власть — это еще и *форма творчества*, позволяющая человеку находить новые оригинальные конфигурации применения своих прежних потенциальных ресурсов и функций.

Надстраиваемая судом *коммуникация*, порождает новый смысл жизни народа, гарантирует ему новую уникальную увязку целей и средств, выдвигает неожиданные критерии и основания существования

власти, и эффективность в целедостижении. Например, право суда на превентивный судебный контроль проектов законов, включая проекты по изменению конституций.

Феномен судебной власти многогранен, для него характерны следующие аспекты: 1) *директивный*, в соответствии с которым судебная власть понимается как реальное господство, в основе которого уверенность целого народа, объединенного в государство, в законности текущей политики; 2) *технологический* — совокупность социальных практик, позволяющих реализовать потенцию государственной власти при разрешении конфликтных ситуаций; 3) *коммуникативный* — судебная власть — это язык, понятный всем субъектам государственно-правового властеотношения: назначили виновному в смерти другого человека реальное лишение свободы и все упокоились. При этом о том, что эквивалент жизни — годы в заключении всего лишь нарротив, большинство народа даже и не задумывается, ибо так принято.

4. Судебная система

Судебная система — *аппарат судебной власти*. В статике это иерархически выстроенная совокупность государственных учреждений, призванных заниматься отправлением правосудия (совокупность организационных правоотношений). В динамике судебная система — совместная, согласованная, основанная на специальном законе деятельность (процессуальные правоотношения).

Особую роль в механизме организации судебной власти, функционировании судебных систем по традиции играют стороны, а вместе с ними и все общество, поскольку суд это не рядовое государственное учреждение (офис, контора, управа), даже не столько государственное учреждение, сколько способ разрешения различных конфликтных ситуаций, реализуемый сразу всем обществом на основе норм права (создание прецедента), в том числе, и с помощью действующей судебной системы.

Система — термин греческий, буквально, означает целое, составленное из отдельных частей (элементов). В другом значении, система — порядок, определяемый правильным расположением частей и их взаимосвязями. Применительно к организации судебной власти термин «система» относится к числу наиболее употребляемых. Во-первых, потому, что реализация судебной власти в современных условиях носит (должна носить) в высшей степени упорядоченный, системный характер. Во-вторых, потому, что носитель судебной власти — ее аппарат (суды, судьи в их совокупности) не только представляет собой явление явно системное, но и практически, во всех странах от США до России аппарат судебной власти так и называют

ся — судебная система¹. Если взглянуть на организацию судов еще шире, то, необходимо вспомнить, что системность: это и объективное свойство всего существующего, и важнейшая характеристика материи.

В то же время, простая совокупность сама по себе далеко еще — не система, чтобы доказать системность совокупности судебных органов государства или какой-то их части, необходимо найти системообразующий фактор. Общая теория систем подсказывает, что структура аппарата судебной власти не сможет не нести на себе отпечатка воздействия всех первичных, естественных систем, а равно метасистемы, в число которых изначально входят природные (биологические) и все социальные системы. При этом они «удачно» или «неудачно» (оценочная категория), но во всех без исключения случаях образуют ту природную, социальную среду, в которой судебной системе конкретного государства предстоит образоваться, функционировать и развиваться. Поэтому вполне логичным будет предположить, что судебная система, например, такой федерации как Канада с ее огромными северными территориями, неравномерным распределением относительно малочисленного населения по южным провинциям, индейцами, живущими в резервациях, в силу целого комплекса других важных и объективных обстоятельств, не может быть идентичной судебной системе той же Федеративной Республики Германия, в которой, как известно, и просторов канадских нет, и национальный состав населения более однороден, да и по площади государства оно распределено примерно равномерно.

Судебные системы государств входят в совокупность систем, созданных человеком. Практически все они все — результат творения многих поколений. Имеются достаточные основания рассматривать судебные системы некоторых современных государств как самодостаточные, развивающиеся системы, которые возникли естественным путем, содержат в себе значительный потенциал, отличающийся огромным разнообразием культур, ценностей, социальных организаций, этносов, что, в конечном итоге, и обеспечивает им высокий потенциал саморазвития. Судебные системы могут развиваться в течение продолжительного периода времени, как только посредством уже накопленного многообразия, так и путем тиражирования достижений разных народов.

Для судебных систем свойственна не только высокая организованность, следует отметить, что их социальная материя постоянно меняет и совершенствует свою организационную структуру. Структурные из-

менения в судебных системах происходят не только от эпохи к эпохе, но и в силу целого комплекса причин. Преобразования в судебных системах различных государств отличаются неповторимыми цивилизационными, этническими и культурологическими формами.

В то же время опыт истории свидетельствует, что в экстремальных, кризисных условиях организация судебных систем в государствах становится жесткой, мобилизационной, отличающейся узкой целевой ориентацией, ограничением степеней свободы ее элементов. В нормальной, межкризисной обстановке судебные системы государств обретают значительное число вариаций и степеней свободы.

Среди основных характеристик судебных систем целесообразно выделить их полиструктурность, полифункциональность и поливариантность в развитии. Сравнительный анализ показывает: судебные системы государств принципиально множественны, многолики, многоальтернативны, характеризуются множественностью состояний. Благодаря наличию у судебной власти собственных механизмов целеполагания судебные системы самостоятельно формируют свои цели, направления движения и программы развития. Кроме того, судебные системы обладают свойствами адаптивности, сохранения своей самобытности.

5. Эволюция судебных систем

Evolutio (лат.) — развёртывание — естественный процесс развития, как всего многообразия природы в целом, так и социума (человечества) в частности. Стабильного в широком смысле нет ничего, а парадигма устойчивого развития человечества — не более чем очередной нарротив отдельных оракулов, пусть даже и «под крышей» ООН. По общему правилу эволюция в живой природе сопровождается изменением, в первую очередь, генетического (базового) состава имеющихся в природе популяций. Сказанное имеет прямое отношение и к такому проявлению человеческой деятельности как судебная². В рамках судебного строительства, поиска надлежащих процедур наблюдается: с одной стороны, успешная адаптация некоторых судебных популяций к экстраординарным вызовам окружающей среды, в процессе чего может происходить образование целого ряда новых специальных видов судопроизводства; с другой стороны, изменения в окружающей среде ведут к вымиранию отживших свое популяций, в числе которых и целые народы, свойственные их культуре государства, и, соответственно, судебные системы, их процессуальные практики.

В основе построения отношений, возникающих в человеческой популяции, лежит биология существа, хвастливо именующего себя человеком разумным

¹ Сравните, например: die Gerichtsverfassung — в немецком, Organization of Courts — в английском, словосочетание «судебная система» в русском языке весьма органично и употреблено в названии Конституционного закона, регламентирующего порядок ее организации.

² Предлагаемую нами периодизацию эволюции судебных систем см. : Колоколов, Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М. : ИГ «Юрист», 2010. С. 51–52.

(Homo Sapiens). Если учесть, что биология эта на всем протяжении существования вида практически неизменна, то все те преобразования которые произошли за короткую историю Homo Sapiens — есть не что иное как порождение его культуры. Человек, как на заре своего появления, стремился к биохимическому счастью (сытости и умиротворенности), так и в наши дни продолжает за ним гнаться, не случайно почти половина осужденных и в США и в России — наркоманы [17, с. 51–52]. Очевидно, что существующая уголовная политика в сфере борьбы с наркоманией практически бессильна, так как человек пытается с помощью придуманных им технологий голодной индустриальной эпохи изменить законы природы в относительно сытый период жизни человечества.

Важнейшими этапами развития (эволюции) человеческого социума являются генезис народов, наций, признанных ими норм права, государств, механизмов государственной власти, в том числе и механизмов государственной власти судебной — судебных систем. Сказанное означает, что имеются все основания утверждать, что судебные системы — организационно-правовые элементы, свойственные, как биологической, следовательно, и социальной природе человека, так и его культуре. Что в свою очередь, позволяет сделать вывод, что для развития судебных систем естественны все те процессы, которые характеризуют эволюционный трафик развития популяций: зарождение (генезис), развитие, рождение новых видов (эволюция) и смерть отживших свое организационно-правовых конструкций.

6. Коэволюция и кооперация с участием судебных систем

Анализ исторического прошлого судебной деятельности позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, направленный отбор — изменения среднего значения признака судебной деятельности в течение долгого времени, например, увеличение численности судей (экстенсивное развитие). Во-вторых, деструктивный отбор — преодоление крайних значений существующего признака — учреждение новых элементов судебной системы: для современной России — это реинкорнация института мировой юстиции, самостоятельных подсистем в апелляции и кассации. В-третьих, стабилизирующий отбор — устранение некоторых крайних значений признака, что приводит к уменьшению его дисперсии, сокращению разнообразия (Создание в 2014 году на базе Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ — единого Верховного Суда РФ, преобразование системы военных трибуналов в подсистему военных судов, поэтапное свертывание ее компетенции).

В определенной мере можно утверждать, что для развития судебных системы характерны их адаптация (эволюционный процесс) к социальной действительности, благодаря чему организм суда становится луч-

ше приспособлен к месту своего функционирования. Следовательно, можно говорить об адаптивности судебных систем (адаптивная черта) — наличие у них качеств, позволяющих функционировать и развиваться в разных «местах обитания». Адаптация судебной деятельности в вызовам времени ведет как к появлению у нее некоторых новых черт, так и к потере черт предковых.

Взаимодействие между различными государственными организмами может вызвать как конфликт между ними, последствием чего будет смерть какого-либо одного конкретного государственного аппарата, так и их коэволюцию и кооперацию. Если взаимодействует пара государственных организмов, таких, например, как в 1917–1991 года, суд и его реальный хозяин аппарат правящей партии, то у них развиваются связанные адаптации. Эволюция одного вида (КПСС) в таких парах вызывает эволюцию у других видов, в частности, суда, а это, в свою очередь, вызывает эволюцию первого вида (КПСС) и т. д. Этот цикл носит название коэволюции, классическим примером чего являются публичные процессы, организованные в СССР в 1929–1953 годах в отношении «врагов народа», коими в основном являлись лица, всего лишь не согласные с политикой И.В. Сталина.

Аналогичные связи в США, скорее всего, следует расценивать как обоюдовыгодную кооперацию. В частности Верховный суд США практически во всем поддерживает правящую партию, последняя, в свою очередь, рекрутирует в высший судебный орган государства своих сторонников.

7. Инновации в судебном строительстве и судебной деятельности

Термин «инновация» восходит к латинскому «novatio», что означает «обновление» (или «изменение»). Добавление приставки «in», которая переводится с латинского как «в направление», то дословно «Innovatio» — «движение в направлении изменений». Инновацией является не всякое новшество или нововведение, а лишь такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы. Инновация — результат инвестирования интеллектуального решения в разработку чего-либо и получение нового знания.

Инновация (нововведение) в сфере судебной деятельности — внедрённое (внедряемое) новшество, теоретически призванное обеспечить повышение эффективности процессов, протекающих в судебных системах, улучшить качества их продукции (разрешение споров), что может быть положительно оценено и востребовано обществом. Инновации в сфере судебной деятельности должны соответствовать актуальным социально-экономическим и культурным потребностям. Примером таких инноваций является учреждение судебных инстанций с новыми для социума

потребительскими свойствами (вовлечение населения в оправление правосудия), повышение эффективности производства по конкретной категории дел, организация юридической помощи тяжущимся. В сфере судебной деятельности инновации принято делить на:

1. *Технологические* — получение нового, эффективного производства. Например, популярные ныне институты судебного приказа и заочного производства, соглашения сторон обвинения и защиты о признании подсудимым своей вины (Plea Bargaining и Plea and Cooperation Agreement).

2. *Процессные* — стороны собирают доказательства, суд только принимает решение, судья – инквизитор — сам дело расследует, сам собирает доказательства, к информации, представляемой тяжущимися и их представителями, доверия у него нет.

3. *Продуктовые* — в частности, качество итогового продукта судебной деятельности — приговора, предопределяется не только и не столько работой судьи, сколько вердиктом коллегии присяжных заседателей, решение которых автоматически приравнивается к не подвергаемому никаким сомнениям гласу народа. Пусть данная инновация – мифологема, но она демонстрирует завидную популярность.

4. *Организационные* — перевод документооборота в судах на электронный формат, аудио и видеозапись процессов.

5. *Маркетинговые* — юридических ребрендинг — переименование части преступлений небольшой тяжести в уголовный проступок, трансформация тяжкого преступления «злостное хулиганство» в правонарушение небольшой тяжести посредством отказа от институтов «особая дерзость» и «исключительный цинизм».

6. *Суперинновационные* — замена интеллекта судьи интеллектом искусственным (ИИ).

Считается, что инновации в судоговорении — единственный реальный источник увеличения эффективности правового регулирования. В рамках анализа среды инновационного функционирования в сфере развития судебной деятельности принято выделять: 1) инновационных лидеров (Франция, по сути своей революционное законодательство которой многие, в том числе и Россия, усиленно копируют); инновационных последователей (Германия, США, Индия, Шри Ланка); страны-умеренные инноваторы (до начала XXI века консервативная Англия, Италия); догоняющие страны (так называемые развивающиеся — государства третьего мира, в число которых следует отнести и страны бывшего «социалистического лагеря»).

Суть любого инновационного процесса очень точно передает девиз: «Обгонять не догоняя» — иными словами не повторять ошибок других в решении общих проблем находить свои принципиально новые решения.

Успешное развитие инновационных процессов зависит не только от достижений в сфере юриспруденции, но и от политико-экономической системы, гарантирующей равные права собственности на основе закона. Например, базой инновационных процессов в США, является America's Technology Highway — территории, на которых принято искать кардинально новые методы решения старых вопросов, что, в свою очередь, влечет за собой и инновации в судебной деятельности.

8. Доктрина Д. Бенетама — основа организации современного суда и его деятельности

Актуальная в наши дни доктрина построения судебных систем была сформулирована Джереми (Иеремией) Бенетамом (1748–1832) в XVIII веке, еще до Викторианский период. Применительно к избранной теме широко известен основной его труд «О судостроительстве» [1], переведенный сначала на французский, а затем накануне Великой судебной реформы 1864 года по решению Правительствующего Сената уже и на русский.

По Бенетаму метод становления судебной системы — эволюция, основанная на многовековых традициях. Великий британский юрист творил на рубеже XVIII–XIX веков, это заря промышленной революции, грубо говоря, как минимум, 200 лет назад.

Великобританию в тот период олицетворялась фактически с одним народом (нацией)¹, государством-империей во главе с королем (королевой). Тогда правила: Георг III (1760–1820), Георг 1820–1830, Вильгельм (1830–1837), Виктория (1837–1901) — государство представляло единую работающую корпорацию (то, о чем местах В.И. Ленин). Для англичан тех лет была характерна единая государственная идеология — религия (англиканская церковь, только 10–16 % католики). Подбор кандидатов на епископские кафедры осуществляет Премьер-Министр. Идеологическая ячейка общества — приход. Перед богом все равны: и богатые, и бедные, и знатные, и безродные — исходная база принципа равенства всех перед законом и судом.

Основное звено судебной системы — судья, призванный не столько разрешить дело по закону (на основе общепризнанных прецедентов) сколько установить восстановить гражданский мир. Режим работы: от квартальной сессии к следующей квартальной

¹ В рассматриваемый период население делилось на три больших сословия (three estates of the realm): духовенство (clergy) — высшее и низшее; аристократию (nobility) — герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны и, собственно, совокупность граждан (commonalty) — коммонеров. Commonalty (точный перевод термина на русский отсутствует, скорее всего, гражданское общество), в свою очередь, делилось на три большие группы: gentry (опять-таки, точного перевода на русский язык нет, самом общем виде — культурные, цивилизованные люди); lower nobility (младшее дворянство), именовавшие себя джентльменами; yeomanry — мелкие землевладельцы, городские обыватели, торговцы, ремесленники, хирурги, низший разряд адвокатов; практически бесправная чернь.

сессии (сессии могли быть и полугодовыми и, даже, годовыми).

Коронные судьи — в основном из джентри (культурные люди) назначаются они, естественно, короной, но не лично королем (негоже царственной особе заниматься делами бранными).

Присяжные — тоже в основном джентри, подбираются из числа уважаемых членов прихода (их списки вывешены в сакральном месте — храме).

Суд — государственное учреждение, правосудие вершится именем короля. В основе судебной системы — сеть местных судов, максимальное расстояние до которых от дома до суда 3–4 мили тяжущийся должен успеть за день добраться до суда и вернуться домой.

Для сравнения, в современной южной Канаде до суда час по автостраде 100 км. Принцип тот же — тяжущийся должен успеть за день обернуться по пути из дома в суд и обратно. В малонаселенных местах, закрытых анклавах, например, в резервациях индейцев суд работает, как и в Викторианской Англии, день-два, максимум, неделю — от сессии до сессии: раз в месяц, квартал, год.

Защита от судейского произвола по Бентаму, в первую очередь, — гласность. Нет образованной, «хорошей» публики в зале — нет и суда! Второй способ защиты и от произвола судей в первой инстанции — система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений. Правда, система апелляции, кассации и прочих форм переоценки первоначальных судебных решений в промышленной Англии была развита слабо. Высшая судебная инстанция со времен Бентама и практически до последнего времени — Палата Лордов¹, в наши дни компактный Верховный суд².

Чисто теоретически выносимые судами королевства решения верховную власть совершенно не интересуют (бранные).

Для Бентама характерно крайне настороженное отношение к специализации судей, ибо дуализм в судебной деятельности неизбежно ведет к разночтениям в правоприменении (вспомним, в силу каких причин в 2014 году Верховный Судом РФ фактически поглотил своего конкурента Высший Арбитражный суд РФ).

¹ В наши дни: The Right Honourable the Lords Spiritual and Temporal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland in Parliament assembled.

² В рассматриваемый период население делилось на три больших сословия (three estates of the realm): духовенство (clergy) — высшее и низшее; аристократию (nobility) — герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны и, собственно, совокупность граждан (commonalty) — коммонеров. Commonalty (точный перевод термина на русский отсутствует, скорее всего, гражданское общество), в свою очередь, делилось на три большие группы: gentry (опять-таки, точного перевода на русский нет, самом общем виде — культурные, цивилизованные люди); lower nobility (младшее дворянство), именовавшие себя джентльменами; yeomanry — мелкие землевладельцы, городские обыватели, торговцы, ремесленники, хирурги, низший разряд адвокатов; практически бесправная чернь.

9. Инновации в организации судебной деятельности России (XIX–XXI вв.)

9. 1. Досоветский период: российский суд в свете реформ 1864 года

До периода Великих реформ XIX века суда в современном понимании этого слова в Российской империи в силу ее сословности, унаследованной со времен Средневековья, не было. С 1864 года основной метод формирования судебной системы — рецепция (копирование) одновременно французского (в основном) и британского опыта (в частном). К середине XIX века в большинстве стран Европы, государственное устройство, которых мы столетиями усердно копируем, уже сложились вполне современные государственно-правовые системы. Таким образом, сама история в середине позапрошлого столетия поставила перед Россией цель — как можно скорее воспринять все лучшее, что к этому моменту было создано человечеством в сфере государственно-правового строительства. Иными словами: перед народами России в очередной раз была поставлена задача: догнать Европу. Догоняющее развитие в судебном строительстве, несмотря на очевидные успехи, по большому счету, инновацией не является.

О последствиях одновременной имплементации россиянами западных и восточных управленческих и правовых конструкций в свое время очень точно высказался М. М. Сперанский (1772–1839): законы у нас могут быть греческими и английскими, а вот управление останется турецким³.

Основная государственная религия — православие, следствие этого народ делится на православных и иноверцев. Император — помазанник божий, который в отличие от своего британского собрата наделен возможностью вникнуть в факт назначения на должность каждого не только каждого из окружных судей, но и даже всех судебных следователей, которые состояли при окружных судах. Управление судебной системой осуществляет представитель власти административной Министр юстиции.

По крайней мере, чисто теоретически выносимые судами решения верховную власть не интересуют. Специализация судов (судей), если не считать мировую юстицию и коммерческие суды, не развита.

В основе организации судебной системы дуализм. Это, во-первых, по малозначительным делам «народный» — мировой судья, которого вскоре в большинстве территорий заменят на земского начальника (погонялу), во-вторых, основная «рабочая лошадка» — окружной суд.

Кем же были судьи из народа, присяжные? Вот,

³ Замечание это для некоторых до того горькое, что отечественные историки стараются о его существовании не вспоминать. Зато наша современница — Элен Каррер д'Анкосс (Зурабишвили) писать об этом не стесняется.

например, список присяжных заседателей, когда-то (31 марта 1878 года) оправдавших Веру Засулич: надворный советник А. И. Лохов, надворный советник А. И. Сергеев, надворный советник К. С. Алексеев, купец второй гильдии В. А. Якимов, свободный художник С. Ф. Верховцев, помощник смотрителя Александро-Невского духовного училища М. Г. Мысловский, надворный советник П. С. Купинский, титулярный советник Н. В. Дадонов, коллежский секретарь Д. П. Петров, студент А. И. Хализеев, коллежский регистратор А. А. Джамусов, дворянин Р. Е. Шульц-Торма¹.

В крестьянской России, естественно, что в основной массе присяжными были крестьяне — это уважаемые люди, землевладельцы, мещане. В некоторых западных территориях присяжные — представители местечковой еврейской общины.

В отличие от викторианской Англии для дореволюционной России (1864–1917 гг.) характерна стройная и завершенная система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений: апелляция, и довольно мощная кассация.

9.2. Был ли справедливый суд в царской России?

Информацией об отсутствии настоящего суда переполнена практически вся литература. Вот, например записи и дневник академика и профессора А. В. Никитенко. «Отец верил, что закон должен быть на стороне того, кто перед ним чист. Он не хотел понять, что жил в стране бюрократического произвола, и что такому бедняку, как он не прилично опираться на право там, где его в сущности никто не имел, а он меньше всех» [14, с. 61].

9.3. Советский период времени

Коммунистическая идеология — демократический централизм, то есть правят высшие партийные инстанции, которые фактически вне критики. Базовая ячейка управления — райком, на районном уровне происходит формирования корпуса советских «коронных» судей и народных заседателей. Суды не имеют право отклоняться от политики партии и правительства, большинство судей — члены правящей партии, одновременно члены райкомов, обкомов, райисполкомов, депутаты представительных органов государственной власти местного и регионального уровня.

Составители книги «Верховный Суд России» не случайно привели текст стенограммы заседания Президиума ЦК КПСС от 17 июня 1961 г., на котором лидер СССР Н. С. Хрущев в отсутствие нормы уголовного закона требовал расстрела валютчиков, угрожая в противном случае Председателю Верховного Суда СССР т. Горкину увольнением. Как известно: презумпция «обратной силы» волевым решением была легко преодолена, валютчики расстреляны. Это был

один из «черных дней» российского правосудия [12, с. 320–323].

Судебная практика — часть практики органов управления. Все годы советской власти (господства аппаратов ВКП (б), КПСС) отношения к судам было, если не презрительным, то снисходительным. В 1939 году во всесоюзном сатирическом журнале «Крокодил» появилась такая публикация: «Куда идти, кому жаловаться». Минимум текста: «В ряде районов Москвы народные суды ютятся в непригодных помещениях». Обыватель, глядя на такое «непригодное» строение, обращаясь к прохожему, вопрошает: «Как можно жить в такой лачуге? Почему жильцы не обращаются в суд?» Прохожий в ответ: «Да, здесь самый суд и помещается»². Автор этих строк свою судебную деятельность в 1991 году начал в общежитии завода «Элеватормельмаш», в десятке помещений которого ютился Промышленный районный суд Курска.

9.4. Постсоветский период времени

Идеология? Православие? Режим — демократия? Вне критики только Президент РФ! Он назначает основную массу коронных судей. Базовая ячейка управления в регионах — фактически рекомендованный Президентом РФ губернатор.

Кадры мировой юстиции теоретически — компетенция регионов, однако реально данная функция принадлежит руководителем региональных судов.

Механизм подбора присяжных = хаосу.

Руководство страны, включая Президента РФ, пристально следит за судебной практикой.

9.5. Дело Фарбера: суд прислушался к мнению В. В. Путина

Органами предварительного расследования Фарбер обвинялся в том, что в июле–августе 2011 года получил от подрядчика, выполнявшего ремонт ДК, взятку 300 тыс. руб. за возможность продолжения работ, в сентябре того же года уже под контролем спецслужб Фарбер «взял» еще одну взятку 132 тыс. руб. за подписание акта выполненных работ. Обвиняя Фарбера по ст. 285 УК РФ, следствие утверждало, что ремонтные работы не были выполнены, ущерб бюджету 941 тыс. руб.

Позиция Фарбера — деньги в стройку вкладывал свои, подрядчик лишь ему их вернул, ДК он реконструировал в рамках своих представлений о прекрасном.

С учетом данных о личности Фарбера общество склонно было верить ему, а не обвинению.

Дело рассматривал Тверской областной суд с участием присяжных. Защита преждевременно поверила в безоговорочное оправдание Фарбера, однако прокурор убедил присяжных в доказанности его вины по всем пунктам.

¹ 24 апреля (6 мая) 1878 года оправдательный приговор В. Засулич был отменен по формальным основаниям.

² В наши дни: The Right Honourable the Lords Spiritual and Temporal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland in Parliament assembled.

10 августа 2012 года Тверской областной суд признал Фарбера виновным, по п. «а» ч. 5 ст. 290, ч. 3 ст. 290 и ч. 1 ст. 285 УК РФ. Правда, с применением ст. 62 и 64 УК РФ, но все равно больше чем рядовому убийце, судья назначил ему 8 лет лишения свободы со штрафом 3,2 млн. руб.

Кассационным определением Верховного Суда РФ от 28 ноября 2012 года приговор отменен, с учетом изменения подсудности дело попало в Осташковский городской суд. 1 августа 2014 года Фарбер был осужден, ему назначено наказание 7 лет и 1 месяц лишения свободы.

Президент РФ В. В. Путин в интервью «Первому каналу» и агентству АР назвал наказание, назначенное Фарберу «вопиющим», посчитав это «ошибкой». Данных слов оказалось достаточным, чтобы прокуратура уже за пределами сроков на апелляционное обжалование внесла представление, в котором просила сократить наказание до 5 лет лишения свободы.

Апелляционная инстанция Тверского областного суда благоразумно пошла еще дальше, сократила Фарберу наказание до 3 лет лишения свободы, то есть, до фактически им отбытого срока. По ч. 1 ст. 285 УК РФ прокуратура вообще отказалась от обвинения, приговор в этой части отменен, за Фарбером по этому эпизоду признано право на реабилитацию. Осужденный вышел на свободу. Общество восприняло это благожелательно.

Бросили стаканчик – это сегодня, а завтра бутылку бросит...

9.6. Ход судебной реформы в России конца XX – начала XXI вв.

В конце века XX на повестку дня в очередной раз на повестку дня встал вопрос о проведении полномасштабной государственно-правовой реформы. Поскольку развитие права само по себе немислимо, речь шла о реформировании экономики, а также всего государства, в первую очередь его судебной системы, поскольку именно судьи, в состоянии наполнить формальные правовые конструкции необходимым содержанием.

Еще до распада Союза ССР (1991 года) Верховным Советом РСФСР формально по инициативе Президента РСФСР Б. Н. Ельцина была обсуждена предложенная инициативной группой (С. А. Пашин и др.) «Концепция судебной реформы в РСФСР», которая была Российским Парламентом была принята как руководство к действию. Данный юридический факт был оформлен Постановлением от 24 октября 1991 года №1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» (далее — Концепция). В данном документе, во-первых, отмечалось, что «проведение судебной реформы является необходимым условием функционирования РСФСР как демократического правового государства», во-вторых, указывалось, что и судебная

реформа является «одним из приоритетных направлений законопроектной деятельности». В числе главных задач тогда декларировалось:

- во-первых, «утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной»;
- во-вторых, закрепление в нормах права «положений, отвечающих рекомендациям юридической науки».

В качестве важнейшего направления судебной реформы «рассматривалось создание федеральной судебной системы».

Текст Концепции начинался с весьма спорной констатации «о возвращении Отечества нашего в лоно некой мировой цивилизации». Интересно, что имел в виду Российский Парламент, употребляя в 1991 году термин «мировая цивилизация»? Из личных бесед с некоторыми из реальных авторов Концепции (Т. Г. Морщакова, С. А. Пашин) нам удалось выяснить, что под таковой они подразумевали цивилизацию, свойственную Западной Европе, важнейшим элементом которой является правовая культура США.

Совершенно очевидно, что понятие «цивилизация мировая» гораздо шире одной лишь «западной цивилизации», а свойственный последней вариант разрешения споров воспринят далеко не всеми.

Так, в частности создатель корпорации «Sony» Акио Морита в своей автобиографической книге «Sony. Сделано в Японии», сравнивая американский и японский стили разрешения социальных, политических и экономических конфликтов, пусть и крайне деликатно, фактически высмеял систему правосудия в США, «стране в которой все судятся со всеми». По поводу массы бесчисленного количества процессов, возникающих явно по надуманным основаниям, Акио заметил, что у них в Японии судиться по каждому пустяку неприлично, ибо существуют иные формы разрешения споров [13, с. 158–162].

Если в 1864 году Россия в организации суда копировала Францию, то в 1991 году сочла нужным вернуться в век XIX и для начала воссоздать многое из того, что было безжалостно уничтожено «Великим Октябрем». Иными словами: инновационного развития (прорыва) в организации суда и судебной деятельности, как не наблюдалось в веке позапрошлом, так и нет серьезных инноваций и в наши дни.

Пока чуда не произошло, европейский уровень культуры в судопроизводстве, в том числе и его юридико-техническая составляющая, не достигнута, «барьер не взят» (В. Д. Зорькин). Как и в конце века позапрошлого крепнут голоса тех, кто считает, что европейская культура россиянам чужда.

Судья соотечественниками воспринимается не как

самостоятельный и независимый арбитр в споре равных, а как заурядный чиновник, которого «слабый» униженно просит защитить от «сильного».

Параллельно отметим, что экономическая целесообразность заставила и закоренелых американских сутяжников искать, если не полной замены традиционному состязательному судебному разбирательству, то изыскивать различные инновационные способы его удешевить. Начиная с 2016 года, за океаном резко заговорили о глобальной процессуальной реформе (the «Big Bang» of procedural reform)¹, которую весьма уместным будет сравнить с отечественной «процессуальной революцией» 2017–2019 годов.

9.7. За Веру, Царя и Отечество!

Универсальный девиз, вынесенный в подзаголовок, начиная с XIX века, был широко распространен в Российской империи. Существовали и иные его версии, например: «Православие, самодержавие и народность». Их расшифровка была понятна каждому. Вера — идеология, Царь — форма правления, трансформированная в конкретных лидеров, Отечество — это то, что каждый понимает по-своему, памятуя при этом, что оно у конкретного народа одно.

Современной европейской цивилизации (другие нами не рассматриваются) известны три идеологии, послужившие базой для организации власти в государстве: либерально-демократическая, коммунистическая (социалистическая) и фашистская. На текущий момент времени побеждает первая. Коммунистическая идеология и соответствующая ей форма государства уже прошла основные стадии своего существования (генезис, расцвет и смерть), фашистская идеология опорочила себя еще на этапе зарождения.

Собственно говоря, существование независимого суда приветствует только либерально-демократическая концепция организации власти в обществе формально равных людей. Таковая в свое время была выращена в недрах реформаторского крыла католической церкви. Очевидно, что независимого суда ни при социализме (при коммунизме суд отмирает вместе с государством), ни при фашизме быть не может, ибо в основе организации общества лежит неравенство: в первом случае бесправные изгои лица, названные эксплуататорами, их уничтожали целыми классами, во втором — изгои — целые нации, представители которых также уничтожались миллионами.

Православная (ортодоксальная) церковь тоже не знает независимого суда. Да и вообще, судебные отношения для России не характерны, ибо для россиянина основа власти ее вертикаль. Судья — мелкий чиновник, в советские годы даже председатель суда в районе был менее авторитетен, чем, например,

прокурор, не говоря уже о начальнике милиции. Председатель суда на работу ходил пешком, а прокурора и начальника милиции возили на машине. Скажем больше, у начальника милиции был еще и многочисленный аппарат, который мог к правонарушителю и силу применить. Перечисленных символов власти судья всегда был лишен.

Каков же в таких условиях девиз служителей Фемиды? Если с Родиной все ясно, то возникает вопрос: какова идеология правосудия, какого Царя почитают в судебной системе?

Вопрос далеко не праздный, особенно в силу того, что без идеологии нет политики, а суд, сколько бы не говорили о его деидеологизации и деполитизации, орган государственной, следовательно, политической власти, которая без идеологии не мыслима [5]. В текущий момент времени Россия в очередной раз пересматривает свое отношение к европейской идеологии. Ряд свойственных ей суждений, облеченных в решения Европейского Суда по права человека, уже признан неприемлемым, как долго будет длиться данный процесс, судить читателю.

9.8. Судебная система

Нашей истории известны два подхода к организации современных судебных системы. Первый, единое царство делится на судебные округа, в которых функционируют суды первой инстанции. Функцию второй инстанции возложи на 12 судебных палат. Следующая инстанция — Сенат. Ну а выше — Государь, помазанник божий.

Второй — сталинский. Первое ключевое звено системы управления — районная партийная организация (райком). На подведомственной ей территории функционируют, райсовет, райисполком, райотдел милиции (РОВД), райпрокурор, ну и, конечно, райсуд. Как правило, односоставный. Дела, в основном уголовный, ну и «тряпичные». Так раньше судьи снисходительно говорили о делах гражданских.

Итак, начиная с 30-х годов основное звено судебной системы — районный народный суд. Второе звено — областной суд. Выше только суды союзной республики и СССР. Изменилось ли что-то тех пор? В принципе ничего, было три звена, три базовых звена и осталось (район, область, Россия). Правда, вместо слова «народный» в районном звене, появился термин «федеральный». Последнее означает, что судьи в нем не местные, комиссары (уполномоченные представители) центральной судебной власти.

20 лет назад было учрежден институт мировых судей. С одной стороны, они, вроде как, в федеральную систему входить не должны, с другой, они ее элемент, формируемый представителями центра, управляемый и снабжаемый из центра.

9.9. «Жители забытой деревни»

Н. А. Некрасов в своем стихотворении «Забытая

¹ The «Big Bang» of procedural reform образца 2016 года сравните с отечественной «процессуальной революцией» 2017–2019 годов России.

деревня» (1855) предельно четко сформулировал правовую идеологию россиян — ждут, когда придет барин, который их рассудит. Естественно, что таковой не приехал, да и зачем барину себя утруждать разрешением споров, без разрешения которых общество, как существовало, так и существует.

В этой связи удивляет: с одной стороны терпеливое ожидание российского общества, жаждущего некоего хорошего, доброго чиновника от правосудия; с другой — административный нажим на судей: они только «должны», «обязаны»... [см. подробнее: 15].

Да, судьи, безусловно, и должны, и обязаны, но, как в таких случаях говорил Петерим Сорокин [см., например, 16], а есть ли у них возможность для классического служения праву (или, хотя бы, закону)? Говоря уже современным языком, «человек с лопатой — может копать, а может — и не копать», поскольку и мотивированность, и направленность его действий предопределена множеством фактов, в числе которых «добрая воля конкретного судьи»¹, далеко не самая главная составляющая в оправлении правосудия. В очередной раз напомним: судья, даже мудрейший, не всемогущ, так как главное в процессе не он, а стороны. А вот сторон то и нет, они окопались в «забытой деревне», ждут барина...

9.10. Эффективность судебной власти

Об эффективности судебной власти в целом, то есть об эффективности судебно-властных отношений, мы тоже неоднократно писали. Судебно-властные правоотношения — составная часть, элемент, разновидность государственно-властных правоотношений. Поскольку судебно-властные отношения элемент в системе, то и уровень их развития, и эффективность предопределены уровнем развития государственно-властных отношений. Речь идет о сложении всех активностей в системе государства и общества. В таких условиях мечты о том, что нужно найти такой суд, который «вытащит» экономику, схоластические рассуждения аналогичные поискам философского камня. Не может быть суда (государства в целом) более передового, чем тот который дан нашему сознанию.

Е. И. Алексеевская пишет: «Мы сознательно уклоняемся от построения идеальных моделей судебной системы, поскольку разделяем убеждение С. П. Капицы о том, что при «стремительном развитии все время увеличиваются социальные и экономические градиенты, поскольку нет времени на установление равновесия» [3, с. 95].

9.11. Основные научно-практические выводы

Судебная власть — явление объективное, как и все прочие виды власти, свойственные человеческому

обществу, начиная от организации отношений в семье, заканчивая властью государственной.

Аппарат судебной власти — судебная система, архитектура которой предопределена уровнем развития общества целом.

Судебно-властные отношения — элемент государственно-властных отношений, что и определяет потолок их эффективности.

Прежде чем ответить на вопрос, каким должен быть суд, какие инновационные решения необходимо воплотить в жизнь, необходимо ответить другой вопрос: «Как называется общество, в котором мы живем?»

Список источников

1. Бентам, Д. О судостроительстве. СПб : Типография Правительствующего Сената, 1860. 225 с.
2. Джессоп, Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
3. Капица, С. Парадоксы роста : Законы развития человечества. М. : Альпина нон-фикшн, 2010.
4. Кардозо, Б. Н. Природа судейской деятельности. М. : Статут, 2017.
5. Колоколов, Н. А. Идеология и политика — неотъемлемые функции современной судебной власти // Российский судья. 2001. № 9. С. 4–9; 2003. № 6. С. 29–35.
6. Колоколов, Н. А. Судебная власть : о сущем феномена в логосе. М. : ИГ «Юрист», 2005.
7. Колоколов, Н. А. О праве, суде и правосудии : (избранное). М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006.
8. Колоколов, Н. А., Павликов, С. Г. Теория судебных систем : особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве. М. : Юрлитинформ, 2007.
9. Колоколов, Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. М. : Издательская группа «Юрист», 2007.
10. Колоколов, Н. А. Самосовершенствование судебной системы в законодательных инициативах Верховного Суда Российской Федерации. М. : ИГ «Юрист», 2007.
11. Колоколов, Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М. : ИГ «Юрист», 2010.
12. Лебедев, В. М., Корчагин, А. Ю., Свечникова, Л. Г. Верховный Суд России : Монография. Пятигорск, 2012.
13. Морита, А. Sony. Сделано в Японии. М., 2006.
14. Никитенко, А. В. Повесть о само себе. Посмертные записи и дневник академика и профессора Александра Васильевича Никитенко // Русская старина. 1888. Октябрь.
15. Нравственные начала российского правосудия.

¹ Термин подсказан участниками конференции. См.: Нравственные начала российского правосудия. Материалы Седьмой Межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. М. : Проспект, 2016. С. 25.

Материалы Седьмой Межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. М. : Проспект, 2016.

16. Сорокин, П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб, 1999.

17. Харари, Ю. Н. Homo Deus: краткая история будущего. М. : Синдбад, 2018.

References

1. Bentham, D. On the judicial system. St. Petersburg : Printing House of the Governing Senate, 1860. 225 p.

2. Jessop, B. State: past, present and future. M. : Publishing house "Delo" Rankhigs, 2019.

3. Kapitsa, S. Paradoxes of growth : the Laws of human development. Moscow : Alpina non-fiction, 2010.

4. Cardozo, B. N. The nature of the judicial activities. M. : Statute, 2017.

5. Kolokolov, N. A. Ideology and politics – an integral function of modern judiciary // Russian judge. 2001. No. 9. P. 4-9; 2003. No. 6. P. 29-35.

6. Kolokolov, N. A. Judicial power : about the essence of the phenomenon in the logos. M. : IG "Lawyer", 2005.

7. Kolokolov, N. A. On the law and court justice : (favorites). M. : YUNITI-DANA, Law and law, 2006.

8. Kolokolov, N. A., Pavlikov, S. G. Theory of judicial

systems : features of the constitutional regulation, judicial construction and the judicial organization in a Federal state. M. : Yurlitinform, 2007.

9. Kolokolov, N. A. the Judiciary as a General phenomenon. M. : Publishing group "Jurist", 2007.

10. Kolokolov, N. A. self-Improvement of the judiciary in the legislative initiatives of the Supreme Court of the Russian Federation. M. : Publishing group "Jurist", 2007.

11. Kolokolov, N. A. Judicial power: from the slogan to understanding reality. Moscow: IG "Lawyer", 2010.

12. Lebedev, V. M., Korchagin, A. Yu., Svechnikova, L. G. The Supreme Court of Russia : Monograph. Pyatigorsk, 2012.

13. Morita, A. Sony. Made in Japan. M., 2006.

14. Nikitenko, A.V. The Story of itself. Posthumous notes and diary of academician and Professor Alexander Vasilyevich Nikitenko // Russian Antiquity. 1888. October.

15. The moral principles of Russian justice. Materials of the Seventh Interregional Scientific and Practical Conference / Ed. O. A. Egorova, Yu. F. Bespalov. M. : Prospect, 2016.

16. Sorokin, P. Crime and punishment, feat and reward. St. Petersburg, 1999.

17. Harari, Yu. N. Homo Deus: a Brief History of the Future. Moscow : Sinbad, 2018.

Информация об авторе

Н. А. Колоколов – доктор юридических наук.

Information about the author

N. A. Kolokolov – Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 23.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 343.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-161-165>

НИОН: 2003-0059-6/21-094

MOSURED: 77/27-003-2021-06-293

Сравнительно-правовой анализ категории «организованная преступная группа»

Екатерина Александровна Коновалова¹, Алла Сергеевна Есина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Управление МВД России по Тверской области, Тверь, Россия

¹ ek324662@yandex.ru

² esina-alla@list.ru

Аннотация. В статье представлен анализ норм уголовного права РФ и международного права относительно понятия «организованная преступная группа», обосновывается необходимость принятия мер по оптимизации уголовного законодательства Российской Федерации и установления ответственности за создание ОПГ, участие в ней.

Ключевые слова: организованная преступная группа, преступное сообщество, уголовная ответственность

Для цитирования: Коновалова Е. А., Есина А. С. Сравнительно-правовой анализ категории «организованная преступная группа» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 161–165. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-161-165>.

Original article

Comparative legal analysis of the category “organized criminal group”

Ekaterina A. Konovalova¹, Alla S. Yesina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Tver region, Tver, Russia

¹ ek324662@yandex.ru

² esina-alla@list.ru

Abstract. The article presents an analysis of the norms of criminal law of the Russian Federation and international law regarding the concept of “organized criminal group”, justifies the need to take measures to optimize the criminal legislation of the Russian Federation and establish responsibility for the creation of organized criminal groups, participation in it.

Keywords: organized criminal group, criminal community, criminal liability

For citation: Konovalova E. A., Yesina A. S. Comparative legal analysis of the category “organized criminal group”. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):161–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-161-165>.

Современная организованная преступность характеризуется ростом числа преступных организаций, расширением сфер их влияния, латентностью, высокой степенью организации, коррумпированностью и новыми способами совершения преступлений. Преступные организации вызывают страх в обществе,

© Коновалова Е. А., Есина А. С., 2021

подрывают его нравственные основы и представляют угрозу национальной безопасности России.

В настоящее время в России наметилась устойчивая тенденция к росту количества преступлений, совершенных организованными преступными группами (ОПГ), а также количества лиц, совершивших данные преступления. Исходя из статистики, представленной ФКУ «Главный Информационно-Аналитический Центр» МВД РФ, в 2015 году организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) совершено 13 735 преступлений, что составляет 1,1 % от общего числа расследованных преступлений. Аналогичная ситуация была и в 2016 году. Далее наблюдается устойчивый рост, который в процентном соотношении, выглядит следующим образом: в 2017 году — 1,2 %, в 2018 году — 1,4 %, в 2019 году — 1,5 %, а в 2020 году — 1,7 % [2] от общего числа расследованных преступлений, совершенных в составе ОПГ.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что принимаемые в Российской Федерации меры по борьбе с организованной преступностью недостаточны. Для того чтобы выработать новые подходы борьбы с данным типом преступности или говорить об усилении мер ответственности за преступления, совершенные в составе ОПГ, необходимо проанализировать законодательство России и понять, что именно представляет собой такая правовая категория как организованная преступная группа.

Если мы обратимся к статье 35 УК РФ, то увидим, что следует понимать под организованной группой, а что означает преступное сообщество (преступная организация). Есть ли разница между этими понятиями?

Анализ определений, сформулированных законодателем, позволяет выделить отличительные черты преступного сообщества и организованной преступной группы:

- преступное сообщество предполагает определенную структурированность, которая проявляется в распределении функций между руководителями разных подразделений преступной группы, то есть должно быть наличие минимум двух руководителей, один из которых подчиняется другому, а также минимум двух структурных подразделений, каждое из которых выполняет определенные функции в интересах преступного сообщества. Для организованной преступной группы данный внутренний состав не является обязательным;

- преступное сообщество создается исключительно для совершения тяжких либо особо тяжких преступлений. Напротив, в составе организованной преступной группы могут совершаться преступления любой

степени тяжести;

- для преступного сообщества характерно обязательное получение финансовой или иной материальной выгоды, что не является обязательным элементом для преступлений, совершенных в составе ОПГ.

Можно сделать вывод, что организованная преступная группа является ядром организованной преступности, а преступное сообщество (преступная организация) выступает в виде усложненной организованной группы или объединения нескольких таких преступных групп.

Законодатель установил уголовную ответственность лишь за некоторые формы организованных преступных групп: за преступное сообщество (преступную организацию) (ст. 210 УК РФ), за террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ), за незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ), банду (ст. 209 УК РФ) и экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ). Однако отдельной уголовной ответственности за создание и участие в организованной преступной группе (ОПГ) законодателем не предусмотрено.

Отметим, что в некоторых нормах уголовного закона усилена уголовная ответственность за совершение преступления, совершенного «организованной группой» (например ст. ст. 105, 110, 112, 117, 126, 131, 132, 158 УК РФ). Однако, данный квалифицирующий признак предусмотрен не во всех статьях уголовного закона, предусматривающих уголовную ответственность за преступные деяния, совершаемые организованными группами. В правоприменительной практике следователи при отсутствии подобного квалифицирующего признака в диспозиции статьи уголовного закона вменяют участникам группы ч. 3 ст. 35 УК РФ, что лишает суд возможности вынести справедливое наказание, в связи с тем, что указанная статья не имеет санкции.

Так, в производстве СЧ по РОПД СУ УМВД России по Тверской области (Приговор Пролетарского районного суда Твери по делу № 1-173/2017) находилось уголовное дело по обвинению организованной группы, состоящей из 13 человек, возглавляемой Ф., которой был совершен ряд преступлений, а именно организация занятия проституцией и вовлечение в занятие проституцией (15 эпизодов преступной деятельности). Статья 241 УК РФ не содержит необходимого квалифицирующего признака, хотя данные преступления совершались именно организованной группой. Всем участникам преступной группы в вину вменялась ст. 241 УК РФ через ч. 3 ст. 35 УК РФ.

Приведенный пример не является единственным. В 2019 году на территории Тверской области действова-

ла организованная преступная группа, занимающаяся «заказными» поджогами автомобилей в целях утраты жителей региона в целом, и предпринимателей в частности, а также для получения своей материальной выгоды (Уголовное дело № 11901280009000994, находившееся в производстве СЧ по РОПД СУ УМВД России по Тверской области). Действия участников данной группы были квалифицированы по ст. 167 УК РФ, а из-за отсутствия соответствующего квалифицирующего признака ОПГ вменялось опять же со ссылкой на ч. 3 ст. 35 УК РФ. Данные примеры только подтверждают факт того, что в составе ОПГ могут совершаться любые преступления.

Проблема организованной преступности является актуальной не только в Российской Федерации, но занимает видное место в международной политике.

Основным международным документом в сфере организованной преступности является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая в 2000 г. (далее по тексту Конвенция ООН) [1]. Указанную конвенцию приняли 120 стран-участников, что говорит о важности и необходимости международного сотрудничества в деле предупреждения и борьбы с транснациональной организованной преступностью, а также в выработке единого подхода к ее определению.

К данной Конвенции присоединилась и Российская Федерация, но при этом сохранила особенный, национальный подход к понятию организованной преступности.

Обратившись к тексту Конвенции ООН, мы увидим, что в ст. 5 данный документ закрепляет криминализацию самого факта создания организованной преступной группы как самостоятельного состава преступления. Отметим, что в соответствии с указанным документом не делается различий между организованной преступной группой и преступным сообществом. Также не выделяются какие-либо особенные формы ОПГ, например, банды. Международное законодательство все указанные группы объединяет единым термином — организованная преступная группа.

Напротив, в Российской Федерации не признан преступлением сам факт создания организованной преступной группы и участия в ней, что не соответствует упомянутой Конвенции ООН. Российский законодатель (как уже было отмечено выше) предусмотрел только квалифицирующий признак «организованная группа» в ряде норм уголовного закона и определил ответственность за «специализированные» преступные группы, такие как банда, террористическое сообщество и др.

Полагаем, что нельзя рассматривать в контексте положений Конвенции ООН закрепление в ч. 1 ст. 30 УК РФ приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению, как криминализацию факта создания организованной преступной группы. Во-первых самой Конвенцией ООН запрещено приравнивать создание ОПГ к неоконченному преступному деянию, а во-вторых, при таком подходе отсутствует санкция именно за создание и участие в организованной преступной группе.

Наиболее удачной с точки зрения криминализации ОПГ в соответствии с Конвенцией ООН и наиболее близкой по смыслу к международному документу, является статья 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)».

Согласно Конвенции ООН «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду. Очевидно, что данное определение по ряду признаков весьма близко к понятию преступного сообщества (преступной организации) закрепленного в уголовном праве Российской Федерации, но не тождественно ему. Стоит обратить внимание, на то, что признак «структурированности» присущ только преступному сообществу (преступной организации) в российской уголовном праве, что значительно уже понятия «участие в ОПГ» в международно-правовом смысле. Согласно международному праву под структурно оформленной группой следует понимать, как группу, имеющую определенную иерархическую или другую разработанную структуру, так и группу, в которой отсутствует какая-либо иерархия и в которой роли ее членов не обязательно определены. Иными словами, организованной признается не только иерархическая группа, но и, к примеру, группа сетевая, в которой единого руководителя может и не быть. Таким образом, в международном законодательстве стерта грань между организованной группой и преступным сообществом, которая проводится в российском национальном законодательстве.

На наш взгляд вполне оправданно то, что законодатель выделил ответственность за преступное сообщество в отдельную статью как наиболее опасного преступления, по сравнению с «простой» организованной преступной группой. Но, с точки зрения авторов, в уголовном законе должна быть предусмотрена уголов-

ная ответственность в том числе и за деятельность по организации и участию в организованной преступной группе, вне зависимости от категории преступлений, которые эта группа совершает.

В Российской Федерации организованная преступная группа обладает признаком устойчивости, должна быть создана заранее для совершения одного или нескольких преступлений. Иными словами, российский законодатель применяет совершенно иной подход для определения критериев организованной группы в отличие от Конвенции ООН, которая в качестве признаков организованной группы указывает, в том числе, и количественную характеристику состава группы — в составе трех или более лиц.

С данной точкой зрения сложно согласиться, так как в признаки устойчивости и организованности никак не связаны с количеством, будь то лиц или преступлений. В нашей стране сохранено национальное законодательство, которое предусматривает и допускает состав организованной группы в количестве двух и более лиц. Позицию законодателя подтверждает складывающаяся практика, когда организованной преступной группой может признаваться группа, состоящая из 2-х лиц. Количество лиц в группе не может влиять на качественную характеристику группы.

Примером данному утверждению может служить уголовное дело по обвинению организованной преступной группы, возглавляемой В. и состоящей всего из двух человек — самого В. и Я., в совершении двух преступлений, предусмотренных п.п. «а, б» ч. 4 ст. 158 и п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ – квартирных краж на территории Твери (Приговор Пролетарского районного суда Твери по делу № 1-35/2019). Несмотря на то, что группа была хорошо законспирирована, полностью отсутствовали материалы оперативных разработок, следственным путем удалось доказать устойчивость и организованность данной группы.

Суд согласился с квалификацией действий указанных лиц и осудил виновных по ст. п.п. «а, б» ч. 4 ст. 158 и п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ, признав группу, состоящую из В. и Я. организованной.

Отметим, что законодатель не оставляет без внимания затронутые вопросы, а периодически конкретизирует и ужесточает ответственность в этой части. Например, в 2019 году была введена ответственность за участие в собраниях организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп (ч. 1.1 ст. 210 УК РФ) [3]. Санкция статьи предусматривает от 12 до 20 лет лишения свободы. Полагаем, что такой подход законодателя оправдан.

Именно поэтому мы полагаем целесообразным обратить внимание на необходимость введения отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за создание и (или) участие в ОПГ с учетом тех статистических данных, которые были даны в начале статьи.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что международные обязательства в части криминализации деяния за создание ОПГ или за участие в ней ещё не в полной мере реализованы в России.

Безусловно, совершение преступления в составе ОПГ свидетельствует о высокой степени общественной опасности противоправного деяния, следовательно, и наказание за данные деяния должно быть соответствующее.

На наш взгляд, существует необходимость дополнения статьи 210 УК РФ пунктами, предусматривающими наказание за создание организованной преступной группы и участие в ней, отказавшись от квалифицирующих признаков, имеющих только в некоторых статьях УК РФ. Это позволит следователям вменять по совокупности норму, определяющую ответственность за создание и участие в ОПГ, вне зависимости от того указан ли подобный квалифицирующий признак в соответствующей статье УК РФ. Как уже было сказано выше, практически любые преступления могут совершаться в составе ОПГ и авторам статьи, имеющим опыт следственной работы, это известно доподлинно.

Убеждены, что если законодатель предусмотрел отдельную ответственность за создание и участие в организации преступного сообщества в ст. 210 УК РФ, а также установил уголовную ответственность за высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ), то нет препятствий к тому, чтобы предусмотреть соответствующую ответственность за организацию и (или) участие в такой форме преступной организации как организованная преступная группа.

Список источников

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000). Электронный ресурс: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-protiv-transnatsionalnoi-organizovannoi-prestupnosti-prinjata-v/>

2. Состояние преступности в России за 2015–2019 гг. ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ. Электронный ресурс : <https://xn--blaew.xn--plai/folder/101761> (дата обращения 09.05.2021).

3. Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321411/

References

1. Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on 15.11.2000 Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) (with ed. from 15.11.2000). Electronic

resource : <https://legalacts.ru/doc/konventsija-protiv-transnatsionalnoi-organizovannoi-prestupnosti-prinjata-v/>

2. The state of crime in Russia for 2015-2019. FKU «GIAC» of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Electronic resource : <https://xn--blaew.xn--plai/folder/101761> (accessed 09.05.2021).

3. Federal Law No. 46-FZ of 01.04.2019 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Terms of Countering Organized Crime”. Electronic resource: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321411/

Информация об авторах

Е. А. Коновалова – адъюнкт заочной формы обучения ФПНиНК Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, следователь по ОВД СЧ по РОПД СУ Управления МВД России по Тверской области;

А. С. Есина – доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России.

Information about the authors

E. A. Konovalova – Adjunct of the correspondence form of training of the FSNiNK of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot', Investigator for the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Tver region;

A. S. Yesina – Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 13.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-166-170>

НИОН: 2003-0059-6/21-095

MOSURED: 77/27-003-2021-06-294

Об организованной преступности в сфере экономики в Российской Федерации

Лидия Ирековна Ларионова

Казанский юридический институт МВД РФ, Казань, Россия

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства Российской Федерации об организованной преступности в сфере экономики обосновано несколько суждений: наличие организованной преступности в сфере экономики предполагает принятие уполномоченным государственным органом концепции о комплексе мер по противодействию этому негативному социальному явлению; основой организованной преступности в сфере экономики может рассматриваться несовершенство законодательства, в особенности кодифицированного налогового законодательства; противодействие организованной преступности в сфере экономики предполагает комплекс мер специальной профилактики.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, федеральный закон РФ, Уголовный кодекс РФ, уголовная политика, криминализация, декриминализация, преступность, организованная преступность, противодействие преступности, преступность в сфере экономики

Для цитирования: Ларионова Л. И. Об организованной преступности в сфере экономики в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 166–170. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-166-170>.

Original article

About organized crime in the sphere of economy in the Russian Federation

Lydia I. Larionova

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, Russia

Abstract. Based on the analysis of the legal literature and the legislation of the Russian Federation on organized crime in the economic sphere, several judgments are substantiated in the article: the presence of organized crime in the economic sphere presupposes the adoption by the authorized state body of the concept of a set of measures to counteract this negative social phenomenon; the basis of organized crime in the economic sphere can be considered the imperfection of legislation, especially codified tax legislation; countering organized crime in the economic sphere presupposes a set of special prevention measures.

Keywords: Russian Federation, legislation, regulatory legal act, federal law of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, criminal policy, criminalization, decriminalization, crime, organized crime, combating crime, crime in the economy

For citation: Larionova L. I. About organized crime in the sphere of economy in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):166–170. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-166-170>.

Предметом данной статьи является организованная преступность в сфере экономики и меры по противодействию ей в Российской Федерации.

Организованная преступность и ее разновидности избираются в качестве предмета научных исследова-

ний [см. об этом, например: 12; 13; 6; 7; 8].

Так, С. И. Курдюков рассматривает «проблемы нормативного регулирования противодействия организованным формам криминального соучастия как одной из ключевых угроз национальной безопасности

© Ларионова Л. И., 2021

государства» («Безусловно, в рамках отдельной статьи невозможно в полной мере раскрыть проблематику обеспечения экономической безопасности государства посредством противодействия организованным формам преступности. Изложенное позволяет утверждать о необходимости детального изучения заявленных вопросов в рамках исследований фундаментального характера. ... подобного рода работы должны характеризоваться межотраслевым содержанием, что позволит обеспечить наступательный характер уголовной политики по противодействию организованной преступности и добиться должного уровня защищенности не только экономики страны, но и других сфер общественных отношений, подверженных негативно-му влиянию организованных преступных формирований») [11].

А. Гармаш обосновал следующее суждение: «Таким образом, степень криминализации российской экономики и репрессивность экономических статей уголовного закона определяют сложность целенаправленного воздействия на организованную экономическую преступность и формы ее проявлений как в силу сопротивления этим процессам коррумпированных властных структур, так и по причине отсутствия должных гарантий безопасности предпринимателей со стороны государства. И чтобы добиться успехов в борьбе с этим явлением, необходимы не разрозненные действия различных структур и не отдельные поправки в законодательстве, а комплекс мер — политических, экономических, правовых и социальных, основанных на криминологических исследованиях» [9, с. 1, 7].

Авторы—единомышленники (Д. К. Чирков и В. В. Белинский) полагают, что для «эффективности мероприятий по противодействию распространению контрафактной и фальсифицированной продукции ... необходимо принять меры по совершенствованию законодательства, в частности предусмотреть ответственность за изготовление и распространение фальсифицированных лекарственных средств, продолжить сопровождение в Государственной Думе законопроекта по установлению альтернативной подследственности по ст. 146 УК РФ (Нарушение авторских и смежных прав) органами прокуратуры и органами внутренних дел» [15].

А. Я. Казаковым определяется «система контрольно-надзорных органов, в т.ч. органов финансового контроля, освещается деятельность его субъектов и содержание контрольной деятельности» («Таким образом, в процессе своей деятельности указанные федеральные службы, службы субъектов Российской Федерации, а также другие названные выше органы имеют реаль-

ные возможности выявлять различные правонарушения, привлекать к установленной законом ответственности лиц, виновных в совершении правонарушений, предупреждая таким образом совершение преступлений в сфере экономики») [10].

Вероятно, не столь совершенные результаты научных изысканий предопределяют и несовершенство законодательства о преступности в сфере экономики в Российской Федерации¹.

В первую очередь обращаемся к уголовному законодательству [см. подробнее: 5], которое кодифицировано и представлено в виде Уголовного кодекса РФ от 24 мая 1996 г.², введенного в действие с 1 января 1997 г.³. В УК РФ, по юридической силе приравненному к федеральному закону РФ⁴, имеется раздел VII «Преступления в сфере экономики», включающий главу 21 «Преступления против собственности» (статьи 158–168) («1. Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, — наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет» — ст. 158)⁵, главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» (статьи 169–200⁷) («1. Неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи, ограничение прав и

¹ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо, В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123).

² См.: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5120.1996. № 25. Ст. 2955.

³ См.: О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 24.05.1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.

⁴ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо, В. Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28–30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27–30.

⁵ О несовершенстве данного структурного элемента УК РФ подробнее см.: Беседин, А. В., Галузо, В. Н. Уголовно-правовая охрана собственности в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германия // Аграрное и земельное право. 2017. № 4. С. 130–135.

законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы, а равно незаконное ограничение самостоятельности либо иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения, — наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов» — ст. 169).

Исследование законодательства о преступности в сфере экономики предполагает обращение и к налоговому законодательству, которое также кодифицировано и представлено в виде нескольких федеральных законов РФ: Налоговый кодекс РФ (Часть первая от 16 июля 1998 г.) («1. Законодательство о налогах и сборах регулирует властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов, страховых взносов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения. 2. К отношениям по установлению, введению и взиманию таможенных платежей, а также к отношениям, возникающим в процессе осуществления контроля за уплатой таможенных платежей, обжалования актов таможенных органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности виновных лиц, законодательство о налогах и сборах не применяется, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. 3. К отношениям по установлению и взиманию страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения, а также к отношениям, возникающим в процессе осуществления контроля за уплатой указанных страховых взносов, обжалования актов, действий (бездействия) должностных лиц соответствующих органов контроля и привлечения к ответственности виновных лиц, законодательство о налогах и сборах не применяет-

ся» — ст. 2)¹, введенный в действие с 1 января 1999 г.²; Налоговый кодекс РФ (Часть вторая от 19 июля 2000 г.) («1. Налогоплательщиками налога на добавленную стоимость ... признаются: организации; индивидуальные предприниматели; лица, признаваемые налогоплательщиками налога на добавленную стоимость ... в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, определяемые в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством Российской Федерации о таможенном деле» — ст. 143)³, введенный в действие с 1 января 2001 г.⁴. На несовершенство обеих частей Налогового кодекса РФ уже обращалось внимание в юридической литературе [14].

Таким образом, наличие организованной преступности в сфере экономики предполагает осуществление научных исследований с рекомендациями правоохранительным органам по противодействию этому опасному негативному социальному явлению.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, наличие организованной преступности в сфере экономики предполагает принятие уполномоченным государственным органом концепции о комплексе мер по противодействию этому негативному социальному явлению.

Во-вторых, основой организованной преступности в сфере экономики может рассматриваться несовершенство законодательства, в особенности кодифицированного налогового законодательства.

В-третьих, противодействие организованной преступности в сфере экономики предполагает комплекс мер специальной превенции.

Список источников

1. Беседин, А. В., Галузо, В. Н. Уголовно-правовая охрана собственности в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германия // *Аграрное и земельное право*. 2017. № 4. С. 130–135.
2. Галузо, В. Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации : состояние и перспективы развития // *Закон и право*. 2009. № 8. С. 28–30.

¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5133.

² См.: О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 16.07.1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3825.

³ См.: СЗ РФ. 2000. N 32. Ст. 3340; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5137.

⁴ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо, В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // *Вестник Московского университета МВД России*. 2010. № 5. С. 119–123).

3. Галузо, В. Н. О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27–30.

4. Галузо, В. Н. Конституционно-правовой статус России : проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123.

5. Галузо, В. Н. О системе уголовного законодательства в Российской Федерации / Конвенционные начала в уголовном праве : Международная научно-практическая конференция 22 ноября 2013 года / Отв. ред. Б. В. Яценко. М. : РПА Минюста России, 2014. С. 99–104.

6. Галузо, В. Н. Об уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательства в Российской Федерации / Экономические механизмы и управленческие технологии развития промышленности: Сборник научных трудов Международного научно-технического симпозиума (29–30 октября 2019 г.). Часть I. М. : ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина», 2019.

7. Галузо, В. Н. О правовом регулировании «долевого строительства» в Российской Федерации // Юрисконсульт в строительстве. 2020. № 10. С. 24–29.

8. Галузо, В. Н. Об уголовной ответственности юридических лиц при организации «долевого строительства» в Российской Федерации // Юрисконсульт в строительстве. 2020. № 11. С. 42–47.

9. Гармаш А. Организованные формы экономической преступности // ЭЖ-Юрист. 2012. № 29.

10. Казаков, А. Я. Меры, осуществляемые органами финансового контроля для предупреждения преступности в сфере экономики // Безопасность бизнеса. 2014. № 1. С. 31–35.

11. Курдюков, С. И. Организованная преступность как угроза экономической безопасности России // Российский следователь. 2019. № 4. С. 59–62.

12. Расследование организации преступного сообщества (преступной организации) : Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Д. И. Аминова, Н. Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.

13. Татаров, Л. А., Галузо, В. Н. О допустимости использования термина «организованная преступность» в юридической литературе и в законодательстве Российской Федерации // Образование и право. 2017. № 9. С. 179–185.

14. Татаров, Л. А., Галузо, В. Н. Об оригинальности структурирования Налогового кодекса Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 10. С. 95–99.

15. Чирков, Д. К., Белинский, В. В. Криминологический анализ экономических и налоговых преступлений, совершенных организованными группами и

преступными сообществами // Адвокатская практика. 2005. № 6.

References

1. Besedin, A. V., Galuzo, V. N. Criminal law protection of property in the Russian Federation and in the Federal Republic of Germany // Agrarian and land law. 2017. No. 4. P. 130–135.

2. Galuzo, V. N. Systematization of legislation in the Russian Federation : state and prospects of development // Law and Law. 2009. No. 8. P. 28–30.

3. Galuzo, V. N. On the role of a normative legal act in the system of law of the Russian Federation // Education. Science. Scientific personnel. 2009. No. 4. P. 27–30.

4. Galuzo, V. N. Constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. P. 119–123.

5. Galuzo, V. N. On the system of criminal legislation in the Russian Federation / Conventional principles in criminal law : International Scientific and Practical Conference on November 22, 2013 / Ed. by B. V. Yatsenko. M. : RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2014. P. 99–104.

6. Galuzo, V. N. On criminal responsibility for crimes in the sphere of entrepreneurship in the Russian Federation / Economic mechanisms of management and technology development : Collection of scientific papers of International scientific and technical Symposium (October 29–30, 2019). Part I. M. : FGBOU VO “RGU im. A. N. Kosygin”, 2019.

7. Galuzo, V. N. On the legal regulation of “shared construction” in the Russian Federation // Legal Counsel in construction. 2020. No. 10. P. 24–29.

8. Galuzo, V. N. On the criminal liability of legal entities in the organization of “shared construction” in the Russian Federation // Legal adviser in construction. 2020. No. 11. P. 42–47.

9. Garmash A. Organized forms of economic crime // EZH-Yurist. 2012. No. 29.

10. Kazakov, A. Ya. Measures carried out by financial control bodies to prevent crime in the field of economics // Business security. 2014. No. 1. P. 31–35.

11. Kurdyukov, S. I. Organized crime as a threat to Russia’s economic security // A Russian investigator. 2019. No. 4. P. 59–62.

12. Investigation of the organization of a criminal community (criminal organization) : A textbook for university students / Edited by D. I. Aminov, N. D. Eriashvili. M. : UNITY-DANA, 2015.

13. Tatarov, L. A., Galuzo, V. N. On the permissibility of using the term “organized crime” in the legal literature

and in the legislation of the Russian Federation // Education and Law. 2017. No. 9. P. 179–185.

14. Tatarov, L. A., Galuzo, V. N. On the originality of structuring the Tax Code of the Russian Federation // Law

and Law. 2020. No. 10. P. 95–99.

15. Chirkov, D. K., Belinsky, V. V. Criminological analysis of economic and tax crimes committed by organized groups and criminal communities. 2005. № 6.

Информация об авторе

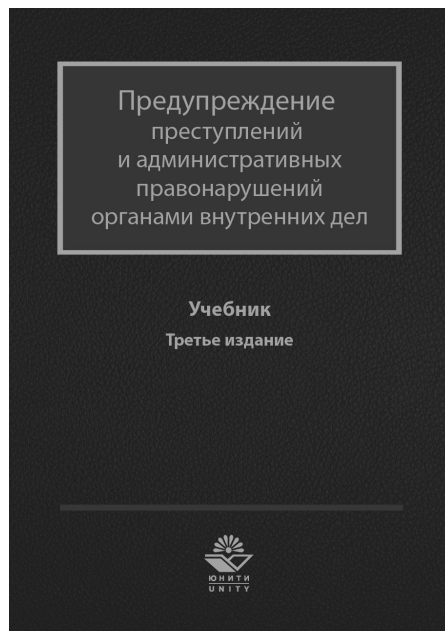
Л. И. Ларионова – адъюнкт кафедры уголовного права Казанский юридический институт МВД РФ.

Information about the author

L. I. Larionova – Adjunct of the Department of Civil Law of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 23.08.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-

транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 342.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-171-175>

НИОН: 2003-0059-6/21-096

MOSURED: 77/27-003-2021-06-295

Правовые проблемы борьбы с отходами в свете Национальных программ Российской Федерации

Елена Ивановна Майорова¹, Анатолий Васильевич Зубач², Елена Евгеньевна Томилина³

^{1,2,3} Государственный университета управления, Москва, Россия

¹ trol003@mail.ru

² cort91@inbox.ru

³ eetomilina@mail.ru

Аннотация. Анализируется современное состояние государственного регулирования обращения с отходами в свете действующих и планируемых изменений положений приоритетного национального проекта «Экология». Выявляются проблемы, оставшиеся неразрешенными после модернизации законодательства. Отмечается неоднозначность внедрения в практику института региональных операторов и необходимость более детальной правовой регламентации их деятельности. Подчеркивается связь между количеством отходов, состоянием атмосферного воздуха и здоровьем населения. Констатируется отсутствие системного подхода к организации раздельного сбора мусора. Рассматривается возможное уточнение отдельных пунктов и терминов законодательства с целью увеличения объема перерабатываемых, а не сжигаемых отходов для претворения в жизнь принципа «отходы – в доходы». Результатом исследования выступает ряд положений, требующих скорейшего правового урегулирования.

Ключевые слова: национальный проект «Экология», законодательство об отходах, «мусорная реформа», региональный оператор, раздельный сбор мусора, переработка отходов, атмосферный воздух, здоровье населения

Для цитирования: Майорова Е. И., Зубач А. В., Томилина Е. Е. Правовые проблемы борьбы с отходами в свете Национальных программ Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 171–175. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-171-175>.

Original article

Legal problems of waste control in the light of the National Programmes of the Russian Federation

Elena I. Mayorova¹, Anatoly V. Zubach², Elena E. Tomilina³

^{1,2,3} State University of Management, Moscow, Russia

¹ trol003@mail.ru

² cort91@inbox.ru

³ eetomilina@mail.ru

Abstract. The current state of state regulation of waste management is analyzed in the light of current and planned changes in the provisions of the priority national project “Ecology”. Problems left unresolved after modernization of legislation are identified. There is ambiguity in the implementation of the institute of regional operators and the need for more detailed legal regulation of their activities. The connection between the amount of waste, the state of the atmospheric air and the health of the population is emphasized. There is no systematic approach to separate garbage

© Майорова Е. И., Зубач А. В., Томилина Е. Е., 2021

collection. A possible clarification of certain paragraphs and terms of legislation is being considered in order to increase the volume of waste being processed and not incinerated, in order to implement the principle of “waste – into income”. The study resulted in a number of provisions requiring an early legal settlement.

Keywords: national project “Ecology”, waste legislation, “garbage reform”, regional operator, separate garbage collection, waste processing, atmospheric air, public health

For citation: Mayorova E. I., Zubach A. V., Tomilina E. E. Legal problems of waste control in the light of the National Programmes of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):171–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-171-175>.

С 1 января 2019 с принятием новой редакции закона № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [4] началось проведение «мусорной реформы», призванной очистить российские города от всё более увеличивающегося объёма мусора. Под действие статей закона попали практически все населённые пункты, за исключением Севастополя, Санкт-Петербурга и Москвы, которые получили право до 1 января 2022 года не применять положения федерального законодательства об отходах.

Изменения, вносимые в закон, подтвердили, что «Комплексная стратегия обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в Российской Федерации», утвержденная приказом Минприроды в 2013 г., оказалась недостаточно эффективной. За прошедшие 2 года стало очевидно, что темпы образования отходов замедлить не удалось, количество свалок не уменьшилось, качества предоставляемых гражданам услуг снизилось. В мае 2020 многие российские СМИ писали об 11 регионах, оказавшихся на грани «мусорного» коллапса.

Большие надежды возлагались на институт региональных операторов, главной задачей которого являлась реализация требований государственной политики в области обращения с твёрдыми коммунальными отходами (ТКО) на территории конкретного субъекта РФ. Государственная компания, созданная Указом Президента РФ от 14.01.2019 № 8 и в соответствии с много раз отредактированным ФЗ-89 от 1998 г., установила подробное регулирование целей создания, функций и полномочий региональных операторов (РО). По замыслу законодателя единый региональный оператор по обращению с отходами — это юридическое лицо, представляющее собой компанию, которая осуществляет координацию всех этапов процесса обращения с мусором. РО должен сконцентрировать все фазы указанной деятельности — сбор, накопление, транспортирование, обработку, утилизацию, обезвреживание, размещение — в одних руках в зоне своей деятельности: в границах определенного региона, устанавливаемых территориальной схемой (ТС). В

роли РО по обращению с ТКО согласно ФЗ № 483 могут выступить также МУПы или ГУПы, имеющие необходимые лицензии. Таким образом, региональный оператор должен выступить в роли государственного регулятора правильного экологического и экономического обращения с отходами [3].

Весной 2020 г. в связи с увеличением количества ТКО в период самоизоляции были введены Программы поддержки РО, расходы которых на вывоз мусора соответственно увеличились.

Недостатки, выявленные в ходе практического действия института РО, дают основание оценивать его — как любую новацию — неоднозначно.

Так, ряд операторов, с которыми заключены контракты на многомиллионные суммы, пока не обзавелись штатом сотрудников. РО выбирается по результатам конкурсного отбора, все правила которого подробно прописаны в постановлении Правительства РФ от 5 сентября 2016 г. Но анализ торгов по выбору РО показал отсутствие конкуренции, в то время как состязательность крайне важна, поскольку она могла бы привести к снижению цены операций и тем самым снижению тарифов для населения.

Система раздельного сбора ТКО в стране приживается с определёнными трудностями и ещё не стала насущной потребностью. Ее отсутствие значительно снижает качество переработки и рентабельность мусороперерабатывающих производств и может привести к их простоям. Доходы за реализацию товаров из вторсырья не всегда покрывают затраты на внедрение мусоросортировочных конвейеров. Качество полученного вторсырья страдает вследствие относительно низкой глубины переработки, хотя сейчас существуют технологии, с помощью которых эта проблема решается. Дело, как всегда, упирается в финансы. Поскольку нет спроса, не имеет смысла расширять производство, улучшающее качество товара; так как качество не улучшается, спрос не увеличивается. Мощность мусороперерабатывающих заводов составляет всего 3,5 % от необходимой потребности, что не стимулирует развитие этого направления.

В то же время действующие в московском регионе мусороперерабатывающие предприятия жалуются на нехватку сырья. Общеизвестно, что в целом из 70 миллионов тонн ТБО, которые производят в России ежегодно, на переработку отправляется не более 4%, остальной мусор не сортируют в целях дальнейшего использования, а захоранивают или сжигают. Таким образом, можно констатировать, что запланированное создание системы селективного сбора отходов на государственном уровне не произошло.

Большим пробелом регулирования деятельности РО явилось отсутствие в федеральном законодательстве возможности создания единого межрегионального РО крупных городов РФ и примыкающих к ним областей. «Зона деятельности регионального оператора представляет собой территорию или часть территории субъекта Российской Федерации» (п. 7 ст. 24.6 89-ФЗ (ред. от 07.04.2020) «Об отходах производства и потребления»). В настоящее время рассматривается возможность внесения в действующее законодательство соответствующих изменений.

С учётом вышесказанного создание нового субъекта общественных отношений — РО, имеющего льготы в области налогообложения, ситуацию в сфере обращения с отходами пока не улучшило [1]. Но поскольку законодательство и деятельность РО находятся только в начале пути, делать какие-либо окончательные выводы преждевременно.

Паспорт национального проекта «Экология» [7] разработан во исполнение «майских» (№ 204 от 7 мая 2018) указов президента и включает в себя разделы «Чистая страна», «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами», «Инфраструктура для обращения с отходами III класса опасности» и др. Требования этих разделов были направлены на создание эффективной системы обращения с отходами производства и потребления, призванной утилизировать около 36 % ТКО к 2024 г. Планировалась ликвидация всех выявленных на 1 января 2018 года несанкционированных свалок в границах городов, однако это мероприятие также пробуксовывает.

Но сбор и вывоз ТКО — это только первая часть проблемы. Имеются спорные тенденции в направлении изменения «мусорного законодательства». Национальный проект «Экология» [5] в настоящее время подвергается модернизации и в таком виде будет действовать до 2030 г. В нём объекты, имеющие экологическое значение, разделяют по их природе на три основных блока: «Отходы», «Вода» и «Воздух».

Такие понятия, как «максимальное использование материалов», «предотвращение» и «сокращение

образования отходов» и ряд других не имеют легального определения, и в проекте «Отходы» на настоящий момент также не раскрыты. Это придаёт данному разделу несколько умозрительный характер. Кроме того, имевшееся в прошлом нацпроекте требование о ликвидации несанкционированных свалок не выдвигается.

Однако появилось дополнение в перечне технологий утилизации: сжигание ТКО как способ получения «зелёной» энергии.

Имеются законодательно установленные приоритетные способы обращения с мусором: сокращение образования отходов, их обработка, утилизация — и только потом обезвреживание (сжигание), применяемое лишь в крайних случаях. В новой редакции НП оно выступает под названием «энергетическая утилизация» — широкое использование ТКО в качестве возобновляемого источника энергии. Популистское название «зелёная» не отражает сущность проблемы: переработка вторичного сырья позволяет сэкономить гораздо больше энергии, чем будет получено при его сжигании. Эта вербальная эквилибристика обнаруживает стремление федеральных властей придать термическому уничтожению отходов государственный приоритет.

Нельзя не согласиться со специалистами, полагающими, что введение понятия «энергетическая утилизация» парализует дальнейшее развитие законодательства об отходах и перенесёт основной акцент на технологии уничтожения ресурсов.

Действующее с 2014 г. законодательство обязывает предприятия отчислять экологический сбор либо организовать утилизацию своими средствами или с помощью подрядчиков. Новая формулировка позволяет расходовать на сжигание отходов средства экологического сбора, которые раньше выделяли только на переработку, т. е. оплачивать мусоросжигательные заводы (МСЗ) из бюджета. К сожалению, общеизвестно, что МСЗ с нулевым выбросом токсичных веществ не существует. Характерно, что Европейская комиссия ратует за переработку отходов и не рекомендует сжигание мусора [9], хотя технологии мусоросжигательного процесса постоянно совершенствуются.

Важнейшей целью обновлённый НП «Экология» называет «кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение выбросов загрязняющих веществ в наиболее загрязнённых городах». Однако сжигание ТКО как раз способствует загрязнению воздушной среды, в частности, такими вредными агентами, как бензпирены, диоксины фураны□, по-

лициклические ароматические углеводороды, полихлорированные бифенилы, нафталины, хлорбензолы, тяжелые металлы (ртуть, кадмий, свинец) и другие высокотоксичные летучие вещества. При этом отсутствие в Программе целевых показателей и мер по реализации приоритетов госполитики по обращению с отходами, предотвращению их образования или сокращения объёмов никоим образом не нормировано. Поэтому, по общему мнению, «кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха маловероятно». Таким образом, состояние воздушного бассейна вызывает особую тревогу на фоне выходящего на первый план лоббизма мусоросжигательных технологий. Большинство специалистов считает вполне вероятным недостижение цели федерального проекта «Чистый воздух» по кардинальному снижению уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшения не менее чем на 20 % совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в наиболее загрязненных городах», и таким образом снижение уровня загрязнения со значения «очень высокое» до «повышенное» [6].

Проблема отходов находит косвенное отражение и в нацпроекте «Здоровье», в котором заявлена цель формирования у россиян здорового образа жизни и борьбы с туберкулёзом. В Отчёте Счётной палаты РФ [6] сообщается, что с загрязнением воздуха связаны «около 7 % случаев смерти от рака лёгких, 18 % — от болезней лёгких, 20 % — от инсульта и 34% — от сердечно-сосудистых заболеваний».

Однако в проекте бюджета на 2021–2023 годы количество средств, выделенных на проект «Чистый воздух», постепенно сокращается. В пояснительной записке к законопроекту указано, что эти деньги будут направлены на другие проекты внутри нацпроекта «Экология», а также «на социальную поддержку граждан, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в 2021 и 2022 годах. Излишне напоминать, что интенсивное загрязнение воздушного бассейна и «здоровый образ жизни» — взаимоисключающие понятия.

Исходя из вышеизложенного, считаем целесообразно внести следующие предложения.

С учётом нарабатанной практики оптимизировать нормативное регулирование деятельности региональных операторов и ужесточить контроль за их деятельностью.

Внести в нормативно-правовую базу определение таких понятий, как «максимальное использование материалов», «предотвращение образования отходов», «вторичные материальные ресурсы».

Законодательно закрепить отдельное накопление мусора как обязательный элемент обращения с отходами.

Список источников

1. Гаркуша, А. Мусорная реформа : долгожданное разочарование // Экология и право, № 3, 2021. С. 6–12.
2. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году». МПРиЭ РФ, М., 2020, с. 12–126. В России поставлен рекорд по загрязнению воздуха [Электронный ресурс] <https://ach.gov.ru/upload/iblock/697/6974665033576448bae98baa0e9626e4.pdf>.
3. Майорова, Е. И., Олимпиев, А. В. Правовые требования к решению проблемы отходов в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности, 2020. № 1. С. 32–37.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» [Электронный ресурс] : федер. закон РФ от 26.07.2019 № 225-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. «Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта «Экология», в том числе своевременности их финансового обеспечения, достижения целей и задач, контрольных точек, а также качества управления» – Счетная палата РФ.
7. Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. N 16)) [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/72150168/>
8. Татаренко, В. И., Петрова, Н. В., Лоницкая, Д. Н. Мусорная реформа : новые подходы к формированию и возникающие проблемы. Московский экономический журнал, 2020, с. 27–35.
9. Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. The role of waste-to-energy in the circular economy. Brussels. 26.01.2017.

References

1. Garkusha, A. Garbage reform : a long-awaited

disappointment // Ecology and Law, No. 3, 2021. P. 6–12.

2. State Report “On the State and Environmental Protection of the Russian Federation in 2019”. MPRеE RF, M., 2020, pp. 12-126. A record on air pollution has been set in Russia [Electronic resource] <https://ach.gov.ru/upload/iblock/697/6974665033576448bae98baa0e9626e4.pdf>.

3. Mayorova, E. I., Olympiev, A. V. Legal requirements for solving the problem of waste in the Russian Federation // Bulletin of Economic Security, 2020. No. 1. P. 32–37.

4. On Amendments to the Federal Law “On Production and Consumption Waste” [Electronic resource]: feder. Law of the Russian Federation No. 225-FZ of 26.07.2019. Access from “ConsultantPlus”.

5. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024 [Electronic resource] : Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204. Access from “ConsultantPlus”.

6. “Report on the results of the expert-analytical

event “Monitoring of the implementation of the activities of the national project “Ecology”, including the timeliness of their financial support, achievement of goals and objectives, control points, as well as the quality of management – Accounts Chamber of the Russian Federation.

7. Passport of the National project “Ecology” (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects (Protocol of December 24, 2018 P 16)) [Electronic resource] <https://base.garant.ru/72150168/>

8. Tatarenko, V. I., Petrova, N. V., Lonitskaya, D. N. Garbage reform : new approaches to formation and emerging problems. Moscow Economic Journal, 2020, P. 27–35.

9. Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. The role of waste-to-energy in the circular economy. Brussels. 26.01.2017.

Информация об авторах

Е. И. Майорова – профессор кафедры частного права Государственного университета управления, доктор юридических наук;

А. В. Зубач – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук;

Е. Е. Томилина – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук.

Information about the authors

E. I. Mayorova – Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Legal Sciences;

A. V. Zubach – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences;

E. E. Tomilina – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 10.06.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34.03

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-176-182>

НИОН: 2003-0059-6/21-097

MOSURED: 77/27-003-2021-06-296

Проблемы теории и перспективы внедрения института «регулятивных песочниц» (экспериментальных правовых режимов) в современной России

Владислав Олегович Макаров

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, makarov.legal@gmail.com

Аннотация. В работе исследованы принципы, объекты, субъекты, условия, ограничения, виды, и стадии экспериментальных правовых режимов. Изучены органы, осуществляющие контроль и оценку правовых экспериментов. Рассмотрены основания для прекращения реализации экспериментальных правовых режимов. С учетом зарубежного опыта прогнозируется положительный эффект от реализации законодательной новеллы, которая способна обеспечить оперативную проверку финтех решений и нивелировать потенциальные риски реализации.

Ключевые слова: экспериментальные правовые режимы, регулятивные песочницы, финтех, цифровая экономика, цифровые инновации, правовой эксперимент, правовой режим

Благодарности: Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00583 А).

Для цитирования: Макаров В. О. Проблемы теории и перспективы внедрения института «регулятивных песочниц» (экспериментальных правовых режимов) в современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 176–182. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-176-182>.

Original article

Theoretical problems and implementation prospects of regulatory sandboxes (experimental legal regimes) in modern Russia

Vladislav O. Makarov

Volgograd State University, Volgograd, Russia, makarov.legal@gmail.com

Abstract. The research includes principles, objects, subjects, conditions, restrictions, types and phases of experimental legal regimes. Institutional bodies responsible for control and evaluation of experimental legal regimes have been studied. Reasons for canceling experimental legal regime implementation have been analyzed. Considering international experience the authors predict positive effect from implementing this legislative innovation able to provide quick checking of fintech solutions and mitigate potential risks of their implementation.

Keywords: experimental legal regimes, regulatory sandboxes, fintech, digital economy, digital innovation, legal experiment, legal regime

Acknowledgments: The chapter was prepared with financial support of the Russian Fund for Fundamental Research. Grant of the RFFR 20-011-00583 A.

For citation: Makarov V. O. Theoretical problems and implementation prospects of regulatory sandboxes (experimental legal regimes) in modern Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):176–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-176-182>.

© Макаров В. О., 2021

В 2020 году в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», вступающий в силу в 2021 году. Данный закон направлен на создание в Российской Федерации «регуляторных песочниц» (regulatory sandboxes) — особых режимов, которые позволяют организациям протестировать эффективность инновационных технологий при реализации своих продуктов и услуг без риска нарушения законодательства. Странами Евразийского экономического союза было принято следующее определение понятия «regulatory sandbox» — это специально согласованный режим проработки и пилотирования решений, в том числе регуляторных, для определения эффективной модели взаимодействия и построения бизнес-процессов в какой-либо новой сфере (решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 года № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»).

Российская Федерация является одной из немногих стран, где уже запущены или планируется запуск «регулятивных песочниц». Такие эксперименты проводятся с 2016 года в Великобритании [8], Австралии, Сингапуре, Индонезии, Малайзии [13], Таиланде [11], Гонконге [9] и Объединенных Арабских Эмиратах [4]. В 2018 году финтех «песочница» была запущена в Аризоне (США).

Одним из факторов, обусловивших необходимость законодательного закрепления «регулятивных песочниц», является стремительное развитие рынка криптовалют и цифровой экономики в целом. Таким образом, для построения конкурентоспособной экономики Российской Федерации необходимо создавать условия для функционирования финтех решений.

Понятие «правовой режим» давно известно правовой науке и получило разработку в трудах многих российских ученых (С. С. Алексеев, Г. С. Беляева, В. А. Горленко, В. Б. Исаков, А. В. Малько, Н. И. Матузов, Л. А. Морозова, О. С. Родионов, Э. Ф. Шамсумова и др.). Под правовым режимом принято понимать «порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [1, с. 185]. Правовой режим — это именно особый порядок правового регулирования, который вводится в действие по специфическим мотивам, с учетом самобытности социальной ситуации и не применим в том же виде в каких-либо

других сферах. Его основными признаками являются: обязательное нормативно-правовое закрепление; специфическая цель; особый порядок регулирования; создание благоприятных (неблагоприятных) условий для удовлетворения интересов субъектов права; системный характер; комплексный характер; особая структура. В зависимости от того, какие правовые средства преобладают в правовых режимах, они бывают либо создающими преимущества для субъектов права, либо ограничивающими их субъективные права и свободы [3].

Дискуссионным является вопрос о том, включает ли понятие правового режима, в первую очередь, нормы, устанавливающие особый порядок правового регулирования, или общественные отношения (результат воплощения этих норм в жизнь). Думается, применительно к экспериментальному правовому режиму этот вопрос решается однозначно. Само понятие эксперимента предполагает, что новые общественные отношения еще не сложились, и государство учреждает тот или иной порядок регулирования впервые, устанавливая систему норм, принципов и других регулятивных средств.

Экспериментальные правовые режимы, рассматриваемые в настоящей статье, относятся исключительно к сфере **цифровых инноваций**, под которыми в проекте федерального закона понимаются новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по таким направлениям, как медицинская деятельность, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтическая деятельность; проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов, аттестация их операторов, предоставление транспортных и логистических услуг и организация транспортного обслуживания; сельское хозяйство; финансовый рынок (с применением технологий, перечень которых утверждается Центральным банком Российской Федерации); продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом; архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос объектов капитального строительства, эксплуатация зданий, сооружений; предоставление государствен-

ных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля; промышленное производство (промышленность); иные направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, установленные Правительством Российской Федерации, с применением технологий, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации. Это определение раскрывает конкретные сферы, в которых может устанавливаться экспериментальный режим.

Отличительной чертой «регуляторных песочниц» от иных правовых режимов является использование **правового эксперимента**. В научной литературе его принято определять как организованную компетентным правотворческим органом апробацию предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе для проверки эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм и отработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего действия. Основаниями для проведения правового эксперимента являются: 1) конкуренция различных моделей регулирования новых общественных отношений, 2) стремление продемонстрировать обществу приемлемость нового варианта регулирования уже существующих отношений. Помимо этого, существуют и ситуативные факторы, которые могут стать основанием для введения экспериментального правового регулирования. Таким фактором специалисты считают напряженную инвестиционную ситуацию, которая требует более смелых правотворческих решений. Считается, что одной из разновидностей правового эксперимента, направленного на улучшение инвестиционного климата, может быть, не только экспериментальное введение нового правового регулирования, а отказ от правового регулирования в соответствующей сфере и переход к саморегулированию субъектов предпринимательской деятельности [6].

Рассмотрим, каким образом новый закон регулирует проведение правового эксперимента в сфере цифровых инноваций.

Согласно проекту федерального закона **принципами** установления и реализации экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций являются: недопустимость ограничения конституционных прав и свобод граждан, нарушения единства экономического пространства на территории Российской Федерации или иного умаления гарантий защиты прав граждан и юридических лиц, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными зако-

нами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации; обеспечение безопасности личности, общества и государства; прозрачность и открытость экспериментального правового режима; равноправие претендентов; добровольность участия в экспериментальном правовом режиме; определенность специального регулирования по времени, кругу лиц и, если иное не вытекает из существа экспериментального правового режима, ограничение специального регулирования в пространстве; минимизация отступлений от общего регулирования.

Инициатором экспериментальных правовых режимов могут выступать юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. При этом он не должен находиться в процессе реорганизации, ликвидации или прекращения деятельности, в отношении него не должно быть возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве). Кроме того должны отсутствовать недоимки по налогам, сборам, задолженности по иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации (за исключением случаев, предусмотренных законом) за прошедший календарный год, размер которых превышает 25 процентов балансовой стоимости активов инициатора, по данным бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, а у индивидуального предпринимателя, лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, либо члена коллегиального исполнительного органа или совета директоров (наблюдательного совета) юридического лица должна отсутствовать судимость. При этом инициатором не может являться иностранное юридическое лицо, а также российское юридическое лицо, в уставном (складочном) капитале которого доля участия иностранных юридических лиц, местом регистрации которых являются государства или территории, являющиеся офшорными зонами, в отношении таких юридических лиц, в совокупности составляет 50 и более процентов. Также инициатор должен соответствовать требованиям к субъекту экспериментального правового режима, которые он самостоятельно предлагает установить в программе экспериментального правового режима. Отметим, что в результате обсуждения законопроекта, из числа инициаторов предложения экспериментального правового режима были исключены отраслевые или функциональные органы исполнительной власти или органы местной администрации. Государственный орган и орган местного са-

моуправления могут выступать в качестве инициатора лишь по такому направлению разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций как предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. При этом инициатор приобретает статус субъекта экспериментального правового режима, в случае установления экспериментального правового режима и включения инициатора в качестве субъекта экспериментального правового режима в программу экспериментального правового режима. Участником же экспериментального правового режима в понимании рассматриваемого федерального закона является субъект экспериментального правового режима, а также лицо, вступившее в правоотношения с субъектом экспериментального правового режима, возникшие в рамках экспериментального правового режима.

Законодатель устанавливает и условия, при совокупности которых допускается установление экспериментального правового режима.

1) общее регулирование, касающееся отношений в сфере цифровых инноваций содержит требования, предписания, запреты, ограничения, при соблюдении которых внедрение цифровых инноваций невозможно или существенно затруднено;

2) существует технологическая возможность применения цифровых инноваций либо для их использования требуется техническая, технологическая, организационная или иная подготовка;

3) установление экспериментального правового режима должно привести к достижению одной или нескольких целей, указанных в статье 3 Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»;

4) инициативное предложение содержит обоснованную оценку рисков причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, ущерба обороне и (или) безопасности государства, иным охраняемым федеральным законом ценностям и меры, направленные на минимизацию таких рисков.

Обеспечением реализации экспериментальных правовых режимов занимаются пять **органов**.

1) *Уполномоченный по вопросам экспериментальных правовых режимов орган*. Один или несколько таких федеральных органов устанавливается Правительством РФ для осуществления функций по нормативному правовому регулированию и полномочий в сфере экспериментальных правовых режимов за ис-

ключением сферы финансового рынка.

2) *Организация, представляющая предпринимательское сообщество в вопросах экспериментальных правовых режимов*. Такая некоммерческая организация определяется или создается Правительством РФ или Банком России по вопросам сферы финансового рынка.

3) *Регулирующий орган* — федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативному правовому регулированию в сфере, в которой иницируется, устанавливается и реализуется экспериментальный правовой режим, за исключением сферы финансового рынка.

4) *Координационный орган* — орган, определяемый Правительством Российской Федерации для разрешения разногласий между государственными органами и организациями по результатам рассмотрения инициативных предложений и иных вопросов, регулируемых настоящим Федеральным законом;

5) *Центральный банк РФ*. Хотя в законе напрямую не указывается Банк России как отдельный регулятор «песочниц», из полномочий субъектов следует, что в случае, если цифровая инновация относится к сфере финансового рынка, то полномочия по обеспечению её реализации в рамках экспериментального правового режима принадлежат исключительно Центральному Банку РФ. Так, Банк России определяет уполномоченный орган по вопросам экспериментальных правовых режимов, регулирующий орган, а также организацию, представляющую предпринимательское сообщество в вопросах экспериментальных правовых режимов, если ЭПР относится к сфере финансового рынка.

Следует отметить, что экспериментальное правовое регулирование уже реализуется Центральным Банком в рамках предложенной в декабре 2017 года и запущенной в апреле 2018 года «регулятивной площадки» Банка России. Реализация инновационных технологий на данной площадке отличается от более детального процесса, предусмотренного законопроектом. В настоящее время она происходит в двух формах — «тестирование» и «ограниченный регулятивный эксперимент». Тестирование предполагает моделирование целевого процесса применения инновационной финансовой технологии или сервиса в тестовой среде при отсутствии рисков для потребителей. Ограниченный регулятивный эксперимент предусматривает реализацию целевого процесса применения инновационной финансовой технологии или сервиса в реальных условиях в ограниченном периметре под контролем Банка России, в том числе совместно с заинтересованными

федеральными органами исполнительной власти. При этом вторая форма не применяется до законодательного наделения Банка России и отдельных федеральных органов исполнительной власти полномочиями по реализации таких экспериментов [7].

В научной литературе отмечается, что разработка регуляторного решения в песочнице (применительно к регулятивным площадкам Банка России) включает совершенно иные, отличные от традиционных этапы правотворчества [2]. Между тем разработка регуляторного решения и традиционное правотворчество является по своему существу различными явлениями. Реализация инновационных технологий в ходе эксперимента — это моделирование и оценка общественных отношений, которые в дальнейшем могут стать объектом правотворчества [12].

Процедура запуска экспериментального правового режима включает в себя такие стадии, как *внесение предложения, его рассмотрение и установление экспериментального правового режима*. При этом **срок реализации** экспериментального правового режима не может превышать трех лет. **Прекращение участия** в экспериментальном правовом режиме в сфере цифровых инноваций возможно как *по истечении его срока*, так и досрочно в установленных законодательством случаях. Допускается **приостановление** режима на срок до трех месяцев.

Мониторинг реализации экспериментального правового режима представляет собой систему наблюдений, осуществляемых на постоянной основе посредством сбора, обобщения, систематизации и оценки информации о реализации программы и протоколов экспериментального правового режима. В последние 70 рабочих дней (25 рабочих дней, если срок действия экспериментального правового режима составляет один год и менее) реализации экспериментального правового режима производится **оценка** его результатов, по итогам которой уполномоченный орган может принять одно из следующих решений:

- 1) о допустимости придания специальному регулированию свойства общего регулирования;
- 2) о допустимости придания специальному регулированию свойства общего регулирования в случае внесения изменений в специальное регулирование;
- 3) о недопустимости придания специальному регулированию свойства общего регулирования.

В теоретическом плане реализация экспериментального правового режима обладает всеми характерными признаками, присущими юридической процедуре [5]. Реализация режима носит служебный характер и направлена на достижение правового результата —

целей, указанных в законопроекте. При этом процедура состоит из последовательно сменяющих друг друга актов поведения, которые предварительно официально определены: внесение предложение, его рассмотрение, принятие решения об установлении экспериментального правового режима, мониторинг реализации, оценка результатов, прекращение, принятие регуляторного решения. Реализация режима построена иерархически, в связи с чем каждое процедурное решение обеспечивает процесс реализации другого. При этом экспериментальный режим, имеющий в своем основании совокупность норм, находится в постоянной динамике. Более того, каждый установленный для нового участника экспериментальный режим является уникальным, в силу чего общественные отношения являются динамичными, постоянно изменяющимися.

Поскольку одним из признаков правового режима является особый порядок регулирования, состоящий в специфическом сочетании правовых средств и способов: дозволений и запретов, позитивных обязываний и рекомендаций, стимулов и ограничений и т.д., можно отметить, что для регулятивных песочниц как специфического вида режимов характерно превалирование дозволений (либо отказ от правового регулирования некоторых отношений). В результате такой комбинации создаются преимущества для субъектов права, в отличие от правовых режимов, в которых доминируют запретительные меры. При этом такой режим является экспериментальным, то есть пробным, подразумевающим ограничение предметом и сроком действия. В отсутствие одного из двух условий, правовой режим не может являться экспериментальным. Кроме того, в российском законодательстве к указанным выше условиям добавляются также и специфические условия, определяющие возможность проведения эксперимента на конкретных общественных отношениях.

В настоящее время в Российской Федерации «регулятивные песочницы» еще не приобрели своего статуса, поскольку принятый федеральный закон еще не вступил в законную силу. Фактически Банком России были реализованы несколько проектов, но только путем тестирования (без проведения эксперимента). В связи с этим отсутствуют статистические данные, которые могли бы быть проанализированы с целью установления эффективности реализации экспериментальных правовых режимов в РФ. Вместе с тем мы можем предварительно прогнозировать положительный эффект от их закрепления в российском законодательстве.

Во-первых, возможность оперативной проверки появляющегося финтех решения сегодня является

важным элементом в построении цифровой экономики.

Во-вторых, зарубежный опыт показывает нам результативность аналогичных режимов. Например, в результате первого года работы «песочниц» в Великобритании 75 % фирм успешно завершили тестирование. Около 90 % фирм, которые завершили тестирование в первой группе, продолжили более широкий выход на рынок после их тестирования. Большинство фирм, получивших ограниченное разрешение для своего теста, получили полное разрешение после завершения своих тестов [8].

В-третьих, анализ текста закона позволяет сделать вывод о том, что механизм экспериментальных правовых режимов направлен на нивелирование потенциальных рисков в функционировании «песочниц». Среди таких рисков выделяют: а) нарушение принципов конкуренции, обусловленное неопределенностью критериев отбора и отсутствием прозрачности; б) ограниченную способность регулятора оценивать технологию, лежащую в основе нововведения; в) причинение вреда клиентам или другим участникам рынка, в результате неудачного тестирования г) угроза репутации регулятора и ухудшения доверия клиентов к финансовой системе в результате принятия неудачных решений [10, с. 4]. Предлагаемый механизм предусматривает участие антимонопольного органа, а также публикацию большей части информации в сети Интернет, что обеспечивает реализацию принципа прозрачности. Участие нескольких субъектов в реализации режима позволяет производить всестороннюю оценку проектов. При этом механизм экспериментального режима содержит конкретный перечень условий и ограничений, направленных на исключение возможности причинения вреда лицам, не участвующим в эксперименте.

Безусловно, никакие меры не могут полностью гарантировать успех эксперимента. Французские исследователи, опираясь на значительный эмпирический материал (правовой эксперимент с 2003 г. получил во Франции конституционное закрепление), указывают на такие неизбежные издержки этого метода правового регулирования, как дискриминация и снижение авторитета власти [6]. Тем не менее, сталкиваясь с совершенно новыми технологическими решениями, государство должно найти в себе смелость экспериментировать, чтобы не оказаться в хвосте цифровой революции.

преты в советском праве. М., 1985.

2. Андропова, Т. А., Тарасенко, О. А. Регулятивная песочница : традиции vs. инновации // *Банковское право*. 2018. № 3. С. 31–36.

3. Беляева, Г. С. Понятие правового режима в теории права : основные подходы // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. Дополнительный выпуск. 2–12. № 85. С. 26–31.

4. Достов, В. Л., Шуст, П. М., Рябкова, Е. С. Институт «регулятивных песочниц» как инструмент поддержки финансовых инноваций // *Деньги и кредит*. 2016. № 10. С. 51–56.

5. Макаров, В. О. Понятие и признаки юридических процедур // *Власть закона*. 2017. № 2 (30). С. 235–242.

6. Сивицкий, В. А., Сорокин, М. Ю. Правовой эксперимент и развитие права // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 4. С. 15–30.

7. Центральный Банк Российской Федерации. Мировой опыт использования регулятивной площадки и предложения по ее внедрению в Банке России // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/36015/mp_n.pdf.

8. Financial Conduct Authority. Regulatory sandbox lessons learned report // URL: <https://www.fca.org.uk/publication/research-and-data/regulatory-sandbox-lessons-learned-report.pdf>.

9. Hallatt, W., et al. Hong Kong Launches Regulatory Sandbox in Wake of Developments in Australia, Malaysia, Singapore, and the UK. Hong Kong: Herbert Smith Freehills., 2016.

10. Ivo Jenik and Kate Lauer. Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion. Working Paper. Washington, D.C.: CGAP, 2017.

11. Kietduriyakul, K. and K. Phongsathaporn. FinTech Update: Thailand's FinTech Regulatory Sandbox. Bangkok, Thailand: Baker & McKenzie, 2016.

12. Davydova M.L., Makarov V.O. (2020) Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia. In : Inshakova A., Inshakova E. (eds) Competitive Russia : Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 110. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_68.

13. Vella, H. Malaysia : Central Bank Issues First Licences for Fintech Sandbox. Tech Wire Asia, 30 May 2017.

Список источников

1. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие за-

References

1. Alekseev, S. S. General permissions and general

prohibitions in Soviet law. M., 1985.

2. Andronova, T. A., Tarasenko, O. A. Regulatory sandbox : traditions vs. innovations // Banking law. 2018. No. 3. P. 31–36.

3. Belyaeva, G. S. The concept of a legal regime in the theory of law : basic approaches // Bulletin of the Saratov State Law Academy. Additional issue. 2–12. No. 85. P. 26–31.

4. Dostov, V. L., Shust, P. M., Ryabkova, E. S. Institute of “regulatory sandboxes” as a tool to support financial innovations // Money and credit. 2016. No. 10. P. 51–56.

5. Makarov, V. O. The concept and signs of legal procedures // Power of law. 2017. No. 2 (30). P. 235–242.

6. Sivitsky, V. A., Sorokin, M. Yu. Legal experiment and development of law // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 4. P. 15–30.

7. Central Bank of the Russian Federation. World experience in using the regulatory platform and proposals for its implementation in the Bank of Russia // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/36015/mp_n.pdf.

8. Financial Conduct Authority. Regulatory sandbox lessons learned report // URL: <https://www.fca.org>.

[uk/publication/research-and-data/regulatory-sandbox-lessons-learned-report.pdf](https://www.fca.org/uk/publication/research-and-data/regulatory-sandbox-lessons-learned-report.pdf).

9. Hallatt, W., et al. Hong Kong Launches Regulatory Sandbox in Wake of Developments in Australia, Malaysia, Singapore, and the UK. Hong Kong: Herbert Smith Freehills., 2016.

10. Ivo Jenik and Kate Lauer. Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion. Working Paper. Washington, D.C.: CGAP, 2017.

11. Kietduriyakul, K. and K. Phongsathaporn. FinTech Update: Thailand’s FinTech Regulatory Sandbox. Bangkok, Thailand: Baker & McKenzie, 2016.

12. Davydova M.L., Makarov V.O. (2020) Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia. In : Inshakova A., Inshakova E. (eds) Competitive Russia : Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 110. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_68.

13. Vella, H. Malaysia : Central Bank Issues First Licences for Fintech Sandbox. Tech Wire Asia, 30 May 2017.

Информация об авторе

В. О. Макаров – доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. O. Makarov – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal law of the Volgograd State University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 340.132

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-183-186>

НИОН: 2003-0059-6/21-098

MOSURED: 77/27-003-2021-06-297

Правовые ценности как средство гармонизации публичного и частного интереса

Екатерина Викторовна Малыковцева

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, sidk77@yandex.ru

Аннотация. Проблемным вопросом правового регулирования является поиск баланса частного и публичного в праве. Определение пределов государственного вмешательства в частно-правовую сферу, а равно возможности частно-правовой регуляции, способно предопределить весь ход правового развития отечественной правовой системы. Действенным правовым средством, отражающим публично-правовые начала в праве являются правовые ценности. Именно они способны гармонизировать интересы личности, общества и государства, а их отражение в действительном праве – фактор, способствующий эффективности правореализации и повышению уровня доверия к праву в целом.

Ключевые слова: частный интерес, правовые ценности, право, публичный интерес, правосудие, закон

Для цитирования: Малыковцева Е. В. Правовые ценности как средство гармонизации публичного и частного интереса // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 183–186. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-183-186>.

Original article

Legal values as a means of harmonizing public and private interest

Ekaterina V. Malykovtseva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, sidk77@yandex.ru

Abstract. A problematic issue of legal regulation is the search for a balance between private and public in law. Determining the limits of state interference in the private legal sphere, as well as the possibility of private legal regulation, can prejudice the entire course of legal development of the domestic legal system. Legal values are an effective legal tool that reflects public law principles in law. It is they who can harmonize the interests of the individual, society and the state, and their reflection in real law is a factor that contributes to the effectiveness of law enforcement and increase the level of confidence in the law as a whole.

Keywords: private interest, legal values, law, public interest, justice, law

For citation: Malykovtseva E. V. Legal values as a means of harmonizing public and private interest. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):183–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-183-186>.

Источником большинства вопросов правового регулирования является столкновение частного и публичного начала. Данная проблема имеет два аспекта: это и определение меры вмешательства государства в сферу частного интереса, и определение пределов

частного регулирования. Право должно разрешать конфликты, но не создавать их. Решение вопроса баланса частного и публичного в праве способно разрешить многие правовые коллизии, сделать правовое воздействие более эффективным и прогнозируемым.

© Малыковцева Е. В., 2021

Право не может целиком отражать исключительно частное или публичное. Рассуждая о том, что общество определяет пределы государственного воздействия и сдерживает государство именно с помощью такого института как право, не лишают государство своего собственного публичного интереса. Публичный интерес государства отражает не только общественный интерес, но и то, что актуально для власти. Право обладает свойством общеобязательности, тем самым, общество, отдаёт на откуп государству установление тех интересов, которые подпадают под его охрану. Государство не может не защищать свои интересы, интересы общества, поэтому отражение в праве публичного начала — такая же составляющая или вторая сторона содержания правового регулирования. Каков баланс соотношения частного и публичного? Скорее всего, его не следует искать во внешних проявлениях права, в формальных установлениях или ждать определения этих границ от государства. Данный баланс заложен в самом праве, иначе бы право выродилось и исчезло. Либо общество, отказавшись от сферы публичного интереса, по сути, отказалось бы от права как такового. Либо право, отражающее лишь публичные начала правового регулирования, не выполняло бы свое функциональное назначение, так как лишит сферу «частного» правовой регуляции или отказаться от «частного», невозможно.

Какие правовые средства способны отражать баланс частного и публичного? Ответ на данный вопрос содержится во внутренних механизмах воспроизводства права, в частности, данным свойством обладают правовые ценности. В правовых ценностях находят отражение те начала, которые необходимы обществу в качестве публичных или же частных. Через призму правовых ценностей происходит гармонизация частного и публичного интереса. Общество и государство признают значимыми, необходимыми, нужными именно те правовые явления и процессы, которые способны разрешить правовой спор или определить оптимальные варианты правового взаимодействия с позиции согласования воли. При этом даже если между субъектами происходит частно-правовое взаимодействие, урегулированное с помощью диспозитивного метода правового воздействия, государство тем самым признаёт границы собственного «вмешательства» или «невмешательства», подспудно обеспечивая действенность установленных механизмов. Механизмы правового регулирования, в частности, наиболее оптимальные правовые средства, являющиеся правовыми ценностями, вырабатываются самим правом, то есть, появляются, формируются в недрах общественной правовой жизни. Задача государства — создать оптимальные механизмы, с помощью которых эти инструменты будут функционировать. Задача государства — ограничить сферу своего вмешательства

в эту область правовой жизни. Задача государства — придать характер обязательных установлений той правовой практике, которая вырабатывается субъектами — участниками частно-правовых отношений самостоятельно.

В качестве примера можно рассмотреть действие норм обычного права в новое время. Каким образом данная правовая ценность отражает баланс частного и публичного? Во-первых, круг вопросов, которые входили в сферу регулирования данного источника права. Государство ограничивало власть во вмешательство в эту сферу правового регулирования, при этом ограничило не только в сфере нормоустановления, отдав регуляцию на откуп нормам обычного права, но и установив запрет использования в судах норм государственного права. Так, по Закону о волостных судах они не могли выносить решения иначе, чем на основании норм обычного права (данный пример следует приводить с оговоркой, что оптимальной формой судебного решения было решение суда сельского схода, волостные суды организовывались несколько по иному территориальному принципу, поэтому полностью заменить существовавшие ранее суды не представлялось возможным) [3, с. 20–21].

В рассмотренном выше примере обычай как правовая ценность формировался эволюционно на протяжении фактически всей истории становления отечественного права. И современное отечественное право определяет правовой обычай в качестве источника права. Специфика регионального правотворчества раскрывает уникальные особенности проявления силы данной правовой ценности.

Интересным является следующий момент. Может ли государство самостоятельно, без «проверки» правовой практикой и общественным правосознанием, устанавливать правовые средства, считая их правовой ценностью? Государство может и часто именно так внедряются заимствованные правовые институты или инструменты. Речь также идет о правовых идеях и идеалах, о том, что является средством идеологического воздействия в отношении общества. В большинстве своем без должного механизма их внедрения они так и остаются идеалами, лозунгами, программами. Но, если то или иное правовое средство, признаваемое государством и внедряемое с помощью правотворчества, становится со временем частью правовой действительности, и при этом обладает качеством эффективности, со временем оно превращается в правовую ценность. Так, примирительные процедуры при работающих правореализационных механизмах могут быть эффективным средством правового регулирования, способным не только определить баланс частного и публичного интереса в праве, согласовать интересы сторон, но и с одной стороны, разгрузить государство, а с другой стороны, действительно разрешать право-

вые конфликты в указанной сфере с позиции интереса, а не с позиции права (подразумевается, государства). К сожалению, способность функционировать не является главной чертой того ли иного явления, необходимы среда, условия. А в этом отношении не всегда продуманные решения государства, приводят не к положительному эффекту, а к очередному дисбалансу в праве или рождают правовую зону «отчуждения».

Так, проблема неработоспособности частно-правовых способов разрешения юридических конфликтов содержится в механизмах установления данных правовых инструментов, а так же в их необеспеченности правореализационными механизмами. Классическим примером, к сожалению, является часть судебной реформы, а точнее попытка внедрения частно-правовых процедур разрешения юридических конфликтов. Замечательные правовые идеи нашли воплощение исключительно в законодательстве. Статистика пропорционального уменьшения количества дел, рассмотренных с помощью медиации, ежегодно уменьшается, а количество дел, рассматриваемых судами, пропорционально увеличивается.

Неэффективность правотворческого решения в дальнейшем, как правило, воплощается в расширение объема содержания полномочий правоприменителей, позволяя разрешить юридическую ситуацию «вместо», а не с позиции помочь разрешить с позиции интереса, т. е. помочь достичь решения «самостоятельно». Изначально государство не должно предоставлять правоприменителям возможность вмешиваться в содержательную сторону разрешения спора, государство должно обеспечить возможность такого разрешения, при котором интересы обеих сторон будут удовлетворяться с позиции интереса, а значит, самостоятельно.

В каких бы случаях государство не защищало бы публичный интерес, оно так или иначе в своих решениях затрагивает частный интерес. Если это публичный интерес, то задача — не задавить частное. Если это частный интерес, задача — не вторгнуться в сферу публичного или не затронуть интересы третьих лиц. В договоре как правовой ценности соотношение частного и публичного проявляется наиболее ярко. Данная форма правового взаимодействия веками существовала в различных сферах правовой регуляции. На современном этапе развития права договор претендует на звание универсальной правовой ценности. Данные правовые конструкции не только являются универсальными с точки зрения использования всеми правовыми системами, но и «прочно обосновались не только в материально-правовой, но и в процессуально-правовой сфере» [4, с. 20].

Отражение правовых ценностей на всех стадиях правового воздействия — важнейший фактор, обеспечивающий действенность и эффективность права. Специфика национальной правовой системы предо-

пределяет, что является правовой ценностью на каждой стадии правового регулирования. Так, правовой ценностью правотворчества в Великобритании является судебный прецедент, в правовой системе Германии — закон. По сути, когда речь идет о правотворчестве в форме законотворчества, правовой ценностью должна являться законотворческая процедура. Человек не может знать содержание каждого закона, но порядок его принятия, порядок придания общеобязательной силы тем или иным установлениям государства, должны признаваться в качестве оптимальных, необходимых, эффективных, значимых процедур, в процессе которых устанавливаются те правила, которые не могут противоречить «духу» права.

Сама процедура создания правотворческого акта изначально предусматривает механизмы гармонизации частного и публичного интереса, проявляющиеся на каждой стадии правотворческого процесса. Классическими примерами являются процедуры создания судебного прецедента в странах англо-саксонской правовой семьи, или же процедура формирования правового обычая.

В правореализационных механизмах в наибольшей степени проявляется нарушение баланса частного и публичного начал в праве (при наличии дисбаланса). В большей степени это касается правосудия, которое, с одной стороны вскрывает эти «зазоры» неотрегулированные на предшествующих стадиях правового воздействия, с другой стороны, именно через суд, право способно гармонизировать столкновение интересов личности, государства, общества. Так, правовыми ценностями большинства стран англо-саксонской правовой семьи являются судебный иск, сама судебная процедура, различные формы разрешения юридических конфликтов. При этом каждое право приходит к тому оптимальному набору способов разрешения юридических конфликтов, которые в полной мере отражают не только национальную специфику, традиции, но и возможности общества и государства. В данном аспекте, возникает вопрос, насколько оправданна в современных реалиях национальной правовой системы формализация деятельности третейский судов (современный арбитраж). В части проблем судебной реформы причиной является нарушение баланса частного и публичного в праве и, как следствие, отсутствие ценностной основы, либо уход от устоявшихся правовых процедур в сторону политических приоритетов. Вездесущий контроль государства или желание все взять в «свои руки» часто отрабатывает назад, и вместо успешной реформы общество и государство получает новые проблемы. Само право становится источником неправа. Как верно отмечает Председатель Конституционного Суда В. Зорькин: «Именно «ножницы» между нормами, укорененными в обществе, и тенденциями пропагандируемых и наблюдаемых изменений

в российской реальности являются серьезным фактором того растущего социокультурного раскола, который с тревогой отмечают социологи и из-за которого они считают нынешнюю относительную российскую стабильность хрупкой и неустойчивой» [1, с. 14].

Говоря о законности, как о режиме действия права, мы обозначаем целый комплекс правовых средств, гарантирующих неуклонное воплощение в жизнь правовых предписаний. Среди них средства профилактики, предупреждения, контроль и надзор за деятельностью должностных лиц, конституционный контроль и др. Важным элементом являются средства обеспечения реализации норм права. Для успешного функционирования на практике, указанный арсенал правовых средств должен иметь характер доступных, признанных инструментов правового воздействия. Даже в механизмах юридической ответственности не должно ограничиваться правовое достоинство человека, т.е. правовые процедуры должны иметь значимость для индивида, а по сути, представлять собой правовую ценность. Когда эти векторы сойдутся, позитивное право, правоприменитель не будут стороной силы, а субъект — подчиненной стороной. По сути, даже в публичных правоотношениях, государство и частное лицо должны выступать не как две конфликтующие стороны, они должны быть двумя участниками, разрешающими юридический конфликт.

Многие современные юридические научные школы придерживаются мнения, что баланс в сфере частного и публичного заложен в политических ценностях. Так, Председатель Конституционного Суда В. Зорькин считает, что баланс частного и публичного начал обеспечивают конституционные ценности. В качестве примера можно привести следующую цитату: «Верховенство права как нормы (меры) свободы, выраженной в равенстве, или справедливости, является одной из важнейших основ (или начал) цивилизованного социума, исходя из которой устанавливается баланс свободы, власти и закона» [2, с. 8].

Правовые ценности — то, что признается и част-

ным интересом и публичным, и как следствие их внедрение изначально предполагает согласие воле, поэтому они способны быть средством гармонизации частного и публичного начал в праве. Право каждого общества способно к выработке собственной ценностной основы, благодаря которой право может выполнять возложенные на него функции — регулировать и охранять общественные отношения. Учет правовых ценностей на каждой стадии правового регулирования, их отражение, обеспечение — важнейший фактор эффективности правотворческих решений и действия права в целом.

Список источников

1. Зорькин, В. Д. Право силы и сила права. Лекция на V Международном Юридическом форуме в Санкт-Петербурге в 2015 году // Теория государства и права. 2016. № 1. С. 9–26.
2. Зорькин, В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12 (144). С. 3–14.
3. Леонтьев, А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016.
4. Момотов, В. В. Экономическая и правовая ценность договора в судебном процессе // Журнал российского права. 2019. № 1 (265). С. 19–25.

References

1. Zorkin, V. D. The right of force and the power of law. Lecture at the V International Legal Forum in St. Petersburg in 2015 // Theory of state and law. 2016. No. 1. P. 9–26.
2. Zorkin, V. D. The value approach in the constitutional regulation of rights and freedoms // Journal of Russian Law. 2008. No. 12 (144). P. 3–14.
3. Leontiev, A. A. Volost court and legal customs of peasants. Ed. 2-E. M.: LENAND, 2016.
4. Momotov, V. V. Economic and legal value of the contract in the judicial process // Journal of Russian Law. 2019. No. 1 (265). P. 19–25.

Информация об авторе

Е. В. Малыковцева – доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Malykovtseva – Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-187-192>

НИОН: 2003-0059-6/21-099

MOSURED: 77/27-003-2021-06-298

Из пепла революции: к вопросу об организационных и правовых принципах становления советского уголовного розыска

Татьяна Львовна Матиенко

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, pet4332@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности процесса становления уголовного розыска в первые годы советской власти — 1917–1920 гг. Подчеркивается, что особо важными вопросами в организации борьбы с разгулом преступности, вызванного крахом всей государственно-правовой системы в дни от февраля к октябрю 1917 г., были создание постоянной, централизованной службы уголовного розыска с разветвленной сетью территориальных подразделений, а также восстановление системы криминальных учетов, утраченной за годы двух революций. Акцентируется внимание на том, что в ходе становления советского уголовного процесса за отделами уголовного розыска закрепляется статус субъекта дознания.

Ключевые слова: уголовный розыск, дознание, оперативно-разыскная деятельность, советская милиция, Россия, РСФСР, НКВД РСФСР, Центроузроз, Московский уголовный розыск (МУР), преступность, борьба с преступностью.

Для цитирования: Матиенко Т. Л. Из пепла революции: к вопросу об организационных и правовых принципах становления советского уголовного розыска // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 187–192. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-187-192>.

Original article

From the ashes of the Revolution: on the question of organizational and legal principles of the formation of the Soviet criminal investigation department

Tatyana L. Matiyenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, pet4332@yandex.ru

Abstract. The article reveals the peculiarities of the process of formation of the criminal investigation department in the first years of Soviet power — 1917–1920. It is emphasized that particularly important issues in the organization of the fight against rampant crime caused by the collapse of the entire state-legal system in the days from February to October 1917 were the creation of a permanent, centralized criminal investigation service with an extensive network of territorial divisions, as well as the restoration of the system of criminal records lost during the years of two revolutions. Attention is focused on the fact that during the formation of the Soviet criminal process, the status of the subject of inquiry is assigned to the criminal investigation departments.

Keywords: criminal investigation, inquiry, operational search activity, Soviet police, Russia, RSFSR, NKVD of the RSFSR, Central Investigative Committee, Moscow Criminal Investigation Department (MUR), crime, fighting crime

For citation: Matiyenko T. L. From the ashes of the Revolution: on the question of organizational and legal principles of the formation of the Soviet criminal investigation department. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):187–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-187-192>.

© Матиенко Т. Л., 2021

Изучение историко-правового процесса становления и развития организации и правового регулирования уголовного розыска в России имеет значимость для разрешения принципиально важных направлений развития всей системы противодействия преступности, и, прежде всего, вопросов о статусе субъектов и правового регулирования, полномочиях органов прокуратуры по надзору за законностью оперативно-разыскной деятельности, правовых границ следственных и надзорных функций в досудебном производстве по уголовным делам, о компетенции сотрудников оперативно-разыскных подразделений силовых ведомств Российской Федерации. Эти вопросы приобрели особую остроту и значимость в связи с реформой оперативно-разыскной деятельности, ознаменованной «Законом об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации» 1992 г. и Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности» 1995 г. Она была вызвана переживаемым Россией в тот момент болезненным переходом от авторитарного государства к демократическому, правовому государству и несла на себе печать всей его сложности и противоречивости. Более того, функционирующая система противодействия преступности в Российской Федерации все еще сохраняет «родимые пятна» советского историко-правового наследия (проблема легализации результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе, правовое разграничение средств уголовного процесса и оперативно-разыскных мероприятий и др.) Однако и сама советская система противодействия преступности начала свое становление в не менее, а, напротив, более сложной общественной обстановке — в эпоху Октябрьской революции и гражданской войны, характеризующую крайней нетерпимостью и вооруженным столкновением противоборствующих сил за будущее страны.

Кардинальные изменения основ общественного и государственного строя, явившиеся итогом Октябрьской революции 1917 г., потребовали создания новых органов власти и управления, права и законодательства.

Пережитые российским обществом в начале XX в. крайние социальные потрясения в лице трех революций и участия в первой мировой войне имели своим негативным, но закономерным следствием рост преступности, достигший пиковых значений после краха всей имперской правоохранительной системы в феврале 1917 г. По известным статистическим данным за период 1914–1918 гг. преступность в Москве возросла в 3,3 раза (в том числе: убийства — в 11 раз, вооруженные грабежи — в 307 раз, простые грабежи — в 9

раз, кражи — в 3,4 раза, мошенничество — в 3,9 раза, присвоения и растраты — в 1,6 раза [4, с. 151]. В дни от февраля к октябрю 1917 г. криминогенная обстановка была крайне напряженной, а с октября 1917 г. — критичной. Только за первые десять дней ноября 1918 г. были совершены ограбления на общую сумму около 530 тыс. рублей.

В столицах пик бандитизма пришелся на 1917–1919 годы. Красноречивее статистики звучат свидетельства английского писателя и публициста Герберта Уэллса, посетившего тогда советскую Россию: «Среди бела дня на улицах Москвы и Петрограда людей грабили и раздевали, и никто не вмешивался. Тела убитых валялись в канавах порой по целым суткам, и пешеходы проходили мимо, не обращая на них внимания. Вооруженные люди, часто выдававшие себя за красногвардейцев, врываются в квартиры, грабили и убивали» [11, с. 35].

В Петрограде в первые дни Октября прокатилась волна уличных и квартирных краж, нападений на государственные учреждения, иностранные посольства и представительства, но особенно — «пьяных погромов», когда разбушевавшаяся толпа грабила пивоваренные заводы, винные подвалы и склады. «Наиболее активным криминогенным элементом были безработные, рабочая молодежь и солдаты, самовольно прибывавшие со своих позиций. После октябрьских событий дезертирство с фронта и из тыловых частей стало лавинообразным. Во многих городах были целые слободы, заселенные уголовниками, дезертирами, где милиция боялась появляться. Были и «идейные» грабители — анархисты. Они активно занимались самочинными реквизициями, грабежами и разбоями. (Массированный удар по основным пунктам их дислокации удалось нанести в апреле 1918 г.)» [2, с. 91–92]. В Москве орудовали банды Якова Кошелькова¹ и Николая Сафонова.

Самой жестокой была банда Николая Сафонова (Сабана) из более чем 30 человек. На ее счету были многочисленные грабежи и разбои, с последующим хладнокровным убийством жертв, на общую сумму в свыше 4,5 млн. руб., целенаправленные убийства 16 милиционеров и т.п. По рассказам, главарь, узнав о том, что его разыскивают, явился в 27 отделение милиции и попросту разогнал его. Настоящая охота на

¹ Настоящая фамилия — Кузнецов, из семьи каторжника, хитровский карманник-рецидивист, после революции специализировался на изъятиях, чаще в Сокольниках; после неоднократных задержаний всегда сбегал, оставляя за собой трупы. В результате многомесячной целенаправленной «охоты» ВЧК и милиции в конце июля 1919 г. был смертельно ранен, а остатки шайки по постановлению Московской ЧК расстреляны.

него была объявлена после того, как он в городе Лебедянь полностью вырезал семью своей родной сестры из восьми человек, что подняло на ноги весь город, а его поимку сделало важнейшей задачей уголовного розыска. По поимке Сафонов был публично казнен. Однако его банда продолжала свои грабежи и убийства еще до весны 1920 г.

В наследие от Временного правительства светской власти остались разрозненные органы уголовного розыска в составе милиции отдельных городов. Разрозненные уголовно-розыскные подразделения (уголовные бюро, отделы уголовной разведки, бюро уголовного сыска и т.п.) действовали в составе милиции отдельных городов (Москве, Петрограде, Саратове, Иркутске, Нижнем Новгороде, Челябинске и др.), подчинялись местным советам, состоящим при них органам юстиции или суда, и какая-либо координация в их организации и деятельности отсутствовала.

В таких условиях вся деятельность по борьбе с преступностью постановлением СНК в январе 1918 г. была возложена на Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (ВЧК), созданную при СНК РСФСР уже 7 декабря 1917 г. специально для борьбы с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и многими другими опасными проявлениями (Ф. Э. Держинский, Я. Х. Петерс) [7]. Эти функции были законодательно оформлены распоряжением советского правительства уже в начале 1918 г. [8]. Лишь подразделения ВЧК проводили целенаправленную и централизованную борьбу с преступностью во всех ее проявлениях.

Силы охраны правопорядка – рабочая милиция, имевшиеся в первые годы советской власти – были неопытны, разрозненны, в значительной степени самоchinны. Идея охраны правопорядка и противодействия преступности не специальными государственными органами, а милиционными народными отрядами понималась буквально, и ее воплощение на практике очень быстро показало несостоятельность теории ликвидации полиции. Начало Гражданской войны и иностранной интервенции наглядно показали, что идея всеобщего вооружения народа в чистом виде ущербна и в данных условиях не срабатывает. ВЧК не имела возможности в одиночку преломить криминогенную ситуацию, к тому же имея приоритетную борьбу с политическими противниками власти.

Обострение криминогенной обстановки в стране привело советское руководство к осознанию, что необходима профессиональная милиция, и, прежде всего, на таких важнейших направлениях деятельности по борьбе с преступностью как раскрытие преступлений и розыск преступников. Нарком внутренних дел

РСФСР Г. И. Перовский 21 марта 1918 г. обращался в Совнарком республики с предложением о создании милиции на штатной основе. 10 мая 1918 г. на коллегии НКВД РСФСР было принято решение о том, что «милиция существует как постоянный штат лиц, исполняющих специальные обязанности, организация милиции должна осуществляться независимо от Красной Армии, функции их должны быть строго разграничены»¹. Этот принцип был заложен в проект Положения «О народной рабоче-крестьянской охране (милиции)». Эти решения создали необходимые организационные и правовые предпосылки для создания аппарата советского уголовного розыска на профессиональной основе.

В 1918–1919 гг. советской властью был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на становление советской правоохранительной системы и борьбу с преступностью. Наиболее значительными из них были Положение «Об организации отделов уголовного розыска» от 5 октября 1918 г. и разработанная Центрозоыском в конце 1919 г. «Инструкция ГУСРКМ² по уголовному розыску» [6, с. 33–35, 68–72]. В этих документах в части определения задач, функций и методов деятельности отделений уголовного розыска советской милиции указывалось, что таковыми соответственно являются «охрана революционного порядка» и «предупреждение готовящихся, раскрытие совершившихся и пресечение обнаруженных преступлений путем негласной агентуры и наружного наблюдения» [6, с. 33, 69]. Во исполнение Положения «Об организации отделов уголовного розыска» с 5 октября 1918 г. по всей стране стали создаваться подразделения по борьбе с уголовными преступлениями. Положение гласило: «В различных пунктах РСФСР для охраны революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом учреждается на основании следующего положения при всех губернских управлениях советской рабоче-крестьянской милиции в городах как уездных, так и посадах с народонаселением не менее 40000–45000 жителей отделения уголовного розыска... Все существующие ныне уголовно-розыскные учреждения должны быть реорганизованы и изменены согласно данному положению...» [9, с. 9].

На коллегии НКВД РСФСР 5 октября 1918 г. в ходе обсуждения мер по борьбе с преступностью и Положения «Об организации отделов уголовного розыска» было выработано еще одно важное решение – об обра-

¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.

² ГУСРКМ — Главное управление советской рабоче-крестьянской милиции.

зовании при Главном управлении светской рабоче-крестьянской милиции НКВД «для общего руководства и управления деятельностью в РСФСР уголовно-розыскного дела» Центрального управления уголовно-розыска (Центророзыска). Оно было утверждено спустя два дня — 7 октября 1918 г. — Приказом № 1 ГУСРКМ. Тем самым уголовный розыск ставился в прямое подчинение НКВД РСФСР, но организация его конкретных подразделений в соответствии с указаниями НКВД РСФСР о структуре, численности, правовом статусе, некоторых процессуальных аспектах деятельности и т.п. возлагалась на местные Советы. Значимость этих решений в строительстве новой советской правоохранительной системы состояла в том, что был положен конец неупорядоченности уголовно-розыскного аппарата и начало его централизации.

Первоначальный период становления аппарата уголовного розыска, его функциональных обязанностей и методов работы, строился в соответствии с уже имеющимся опытом работы ВЧК, и среди важнейших актов, регламентирующих его деятельность, можно назвать: «Инструкцию по уголовному розыску» от 16 октября 1918 г.; Инструкцию по борьбе со спекуляцией 1918 г.; Инструкцию по наружному наблюдению; «Краткие указания ЧК для ведения разведки», принятые на 1-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий в 1918 г.; Положение о секретно-оперативном отделе ГЧК, утвержденное коллегией ВЧК в феврале 1920 г.; Инструкцию «О разрабатывании дел» от 17 июля 1921 г.; Инструкцию органам ВЧК на местах по ведению агентурной работы от 17 июля 1921 г.; Инструкция по уголовному розыску, разработанная в 1919 г.; Инструкция по оперативной работе для сотрудников уголовного розыска, 1921 г. и др. Причем, многие документы, и в первую очередь, касающиеся методов оперативно-розыскной работы, были практически скопированы с действующих в царской полиции регламентов (например, детальной основой для «Кратких указаний ЧК для ведения разведки» стала инструкция охранному отделению 1914 г.) [12, с. 127–129].

В Москве был восстановлен дооктябрьский Московский уголовный сыск (МУС), точнее, уголовно-розыскное отделение МВД Временного правительства (уголовно-розыскная милиция), формально упраздненное большевиками 4 декабря 1917 г. Следует особо подчеркнуть, что уголовный розыск в Москве в виде Московского уголовного розыска — МУРа (или Московского уголовного сыска и розыска — МУСиРа) был именно «восстановлен», так как весь штат бывшего МУСа и его начальник с 1914 г. К. П. Маршалк

и после Октября остались верными профессиональному долгу и не покинули своих постов, чем немало способствовали скорейшей ликвидации террора уголовщины, доставшегося новой власти в наследство. Статистика преступлений в Москве была крайне неутешительной. По данным В.В. Лунева, в 1919 г. она составила 124 %, в 1920 г. — 147 %, в 1921 г. — 153 % [4, с. 151].

Задачей МУРа было уничтожение вооруженных шайк и банд, которых в столице насчитывалось более 30. Самый резонансный случай ограбления произошел в 1919 г. (24 декабря 1918 г. по старому стилю, 6 января 1919 г. — по новому стилю), когда жертвой грабежа, совершенного бандой Кошелькова — «ночного хозяина Москвы», стал сам вождь мирового пролетариата В. И. Ленин. Яшка Кошельков и его подручные остановили автомобиль председателя СНК и, не узнав его, разоружили его и отпустил с сестрой Марией Ильиничной, охранником и водителем даже без серьезных телесных повреждений. МУР, на который после этого случая была возложена ответственность за борьбу с преступностью, сумел за самое краткое время кардинально переломить криминальную ситуацию в столице. Сотрудники МУРа на внутренней стороне лацканов пиджаков носили особые ведомственные треугольные знаки с надписью «Московский уголовный розыск» со стилизованным изображением глаза и указанием личного номера.

Петроградский сыск, напротив, был полностью разогнан Коллегией НКВД РСФСР с резолюцией: «Уголовно-розыскное отделение немедленно ликвидируется. Это... учреждение мало чем отличается от охраны, никогда не служило рабочим и крестьянам» [1, с. 48].

Центророзыск стремительно распространял сеть своих территориальных подразделений. Так, уже с февраля 1919 г. в большинстве крупных городов стали действовать розыскные отделения, которые, в случаях требований местной криминальной обстановки, можно было создавать и «в населенных пунктах с населением менее 40 тыс. человек». К сентябрю 1919 г. в РСФСР имелось 62 таких отделения (34 губернских и 28 городских в уездных городах). С осени 1920 г. транспортная милиция получила свои (линейные) отделения уголовного розыска.

Важнейшей задачей, с которой столкнулся Центророзыск было восстановление системы учета и регистрации преступников, практически полностью разрушенной революционной вакханалией марта–октября 1917 г. В этих целях уже с первых дней своего создания Центророзыск принял меры по составлению

местными подразделениями уголовного розыска картотек преступников (описания, фотографий, отпечатков пальцев) с дальнейшим направлением в течение одного месяца собранной информации в его специальные отделы. В марте 1919 г. были созданы регистрационное и дактилоскопическое бюро и кабинет судебной экспертизы. Следующим шагом стало требование предоставления в двухнедельный срок информации о всех разыскиваемых лицах, подлежащих задержанию. Одновременно разрабатывались и рассылались инструкции по самым различным аспектам розыскной деятельности.

С момента создания уголовно-розыскной службы все ее оперативные сотрудники именовались агентами уголовного розыска. В зависимости от качества и интенсивности труда они были разделены на три разряда с соответствующими должностными окладами (для сотрудников МУРа в 1918 г., например, 550, 525 и 475 руб. соответственно). Все агенты начинали работу после месячного испытательного срока в должности агента 3-го разряда и после двух месяцев работы в зависимости от показателей могли быть переведены разрядами выше. Это правило действовало и в обратную сторону. Число агентов в территориальных органах милиции не зависело от количества обслуживаемого населения, а определялось требованиями фактической оперативной обстановки. Так, циркуляр главного управления рабоче-крестьянской милиции от 4 января 1919 г. определял: «Данные статистики, подтвержденные практикой, указывают, что технический состав служащих отделений должен равняться 10 % преступлений в данном районе в среднем за месяц, т.е. на каждого агента уголовного розыска должно падать 10 преступлений за месяц» [6, с. 56]. При реорганизации уголовного розыска в конце 1920-х годов установлением должностей уполномоченных и помощников уполномоченных уголовного розыска название «агент» для оперативных сотрудников и их деление на разряды были упразднены [5, с. 8].

Из хаоса, созданного упразднением царского института судебных следователей декретом СНК от 24 ноября 1917 г. в досудебном уголовном производстве, постепенно формировалась компетенция отделов уголовного розыска. Производство предварительного следствия Декретом СНК РСФСР от 12 февраля 1918 г. «О суде» было возложено на специальные следственные комиссии при Советах рабочих и крестьянских депутатов, которые физически не успевали исполнять свои обязанности, поэтому значительная часть дел расследовалась подразделениями уголовного розыска [10, с. 55]. Вскоре организационное слияние уголовно-

го розыска и следствия на практике получило правовое закрепление в Положении «О следственно-розыскной милиции», изданном НКВД РСФСР в апреле 1920 г. и созданию следственно-розыскной милиции при исполкомах местных Советов с возложением задач «предупреждения, пресечения, раскрытия, расследования уголовно наказуемых деяний и дальнейшего направления производимых расследований» [6, с. 106]. Так продолжалось вплоть до введения народных следователей НКВД РСФСР в октябре 1920 г. (Инструкция «Об организации расследования преступлений, для облегчения работы народных следователей» и «Инструкция народным следователям по производству предварительного следствия») [3]. Вступивший в действие в 1923 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР сохранил за уголовным розыском функции дознания.

Оценивая работу советского уголовного розыска в первые годы его становления, необходимо отметить, что к 1920 г. в крупных городах был бандитизм и сокращалось число менее тяжких преступлений. Наиболее успешно уголовный розыск работал в Москве, Петрограде и Саратове. МУР в 1919 г. раскрыл почти на 1000 преступлений больше, чем в 1918 г., а среднемесячный показатель раскрытия преступлений, который в 1918 г. не превышал 38 %, в августе 1919 г. составил 57 % (раскрытие особо опасных преступлений было еще выше). К 1920 г. удалось ликвидировать почти все активные контрреволюционные организации, большинство криминальных организованных банд и преступных групп и относительно сбить волну уголовной преступности.

В итоге, к 1920 году уголовный розыск сформировался как постоянный (штатный) специализированный, централизованный и разветвленный аппарат борьбы с преступностью и субъект дознания и розыска по уголовным делам. Дознание и розыск прочно вошли как особые виды правоохранительной деятельности в состав функций советской милиции и начали свое становление в качестве профессии.

Список источников

1. Абрамовский, А. А. Организационно-правовые основы борьбы с уголовной преступностью в Челябинске в первый год советской власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 20 (349). Экономика. Вып. 40. С. 48–53.
2. Иванов, А. А., Головин, А. Н. О некоторых концептуальных основах уголовной политики РСФСР в 1917-1919 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 91–94.

3. Инструкция народным следователям по производству предварительных следствий / РСФСР. Народный комиссариат юстиции. 1920.
4. Лунев, В. В. Преступность XX века : мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 151.
5. МВД России : Энциклопедия / Гл. ред. В.Ф.Некрасов. М., 2002.
6. Милиция России : Документы и материалы. 1917–1999. Т. I. 1917–1934. / Авт.-сост. : А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев, Б. В. Чернышев, А. В. Афанасьев, А. В. Лобанов. Саратов, 2000.
7. Постановление СНК РСФСР от 7 (20) декабря 1917 г. «Об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем». ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 23. Д. 2. Л. 159, 161–162.
8. Постановление СНК РСФСР от 31 января 1918 г.; Декрет СНК РСФСР от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности!» // Правда. 1918 г. 22 февраля.
9. Постановление НКВД РСФСР от 5 октября 1918 г. «Положение об организации отделов уголовного розыска» // Вестник НКВД. 1918. № 24.
10. Степанов, М. М. Институт единоличных следователей в России в годы гражданской войны (1918–1920) // Российский следователь. 2016. № 21. С. 52–56.
11. Уэллс, Г. Россия во мгле. М., 1970.
12. Федоров, А. В., Шахматов, А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб, 2005.
- State University. 2014. № 20 (349). Economy. Issue 40. P. 48–53.
2. Ivanov, A. A., Golovin, A. N. On some conceptual foundations of the criminal policy of the RSFSR in 1917–1919 // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 9. P. 91–94.
3. Instructions to people's investigators on the production of preliminary investigations / RSFSR. People's Commissariat of Justice. 1920.
4. Lunev, V. V. Crime of the twentieth century: world, regional and Russian trends. M., 2005. P. 151.
5. The Ministry of Internal Affairs of Russia : Encyclopedia / Editor-in-chief V. F. Nekrasov. M., 2002.
6. Militia of Russia : Documents and materials. 1917 – 1999. T. I. 1917–1934. / Author-comp. : A. Ya. Malygin, R. S. Mulukaev, B. V. Chernyshev, A.V. Afanasyev, A.V. Lobanov. Saratov, 2000.
7. Resolution of the SNK of the RSFSR of December 7 (20), 1917 “On the formation of the All-Russian Emergency Commission (CHEKA) to combat Counterrevolution and sabotage”. GARF. F. R-130. Op. 23. d. 2. l. 159, 161–162.
8. Resolution of the SNK of the RSFSR of January 31, 1918; Decree of the SNK of the RSFSR of February 21, 1918 “The Socialist Fatherland is in danger!” // Pravda. 1918, February 22.
9. Resolution of the NKVD of the RSFSR of October 5, 1918 “Regulations on the organization of criminal investigation departments” // Bulletin of the NKVD. 1918. No. 24.
10. Stepanov, M. M. Institute of individual investigators in Russia during the Civil War (1918–1920) // Russian investigator. 2016. No. 21. P. 52–56.
11. Uells, G. Russia in the mist. M., 1970.
12. Fedorov, A. V., Shakhmatov, A. V. Legal regulation of citizens' assistance to bodies engaged in operational investigative activities. St. Petersburg, 2005.

References

1. Abramovsky, A. A. Organizational and legal bases of the fight against criminal crime in Chelyabinsk in the first year of Soviet power // Bulletin of the Chelyabinsk

Информация об авторе

Т. Л. Матиенко – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. L. Matiyenko – Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 19.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 19.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-193-197>

НИОН: 2003-0059-6/21-100

MOSURED: 77/27-003-2021-06-299

Послереволюционный генезис становления и развития института ведомственного контроля в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации

Кристина Андреевна Московцева

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается процесс становления института ведомственного контроля в России, анализируются историческая ретроспектива и точки зрения ученых–процессуалистов на существующие проблемы. Также автором обозначается соотношение функций руководителя следственного органа и прокурора относительно деятельности следователя в прошлом и на современном этапе. В заключении предлагается редакция понятия руководитель следственного органа.

Ключевые слова: ведомственный контроль, руководитель следственного органа, следователь, прокурор, прокурорский надзор

Для цитирования: Московцева К. А. Послереволюционный генезис становления и развития института ведомственного контроля в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 193–197. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-193-197>.

Original article

Post-revolutionary genesis of the formation and development of the institution of departmental control in the criminal procedure department legislation of the Russian Federation

Kristina A. Moskovtseva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The article examines the process of formation of the institution of departmental control in Russia, analyzes the historical retrospect and the points of view of process scientists on existing problems. The author also indicates the ratio of the functions of the head of the investigative body and the prosecutor in relation to the activities of the investigator in the past and at the present stage. In conclusion, we propose a revision of the concept of the head of the investigative body.

Keywords: departmental control, head of the investigative body, investigator, prosecutor, prosecutor's supervision

For citation: Moskovtseva K. A. Post-revolutionary genesis of the formation and development of the institution of departmental control in the criminal procedure department legislation of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):193–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-193-197>.

Вопросы организации деятельности следователя, контроль руководителя следственного органа, прокуратуры не перестают вызывать научный интерес среди процессуалистов. Институт ведомственного контроля

в России еще достаточно молод, но даже небольшой исторический опыт и взгляд в ретроспективу позволяют обозначить имеющиеся проблемы и выстроить возможные пути их решения. Наиболее интересным для

© Московцева К. А., 2021

рассмотрения представляется послереволюционный период, когда, согласно концепции Ю. А. Цветкова, произошел довольно быстрый качественный переход от судебной модели к прокурорской и прокурорско-полицейской моделям организации предварительного расследования [13].

После упразднения Устава 1864 года, а также отмены некоторых других указов уголовного судопроизводства, судебное следствие начало постепенный переход от судебной власти к исполнительной.

Так, в п. 3 Декрета «О суде № 1» 1917 г. говорилось, что предварительное следствие возлагается на местных судей единолично до преобразования всего порядка судопроизводства [1].

Внедрялось формирование временных следственных комиссий, действовавших при тюрьмах, члены которых, в количестве трех человек, должны были заниматься проверкой законности и обоснованности арестов [7].

В дальнейшем, законодательно была закреплена необходимость коллегиального принятия решения, касающегося вопросов ареста, обыска, выемки и освобождения арестованных лиц. Единоличное решение, в порядке исключения, принималось лишь в случае, не терпящем отлагательств, но с учетом того, что в течение 12 часов комиссия должна была быть поставлена в известность и утвердить принятую меру. Следовательно, необходимость судебного контроля за законностью и обоснованностью действий отпадает.

Следующий Декрет ВЦИК «О суде» 1918 г. поддержал тенденцию сокращения всеобъемлющей контролирующей роли суда, поддерживая необходимость производства предварительного следствия следственными комиссиями в составе трех уполномоченных лиц [2].

С 1920 года для отдельных категорий дел вводилась новая процессуальная фигура — следователь по важнейшим делам, которые избирались Губернскими Исполнительными Комитетами Советов и находились в ведении Народного Комиссариата юстиции и отделов юстиции.

При возникновении необходимости следователи имели право привлекать милицию, уголовный розыск и иные необходимые учреждения и лиц. Требования следователя были обязательны как для милиции, так и для других органов и учреждений. Налицо возрастающая роль следственных органов и увеличение их процессуальной самостоятельности.

Однако, в мае 1922 года ситуация изменилась, так как было принято новое Положение о прокурорском надзоре. С этого момента надзорная функция полностью закреплялась за прокуратурой.

Но прокуратура, на данный период, была не единственным контролирующим органом для следователя. Последний оставался также и в подчинении суда. Суд

также рассматривал жалобы, подаваемые на действия следователя свидетелями, переводчиками, понятыми, экспертами, поручателями или залогодателями за обвиняемого, нарушающие их права. Данная норма сохранилась в ст. 216 УПК 1922 года. А ст. 224 того же УПК содержала положение о том, что прокурор района и суда, при котором следователь состоит, должен рассматривать жалобы, подаваемые на незаконные действия следователя, волокиту и принятие мер пресечения.

В этот период среди ученых-процессуалистов зарождается научная дискуссия, связанная с выбором оптимальной модели развития следственного аппарата и с закреплением в ней роли прокурора. Насчет последнего было немало споров. Так, А. Я. Вышинский поддерживал полное изъятие контрольно-надзорных полномочий у суда и закрепление таковых за прокурором. В противовес этой точке зрения выступал П. Я. Стучка. Он считал, что контрольно-надзорные функции должны быть в полном объеме сохранены за судом [13].

В сентябре же 1928 года следственный аппарат перешел в подчинение прокуратуры [6]. А. Г. Журавлев писал на этот счет о том, что функции прокурора настолько расширились, что, по сути, он осуществлял надзор не за действиями следователя, а за своими собственными действиями, так как следователь в этой модели предстает лишь как исполнитель прокурорской воли [5, с. 36].

Ю. А. Цветков утверждает, что такая прокурорская модель на осуществление предварительного следствия просуществовала вплоть до 1938 года, и это не случайно, так как подобная тенденция была уже заложена в самой природе концепции «прокурорской монополии». Подобно прокуратуре, любое ведомство, обладающее хоть малой частью полицейской функций в дальнейшем будет испытывать притязания на следственные полномочия [13].

Чуть позже на базе НКВД СССР была образована следственная часть. В связи с этим, существовавшая модель была утрачена. Стоит отметить, что такое полное сосредоточение в одних руках всей следственной работы имело негативные моменты, например, в виде перегрузки следователей. Но такое положение дел, с другой стороны, вызвало и растущий интерес к органам дознания. В этой связи, в 1940–1950 годы в милиции создавались свои следственные органы, подчиняющиеся напрямую уже не прокуратуре, а следственному отделу Главного управления милиции МВД СССР. Между тем, законного права на осуществление предварительного следствия в полном объеме у них не было, сохранялось только право выполнять отдельные поручения следователя.

Принятие Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 года и УПК РСФСР 1960 года послужило

началом глобальной дискуссии по поводу ведомственной принадлежности предварительного следствия. Но, по-прежнему, на законодательном уровне, что было закреплено в ст. 25 УПК РСФСР, сохранялось право процессуального надзора за органами прокуратуры.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» таким правом были теперь наделены сотрудники Министерства охраны общественного порядка СССР (МВД СССР). Это явилось фундаментальной основой начала работы следственных аппаратов органов внутренних дел [9].

Теперь следователи органов охраны общественного порядка были правомочны производить предварительное расследование. Контроль за их деятельностью возлагался на начальников следственных органов.

Таким образом, в течении первой половины 60-х годов происходит оформление полномочий начальника следственного органа, который осуществлял контрольные функции за деятельностью сотрудников внутренних дел, ведущих дознание и следствие. Но пока данные полномочия были отражены лишь в ведомственных нормативных актах.

Законодательно руководитель органа предварительного следствия был наделен процессуальным статусом в 1965 году, когда был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [10]. Также был расширен круг его полномочий: помимо контрольных функций, начальнику вменялась проверка уголовных дел, изъятие дела у одного следователя и передача его другому, поручение расследования нескольким следователям, а также принятие участия в расследовании самому. Все указания, которые были даны в ходе расследования, являлись обязательными для исполнения.

Таким образом, начальник следственного отдела обладал весьма небольшим кругом организационных полномочий. В ученой среде 60-х–70-х годов прошлого столетия разразилась дискуссия по поводу процессуального положения начальника следственного отдела. Одни предлагали расширить круг полномочий начальника следственного отдела, передав ему отдельные полномочия прокурора [11, с. 16]. Находились и противники подобных идей, которые говорили о том, что подобное всеобъемлющее наделение начальника следственного отдела полномочиями угнетет процессуальную самостоятельность следователя. Высказывалось также предположение о том, что такой переход полномочий из одних «рук в другие» не повлечет никаких положительных изменений для следствия, а поменяет лишь название в осуществляемой форме контроля [14, с. 19].

Данная проблематика не потеряла своей актуаль-

ности и в ходе проведения судебной-правовой реформы конца 20 – начала 21 столетия. В ходе разработки законопроекта нового УПК РФ дискуссия не утихла, а наоборот становилась только острее. Так, в этот период в дополнение к уже существующим позициям выдвигались идеи ликвидации фигуры руководителя следственного органа из уголовного процесса, а также значительного сокращения функций руководителя следственного отдела в целях обеспечения процессуальной самостоятельности следователя. Выдвигались идеи не только полного лишения процессуального статуса фигуры начальника следственного отдела, но и более гуманные, как например, сокращение его полномочий [8, с. 14].

Все же в УПК РФ 2001 года фигура начальника следственного отдела была сохранена, а круг его полномочий даже несколько расширен. Так, законодательно впервые было закреплено право начальника следственного отдела отменять необоснованные постановления следователя о приостановлении уголовного дела. Также за ним сохранялись следующие полномочия: он, как и прежде, мог поручать производство следствия одному или нескольким следователям, мог принять уголовное дело к своему производству и производить следствие самостоятельно. Начальник следственного отдела обладал организационными полномочиями, контролировал работу следователя, проверял материалы уголовного дела, при необходимости мог давать указания о направлении хода расследования, применении мер пресечения, квалификации преступления.

В этот период возникает вопрос о четком разграничении функций прокурора и начальника следственного отдела, так как между прокурорским контролем и ведомственным контролем начала стираться граница [5, с. 39].

Бывший Генеральный прокурор РФ Ю. Я. Чайка считает, что на данном этапе такой проблемы нет, но нет и баланса между прокурорским и ведомственным контролем [4, с. 27].

Следующий этап преобразований института ведомственного контроля связан с образованием в 2007 году Следственного комитета при Прокуратуре РФ. Теперь начальник следственного отдела приобрел статус руководителя следственного органа [12]. А уже имеющиеся функции были дополнены рядом властно-распорядительных полномочий прокурора, касающихся контроля за ходом предварительного следствия.

В 2010 году произошло отделение Следственного комитета от прокуратуры, что само собой повлекло новые изменения в процессуальном законодательстве.

В дальнейшем, видится уверенная тенденция по расширению процессуального статуса фигуры руководителя следственного органа. Ст. 39 УПК РФ продолжает дополняться редакциями полномочий, таким

образом, наделяя руководителя следственного органа не столько организационными, как в большинстве своем властно-распорядительными функциями.

Отдельные ученые-процессуалисты всерьез задумываются над целесообразностью наделяния и прокурора, и руководителя следственного органа широким кругом полномочий. Например, Д. А. Иванов считает, что надзорные полномочия должны быть «в руках» прокуратуры, поскольку только прокурорский надзор сможет в полной мере гарантировать возмещение вреда, равно как и восстановление прав лиц, пострадавших от преступления [3, с. 134].

Учитывая советский исторический опыт и взгляды ряда ученых на распределение полномочий прокурора и начальника следственного органа, становится очевиден факт того, что за прокурором должны остаться только надзорные функции относительно органов предварительного расследования.

Но в отечественной юридической литературе постепенно разгорается дискуссия об отрицательном влиянии всеобъемлющей распорядительной функции руководителя следственного органа, которая зачастую выражается в чрезмерном угнетении процессуальной самостоятельности следователя чередой указаний. Становится ясно, что в этом кроется одна из современных многоаспектных проблем института ведомственного контроля за процессуальной деятельностью следователя на досудебном этапе производства по уголовным делам. Исходя из этого, необходимо внести коррективы в понятие руководителя следственного органа, ограничив круг его властно-распорядительных функций проверкой законности действий следователя, и изложить его в следующей редакции:

Руководителем следственного органа является должностное лицо, возглавляющее орган, осуществляющий предварительное расследование, и наделенное, в пределах своей компетенции, полномочиями по осуществлению контроля за законностью действий следователя в досудебном производстве по уголовным делам.

Список источников

1. Декрет «О суде» от 24.11.1917 // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
2. Декрет «О суде» №2 от 15.02.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. Ст. 410.
3. Иванов, Д. А. Значение прокурорского надзора за деятельностью следователя, дознавателя по возмещению причиненного преступлением вреда // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 132–135.
4. Колоколов, Н. А. Последние новеллы УПК РФ: баланс обвинительной власти стабилизируется // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 25–32.
5. Манова, Н. С. Становление института ведомственного руководства деятельностью следователя //

Вестник ВГУ. 2015. № 1(26). С. 34–41.

6. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 03.09.1928 г. «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 52. Ст. 733.

7. Постановление Народного Комиссариата Юстиции от 15.12.1917 № 146 «О мерах заключения задержанных и об учреждении при тюрьмах следственных комиссий, проверяющих правильность и законность ареста» // [Электронный ресурс] <https://www.lawmix.ru/> (Дата обращения: 24.02.2021).

8. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: теорет. модель / Под ред. В. М. Савицкого. М., 1990.

9. Указ Президиума ВС СССР от 06.04.1963 № 1237-VI «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» // Ведомости ВС СССР, 1963, № 16. Ст. 181.

10. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.12.1965 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/1306550/> (дата обращения: 24.02.2021).

11. Ураков, Л. О процессуальном положении работников следственных отделов органов охраны общественного порядка // Социалистическая законность. 1964. № 7. С. 16–17.

12. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ» // Российская газета. 08.06.2007.

13. Цветков Ю.А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // [Электронный ресурс] <https://wiselawyer-gu.turboimages.org/wiselawyer.ru/> (дата обращения: 24.02.2021).

14. Чистякова, В. С. Органы предварительного расследования преступлений и разграничение компетенции между ними : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 1964.

References

1. Decree “On the court” of 24.11.1917 // Collection of laws of the RSFSR. 1917. No. 4. Article 50.
2. Decree “On the Court” No. 2 of 15.02.1918 // Collection of laws of the RSFSR. 1918. No. 26. Article 410.
3. Ivanov, D. A. The importance of the prosecutor’s supervision of the activities of the investigator, the inquirer for the compensation of the harm caused by the crime // Bulletin of Economic Security. 2016. No. 5. P. 132–135.
4. Kolokolov, N. A. Recent novels of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the balance of the prosecutorial power is being stabilized. 2009. No. 2. P. 25–32.
5. Manova, N. S. Formation of the institute of departmental management of the investigator’s activities // Vestnik VGU. 2015. №1(26). P. 34–41.

6. Decree of the VTSIK and SNK of the RSFSR of 03.09.1928 “On change of Position on the judicial system of the Russian Federation” // Collection of laws of the Russian Federation. 1928. No. 52. St.733.

7. Resolution of the People’s Commissariat of Justice of 12/15/1917 No. 146 “On measures of detention of detainees and on the establishment of investigative commissions at prisons checking the correctness and legality of arrest” // [Electronic resource] <https://www.lawmix.ru/> (accessed: 02/24/2021).

8. Criminal procedure legislation of the USSR and the RSFSR : theory. model / Ed. by V. M. Savitsky. M., 1990.

9. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 06.04.1963 No. 1237-VI “On granting the right to conduct preliminary investigations to public order protection bodies” // *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1963, No. 16. St. 18.

10. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of 12/14/1965 “On amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the RSFSR” // [Electronic resource] <https://base.garant.ru/1306550/> (accessed: 02/24/2021.)

11. Uraikov L. On the procedural status of employees of investigative departments of public order protection bodies // *Socialist Legality*. 1964. No. 7. P. 16–17.

12. Federal Law No. 87-FZ of 05.06.2007 “On Amendments and Additions to the Code of Criminal

Procedure of the Russian Federation” // *Rossiyskaya Gazeta*. 08.06.2007.

13. Tsvetkov, Yu. A. Historical stages of the development of the preliminary investigation bodies in Russia // [Electronic resource] <https://wiselawyer.ru.turbopages.org/wiselawyer.ru/> (accessed: 24.02.2021).

14. Chistyakova, V. S. Bodies of preliminary investigation of crimes and differentiation of competence between them : autoref. ... diss.cand. jurid. nauk. M., 1964.

Библиографический список

1. Григорьева, Н. В. К вопросу о ведомственном процессуальном контроле в уголовном судопроизводстве // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 5. С. 128–131.

2. Табаков, С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 2009.

Bibliographic list

1. Grigorieva, N. V. On the question of departmental procedural control in criminal proceedings // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2016. No. 5. P. 128–131.

2. Tabakov, S. A. Departmental procedural supervision of the investigators and investigators of the internal Affairs bodies : author. ... diss.cand. jurid. M., 2009.

Информация об авторе

К. А. Московцева – адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

K. A. Moskovtseva – Adjunct of the Faculty of training of scientific and scientific-pedagogical staff of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot’.

Статья поступила в редакцию 16.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья
 УДК 34
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-198-202>
 ИФОН: 2003-0059-6/21-101
 MOSURED: 77/27-003-2021-06-300

Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства

Светлана Александровна Муратова

Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
 marsik42@yandex.ru

Аннотация. В современных условиях вопросы законодательного регулирования суррогатного материнства, как одного из методов искусственных репродуктивных технологий, приобретают все большую значимость. В статье анализируется доктрина правовой природы договора суррогатного материнства и источники его правового регулирования. Автор статьи поддерживает концепцию смешанного межотраслевого характера договора суррогатного материнства.

Ключевые слова: демографическая проблема, естественная репродукция, суррогатное материнство, правовая природа договора

Для цитирования: Муратова С. А. Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 198–202. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-198-202>.

Original article

Legislative regulation and legal nature of surrogacy contracts

Svetlana A. Muratova

Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin (MSAL), Moscow, Russia, marsik42@yandex.ru

Abstract. Nowadays issues of legal regulation of surrogate motherhood as one of the methods of artificial reproductive technologies have gained increasing importance. The doctrine of legal nature of surrogate motherhood and sources of its legal regulation are analysed in the article. The author of the article supports the concept of mixed interdisciplinary nature of the surrogate motherhood contract.

Keywords: demographic problem, natural reproduction, surrogacy, legal nature of the contract

For citation: Muratova S. A. Legislative regulation and legal nature of surrogacy contracts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):198–202. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-198-202>.

Демографическая проблема в Российской Федерации в настоящее время является одной из актуальных. Естественная репродукция человека имеет темпы снижения [4].

	Человек			2021 г. в % к 2020 г.
	Январь		Прирост, снижение /-/	
	2021 г.	2020 г.		
Родившихся	106603	118820	-12217	89,7
Умерших	219769	164075	55694	133,9
в том числе детей				
в возрасте до 1 года	538	545	-7	98,7
Естественный прирост, убыль (-)	-113166	-45255		

© Муратова С. А., 2021

Это обусловлено как субъективными, так и объективными причинами, причем они часто являются взаимообусловленными.

К субъективным причинам относятся такие, как нежелание женщин рожать детей, чтобы не оставлять работу и не портить фигуру; отсутствие мужа; операции по смене пола; однополые пары.

В 21 веке все больше супружеских пар, которые не хотят стать родителями (чайлдфри). Исходя из новых явлений в институте семьи, появилась условная классификация семей на три группы: 1 — семьи, где дети желанны; 2 — семьи, где дети рождаются в результате не запланированной (случайной) беременности; и 3 — семьи чайлдфри.

Если общественная оценка семей первой группы однозначно положительная, то относительно семей второй группы, степень социального одобрения примерно 50 на 50 процентов. Семьи же третьей группы, в основном, рассматриваются как социальное отклонение.

На наш взгляд, однозначно оценить данные явления невозможно, поскольку метод индивидуального ситуационного регулирования семейных отношений требует учета конкретных жизненных обстоятельств. В частности, есть люди, у которых дети вызывают только раздражение, и они детей патологически не переносят. Имеем ли мы право осуждать их, и будет ли комфортно ребенку в семье таких родителей? Как писал Лев Николаевич Толстой: «все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Можно ли однозначно определить бездетные семьи как несчастливые? Вопросов относительно оценки неординарных явлений нашей жизни, к числу которых относится суррогатное материнство, очень много. Полагаем нужно быть толерантными при оценке вышеуказанных явлений.

К объективным причинам снижения естественной репродукции относятся бесплодие, менопауза в репродуктивном возрасте, иные проблемы со здоровьем, как у женщины, так и у мужчины. К причинам объективного характера относится также нестабильная экономическая ситуация, в настоящее время отягощенная последствиями пандемии.

Причины, связанные с физическим состоянием потенциальных родителей, заставляют их все чаще обращаться к вспомогательным репродуктивным технологиям, среди которых суррогатное материнство часто является единственно возможным способом испытать чувства материнства и отцовства.

Существующие в мире законодательные подходы к регулированию суррогатного материнства в разных

странах имеют свою специфику. В Белоруссии, Грузии, Индии, Казахстане, Польше, России суррогатное материнство допустимо как на возмездной, так и безвозмездной основе. В большинстве штатов США такой же подход. При этом в Калифорнии узаконено коммерческое суррогатное материнство, а в штате Вирджиния — безвозмездное. В штатах Аризона, Джерси, Мичиган, Нью-Джерси, Нью-Йорк суррогатное материнство запрещено. Под запретом суррогатное материнство и в таких странах западной Европы как Австрия, Германия, Италия, Норвегия, Швейцария, Франция. В Венгрии и Дании суррогатной матерью ребенка может быть только родственница биологических родителей. В Израиле, Испании, Канаде, Нидерландах допускается суррогатное материнство, а вот его реклама запрещена.

Существует также группа стран, в которых суррогатное материнство законом не регулируется, но на практике оно встречается. Это Бельгия, Греция, Ирландия, Финляндия [9, с. 144].

Следует отметить неоднозначную морально-этическую оценку института суррогатного материнства. Представители одной концепции поддерживают суррогатное материнство, представители противоположной позиции его отвергают.

Явно негативное отношение к суррогатному материнству наблюдается со стороны русской православной церкви. Из существующих методов вспомогательных репродуктивных технологий РПЦ допускает только искусственное оплодотворение половыми клетками мужа, поскольку оно происходит в рамках супружеских отношений. Относительно суррогатного материнства в пункте 4 раздела XII Основ социальной концепции РПЦ сказано, что «Суррогатное материнство, то есть вынашивание оплодотворенной яйцеклетки женщиной, которая после родов возвращает ребенка «заказчиком», противоестественно и морально недопустимо даже в тех случаях, когда осуществляется на некоммерческой основе. Эта методика предполагает разрушение глубокой эмоциональной и духовной близости, устанавливающейся между матерью и младенцем уже во время беременности. Суррогатное материнство травмирует как вынашивающую женщину, материнские чувства которой попираются, так и дитя, которое впоследствии может испытывать кризис самосознания» [11].

По мнению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, проблему бездетности можно решать только посредством усыновления детей-сирот. А суррогатное материнство превращает детей и женщин в объект коммерческой либо некоммерческой сделки, поэтому

оно не должно быть закреплено в законе [10].

Как уже было отмечено, действующее российское законодательство допускает возможность осуществления суррогатного материнства, как на коммерческой основе, так и безвозмездно. При этом источники правового регулирования суррогатного материнства нельзя квалифицировать как необходимые и достаточные. В настоящее время к таким источникам относятся: статьи 51 и 52 Семейного кодекса РФ; глава 39 Гражданского кодекса РФ (Возмездное оказание услуг); глава 6 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации»; приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 года № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (вступил в силу с 1 января 2021 года).

При регулировании отношений, возникших в связи с применением суррогатного материнства, также следует учитывать четвертый раздел постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».

Названные источники не устраняют проблемы, связанные с применением суррогатного материнства, и необходимости совершенствования законодательства, регулирующего такой важный социальный институт.

Остановимся на отдельных проблемах национального института суррогатного материнства.

Следует обратить внимание, что отсутствует легальное определение договора суррогатного материнства. В доктрине нет единства мнений относительно правовой природы данного договора: является ли он гражданско-правовым или семейно-правовым, либо носит смешанный характер? Так, по мнению Г. В. Богдановой [2, с. 25], О. Ю. Лебедевой, договор суррогатного материнства является семейно-правовым. При этом О. Ю. Лебедева подчеркивает, что посредством этого договора родительские права и обязанности переходят от суррогатной матери к другой стороне договора - генетическим родителям ребенка [7, с. 16].

К сторонникам гражданско-правовой природы договора суррогатного материнства принадлежат Е. С. Митрякова [8, с. 81], Т. Е. Борисова [3, с. 64], О. В. Фетисова [13, с. 59], Т. В. Краснова [5, с. 264].

Они полагают, что договор суррогатного материнства – это договор возмездного оказания услуг, урегулированный главой 39 ГК РФ, поскольку на практике он преимущественно является возмездным.

И. Р. Альбикив и Ю. А. Каминская предлагают дополнить ГК РФ главой 39.1 «Суррогатное материнство», в которой будет закреплено понятие договора суррогатного материнства, его форма, существенные условия, права и обязанности сторон и иные положения. При этом авторы не предлагают конкретную форму договора [1]. Относительно формы договора суррогатного материнства нам представляется целесообразным предложение Т. Н. Козиченко закрепить в законе обязательную нотариальную форму данного договора [6, с. 150].

Нотариальная форма договора суррогатного материнства усилит его доказательственную силу, с учетом того, что с 1 января 2015 года статья 61 ГПК РФ дополнена пунктом 5, в соответствии с которым «обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном статьей 186 настоящего Кодекса, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия».

Как уже отмечалось, в доктрине также существует концепция смешанной природы договора суррогатного материнства, отдельно не поименованного ни в СК РФ, ни в ГК РФ. К сторонникам данной концепции относятся А. А. Пестрикова, С. Ю. Чашкова.

А. А. Пестрякова квалифицирует договор о суррогатном материнстве как непоименованный смешанный договор, к которому применяются положения и семейного и гражданского законодательства [12, с. 12].

Такой же позиции придерживается В. В. Шадрин [15, с. 642].

С. Ю. Чашкова подчеркивает, что договор суррогатного материнства находится «на границе гражданского и семейного права» [14, с. 23].

Полагаем целесообразным поддержать концепцию смешанной природы договора суррогатного материнства и квалифицировать его как комплексный межотраслевой договор, обладающий признаками гражданского и семейного договорного обязательства. Регулирование данного договора осуществляется семейным законодательством с субсидиарным применением гражданского законодательства в силу прямого указания статьи 4 СК РФ.

Список источников

1. Актуальные проблемы договора суррогатного материнства в РФ от 11.12.2017. URL: <https://izron.ru/articles/problemy-i-perspektivy-razvitiya-sovremennoy-yurisprudentsii>

sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh-sektsiya-3-grazhdanskoe-pravo-predprinimatelskoe-pravo-semeynoe-pravo-mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo/aktualnye-problemy-dogovora-surrogatnogo-materinstva-v-rf/ (дата обращения 03.06.2021).

2. Богданова, Г. В. Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми. Дис. канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

3. Борисова, Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации. Проблемы теории и практики. М. : Проспект. 2016.

4. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь 2021 года от 05.03.2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rKYssRaN/edn01-2021.htm> (дата обращения 03.06.2021).

5. Краснова, Т. В. Основания возникновения семейных правоотношений // Тезисы доклада Международной научно-практической конференции. Пермь. 2009.

6. Козиченко, Т. Н. Договор суррогатного материнства в российском праве // Вестник МНЭПУ. 2014. № 1.

7. Лебедева, О. Ю. Некоторые проблемы правового регулирования вспомогательной репродукции в свете нового Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Медицинское право. 2012. № 2.

8. Митрякова, Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : дис. канд. юрид. наук. Тюмень, 2007.

9. Мосиенко, Т. А., Лысогорская, К. И., Федоренко, О. С., Щекина, Е. Н. Сравнительный анализ института суррогатного материнства в российском и зарубежном законодательстве // Вестник Ростовского государственного университета (РИНХ), 2016, № 4 (56).

10. Нравственное сознание не может примириться с разрешением на уровне закона суррогатного материнства — патриарх Кирилл от 22.01.2015. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1887114.html> (дата обращения 03.06.2021).

11. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви от 09.06.2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 03.06.2021).

12. Пестрикова, А. А. Обязательства суррогатного материнства : автореф. дис. канд. юрид. наук. Самара, 2007.

13. Фетисова, О. В. Бездетные семьи в России : пути решения проблемы // Семья и дети. Труды института государства и права РАН. М., 2008. № 2.

14. Чашкова, С. Ю. Система договорных обяза-

тельств в российском семейном праве : автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2004.

15. Шадрин, В. В. Правовая природа суррогатного материнства // Молодой ученый. 2015. № 22.

References

1. Actual problems of the surrogacy contract in the Russian Federation from 11.12.2017. URL: <https://izron.ru/articles/problemy-i-perspektivy-razvitiya-sovremennoy-yurisprudentsii-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh-sektsiya-3-grazhdanskoe-pravo-predprinimatelskoe-pravo-semeynoe-pravo-mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo/aktualnye-problemy-dogovora-surrogatnogo-materinstva-v-rf/> (accessed 03.06.2021).

2. Bogdanova, G. V. Problems of legal regulation of personal and property relations between parents and children. Dis. cand. jurid. sciences. Saratov, 1999.

3. Borisova, T. E. Surrogate motherhood in the Russian Federation. Problems of theory and practice. Moscow : Prospect. 2016.

4. Natural population movement in the context of the subjects of the Russian Federation for January 2021 from 05.03.2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rKYssRaN/edn01-2021.htm> (date of access 03.06.2021).

5. Krasnova, T. V. Grounds for the emergence of family legal relations // Abstracts of the report of the International Scientific and Practical Conference. Perm. 2009.

6. Kozichenko, T. N. Surrogacy contract in Russian law // Bulletin of MNEPU. 2014. № 1.

7. Lebedeva, O. Yu. Some problems of legal regulation of assisted reproduction in the light of the new Federal Law “On the basics of public health protection in the Russian Federation” // Medical law. 2012. No. 2.

8. Mitryakova, E. S. Legal regulation of surrogate motherhood in Russia : dis. cand. jurid. sciences'. Tyumen, 2007.

9. Mosienko, T. A., Lysogorskaya, K. I., Fedorenko, O. S., Shchekina, E. N. Comparative analysis of the institute of surrogacy in Russian and foreign legislation // Bulletin of Rostov State University (RINH), 2016, № 4 (56).

10. Moral consciousness can not deal with the resolution at the level of the law of surrogacy — the Patriarch of 22.01.2015. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1887114.html> (accessed 03.06.2021).

11. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church from 09.06.2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (accessed 03.06.2021).

12. Pestrikova, A. A. Obligations of surrogacy : author. dis. Cand. jurid. sciences'. Samara, 2007.

13. Fetisova, O. V. Childless families in Russia : ways

- to solve the problem // Family and children. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2008. No. 2.
14. Chashkova, S. Yu. The system of contractual obligations in Russian family law : Abstract. diss cand. jurid. M., 2004.
15. Shadrin, V. V. The legal nature of surrogate motherhood // Young scientist. 2015. № 22.

Информация об авторе

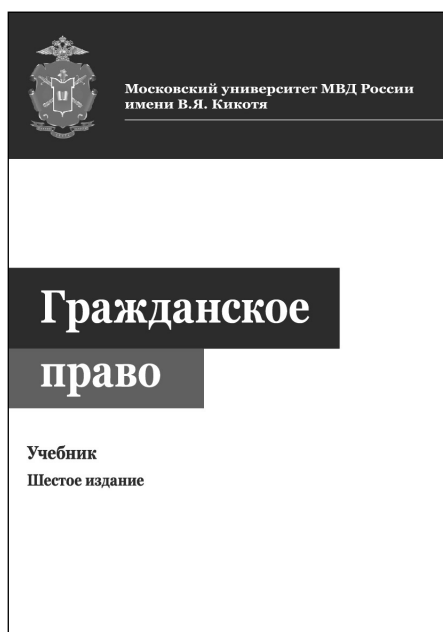
С. А. Муратова – доцент кафедры гражданского права Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Muratova – Associate Professor of the Department of Civil Law of the Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 07.06.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Гражданское право. Под ред. А.Н. Кузбагарова, В.Н. Ткачёва. 6-е изд., перераб. и доп. Учебник. 767 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник"

В шестом издании учебника рассмотрены основные положения гражданского права. Системно и последовательно изложены основные элементы курса "Гражданское право", раскрыто содержание центральных институтов гражданско-правовой науки, представлены современные классификации изучаемых понятий гражданского права как отрасли российского права.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, практических работников и всех тех, кто интересуется вопросами гражданского права.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-203-206>

НИОН: 2003-0059-6/21-102

MOSURED: 77/27-003-2021-06-301

Правовое регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в России и Японии

Екатерина Федоровна Мышко

Государственный университет управления, Москва, Россия, ekaterinafedorovna.m@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, правовым регулированием гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в России и Японии. Автор рассматривает особенности правовой регламентации данного вопроса в Российской Федерации, а потом сопоставляется с тем, которое имеет место быть в Японии. Обозначается схожее и различное в правовом регулировании двух разных стран. Делается вывод о том, что японский законодательный подход является более совершенным в данном вопросе, чем российский. Предлагается позаимствовать опыт Японии при регулировании в России гражданско-правовых отношений с иностранным элементом.

Ключевые слова: иностранный элемент, гражданско-правовые отношения, правовое регулирование, наследственное право, коллизионные нормы

Для цитирования: Мышко Е. Ф. Правовое регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в России и Японии // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 203–206. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-203-206>.

Original article

Legal regulation of civil-legal relations with a foreign element in Russia and Japan

Ekaterina F. Myshko

State University of Management, Moscow, Russia, ekaterinafedorovna.m@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of issues related to the legal regulation of civil relations with a foreign element in Russia and Japan. The author examines the peculiarities of the legal regulation of this issue in the Russian Federation, and then compares it with the one that takes place in Japan. What is similar and different in the legal regulation of two different countries is indicated. It is concluded that the Japanese legislative approach is more perfect in this matter than the Russian one. It is proposed to borrow the experience of Japan in the regulation of civil law relations with a foreign element in Russia.

Keywords: foreign element, civil law relations, legal regulation, inheritance law, conflict of laws rules

For citation: Myshko E. F. Legal regulation of civil-legal relations with a foreign element in Russia and Japan. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):203–206. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-203-206>.

Безостановочно происходит постепенное развитие общественных отношений. Зачастую такие отношения усложняются, если имеет место быть наличие иностранного элемента. Правовое регулирование таких отношений будет отличным, иметь свои особенности.

В связи с этим особый интерес вызывает современное состояние правового регулирования гражданско-правовых отношений с иностранным элементом. При этом в аспекте данной темы актуально проведение сравнительного анализа и сопоставления правового

© Мышко Е. Ф., 2021

го регулирования обозначенного вопроса в России и Японии.

Так, правовое регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в России осуществляется в первую очередь положениями международных актов, а также национальным законодательством. Особое значение в данном вопросе приобретают положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ [3]), а именно раздел VI часть 3. Более-менее законодатель постарался урегулировать практически все сферы гражданско-правовых отношений, которые могут быть осложнены иностранным элементом. Вместе с тем стоит отметить, что отдельные проблемы все же возникают, поскольку законодательство не всегда успевает развиваться в ход со временем, что особенно сейчас актуально в нынешних условиях внедрения цифровизации во все сферы общественных отношений.

Так, определенные коллизии возникают, например, при регламентации наследственных отношений с иностранным элементом, в области авторских прав и т. д. Определенные пробельные аспекты восполняются международными актами.

Так, мы можем назвать, например, Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [6]. Существует и ряд иных источников правового регулирования на международном уровне. Данные акты также являются источниками применения для РФ, поскольку на это прямо указывается в ст. 15 Конституции Российской Федерации [7].

На примере выморочного имущества рассмотрим применение данной Конвенции.

Так, при разрешении вопроса о наследовании выморочного имущества в международном частном праве могут возникать проблемы с определением наследника, то есть в собственность какого государства должно перейти имущество умершего. Как правило, национальное право не предусматривает коллизионных норм, которые были бы применимы в случае возникновения спора относительно правопреемника, которому перейдет право собственности на спорное выморочное имущество.

На практике юридическая судьба выморочного имущества в наследственных правоотношениях, осложненных иностранным элементом, в международном частном праве регулируется двусторонними соглашениями о правовой помощи между государствами [1, с. 118].

Так, например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и

уголовным делам от 22 января 1993 г. (г. Минск), декларирует следующее положение: «если по законодательству Договаривающейся Стороны, подлежащему применению при наследовании, наследником является государство, то движимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, гражданином которой является наследодатель в момент смерти, а недвижимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, на территории которой оно находится». Страны-участницы этой конвенции принятием такого положения разделили режим выморочного имущества, то есть в зависимости от категории имущества используются разные коллизионные привязки.

Возвращаясь к национальному правовому регулированию, нельзя не взять во внимание и положения в целом ГК РФ. Речь идет главным образом об Общей части ГК РФ. При правовой регламентации отношений, осложненных иностранным элементом, в части 3 ГК РФ используются и отсылки к положениям к иным частям ГК РФ. Например, в положениях, связанных с наследственными отношениями приобретает важное значение определение недвижимого имущества, а положения о нем содержатся в части 1 ГК РФ [2]. Кроме того, необходимо обращать внимание и на часть 3, но на положения, связанные с наследственным правом.

Также нельзя не обратить внимание и на то, что в рамках гражданско-правового регулирования отношений с иностранным элементом особое значение занимают нормы процессуального законодательства. Например, речь идет о Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ [4]). Например, защита нарушений гражданских прав, в том числе, которые исходят из гражданско-правовых отношений с иностранным элементом, осуществляется в рамках гражданского процесса с применением положений ГПК РФ.

Таким образом, мы можем отметить, что правовое регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в Российской Федерации является многоступенчатым и включает в себя положения как международных актов, так и национальных.

Далее перейдем к рассмотрению обозначенных вопросов в качестве темы для исследования в Японии.

В Японии особое значение ранее занимал Закон Японии «Об общих правилах применения законов» (1898 год).

Закон 1898 г. является одним из старейших коллизионных актов в азиатском регионе. Он оказал влияние на коллизионное регулирование других стран, например на развитие коллизионного права Южной

Кореи. Японский закон достаточно подробен, хотя основное внимание уделяется только вопросам личного статуса и семейным отношениям. Специфической чертой закона является расположение норм об общих институтах коллизионного права в заключительных положениях этого акта.

Новый Закон Японии 2006 г. в значительной степени воспроизводит положения Закона 1898 г., но одновременно значительно модернизирует коллизионное регулирование. Новеллы в основном касаются вопросов обязательственного права. Японский законодательный акт является достаточно подробным и в то же время компактным по структуре и содержанию. Особое внимание уделяется вопросам международного семейного права, обязательствам договорного и внедоговорного характера, в частности установлено подробное коллизионное регулирование потребительских договоров. Основным недостатком Закона Японии 2006 г. является общий подход к его структурированию, прежде всего расположение «общих институтов» МЧП в конце закона. Нормы, касающиеся МГП, в Законе Японии 2006 г. отсутствуют. Нетрудно заметить, что решения японского законодателя очень близки подходам, отраженным в законодательстве Германии [5, с. 143].

Следует также отметить, что основу правового регулирования гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в Японии составляют положения и процессуальное законодательства, как и в Российской Федерации. Отдельные коллизионные нормы содержатся в гражданском законодательстве — Гражданском кодексе. Следует отметить, что это и есть основное отличие правового регулирования гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в России и Японии. Иными словами, в России такое правовое регулирование в основном находит свое более содержательное правовое изложение в рамках положений ГК РФ, а в Японии данный вопрос регулируется самостоятельным нормативно-правовым актом.

Кроме того, международные акты в Японии также являются источником правового регулирования, поэтому Япония является страной-участницей ряда международных договоров. Например, Япония ратифицировала шесть Гаагских конвенций (в частности, Гаагскую конвенцию о праве, применимом к алиментным обязательствам в отношении детей, от 24 октября 1956 г., Конвенцию 1973 г. о праве, применимом к алиментным обязательствам, Конвенцию 1961 г. о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений).

Поскольку ранее нами были затронута сфера на-

следственных отношений, следует отметить, что для Японии она также является проблематичной, если имеет место быть наличие иностранного элемента. В доктрине отмечается, что самыми эффективными способами уменьшения числа таких отношений выступают гармонизация национального коллизионного права и унификация коллизионных норм. Между тем универсальных межгосударственных соглашений в сфере международного наследственного права принято немного [5, с. 143].

Таким образом, исследование вопросов, связанных с правовым регулированием гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в России и Японии, позволяет сделать вывод о схожем законодательном подходе при правовой регламентации данных общественных отношений. Так, источниками являются как международные акты, так и национальные. Однако основное различие связано с тем, что в России такое правовое регулирование в основном находит свое более содержательное правовое изложение в рамках положений ГК РФ, а в Японии данный вопрос регулируется самостоятельным нормативно-правовым актом. На наш взгляд, в Японии такой подход следует признать более правильным и эффективным. В связи с этим можно было бы предложить российскому законодателю также выделить в отдельный Закон правовую регламентацию гражданско-правовых отношений, ослуженных иностранным элементом.

Список источников

1. Болотникова, Л. С. Коллизионные проблемы регулирования наследования выморочного имущества в международном частном праве // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 117–123.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. N 49. Ст. 4552.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Касаткина, А. С. Современные кодификации международного права в странах Юго-Восточной Азии (Китайская Народная Республика и Япония) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 132–153.

6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) (с изм. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. 24.04.1995. N 17. Ст. 1472.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) // Российская газета. 2020. № 220.

References

1. Bolotnikova, L. S. Conflict-of-laws problems of regulation of inheritance of extortionate property in international private law // Issues of Russian justice. 2019. No. 4. P. 117–123.

2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 N 51-FZ (ed. of 09.03.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. N 32. St. 3301.

3. The Civil Code of the Russian Federation

(part three) of 26.11.2001 N 146-FZ (ed. of 18.03.2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03.12.2001. N 49. St. 4552.

4. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ (ed. of 30.04.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. St. 4532.

5. Kasatkina, A. S. Modern codifications of international law in the countries of Southeast Asia (People's Republic of China and Japan) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2012. No. 2. P. 132–153.

6. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases (Concluded in Minsk on 22.01.1993) (entered into force on 19.05.1994, for the Russian Federation on 10.12.1994) (with amendments, dated 28.03.1997) // Collection of legislation of the Russian Federation. 24.04.1995. N 17. St. 1472.

7. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 220.

Информация об авторе

Е. Ф. Мышко – студентка магистратуры (ИГУиП, Правовое обеспечение управления) Государственного университета управления.

Information about the author

E. F. Myshko – Student (master's degree) of Institute of Public Administration and Law (Legal support of management) of the State University of Management.

Статья поступила в редакцию 02.06.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 02.06.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-207-214>

ИИОН: 2003-0059-6/21-103

MOSURED: 77/27-003-2021-06-302

О месте и роли конституционно-правового регулирования общественных отношений в условиях развития информационных технологий

Алексей Яковлевич Неверов

Курганский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Курган, Россия, neverov45@mail.ru

Аннотация. Стремительно развивающиеся как в мире, так и в Российской Федерации, информационные технологии, требуют от научного сообщества как конституционно-правового осмысления, так и научного обоснования необходимости перспективного правового урегулирования возникающих общественных отношений.

Если XX век вошел в историю человечества как век покорения Космоса, то XXI с высокой долей вероятности станет веком искусственного интеллекта. Беспилотные автомобили и летательные аппараты, самообучающиеся компьютеры и стремительно развивающиеся IP технологии, создание био-искусственных органов человеческого организма и достижения в кибернетике, еще вчера казавшиеся фантастикой, сегодня стали суровой действительностью.

Созданное российскими (возможно и не только) учеными и продемонстрированное всему миру гиперзвуковое оружие, так же требует нормативного урегулирования, но уже на международном уровне.

В данной ситуации, когда правовое регулирование в данной сфере правового регулирования не просто отсутствует, а порой отсутствует, общество в целом и конкретный человек в частности, остается один на один с реальностью. Государство, как единственный источник, обеспечивающий существование общества, оказалось не готово к реализации своих функций.

Настоящее исследование посвящено поиску места и роли конституционного права в регулировании общественных отношений возникающих на фоне стремительно развивающихся информационных технологий, оказывающих непосредственное влияние на уже сложившиеся отношения и являющиеся основанием для возникновения новых, не урегулированных правом связей между государством и обществом, человеком и государством. Автор делает вывод о том, что Конституция Российской Федерации нуждается в качественном анализе на предмет ее дополнения нормами, которые должны стать основой для правового регулирования вновь возникающих специфических отношений.

Ключевые слова: Конституция России, конституционное право, информационные технологии, общественные отношения, национальная безопасность, правовое регулирование, права и свободы, человек, государство, общество

Для цитирования: Неверов А. Я. О месте и роли конституционно-правового регулирования общественных отношений в условиях развития информационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 207–214. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-207-214>.

Original article

On the place and role of the constitutional and legal regulation of public relations in the conditions of development of information technologies

Alexey Ya. Neverov

Kurgan Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Kurgan, Russia, neverov45@mail.ru

© Неверов А. Я., 2021

Abstract. The rapidly developing information technologies both in the world and in the Russian Federation require from the scientific community both constitutional and legal comprehension and scientific substantiation of the need for a promising legal settlement of emerging social relations.

If the XX century entered the history of mankind as the century of the conquest of the Cosmos, then the XXI with a high degree of probability will become the century of artificial intelligence. Self-driving cars and flying machines, self-learning computers and rapidly developing IP technologies, the creation of bio-artificial organs of the human body and achievements in cybernetics, which seemed fiction only yesterday, have become a harsh reality today.

The hypersonic weapons created by Russian (perhaps not only) scientists and demonstrated to the whole world also require regulatory regulation, but at the international level.

In this situation, when legal regulation in this area of legal regulation is not just lagging behind, and sometimes is absent, society as a whole and a specific person in particular remains face to face with reality. The state, as the only source ensuring the existence of society, turned out to be unprepared for the implementation of its functions.

This study is devoted to finding the place and role of constitutional law in the regulation of public relations arising against the background of rapidly developing information technologies, which have a direct impact on already established relations and are the basis for the emergence of new, not regulated by law, relations between the state and society, man and state. The authors conclude that the Constitution of the Russian Federation needs a qualitative analysis for its completion with the norms that should become the basis for the legal regulation of newly emerging specific relations.

Keywords: Constitution of Russia, constitutional law, information technologies, public relations, national security, legal regulation, rights and freedoms, person, state, society

For citation: Neverov A. Ya. On the place and role of the constitutional and legal regulation of public relations in the conditions of development of information technologies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):207–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-207-214>.

Введение

Информационные технологии ворвались в нашу жизнь так стремительно, что многие из нас не успели даже осознать, как оказались «пленниками» цифрового мира. Мы уже не мыслим себя без мобильной связи и Интернета, обыденными стали электронные платежи, онлайн магазины, дистанционное обучение. На дорогах появились первые беспилотные автомобили, а дроны уже заполнили воздушное пространство.

Из сферы услуг цифровые технологии «добрались» до использования конфиденциальных данных. Так, например, Пенсионный фонд России произвел оцифровку трудовых книжек, при этом, эту работу произвели еще до того, как Государственная Дума приняла соответствующий закон. В ближайшее время электронные трудовые книжки станут обязательными для всех.

Минкомсвязи сообщает, что количество граждан, зарегистрированных на портале госуслуг, превысило отметку 100 млн. В течение 2019 года ежемесячно новыми пользователями становились в среднем 1,4 млн человек.

Достаточно широкую популярность приобрело у водителей использование электронных полисов КАСКО и ОСАГО, а в ближайшее время планируется вы-

давать и электронные водительские удостоверения.

Дальше — больше: «К 2024 году россияне должны в полной мере использовать электронный паспорт», — в бытность главы Правительства утверждал Дмитрий Медведев. Все это не может не создавать принципиально новые отношения между государством и человеком, не может не оказывать влияние на обеспечение конституционного права личности на невмешательство в личную жизнь.

Бурно развивающиеся информационные технологии способны коренным образом изменить сложившиеся столетиями общественные отношения. Это как отношения между людьми, так и отношения к человеку со стороны общества и государства. В настоящее время отмечаются попытки коренного пересмотра устоявшихся воззрений на сущность и место в мире самого человека, в частности, как биологического вида в условиях новой гуманитарной парадигмы, обусловленной цифровыми технологиями.

Естественно, что научный и технический прогресс не остановить. Однако, бесспорно, и то, что и прогресс, и сами технологии, которые появляются благодаря современным научным достижениям, должны реализовываться только в интересах и во благо человека и общества, более того, исключительно в правовом поле.

Поступательное развитие общественных отношений в совокупности с революционными технологическими решениями, в свою очередь требует от права (и в том числе, конституционного) не только своевременного решения возникающих проблем, но и формирования задела на будущее, еще не возникшие (или еще не осознанные обществом) отношения. Стремительно развивающиеся как в мире, так и в Российской Федерации, информационные технологии, требуют незамедлительного правового осмысления и научного обоснования для их перспективного правового урегулирования.

К сожалению, на сегодняшний день, правовое регулирование в сфере общественных отношений, связанных с информационными технологиями, не просто отстает, а порой отсутствует. Общество в целом, и конкретный человек в частности, оказываются незащищенными пред целым перечнем ранее не существовавших угроз. Государство, как важный источник, обеспечивающий существование общества, оказалось не готово к реализации своих функций в необходимом объеме.

Основная часть

По мнению доктора юридических наук, профессора А. В. Морозова, «...общественные отношения начиная с XX века вступают в стадию качественно усложнения, и поиски ключа к их регулированию путем простой отсылки к делению на материальное и нематериальное можно оценить только как еще одну псевдонаучную гипотезу, красивую мечту, которой не суждено сбыться» [10]. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации М. А. Федотов, рассматривая возникающие в связи с развитием информационных технологий общественные отношения, в частности, полагает, что «Проблема программного кода как средства регулирования киберпространства и деятельности в нем весьма сложна ввиду принципиальной новизны этого социального регулятора и неясности его соотношения с другими регуляторами» [25, с. 42].

Будет неверным утверждать, что вопросы правового регулирования отношений, так или иначе связанных с информационными технологиями, возникли только сегодня. Проблемы информационного права исследовались как российскими, так и зарубежными учеными с момента их проявления [1, 2, 3, 5, 9, 17, 25].

Однако, информационное право в основе своего правового регулирования видело в первую очередь, «информационную деятельность, которая, заключается в осуществлении процессов производства, передачи, поиска, получения и распространения инфор-

мации, а также использования для реализации этих процессов информационных систем, технологий и средств» [15, с. 29], что значительно сужало предмет правового регулирования.

Автор многочисленных учебников по информационному праву доктор юридических наук, профессор И. Л. Бачило отмечала, что информационная деятельность «имеет своим предметом информацию в самом различном состоянии и формах и связана с созданием, сбором, обработкой, передачей, распространением и использованием информации в самых различных направлениях ее применения» [2, с. 32].

В последние годы в академическом юридическом сообществе все чаще поднимается вопрос о нормативном значении технологий: «Используемая в дискуссии формула «код как закон» (code as law) свидетельствует о беспокойстве юристов, связанном с тем фактом, что компьютерный код все чаще исполняет функции закона» [7, с. 25].

Современные информационные технологии давно вышли за пределы собственно информационной деятельности, — они стали непосредственно взаимодействовать с человеком, обществом и государством, оказывая на это взаимодействие самое непосредственное влияние. Собственно информационные отношения вышли за пределы действия информационного права. Предметом правового регулирования стал собственно человек, окруженный со всех сторон информационным пространством, его права и свободы. Из узкой, специфической отрасли отношения переместились в комплексную сферу, регулируемую множеством отраслей (гражданское право, административное право и т. п.), в том числе конституционным правом.

Важно отметить и тот факт, что «права и свободы личности выступают сегодня в качестве одного их важнейших объектов политики национальной безопасности. Фиксируя реальную защищенность и гарантируя права и свободы личности в конкретном сообществе, права человека могут выступать как гуманистический ориентир развития не только государства в целом, но и сложившейся в стране системы национальной безопасности» [11, с. 51].

Как указывает профессор Института проблем информационной безопасности МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, доктор технических наук А. А. Стрельцов, «...в публичных отношениях взаимодействие осуществляется с целью удовлетворения интересов личности и общества, связанных с информацией, которой обладает государство, а также интересов государства, связанных с информацией, которой обладают граждане...» [15, с. 36].

Исследуя правовое регулирование отношений в обществе, нельзя не принимать во внимание требования Основного закона страны, так как именно Конституция является базисом для законодательного регулирования правоотношений в какой бы сфере они не возникали.

Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2). Закрепляя принципы социальной справедливости Основной закон ставит перед государством задачу об обеспечении достойного уровня российских граждан (ст. 7) [8].

Не менее категорична Конституция России и регламентируя саму сферу информационных технологий. Основной закон Российской Федерации, содержит более 30 норм, закрепляющих основные права и обязанности участников информационных правоотношений. К таковым относятся права на свободу информации (ст. 29), на неприкосновенность частной жизни, включая тайну переписки и сообщений (ст. 23); обязанность органов власти обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ст. 24); гарантии свободы творчества и охраны интеллектуальной собственности (ст. 44) и т.д. [8].

Правовым фундаментом, регулирующим в Российской Федерации отношения в области информации, являются такие нормативные правовые акты как Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене», Федеральный закон «О персональных данных», а также международные соглашения [22; 23; 24]. На подзаконном уровне данные правоотношения регулируются комплексом актов Президента и Правительства Российской Федерации [18; 19; 20; 21; 13; 14].

Однако быстро развивающиеся общественные отношения и информационные технологии требуют постоянного совершенствования вопросов правового урегулирования. Наиболее остро внимания заслуживает проблема правового обеспечения безопасности в данной сфере [20].

На сегодняшний день со всей очевидностью стоит вопрос – обеспечивают ли конституционные нормы и созданные на базе Конституции нормативные акты, безопасное развитие общественных отношений в условиях развития информационных технологий?

По мнению исследователей в данной сфере, как ученых, так и правоприменителей и законодателей, в настоящее время законодательство существенно отстает от существующих реалий.

Так, исследуя обозначенную проблему Э. В. Талапина, в частности констатирует, что Конституция РФ (ст. 71) содержит только «компетенционную публичную норму», закрепляя исключительное ведение Российской Федерации в сфере информации и связи, а ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» вообще не регулирует компетенции Правительства РФ в сфере информационных отношений [16, с. 55].

Кроме того, необходимо отметить, что Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (фундаментальный нормативный акт в исследуемой сфере общественных отношений), не предусматривает принятия каких-либо программных документов (стратегий, концепций, доктрин). Однако, именно в таком виде и отражена позиция государства в сфере информационных технологий [18; 19].

Как справедливо отмечает доктор юридических наук Н. В. Бутусова, «налицо очевидное противоречие между содержанием и правовой формой значительной части доктрин и концепций» [4, с. 66–71].

Положения Конституции РФ прямо или косвенно обязывают органы государственной власти и местного самоуправления, соответствующих должностных лиц обеспечить каждому гражданину нашей страны возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Однако, по справедливому заключению В. П. Петрова, декларация информационных прав и свобод не означает отказ государства от защиты информационных ресурсов: «Правовое обеспечение информационной безопасности формируется на основе поддержания баланса интересов граждан, общества, государства, что особенно важно в условиях существования различных форм собственности» [12, с. 137–138].

Конституцией России определены и основания для ограничения информационных прав и свобод граждан. К их числу относятся: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства (ст. 17, п. 3, ст. 55, п. 3). Основным законом предусмотрена также возможность ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения с указанием пределов и сроков их действия (ст. 56) [8].

Соответствующие статьи Конституции РФ направлены на пресечение распространения следующих видов информации: информации, рассчитанной на разжигание ненависти, вражды и насилия в отно-

шениях между людьми и народами; непристойной и ложной информации, включая заведомо ложную рекламу; информации, посягающей на честь и достоинство граждан, оказывающей негативное воздействие на здоровье людей и их духовно-нравственное состояние; информации, изменяющей память о прошлом, фальсифицирующей историю страны, нарушающей связь поколений и подрывающей единство российского народа; информации, способной инициировать процессы разрушительного свойства — от техногенных и природных катастроф до всевозможных социальных, демографических, экономических потрясений, кризисов, конфликтов [12, с. 145].

Вместе с тем, как указывается в Доктрине информационной безопасности РФ, закрепленные Конституцией России права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки в практическом отношении не имеют достаточного правового, организационного и технического обеспечения. Неудовлетворительно организована и защита собираемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления данных о физических лицах (персональных данных) [18].

К сожалению, многочисленные поправки в Основной Закон, внесенные по результатам общероссийского голосования в июне этого года, не затронули данную сферу общественных отношений.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что существующее на сегодняшний день, конституционно-паровое регулирование, не в полной мере справляется с возложенной на него функцией по обеспечению и защите прав и свобод человека.

Нельзя не согласиться с мнением председателя Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации В. В. Володина, отмечающего, что «Достойные условия жизни человека и возможности для его свободного развития сейчас и 25 лет назад — это совершенно разное наполнение этих понятий. Сегодня люди мыслят об этом шире, чем два десятилетия назад. Требования выше. Стандарты современнее. Начиная от продолжительности жизни и качества инфраструктуры и заканчивая новыми технологиями, их возможностями, свободным доступом к ним, безопасностью» [6].

Продолжая развивать свою мысль, политик, отмечает: «Важно оценивать реализацию норм Конституции не только в существующем законодательстве, но и в том, которое должно быть разработано в ближайшие годы. Это касается новых сфер технологического и со-

циально-экономического развития, которые на сегодняшний день в правовом плане ещё не урегулированы. Речь идёт, например, о цифровизации, больших данных, искусственном интеллекте, цифровой безопасности, геномных и биотехнологиях, робототехнике. Во всех этих сферах возникают вопросы о соблюдении прав человека, конституционных принципов. Мы обязательно должны анализировать эти вопросы, работая в ближайшие годы над формированием современного и передового законодательства в данных сферах» [6].

Таким образом, можно констатировать, что в ближайшее время, депутаты более предметно подойдут к вопросам совершенствования правового регулирования общественных отношений в условиях стремительно развивающихся информационных технологий.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что правовые механизмы и процедуры, обеспечивающие реализацию конституционных норм в сфере информационных отношений, должны быть детализированы в нормах законодательства, включая нормативные правовые акты органов государственной власти.

Становление информационного законодательства является одной из важнейших задач государственной политики в области информационных технологий и основным способом в решении проблем правового обеспечения информационного общества на национальном уровне. Правовая основа единого информационного пространства призвана регулировать отношения производителей и потребителей информации, обеспечивать координацию действий органов государственной власти в едином информационном пространстве и гарантировать соблюдение конституционных прав и свобод граждан и организаций.

Целью нормативного правового регулирования в сфере использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти является создание эффективной правовой основы для реализации прав граждан, защиты общественных и государственных интересов в сфере использования информационных технологий.

Сегодня перед юридической наукой стоят непростые задачи. Важнейшая из них — гарантировать нормативное обеспечение прав и свобод российских граждан для создания необходимых условий дальнейшего формирования законодательства для поступательного развития общественных отношений в условиях развития информационных технологий.

Решение обозначенных задач — дело не одного дня. В решении указанных проблем должны прини-

мать участие как ученые-конституционалисты, так и законодатели и правоприменители. Ясно одно, откладывать решение этих задач нельзя.

Список источников

1. Бачило, И. Л. Информационное право. Основы практической информатики. М., Юринформцентр, 2001. 350 с.
2. Бачило, И. Л., Лопатин, В. Н., Федотов, А. М. Информационное право // под редакцией Б. А. Топорнина. СПб, Юридический центр Пресс. 2001. 789 с.
3. Белов, Г. В. Идентификация информационных объектов как проблема развития информационного права // Сб. НТИ, сер. I, № 9, 1997.
4. Бутусова, Н. В. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений: вопросы теории. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005.
5. Венгерова, А. Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. М., 1978. 208 с.
6. Володин, В. В. Живая Конституция развития // <https://www.pnp.ru/politics>.
7. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. М. : Статут, 2012. Т. 1. 452 с.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 // <http://www.consultant.ru/document/cons>.
9. Копылов, В. А. Информационное право. М., Юристъ, 2002. 512 с.
10. Морозов, А. В. Информационное право, как самостоятельная научная специальность // Юридическое образование и наука. 2013. № 1. С. 16–19.
11. Неверов, А. Я. Безопасность личности в контексте конституционных прав человека и гражданина в сборнике: российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Курган. 2018. С. 48–55.
12. Петров, В. П., Петров, С. В. Информационная безопасность человека и общества : учебное пособие. М. : Энас. 2007. 336 с.
13. Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 ноября 2012 г. N 45 ст. 6257.
14. Постановление Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512 «Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне

информационных систем персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 июля 2008 г. № 28, ст. 3384 и др.

15. Стрельцов, А. А. Содержание информационных отношений сборник докладов // Теоретические проблемы информационного права. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2006. С. 29–38.
16. Талапина, Э. В. Публичные и частные правовые регуляторы информационных отношений : сборник докладов // Теоретические проблемы информационного права. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2006. С. 54–67.
17. Тихомиров, Ю. А. Публичное право. М., 1995. 496 с.
18. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 05.12.2016, № 49, ст. 6887.
19. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2016, № 50, ст. 7074.
20. Указ Президента РФ от 17 марта 2008 г. № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 марта 2008 г. № 12, ст. 1110.
21. Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 марта 1997 г. № 10, ст. 1127.
22. Федеральный закон от 19 декабря 2005 г. № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 декабря 2005 г. № 52 (часть I) ст. 5573.
23. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448.
24. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3451.
25. Федотов, М. А. Проблемы доктрины информационного права // Труды по интеллектуальной собственности. М., 2012. Т. X. № 1. С. 4–44.

References

1. Bachilo, I. L. Information law. Fundamentals of practical computer science. M., Yurinformcenter, 2001. 350 p.
2. Bachilo, I. L., Lopatin, V. N., Fedotov, A. M. Information law // edited by B. A. Topornin. St. Petersburg, Law Center Press. 2001. 789 p.
3. Belov, G. V. Identification of information objects as a problem of the development of information law // Sb. NTI, ser. I, No. 9, 1997.
4. Butusova, N. V. The Russian state as a subject of constitutional and legal relations : questions of theory. Voronezh: Voronezh. State University, 2005.
5. Vengerov, A. B. Law and information in the conditions of control automation. M., 1978. 208 p.
6. Volodin, V. V. The Living Constitution of development // <https://www.pnp.ru/politics>.
7. Karapetov A.G., Savelyev A.I. Freedom of contract and its limits. Moscow : Statute, 2012. Vol. 1. 452 p.
8. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 // <http://www.consultant.ru/document/cons>.
9. Kopylov, V. A. Information law. M., Jurist, 2002. 512 p.
10. Morozov, A.V. Information law as an independent scientific specialty // Legal education and science. 2013. No. 1. P. 16–19.
11. Neverov, A. Ya. Personal security in the context of constitutional human and civil rights in the collection: the Russian legal system in the context of ensuring human and civil rights and freedoms: theory and practice // Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. The mound. 2018. P. 48–55.
12. Petrov, V. P., Petrov, S. V. Information security of man and society: textbook. M. : Enas. 2007. 336 p.
13. Decree of the Government of the Russian Federation from November 1, 2012 № 1119 “On approval of requirements for the protection of personal data during their processing in personal data information systems” // Collection of Legislation of the Russian Federation of 5 November 2012 N 45 St. 6257.
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 6, 2008, No. 512 “About the approval of requirements to the material carriers of personal data and biometric technologies for the storage of such data outside of the information systems of personal data” // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 14, 2008, No. 28, article 3384 etc.
15. Streltsov, A. A. the Content of the relations collection of papers/ Theoretical problems of information law. M. : In-t state-wah and law of RAS, 2006. P. 29–38.
16. Talapin, E. V. Public and private legal regulators relations information: collection of papers/ Theoretical problems of information law. M. : In-t state-wah and law of RAS, 2006. P. 54–67.
17. Tikhomirov, Yu. A. Public law. M., 1995. 496 p.
18. Decree of the President of the Russian Federation dated 01.12.2016 No. 642 “On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation dated 05.12.2016, No. 49, Article 6887.
19. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646 “On approval of the information security Doctrine of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation, 12.12.2016, No. 50, art. 7074.
20. Decree of the President of the Russian Federation of March 17, 2008 № 351 “About measures for ensuring information security of the Russian Federation when using information and telecommunication networks of information exchange” // Collection of Legislation of the Russian Federation of March 24, 2008, No. 12, p. 1110.
21. Decree of the President of the Russian Federation of March 6, 1997, № 188 “On approval of the list of information of a confidential nature” // Collection of Legislation of the Russian Federation dated March 10, 1997, No. 10, article 1127.
22. Federal law of December 19, 2005 No. 160-FZ “On ratification of the Council of Europe Convention on the protection of individuals with regard to automatic processing of personal data” // Collection of Legislation of the Russian Federation of December 26, 2005, No. 52 (part I), art. 5573.
23. Federal law of July 27, 2006 № 149-FZ “On information, information technologies and information protection” // Collection of Legislation of the Russian Federation of 31 July 2006, No. 31 (part I) article 3448.
24. Federal law of July 27, 2006 № 152-FZ “On personal data” // Collection of Legislation of the Russian Federation of 31 July 2006, No. 31 (part I), art. 3451.
25. Fedotov, M. A. Problems of the doctrine of information law // Proceedings on Intellectual Property. Moscow, 2012. Vol. X. No. 1. P. 4–44.

Библиографический список

1. Зорькин, В. Д. Буква и дух Конституции : Российская газета – Федеральный выпуск № 226 (7689).
2. Зорькин, В. Д. Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 3–17.
3. Талапина, Э. В. К вопросу об информационной

функции государства // Информационное общество. 2002. № 1. С. 20–28.

2. Zorkin, V. D. On threats to the constitutional system in the XXI century and the need for legal reform in Russia // Journal of Russian Law. 2004. No. 6. P. 3–17.

Bibliographic list

1. Zorkin, V. D. The letter and spirit of the Constitution : Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue No. 226 (7689).

3. Talapina, E. V. On the question of the information function of the state // Information Society. 2002. No. 1. P. 20–28.

Информация об авторе

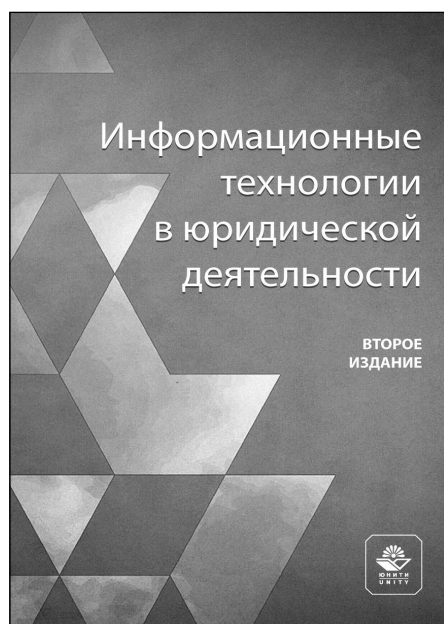
А. Я. Неверов – доцент кафедры государственного права Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. Ya. Neverov – Associate Professor of the Department of State Law of the Kurgan Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А.И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий.

Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления утраченных данных, надежного удаления данных и т.д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 343.3/7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-215-220>

НИОН: 2003-0059-6/21-104

MOSURED: 77/27-003-2021-06-303

Преступность несовершеннолетних и ювенальная юстиция: североамериканский опыт

Борис Викторович Николаев¹, Кнарик Тадевосовна Минасян², Нона Тадевосовна Минасян³

^{1,2,3} Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹ nikolboris@yandex.ru

Аннотация. Проблема преступности несовершеннолетних является и будет оставаться актуальной на территории любого государства. Есть ряд причин и условий, порождающих преступность несовершеннолетних на территории РФ. Следует комплексно изучить данные явления для создания эффективного института предупреждения преступности несовершеннолетних РФ, в частности, в Пензенской области. Для того чтобы детально разобраться в проблеме преступности несовершеннолетних необходимо также проанализировать зарубежный опыт в рамках преступности несовершеннолетних, рассмотреть методы и способы борьбы с преступностью несовершеннолетних других стран. В данном случае, будет целесообразно изучить преступность несовершеннолетних на территории США, ведь именно это государство имеет значительный опыт (как позитивный, так и негативный) предупредительной деятельности в отношении преступности несовершеннолетних. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа актуальных статистических данных, законодательства и правоприменительной практики. *Результаты и выводы.* Проведенное исследование демонстрирует противоречивые тенденции в развитии преступности несовершеннолетних: наряду с общим снижением уровня данной преступности в последние годы наблюдается рост убийств с участием несовершеннолетних. Неоднозначную оценку получил и институт ювенальных судов. Положения и выводы, полученные в результате исследования, будут использованы в дальнейшем для разработки конкретных предложений по реформированию института предупреждения преступности несовершеннолетних в РФ, в частности, в Пензенской области.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних США, предупреждение преступности несовершеннолетних, уровень преступности несовершеннолетних, ювенальные суды

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке конкурса «Ректорские гранты» Пензенского государственного университета, договор №ХП-80/21 от 19.04.2021 г.

Для цитирования: Николаев Б. В., Минасян К. Т., Минасян Н. Т. Преступность несовершеннолетних и ювенальная юстиция: североамериканский опыт // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 215–220. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-215-220>.

Original article

Juvenile crime and juvenal justice: North American experience

Boris V. Nikolaev¹, Knarik T. Minasyan², Nona T. Minasyan³

^{1,2,3} Penza State University, Penza, Russia

¹ nikolboris@yandex.ru

Abstract. The problem of juvenile delinquency always exists and will be relevant in any state. There are a number of reasons and conditions that give rise to juvenile delinquency in the Russian Federation. It is necessary to comprehensively

© Николаев Б. В., Минасян К. Т., Минасян Н. Т., 2021

study these phenomena in order to create an effective institution for the prevention of juvenile delinquency in the Russian Federation, in particular, in the Penza region. In order to understand in detail the problem of juvenile delinquency, it is also necessary to analyze the foreign experience of juvenile delinquency, to consider methods and ways of combating juvenile delinquency in other countries. In this case, it will be advisable to study juvenile delinquency in the United States, because it is this state that has significant experience (both positive and negative) in the prevention of juvenile delinquency. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved by analyzing relevant statistical data, legislation and law enforcement practice. *Results and conclusions.* The conducted research demonstrates contradictory tendencies in the development of juvenile delinquency: along with a decrease in the level of this type of criminality, in recent years, there has been an increase in murders with the participation of minors. The institute of juvenile courts received an ambiguous assessment. The provisions and conclusions of this study will be used to develop specific proposals for reforming the institution for the prevention of juvenile delinquency in the Russian Federation, in particular, in the Penza region.

Keywords: US juvenile delinquency, juvenile delinquency prevention, juvenile delinquency rate, juvenile courts

Funding: The article was prepared with the financial support of the competition “Rector’s grants” of Penza State University, No. XII-80/21 dated 19.04.2021.

For citation: Nikolaev B. V., Minasyan K. T., Minasyan N. T. Juvenile crime and juvenal justice: North American experience. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):215–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-215-220>.

Каждое общество стремится обеспечить свое будущее, в этой связи проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних традиционно относятся к вопросам особой социальной, научной, правовой значимости. Исследования демонстрируют непреклонную тенденцию: успешные меры по профилактике преступности несовершеннолетних, формирование комфортной среды для их развития обеспечивают в последующем общее снижение показателей преступности [5].

При исследовании причин, закономерностей развития преступности несовершеннолетних, мер ее предупреждения в нашей стране представляется уместным изучение зарубежного опыта. Соединенные Штаты прошли значительную эволюцию уголовной политики в отношении несовершеннолетних. В этой связи изучение североамериканского опыта (как позитивного, так и негативного) в данной области представляет значительный интерес [6].

США характеризуются противоречивой ситуацией в отношении преступности несовершеннолетних. С одной стороны, отмечается общая тенденция снижения числа преступлений несовершеннолетних в последнее десятилетие. С другой стороны, сохраняется достаточно высокий уровень несовершеннолетней преступности по сравнению с другими развитыми странами мира, высокий уровень репрессивности в отношении несовершеннолетних правонарушителей [7]. Так, в американских уголовно-исправительных учреждениях находится до 60 тысяч несовершенно-

летних. Верховный Суд США признал неконституционность применения смертной казни, отметив жестокость и противоречие VIII поправке к Конституции США ее применения в отношении несовершеннолетних в возрасте до 16 лет (в деле Томпсон против штата Оклахома (Thompson v. Oklahoma, 1988 г.)), а затем до 17 (в деле Стэнфорд против штата Кентукки (Stanford v. Kentucky, 1989) и до 18 лет (в деле Роупер против Симмонса (Roper v. Simmons, 2005 г.)) [3, с. 127]. Однако и в настоящее время сохраняется применение пожизненного лишения свободы как «особенно сурового вида наказания для несовершеннолетних» (по мнению Верховного Суда США в деле Грэхем против штата Флорида). Так, в штате Северная Каролина 94 гражданина в возрасте от 13 до 17 лет (на момент совершения преступления) были приговорены к такой мере наказания. Несмотря на то, что большинство таких приговоров приходится на 1990-е гг., и с 2011 г. было вынесено «только» пять таких приговоров, они продолжают действовать в отношении граждан в течение десятилетий [10, с. 141-142]. Более того, отмечается «избирательный и инерционный эффект», локализация таких приговоров в ограниченном числе графств штата, что также нарушает принцип равноправия [10, с. 173]. Сохраняется и проблема дискриминационного отношения к представителям расовых и национальных меньшинств в рамках уголовно-правовой политики США [4].

Другой проблемой стала произвольная, а, в некоторых случаях, агрессивная политика в отношении

иммигрантов, что приводит к значительному числу нелегальных иммигрантов, разделению семей, бедственному положению несовершеннолетних членов таких семей. Так, только в течение шести недель в апреле–мае 2018 г. более двух тысяч детей были отделены от своих родителей [12, с. 1480]. В соответствии с официальными данными Организации Объединенных Наций, число детей, содержащихся в специальных центрах временного содержания, отделенных от своих родителей, составило в 2018–2019 гг. более 70 тысяч.

Критике американских исследователей подвергается и чрезмерная, по их мнению, репрессивная практика «школьных офицеров», которые подвергают задержанию школьников в соответствии с «аморфным», не соответствующим каким-либо «единым правовым стандартам» обвинением в принадлежности к бандам: так в марте 2018 г. в Балтиморе учащийся находился под стражей в течение шести месяцев (основа обвинения — угрозы однокласснику), в январе того же года учащийся был задержан на четыре месяца за драку с другим учащимся [12, с. 1484].

Все это ведет к тому, что несовершеннолетние, уже совершавшие преступные или противоправные деяния все больше избегают любого контакта с системой правоохранительных органов, органов социальной защиты и иными официальными структурами. Основной стратегией в этой связи предлагается активизация усилия по взаимодействию с такими молодыми людьми со стороны общественных и, в частности, религиозных организаций [12, с. 1500–1501].

Все эти обстоятельства выступили предпосылками для появления в США такого понятия как «ювенальная юстиция». Это система правосудия, обладающая комплексом характерных черт, некоторые из которых подлежат изучению и анализу, так как являются неоднозначными [8].

На территории США в рамках осуществления функций ювенальной юстиции были созданы ювенальные суды для рассмотрения уголовных дел, в рамках которых лицами, совершившими преступления, являлись несовершеннолетние. Первый такой суд был учрежден в штате Иллинойс в 1898 г., а к 1928 г. ювенальные суды были созданы практически во всех (кроме двух) штатах [9, с. 556]. Цель подобных судебных разбирательств заключается в том, чтобы несовершеннолетние смогли осознать возможность и последствия того, что один из них оказывается в ситуации, грозившей ему уголовной ответственностью и не только. В рамках таких судебных разбирательств также рассматриваются вопросы детской безнадзор-

ности.

Национальный центр ювенальной юстиции в информационном бюллетене представил оценки дел о правонарушениях, рассмотренных судами по делам несовершеннолетних в 2018 году, и анализируются тенденции, начиная дел с 2005 года. В 2018 году суды по делам несовершеннолетних в США рассмотрели 744 500 дел о правонарушениях, в которых участвовали несовершеннолетние, обвиняемые в нарушениях уголовного законодательства, что на 5 % меньше, чем число дел, рассмотренных в 2017 году. С 2005 по 2018 год число дел о правонарушениях сократилось на 55 процентов, причем снижение произошло по всем четырём категориям преступлений: имущественным преступлениям (на 63 процентов), нарушениям общественного порядка (на 57 процентов), преступлениям против личности (на 46 процентов) и в сфере наркопреступности (на 45 процентов). В 2018 году наибольшая доля дел о преступлениях против личности (31 процент) приходилась на дела о преступлениях против собственности (30 процентов), нарушения общественного порядка (25 процентов) и наркопреступления (14 процентов). В то же время, в течение пятилетнего периода (2014–2018 гг.) существенно (на 35 процентов) возросло число убийств (причем, основная часть количественного роста (25 процентов) приходится на последние два года [11, с. 6–8].

Несмотря на общее снижение преступлений против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних, данная проблема сохраняет свою актуальность. Управление по делам несовершеннолетних и преступности Министерства юстиции США сообщает, что на несовершеннолетних приходится 12 процентов всех случаев изнасилований и 19 процентов всех других сексуальных преступлений против несовершеннолетних. Если несовершеннолетнему, осужденному за сексуальное преступление, назначается испытательный срок, регистрация сексуального преступника в соответствии с разделом 290 Уголовного кодекса Калифорнии не применяется. Если в условно-досрочном освобождении отказано и несовершеннолетний направлен в Департамент ювенальной юстиции по обвинению в сексуальном преступлении, регистрация будет обязательна после его освобождения из-под стражи (Статья 290 (d) Уголовного кодекса). (1)-(3). Если несовершеннолетний не обвиняется как взрослый в соответствии с 707(b) Калифорнийского кодекса социального обеспечения и учреждений (WIC), этот несовершеннолетний не должен будет регистрироваться в качестве сексуального преступника, если это преступление было признано несовершенно-

летним или поддержано судом. Подобная регистрация формально не должна ухудшать положение несовершеннолетнего в социальной среде, но практически она становится причиной опасения других лиц быть в каких-либо отношениях с такими несовершеннолетними.

В нашей стране также на протяжении десятилетий ведется дискуссия о создании особой «ювенальной юстиции». Причем последняя понимается в широком (как вся система государственных учреждений, призванных гарантировать права ребенка, в том числе путем контроля в отношении семейного воспитания) и узком значении (как система ювенальных судов, призванных рассматривать уголовные дела с участием несовершеннолетних). Если в отношении последнего значительное число исследователей сходится во мнении о возможности положительного влияния данного института на преступность несовершеннолетних и, в целом, гарантии прав ребенка, то в отношении широкого значения ювенальной юстиции имеет место большая противоречивость. В некоторых аспектах новая система противопоставляется традиционному семейному воспитанию. Складывается впечатление, будто семья представляет собой опасное явление для ребенка и все беды, которые с ним могут произойти, происходят по вине семьи. А в свою очередь знакомые лица, осуществляющие функции ювенальной юстиции, непременно готовы помочь несовершеннолетнему бороться с семьей за свои права и законные интересы [2, с. 48–50].

В целом можно утверждать, что проект ювенальной юстиции в таком широком прочтении зачастую рассматривается в связи с активным внедрением института социального патроната не просто как дополнения института семьи, но, что вызывает тревогу, как, в некоторых случаях, в качестве альтернативы данного традиционного института.

А ведь многие психологи выражают свое отрицательное отношение к данному явлению и доказывают его опасность для несовершеннолетних, для психического здоровья несовершеннолетних. Например, американский психолог и психиатр Бруно Беттельгейм, благодаря своему большому опыту могут четко утверждать, что для становления личности несовершеннолетнего ему нужна забота и любовь семьи. Именно в семье у ребенка формируется представление о взаимоотношениях, о нормах поведения в социуме. Также, ребенку важно чувствовать защиту от взрослого члена семьи, который будет служить ему примером.

Кроме института семьи в жизни несовершеннолетних особо важную роль играют образовательные

учреждения. Обращение педагогов с несовершеннолетними в школах оставляет отпечаток в психике несовершеннолетнего, нередко оно сопровождается психологическими травмами для несовершеннолетних, которые приводят к преступному поведению. В США в некоторых штатах за последнее десятилетие наблюдалось такое явление как «школьные карцеры». Педагоги, вместо того, чтобы проводить с учениками беседы или иные адекватные, отвечающие целям воспитания мероприятия, запирали непослушных учеников в школьных кладовых. Только в штате Иллинойс случилось 20 тысяч зарегистрированных инцидентов подобного рода. Такое непрофессиональное обращение с несовершеннолетними и сложные отношения в семье нередко становятся причинами преступного поведения несовершеннолетних [1, с. 147].

Анализ состояния преступности несовершеннолетних США позволяет сделать вывод о том, что несовершеннолетние США чаще всего совершают тяжкие и особо тяжкие преступления. В числе таких преступлений усматриваются преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних. По отношению указанных преступлений несовершеннолетние могут выступать как лицами, совершившими преступление, так и потерпевшими.

Указанные положения позволяют прийти к следующим выводам.

Во-первых, уровень преступности на территории США стабильно высокий и преступления, которые совершают несовершеннолетние США, по общественной опасности опережают преступления, которые совершают несовершеннолетние РФ. Также на территории некоторых штатов возраст уголовной ответственности снижен, причиной чего является высокий уровень общественной опасности совершаемых несовершеннолетними преступлений. Несовершеннолетним в США наравне с другими видами наказания, также назначают и пожизненное лишение свободы.

Во-вторых, нововведение в лице ювенальных судов можно трактовать неоднозначно. С одной стороны данное явление рассматривается как прорыв, сделанный США в рамках предупреждения преступности несовершеннолетних, а, с другой стороны, это означает, что институт предупреждения преступности несовершеннолетних США не является эффективным, появилась потребность в создании нового органа, благодаря которому сами несовершеннолетние смогли бы осознать серьезность уголовной ответственности. Более того, исследователи отмечают необходимость повышения уровня специальной и психолого-педагогической подготовки сотрудников ювенальных судов

для обеспечения более эффективных гарантий обеспечения несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Так, в связи с особенностями психического состояния несовершеннолетних обвиняемых отмечается повышение удельного веса ложных признаний в совершении преступления (от 15 до 40 процентов) несовершеннолетних по сравнению с взрослыми обвиняемыми [13, с. 5].

В России характерно постоянное внимание к проблеме преступности несовершеннолетних как со стороны руководства страны, так и со стороны правоохранительных органов и исследователей. Если рассматривать статистику совершения несовершеннолетними Пензенской области преступлений, то следует отметить общую долговременную тенденцию снижения числа таких преступлений. Причиной тому выступают многие факторы: политические, социально-экономические, демографические, психологические и другие. Тем не менее, сохранение определенного уровня детской преступности, а также наличие резонансных преступлений, в которых несовершеннолетние выступают и в качестве субъекта, и в качестве жертвы преступления – все это сохраняет высокую значимость и актуальность исследования проблем эффективного противодействия и профилактики несовершеннолетней преступности. Учитывая разное положение РФ и США, а именно уровень развития в странах экономики, техники, технологии, науки и других сфер, следует избирать более эффективные способы и меры борьбы с преступностью несовершеннолетних. Необходимо комплексно изучать каждый случай совершения несовершеннолетними преступного деяния, выяснить причины и условия совершения преступления и на основании анализа этих данных и с учетом других характеристик, разработать эффективные способы борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Список источников

1. Антонян, Ю. М. Портреты преступников. Криминологический психологический анализ. М., 2019.
2. Бельский, А. И. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Российский следователь. 2019. № 15. С. 48–50.
3. Николаев, Б. В. Смертная казнь в США : законодательство, общественное мнение и судебная практика // Уголовное право. 2014. № 3. С. 121–128.
4. Николаев, Б. В. «Черно-белая справедливость» : смертная казнь и вопросы расовой дискриминации в США // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1.
5. Кикоть-Глухodedова, Т. В., Быков, А. В. По-

лицейская система современного демократического государства. Монография. Москва, 2010.

6. Кикоть-Глухodedова, Т. В. Функционирование системы обеспечения внутренней безопасности в государственном механизме США. *NB* : Российское полицейское право. 2012. № 1. С. 37–46.

7. Кикоть-Глухodedова, Т. В. Система обеспечения внутренней безопасности США (конституционно-правовой аспект) диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2010.

8. Хазов, Е. Н., Зубов, И. Н., Василевич, Г. А. и др. Конституционное право зарубежных стран. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 030900.62 «Юриспруденция» : квалификация (степень) «бакалавр» / Москва, 2013. Сер. Юриспруденция для бакалавров.

9. Berryessa, C. M., Reeves, J. The Perceptions of Juvenile Judges Regarding Adolescent Development in Evaluating Juvenile Competency // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2020. Vol. 110. № 3. P. 551–591.

10. Finholt, B., Garrett, B. L., Modjadidi, K., Renberg, K. M. Juvenile Life Without Parole in North Carolina // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2020. Vol. 110. P. 141–179.

11. Hockenberry, S., Puzanchera, Ch. Juvenile Court Statistics. 2018. Pittsburgh, PA : National Center for Juvenile Justice, 2020. 102 p.

12. Jain, E. The Interior structure of immigration enforcement // *University of Pennsylvania Law Review*. 2019. Vol. 167. 1463–1511.

13. Waxman, S. P. Innocent Juvenile Confessions // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2020. Vol. 110. № 1. P. 1–8.

References

1. Antonyan, Y. M. Portraits of criminals. Criminological and psychological analysis. M., 2019.
2. Belsky, A. I. Criminological characteristics of the personality of a minor criminal // *Russian investigator*. 2019. No. 15. P. 48–50.
3. Nikolaev, B. V. The death penalty in the USA : legislation, public opinion and judicial practice // *Criminal Law*. 2014. No. 3. P. 121–128.
4. Nikolaev, B. V. “Black and white justice” the death penalty and issues of racial discrimination in the United States // *All-Russian Criminological Journal*. 2018. Vol. 12. No. 1.
5. Kikot-Glukhodedova, T. V., Bykov, A.V. The police system of a modern democratic state. Monograph. Moscow, 2010.

6. Kikot-Glukhodedova, T. V. Functioning of the internal security system in the US state mechanism. NB : Russian police law. 2012. No. 1. P. 37–46.
7. Kikot-Glukhodedova, T. V. The system of ensuring the internal security of the United States (constitutional and legal aspect) dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2010.
8. Khazov, E. N., Zubov, I. N., Vasilevich, G. A. et al. Constitutional law of foreign countries. Textbook for students of higher educational institutions studying in the field of training 030900.62 “Jurisprudence” : qualification (degree) “bachelor” / Moscow, 2013. Ser. Law for bachelors.
9. Berryessa, C. M., Reeves, J. The Perceptions of Juvenile Judges Regarding Adolescent Development in Evaluating Juvenile Competency // Journal of Criminal Law and Criminology. 2020. Vol. 110. № 3. P. 551–591.
10. Finholt, B., Garrett, B. L., Modjadidi, K., Renberg, K. M. Juvenile Life Without Parole in North Carolina // Journal of Criminal Law and Criminology. 2020. Vol. 110. P. 141–179.
11. Hockenberry, S., Puzanchera, Ch. Juvenile Court Statistics. 2018. Pittsburgh, PA : National Center for Juvenile Justice, 2020. 102 p.
12. Jain, E. The Interior structure of immigration enforcement // University of Pennsylvania Law Review. 2019. Vol. 167. 1463–1511.
13. Waxman, S. P. Innocent Juvenile Confessions // Journal of Criminal Law and Criminology. 2020. Vol. 110. № 1. P. 1–8.

Информация об авторах

Б. В. Николаев – доцент кафедры уголовного права Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук;

К. Т. Минасян – студентка Пензенского государственного университета;

Н. Т. Минасян – студентка Пензенского государственного университета.

Information about the authors

B. V. Nikolaev – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Penza State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

K. T. Minasyan – Student of the Penza State University;

N. T. Minasyan – Student of the Penza State University student of FSBOU VO.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 21.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-221-226>

НИОН: 2003-0059-6/21-105

MOSURED: 77/27-003-2021-06-304

Проблемы проявления правовой культуры в пограничном правовом поведении

Виталий Васильевич Оксамытный

Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, Москва, Россия, oksvv@list.ru

Аннотация. Правовая культура является фактором и отражением установленного в обществе правопорядка. Правовая культура нередко ассоциируется лишь с высоким уровнем правосознания и понимания права, осознанного выполнения его предписаний. Автор на примере пограничных форм правового поведения раскрывает неоднозначность концептуального понимания правовой культуры, ее как позитивную, так и негативную стороны, которые отражаются в различных уровнях собственного проявления.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, юридически значимое поведение, пограничное правовое поведение

Для цитирования: Оксамытный В. В. Проблемы проявления правовой культуры в пограничном правовом поведении // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 221–226. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-221-226>.

Original article

Problems of display of legal culture at border legal behavior

Vitaly V. Oksamytnyi

A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics, Moscow, Russia, oksvv@list.ru

Abstract. Legal culture is a factor and a reflection of the established rule of law in society. Legal culture is often associated only with a high level of legal consciousness and understanding of the law, the conscious implementation of its regulations. The author, using the example of border forms of legal behavior, reveals the ambiguity of the concept of legal culture, it's both positive and negative aspects, which reflect themselves at different levels of its own manifestation.

Keywords: legal culture, legal consciousness, legally significant behavior, border legal behavior

For citation: Oksamytnyi V. V. Problems of display of legal culture at border legal behavior. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):221–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-221-226>.

В процессе развития новой государственности и правовой системы России, исследования условий их стабилизации и функционирования актуализируется интерес к проблемам качественного правового состояния личности, общества и государства. Важнейшее предназначение права — активное участие в процессе установления и поддержания определенного порядка, в условиях которого нормально функционируют все компоненты общества и государства, реализуются за-

фиксированные юридическими положениями права граждан, исполняются требуемые публичной властью обязанности.

Закономерно, что в последнее время внимание правоведов все более сосредотачивается на проблеме личности как высшей ценности общества, в интересах которой и должны происходить коренные перемены:

- глубже стала исследоваться сама проблема истинных и мнимых ценностей в праве;

© Оксамытный В. В., 2021

- острее чувствуются сегодня реалии жизни, политико-правовой действительности;

- по-иному проявляются направленность и уровень юридического мышления и поведения, их социально-духовные, нравственные характеристики;

по-новому встают проблемы социально-правовой терпимости, допустимости в поведении, соотношении должного и запрещенного в поступках.

В этом процессе существенная роль отводится достижению у субъектов права должного уровня правовой культуры, которая является важнейшей предпосылкой реализации права в целом, представляя собой, с одной стороны, систему ценностей, правовых убеждений, навыков и стереотипов поведения, а с другой — само юридически значимое поведение.

Правовая культура как качественное состояние субъекта права, характеризуемое уровнями его правосознания и правового поведения [10, с. 440], находит отражение в механизме государства, в принципах и методах правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, в уровне законности и правопорядка; отслеживается в законодательстве, служа принцициальным фактором его эффективности; отражается в правах и свободах граждан, реальности их осуществления; проявляется как в уровне профессионализма юристов, так и в реальных поступках людей.

Правовая культура, по существу, становится принципиальным критерием качества правового регулирования и правовой жизни общества. Исследования правовой культуры неизбежно выходят на уровень междисциплинарного анализа, требуют новых подходов, включающих юридические, политические, социальные, экономические, культурологические и иные аспекты, которые способны лишь в комплексе дать представление о сущности и специфике происходящих процессов.

В специальной литературе, посвященной проблемам правовой культуры личности, нередко указывается на ее строго позитивный образ, подчеркивается, что правовая культура не может носить пограничный характер, поскольку остается внешне качественным выражением знания и понимания права, осознанного исполнения его предписаний.

Зачастую под правовой культурой понимают лишь высокий уровень правосознания индивида, достаточное знание должностными лицами и гражданами юридических норм, их правовую грамотность, умение и навыки пользования законами в практической жизни, высокую степень уважения и авторитета права и т.п. В нее включают даже «атмосферу законопослушания

личности», построенной на «наличие в стране детально разработанного, охватывающего все основные сферы отношений, беспробельного, внутренне непротиворечивого и технически совершенного законодательства, последовательно отражающего идеалы демократии, свободы и справедливости» [2, с. 525–527].

И в более позднем, специальном исследовании современного понимания правовой культуры находим безапелляционное утверждение о том, что последняя «представляет собой совокупность правовых ценностей, образующих продуктивно-позитивный пласт в правовой жизни..., где под ценностями понимаются только позитивные, прогрессивные явления и процессы» [11, с. 17].

Однако само понятие «культура» весьма неоднозначно и отражает исторически определенный уровень развития общества и личности, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях различной направленности, в том числе позитивных и негативных. Следует согласиться с отстаиваемым как в философии, так и в юридической теории мнением о том, что «культура — не только аксиологическое, но и онтологическое (социологическое) понятие, она не только является характеристикой реальности, но и сама реальность. И в своей реальности она противоречива — и конструктивна, и деструктивна» [7, с. 267].

Понятийно-сущностный ряд, связанный с определением культуры и ее места в современном государственно организованном обществе, весьма многообразен, что не может не отразиться и на проблематике исследования такого явления как правовая культура. Следует отметить, что как в отечественной юридической теории, так и в зарубежной юриспруденции в целом сложились два основных варианта понимания правовой культуры [6, с. 330–331; 12, с. 103–114; 14, с. 306–308]. Прежде всего, последняя рассматривается как совокупность правовых явлений вообще. При таком подходе правовая культура любого общества включает в себя законодательство (юридические предписания), юридические учреждения, юридическую практику (в ее двойком проявлении — деятельность официальных публичных органов власти, так и юридически значимое поведение субъектов права и их объединений), правосознание. В то же время, правовая культура раскрывается и через определенный уровень развития индивидуального, группового или общественного правосознания.

Правовая культура является отражением сложившегося отношения правового субъекта к праву, скла-

дывающегося из его оценок правовой реальности, и оцениваемом правом поведении самого субъекта. И поскольку собственные и правовые оценки могут быть как положительными, так и отрицательными, то и правовую культуру субъекта права также возможно представить как *позитивную* или *негативную*.

Следует констатировать, что и правовая культура как неотъемлемая часть общечеловеческой категории столь же многогранна и имеет различные уровни собственного отражения: не только *высокий* или *должный*, но и *недостаточный*, *низкий*, не совпадающий с требованиями общества к поведению своих граждан.

Поведение было и остается важнейшей социальной характеристикой личности и ее деятельности в сфере общественных отношений. На основании сопоставления этих действий с нормативными представлениями о должном и неправильном, которые зафиксированы в моральных правилах, эстетических канонах, религиозных догмах, в иных социальных предписаниях, человеческое поведение расценивается обществом *положительно*, если оно не противоречит общепринятым эталонам поступков, а человек руководствуется ими в своей повседневной жизни. В то же время поведение людей, не совпадающее с нормами, нарушающее общественные правила, квалифицируется как *отклоняющееся*, *антиобщественное* или *негативное*.

Конечно же, поведение людей в социально-правовой сфере непосредственно связано с нормативно-юридической регламентацией, с закреплением в источниках реально действующего права. Правовое поведение всегда является объектом «наблюдения» со стороны государственных органов, призванных контролировать нашу жизнь в интересах самого общества.

Подобный интерес со временем нашел свое отражение в многочисленных исследованиях «должного», «законопослушного», «правосоответствующего» поведения. Такой поворот становился вполне закономерным и оправданным, поскольку обоснования сопровождались выводами о том, что познать причины правонарушений невозможно без обращения к вопросу, почему иные в подобных ситуациях не совершают противоправных действий и ведут себя законопослушно.

Отсюда вытекает и необходимость привлечения внимания к проблеме так называемой *поведенческой триады*, которая, судя по названию, шире своей двухсторонней ипостаси, поскольку предполагается, что в структуру юридически значимого поведения входит как правомерное и противоправное поведение, так и *поведение пограничное* (оно же *промежуточное*, *переходное*, *транзитное*, если обратиться к зарубежным

источникам) [10, с. 446–450].

В классической теории права издавна выделяли такую разновидность правового поведения как *злоупотребление правом*. Подобное наблюдается, когда субъект, действуя в пределах правовых дозволений, совершает поступки, вступающие в противоречие с социальным назначением права [1, стр. 17–27; 5]. Поскольку такими действиями причиняется вред другим участникам правоотношений, наносится определенный ущерб законным правам и интересам иных лиц или обществу в целом. При этом лицо, злоупотребляя правом, зачастую не нарушает юридических предписаний, не посягает на чьи-либо права и законные интересы, но затрудняет и ограничивает их осуществление.

В правовой истории нередко дозволенность злоупотребления правом рассматривалась действующим принципом права. В римском праве сохранялась юридическая презумпция, изложенная Гаем: «*Никто не считается злоумышленником, если он пользуется своим правом*».

Со временем юристы стали обращать большее внимание на несоответствие подобных действий общечеловеческим началам права.

Позднее в частном праве закрепляется институт *шиканы* (от фр. *chicaner* — дословно «мучить из-за раздутых мелочей»), суть которой — не следует поощрять действия, совершенные с целью причинить вред другому лицу.

Современная позиция законодателя закрепляется, в частности, в новой редакции (с 1 марта 2013 г.) ст. 10 «Пределы осуществления гражданских прав» ГК РФ следующим положением: «Не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление своих гражданских прав (злоупотребление правом)» [3]. Тем самым последнее включается в рамки поведения, не вписывающегося в нормативно ценностные стандарты и стереотипы правовой культуры цивилизованного общества.

После некоторого затишья на ниве поведенческих исследований в праве можем констатировать творческое «оживление» в отношении изучения и иных нетипичных форм правового поведения. Можно привести примеры исследований таких пограничных состояний как:

- «*виктимное поведение*»;
- «*действия в обход закона*»;
- «*объективно-противоправное поведение*»;
- «*поведение вследствие правовой ошибки*»;
- «*поведение лиц, отбывающих наказание*»;

- «поведение посткриминальное»;
- «невиновное (или квазивиновное) поведение в праве»;
- «социально вредное поведение», и т.п.

Что их объединяет в рамках рассматриваемой проблемы? Они, взятые по отдельности и в целом, не отвечают традиционным взглядам на то, что поведение субъекта, не нарушающее установленных границ правомерности, непременно должно определяться должным уровнем его правовой культуры, фиксирующей позитивный характер мотивации поступков личности.

Вполне допустимо рассматривать такие пограничные варианты правового в рамках отдельной его формы, находящейся на стыке между традиционными правомерной и противоправной сторонами.

Здесь следует оговориться по поводу «пограничности». Поведение «на грани», как нами подчеркивается, уже нашло своих многочисленных исследователей. Что имеется в виду? Прежде всего, речь идет о *маргинальности в праве* (социально-правовом маргинализме), которая плодотворно изучается юридической наукой последние десятилетия. Это явление асоциально, мотивируется страхом перед наказанием, боязнью осуждения окружающими, корыстными побуждениями, общественной пассивностью и прочими не позитивными факторами. Однако тем, кто первым обратился к проблематике маргинального поведения, пришлось доказывать как сам факт его проявления, так и вводимое понятие, что в то время практически игнорировалось и замалчивалось.

Долгое время такое поведение рассматривалось лишь в рамках правомерности, как разновидность законопослушного поведения. В настоящее время маргинальное поведение приобретает признание как особая промежуточная форма правового поведения, носящая признаки как правомерности, так и противоправности [например, 8, с. 63–70]. Более того, прописываются предложения в отношении «антимаргинальной правовой политики» [13, с. 24, 462, 473], которая должна осуществляться в масштабах всего общества и государства с учетом ее доктринальных, правотворческих и правоприменительных основ.

Сюда же, на наш взгляд, вписывается и *алармистское поведение*, пока еще не нашедшее должного уровня изучения [9, с. 262–265]. Алармизм следует рассматривать также как деятельность на грани, деятельность, которая опережает время, рамки и стандарты официального поведения. Алармизм в историческом аспекте нарушает установленные «правила игры», соответственно получая оценку как «ересь», «протестантизм», «инакомыслие», «вольнодумство»,

«диссидентство», «неофициальная активность», в общем как «отступление от общепринятых границ допустимости».

Алармистское поведение, также находясь, по оценке исследователей, на грани позитивного, представляет собой общественно значимую и позитивную черту социально-правовой характеристики личности. Но обе противоположные пограничные сферы поведения объединяются первоначальным неприятием самой терминологии, положенной в суть таких явлений. Алармизм в современном к нему отношении переживает примерно такие перформансы: от полного либо частичного непризнания терминологии и до рассмотрения лишь в качестве констатации тревожного состояния его обладателя.

Справочные издания, как традиционные, так и электронные, определяли, да и сейчас определяют алармизм как неодобрительную склонность к распространению тревожных (чаще необоснованных) слухов и настроений либо как умонастроение, которое характеризуется упомянутой тревогой. В психологии алармизм продолжают рассматривать как тревожное или паническое эмоциональное состояние, являющееся негативной реакцией человека или группы людей на положение дел в настоящем и будущие перспективы.

А собственно алармист трактуется все еще по Далю, который в позапрошлом столетии рассматривал такое лицо как человека, «который все государственные и народные события гласно и шумно толкует в дурную сторону, пророча беду и тревожа этим общество» [4].

Таким образом, долгое время сохраняется отношение к алармисту как лицу, поднимающему тревогу без достаточных на то оснований, склонному к панике, распространяющему необоснованные или ложные и вредные слухи, которые вызывают тревожные настроения.

Тем не менее, опыт проводимых в разных странах социально-правовых исследований показывает, что, как и в отношении маргинализма, односторонний негативный подход к этому явлению меняется, и перемены явно происходят в позитивную сторону.

Что имеется в виду? Сторонниками иного, более широкого подхода небезосновательно обращается внимание на то, что само понятие должно выводиться не столько из «умонастроения, порожденного тревогой», но и из понимания действий, определяемых терминами «волновать», «давать сигнал к чему-либо», «будить», «будоражить». Побуждать других к общественно необходимой деятельности, которая на начальном этапе не обладает одобрительной оценкой

большой части общества и официоза, а тем более не пользуется поддержкой масс.

Поведение, подталкиваемое «вольнодумными» побуждениями, с позиций сегодняшнего дня не может рассматриваться как «необоснованное». Однако его носитель нередко опережает свое время, пытается обратить внимание окружающих и общества на моменты, явления и проблемы, которые, оказывается, можно решить (или хотя бы постараться это сделать).

Но такие активные поступки, одобряемые и поддерживаемые обществом, находятся на грани допустимого и могут выходить за пределы формально дозволенного. И нередко сами исполнители дают поводы к их неоднозначному оцениванию.

Естественно, что упомянутые направления в исследовании пограничных форм поведения в сфере права вызываются как практическими проблемами, так и теоретическими пробелами в механизме правового регулирования общественной и государственно-жизни. Эти процессы свидетельствуют о реальной необходимости объединения достигнутых результатов и координации тематики дальнейших исследовательских усилий в познании всей триады правового поведения и роли правовой культуры в их направленности.

Список источников

1. Василевич, Г. А. Злоупотребление правом – правомерное поведение или правонарушение? // Экономика, право, общество. 2018. № 1. С. 17–27.
2. Головистикова, А. Н., Дмитриев, Ю. А. Проблемы теории государства и права : учебник. М. : ЭКСМО, 2005.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.).
4. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2017.
5. Крусс, В. И. Злоупотребление правом. М. : Норма: Инфра-М, 2019.
6. Лазарев, В. В., Липень, С. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2019.
7. Малахов, В. П., Эриашвили, Н. Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной теории : монография. 2-е изд. М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2018.
8. Оксамытный, В. В. Поведенческие аспекты в системе оценок механизма правового регулирования // Механизм правового регулирования : история и современность. V Алексеевские чтения. Ч. 1. Екатеринбург : УГЮУ, 2019. С. 63–70.

9. Оксамытный, В. В. Риски в праве: временные координаты в контексте алармистского поведения // Юридическая техника. Ежегодник. № 13. Риски в законодотворчестве, правореализации, юридической науке : техника формирования и функционирования системы управления. Н.-Новгород : НГА МВД России, 2019.

10. Оксамытный, В. В. Общая теория государства и права : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

11. Петручак, Л. А. Правовая культура современной России : теоретико-правовое исследование. Дисс. ...докт. юрид. наук. М. : МГЮА, 2012.

12. Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур / Под ред. М. В. Немытиной. М. : РУДН, 2016.

13. Степаненко, Р. Ф. Общеправовая теория маргинальности : Дисс. ...докт. юрид. наук. Казань : К(П)ФУ, 2015.

14. Теория государства и права : учебник / Под ред. А. И. Бастрыкина, М. М. Рассолова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020.

References

1. Vasilevich, G. A. Abuse of law – lawful behavior or offense? // Economics, Law, Society. 2018. No. 1. P. 17–27.
2. Golovistikova, A. N., Dmitriev, Yu. A. Problems of the theory of state and law : textbook. M. : EKSMO, 2005.
3. Civil code of the Russian Federation (Part one) of 30.11.1994 № 51-FZ (ed. by G. 09.03.2021).
4. Dal, V. I. Explanatory dictionary of the Russian language. M. : AST, 2017.
5. Kruss, V. I. Abuse of right. M. : Norma: Infra-M, 2019.
6. Lazarev, V. B., Lipen, C. B. Theory of state and law : textbook. 5th ed., ispr. and add. M. : Yurayt, 2019.
7. Malakhov, V. P., Eriashvili, N. D. Methodological and ideological problems of modern theory : monograph. 2nd ed. M. : Unity-Dana: Law and Law, 2018.
8. Oksamytnyi, V. V. Behavioral aspects in the evaluation system of the mechanism of legal regulation // The mechanism of legal regulation : history and modernity. V. Alekseev readings. Part 1. Yekaterinburg : UGYUU, 2019. P. 63–70.
9. Oksamytnyi, V. V. Risks in law: time coordinates in the context of alarmist behavior // Legal technique. Yearbook. № 13. Risks in lawmaking, legal realization, legal science : technology of formation and functioning of the management system. N.-Novgorod : NGA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

10. Oksamytnyi, V. V. General theory of state and law : textbook. 3rd ed., reprint. and additional M. : Unity-Dana, 2021.
11. Petrushak, L. A. Legal culture of modern Russia : theoretical and legal research. Diss. ...doct. jurid. M. : MGUA, 2012.
12. Comparative studies of legal systems, legal cultures / Edited by M. V.Nemytina. M. : RUDN, 2016.
13. Stepanenko, R. F. The general legal theory of marginality : Diss. ...doct. jurid. sciences. Kazan : K(P) FU, 2015.
14. Theory of State and Law : textbook / Edited by A. I. Bastrykin, M. M. Rassolov. 3rd ed., reprint. and additional M. : UNITY-DANA: Law and Law, 2020.

Информация об авторе

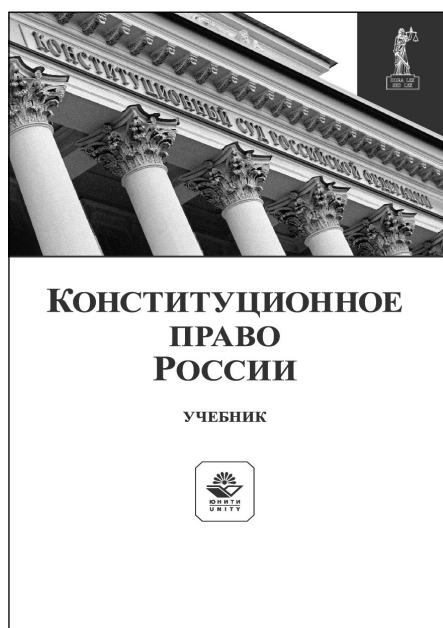
В. В. Оксамытный – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Information about the author

V. V. Oksamytnyi – Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A. S. Griboedov Institute of International Law and Economics, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 08.06.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 08.06.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Конституционное право России. Учебник. Под науч. ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина; под общ. ред. К.К. Гасанова, Л.Т. Чихладзе. 471 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-227-230>

НИОН: 2003-0059-6/21-106

MOSURED: 77/27-003-2021-06-305

Связь национальной безопасности и внешней политики России

Елена Алексеевна Осавелюк

Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия, osaveluk@mail.ru

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор **Б. С. Эбзеев**

Аннотация. Анализируются положения Концепции внешней политики РФ. Демонстрируются элементы, одновременно включаемые в национальную безопасность, перекрестный функционал высших органов государственной власти в данных сферах. Показано разновекторное развитие этих элементов в рамках обоих институтов. Доказывается связь внешней политики с национальной безопасностью. Делается вывод о том, что внешняя политика является составляющей национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, внешняя политика, безопасность, конституция, высшие органы государственной власти, концепция внешней политики

Для цитирования: Осавелюк Е. А. Связь национальной безопасности и внешней политики России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 227–230. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-227-230>.

Original article

The relationship between national security and Russia's foreign policy

Elena A. Osavelyuk

Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboedov, Moscow, Russia, osaveluk@mail.ru

Scientific consultant: Doctor of Legal Sciences, Professor **B. S. Ebzeev**

Abstract. The article analyzes the provisions of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. The elements that are simultaneously included in national security, the cross-functional of the highest state authorities in these areas are demonstrated. The multi-vector development of these elements within the framework of both institutions is shown. The connection of foreign policy with national security is proved. It is concluded that foreign policy is a component of national security.

Keywords: national security, foreign policy, security, the constitution, the highest state authorities, the concept of foreign policy

For citation: Osavelyuk E. A. The relationship between national security and Russia's foreign policy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):227–230. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-227-230>.

Постановка проблемы. Размежевание некоторыми авторами институтов национальной безопасности и внешней политики государства является искусственным разрывом нераздельного, единого, по сути, механизма. Согласно Конституции РФ, Президент РФ «принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной це-

лостности» (ч. 2 ст. 80), «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» (ч. 3 ст. 80), «осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации» (ст. 86), «формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом ... утверждает военную доктрину Российской

© Осавелюк Е. А., 2021

Федерации» (ст. 83). Вместе с тем, конституционно-правовой анализ этой связи и взаимодействия двух взаимодополняющих институтов не проводится. Большой функционал в части реализации мероприятий как национальной безопасности, так и внешней политики возложен и на другие высшие органы государственной власти — Правительство и Парламент РФ. Вместе с тем, с практической точки зрения, изолированные исследования не могут стать достаточной научной базой для дальнейшего развития и совершенствования обоих институтов.

Анализ последних исследований и публикаций.

В российской правовой науке сегодня больше внимания уделяется вопросам национальной безопасности [11; 10; 3; 7], хотя крен делается в сторону военной безопасности. В последнее время институт внешней политики тоже стал подвергаться правовому анализу [8; 4, с. 42–44; 6, с. 92–106]. Вместе с тем, эти институты рассматриваются изолированно, что не дает полноты картины.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Изолированное рассмотрение институтов национальной безопасности и внешней политики свидетельствует об отсутствии единого комплексного научного исследования, которое позволило бы дать рекомендации по усовершенствованию соответствующего правового инструментария.

Формулировка целей статьи. На основе анализа публикаций, положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [14] (далее «Стратегия») и Концепции внешней политики Российской Федерации (далее — «Концепция») [13], предлагается продемонстрировать связь внешней политики с национальной безопасностью России.

Изложение основного материала. Целью внешней политики (п. 3 Концепции) является обеспечение национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов России. При этом среди основных задач в ней названы: обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности, (пп. «а» п. 3); создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики России, ее технологического обновления, повышения уровня и качества жизни населения (пп. «б» п. 3); укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности (пп. «д» п. 3). Приведенные цели и задачи внешней политики непосредственно завязаны на вопросы национальной безопасности России.

В теории конституционного права понимание значимости внешних факторов для национальной без-

опасности позволило некоторым авторам включить их в дефиницию национальной безопасности, определяя ее как «... состояние защищенности личности, общества, государства от *внешних* и внутренних опасностей и угроз, базирующееся на деятельности людей, общества, государства, *мирового сообщества народов* по выявлению (изучению), предупреждению, ослаблению, устранению (ликвидации) и отражению опасностей и угроз, способных лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для выживания и развития» [5, с. 7]. Однако это не нашло раскрытия в работе, что также иллюстрирует проблему отсутствия комплексного и взаимосвязанного изучения национальной безопасности и внешней политики.

Тем не менее, сама Концепция дает нам примеры такого взаимодействия. Так, пп. «в» п. 3 говорит об упрочнении позиций Российской Федерации «как одного из влиятельных центров современного мира» — это важно, поскольку для реализации Россией своих национальных интересов, ее должны воспринимать как серьезного политического игрока на мировой «шахматной доске».

Далее отмечается, что «в условиях, когда для обеспечения энергетической безопасности государств, требуется диверсификация их присутствия на мировых рынках, наблюдаются ужесточение необоснованных ограничений и введение других дискриминационных мер в этой сфере» (п.11). Россия — энергетическое государство, крупнейший потребитель и крупнейший поставщик различных видов энергии. Для нас энергетический вопрос — вопрос и внешней и внутренней политики, особенно, если учесть, что доходы от энергоресурсов — важнейший наполнитель бюджета. Большинство конституционалистов рассматривают энергетическую безопасность лишь как часть безопасности национальной и изучают ее только в этом качестве, игнорируя внешнеполитический аспект вопроса [2, с. 17].

«Россия будет твердо противодействовать любым попыткам привести в Арктику элементы политики конфронтации и военного противостояния, политизировать международное взаимодействие в регионе в целом. Существенное значение для развития региона имеет использование Северного морского пути как национальной транспортной коммуникации России в Арктике, а также использование его для осуществления транзитных перевозок между Европой и Азией» (п. 76). В обозначенном районе как в капле воды отражается клубок внешних и внутренних связей: актив-

ное использование северного морского пути — это и развитие региона, и геополитический статус, и огромные доходы. Тем не менее, современные правоведы рассматривают арктическую проблему в большей мере именно с точки зрения национальной безопасности, даже не упоминая вышеуказанные положения Концепции [9], что никак не отражает реальное положение дел вокруг данной темы.

Также стоит отметить, что национальная безопасность уже не мыслится без безопасности международной, что вытекает из содержания Стратегии, в частности, из названия ее раздела второго «Россия в современном мире: тенденции и возможности». Следующий раздел «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты» начинается словами «с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире», что также подчеркивает неразрывность национальной безопасности с международными отношениями. Последующие разделы Стратегии («Оборона страны», «Экономическая безопасность») вновь не обходятся без апелляции к ситуации на мировой арене. И даже такой, на первый взгляд, «внутренний» вопрос, как технологическое развитие в разделе «Научно-технологическое развитие» начинается словами: «В условиях перехода мировой экономики на новую технологическую основу». Продолжать можно много, очевидно, что вся современная Стратегия национальной безопасности пронизана привязками к тенденциям мирового сообщества, международным отношениям, стратегическим интересам России на внешнеполитической арене.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. Таким образом, вопросы национальной безопасности (в самом широком смысле — экономической, энергетической, стратегической, политической и др.) теснейшим образом пересекаются с однородными элементами внешней политики, поскольку для реализации национальной безопасности необходимы как внутригосударственные, так и международные меры. В условиях глобализации традиционный подход к содержанию национальной безопасности в доктрине конституционного права должен быть скорректирован, ведь «в условиях глобализации не существует чисто военных решений проблемы обеспечения безопасности и целостности государств...» [12, с. 8]. Более того, национальная безопасность уже не существует сама по себе, а тесно связана с международной [1]. Вектор реализации элементов национальной безопасности становится направленным как внутри государства, так и вовне, что обеспечивает синхрон-

ное развитие и синергетический эффект. Перспективы дальнейшего развития в этом направлении состоят в проведении комплексных исследований взаимосвязанных и взаимозависимых институтов внешней политики и национальной безопасности, поскольку только так может быть эффективно обеспечена национальная безопасность государства.

Список источников

1. Бабурин, С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М. : Магистр: ИНФРА-М, 2010.
2. Вербицкая, Т. В. Конституционно-правовые основы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации : учебное пособие для вузов / Т. В. Вербицкая. Москва : Издательство Юрайт, 2020.
3. Лабуш, Н. С. Национальная безопасность Российской Федерации : содержание, концепция и стратегия. Монография. СПб, 2011.
4. Макаренко, И. Л. Преобразование конституционных положений в современных условиях реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации // Юридические науки. 2019. № 4.
5. Мурадян, Э. Р. Конституционно-правовые основы взаимодействия человека и государства в сфере обеспечения безопасности личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.
6. Осавелюк, Е. А. Понятие и основные этапы развития внешнеполитических полномочий главы государства // Гражданин. Выборы. Власть. № 4 (18). 2020.
7. Осавелюк, Е. А. Информационная безопасность государства и общества в контексте деятельности СМИ. СПб : Лань, 2019. 180 с.
8. Остапенко, О. Ю. Внешняя политика Российской Федерации: конституционно-правовой анализ. Монография. Калуга. Изд-во АФК «Политоп», 2004.
9. Попроцкий, В. Н. О формировании правовой основы развития Арктической зоны Российской Федерации в контексте обеспечения национальной безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 150–152.
10. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Монография / Под ред. Опалева А. В. М. : Юнити-Дана, 2004. 511 с.
11. Репко, С. И. Национальная безопасность. М. : Академия геополитики, 2012. 290 с.
12. Эбзеев, Б. С., Айбазов, Р. У., Краснорядцев, С. Л. Глобализация и государственное устройство России. М. : Формула права, 2006.
13. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней полити-

ки Российской Федерации» / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162006/

14. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

References

1. Baburin, S. N. The World of Empires: the territory of the state and the world order. M. : Master : INFRA-M, 2010.

2. Verbitskaya, T. V. Constitutional and legal foundations of national security in the Russian Federation : a textbook for universities / T. V. Verbitskaya. Moscow : Yurayt Publishing House, 2020.

3. Labush, N. S. National Security of the Russian Federation : content, concept and strategy. Monograph. St. Petersburg, 2011.

4. Makarenko, I. L. Transformation of constitutional provisions in modern conditions of implementation of domestic and foreign policy of the Russian Federation // Legal Sciences. 2019. № 4.

5. Muradyan, E. R. Constitutional and legal bases of interaction between a person and the state in the field of personal security : Abstract. dis. ... cand. legal sciences. Chelyabinsk, 2011.

6. Osavelyuk, E. A. The concept and main stages of the development of the foreign policy powers of the head of

state // Citizen. Elections. Power. № 4 (18). 2020.

7. Osavelyuk, E. A. Information security of the state and society in the context of media activity. St. Petersburg : Lan, 2019. 180 p.

8. Ostapenko, O. Y. Foreign policy of the Russian Federation: constitutional and legal analysis. Monograph. Kaluga. Publishing house of AFK "Politop", 2004.

9. Prorotsky, V. N. On the formation of the legal basis for the development of the Arctic zone of the Russian Federation in the context of ensuring national security // Education. The science. Scientific personnel. 2020. No. 4. P. 150–152.

10. The legal basis for ensuring the national security of the Russian Federation. Monograph / Ed. by Opalev A.V. M. : Unity-Dana, 2004. 511 p.

11. Repko, S. I. National Security. M. : Academy of Geopolitics, 2012. 290 p.

12. Ebzhev, B. S., Aybazov, R. U., Krasnoryadtsev, S. L. Globalization and the state structure of Russia. M. : Formula of Law, 2006.

13. Decree of the President of the Russian Federation No. 640 dated November 30, 2016 "On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation" / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162006/

14. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

Информация об авторе

Е. А. Осавельюк – проректор по учебной работе Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Osavelyuk – Vice Rector for Academic Affairs of the Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboedov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.08.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 26.08.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-231-234>

НИОН: 2003-0059-6/21-107

MOSURED: 77/27-003-2021-06-306

Актуальные направления международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере информационных технологий в отношении детей

Юлия Владимировна Пузырева¹, Алина Дмитриевна Захарова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ yuliya_dugina@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ основных видов преступных посягательств, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях и направленных против детей, а также рассмотрены различные формы и методы сотрудничества государств по борьбе с данными преступными угрозами.

Ключевые слова: киберпреступность, информационные технологии, права ребенка, защита прав ребенка, права детей в информационном пространстве, Интерпол, Европол, COVID-19

Для цитирования: Пузырева Ю. В., Захарова А. Д. Актуальные направления международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере информационных технологий в отношении детей // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 231–234. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-231-234>.

Original article

Current directions of international cooperation in combating crimes committed in the field of information technology against children

Yuliya V. Puzyreva¹, Alina D. Zaharova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ yuliya_dugina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the main types of criminal attacks committed in information and telecommunications networks and directed against children, as well as considers various forms and methods of cooperation between states to combat these criminal threats.

Keywords: cybercrime, information technology, child rights, child rights protection, children's rights in the information space, Interpol, Europol, COVID-19

For citation: Puzyreva Yu. V., Zaharova A. D. Current directions of international cooperation in combating crimes committed in the field of information technology against children. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):231–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-231-234>.

Киберпреступность в настоящее время является актуальной темой во всем мире, в первую очередь это связано с тем, что информационно-телекоммуникационные сети обладают достаточно быстрой динамикой своего развития. В большинстве случаев преступления, направленные против несовершеннолетних лиц, являются тяжкими или особо тяжкими преступными деяниями. По характеру посягательства действия киберпреступников условно можно подразделить на две

большие группы: преступления, посягающие на личные права ребёнка и преступные деяния, направленные на вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений.

Преступления, посягающие на личные права ребёнка, затрагивают основополагающие положения по защите несовершеннолетних лиц, закреплённые в Декларации прав ребёнка 1959 г. [2, с. 47–49], Конвенции о правах ребёнка 1989 г. [3, с. 50–52], а также Всеобщей

декларации прав человека 1948 г. [1, с. 64–67]. К таким киберпреступлениям относятся деяния, связанные с торговлей детьми на страницах «тёмного и глубинного интернета», сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, склонение детей и подростков к суицидальным действиям через Интернет-пространство и др. [7].

Отметим, что по данным Интерпола и Европола в связи с принятием карантинных мер в 2020 г. было замечено расширение деятельности, связанной с распространением материалов о жестоком обращении с детьми в Интернете. Более того участились случаи открытого обсуждения правонарушителями моментов, связанных с уязвимостью детей в период изоляции, нередко случаи открытого обмена мнениями о способах совершения преступлений [6].

Данный факт, в первую очередь исходит из того, что в карантинные меры дети стали больше времени находиться в Интернете, наиболее предоставлены сами себе, не осуществляется должный контроль по местонахождению ребёнка, а также в связи с загруженностью родителей в информационной среде, упускаются моменты психологического изменения состояния ребёнка.

Несовершеннолетние лица, ставшие объектом преступного посягательства, подвергаются риску стать жертвами нескольких особо тяжких преступлений. Так, в случае с преступлениями, связанными с половой неприкосновенностью несовершеннолетних и малолетних лиц, то помимо сексуальных домогательств, киберпреступники часто снимают и продают порнографические материалы в Интернет-пространстве, нередко случаи, продажи несовершеннолетних лиц с целью сексуальной эксплуатации [7].

Говоря о сексуальном насилии над детьми, следует отметить крайне сложную и опасную тенденцию: достаточно большое количество преступных действий направлены на очень маленьких детей и даже младенцев, вследствие чего перед правоохранительными органами встают задачи по розыску преступных лиц, совершающих насилие над несовершеннолетними, определению лиц, передавших или продавших детей для сексуальных эксплуатаций, а также по розыску малолетних жертв и оказанию им немедленной психологической помощи. Как отмечалось нами ранее, преступные группировки в Интернет-пространстве обладают транснациональным характером, из-за этого малолетние жертвы часто оказываются гражданами другого государства или вообще незарегистрированными гражданами, в связи с этим возникают международные проблемы, связанные с определением гражданства малолетнего лица, а также оказанию ему достойной психологической и медицинской помощи. Для наиболее детального изучения жертв киберпреступников, чьи деяния направлены против половой свободы несовершеннолетнего в Интернет-простран-

стве, можно обратиться к случайной выборке видео- и фотоизображений в базе данных ICSE. Отметим, что в 2018 году, на основе базы данных данной системы, Интерполом и ЕСПАТ International был опубликован совместный отчёт по характеристикам жертв, пострадавших от преступных посягательств, озаглавленный «На пути к глобальному показателю неустановленных жертв в материалах сексуальной эксплуатации детей» [8]. В ходе исследования были выявлены тревожные тенденции. Одна из них представляет тот факт, что чем младше жертва насилия, тем более жестокое обращение с ней предпринимают преступники; 84 % изображений и видео материала содержат откровенную сексуальную активность; более 60 % неопознанных жертв были в преуберплатном возрасте, включая младенцев и детей младшей ясельной группы; 65 % лиц были женского пола; на изображениях жестокого насилия чаще всего изображались мальчики; 92 % правонарушителей были лица мужского пола [8].

Преступные деяния, направленные на вовлечение несовершеннолетних лиц через информационно-телекоммуникационные системы в преступления, осуществляются по следующим основным направлениям: распространение наркотических веществ и их аналогов и вербовка несовершеннолетних лиц к преступной деятельности террористического характера. Под преступные действия, связанные с распространением наркотических веществ, чаще всего попадают подростки, не имеющие средств к существованию, из неблагополучных семей, которые ищут быстрый способ подработки денежных средств в Интернет-пространстве. Злоумышленники под предлогом перевозки и передачи определённых веществ обещают данным лицам постоянный заработок посредством выполнения несложных задач.

В связи с отсутствием прямого универсального документа по защите детей в информационном пространстве взаимодействие государств в данной области базируется на ряде универсальных международных документов. Одним из основных является Конвенция о правах ребёнка от 1989 г. [3, с. 50–52], которая обязывает участников-членов принимать необходимые меры, в том числе на законодательном уровне, с целью защиты детей от любых форм насилия, оскорблений, небрежного или грубого отношения с ребёнком, а также их эксплуатации. В ст. 34 анализируемого Договора закреплено обязательство государств-членов по предотвращению эксплуатации детей в съёмках порнографических материалов. Необходимо подчеркнуть тот факт, что Факультативный протокол к Конвенции о правах ребёнка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г. [5] обращается к проблеме детской порнографии, при этом конкретно указывает, что одной из форм распространения данных материалов является Интернет.

Международное сотрудничество государств по защите детей и подростков от киберпреступлений, осуществляется на двух уровнях взаимодействия: универсальном и региональном. Наиболее существенно выделяется региональный уровень международного сотрудничества. Связано это в первую очередь с тем фактором, что расследование преступлений международного характера наиболее эффективно в меньших группах. Взаимодействие и сотрудничество на универсальном уровне осуществляется под эгидой Организации Объединенных Наций и Интерпола. На региональном уровне особой активностью в решении правовых и организационных вопросов по реализации международного сотрудничества в борьбе с преступлениями в информационной сфере, включая посягательства против детей, отмечается Совет Европы и Европол. Для реализации сотрудничества и обеспечения защиты несовершеннолетних в информационном пространстве под руководством вышеперечисленных общей и правоохранительной компетенции проходят международные конференции, встречи, саммиты, на которых обсуждаются принципы и методы борьбы с киберпреступлениями, а также разрабатываются меры международной поддержки и защиты несовершеннолетних лиц. Международное сотрудничество первоначально нацелено на разработку международных договоров, направленных на борьбу с киберпреступностью, а также на защиту и социальную поддержку детей и подростков.

Рассматривая современное состояние киберпреступности, отметим, что в связи с распространением вирусной инфекции COVID-19 в 2020 году, а также значительным изменением жизни большинства населения в карантинные меры, а именно переход на дистанционную работу и обучение, были проведены меры по международному сотрудничеству по защите детей в период COVID-19. Данный период был проанализирован практическими подразделениями Интерпола и на основе аналитических данных был разработан отчет Интерпола [8], в котором рассматриваются тенденции роста киберпреступности, а также опубликованы данные о особенностях криминалистической характеристики преступников, составлены психологические портреты жертв преступлений, разработаны профилактические меры направленные на защиту детей от киберпреступников. Стоит отметить, что в своём выступлении глава Интерпола отдельно подчеркнул необходимость постоянного сотрудничества правоохранительных органов в расследовании тяжких по характеру посягательства и ужасных с точки зрения нравственности преступных деяний. Для решения проблем связанных с сексуальной эксплуатацией детей, были созданы международные базы данных (ICSE) [8], направленные на идентификацию жертв, а также на блокировку определённого контента, нарушающих безопасность несовершеннолетних лиц. Данная база данных является уникальным инстру-

ментом по розыску жертв через информационно-телекоммуникационное пространство, сбору информации, сотрудничеству компетентных органов государств на различных этапах уголовного судопроизводства, расследованию транснациональных преступлений, направленных на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

Отметим, что карантинные мероприятия, введённые во многих странах, способствовали существенному спаду раскрытия преступлений правоохранительными органами, которые также были отражены в отчёте Интерпола. Данный спад характеризуется различными причинами: во-первых, этому способствует существенная задержка в информировании о случившемся преступном деянии против несовершеннолетних. Как было отмечено ранее, этому способствуют различные причины: боязнь детей и подростков мер со стороны родителей, опекунов, осуждения ровесниками, и т. д., в некоторых случаях лицо не может сообщить о преступном посягательстве, в связи с непониманием сложившейся обстановки, так как является малолетней жертвой. Во-вторых, многие сотрудники были перенаправлены на расследование преступлений, вызванных пандемией, так как существенно возросло количество преступлений в сфере информационных технологий в таких сферах как кибермошенничество, увеличилось кражи в информационном пространстве, участились случаи подделки медицинских препаратов и т. д. В-третьих, немаловажным фактором раскрываемости преступных деяний является закрытие судебных инстанций, что привело к значительным задержкам в рассмотрении уголовных дел. Данные факторы существенно снизили работу правоохранительных органов, занимающихся расследованием киберпреступных действий, направленных на детей и подростков.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что сотрудничество на универсальном уровне подразделяется на две категории: сотрудничество под эгидой ООН и под эгидой Интерпола. Органы Интерпола взаимодействуют с практической точки зрения и в сложившейся на реальный момент времени угрозой со стороны киберпреступности, решая практические вопросы по пресечению противоправных посягательств, направленных на детей и подростков. Предпринимаемые меры на международном уровне способствуют развитию законодательной национальной базы государств, а также приводят к созданию основополагающих основ международного сотрудничества.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Международное право. Сборник документов. Учебное пособие / Котляров И. И., Пузырева Ю. В. М. : МосУ

МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020.

2. Декларация прав ребёнка 1959 г. // Международное право. Сборник документов. Т. М. Блатова, Г. М. Мелков. М. : РИОР.

3. Конвенция о правах ребёнка 1989 г. // Международное право. Сборник документов. Т. М. Блатова, Г. М. Мелков. – М. : РИОР.

4. Пузырева, Ю. В., Мысина, А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий. М. : ИНФРА-М, 2020. 92 с.

5. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml (дата обращения: 15.06.2021).

6. Beyond the pandemic – How COVID-19 will shape the serious and organised crime landscape in the EU30. April 2020 // Europol. URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/report_beyond_the_pandemic (дата обращения: 15.06.2021).

7. COVID19 – Child Sexual Exploitation and Abuse threats and trends. Report // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-highlights-impact-of-COVID-19-on-child-sexual-abuse> (дата обращения: 15.06.2021).

8. International Child Sexual Exploitation database. Report // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/Crimes-against-children/International-Child-Sexual-Exploitation-database> (дата обращения: 15.06.2021).

References

1. The Universal Declaration of Human Rights

of 1948 // International Law. Collection of documents. Textbook / Kotlyarov I. I., Puzyreva Yu. V. M. : MosU of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2020.

2. Declaration of the Rights of the Child in 1959 // International law. Collection of documents. Т. М. Блатов, Г. М. Мелков. М. : РИОР.

3. Convention on the Rights of the Child of 1989 // International Law. Collection of documents. Т. М. Блатов, Г. М. Мелков. - М. : РИОР.

4. Puzyreva, Yu. V., Mysina, A. I. International police cooperation on the disclosure and investigation of crimes in the field of information technology. Moscow : INFRA-M, 2020. 92 p.

5. Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the sale of children, child prostitution and child pornography of May 25, 2000 // UN official website. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml (date of access: 15.06.2021).

6. Beyond the pandemic – How COVID-19 will shape the serious and organised crime landscape in the EU30. April 2020 // Europol. URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/report_beyond_the_pandemic (date of access: 15.06.2021).

7. COVID19 – Child Sexual Exploitation and Abuse threats and trends. Report // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-highlights-impact-of-COVID-19-on-child-sexual-abuse> (date of access: 15.06.2021).

8. International Child Sexual Exploitation database. Report // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/Crimes-against-children/International-Child-Sexual-Exploitation-database> (date of access: 15.06.2021).

Информация об авторах

Ю. В. Пузырева – заместитель начальника кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. Д. Захарова – курсант 4 «М» курса международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

Yu. V. Puzyreva – Deputy Head of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. D. Zaharova – cadet of the 4th «M» course of the International Law Faculty of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 13.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-235-240>

НИОН: 2003-0059-6/21-108

MOSURED: 77/27-003-2021-06-307

Миграционная безопасность в условиях геополитических вызовов России

Василий Дмитриевич Самойлов¹, Шамиль Магомедович Нурадинов², Павел Владимирович Бойцов³

¹ Академия военных наук, Москва, Россия

^{2,3} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ vas.samoylow2016@yandex.ru

² trianonnn2017@mail.ru

³ pavel.petrovka38@yandex.ru

Аннотация. Конституция Российской Федерации содержит термин государственная безопасность, что редко встречается в положениях нормативных правовых актов федерального и регионального уровней. В связи с этим наличествуют два конституционных вида безопасности РФ и ряд видов, включая миграционную безопасность. Геополитическое значение сферы миграции обусловлено тем, что участники миграционных правоотношений часто становятся источниками внутригосударственных и международных конфликтов, новых вызовов и угроз государственной безопасности.

Ключевые слова: государственная безопасность, сфера миграции, мигранты

Для цитирования: Самойлов В. Д., Нурадинов Ш. М., Бойцов П. В. Миграционная безопасность в условиях геополитических вызовов России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 235–240. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-235-240>.

Original article

Migration security in the context of Russia's geopolitical challenges

Vasily D. Samoilov¹, Shamil M. Nuradinov², Pavel V. Boytsov³

¹ Academy of Military Sciences, Moscow, Russia

^{2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ vas.samoylow2016@yandex.ru

² trianonnn2017@mail.ru

³ pavel.petrovka38@yandex.ru

Abstract. The Constitution of the Russian Federation contains the term state security, which is rarely found in the provisions of regulatory legal acts of the federal and regional levels. In this regard, there are two constitutional types of security of the Russian Federation and a number of types, including migration security. The geopolitical significance of the migration sphere is due to the fact that participants in migration legal relations often become sources of domestic and international conflicts, new challenges and threats to state security.

Keywords: state security, migration sphere, migrants

For citation: Samoilov V. D., Nuradinov Sh. M., Boytsov P. V. Migration security in the context of Russia's geopolitical challenges. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):235–240. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-235-240>.

© Самойлов В. Д., Нурадинов Ш. М., Бойцов П. В., 2021

Стратегический курс Российской Федерации (далее — РФ) в сфере миграции в условиях геополитических вызовов и угроз, ориентирует на рост благосостояния и стабилизацию числа граждан РФ, прогресс социально-экономического развития государства при реализации разных интересов. В связи с этим *государственная миграционная политика РФ* направлена на управление миграционными процессами для обеспечения безопасности государства, его геополитических интересов, прав и свобод человека и гражданина РФ, решения актуальных задач в сферах экономики, демографии и миграции [1; 2, с. 49; 6; 7, с. 976; 9; 16].

В соответствии с конституционными нормами в разных сферах жизни и деятельности личности, семьи, социальных групп и должностных лиц органов государственной власти (далее — ДЛ ОГВ) многообразие идей как проблемно, так и многомерно [4]. По нашему мнению, это обусловлено, с одной стороны, отсутствием перечня или комплекса каких-либо идей, с другой — Основной закон РФ ориентирует на их незримое присутствие (ст. 13). При продолжающейся дискусионности конституционной нормы обоснуем данное утверждение на примере государственно-правового регулирования сферы миграции по трём предложенным аспектам: а) политики и концептуально-доктринальному акту; б) социально-экономическому; в) профессиональному.

Первый аспект обусловлен фактом отсутствия, научно-выверенного программного (концептуального или доктринального) документа в сфере миграции. По существу, очередной вариант концепции не вооружает как ДЛ ОГВ, так и граждан РФ (далее — РГ), иностранных граждан (далее — ИГ), лиц без гражданства (далее — ЛБГ) законодателей и правоприменителей, а также субъекты и объекты управления миграционными процессами. На самом деле, Президент РФ определяет основные тренды внешней и внутренней политики, включая сферу миграции, которые Правительство РФ детализирует по трендам формирования и реализации миграционной политики [1; 15–17].

Второй аспект охватывает сущность, содержание и структуру сферы миграции (миграционной системы РФ). По своей сущности, миграция людей, во-первых, социально-экономическое явление, формирующееся в процессе осуществления ими своих намерений, связанных с передвижением и приобретением гражданско-правового статуса в местах вселения, а также с интересами их семей, общества и государства [5; 8; 10; 13]; во-вторых, инструмент воздействия на эффективность разработки и реализации идей в сфере российской экономики. Авторами доказано, что госу-

дарственно-правовому регулированию в РФ подлежат восемь процессов: иммиграция, расселение, вынужденная миграция, трудовая миграция (внешняя и внутренняя), переселение соотечественников, эмиграция, нелегальная миграция и реадмиссия [3; 5, с. 191; 11; 12].

В связи с этим рассмотрим научно-исследовательские результаты в части реализации приоритетного нацпроекта Демография в сфере миграции:

а) *Процессы трудовой миграции (внешней и внутренней) и эмиграции*. Привлечение в РФ квалифицированных иммигрантов в качестве иностранных работников и снижение эмиграции из РФ отечественной интеллектуальной элиты в ретроспективе обусловлено оставлением Советской России к 1925 г. не менее 2,5 млн эмигрантов, элиты общества, которая способствовала прогрессу ряда зарубежных стран. С 2005 г. Родину в качестве эмигрантов ежегодно оставляют 40–70 тыс. сограждан, включая выпускников вузов. В результате опроса по репрезентативной всероссийской выборке городских и сельских жителей (в 136 населённых пунктах 52 субъектов РФ, 1600 человек в возрасте от 18 лет, 13–19 декабря 2018 г.) было выявлено, что: а) из граждан РФ, желающих выехать за рубеж на постоянное место жительства, 41 % — это молодые люди (18–24 лет), 5 % — в возрасте от 55 лет; б) не пожелавших к указанному переезду, с 61 % (2012 г.) до 56 % (2018 г.); в) эмигрантами пожелали стать 17 % опрошенных (96 % — это молодой российский этнос); г) граждане РФ (от 55 лет) к статусу эмигранта отнеслись негативно [14].

б) *Переселение в страну соотечественников* с начала 2007 г. независимо от *демографической ямы*, для ликвидации которой с 1991 г. ДЛ ОГВ ориентируют граждан РФ и иммигрантов на лиц, связанных с нашей страной духовно-языковыми и этнокультурными узами, чтобы за счёт потенциала соотечественников, по существу ИГ и ЛБГ, обеспечить урегулирование проблемы демографии в РФ [2, с. 49; 5, с. 191; 9; 10].

Доказано, что эффективность реализации цели Государственной программы «Содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» переселить в страну к исходу 2008 г. 500 тыс. человек, к концу 2010 г. составляла 24026 человек или 4,8 % [6; 13; 14]. На наш взгляд, вызывает сомнение включение в дюжину нацпроектов в 2018 г. миграции в качестве составляющей сферы демографии. Возможно, это связано с процессами: а) демографической экспансии ряда сопредельных государств (Азербайджан, Армения, Киргизия, КНР и др.); б) торговли людьми (детьми, заложниками); в) суррогатного материнства и др.

Например, с 1993 г. по 2010 г. в США из РФ вывезено более 60 тыс. детей, а из них число не вернувшихся двукратное. Американцы только за свой «визит» в РФ к продавцу российского ребёнка платили 15 тыс. долл., и ещё минимум 50 тыс. долл. в случае его приобретения. Особенно активно усыновляли детей в РФ в 2010 г.: Испания (792), Италия (686, по соглашению), Израиль, Франция, СК (Соединённое Королевство). В 2010 г. в РФ 700 тыс. детей оставались без попечения родителей, 72 % детей проживали в приёмных семьях [10; 11; 14].

в) *Процесс расселение своих граждан* — это их обеспечение в части достойного благосостояния на территории РФ, включая пространство всех 85 субъектов РФ. При анализе выявлено, что на территории РФ в 2007 — 2019 г. примерно 5 млн. человек ежегодно меняли места постоянного жительства.

г) *Противодействие процессу нелегальной миграции* на территории РФ осуществляется для обеспечения безопасности государства в ответ на новые вызовы и угрозы в разных аспектах геополитики в целях: а) установления правового статуса физических лиц, оценочно, от 2 до 5 млн нелегалов — это ИГ и ЛБГ; реадмиссии или благоприятного возвращения в РФ своих сограждан, не совершивших правонарушений на территориях зарубежных стран, с которыми заключены двусторонние соглашения [10; 13].

Авторы полагают необходимым уточнение отдельных положений о Стратегии национальной безопасности РФ, в частности, для достижения целей: а) обеспечения государственной и общественной безопасности используется термин «нелегальная миграция»; б) внешней политики РФ — «незаконная миграция» [18, ст. 47, п.16 и ст. 101, п. 25]. В связи с этим под нелегальной миграцией понимать преднамеренное передвижение отдельных лиц (групп лиц), происходящее в нарушение правовых норм государств их исхода, транзита и пребывания.

Третий аспект означает, что иммиграция ИГ и ЛБГ, вынужденная миграция граждан РФ, с одной стороны, как самый многочисленный процесс (ежегодно 10–15 млн человек иммигрируют на территорию РФ), с другой — как наиболее сложный (вынужденными мигрантами являются вынужденные переселенцы, беженцы, лица, ходатайствующие о предоставлении им политического/временного убежища) требуют более расширенного формата представления [2; 10]. При этом значим профессиональный аспект обеспечения этнокультурной безопасности РФ этническими группами, проживающими на территории страны с многовековыми традициями, нравами и обычаями. Для освоения

обучающимися этнокультурной безопасности требуется система профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации (далее — СПППК) должностных лиц для обеспечения потребностей министерств и ведомств в сферах политики, безопасности, экономики, демографии, миграции [3, с. 184; 12].

Существующая СПППК не обеспечивает потребности МВД России (до 5 апреля 2016 г. ФМС России), хотя с Главным управлением МВД России по вопросам миграции в настоящее время связаны МИД России, Минобрнауки России, ФСБ России, Минздрав России, Минэкономразвития России, МЧС России, Минтранс России и др.

В процессе анализа организационных основ обеспечения безопасности РФ в сфере миграции выявлен ряд вызовов и угроз, обоснованы прогнозы, которые могут существенно влиять на благосостояние и достойную жизнедеятельность граждан РФ [2; 6; 9; 14]. На самом деле, подлежат учёту все выявленные мотивы поведения ИГ и ЛБГ, которые прибывают на территорию страны в качестве внешних трудовых мигрантов для выполнения временных работ у российских работодателей.

В связи с этим миграционная безопасность охватывает 193 нации, народов и народностей, проживающих на территории РФ, которые стремятся сохранять и защищать свои традиции, нравы и обычаи. При изложении сущности, содержания и структуры этнокультурной безопасности как миграционной безопасности полагаем, что они в основном тождественны в местах постоянного жительства граждан РФ. Применительно к реализации этносами (нациями, народами и народностями) своих намерений на передвижение по территории РФ или вне её территории, в обоих случаях в местах их потенциального вселения следует учитывать сущностно-содержательные аспекты выше изложенных тезисов [6; 7, с. 977; 9].

Из опыта личного участия в процессе разработки и реализации политики государства в сфере миграции с 2004 г. полагаем теоретико-практически уместным утверждать о том, что государственно-правовое регулирование в РФ миграционных процессов направлено на: а) беспрецедентные стимулы для «утечки мозгов» российской высококвалифицированной элиты, включая выпускников престижных вузов; б) не явное содействие добровольному переселению на территорию РФ соотечественников, которые проживают за пределами страны. В качестве внешних трудовых мигрантов использовать соотечественников возможно, если они пребывают трудоспособными, выражают миграционные намерения для приобретения гражданства

РФ и на обретение постоянного места жительства на российской территории [10; 11].

Однако гражданско-правовой статус потенциальных граждан РФ требует однозначного толкования всеми регуляторами миграционных процессов, что до сих пор в стране осуществляется периодически, хотя демографическая яма поглощает десятки тысяч граждан РФ, невзирая на апелляцию к увеличению продолжительности жизни пенсионеров. По состоянию на 27 сентября 2021 г. с начала марта 2020 г. коронавирусная инфекция отражает квантификацию незримой миро-

вой войны человечества с вирусом Covid-2019 которая представлена квантификатором таблиц 1 и 2 [18].

Согласно содержанию таблицы 1, из 7 915 703 500 человек — жителей нашей планеты (по состоянию на 2315 31 августа 2021 г.), не стало (погибли) каждого из 1 661,1377 человек. В таблице 2 констатируется, что из 146 003 194 граждан РФ (по состоянию на 2317 31 августа 2021 г.) процент смертности в РФ составляет 2,75 (в США — 1,61; ФРГ — 2,23), обусловленный количеством заражённых, погибших и выздоровевших на 22.00 27 сентября 2021 г.

Таблица 1

Мировая статистика коронавируса

В мире по состоянию на 22 ⁰⁰ 27.09.2021 г.	Заражены, чел.	Выздоровели, чел. / %	Погибли, чел. / %	Из всех людей в мире погибли
	232 815 823	209 493 492 / 0,899824	4 765 230 / 0,0204 678	Из 7 915 703 500 каждый 1 661,1377 -й

Таблица 2

Статистика РФ по коронавирусу (27 сентября 2021 г.)

РФ – 5-е место в мире по заражённым	Заражены	Погибли	Выздоровели	Статус-заражён
	7443149 чел.	204 679 чел.	6618117 чел.	620353 чел.

Выводы: государственно-правовое регулирование миграционной безопасности РФ представляет собой процесс разработки и реализации научно обоснованной (не кулуарным способом) Концепции государственной миграционной политики с привлечением подлинных экспертов-аналитиков, патриотов своего Отечества как в сфере миграции, так в сфере культуры всех 193 наций, народов и народностей страны. Таков обоснованный призыв авторов к противодействию вызовам и угрозам в сфере безопасности РФ.

Список источников

1. Конституция РФ от 25 декабря 1993 г. (от 01.07.2020) // Российская газета – Федеральный выпуск № 144 (8198). 2020. 4 июля.
2. Нурадинов, Ш. М., Самойлов, В. Д. Вызовы и угрозы государственной безопасности РФ : общегосударственно-миграционные основы // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 49–52.
3. Нурадинов, Ш. М., Самойлов, В. Д., Селезнёва, К. В. Профессиональная подготовка кадров для

сферы миграции : конституционно-правовые аспекты реализации государственной миграционной политики // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 184–187.

4. Нурадинов, Ш. М., Самойлов, В. Д. О многообразии идей в сфере миграции. Теоретико-правовые аспекты // Государственная служба и кадры. 2019. № 2. С. 19–23.

5. Панов, А. И., Самойлов, В. Д. Миграция как социально-экономическое явление // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3(19). С. 191–196.

6. Самойлов, В. Д. Безопасность Российской Федерации : конституционно-правовые основы государственной политики : монография. М. : РУСАЙНС, 2019. 170 с.

7. Самойлов, В. Д. Демографическая и миграционная безопасность России // Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / РАН. ИНИОН; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2019. С. 976–978.

8. Самойлов, В. Д. Генезис отечественной миграциологии // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2020. № 3. С. 73–78.

9. Самойлов, В. Д. Государственно-правовые аспекты миграционной безопасности России // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 31–34.

10. Самойлов, В. Д. Деятельность Федеральной миграционной службы : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 288 с.

11. Самойлов, В. Д. Методология преподавания юриспруденции в системе высшего образования России: монография. М. : Закон и право, 2016. 367 с.

12. Самойлов, В. Д. Перспективные научно-практические разработки для развития образования в сфере миграции // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2020. № 3. С. 79–81.

13. Самойлов, В. Д., Соловьёва, М. Л. Институт российского гражданства как инструмент обеспечения безопасности государства (экспертно-аналитическая оценка) // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Экономика и право. 2018. № 7. С. 162–165.

14. Самойлов, В. Д. Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей : монография. М. : РУСАЙНС, 2019. 178 с.

15. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года».

16. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709> (дата обращения: 24.11.2020).

17. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 18.07.2021).

18. URL: <https://russian-trade.com/coronavirus/> (дата обращения: 27.09.2021).

References

1. The Constitution of the Russian Federation of December 25, 1993 (from 01.07.2020) // Rossiyskaya gazeta-Federal Issue No. 144 (8198). 2020. July 4.

2. Nuradinov, Sh. M., Samoilov, V. D. Challenges and threats to the state security of the Russian Federation : socio-migration foundations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. P. 49–52.

3. Nuradinov, Sh. M., Samoilov, V. D., Selezneva,

K. V. Professional training for the sphere of migration : constitutional and legal aspects of the implementation of the state migration policy // Education. The science. Scientific personnel. 2020. №1. P. 184–187.

4. Nuradinov, Sh. M., Samoilov, V. D. On the diversity of ideas in the field of migration. Theoretical and legal aspects // Civil service and personnel. 2019. No.2. P. 19–23.

5. Panov, A. I., Samoilov, V. D. Migration as a socio-economic phenomenon // Economic and socio-humanitarian studies. 2018. No. 3(19). P. 191–196.

6. Samoilov, V. D. Security of the Russian Federation : constitutional and legal foundations of state policy : monograph. Moscow : RUSAINS, 2019. 170 p.

7. Samoilov, V. D. Demographic and migration security of Russia // Greater Eurasia : Development, security, cooperation. Yearbook. Issue 2. Part 2 / RAS. INION; Ed. V. I. Gerasimov. M., 2019. P. 976–978.

8. Samoilov, V. D. Genesis of domestic migratory // Actual problems of administrative law and process. 2020. No. 3. P. 73–78.

9. Samoilov, V. D. State-legal aspects of migration security of Russia // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 2. P. 31–34.

10. Samoilov, V. D. Activity of the Federal Migration Service : textbook. manual. Moscow : Unity-Dana, 2007. 288 p.

11. Samoilov, V. D. Methodology of teaching jurisprudence in the higher education system of Russia : monograph. Moscow: Unity-Dana, 2016. 367 p.

12. Samoilov, V. D. Perspective scientific and practical developments for the development of education in the field of migration // Actual problems of administrative law and process. 2020. No. 3. P. 79–81.

13. Samoilov, V. D., Solovyova, M. L. The Institute of Russian citizenship as a tool for ensuring state security (expert-analytical assessment) // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2018. No. 7. P. 162–165.

14. Samoilov, V. D. Improving the system of higher education in Russia: constitutional and legal foundations of research ideas : monograph. Moscow : RUSAINS, 2019. 178 p.

15. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”.

16. The presidential decree of 31 October 2018 No. 622 “About the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019-2025” [Electronic resource]. URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709> (accessed:

24.11.2020).

17. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // URL: <http://www.consultant.ru>

ru / document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed: 18.07.2021).

18. URL: <https://russian-trade.com/coronavirus/> (accessed: 27.09.2021).

Информация об авторах

В. Д. Самойлов – корреспондент Академии военных наук, доктор педагогических наук, профессор;

Ш. М. Нурадинов – доктор юридических наук, профессор;

П. В. Бойцов – адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

V. D. Samoilov – Corresponding of the Academy of Military Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

Sh. M. Nuradinov – Doctor of Legal Sciences, Professor;

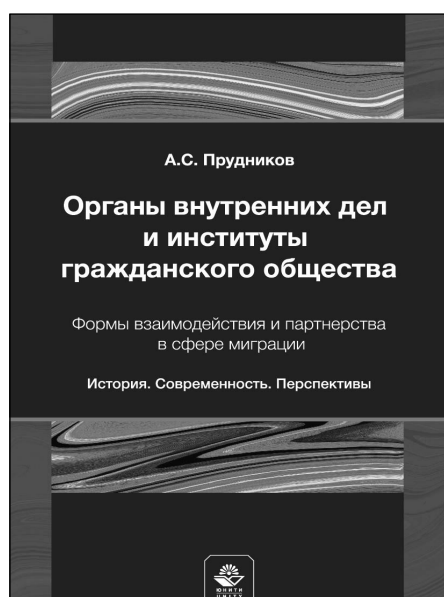
P. V. Boytsov – Adjunct of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot’.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 11.09.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Органы внутренних дел и институты гражданского общества. Формы взаимодействия и партнерства в сфере миграции. История. Современность. Перспективы. Монография. Прудников А.С. 183 с.

Монография подготовлена с учетом новых теоретических и научно-практических подходов к изучению основ институтов гражданского общества, закрепляющих их правовое положение, анализ форм участия институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля, а также их взаимодействия и партнерства с органами публичной власти в сфере миграции.

Для курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, преподавателей юридических вузов, а также практических сотрудников подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России.

Научная статья

УДК 342.417

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-241-244>

НИОН: 2003-0059-6/21-109

MOSURED: 77/27-003-2021-06-308

Особенности экономической основы конституционного строя Российской Федерации как системы

Марат Вильданович Саудаханов¹, Валерий Иванович Елинский²

^{1,2} Российский технологический университет МИРЭА, Москва, Россия

¹ viento_del_norte@bk.ru

² 20745@rambler.ru

Аннотация. В статье анализированы конституционные положения, правоприменительная практика и научные публикации по вопросу отличительных особенностей основ экономической системы России. Показана важность и место системного характера основ экономической системы в конституционном строе России. Особое внимание уделено анализу места и взаимодействия конституционных принципов экономической системы. Предложено авторское определение системного характера экономической основы, выделены отличительные признаки его содержания.

Ключевые слова: экономическая основа, конституционный строй, конституционные принципы, принцип равенства всех форм собственности, многообразие форм собственности

Для цитирования: Саудаханов М. В., Елинский В. И. Особенности экономической основы конституционного строя Российской Федерации как системы // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 241–244. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-241-244>.

Original article

Features of the economic basis of the constitutional system of the Russian Federation as a system

Marat V. Saudakhanov¹, Valery I. Elinskiy²

^{1,2} Russian Technological University MIREA, Moscow, Russia

¹ viento_del_norte@bk.ru

² 20745@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the constitutional provisions, law enforcement practice and scientific publications on the distinctive features of the foundations of the economic system of Russia. The importance and place of the systemic nature of the foundations of the economic system in the constitutional system of Russia is shown. Special attention is paid to the analysis of the place and interaction of the constitutional principles of the economic system. The author's definition of the systemic nature of the economic basis is proposed, the distinctive features of its content are highlighted.

Keywords: economic basis, constitutional system, constitutional principles, the principle of equality of all forms of ownership, diversity of forms of ownership

For citation: Saudakhanov M. V., Elinskiy V. I. Features of the economic basis of the constitutional system of the Russian Federation as a system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):241–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-241-244>.

© Саудаханов М. В., Елинский В. И., 2021

Постановка проблемы. Экономическую основу конституционного строя Российской Федерации как систему можно рассматривать в двух плоскостях. С одной стороны, это **взаимосвязанная** иерархия норм-принципов, закладывающих конституционно-правовую базу регулирования социальных отношений в данной сфере. С другой стороны — это **взаимообусловленная** взаимосвязь таких норм и их регулирующее воздействие на другие нормы, действующие в социально-экономической сфере. Прежде всего, это принципы: свободы экономической деятельности, единого экономического пространства, многообразия и равноправия различных форм собственности, защиты конкуренции (ст. 8 Конституции РФ), а также принципы о социальном характере Российского государства (ст. 7 Конституции).

Закладывая правовую базу организации экономической деятельности в стране, создания средств к достойному существованию граждан, они занимают видное место в системе конституционного права и тем самым привлекают внимание многих известных ученых [5, с. 137–139; 4, с. 146–149; 7; 8; 12, с. 104–180].

В частности, О. Е. Кутафин отмечал: «Трудно сказать, что последует в России после завершения переходного периода, однако несомненно, что закрепление в Конституции экономических или социальных основ, и даже основ общественного строя, не является признаком тоталитаризма, а лишь свидетельствует о том значении, которое государство придает соответствующим вопросам, и складывающиеся в этой сфере отношения могут быть составной частью предмета конституционного права» [6, с. 28].

Анализ последних исследований и публикаций. Несмотря на однозначное закрепление указанных принципов в Конституции и на значительное количество публикаций по этому вопросу, в науке конституционного права отсутствует однозначный подход к определению их роли. Так, одни авторы буквально трактуют указанные положения ч. 2 ст. 8 Конституции РФ пишут о принципах признания и равной защиты частной и других форм собственности [например, 1, с. 160; 2, с. 170; 11]. Другие — о многообразии и равенстве всех форм собственности [4, с. 70; 5, с. 102–103]. Вместе с тем, отсутствуют работы, специально посвященные системному исследованию современных проблем экономических основ российского конституционного строя. Именно необходимость исследования указанной актуальной проблемы обусловила основную цель и задачи настоящей статьи.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Как видно из содержания предыдущего абзаца, одни авторы обращают внимание на форму признания и защиты, но «упускают» из исследования существо защищаемого объекта. Другие же правильно обращают внимание на существо форм собствен-

ности, но недостаточно исследуют форму их признания и защиты. И обе группы авторов не акцентируют внимание на первичности принципов многообразия и равенства всех форм собственности. В этой связи мы согласны с М. В. Баглаем, который отмечает, что «российская Конституция более озабочена не закреплением принципов рыночной экономики, а утверждением их действенности на всей территории сложного федеративного государства с его амбициозными субъектами и укоренившимся местничеством» [1, с. 157].

Такое замечание считаем справедливым. Поскольку указанным принципам посвящена ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, часть 1 указанной статьи провозглашает гарантию единства «экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» [17]. Хотя, считаем, что если не будет многообразия и равенства всех форм собственности, которые в условиях рыночной экономики должны конкурировать и развиваться, не понадобятся и принципы, закрепленные в ч. 1 ст. 8 Конституции РФ.

Формулирование целей статьи. Поэтому авторы статьи поставили задачу системно проанализировать принципы основ экономической системы конституционного строя Российской Федерации в их взаимосвязи и взаимодействии. Тем более, что в ряде решений Конституционного Суда принцип равенства всех форм собственности был предметом рассмотрения в рамках разных отраслей российского права, а также в сфере публично-правовых и частноправовых отношений, возникающих между разными субъектами [см., например, 16; 15; 14].

Изложение основного материала. Конституционно-правовая теория показывает, что система принципов существенно отличается от системы норм в целом тем, что в системе принципов отсутствует явно выраженная иерархия [3, с. 269; 9, с. 28–37; 13, с. 551]. Применительно к рассматриваемым нами принципам это означает, что их система образуется не за счет иерархии разных принципов друг по отношению к другу, а по другим критериям.

Указанные критерии проявляются двояко. Одним из таких проявлений является то, что критерии проявляются в сфере действия самих принципов. Другим проявлением является то, что они раскрывают характер их взаимодействия с принципами, составляющими базу правового регулирования в других сферах.

Примером *первого проявления критериев* в сфере действия самих принципов, как мы уже отмечали выше, является первичность одних принципов по отношению к другим. В частности, в соотношении принципов многообразия и равенства всех форм собственности по отношению к принципам признания и равной защиты частной и других форм собственности явно видна первичность первых. Также первичными

принципы многообразия и равенства всех форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ) являются и по отношению к принципам свободы конкуренции и предпринимательской деятельности, единства экономического пространства (ч. 1 ст. 8 Конституции) [10].

Причем производный характер принципов признания и равной защиты частной и других форм собственности существенно отличается от производности принципов свободы конкуренции и предпринимательской деятельности, единства экономического пространства. Если первая пара принципов является как бы естественным продолжением друг друга, то во второй паре — принципы свободы конкуренции и предпринимательской деятельности, единства экономического пространства уже призваны обеспечить реализацию основ рыночной экономики.

Вторым проявлением критериев системности принципов, составляющих основы экономической системы является, например, взаимодействие принципов многообразия и равенства всех форм собственности (ч. 2 ст. 8) с принципами социального государства (ст. 7 Конституции). Поскольку принципами социального государства являются: создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; охрана труда и здоровья людей; гарантированность минимального размера оплаты труда; обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан и др., то понятно, что они являются производными от принципов многообразия и равенства всех форм собственности.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, основы экономической системы как составная часть основ конституционного строя России от других его составных частей отличается сферой регулирования, в которой значительную роль играют институты гражданского общества не только в упорядочении, но и в реализации самих отношений.

Во-вторых, конституционные принципы, составляющие основы экономической системы конституционного строя Российской Федерации имеют более высокую юридическую силу по отношению к другим нормам самой Конституции РФ, закрепляющим и правовой статус, и содержание разных форм собственности, и субъективные права человека и гражданина в социально-экономической сфере, а также их конкретизацию в отраслевом законодательстве.

Например, право частной собственности, в т. ч. право частной собственности на землю, право на труд, право на предпринимательскую деятельность, право на жилище и др. (ст. 34, 35, 36, 37, 40 Конституции РФ). Тем самым иерархия указанных видов норм позволяет обеспечить единообразие правового регулирования и

упорядочить соответствующие правоотношения.

В-третьих, сами принципы между собой взаимодействуют не на основе иерархии, а на базе других критериев, одним из которых является первичность одних принципов и производность других принципов. Критерий первичность — производность по-разному действует как в сфере действия самих принципов, так и во взаимодействии с другими принципами, составляющими правовую базу других сфер правового регулирования (по отраслевому, институциональному, территориальному признакам и т.д.).

В-четвертых, указанные критерии, а также свойства (универсальности содержания и императивного воздействия на другие нормы) каждого принципа способны обеспечить режим законности и непротиворечивости правового регулирования в данной сфере.

Список источников

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : Учебник. 10-е изд., изм. и доп. М. : Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2013.
2. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики. (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юристъ, 2002.
3. Гаджиев, Г. А. Онтология права : критическое исследование юридического концепта действительности. М., 2013.
4. Козлова, Е. И., Кутафин, О. Е. Конституционное право России. Учебник. Изд. 5-е, перераб. и доп. М. : 2015.
5. Конституционное право России. Учебник для студентов вузов / Под научн. ред. В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. 10-е изд. перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2019.
6. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права. М. : Юристъ, 2001.
7. Осавелюк, А. М. Конституционно-правовое регулирование права частной собственности (духовно-нравственный аспект) // Конституция и экономика: мат. кругл. стола 1 окт. 2012 г. / Под ред. И. А. Алебастровой. М. : МГЮА, 2013. С. 137–141.
8. Осавелюк, А. М., Тутханян, Г. А. О роли правовых основ в деятельности социального государства в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 34–37.
9. Осавелюк, Е. А. Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти : монография / отв. ред. Б. С. Эбзеев. М. : Проспект, 2021.
10. Саудаханов, М. В. Позиции конституционного суда рф о роли частной собственности в экономической основе конституционного строя России // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 44–47.
11. Саурин, А. А. Право частной собственности: конституционные характеристики // <https://>

cyberleninka.ru/article/n/pravo-chastnoy-sobstvennosti-konstitutsionnye-harakteristiki.

12. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд. М. : Проспект, 2013.

13. Эбзеев, Б. С. Конституционное право России : учебник. М., 2019.

14. Определение от 12 мая 2006 года № 167-О // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12048589/>

15. Постановление от 12 мая 2011 г. № 7-П // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101356/>

16. Постановление от 02 июля 2020 г. № 32-П // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356399/

17. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

References

1. Baglay, M. V. Constitutional Law of the Russian Federation : Textbook. 10th ed., ed. and add. M. : Norm, SIC INFRA-M, 2013.

2. Gadzhiev, G. A. Constitutional principles of a market economy. (Development of the foundations of civil law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). M. : Jurist, 2002.

3. Gadzhiev, G. A. Ontology of Law: a critical study of the legal concept of reality. M., 2013.

4. Kozlova, E. I., Kutafin, O. E. Constitutional Law of Russia. Textbook. Ed. 5th, reprint. and additional M. : 2015.

5. Constitutional law of Russia. Textbook for university students / Under the scientific editorship of V. O. Luchin, B. S. Ebzееv. 10th ed. reprint. and EXT. M. : Unity-Dana, 2019.

6. Kutafin, O. E. Subject of constitutional law. M. : Jurist, 2001.

7. Osavolyuk, A. M. Constitutional and legal regulation of the right of private property (moral aspects) // The Constitution and the economy: Mat. round. table 1 Oct. 2012 / ed. by I. A. Alebastrova. M. : Moscow state law Academy, 2013. P. 137–141.

8. Osavolyuk, A.M., Tutkhanyan, G. A. On the role of legal foundations in the activity of the social state in Russia // Education. Science. Scientific personnel. 2014. No. 5. P. 34–37.

9. Osavolyuk, E. A. Constitutional and legal basis of the status of the powers of the Supreme bodies of state power : monograph / ed. edited by B. S. Ebzееv. M. : Prospekt, 2021.

10. Saudakhanov, M. V. Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the role of private property in the economic basis of the constitutional system of Russia // the State service and personnel. 2019. No. 3. P. 44–47.

11. Saurin, A. A. The right of private property: constitutional characteristics// <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-chastnoy-sobstvennosti-konstitutsionnye-harakteristiki>.

12. Ebzееv, B. S. Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation. 2nd ed. M. : Prospect, 2013.

13. Ebzееv, B. S. Constitutional Law of Russia : textbook. M., 2019.

14. Definition of May 12, 2006 No. 167-O// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12048589/>

15. Resolution No. 7-P of May 12, 2011// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101356/>

16. Resolution No. 32-P of July 02, 2020// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356399/

17. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Информация об авторах

М. В. Саудаханов – доцент кафедры государственного и административного права Российского технологического университета МИРЭА, кандидат юридических наук;

В. И. Елинский – заведующий кафедрой государственного и административного права Российского технологического университета МИРЭА, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

M. V. Saudakhanov – Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University MIREA, Candidate of Legal Sciences;

V. I. Elinskiy – Head of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University MIREA, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.08.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 31.08.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-245-253>

НИОН: 2003-0059-6/21-110

MOSURED: 77/27-003-2021-06-309

О месте и роли руководителя территориального органа внутренних дел в организации оперативно-разыскной деятельности

Дмитрий Вячеславович Свинов

Управление МВД России по Курганской области, Курган, Россия

Аннотация. В настоящей статье автор уделяет пристальное внимание изучению вопроса места и роли руководителя территориального органа внутренних дел в организации оперативно-разыскной деятельности. Данный вопрос в теории оперативно-разыскной деятельности является достаточно дискуссионным, что обосновывается и требующим детального изучения. В заключение автор обосновывает ряд выводов относительно изучаемого вопроса, ключевым из которых является авторская позиция о том, что роль руководителя территориального органа внутренних дел определяется его умением и способностью правильно выбрать и поставить цель осуществления оперативно-разыскной деятельности и оперативно-разыскных мероприятий и путем реализации правовых, организационных, технологических, технических, инфраструктурных, научных мероприятий способствовать достижению данной поставленной цели.

Ключевые слова: руководитель территориального органа внутренних дел, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, ведомственный контроль, организация, прогнозирование, планирование

Для цитирования: Свинов Д. В. О месте и роли руководителя территориального органа внутренних дел в организации оперативно-разыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 245–253. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-245-253>.

Original article

About the place and role of the head of the territorial body of internal affairs in the organization of operational and investigative activities

Dmitry V. Svinov

Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kurgan region, Kurgan, Russia

Abstract. In this article, the author pays close attention to the study of the place and role of the head of the territorial body of internal affairs in the organization of operational search activities. This question in the theory of operational search activity is quite controversial, which is justified and requires detailed study. In conclusion, the author substantiates a number of conclusions regarding the issue under study, the key of which is the author's position that the statement that the role of the head of the territorial body of internal affairs is determined by his ability and ability to correctly choose and set the goal of carrying out operational-search activities and operational-search activities and through the implementation of legal, organizational, technological, technical, infrastructural, scientific measures to contribute to the achievement of this goal.

Keywords: head of the territorial body of internal affairs, operational-search activity, operational-search measures, departmental control, organization, forecasting, planning

For citation: Svinov D. V. About the place and role of the head of the territorial body of internal affairs in the organization of operational and investigative activities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):245–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-245-253>.

© Свинов Д. В., 2021

Вопрос о месте и роли руководителя территориального органа внутренних дел в организации оперативно-разыскной деятельности в теории оперативно-разыскной деятельности является достаточно дискуссионным. Связано это с существующей полемикой в оперативно-разыскной науке о том, является или не является руководитель территориального органа внутренних дел субъектом либо участником оперативно-разыскной деятельности.

Не вдаваясь в детали данной полемики, обозначим свою позицию, которая согласуется с мнением ряда известных учёных (например, Горяйнов К. К., Луговик В. Ф., Овчинский В. С., Синилов Г. К.) и заключается в том, что руководитель территориального органа внутренних дел, с учётом наличия у него специфических оперативно-разыскных функций и имеющихся полномочий на санкционирование ряда оперативно-разыскных мероприятий, является полноценным участником оперативно-разыскной деятельности.

Соответственно, учитывая, что одной из его функций как руководителя территориального органа внутренних дел, уполномоченного осуществлять оперативно-разыскную деятельность [16, ст. 13], является организаторская функция, полагаем, что руководитель территориального органа внутренних дел является организатором оперативно-разыскной деятельности в данном органе.

При этом, опираясь на постулаты теории управления, под организатором (также как и руководителем) мы понимаем одушевлённое лицо (человек), который управляет определённой деятельностью, принимает решение, что и как делать, и объединяет людей для конкретного дела, а деятельность данного лица по управлению людьми является организаторской деятельностью.

Таким образом, приходим к пониманию, что организаторская деятельность есть не что иное, как работа непосредственно самого организатора (то есть руководителя территориального органа внутренних дел), которая заключается, прежде всего, в объединении подчинённых для достижения целей (миссии) организации (территориального органа внутренних дел). Реализуется данная работа, как мы понимаем, через функции руководителя территориального органа внутренних дел, которые, как правило, соответствуют стадиям управления.

Исходя из того, что в теории управления финишным элементом системы управления людьми принято считать организаторскую деятельность, можно заключить, что таким элементом в системе управления оперативно-разыскной деятельности в территориальном

органе внутренних дел выступает его руководитель.

Известно, что под организацией оперативно-разыскной деятельности принято понимать законодательно урегулированный комплекс (или систему) управленческих, материальных, финансовых и специальных мер, применяемых руководителями органов внутренних дел, их оперативными подразделениями и иными субъектами оперативно-разыскной деятельности по осуществлению организационно-управленческих функций в сфере оперативно-разыскной деятельности в целях эффективной защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства [3, с. 24; 7, с. 201; 10, с. 22].

Следовательно, полагаем, что роль руководителя территориального органа внутренних дел в организации оперативно-разыскной деятельности будет заключаться в применении им управленческих, материальных, финансовых и специальных мер по осуществлению организационно-управленческих функций в данной сфере деятельности.

Данный вывод согласуется с положениями Указа Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» [15] и Приказа МВД России от 28 июля 2017 г. № 545 «Об утверждении Положения об Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Курганской области», которые обозначили, что руководитель территориального органа внутренних дел (начальник УМВД России по Курганской области) осуществляет руководство территориальным органом внутренних дел на основе единоначалия и несёт персональную ответственность за выполнение возложенных на УМВД России по Курганской области задач [15, п. 16; 14]. При этом, руководитель территориального органа внутренних дел в целом «организует деятельность территориального органа внутренних дел» [15, п. 19 пп. 6; 14, п. 18 пп. 6] и, в частности, «организует и осуществляет в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-разыскную деятельность» [15, п. 13 пп. 7; 14].

В целом, взяв за основу данные известные термины и применяя их к процессу оперативно-разыскной деятельности, мы видим, что организация оперативно-разыскной деятельности руководителем территориального органа внутренних дел представляет собой процесс решения задач оперативно-разыскной деятельности, направленный на распределение комплексной работы

между различными оперативными подразделениями и исполнителями, разъяснение содержания и сути задач и целей оперативно-разыскной деятельности, а также установления эффективного взаимодействия между оперативными и иными подразделениями в территориальном органе внутренних дел.

Принято считать, что процесс организации деятельности состоит из множества элементов и этапов, объединяющих материальные и нематериальные ресурсы, (в число которых входят и сами люди) и который реализуется различными способами и методами управленческим звеном (руководителем).

То есть, как мы понимаем, организация данного процесса лежит на руководителе, который различными методами и наиболее эффективными способами использует ресурсы для достижения цели (результата).

При этом необходимо подчеркнуть, что, по мнению большинства представителей науки, элементы организации деятельности представляют собой последовательность относительно самостоятельных этапов и их взаимосвязей и выражаются в виде реализации функций управления, основными из которых являются планирование, организация, мотивация и контроль [1, с. 309; 5, с. 253; 9, с. 106; 8, с. 78].

Соответственно, используя данные достижения учёных и рассматривая их через призму организации оперативно-разыскной деятельности, можно предположить, что элементы организации оперативно-разыскной деятельности представляют собой последовательность относительно самостоятельных этапов и их взаимосвязей и выражаются в виде реализации функций управления, основными из которых являются планирование оперативно-разыскной деятельности, организация оперативно-разыскной деятельности, мотивация оперативно-разыскной деятельности и контроль оперативно-разыскной деятельности.

В целом, анализ нормативных правовых источников и научной литературы, а также многолетний собственный опыт управленческой деятельности позволили установить, что элементы организации оперативно-разыскной деятельности руководителя территориального органа внутренних дел выражаются в:

- сборе и обработке информации о состоянии процесса оперативно-разыскной деятельности, в том числе проводимых оперативно-разыскных мероприятиях;
- систематизации и анализе полученной информации о состоянии процесса оперативно-разыскной деятельности, в том числе о ходе проводимых оперативно-разыскных мероприятий, их оценке, выявлении существующих проблем, и выводе о состоянии данного процесса;

- прогнозировании и на её основе планировании оперативно-разыскной деятельности, постановке целей и задач оперативным подразделениям территориального органа внутренних дел, исходя из полученных данных, выработке управленческого решения;

- организации самого процесса оперативно-разыскной деятельности, включающую как координацию деятельности оперативных и иных подразделений территориального органа внутренних дел для достижения целей оперативно-разыскной деятельности, так и организацию ресурсного обеспечения данной деятельности, и мотивацию деятельности сотрудников;

- контроле процесса оперативно-разыскной деятельности путём постоянного мониторинга и анализа состояния данного процесса и своевременного его корректирования.

Рассмотрим данные элементы организации оперативно-разыскной деятельности руководителя территориального органа внутренних дел детальнее:

1. Сбор и обработка информации о состоянии процесса оперативно-разыскной деятельности, в том числе проводимых оперативно-разыскных мероприятий.

Известно, что сам в целом процесс оперативно-разыскной деятельности, заключается в решении проблемы получения информации, так как одной из её задач, определённых законодательством, состоит в «добывании информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации» [16, ст. 2].

В таком случае, представляется, что руководитель территориального органа внутренних дел, базирясь на информации, полученной в первую очередь из аналитических материалов, предоставленных как штабными, так и оперативными подразделениями о состоянии оперативной обстановки по линиям, объектам и территории обслуживания, а также другой информации, полученной из иных источников (руководителей смежных правоохранительных структур, органов судебной, законодательной и исполнительной власти, представителей общественных и хозяйствующих организаций, средств массовой информации, оперативных источников и отдельных граждан, в том числе конфиденентов и т.д.) готовит корректирующие процесс организации оперативно-разыскной деятельности управленческие решения. По аналогичной схеме, но в более узком масштабе, руководитель территориального органа внутренних дел корректирует состояние проводимых оперативно-разыскных мероприятий по конкретным преступлениям.

2. Систематизация и анализ полученной информации о состоянии процесса оперативно-разыскной деятельности, в том числе о ходе проводимых оперативно-разыскных мероприятий, их оценке, выявлении существующих проблем, и выводе о состоянии данного процесса.

Данный элемент организации оперативно-разыскной деятельности руководителя территориального органа внутренних дел тесно связан с предыдущим его элементом и является, по сути, его продолжением.

В целом полагаем, что систематизация информации о состоянии процесса оперативно-разыскной деятельности заключается в упорядочивании сведений о состоянии данного процесса и проводимых оперативно-разыскных мероприятий.

Учитывая множество источников, из которых поступает информация руководителю территориального органа внутренних дел, в том числе различную степень их надёжности и достоверности, систематизация позволяет сопоставлять различные элементы полученной информации и выстраивать их в определённую систему, позволяющую выделить потенциально полезную из них и их важные взаимосвязи.

Представляется, что по своей сути, рассмотренные выше элементы организации оперативно-разыскной деятельности (сбор, обработка, систематизация и анализ информации) являются информационно-аналитическим обеспечением процесса организации оперативно-разыскной деятельности руководителя территориального органа внутренних дел.

Исходя из многообразия задач, решаемых руководителем органа внутренних дел, полагаем, что основными направлениями информационно-аналитического обеспечения процесса организации оперативно-разыскной деятельности руководителя территориального органа внутренних дел будут следующие:

- изучение тенденций процесса организации оперативно-разыскной деятельности в оперативных подразделениях территориального органа внутренних дел и влияющих на данный процесс факторах в целях получения прогностических выводов о возможных вариантах изменения этих тенденций и выработке мер по совершенствованию их функционирования;

- комплексный анализ оперативной обстановки за месяц, квартал, полугодие и год, в ходе которого оценивается полный объём о состоянии оперативно-разыскной работы и отдельных результатах работы оперативно-разыскных подразделений, с учётом большинства известных фактов или влияющих на их работу условий и особенностей. Результаты такого анализа составляют базу для текущего планирования работы;

- текущий (непрерывный) анализ оперативной обстановки на основе учёта суточной оперативной сводки и иной сводной информации, декадной информации, которые служат потребностям оперативного руководства территориальным органом внутренних дел, позволяют оперативно вносить коррективы в планы работы, дислокацию сил и средств, целеустремлённо проводить оперативно-разыскные мероприятия и в целом точно влиять на процесс организации оперативно-разыскной деятельности в оперативных подразделениях территориального органа внутренних дел;

- исследование отдельных проблем процесса организации оперативно-разыскной деятельности в оперативных подразделениях территориального органа внутренних дел, выявление причин и условий их возникновения и отрицательного свойства;

- состояние функционирования конкретного оперативного подразделения, его структурного элемента и результативность их работы.

3. Прогнозирование и на её основе планирование оперативно-разыскной деятельности, постановка целей и задач оперативным подразделениям территориального органа внутренних дел, исходя из полученных данных, выработка управленческого решения.

Как мы понимаем, независимо от вида получаемой руководителем территориального органа внутренних дел информации, которая может подразделяться на тактическую, оперативную и стратегическую [4], его информационная деятельность направлена на решение задач по накоплению информации (сбор, обработка, систематизация, анализ) конечной целью которой является прогнозирование (или предвидение) развития процесса оперативно-разыскной деятельности и планирование соответствующих управленческих мер по его совершенствованию в целях противодействию преступной деятельности.

При этом, важно отметить, что прогнозирование хоть и осуществляется для руководителя территориального органа внутренних дел специализированными подразделениями (штабом территориального органа внутренних дел, информационно-аналитическими структурами оперативных подразделений), в то же время является его самостоятельным видом деятельности.

Логической основой такой деятельности являются такие известные в науке категории (методы) познания [6, с. 56; 12, с. 95] как экстраполяция, умозаключение по аналогии и моделирование, а также экспертные и интуитивные методы.

Руководитель территориального органа внутренних дел, беря во внимание результаты подготовлен-

ного прогноза, базируясь на имеющейся информации и полученных частных сведениях, прошлом опыте и тенденциях развития прогнозируемого события, вырабатывает свой «личный» прогноз развития процесса оперативно-разыскной деятельности, на основе которого вырабатывает собственное управленческое решение.

Результатом данной работы будет прогнозный вывод — максимально полное определение предстоящих событий, который поможет мобилизовать и максимально эффективно использовать тактический и технический арсенал оперативных подразделений, выступит катализатором их активности, наступательности и комбинационности в процессе оперативно-разыскной деятельности.

Таким образом, прогнозирование процесса оперативно-разыскной деятельности в работе руководителя территориального органа внутренних дел является результатом его личного мышления, поиска им ответов на вопросы о том, как может измениться оперативно-стратегическая и оперативно-тактическая ситуация, как следует действовать в ожидаемой ситуации и как будут в данной ситуации функционировать силы и средства.

В целом, полагаем, что под прогнозированием развития процесса оперативно-разыскной деятельности следует понимать элемент тактического и стратегического мышления руководителя территориального органа внутренних дел, информационно-логический процесс, предшествующий принятию тактических и стратегических решений, влияющий на их содержание и выбор средств и методов реализации в организации оперативно-разыскной деятельности.

В конечном итоге, прогнозирование становится основой для планирования процесса оперативно-разыскной деятельности в территориальном органе внутренних дел на определённый период и перспективу.

Результатом данного планирования является план или система различных планов, направленных на совершенствование процесса организации оперативно-разыскной деятельности. При этом, как верно заметил В. М. Аتماжитов, планирование создаёт основу для надёжного взаимодействия и координации действий оперативных и других аппаратов между собой, а также с общественностью [2, с. 704].

В части решения вопросов организации обеспечения выполнения плана и контроля, руководитель территориального органа внутренних дел рассматривает отчётные материалы по исполнению решений и мероприятий, снимает их с контроля (либо продлевает исходя из ситуации), а в некоторых случаях, исходя

из их сложности и важности, проводит заслушивание по выполнению мероприятий и даёт корректирующие указания.

4. Организация самого процесса оперативно-разыскной деятельности, включающую как координацию деятельности оперативных и иных подразделений территориального органа внутренних дел для достижения целей оперативно-разыскной деятельности, так и организацию ресурсного обеспечения данной деятельности, и мотивацию деятельности сотрудников.

Данный элемент рассматриваемого процесса, по нашему мнению, является стержневым звеном в системе организации оперативной розыскной деятельности, так как базируется на полномочиях и непосредственных обязанностях руководителя территориального органа внутренних дел, на комплексе организуемых им взаимосвязанных правовых, организационных, технологических, технических, инфраструктурных, научных и иных мероприятий и придаёт его работе конкретное организационное и тактическое наполнение.

Вполне очевидно, что бессистемное и спонтанное включение различных сил и средств в процесс организации оперативно-разыскной деятельности не может принести ожидаемых результатов. Желаемый результат, как мы считаем, возможно достичь только путём организации сплочённой работы всех структурных элементов территориального органа внутренних дел, генератором которой её выступает руководитель.

С позиций такого подхода, можно отметить, что структура организаторской работы (деятельности) руководителя территориального органа внутренних дел в сфере оперативно-разыскной деятельности будет отражать известную в теории управления последовательность относительно самостоятельных этапов и их взаимосвязей, таких как: усвоение задачи, установление соотношения организаторов и организуемых к условиям задачи; подбор младших организаторов, ознакомление организуемых с задачей, принятие решения; определение материальных средств, временных и пространственных условий, планирование на основе оптимальных данных; распределение обязанностей, определение формы организации, инструктаж; внутренняя координация и взаимосвязь, работа с младшими организаторами, обеспечение внешних связей; учет, контроль, анализ эффективности хода выполнения задачи; определение ударных участков, перегруппировка сил, средств и перепланирование; работа по завершению выполнения задачи, сдача работы и материальных средств, отчетность; итоговый анализ выполнения задачи и оценка индивидуальной и коллективной деятельности [9, с. 178].

Полагаем, что, несмотря на то, что организаторская деятельность руководителя территориального органа внутренних дел, как организатора оперативно-разыскной деятельности, проявляется, прежде всего, как исполнительская и практически направленная деятельность, она носит также психологически-волевой и творческий характер.

Учитывая, что руководство территориальным органом внутренних дел осуществляется на основе принципа единоначалия [15, п. 16; 14], представляется, что стержневым этапом психологически-волевого акта организаторской деятельности руководителя территориального органа внутренних дел, как организатора оперативно-разыскной деятельности будет принятие управленческого решения.

Таким образом, роль руководителя территориального органа внутренних дел, как организатора оперативно-разыскной деятельности определяется его умением и способностью правильно выбрать и поставить цель оперативно-разыскной деятельности и оперативно-разыскных мероприятий и путём реализации различных мероприятий (правовых, организационных, технологических, технических, инфраструктурных, научных и иных) способствовать достижению данной цели.

С позиций многолетнего опыта службы автора в должностях руководителя территориального органа внутренних дел разного уровня, а также опираясь на результаты проведённого нами прикладного исследования, можно констатировать, что нацеливание коллектива на конечный результат оперативно-разыскной деятельности, постановка ясных и чётких задач, личный контроль за отдельными направлениями оперативно-разыскной деятельности, путём постановки на особый личный контроль отдельных тяжких, особо тяжких и резонансных преступлений, а также личное участие в их раскрытии, являются значимыми факторами в процессе оперативно-разыскной деятельности.

Данный вывод можно подтвердить рядом статистических данных результатов оперативно-служебной деятельности УМВД России по Курганской области. В частности, за последние 10 лет на территории Курганской области не было выявлено ни одного факта незаконного ношения или изготовления автоматического огнестрельного оружия (ст.ст. 222 и 223 УК РФ). При этом, статистика преступности региона отличается высокой долей зарегистрированных преступлений с использованием огнестрельного оружия (ст. 258 УК РФ) и не редко, с использованием незарегистрированного в установленном порядке оружия [13]. В результате установления непосредственного контроля началь-

ника УМВД России по Курганской области за данным направлениям деятельности, личная постановка им задач о проведении ряда оперативно-разыскных мероприятий, в том числе путём обследований помещений, зданий, сооружений и участков местности, позволило в течение второго полугодия 2019 года и первого квартала 2020 года выявить четыре единицы огнестрельного автоматического оружия и привлечь виновных к ответственности.

Организаторская роль руководителя территориального органа внутренних дел в процессе организации оперативно-разыскной деятельности важна также с позиции его возможностей как координатора деятельности оперативных и иных подразделений территориального органа внутренних дел, организатора ресурсного обеспечения данной деятельности (в том числе кадрового и организационно-штатного обеспечения) и ключевого элемента в системе мотивации деятельности сотрудников.

5. Контроль процесса оперативно-разыскной деятельности путём постоянного мониторинга и анализа состояния данного процесса и своевременного его корректирования.

Как известно, управленческий или организационный контроль как понятие представляет собой одну из основных функций управления и предназначен для предупреждения возможных отклонений от намеченных планов [11, с. 35].

Соответственно, являясь функцией управления и составной частью организаторской деятельности руководителя территориального органа внутренних дел, контроль призван создать необходимые условия для нормального функционирования данного органа, инструментом обеспечения реализации управленческих решений и одним из способов обеспечения дисциплины, законности и ответственности подчинённых.

Рассматривая контроль через призму организации оперативно-разыскной деятельности, управления оперативными и иными подразделениями территориального органа внутренних дел, можно отметить, что контроль процесса оперативно-разыскной деятельности руководителем территориального органа внутренних дел заключается в постоянном мониторинге и анализе состояния данного процесса с целью выявления возможных отклонений от намеченных планов и выражается в своевременном его корректировании.

Будучи субъектом внутреннего контроля данного процесса руководитель территориального органа внутренних дел посредством реализации данной функции обеспечивает достижение целей и задач оперативно-разыскной деятельности. Объектом контроля, в

данном случае, выступают оперативные и иные подразделения, участвующие в оперативно-разыскной деятельности, руководители и сотрудники данных подразделений, а также происходящие в них процессы.

Предметом же контроля, в наиболее общем виде, является деятельность по реализации требований нормативных правовых актов, а также всех ранее принятых решений в сфере организации оперативно-разыскной работы.

В целом, предмет управленческого контроля руководителя территориального органа внутренних дел за процессом оперативно-разыскной деятельности обусловлен требованиями оперативно-разыскного законодательства в части обеспечения законности при организации и проведении оперативно-разыскных мероприятий [16, ст. 22].

Основными формами контроля руководителя территориального органа внутренних дел за процессом оперативно-разыскной деятельности являются: личное ознакомление с оперативно-служебными документами, в том числе делами оперативного учёта; личное участие в проведении оперативно-разыскных мероприятий, либо наблюдение за его проведением с последующей дачей корректирующих указаний; анализ проведённых оперативно-разыскных мероприятий на оперативном совещании, заслушивание руководителей оперативных подразделений, их структурных подразделений и отдельных сотрудников по вопросам эффективности проведённых оперативно-разыскных мероприятий; рассмотрение документов о расходовании в ходе оперативно-разыскных мероприятий финансовых средств; изучение общественного мнения о деятельности территориального органа внутренних дел по раскрытию преступлений.

Применительно к рассматриваемому вопросу следует также отметить, что руководитель территориального органа внутренних дел является элементом целостной системы контроля за процессом оперативно-разыскной деятельности, в которую помимо него самого, включены также штабные, инспекторские и организационно-аналитические подразделения, руководители оперативных подразделений и их структурных элементов, а также руководители подчинённых территориальных органов внутренних дел.

Данная система призвана обеспечить комплексное наблюдение за процессом оперативно-разыскной деятельности, качеством и своевременностью исполнения управленческих решений руководителя территориального органа внутренних дел.

В заключение автор обосновывает следующие концептуальные и основополагающие выводы, позво-

ляющие указать на особую важность места и роли руководителя территориального органа внутренних дел в организации оперативно-разыскной деятельности.

1. Организация оперативно-разыскной деятельности представляет собой процесс решения задач оперативно-разыскной деятельности, направленный на распределение комплексной работы между различными оперативными подразделениями и исполнителями, разъяснение содержания и сути задач и целей оперативно-разыскной деятельности, а также установления эффективного взаимодействия между оперативными и иными подразделениями в территориальном органе внутренних дел.

2. Организаторская деятельность руководителя территориального органа внутренних дел приобретает особую модель профессиональной деятельности, оригинальность которой заключается в координации совместных действий всех структурных элементов территориального органа внутренних дел в целях раскрытия преступления с опорой на принципы единоначалия и иерархии.

3. Элементы организации оперативно-разыскной деятельности представляют собой последовательность относительно самостоятельных этапов и их взаимосвязей и выражаются в виде реализации функций управления, основными из которых являются планирование оперативно-разыскной деятельности, организация оперативно-разыскной деятельности, мотивация оперативно-разыскной деятельности и контроль оперативно-разыскной деятельности.

4. Роль руководителя территориального органа внутренних дел, как организатора оперативно-разыскной деятельности определяется его умением и способностью правильно выбрать и поставить цель оперативно-разыскной деятельности и оперативно-разыскных мероприятий и путём реализации различных мероприятий (правовых, организационных, технологических, технических, инфраструктурных, научных и иных) способствовать достижению данной цели.

Список источников

1. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления. Курс лекций. Изд. 2-е дополн. М. : Омега-Л, 2004. 584 с.
2. Аتماжитов, В. М. Организация оперативно-разыскной деятельности (по линии уголовного розыска): учебник / под ред. В. М. Аتماжитова. М. : Академия управления МВД России, 2015. 894 с.
3. Болдырев, У. К. Руководство как функция организаторской деятельности начальника территориального органа МВД России // Труды Академии управ-

ления МВД России. 2016. № 3 (39). С. 26–30.

4. Брылев, В. И., Лях, Л. А. Получение и анализ оперативно-розыскной информации о преступной деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. С. 49–52.

5. Веснин, В. Р. Основы менеджмента: Учебник / В. Р. Веснин. М. : Проспект, 2016. 320 с.

6. Вицин, С. Е., Москвин, А. И. Методические основы прогнозирования управленческой деятельности органов внутренних дел. М. : 1988. 209 с.

7. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / под ред. З. Л. Шхагапсоева и Н. П. Голяндина ; МВД России. Краснодарский ун-т. Краснодар : КрУ МВД России, 2016. 375 с.

8. Управление организаций : Учебник / Под ред. А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Саломатина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2000. 305 с.

9. Уманский, Л. И. Личность. Организаторская деятельность / Избранные труды. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. 208 с.

10. Утевский, А. Б. Организация и тактика оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на транспорте и научно практические меры повышения её эффективности : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1986. 456 с.

11. Цыпленкова, М. В., Моисеенко, И. В., Гуремина, Н. В., Бондарь, Ю. А. Основы менеджмента : учебное пособие. Издательство Академия Естествознания, 2013. 234 с.

12. Числов, А. И., Юзиханова, Э. Г. Основы оперативно-тактического прогнозирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 95–99.

13. Официальный сайт МВД России. Раздел Статистика. Режим доступа <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 12.04.2021).

14. Приказ МВД России от 28 июля 2017 г. № 545 «Об утверждении Положения об Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Курганской области».

15. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 декабря

2016 г. № 52 (часть V) ст. 7614.

16. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. № 33 ст. 3349.

References

1. Atamanchuk, G. V. Theory of state management. Course of lectures. Ed. 2nd supplement. Moscow : Omega-L, 2004. 584 p.

2. Atmazhitov, V. M. Organization of operational investigative activities (in the line of criminal investigation): textbook / ed. V. M. Atmazhitov. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 894 p.

3. Boldyrev, U. K. Leadership as a function of organizational activity of the head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3 (39). P. 26–30.

4. Brylev, V. I., Lyakh, L. A. Obtaining and analyzing operational-investigative information about criminal activity // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2013. No. 5-2. P. 49–52.

5. Vesnin, V. R. Fundamentals of management: Textbook / V. R. Vesnin. M. : Prospect, 2016. 320 p.

6. Vitsin, S. E., Moskvin, A. I. Methodological foundations of forecasting the management activities of internal affairs bodies. M. : 1988. 209 p.

7. Fundamentals of operational and investigative activities of internal affairs bodies : a textbook for cadets and students of educational organizations of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia, employees of internal affairs bodies of the Russian Federation / ed. by Z. L. Shkhagapsoev and N. P. Golyandin; the Ministry of Internal Affairs of Russia. Krasnodar Un-T. Krasnodar : KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 375 p.

8. Management of organizations: Textbook / Edited by A. G. Porshnev, Z.P. Rummyantseva, N. A. Salomatin. 2nd ed., reprint. and add. M. : INFRA-M, 2000. 305 p.

9. Umansky, L. I. Personality. Organizational activity / Selected works. Kostroma : N. A. Nekrasov KSU, 2001. 208 p.

10. Utevsky, A. B. Organization and tactics of operational search activity of internal affairs bodies in transport and scientific and practical measures to improve its effectiveness : abstract. diss. ... doct. jurid. M., 1986. 456 p.

11. Tsyplenkova, M. V., Moiseenko, I. V., Guremina, N. V., Bondar, Yu. A. Fundamentals of management : a

textbook. Publisher Academy of Natural Sciences, 2013. 234 p.

12. Chislov, A. I., Yuzikhanova, E. G. Fundamentals of operational and tactical forecasting // Legal science and law enforcement practice. 2012. № 1 (19). P. 95–99.

13. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Statistics section. Access mode <https://мвд.рф/folder/101762> (date of access: 12.04.2021).

14. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 545 dated July 28, 2017 “On Approval of the Regulations on the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Kurgan region”.

15. Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 “On approval of the Regulations on the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation and the Model regulations on the territorial body of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation on the subject of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation of December 26, 2016, No. 52 (part V) art. 7614.

16. Federal law of the Russian Federation dated 12 August 1995 No. 144-FZ “On operative-search activity” // Collection of legislation of the Russian Federation dated August 14, 1995, No. 33, article 3349.

Информация об авторе

Д. В. Свинов – начальник управления МВД России по Курганской области.

Information about the author

D. V. Svinov – Head of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kurgan region.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются "за кадром" исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

В ходе подготовки издания были подробно изучены материалы значительного количества уголовных дел, вследствие чего представлен детальный анализ типичных ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений. В частности, на базе изученного материала рассмотрены ошибки уголовно-правовой квалификации преступлений, предписаний уголовно-процессуального законодательства и пр. Рассмотрены

пределы допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для практических сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, а также преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений.

Научная статья

УДК 34.347.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-254-260>

НИОН: 2003-0059-6/21-111

MOSURED: 77/27-003-2021-06-310

Концепция договорного регулирования культурной деятельности в Российской Федерации в условиях цифровизации экономики

Максим Владимирович Севостьянов

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Волгоградская область,
Россия, Sev_mv@mail.ru

Аннотация. В статье аргументируется положение о том, что в современных условиях гражданского оборота эффективное осуществление культурной деятельности становится невозможным без учета договорного регулирования. Формулируется определение понятия «концепция договорного регулирования культурной деятельности» и выявляются ее составные элементы: договор, предмет, субъекты, цифровизация и функции. Дается краткая характеристика составным элементам концепции в контексте их динамики в исследуемой области.

Ключевые слова: концепция, договорное регулирование, культурная деятельность, средство правового регулирования, предмет договорного регулирования, субъекты, цифровизация, функции

Для цитирования: Севостьянов М. В. Концепция договорного регулирования культурной деятельности в Российской Федерации в условиях цифровизации экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 254–260. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-254-260>.

Original article

The concept of contractual regulation of cultural activities in the Russian Federation in the context of digitalization of the economy

Maksim V. Sevost'yanov

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Volgograd region, Russia, Sev_mv@mail.ru

Abstract. The article argues that in modern conditions of civil turnover, the effective implementation of cultural activities becomes impossible without taking into account contractual regulation. The definition of the concept “concept of contractual regulation of cultural activities” is formulated and its constituent elements are identified: contract, subject, subjects, digitalization and functions. A brief description of the component elements of the concept in the context of their dynamics in the field under study is given.

Keywords: concept, contractual regulation, cultural activity, means of legal regulation, subject of contractual regulation, subjects, digitalization, functions

For citation: Sevost'yanov M. V. The concept of contractual regulation of cultural activities in the Russian Federation in the context of digitalization of the economy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):254–260. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-254-260>.

Актуальность темы обусловлена важностью культурной деятельности в системе общественно-экономического развития государства. В настоящее время одной из приоритетных задач является создание, в том числе и при помощи цифровых технологий, объемного пространства для созидания творческих инициатив людей, «для реализации культурных проектов» [13]. Сегодня эти проекты [10], приобретают на-

© Севостьянов М. В., 2021

циональную значимость, базируются на самобытности, многообразии культурно-исторических традиций народов России и представляют собой «колоссальный потенциал» для развития российского государства [13]. Реализация этого потенциала становится возможной в процессе осуществления культурной деятельности, которая, наряду с социальными, политическими, экономическими и другими аспектами обладает цивилистическими свойствами. В этом значении под ней следует рассматривать действия участников гражданского оборота, направленные на создание, трансформацию, сохранение, распространение, использование ценностей культуры в сфере материально-духовных запросов людей на соответствующем этапе общественного развития. Нетрудно заметить, что совершение перечисленных действий во многом становится возможным при помощи использования частноправового средства — договора. Многообразие гражданско-правовых договоров, как и многогранность культурной деятельности требуют систематизации взглядов на договорное регулирование отношений, складывающихся в изучаемой области.

Таким образом, **целью** публикации является разработка концепции договорного регулирования культурной деятельности на современном этапе развития гражданского оборота, обусловленного цифровизацией экономики. Для этого необходимо решить две **задачи**: *во-первых*, сформулировать определение искомого понятия; *во-вторых*, выявить составные элементы рассматриваемой концепции и дать им краткую характеристику.

Методологическим приемом решения первой задачи будет выступать метод цивилистического толкования, предложенный русским юристом Е. В. Васильевым, который по своей сути представляет анализ и последующий синтез словесного и юридического значения соответствующих понятий [1, с. 98, 127]. В частности, необходимо раскрыть сущность терминов «концепция» и «договорное регулирование», поскольку сущность термина «культурная деятельность» уже определена во введении к настоящей публикации.

В словаре С. И. Ожегова термин «концепция» означает «систему взглядов на что-нибудь, основные мысли» [8, с. 294]. Подобное толкование содержится и в «Словаре русского языка» с той лишь разницей, что под «концепцией» понимается не только «система взглядов», но и «то или иное понимание явления» [15, с. 125]. Под словом «договор» понимается «соглашение о взаимных обязательствах» [8, с. 174], а термин «регулирование» означает «упорядочивать, налаживать, направлять развитие, движение с целью приве-

сти порядок, в систему» [8, с. 671]. Таким образом в словесном значении под концепцией договорного регулирования следует понимать «систему взглядов, направленную на упорядочивание, налаживание и развитие соглашений о взаимных обязательствах».

Цивилистической науке известны исследования, в которых обосновывается система взглядов на те или иные явления гражданско-правовой действительности, в том числе и на правовое регулирование отдельных видов деятельности. Например, «Концепция гражданско-правового регулирования охранной деятельности в РФ» представляет собой систему взглядов, объединяющих в себе сущностные аспекты этого вида предпринимательства, особенности структурных элементов соответствующего правоотношения, средств правового регулирования, включая договорное регулирование [18, с. 3–9]. Т. В. Соيفер под «Концепцией некоммерческих организаций» понимает систему взглядов на деятельность этих лиц, как «комплексных и многофункциональных образований» [16, с. 8]. «Системное исследование правового института прекращения обязательств» представляет собой соответствующую концепцию, разработанную М. А. Егоровой [3, с. 3–4]. Д. А. Корецкий рассматривает «Традиционную концепцию о месте договора в механизме юридического регулирования» как совокупность «пяти основных позиций» в отношении договора, включая позиции о «самостоятельности» договора, его юридико-фактических и других свойствах [6, с. 45]. Однако наиболее приемлемыми для проводимого исследования являются положения «Концепции гражданско-правового договорного регулирования», разработанной М. Ф. Казанцевым. В ней под искомым регулированием понимается система взглядов, объединяющая в себе договор как правовое средство, предмет регулирования как определенные общественные отношения и правовое положение сторон договора [4, с. 6].

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что в изученных работах, несмотря на их «концептуальную» направленность, все же не исследовались вопросы непосредственно связанные с договорным регулированием культурной деятельности. В то же время становится очевидным, что различные концепции гражданско-правового регулирования должны быть адаптированы к конкретным видам гражданских отношений, складывающихся в рамках предмета рассматриваемой отрасли, а в действующих условиях гражданского оборота еще и отвечать велениям времени, например, соответствовать требованиям цифровизации.

На основании изложенного в качестве решения

первой задачи публикации можно сформулировать следующее определение понятия: «Концепция договорного регулирования культурной деятельности — это система взглядов на упорядочивание отношений, складывающихся в процессе создания, трансформации, сохранения, распространения и использования ценностей культуры в сфере материально-духовных запросов людей на соответствующем этапе общественного развития посредством применения различных видов гражданско-правовых договоров».

В контексте решения **второй** задачи публикации рассмотрим составные элементы изучаемой концепции и дадим им краткую характеристику.

Проведенный анализ позволяет установить, что этими **элементами** являются: 1) договор как средство правового регулирования; 2) предмет договорного регулирования; 3) субъекты договорного регулирования; 4) цифровизация договорного регулирования; 5) функции договорного регулирования.

Договор как средство правового регулирования. Несмотря на то, что понятие «средства правового регулирования» носит дискуссионный характер все же можно выделить их квалифицирующий признак — совершение субъектами «юридически значимых действий», направленных на достижение их правовых целей и интересов [12, с. 87]. Исследователи отдельных видов деятельности используют понятие «система средств», рассматривая его в широком и узком смысле слова. В первом значении к средствам относятся «юридические возможности» субъектов, вещи как объекты гражданских прав, правовые источники и институты [19, с. 253]. В узком смысле слова средства правового регулирования представляют собой разрешенные государством «правовые элементы» (нормативный правовой акт, лицензирование, договор и др.), применение которых приводит к возникновению и динамике соответствующих правоотношений [19, с. 253–254].

Вместе с тем, несмотря на различные подходы к рассматриваемому понятию все ученые отмечают «способность гражданско-правового договора» представлять собой средство правового регулирования различных видов общественных отношений [4, с. 2]. При этом договорное регулирование выступает составной частью правового регулирования в целом и гражданско-правового регулирования в частности [4, с. 5–7]. Это означает, что договор соотносится с публично- и другими частноправовыми средствами [19, с. 254].

Однако применительно к изучаемому виду деятельности регулятивные свойства договора в большой степени позволяют соотнести его с законом или иным

правовым актом (далее вместе — закон).

Сходством указанных категорий является их способность упорядочивать общественные отношения в области культуры. Именно регулятивные свойства договора ставят его в «один понятийный ряд с законом» [4, с. 17].

Различия договора и закона проявляются по кругу лиц, выступающих участниками регулируемых отношений: закон регулирует отношения с неопределенным кругом лиц, в то время как договор упорядочивает только отношения между его сторонами. Различными являются механизмы принятия закона (уполномоченные государством органы власти, действующие в императивном порядке) и договора (процесс достижения согласия сторон договора, основанный на свободе их волеизъявления). Предметом правового регулирования закона являются общественные отношения, складывающиеся во всей сфере культурной деятельности или в ее отдельных сегментах. Например, законом регулируются отношения в области обеспечения конституционных прав людей на культурную деятельность и создание правовых гарантий в сфере ее осуществления [9], отношения в сфере сохранности, применения и государственной охраны культурных объектов [17] и др. Отличия соотносимых средств проявляются и в юридической силе норм закона и условий договора. Так согласно ст. 422 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК) договор должен отвечать обязательным для его сторон требованиям, предусмотренным законом. В этом контексте законодательные нормы «интенсивно» «воздействуют на договорное правоотношение», определяя при этом содержание соглашения с учетом выражения воли законодателя [4, с. 9–10].

В отдельных случаях следует отметить и соотношение договора с административным актом. Например, как отмечает М. Н. Малеева, заключению между сторонами договора о проведении «массовых культурно-зрелищных мероприятий» может предшествовать административный акт органа государственной власти субъекта РФ и (или) муниципалитета о проведении названных и иных культурных мероприятий [7, с. 32–33].

«Многоаспектный характер» договора, то есть признание договора сделкой и правоотношением [2, с. 97], отражается и на его правовой природе. Так сделочная природа договора проявляется в его юридико-фактических свойствах, в наличии существенных и иных условий как результата достигнутого соглашения, в соблюдении определенной формы.

Сущностными элементами «договора-правоотношения» являются его субъекты (стороны), объект

(один или несколько объектов гражданских прав), содержание (субъективные права и юридические обязанности его сторон). Составной частью содержания рассматриваемой сущности договора выступает понятие «обязательство», что позволяет применять к договорным отношениям общие и специальные положения ГК об обязательствах, выступающих основой его правовой природы в названном качестве.

Таким образом, договор как средство правового регулирования культурной деятельности представляет собой «правовой акт, призванный упорядочивать отношения между участниками культурной деятельности (гражданами и (или) юридическими лицами), основанный на их согласии, оформленный в качестве договорных условий в установленной законом форме, направленный на возникновение и динамику отношений культурной деятельности».

В качестве моделей изучаемого правового средства можно рассматривать договоры как поименованные в ГК, так и еще не получившие должного легального закрепления (непоименованные договоры). Например, к поименованным договорам следует отнести соглашения, направленные на передачу имущества (культурных ценностей, объектов культуры и др.), договоры подряда (работы, связанные с художественными промыслами и ремеслами, созданием произведений искусств и т.п.), договоры оказания различного рода культурных услуг. К непоименованным договорам следует отнести договор охраны, предметом которого может выступать защита объектов культуры от противоправных посягательств, обеспечение пропускного и внутриобъектового режимов на объектах, где осуществляется культурная деятельность, а также обеспечение порядка при проведении массовых культурных мероприятий. Названный договор является непоименованным и малоизученным средствами цивилистической науки, что создает определенные проблемы в практике его применения [20, с. 39–40], в том числе и в изучаемой области деятельности.

Предмет договорного регулирования. Цивилисты отмечают взаимосвязь предмета гражданско-правового регулирования с предметом договорного регулирования, выступающим его «частным случаем» [4, с. 21]. Следовательно, предметом рассматриваемого регулирования будут выступать те общественные отношения, которые складываются в области определения правового положения участников культурной деятельности, в качестве оснований появления и динамики права собственности, а также иных вещных прав на объекты культуры, в области осуществления культурно-интеллектуальных прав, отношения за-

трагивающие деятельность корпоративных организаций, преследующих своей целью развитие культуры (например, внесенные в реестр казачьи общества) и другие отношения, закрепленные в ч. 1 ст. 2 ГК, в том числе и отношения в области предпринимательства. Вместе с тем, не являются предметом изучаемого регулирования отношения, выходящие на рамки предмета гражданского права (например, отношения, складывающиеся в области государственной охраны памятников культуры, отношения, определяющие принципы культурной деятельности и т.п.).

Субъектами договорного регулирования выступают те участники культурной деятельности, которые в целях реализации своих «культурных прав» вступают между собой в договорные отношения, обусловленные соответствующим предметом правового регулирования. В широком смысле таковыми субъектами являются участники гражданского оборота — граждане и организации, в том числе публично-правовые образования, действующие в гражданском обороте через созданных ими юридических лиц.

Субъектов договорного регулирования можно классифицировать по различным основаниям. Например, одним из них является цель осуществления культурной деятельности. В контексте этой цели, с одной стороны, следует выделить лиц, деятельность которых направлена на извлечение прибыли от оборота «культурных» товаров, выполнения работ и (или) оказания услуг в области культуры (индивидуальные предприниматели, коммерческие организации). С другой стороны, многие субъекты ставят перед собой иную (не предпринимательскую цель), направленную на пропаганду, развитие, сохранность культурных ценностей. Таковой целью может выступать реализация государственных и муниципальных функций в области культуры (как правило, эти функции осуществляют юридические лица, образованные в организационно-правовой форме «учреждение»), пожертвования музеям и иным культурным учреждениям (ст. 582 ГК), безвозмездное пользование объектами культурного наследия (ст. 689 ГК) и др.

Среди субъектов следует отметить и тех лиц, создание и осуществление деятельности которых, непосредственно связаны с необходимостью сохранения и развития определенной культуры (например, внесенные в государственный реестр казачьи общества, общины коренных малочисленных народов России и др.).

Таким образом, субъектами договорного регулирования культурной деятельности являются те участники гражданского оборота, деятельность которых

осуществляется в рамках предмета этого регулирования.

Цифровизация договорного регулирования обусловлена потребностями гражданского оборота и необходимостью совершенствования договорного регулирования в изучаемой сфере. В этой связи цивилисты отмечают факт того, что цифровая экономика «проникает во все сферы нашей жизни: образование, науку, культуру...», а складывающиеся при этом отношения нуждаются в адекватном правовом регулировании [5, с. 14].

Цифровизация культурной деятельности в целом и ее договорного регулирования в частности, обусловлена и необходимостью реализации национального проекта «Культура», а также федерального проекта «Цифровая культура» [10], сущностью которых является доведение до участников этого вида деятельности «культурных ценностей» в широком их понимании при помощи мультимедийного оборудования, сети Интернет и других подобных технологий. Безусловно, реализация перечисленных цифровых аспектов во многом становится возможной посредством заключения соответствующих договоров.

Функции договорного регулирования. Договорное регулирование в целом и отношений, складывающихся при осуществлении культурной деятельности, в частности определяется полнотой реализации функций, то есть воздействием договора на те или иные общественные отношения [18, с. 521]. Так, М. Ф. Казанцев в «Концепции гражданско-правового договорного регулирования» (2008 г.) выделяет четыре таких функции (инициативная, регулятивная, селективная и юридико-фактическая) [4, с. 25–27].

Однако с учетом динамики развития общественных отношений, складывающихся в области культурной деятельности, их многогранного (комплексного) характера, влиянием на эти отношения определенных объективных факторов можно сделать вывод о том, что таких функций значительно больше.

Не подвергая сомнению и не затрагивая сущность вышеуказанных функций договорного регулирования, следует обратить внимание на другие функции. Их можно классифицировать следующим образом: охранная, интегрирующая, антитеррористическая.

Охранная функция. Согласно закону [17], охрана отдельных культурных ценностей (например, памятников истории и др.) должна осуществляться государством. Складывающиеся при этом отношения не имеют договорного характера, поскольку защита названных объектов обусловлена публично-правовой природой государства и реализацией его соответ-

ствующей функции. Вместе с тем, реформирование государственных охранных организаций (например, вневедомственной охраны МВД России и др.), реализующих указанную функцию привело к тому, что тысячи объектов, культурного наследия, находящихся в собственности субъектов РФ и муниципалитетов фактически остались без государственной охраны. Так в перечне объектов, подлежащих обязательной охране войсками Росгвардии, значатся всего два вида «культурных» объектов: федеральные государственные музеи, находящиеся в сфере ведения Минкультуры России и «Ансамбль Новодевичьего монастыря» [14]. Представляется, что не входящие в названный перечень объекты культуры должны охраняться организациями частной охраны, действующими исключительно на основании соответствующего договора [20, с. 39–40].

Интегрирующая функция базируется на многогранном характере структуры отношений, складывающихся в культурной деятельности. Например, объектом таких отношений могут выступать культурные ценности, в то же время являющиеся объектами иных (не гражданско-правовых) отношений: земельные участки, жилые помещения, здания, водные объекты и др. В таком случае сущность рассматриваемой функции заключается в интеграции изучаемых отношений в структуру земельных, жилищных, градостроительных и иных отношений.

Наличие *антитеррористической функции* является новеллой договорного регулирования и обусловлено необходимостью защиты объектов культуры от угроз совершения на них террористических актов. В настоящее время такая защита носит не добровольный, а обязательный характер, поскольку предусмотрена соответствующими правовыми актами [11]. Так, наряду с организационными, инженерно-техническими и иными мерами, собственники (владельцы) «культурных» объектов должны обеспечивать их защиту посредством привлечения частных охранных и иных специализированных организаций, за исключением объектов, подлежащих обязательной охране войсками Росгвардии [14]. Юридическим фактом и средством правового регулирования охранных услуг в изучаемой сфере является соответствующий договор [19, с. 253–254].

Подводя итоги публикации, можно сформулировать следующие **выводы**.

1. В настоящее время надлежащее осуществление культурной деятельности как процесса осуществления гражданских прав становится невозможным без применения договорного регулирования.

2. Договорное регулирование культурной деятельности представляет собой систему, состоящую из взаимосвязанных правовых элементов в совокупности, обладающих концептуальными свойствами.

3. Концепция договорного регулирования культурной деятельности является не статической, а динамической правовой категорией, способной к адаптации в современных условиях гражданского оборота.

Список источников

1. Васьковский, Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 580 с.

2. Витрянский, В. В. Общие положения о договоре // Кодификация российского частного права 2019 / Под ред. Д. А. Медведева; Исслед. Центр частн. права им С. С. Алексеева при Президенте РФ. М. : Статут, 2019.

3. Егорова, М. А. Концепция реализации способов прекращения гражданско-правовых обязательств : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2013. 57 с.

4. Казанцев, М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 42 с.

5. Камышанский, В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть закона. 2019. № 1. С. 14–18.

6. Корецкий, Д. А. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 59 с.

7. Малейна, М. Н. Правовое регулирование оказания услуг по организации и проведению массовых культурно-зрелищных мероприятий в открытых общественных местах // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 32–40.

8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1989. 924 с.

9. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 // Российская газета. № 248. 1992. 17 ноября.

10. Паспорт национального проекта «Культура»: утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам // Протокол от 24 декабря 2018 г., № 16.

11. Постановление Правительства РФ от 11 февраля 2017 г. № 176 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) в сфере культуры и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)» // СПС Консультант Плюс.

12. Пугинский, Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юридическая

литература, 1984. 224 с.

13. Путин, В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета. № 7. 2020. 16 января.

14. Распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2017 г. № 928-р «Об утверждении перечня объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

15. Словарь русского языка : в четырех томах. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 1015 с.

16. Соффер, Т. В. Концепция некоммерческих организаций в российском гражданском праве : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2013. 42 с.

17. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

18. Шаронов, С. А. Концепция гражданско-правового регулирования охранной деятельности в Российской Федерации : монография. М. : Юстицинформ, 2014. 606 с.

19. Шаронов, С. А. Средства правового регулирования охранной деятельности: понятие, необходимость применения и классификация // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4. С. 251–254.

20. Шаронов, С. А. Проблемы правового регулирования охранной деятельности в контексте совершенствования гражданского законодательства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 4. С. 37–41.

References

1. Vas'kovskii, E. V. Methodology of the Civil law. The doctrine of the interpretation and application of civil laws. M. : JSC "Center Yurinform", 2002. 580 p.

2. Vitryansky, V. V. General provisions of the agreement // Codification of Russian private law 2019 / Ed. by D. A. Medvedev; Research. The center is private. rights named After S. S. Alekseev under the President of the Russian Federation. M. : Statute, 2019.

3. Egorova, M. A. The Concept of implementing ways to terminate civil obligations : autoref. dis. ... doctor of law. M., 2013. 57 p.

4. Kazantsev, M. F. The Concept of civil law contractual regulation : autoref. dis.... doctor of law. Yekaterinburg, 2008. 42 p.

5. Kamyshanskii, V. P. On the digital economy and the digital law // The rule of law. 2019. No. 1. P. 14–18.

6. Koretsky, D. A. Theory of contractual regulation of civil law relations : autoref. dis. ... doctor of law. Rostov-on-Don, 2007. 59 p.
7. Maleina, M. N. Legal regulation of providing services for organizing and holding mass cultural and entertainment events in open public places // Journal of Russian law. 2013. No. 3. P. 32–40.
8. Ozhegov, S. I. Dictionary of the Russian language. M., 1989. 924 p.
9. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture : approved. Russian armed forces 09.10.1992 No. 3612-1 // Russian newspaper. No. 248. 1992. November 17.
10. Passport of the national project “Culture”: approved. By the Presidium of the presidential Council for strategic development and national projects // Protocol No. 16 of December 24, 2018.
11. Decree of the Government of the Russian Federation of February 11, 2017 No. 176 “On approval of requirements for anti-terrorist protection of objects (territories) in the field of culture and the form of a security passport for these objects (territories)” // SPS Consultant Plus.
12. Puginsky, B. I. Civil-legal means in economic relations. Moscow : Legal literature, 1984. 224 p.
13. Putin, V. V. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 15.01.2020 // Russian newspaper. No. 7. 2020. January 16.
14. Decree of the Government of the Russian Federation of May 15, 2017 No. 928-R “On approval of the list of objects subject to mandatory protection by the national guard of the Russian Federation” // SPS Consultant Plus.
15. Dictionary of the Russian language : in four volumes, Vol. 2. M. : State publishing house of foreign and national dictionaries, 1957. 1015 p.
16. Soifer T. V. the Concept of non-profit organizations in Russian civil law : autoref. dis. ...doctor of law. M., 2013, 42 p.
17. Federal law No. 73-FZ of 25.06.2002 «On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation» of 25.06.2002 No. 73-FZ // SPS Consultant Plus.
18. Sharonov, S. A. The Concept of civil law regulation of security activities in the Russian Federation : monograph. M. : Justicinform, 2014. 606 p.
19. Sharonov, S. A. Means of legal regulation of security activities : concept, necessity of application and classification // Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of business. 2014. No. 4. P. 251–254.
20. Sharonov, S. A. Problems of legal regulation of security activities in the context of improving civil legislation // Bulletin of the Volgograd state University. Series 5, Jurisprudence. 2013. No. 4. P. 37–41.

Информация об авторе

М. В. Севостьянов – директор Волжского филиала Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Sevost'yanov – Director of Volzhsky Branch of the Volgograd State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-261-265>

НИОН: 2003-0059-6/21-112

MOSURED: 77/27-003-2021-06-311

Актуальные проблемы уголовной ответственности за педофилию

Анна Александровна Семочкина

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Педофилия — явление страшное в любом своем проявлении, и остро прогрессирующее в современном мире. В рамках данной статьи, автор поднимает проблему уголовной ответственности за педофилию, рассматривает общие вопросы педофилии и личности педофила.

Ключевые слова: педофилия, дети

Для цитирования: Семочкина А. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за педофилию // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 261–265. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-261-265>.

Original article

Actual problems of criminal responsibility for pedophilia

Anna A. Semochkina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikiot', Moscow, Russia

Abstract. Pedophilia is terrible phenomenon in any of its manifestation, and acutely progressive in the modern world. Within the framework of this article, the author raises the problem of criminal responsibility for pedophilia, considers general issues of pedophilia and the personality of a pedophile.

Keywords: pedophilia, children

For citation: Semochkina A. A. Actual problems of criminal responsibility for pedophilia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):261–265. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-261-265>.

За последние годы в Российской Федерации число сексуальных насилий и домогательств педофилов по отношению к детям значительно возросло. В средствах массовой информации каждый день можно услышать об очередной жертве педофила. Кто же такие педофилы и почему педофилия является одной из наиболее осуждаемых и порицаемых тем?

Термин «педофилия» произошел из греческого языка (от греч. *país* — дитя) сексуальная тяга (влечение) к ребенку. Диагноз «педофилия» включен в международную классификацию болезней (МКБ-10) и указан в разделе — «расстройства сексуального предпочтения». 12–14 лет — это верхняя граница возраста детей, вызывающих сексуальное влечение у педофилов.

Диагноз «педофилия», включает в себя несколько диагностических критериев: педофил должен достигнуть 16 лет, а его жертва должна быть минимум на 5 лет младше; не менее 6 месяцев у педофила должен быть стойкий половой интерес к выбранной жертве; страсть к детям у педофила должна носить навязчивый характер [4].

Бывают случаи, когда человек педофилом не является, но при этом совершает сексуальные действия по отношению к ребенку. В этом случае проявляются другие отклонения, которые выражаются во вседозволенности совершать сексуальные действия со всеми, с кем им вздумается. В этой ситуации происходит реализация сиюминутных потребностей, половое

© Семочкина А. А., 2021

влечение конкретно к детям не испытывается. Также сексуальные действия над ребенком могут быть совершены под влиянием психоактивных веществ (наркотических средств, алкогольной продукции, табака и др.) В данном случае человек не будет иметь истинного влечения к детям. Соответственно и педофилом его назвать нельзя [5].

Таким образом, педофилия — это медицинский диагноз, и лица, которые страдают этим заболеванием (педофилы) — это лица, которые испытывают именно половое влечение к детскому телу. Возбуждаются, думая о ребенке, о прикосновениях к нему, о сексуальном контакте с ним.

«Педофилия» — термин, который используется в медицине. Уголовное законодательство устанавливает ответственность за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Лица, которые совершают такие преступления, попадают под признаки педофилии и привлекаются к уголовной ответственности по: п. «б» ч. 4 ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) (изнасилование потерпевшей, не достигшей 14 лет); п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении лица, не достигшего 14 лет); ч. 2 ст. 133 УК РФ (понууждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей), совершенное против несовершеннолетнего (несовершеннолетней); ч. 3 ст. 134 УК РФ (половое сношение, мужеложство, лесбиянство, совершенные с лицом, достигшим 12 лет, но не достигшим 14 лет; ч. 2 ст. 135 УК РФ (совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица достигшего 12 лет, но не достигшего 14 лет).

Необходимо отметить, охрана детей до 12-летнего возраста уголовным законодательством Российской Федерации отдельно не регламентирована.

Педофилия чаще проявляется у мужчин, чем у женщин. Типичный педофил — это мужчина в возрасте около 30 лет, который не смог выстроить свои сексуальные отношения с женщинами-ровесницами. Стоит отметить, что сексуальное влечение к детям совершают и подростки, которые из-за замедления своего психосексуального и эмоционального развития, просто не умеют контактировать со сверстницами. Если говорить о педофилах пожилого возраста, то чаще всего встречаются одинокие мужчины с половы-

ми расстройствами [3, с. 512].

У педофилов нарушено распознавание потенциального полового партнера. Возможно, виноваты в этом пережитые в раннем возрасте психологические травмы или генетические мутации.

Характеризуя личность педофила, стоит отметить одну черту, отличающую его от других людей. Неразвитость полового сознания. Дети для них представляют сексуальный объект только потому, что они находят с ними общий язык. Взрослый мир для педофилов непонятен, с детьми им комфортнее. К сожалению, распознать внешне педофила практически невозможно. Его внешний вид, одежда, поведение на людях, как у обычного нормального человека, поэтому при первом взгляде, даже не скажешь, что он способен кого-то обидеть.

Важно отметить, что чаще всего совращением детей занимаются не посторонние люди, а члены семьи или близкие для этой семьи люди — отцы или отчумы, дяди, братья, друзья, чувствующие себя социально неадекватными, страдающие сексуальными расстройствами. В марте 2021 года в Саранске вынесен приговор отцу, который насиловал свою 14-летнюю дочь в извращенной форме. Преступление произошло в октябре 2020 года, в квартире дома, где жила семья. Официально супруги находились в разводе, но проживали в одной квартире. Когда мать ушла на работу, возбужденный отец решил удовлетворить себя с помощью родной дочери, и изнасиловал ее. Это продолжалось на протяжении нескольких дней. Девочка рассказала о случившемся своей подруге, а не матери, видимо побоялась, что та ей не поверит. Отца-педофила задержали. Судебная экспертиза установила, что обвиняемый в полной мере осознавал фактический характер и общественную опасность своих действий и руководил ими [6].

Очень часто педофилы стали связывать выбор своей профессии с детьми, чтобы быть поближе к предмету вожделения (предпочитают работать воспитателем в детском саду, учителем в школе, репетитором, тренером, фотографом). В июне 2021 года в Москве правоохранительными органами был задержан фотограф Ярослав Поляков. Его подозревают в развратных действиях сексуального характера в отношении малолетних. По данным следствия, с 2018 по 2020 год во время съемок в своей студии мужчина совершил развратные действия сексуального характера в отношении трёх 12-ти летних девочек. Следователям школьницы рассказали, что, оставшись в студии с ними наедине, Поляков трогал их за интимные части тела, показывал фото обнаженных людей. Затем заставил и их раздеться перед каме-

рой. Таким образом, своими преступными действиями Ярослав Поляков нарушил охраняемую законом половую неприкосновенность малолетних, причинив своими умышленными действиями потерпевшим моральный вред, нравственные страдания, оказав негативное влияние на их последующее нормальное психическое и нравственное развитие [7].

Подобные преступления совершаются на детских площадках и возле школ. В мае 2021 года в Москве мужчина попытался надругаться над 3-летней девочкой, когда она каталась на горке на детской площадке. Девочка залезла в трубу и долго не спускалась. Тогда ее мать забила тревогу. Когда она подошла ближе, то увидела, что в трубе, кроме ребенка, находится неизвестный мужчина. Девочка пожаловалась матери, что незнакомец расстегнул ее одежду и трогал в интимных местах. Подозреваемого удалось задержать. Возбуждено уголовное дело по п. б ч. 4 ст.132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста» [8].

Обратим внимание, что чаще сексуальному насилию стали подвергаться социально незащищенные дети. Это беспризорные, безнадзорные дети, дети из асоциальных неблагополучных семей, а также воспитанники детских домов и школы-интерната. В мае 2021 года, в селе Чернцы Ивановской области выявлено сообщество педофилов, которое не только использовало детский труд, но и развращало малолетних воспитанников школы-интерната с отклонениями в развитии. Главными организаторами, которые превратили учебное учреждение в публичный дом для педофилов и извращенцев, стали его директор Александр Цымбалюк, а также бывший заместитель директора местной музыкальной школы Николай Бухонин. Обоих подозревают в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении учащихся интерната [9].

Весь ужас этой ситуации заключается в том, что над детьми издеваются те, кто обязан о них заботиться.

К сожалению, такая беда случается с малообщительными детьми, детьми, которые не получают внимание и любовь от своих родителей. В зоне риска и дети из обеспеченных семей, у которых родители заняты на работе. И вроде все необходимое у ребенка есть, но вот заниматься воспитанием и безопасностью некому. В итоге с ранних лет их чадо становится самостоятельным, предоставлен сам себе, ищет на улице или в социальных сетях тех, кто бы его «понял», «посоветовал»... Дети, страдающие от недостатка внимания родителей, легко попадают под влияние педо-

фила, считая его своим другом и наставником. А он в свою очередь, действительно помогает решать какие-то проблемы, дает советы.

В группе риска может оказаться ребёнок, у которого в раннем возрасте (3–4 года) не сформировано чувство собственной безопасности, отсутствует инстинкт самосохранения.

Очень часто педофил готовится к преступлению: выбирает место, время, самого ребенка, который не способен оказать сопротивление.

Следует отметить, что пропаганда педофилии заразила и Интернет. В «российской паутине» наблюдается «педофильный бум». Российская Федерация занимает второе место после США по распространению в Интернете детской порнографии [2, с. 16]. У педофилов появились неограниченные возможности выстраивания отношений с детьми практически во всех странах земного шара задолго до физического контакта. Число групп знакомств для детей и подростков с темами порнографии ежегодно растет [1, с. 12–13].

Уполномоченный по правам ребенка при президенте РФ Анна Кузнецова в своем докладе о положении прав детей в России отметила, что за 2020 год против половой неприкосновенности несовершеннолетних совершено 15 822 преступления. Из них 47 % касаются инцидентов, где ребенок был младше 14 лет. Общие показатели выросли на 7,2 % по сравнению с 2019 годом [10]. К сожалению, официальные статистические данные не отражают реальной картины, т. к. преступления данного вида носят латентный характер.

Конечно, не каждый человек, страдающий педофилией является преступником, равно как и не каждый преступник, совершивший посягательство на половую неприкосновенность ребенка, является педофилом. Поэтому необходимо четко различать и выявлять лиц, совершающих преступления против половой неприкосновенности детей, страдающих педофилией и не страдающих данным сексуальным заболеванием.

Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости применения к лицам, страдающим педофилией и совершившим общественно опасные деяния в отношении малолетних, принудительных мер медицинского характера. Однако специалисты подчеркивают, что педофилия лечится с большими сложностями. Ее достаточно просто диагностировать, но избавить человека от сексуальной девиации такого характера можно только при наличии желания и воли к реабилитации самого пациента. К сожалению, в Российской Федерации вид лечения «педофилии» не развит. Поэтому имеется острая необходимость в создании медицинских учреждений по подготовке психиатров для

лечения данного заболевания.

Также достаточно остро стоит вопрос о применении законопроекта о химической кастрации за педофилию. В Российской Федерации закон о применении мер медицинского характера, включая химическую кастрацию, для педофилов, совершивших преступления в отношении детей младше 14 лет, был одобрен еще в 2012 году [11]. Основанием для применения химической кастрации является решение суда, основанное на заключении судебно-психиатрической экспертизы о психических расстройствах сексуального характера, не исключающих вменяемости. Такое профилактическое медикаментозное лечение проводится лишь по добровольному согласию осужденного, однако желающих сделать инъекцию добровольно — конечно же нет. Поэтому химическую кастрацию в качестве одной из принудительных мер для педофилов готовят прописать в Уголовном Кодексе РФ. Законопроект, содержащий такие поправки, внесут в Государственную Думу уже до конца 2021 года. Речь будет идти об изменении статьи 99 УК РФ «Виды принудительных мер медицинского характера» и статьи 101.1 УК РФ «Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях». «Статью 99 УК РФ предлагают дополнить таким видом принудительных мер медицинского характера как «химическая кастрация». В статье 101.1 УК РФ — ввести в законодательство термин «химическая кастрация», дать его определение и раскрыть с точки зрения уголовного законодательства. Под этим термином предлагают понимать «введение в организм препаратов, которые подавляют сексуальное влечение». Их перечень должно будет определить Правительство РФ». По словам одного из авторов документа, члена Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции Анатолия Выборного, данный законопроект сейчас дорабатывается. «Необходимо вводить институт химической кастрации: когда судья, прокурор, эксперт в сфере здравоохранения скажут, что это заболевание, и его необходимо лечить» [12].

Химическая кастрация — это терапия антиандрогенными препаратами (группа гормональных препаратов), которые блокируют действие мужского полового гормона-тестостерона, что приведет к подавлению полового влечения. Применять такие лекарства необходимо раз в три месяца до конца жизни.

Аргументы за применение химической кастрации:

- альтернативными способами лечить людей больных педофилией-бессмысленно;
- только химическая кастрация может лишить воз-

можности педофила совершить повторное преступление;

- данная мера эффективна, так как быстро достигает результата.

Однако существует и другая точка зрения, которая против применения химической кастрации:

- химическая кастрация оказывает тяжкие последствия на здоровье человека. При отсутствии тестостерона происходит сгущение крови. Таким образом может развиваться гиперкоагуляция, и проявиться риск инфаркта, инсульта, может произойти размягчение костных тканей, что приведет к причинению тяжкого вреда здоровью. Но медицина не должна иметь карательный характер;

- также несправедливый подход к применению наказания по половому признаку, так как педофилами могут быть и женщины, а применяться химическая кастрация будет только к мужчинам;

- отсутствие принципа гуманизма;

- дорого обходится государству.

С психологической точки зрения, педофил после химической кастрации, лишенный возможности насиловать, может еще больше начать калечить и даже убивать своих жертв. И к сожалению, такой метод может привести к еще большему количеству жертв. Невозможно применять химическую кастрацию ко всем осужденным-педофилам, хотя бы потому, что препараты, которые содержатся в инъекции имеют много противопоказаний и побочных эффектов. А на некоторых людей такие препараты просто могут не подействовать. Их сексуальное влечение от инъекций не снизится. Также многим педофилам просто не нужна половая потенция для совершения преступлений над несовершеннолетними.

Стоит согласиться с уполномоченным по правам ребенка в Российской Федерации Анной Кузнецовой, которая в сентябре 2020 года заявила, что необходимо устанавливать пожизненный надзор за педофилами и создать их реестр для борьбы с преступлениями против несовершеннолетних [13]. А что касается законопроекта о химической кастрации, насколько все это осуществимо и поможет ли он в борьбе с педофилией — пока непонятно...

Список источников

1. Антонян, Ю. М. Педофилия: основные криминальные черты : монография. М. : Проспект, 2012.
2. Логинова, Л. В. Уголовно-правовое и криминологическое исследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2014.
3. Общая сексопатология : Руководство для врачей

/ Г. С. Васильченко, И. Л. Болтнева, Ю. Ю. Винник и др. / Под ред. Г. С. Васильченко. 2-изд., перераб. и доп. М. : Медицина, 2005.

4. URL: <https://www.online812.ru> (дата обращения: 31.06.2021).

5. URL: <https://echo.msk.ru/> Про педофилов (дата обращения: 30.06.2021).

6. URL: <https://echo.msk.ru/blog/sudexpsy/2661605-echo/> Жертвы педофилов (дата обращения: 30.06.2021).

7. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/11680087?nw=1623953767000> / В Москве задержали фотографа Ярослава Полякова за растление малолетних (дата обращения: 30.06.2021).

8. URL: <https://lenta.ru/news/2021/05/26/gorka/> В Москве педофил подкараулил трехлетнюю девочку на детской горке (дата обращения: 30.06.2021).

9. URL: <https://7info.ru/v-ivanovskoj-oblasti-raskryli-rastlevavshih-detej-sirot-vysokopostavlennuyu-bandu-pedofilov/> В Ивановской области раскрыли банду педофилов (дата обращения: 30.06.2021).

10. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210531-v-2020-godu-chislo-polovyh-pre/> Уполномоченный по правам ребенка при Президенте Российской Федерации. Основные статистические данные по вопросам защиты прав и интересов детей (2021 г.) (дата обращения: 10.07.2021).

11. URL: <https://rg.ru> Российская газета 02.03.2012 г. (дата обращения: 10.07.2021).

12. URL: <https://m24.ru/> В Государственную Думу хотят внести законопроект о химической кастрации педофилов (дата обращения: 10.07.2021).

13. URL: <https://ria.ru/> Анна Кузнецова предложила меры по контролю за педофилами (дата обращения: 10.07.2021).

References

1. Antonyan, Yu. M. Pedophilia : the main criminal

features: monograph. М. : Prospect, 2012.

2. Loginova, L. V. Criminal law and criminological research of crimes against the sexual integrity of minors : dis. ... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2014.

3. General sexopathology : A guide for doctors / G. S. Vasilchenko, I. L. Boltneva, Yu. Yu. Vinnik, etc. / Edited by G. S. Vasilchenko. 2nd ed., reprint. and additional М. : Medicine, 2005.

4. URL: <https://www.online812.ru> (accessed: 06/31/2021).

5. URL: <https://echo.msk.ru/> About pedophiles (accessed: 30.06.2021).

6. URL: <https://echo.msk.ru/blog/sudexpsy/2661605-echo/> Victims of pedophiles (accessed: 30.06.2021).

7. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/11680087?nw=1623953767000> / Photographer Yaroslav Polyakov was detained in Moscow for child molestation (accessed: 30.06.2021).

8. URL: <https://lenta.ru/news/2021/05/26/gorka/> In Moscow, a pedophile ambushed a three-year-old girl on a children's slide (accessed: 30.06.2021).

9. URL: <https://7info.ru/v-ivanovskoj-oblasti-raskryli-rastlevavshih-detej-sirot-vysokopostavlennuyu-bandu-pedofilov/> A gang of pedophiles was discovered in the Ivanovo region accessed: 30.06.2021).

10. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210531-v-2020-godu-chislo-polovyh-pre/> Commissioner for Children's Rights under the President of the Russian Federation. Basic statistical data on the protection of the rights and interests of children (2021) (accessed: 10.07.2021).

11. URL: <https://rg.ru> Rossiyskaya Gazeta 02.03.2012 (accessed 10.07.2021).

12. URL: <https://m24.ru/> They want to introduce a bill to the State Duma on the chemical castration of pedophiles (accessed: 10.07.2021).

13. URL: <https://ria.ru/> Anna Kuznetsova proposed measures to control pedophiles (accessed: 10.07.2021).

Информация об авторе

А. А. Семочкина – доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. A. Semochkina – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikiot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 08.11.2021.

The article was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 08.11.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-266-269>

НИОН: 2003-0059-6/21-113

MOSURED: 77/27-003-2021-06-312

Международные стандарты в области защиты прав и свобод человека и гражданина как основа реализации реадмиссионных отношений государствами-членами ЕС

Анастасия Игоревна Серпионова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, anastasia.serpionova@gmail.com

Научный руководитель: профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор **А. С. Прудников**

Аннотация. Рассматривается реализация процедуры реадмиссии государствами-членами ЕС как элемент международных стандартов в области защиты прав и свобод человека и гражданина с целью выявления общих проблем, возникающих при осуществлении данной процедуры как государствами-членами ЕС, так и Российской Федерацией.

Ключевые слова: реадмиссия, Российская Федерация, государства-члены ЕС, нелегальные мигранты, права человека, международные стандарты

Для цитирования: Серпионова А. И. Международные стандарты в области защиты прав и свобод человека и гражданина как основа реализации реадмиссионных отношений государствами-членами ЕС // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 266–269. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-266-269>.

Original article

International standards in the field of protection of human and civil rights and freedoms as the basis for the implementation of readmission relations by the EU member states

Anastasia I. Serpionova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, anastasia.serpionova@gmail.com

Scientific supervisor: Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor **A. S. Prudnikov**

Abstract. This article examines the implementation of the readmission procedure by the EU member states as an element of international standards in the field of protection of human and civil rights and freedoms in order to identify common problems arising in the implementation of this procedure by both the EU member states and the Russian Federation.

Keywords: readmission, Russian Federation, EU member states, illegal migrants, human rights, international standards

For citation: Serpionova A. I. International standards in the field of protection of human and civil rights and freedoms as the basis for the implementation of readmission relations by the EU member states. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):266–269. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-266-269>.

© Серпионова А. И., 2021

В настоящее время между Российской Федерацией и Европейским союзом действует соглашение о реадмиссии 2006 года, в рамках которого был создан особый компетентный орган — совместный комитет. Совместный комитет выступает как механизм контроля, компетентные органы общаются между собой непосредственно в ходе реализации соглашений. Согласно последним статистическим данным с 2010 года по настоящее время, 19 граждан Европейского союза и 416 граждан третьих государств было принято на территорию РФ в ходе реализации процедуры реадмиссии.

Следует отметить, что на сегодняшний день, проблема реадмиссии подвергнута конструктивному осмыслению в связи с практической реализацией государственной миграционной политики. По решению Президента Российской Федерации осуществлена разработка правовых основ о реадмиссии. В настоящее время ряд задач в этой области уже решен, но есть более глубинные и ресурсоемкие вопросы, требующие более детального осмысления. Наиболее ярким примером может служить отсутствие точного определения «реадмиссии», закреплённого в нормативно-правовых актах Российской Федерации.

Правовое регулирование реадмиссии выходит за рамки юрисдикции одного государства, так как «вопросы реадмиссии касаются внешней для государств миграции и могут быть решены только совместными усилиями всех заинтересованных стран посредством заключения международных соглашений». Как справедливо отмечает ряд авторов, «реадмиссия существенно упрощает высылку нелегальных мигрантов, эта процедура эффективно работает только в том случае, если цепочка реадмиссии охватывает все страны, находящиеся на пути нелегального иммигранта» [1]. Процесс заключения соглашений о реадмиссии и, соответственно, сложности, которые могут возникнуть при их заключении и реализации, значительно могут отличаться.

Сотрудничество по вопросам реадмиссии и возвращения между странами ЕС и государствами, не входящими в состав ЕС, должно быть основано на Соглашениях с Европейским Союзом о реадмиссии, которые определяют общие обязательства и процедуры для органов власти стран, не входящих в состав ЕС, и государств ЕС, относительно того, когда и как возвращать лиц, незаконно проживающих в ЕС.

Проанализировав практику иностранных государств, в частности рассматривая правовое поле ЕС, соглашения о реадмиссии являются важным элементом стратегий в сфере миграции не только общей политики Европейского Союза в отношении возвра-

щения, но и государств-членов Совета Европы, в который, входит и Российская Федерация.

Они облегчают и ускоряют исполнение решений о возвращении в отношении нелегальных мигрантов и, предположительно, также служат стимулом для стран происхождения или транзита, которые являются сторонами соглашений о реадмиссии, для улучшения их пограничного контроля. Основная идея, исследуемая в этой статье, заключается в том, представляет ли существование или выполнение соглашений о реадмиссии прямую или косвенную угрозу правам человека. Конкретно стоит рассматривать угрозу правам нелегальных мигрантов находящихся на территории ЕС. Это, в частности, касается риска того, что направляющая или принимающая страна не выполнит свои обязательства по Женевской конвенции 1951 года «О статусе беженцев» и протоколу к ней 1967 года и Европейской конвенции «О правах человека» 1950 года. Российская Федерация также ратифицировала данные конвенции в целях защиты прав и свобод граждан и соблюдает их при реализации реадмиссионных соглашений.

Таким образом, рассматривая, в частности, двусторонние соглашения о реадмиссии между Российской Федерацией и государствами-членами ЕС, возьмем к примеру соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Дания о реадмиссии, отметим что в соглашении подчеркивается, что оно не наносит ущерба правам, обязательствам и ответственности обоих государств по международному праву в области защиты прав человека, закреплённых в упомянутых выше конвенциях.

Соглашения о реадмиссии касаются возвращения нелегальных мигрантов, лиц, которые по тем или иным причинам не имеют права находиться (либо утратили такое право) на территории определенного государства. Мигрант может считаться незаконным по нескольким причинам. Он или она может быть соискателем убежища, чье заявление о предоставлении убежища было отклонено или даже не рассмотрено, или могло въехать в страну без необходимых документов. Страны имеют право высылать нелегальных мигрантов при условии, что высылка не нарушает Женевскую конвенцию 1951 года или другие международные документы по правам человека, включая Европейскую конвенцию о правах человека, Международный пакт о гражданских и политических правах или Конвенцию Организации Объединенных Наций против пыток (1984 г.) [2]. На наш взгляд, процедура реадмиссии в отношении человека не всегда можно считать гуманным актом, в виду многообразия раз-

личных положений этих конвенций, однако всё же существует вероятность недобросовестной реализации данной процедуры. В этом контексте особенно важно сосредоточить внимание на правах граждан третьих стран, именно они подвергаются еще большему риску оказаться в ситуации, когда у них нет доступа к системе убежища.

В соглашениях о реадмиссии повторяется и определяется обязанность государства принимать своих граждан, подвергшихся процедуре реадмиссии. Некоторые соглашения о реадмиссии также устанавливают условия, при которых государства-участники обязаны повторно принимать иностранных граждан стран, которые прошли через их территорию. Сторонники соглашений о реадмиссии утверждают, что такие соглашения нейтральны с точки зрения прав человека и являются всего лишь средством борьбы с нелегальной миграцией [3]. Однако, на наш взгляд нельзя отрицать, что существует риск того, что соглашения о реадмиссии создают угрозу базовым правам нелегальных мигрантов и праву тех, кто нуждается в международной защите, не подвергаться принудительному возвращению.

Стоит отметить, что Парламентская ассамблея Совета Европы рекомендует государствам-членам и Европейскому союзу вести переговоры и применять соглашения о реадмиссии только в отношении стран, которые уважают права человека, и тех, в которых действует действующая система предоставления убежища. Они должны гарантировать, что соглашения о реадмиссии содержат соответствующие правовые гарантии с точки зрения прав человека. Государствам-членам также настоятельно рекомендуется собирать статистические данные о выполнении соглашений о реадмиссии и изучать их влияние, а также рассмотреть возможность создания механизма для мониторинга их использования.

Некоторые опасения у международных правоведов возникают при реадмиссии граждан третьих стран. Нелегальные мигранты, которые возвращаются в страну, которая не является их страной происхождения, могут рисковать оказаться в неустойчивой ситуации, особенно с точки зрения социальных прав. Существует также риск того, что нелегальные мигранты, третьих стран, подвергаемые процедуре реадмиссии, будут отправлены обратно в страну происхождения, не имея возможности подать прошение о предоставлении убежища в любой из стран, через которые они проходят.

Чтобы упростить выполнение обязательств по реадмиссии, ЕС заключил 18 юридически обязывающих

соглашений ЕС о реадмиссии с третьими странами. Однако третьи страны могут неохотно участвовать в переговорах по соглашениям о реадмиссии, в основном из-за внутренних политических соображений, поскольку соглашения такого типа могут быть источником враждебности в обществе. Поэтому с 2016 года уполномоченная комиссия ЕС сосредоточила свое внимание на разработке практических механизмов сотрудничества с третьими странами, и было принято несколько юридически необязательных соглашений о возвращении и реадмиссии. Это вызвало критику, что по своей сути, соглашения о реадмиссии бросают вызов принципам демократической и судебной ответственности.

Подводя итог, следует отметить, что правовое регулирование реадмиссии в Российской Федерации основано на приверженности нашей страны общепризнанным принципам и нормам международного права в области защиты прав и свобод человека и гражданина; соблюдении и защите прав мигрантов, исполнении федеральных законов, иных законодательных актов и международных обязательств Российской Федерации в области миграции. Однако, следует отметить, что в случае нежелания гражданина другого государства, либо лица без гражданства сотрудничать с компетентными миграционными органами нашей страны, так или иначе существует риск того, что процедура реадмиссии будет несколько отличаться от общепризнанных международных стандартов.

Список источников

1. Плюгина, И. В. Проблемы заключения и реализации соглашений о реадмиссии : международно-правовой аспект // Журнал российского права. 2010. 11 с.
2. Соглашение между Российской Федерацией и Европейским Сообществом об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского Союза от 25 мая 2006 года // Электронный ресурс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902035042>.
3. Ястребова, А. Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции : доктринальные подходы и опыт Российской Федерации. Москва, 2017. 580 с.

References

1. Plyugina, I. V. Problems of concluding and implementing readmission agreements : an international legal aspect // Journal of Russian Law. 2010. 11 p.
2. Agreement between the Russian Federation and the European Community on simplification of visa issuance to citizens of the Russian Federation and the European

Union dated May 25, 2006 // Electronic resource. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902035042>.

3. Yastrebova, A. Y. International legal mechanisms of migration regulation : doctrinal approaches and experience of the Russian Federation. Moscow, 2017. 580 p.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Женевская конвенция «О статусе беженцев» 1951 года и протокол 1967 года // СПС «КонсультантПлюс».

3. Европейская конвенция «О защите прав человека и основных свобод» 1950 года // СПС «КонсультантПлюс».

4. Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих досто-

инство видов обращения и наказания от 10 марта 1984 г. Электронный ресурс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900532>.

Bibliographic list

1. Federal law “On legal status of foreign citizens in the Russian Federation” dated 25.07.2002 N 115-FZ // ConsultantPlus.

2. Geneva Convention “To the status of refugees” of 1951 and the Protocol thereto of 1967 // ConsultantPlus.

3. European Convention “About protection of human rights and fundamental freedoms” of 1950 // ConsultantPlus.

4. The UN Convention against torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment of 10 March 1984 Electronic resource. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900532>.

Информация об авторе

А. И. Серпионова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

A. I. Serpionova – Adjunct of the Training Faculty of scientific, educational and scientific training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot’.

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 14.05.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-270-273>

НИОН: 2003-0059-6/21-114

MOSURED: 77/27-003-2021-06-313

Развитие института уголовной ответственности за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем

Анна Владиленовна Скачко¹, Дмитрий Андреевич Ванин²

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия

² Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, dmvanin01@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются основные этапы становления института уголовной ответственности за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, обращается внимание на то, что основы ответственности за указанное преступление можно обнаружить еще в XV веке. На основе анализа дореволюционных, советских и российских нормативных актов делается вывод о современном регулировании рассматриваемого института.

Ключевые слова: легализация доходов, полученных преступным путем, уголовная ответственность, уголовное законодательство, «отмывание» денег

Для цитирования: Скачко А. В., Ванин Д. А. Развитие института уголовной ответственности за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 270–273. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-270-273>.

Original article

Development of the institute of criminal responsibility for the legalization of money or other property acquired in a criminal way

Anna V. Skachko¹, Dmitry A. Vanin²

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, dmvanin01@gmail.com

Abstract. The article examines the main stages of the formation of the institution of criminal responsibility for the legalization of money or other property acquired by criminal means, draws attention to the fact that the foundations of responsibility for this crime can be found back in the 15th century. Based on the analysis of pre-revolutionary, Soviet and Russian regulations, a conclusion is drawn about the modern regulation of the institution in question.

Keywords: legalization of proceeds from crime; criminal liability, criminal legislation, money laundering

For citation: Skachko A. V., Vanin D. A. Development of the institute of criminal responsibility for the legalization of money or other property acquired in a criminal way. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):270–273. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-270-273>.

Становление института ответственности за данное преступление в России берет свое начало еще в эпоху появления первых памятников российского права. Так, например, статья 47 Псковской судной грамоты проводила различие между способами приобретения имущества, разделяя их на законный и не-

законный. Согласно этой статье, для подтверждения факта легальности приобретения имущества, а также самой купли-продажи, совершаемой в процессе торгов, покупателю было необходимо принести присягу о том, что покупаемое имущество было приобретено им легальным путем. Статья 46 Судебника Ивана III не-

много усовершенствовала контроль, устанавливая институт свидетельского подтверждения сделки, и лишь при отсутствии свидетелей допускалось принесение присяги [1, с. 87].

Дальнейшее развитие институт получил в эпоху Ивана IV. Его Судебник 1550 года установил необходимость подтверждения легальности способа приобретения старых вещей, продаваемых на торгах. Отличительной особенностью является необходимость продавца доказать добросовестность владения продаваемыми вещами ввиду частоты случаев продажи краденых вещей. Таким доказательством являлось поручительство постоянных торговцев рыночного ряда. Данное поручительство предоставляло покупателю право на иск в случае, если купленная вещь все же оказалось незаконно приобретенной продавцом, за которого поручались его коллеги. Если такого поручения не было, исковая возможность становилась недоступной [9, с. 69].

Следующим нормативным актом, усовершенствовавшим регулирование данного института, было Соборное Уложение, принятое в период правления Алексея Михайловича Романова. Согласно ему, ответственность наступала не только за совершение преступления, но и за его укрывательство, а также была увеличена важность поручительства. Если ранее отсутствие поручения лишь лишало покупателя возможности предъявления иска, то начиная с 1649 года осуществление сделки без поручительства стало незаконным, правда лишь в отношении подержанных вещей [1, с. 56].

Дальнейшее совершенствование русского уголовного законодательства показало, насколько четко реагировал законодатель на изменения в экономической и социально-политической сферах общественной жизни.

Впоследствии большое влияние на развитие института оказала эпоха Петра I. Прежде всего, нововведения касались солдат, так как нередкими были случаи, когда военная добыча присваивалась и растрачивалась наемными войсками, причем не только на вражеской территории, но и на территории своей страны, что негативно сказывалось на репутации русской армии.

В связи с этим 9 июня 1715 г. была подписана Конвенция с Данией, а также был подписан Трактат с Пруссией. Оба эти акта носили международный характер.

Что касается внутригосударственного регулирования, нововведения получили свое закрепление в Воинском Уставе 1716 г., который установил ответственность за несоблюдение правил при захвате, а также дележе военной добычи [8, с. 287]. Еще этим актом закреплялись условия, по которым имущество признавалось военной добычей, порядок распределения

добычи и ответственность за утаивание имущества, захваченного в ходе боя, а также за его растрату и утаивание [4, с. 206].

Следующим актом, внесшим изменения в регулирование рассматриваемого института, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Статьи 1701 и 1702 были посвящены уже существовавшим ранее аспектам регулирования и не внесли ничего нового в уголовное законодательство, однако в данном уложении присутствовала статья 1705, представившая абсолютно новый состав преступления [10, с. 734]. Этим составом является заклад заведомо украденных вещей, а также налог недвижимого имущества, которое находится под запретом, опекой или секвестром [10, с. 736]. Принятие данных мер противодействия легализации было обусловлено коренными изменениями, происходившими в стране на тот момент. Окончание Крымской войны и отмена крепостного права создали необходимость усиления защиты имущественных прав для ускорения темпов экономического роста страны, что являлось отличительной чертой государственной политики Александра III [4, с. 211]. Стало очевидным, что именно гражданско-правовые сферы, в частности купля-продажа и обмен, являются наиболее уязвимыми для неправомерного завладения имуществом.

Для постреволюционного периода развития России было характерно сохранение существующих норм уголовного законодательства России до революции, поэтому Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. не содержал принципиально новых положений касательно рассматриваемого преступления, за исключением статьи 1.64-а, которая устанавливала уголовную ответственность за приобретение, сбыт и хранение заведомо украденного оружия и боеприпасов для него [12, с. 128].

Для Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. была характерна низкая эффективность и трудность применения соответствующей статьи на практике. Статья 208 упомянутого кодекса предусматривала ответственность за покупку или продажу имущества, добытого нелегальным путем, однако сложность заключалась в том, что предметом преступления могло выступать имущество, которое было получено в результате других преступлений как, например, контрабанда или незаконная вырубка леса. И для применения ст. 208 требовалось сначала установить соответствующие признаки преступления, в результате которого это имущество было получено. Данная оговорка существенно тормозила процесс, что приводило к сокращению числа применений статьи, фактически делая ее бесполезной [3, с. 386].

Статья 174 нового Уголовного кодекса, принятого в 1997 году, стала основой современной модели данной статьи и в дальнейшем усовершенствовалась Фе-

деральными законами. Однако в тот момент данную статью едва ли можно было назвать эффективным методом борьбы с рассматриваемым преступлением. Ввиду сложной обстановки в России в период 90-ых годов финансовый контроль из-за своего несовершенства не мог воспрепятствовать вложению средств, приобретенных преступным путем, в недвижимость, антиквариат, ценные бумаги и т.д. Также из-за неэффективности статьи и трудности ее применения по назначению зачастую имела место чрезмерная уголовная репрессия. Например, человек был освобожден от уголовной ответственности за неуплату налогов, так как имело место деятельное раскаяние, но он также был обвинен по ст. 174 УК РФ из-за подозрения в использовании средств от неуплаты налогов в его предпринимательской деятельности [2, с. 521].

Первым Федеральным законом, усовершенствовавшим данный институт после принятия современного Уголовного кодекса, стал закон от 7 августа 2001 г № 121-ФЗ. Он внес дополнения в ст. 174, а также путем его принятия в УК была добавлена еще одна статья, касающаяся «отмывания» денег — статья 174.1. Причиной ее добавления стала ратификация Страсбургской конвенции. Тем не менее, вторая редакция также не смогла полноценно выполнить поставленную задачу, поэтому она была изменена. За время ее действия не удалось сформировать судебную практику, что также негативно отразилось на результатах, достигнутых этой реформой. Еще одной особенностью, внесенной этим Федеральным законом, является то, что с его принятием ответственность наступала лишь за легализацию имущества, полученного именно преступным путем, а не любым нелегальным, как это было раньше [5].

Новая редакция рассматриваемых статей была введена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. Этот акт внес изменения касательно размеров легализованного дохода: был установлен крупный размер, который стал квалифицирующим признаком, а также было исключено понятие «минимальный размер» легализованного дохода.

Следующим немаловажным этапом развития данного института можно считать принятие Постановления Пленума ВС РФ от 18 ноября 2004 г. Именно данное Постановление позволило упростить и сделать более конкретным применение данных статей на практике.

Говоря о легализации преступных доходов, нельзя не упомянуть, что данная проблема является международной, поэтому на ее решение направлены многие международные акты, целью которых является борьба с организованной преступностью и подрыв ее финансовой основы. Одним из таких актов является уже упомянутая Страсбургская Конвенция от 8 ноября 1990 г.

Впервые термин «отмывание» появился в США

20-ых годов XX века. Тогда преступные группировки использовали сеть прачечных в качестве прикрытия. Они вкладывали полученные от преступлений средства в эти прачечные, которые являлись их бизнесом, чтобы скрыть факт незаконности их получения и в дальнейшем придать этим средствам легальный характер. Решением возникшей проблемы западные законодатели занялись намного позже — лишь в 60-ых годах. Это было обусловлено либерализацией экономики и значительными изменениями в экономической системе. В 1989 году была создана Международная рабочая группа, целью которых была борьба с «отмыванием» денег. Именно с этого момента данное словосочетание получило признание и используется в качестве юридического термина.

На сегодняшний день наиболее благоприятной сферой для совершения данного преступления является сфера налогообложения. Доходы, полученные в результате налоговых преступлений, сегодня превышают по размерам доходы от наркоторговли или проституции, что, безусловно, показывает важность противодействия совершению подобных преступлений, однако было бы неправильно утверждать равенство общественной опасности подобных преступлений, поэтому наиболее эффективной мерой является усовершенствование налогового законодательства, а не ужесточение уголовной ответственности. В связи с этим в 2001 году была декриминализована легализация средств, полученных путем совершения преступлений, предусмотренных статьями 194, 198 и 199 УК РФ [7, с. 50].

Касательно возможных перспектив развития, уже сегодня стало очевидным, что в недалеком будущем стоит ожидать активного использования компьютерных технологий при совершении данных преступлений. На данный момент они используются исключительно как средство связи для облегчения процесса совершения преступления, однако в дальнейшем Интернет-пространство неизбежно станет сферой совершения незаконных операций, которую невозможно регулировать и предотвращать при помощи текущих методов юстиции.

Список источников

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Киев, 1880. 239 с.
2. Клепицкий, И. А. Система хозяйственных преступлений. М. : Статут, 2005. 570 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. В. И. Радченко; научные редакторы А. С. Михлин, И. В. Шмаров. М., 1994. 814 с.
4. Кулюгин, А. И. Правители России. Чебоксары, 1994. 330 с.
5. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финанси-

рованию терроризма: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.

6. Памятники русского права / Под ред. К. А. Софроненко. Законодательные акты Петра I. Вып. 8. М., 1961. 667 с.

7. Пинкевич, Т. В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: Монография. М. : Российская криминологическая ассоциация. 2003. 268 с.

8. Розенгейм, М. П. Очерк истории военно-судебных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. 377 с.

9. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1998. 520 с.

10. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издание одиннадцатое. СПб, 1901. 800 с.

11. Талан, М. В. Преступления в сфере экономической деятельности : вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики. М., 2002. 456 с.

12. Уголовный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий / Составили : Д. Карницкий, Г. Рогинский, М. Строгович. Издание пятое. М., 1932. 167 с.

References

1. Vladimírsky-Budanov, M. F. A textbook on the history of Russian law. Issue 2. Kiev, 1880. 239 p.

2. Klepitsky, I. A. The system of economic crimes. M. : Statute, 2005. 570 p.

3. Commentary on the Criminal Code of the RSFSR / Ed. V. I. Radchenko; scientific editors A. S. Mikhlin, I. V. Shmarov. M., 1994. 814 p.

4. Kulyugin, A. I. Rulers of Russia. Cheboksary, 1994. 330 p.

5. On countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 33 (part I). – Article 3418.

6. Monuments of Russian law / Edited by K. A. Sofronenko. Legislative acts of Peter I. Issue 8. M., 1961. 667 p.

7. Pinkevich, T. V. Criminological and criminal-legal foundations of the fight against economic crime: Monograph. Moscow : Russian Criminological Association. 2003. 268 p.

8. Rosenheim, M. P. An essay on the history of military judicial institutions in Russia before the death of Peter the Great. St. Petersburg, 1878. 377 p.

9. Russian legislation of the X-XX centuries. In nine volumes. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. M., 1998. 520 p.

10. Tagantsev, N. S. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. The eleventh edition. St. Petersburg, 1901. 800 p.

11. Talan, M. V. Crimes in the sphere of economic activity : issues of theory, legislative regulation and judicial practice. M., 2002. 456 p.

12. The Criminal Code of the RSFSR. Article-by-article commentary / Compiled by : D. Karnitsky, G. Roginsky, M. Strogovich. Fifth edition. M., 1932. 167 p.

Информация об авторах

А. В. Скачко – профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России, доктор юридических наук;

Д. А. Ванин – студент международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Information about the authors

A. V. Skachko – Professor of the Department of Organization of Financial, Economic, Material and Technical and Medical Support Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Legal Sciences;

D. A. Vanin – Student of the Faculty of International Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 29.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-274-277>

НИОН: 2003-0059-6/21-115

MOSURED: 77/27-003-2021-06-314

К вопросу о пресечении деяния, содержащего признаки состава административного правонарушения

Сергей Александрович Сойников

Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. С учетом анализа содержания ряда нормативных правовых актов, предлагается уточнение формулировки, регламентирующей деятельность органов исполнительной власти и их должностных лиц по пресечению деяния, содержащего признаки состава административного правонарушения.

Ключевые слова: государственное управление, методы государственного управления, государственное принуждение, административное принуждение, административное пресечение, признаки состава административного правонарушения

Для цитирования: Сойников С. А. К вопросу о пресечении деяния, содержащего признаки состава административного правонарушения // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 274–277. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-274-277>.

Original article

To the question of suppressing an action containing signs of the composition of an administrative offense

Sergey A. Soynikov

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. Taking into account the content of a number of normative legal acts, it is proposed to clarify the wording regulating the activities of executive authorities and their officials to suppress an act containing signs of an administrative offense.

Keywords: public administration, methods of public administration, state coercion, administrative coercion, administrative suppression, signs of the composition of an administrative offense

For citation: Soynikov S. A. To the question of suppressing an action containing signs of the composition of an administrative offense. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):274–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-274-277>.

Одной из основ эффективно функционирующей управляемой системы является оптимальное воздействие субъекта управления на управляемые объекты. В полной мере это относится к социальному управлению. Являясь разновидностью социального управления, государственное управление состоит в воздей-

ствии государственных органов и их должностных лиц на руководство политической, экономической и социально-культурной деятельностью. Методами государственного управления является совокупность способов осуществления такого воздействия.

В зависимости от признака использования власт-

ных полномочий, к методам государственного управления относят убеждение и принуждение. Метод убеждения реализуется с целью формирования или преобразования воли объекта управления в виде разъяснительных, воспитательных и организационных мер, а принуждение, заключается в урегулированном нормами права внешнем воздействии на противоправное поведение объекта управления, путем отрицания его воли. Указанные методы государственного управления взаимосвязаны и выступают в одних и тех же условиях, при этом метод убеждения используется для неопределенного круга лиц, а метод принуждения в отношении конкретных субъектов [2, с. 254].

К признакам государственного принуждения можно отнести: государственно-властный характер; определённые основания и цель применения; наличие противоречия правового характера между государственной и индивидуальной волей; их содержание и др.

Административное принуждение, как разновидность государственного принуждения, представляет собой воздействие на сознание и поведение индивидуальных или коллективных субъектов, целью которого является защита интересов личности, общества и государства. Для административного принуждения характерны все признаки государственного принуждения. При этом административному принуждению присущи определенные особенности и отличительные черты, среди которых можно выделить: регулирование нормами административного права; цель применения; основания применения; перечень мер; кем применяется и в отношении кого.

На сегодняшний день представлены различные подходы к видам мер административного принуждения, их содержанию и последовательности применения. В качестве одного из видов мер административного принуждения указываются меры административного пресечения. Данные меры направлены на принудительное прекращение противоправного деяния, предотвращение его общественно-опасных последствий, а также создание условий для формирования доказательственной базы и возможного привлечения к ответственности [6, с. 200–201]. К мерам административного пресечения относятся меры психического или физического воздействия, а также действия, связанные с ограничениями личного, организационного или имущественного характера. Эти меры достаточно разнообразны, они применяются во многих сферах и областях государственного управления и осуществляются различными органами исполнительной власти и их должностными лицами [1, с.

595]. Меры административного пресечения обладают всеми признаками мер административно-правового принуждения. Особенность состоит в их сущности и целевом назначении.

В зависимости от целей, характера и объекта воздействия, среди мер административного пресечения выделяют общие и специальные. К общим относятся применяемые непосредственно к правонарушителю меры имущественного, технического, финансового и медико-санитарного характера. К специальным — применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Перечень субъектов, реализующих меры административного пресечения достаточно широкий. Среди них должностные лица органов внутренних дел (полиции), войск национальной гвардии Российской Федерации, органов принудительного исполнения, уголовно-исполнительной системы, военной полиции и др.

Анализ ряда нормативных правовых актов, устанавливающих полномочия по применению мер административного пресечения, позволяет сделать вывод о применении формулировки — пресечение административного правонарушения. В качестве примера можно привести положения Федеральных законов «О полиции» [10], «О лицензировании отдельных видов деятельности» [11], «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [12], «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [9], Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [4] и др.

Утверждение, что пресекаемое противоправное деяние является административным правонарушением, представляется преждевременным. Данная формулировка учитывает не в полной мере ряд положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — Кодекс) [5]. К примеру, обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении, обстоятельства, подлежащие выяснению по делу об административном правонарушении, вступление постановления по делу об административном правонарушении в законную силу (ст. 24.5.; 26.1.; 31.1. Кодекса) [7]. В этой связи, целесообразной представляется формулировка, смысл которой носит предположительный (допускающий различные варианты), а не утвердительный (однозначный) характер. К примеру, в Воздушном кодексе Российской Федерации [3] содержится норма, устанавливающая право командира воздушного судна передать правоохранительным органам лиц, в случае совершения ими деяния, содержащего признаки адми-

нистративного правонарушения.

В Кодексе применяется формулировка в виде «... действий (бездействия), содержащих признаки состава административного правонарушения» (ст. 14.1.; ст. 24.5.; 28.6. Кодекса). При этом важно ответить, что Кодексом предусмотрена возможность привлечения к ответственности только в случаях, когда в результате действия (бездействия) правонарушителя имеются все предусмотренные законом признаки состава административного правонарушения [7].

В контексте рассмотрения данного вопроса актуальным представляется отметить формулировки, применяемые в Проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — Проект), среди которых, «... содержащее признаки состава административного правонарушения», а также «... действий (бездействия), содержащих признаки состава административного правонарушения» (соответственно ст. 2.3.; 23.1. Проекта) [8].

Учитывая изложенное представляется целесообразным в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность ряда уполномоченных органов исполнительной власти, а также их должностных лиц, использование формулировки — пресечение деяния, содержащего признаки состава административного правонарушения. В контексте реализации принципа правовой определенности предлагаемая формулировка представляется логичной и понятной для всех пользователей.

Список источников

1. Административное право : учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. 4-е изд., пересмотр. и доп. М. : Норма, 2009.
2. Административное право России. Общая часть : Учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Старостина. М. : ИНФРА-М, 2010.
3. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 24.03.1997, № 12, ст. 1383.
4. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 05.04.2021) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ, 19.08.1993, № 33, ст. 1316.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (от 30.04.2021 № 102-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
6. Корнев, А. П. Административное право России. Учебник. В 3-х частях. Часть I. М. : МЮИ МВД России. Изд-во «Щит-М», 1999.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 19.12.2013) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета, № 80, 19.04.2005.

8. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.05.2020) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru/> по состоянию на 29.05.2020.

9. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.07.1997, № 30, ст. 3590.

10. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.

11. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ, 09.05.2011, № 19, ст. 2716.

12. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.07.2016, № 27 (Часть I), ст. 4159.

References

1. Administrative law : textbook / B. V. Rossinsky, Yu. N. Starilov. 4th ed., revised and supplemented by M. : Norm, 2009.
2. Administrative law of Russia. General part : Tutorial / Edited by Dr. Yurid. Sciences, Professor S. A. Starostin. M. : INFRA-M, 2010.
3. Air code of the Russian Federation dated 19.03.1997 No. 60-FZ (ed. from 30.04.2021) // Collection of legislation of the Russian Federation, 24.03.1997, No. 12, art. 1383.
4. The law of the Russian Federation from 21.07.1993 № 5473-1 (ed. by 05.04.2021) “On the institutions and bodies executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty” // Vedomosti of the SND and the Armed Forces of the Russian Federation, 19.08.1993, No. 33, Article 1316.
5. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (dated 30.04.2021 No. 102-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07.01.2002, No. 1 (Part 1), art. 1.
6. Korenev, A. P. Administrative Law of Russia. Textbook. In 3 parts. Part I. M. : MUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Publishing house “Shield-M”, 1999.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/24/2005 No. 5 (ed. dated 12/19/2013) “On some issues arising in courts when applying the Code of Administrative Offences of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, No. 80, 19.04.2005.

8. A draft “Code of the Russian Federation on administrative offences” (prepared by the Ministry of justice, project ID 02/04/05-20/00102447) (not introduced in the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the text as 29.05.2020) // The text of the document is given in accordance with publication on the website <https://regulation.gov.ru/> as 29.05.2020.

9. Federal law of 21.07.1997 № 118-FZ (ed. from

27.12.2019) “On the enforcement authorities of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation, 28.07.1997, No. 30, art. 3590.

10. Federal law dated 07.02.2011 n 3-FZ (ed. from 05.04.2021) “On police” // Collection of legislation of the Russian Federation, 14.02.2011, No. 7, art. 900.

11. Federal law dated 04.05.2011 № 99-FZ (ed. from 31.07.2020) “On licensing certain types of activities” // Collection of legislation of the Russian Federation, 09.05.2011, No. 19, art. 2716.

12. Federal law of 03.07.2016 n 226-FZ (ed. from 31.07.2020) “About the army national guard of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation, 04.07.2016, No. 27 (Part I), art. 4159.

Информация об авторе

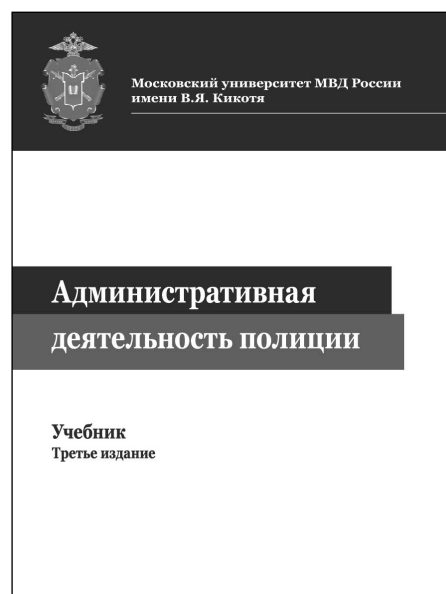
С. А. Сойников – главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Soynikov – Chief Researcher of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.05.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 24.05.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Административная деятельность полиции. Учебник. Под ред. О.В. Зиборова, В.В. Кардашевского. 3-е изд., перераб. и доп. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 346.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-278-284>

НИОН: 2003-0059-6/21-116

MOSURED: 77/27-003-2021-06-315

Практика защиты прав предпринимателей в странах СНГ и дальнего зарубежья

Нариман Абдылхамитович Сулейменов

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
Косшы, Республика Казахстан, narims.kz@mail.ru

Аннотация. Совершенствование любой сферы деятельности государственного органа или учреждения предполагает за собой комплексный подход, включающий в себя детальное изучение имеющейся практики, наработанного опыта, в том числе и зарубежного. Естественно, за основу, во всех случаях берется положительный опыт, способствовавший достижению высоких результатов исследуемой области отношений. Вполне закономерен тезис о том, что наиболее эффективные механизмы защиты прав предпринимателей используются в странах развитого капитализма с высоким уровнем благосостояния населения. В данной научной статье рассмотрим практику защиты прав предпринимателей в странах СНГ и дальнего зарубежья

Ключевые слова: закон, защита прав предпринимателей, предприниматель, опыт, капитализм, ВВП, прокуратура, прокурорский надзор

Для цитирования: Сулейменов Н. А. Практика защиты прав предпринимателей в странах СНГ и дальнего зарубежья // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 278–284. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-278-284>.

Original article

The practice of protecting the rights of entrepreneurs in the CIS countries and far abroad

Nariman A. Suleimenov

Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy city, Republic of Kazakhstan, narims.kz@mail.ru

Abstract. The improvement of any sphere of activity of a state body or institution involves a comprehensive approach, including a detailed study of existing practices, accumulated experience, including foreign ones. Naturally, the basis, in all cases, is taken as a positive experience that contributed to the achievement of high results in the studied area of relations. It is quite natural that the most effective mechanisms for protecting the rights of entrepreneurs are used in countries of developed capitalism with a high level of well-being of the population. In this scientific article, we will consider the practice of protecting the rights of entrepreneurs in the CIS countries and far abroad.

Keywords: law, protection of the rights of entrepreneurs, entrepreneur, experience, capitalism, gdp, prosecutor's office, prosecutor's supervision

For citation: Suleimenov N. A. The practice of protecting the rights of entrepreneurs in the CIS countries and far abroad. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):278–284. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-278-284>.

© Сулейменов Н. А., 2021

По данным международного рейтинга ООН по состоянию на май 2019 года в число 10 самых развитых стран мира входят: Финляндия, Дания, Норвегия, Исландия, Нидерланды, Швейцария, Швеция, Новая Зеландия, Канада, Австрия [8]. При этом, отмечается, что одним из наиболее существенных критериев отнесения перечисленных стран к числу наиболее высоко развитых является уровень ВВП на душу населения, то есть тот показатель, с которым тесно связаны ожидаемая продолжительность жизни, социальная поддержка, уровень коррупции и т.д. Высокий доход на душу населения в указанных странах объясняется созданием идеальных условий развития предпринимательской деятельности.

Что касается роли органов прокуратуры, а также их аналогов в приведенных странах, то необходимо отметить, что во многих из приведенных странах, понятие прокурорского надзора в сфере защиты общественных интересов полностью отсутствует, а полномочия прокуроров в основном, ограничены рамками уголовного процесса. Подобная ситуация отмечается во Франции, Германии, Латвии, Литве, Эстонии. Более того, основная миссия прокуратуры Нидерландов формально входящей в систему правосудия заключается в предоставлении суду объективной информации, основывающейся на двух её важнейших функциях — расследовании и преследовании [9, с. 57]. С учётом мнения о несовместимости понятия общего надзора с идеями построения гражданского общества, оно было исключено из законодательства Азербайджана, Армении, Молдовы и Украины.

В таких государствах как США, Франция и Грузия основная нагрузка по защите прав предпринимателей легла на официально созданные на законодательном уровне институты бизнес-омбудсмена. К числу основных задач, решаемых омбудсменами в этих странах, относится защита прав малого и среднего бизнеса. Например, Институт Национального омбудсмена США специализируется на разрешении и урегулировании конфликтов между государственными органами. Интересен тот факт, что официальному учреждению должности омбудсмена в США предшествовало аналитическое исследование эффективности законодательства, направленного на защиту малого бизнеса от чиновничьего аппарата.

В данном исследовании было использовано такое понятие как «чрезмерные административные меры» воздействия на бизнес, по результатам чего было принято решение о необходимости законодательного учреждения должности, способной стать своего рода арбитром между государственным аппаратом и биз-

несменами [6, с. 88–93].

С одной стороны, существует мнение, что деятельность национального омбудсмена в США не вполне эффективна по причине назначения его Администратором SBA (главой Управления по делам малых предприятий), соответственно, наносится ущерб его независимости. На наш взгляд, подобное положение имеет как свои преимущества, так и недостатки.

Безусловно, национальный омбудсмен, являясь подотчетным органам государственной власти лицом в определенной степени теряет свою независимость. С другой стороны, обладая поддержкой в лице государственного аппарата принуждения может эффективно реагировать на потенциальные угрозы экономике страны в лице бизнес-сообщества.

Максимальная поддержка бизнеса государством может быть реализована лишь при условии принятия комплекса государственных стратегических мер, внедрению и обеспечению которых может способствовать деятельность органов прокуратуры.

Так, Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в августе 2019 года подписал указ «О дополнительных мерах по усилению защиты частной собственности и гарантий прав собственников, коренному совершенствованию системы организации работ по поддержке предпринимательских инициатив, а также расширению доступа субъектов предпринимательства к финансовым ресурсам и производственной инфраструктуре». Данным Указом обозначены приоритетные задачи органов исполнительной власти в сфере защиты прав и интересов субъектов предпринимательства, к числу которых отнесены:

- обеспечение строгого соблюдения принципа приоритета прав и законных интересов субъектов предпринимательства;
- содействие в создании малых промышленных зон на базе бездействующих производственных площадей и нежилых объектов;
- оказание практической помощи в получении доступа к финансовым и товарно-сырьевым ресурсам, инженерно-коммуникационным сетям, освоении субъектами предпринимательства практических навыков по организации инвестиционных и производственных процессов, а также в поиске надежных партнеров и новых рынков сбыта продукции;
- принятие систематических мер по широкому вовлечению населения в предпринимательскую деятельность [4].

При этом, в стране с 1 апреля 2019 года полномочия по контролю проверок деятельности предприни-

мателей переданы из надзорного ведомства бизнес-омбудсмену. Из ведения Генеральной прокуратуры также передана единая система электронной регистрации проверок как отмечается в документе, решения бизнес-омбудсмена в части проверок являются обязательными для исполнения контролирующими органами. Кроме того, бизнес-омбудсмен получил право принимать меры по привлечению к ответственности виновных должностных лиц за нарушения законодательства во время проведения проверок. Одновременно с этим, указом Президента также упразднены должности заместителей Генерального Прокурора, ответственных за осуществление надзора за исполнением законодательства в сфере осуществления таможенных и налоговых реформ, а также за защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательства. При этом, в структуре прокуратуры высвобождено 1198 сотрудников, 87 из которых укомплектовали аппарат бизнес-омбудсмена, 470 перешли в подразделения Государственного налогового комитета.

Полностью изменились подходы и принципы осуществления контроля и надзора за деятельностью предпринимателей, а бизнес-омбудсмен наделен полномочиями по координации всей работы государственных органов в вопросах проведения проверок и принятия комплексных мер по защите бизнеса от незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность.

Создана абсолютно новая модель государственного контроля и надзора. В первую очередь, это: отмена плановых проверок и переход на проверки по системе оценки рисков; введение возможности страхования субъектов предпринимательства и аудита деятельности, как альтернативы проверкам; проведение выборочных точечных проверок только в отношении потенциальных нарушителей; усиление роли бизнес-корпораций и внедрение института Уполномоченного по защите прав предпринимателей; значительное сокращение требований, предъявляемых в ходе проверок предпринимателям.

Надо сказать, что сам институт омбудсмена в Узбекистане был учрежден в мае 2017 года и его полномочия включали также направление государственным органам предостережений о недопустимости нарушений законодательства, внесение руководителям этих органов представлений об устранении выявленных нарушений законодательства, причин и условий им способствующих, а также обращение в суды с исками и заявлениями в интересах субъектов предпринимательства [5, с. 19–23]. Это ещё раз подтверждает тезис о том, что в странах с наиболее развитой экономикой,

на которые в своей экономической политике ориентируется Узбекистан, прокурор реализует свои функции в основном исключительно в уголовном процессе. К примеру, деятельность прокуратуры Японии ограничена исключительно функциями надзора в уголовно-правовой сфере, при этом страна с 1945 года реализует государственные программы поддержки бизнеса, основанные на применении следующих элементов государственного регулирования:

Первым из них является активное центральное правительство и стабильный аппарат чиновников, в лице Министерства финансов и Министерства международной торговли и промышленности. Эти два ведомства играют ключевую роль в государственной поддержке экономики и предпринимательства, более ни один государственный орган не вмешивается в дела бизнеса, тем более органы прокуратуры.

Следующим элементом является выделение приоритетных отраслей для ускоренного экономического роста. Правительство, определяя отрасли, нуждающиеся в государственной поддержке, разрабатывает соответствующие законы и инструкции, которые направляются для исполнения в корпорации.

Начиная с 50-х–60-х годов 20-го века государство применяло различные финансовые меры поддержки отдельных отраслей. На сегодняшний день государственная поддержка сосредоточена на вопросах развития информационных технологий и цифровизации экономики. Акцент на расширение экспорта в целевых отраслях — следующий элемент вмешательства государства в экономику страны. Целевые экспортные отрасли получают льготы в области налогообложения, а именно ускоренную амортизацию, финансирование по ставкам ниже рыночных, низкие ставки кредитования. К необходимым условиям оздоровления экономики японцы относят также ограничение прямых иностранных инвестиций, мягкое антимонопольное законодательство, реструктуризацию промышленности под руководством правительства, официальное разрешение картелей, спонсируемые правительством совместные проекты исследований и разработок, ясно обозначенную макроэкономическую политику [1, с. 75].

Совокупность приведенных мероприятий позволила сформировать понятие японского экономического чуда — феноменального роста японской экономики с середины 50-х годов до 1973 года.

Ни в одном нормативном акте о деятельности прокуратуры Японии нет какого-либо упоминания о необходимости поддержки предпринимательства, в то же время от надзорного ведомства требуется простое и эффективное выполнение возложенных законом функ-

ций в уголовном процессе и надзоре за исполнением наказаний. Естественно, косвенным образом, посредством обеспечения законности в уголовном процессе, прокуратура Японии способствует восстановлению нарушенных прав предпринимателей, пострадавших от преступных посягательств, но напрямую никаким образом не вмешивается в реализацию государственной политики защиты бизнеса.

Аналогичным образом в законодательстве Норвегии отсутствует акцент на необходимость обеспечения прав предпринимателей посредством реализации своих полномочий органами прокуратуры, которая осуществляет надзор за полицией и обеспечивает поддержание государственного обвинения, поддержка бизнеса в этой стране осуществляется правительством и специальными фондами [2, с. 113].

Анализ положений международных актов, региональных договоров и конституций зарубежных стран позволяет сделать выводы о том, что право на свободу предпринимательской деятельности рассматривается в совокупности с признанием и обеспечением права человека на собственность. Из указанного следует, что всенародное признание взаимного интереса как правомерной причины ограничения права собственности определяет общественную функцию собственности, которая гарантирует реализацию и ряда других прав. К примеру, в Великобритании исторически сложилась концепция защиты прав собственника, который пользуясь плодами своей собственности, извлекает из неё доход. Именно в этом контексте практически каждый предприниматель рассматривается как собственник имущества, поскольку согласно английским законам для регистрации в качестве субъекта предпринимательства бизнесмен должен иметь в собственности имущество либо его денежный эквивалент равно не менее 300 английским фунтам [3, с. 37].

К числу одного из наиболее охраняемых за рубежом прав, касающихся интересов бизнеса относится авторское право, нарушения которого преследуются и в уголовном порядке.

В США обязательным условием наступления уголовной ответственности за это правонарушение является доказанность незаконного использования чужой интеллектуальной собственности с целью наживы. При этом, участвующий в судебном разбирательстве прокурор должен показать суду основные элементы авторских прав: действительность владения авторским правом и нарушение его, а также тот факт, что правонарушитель самовольно нарушил права или, иными словами, обладал необходимой субъективной стороной преступления [7, с. 14].

Следует отметить, что эффективность многих механизмов защиты прав предпринимателей за рубежом основывается на ментальности общества. В цивилизованном обществе высокого экономического благополучия отношение к бизнесу обеспечивается многолетними традициями формации частного капитала.

Говоря о таком распространенном в Республике Казахстан явлении как принудительное привлечение субъектов частного предпринимательства к благотворительности и иным мероприятиям со стороны должностных лиц государственных органов надо отметить, что, к примеру, в Уголовном Кодексе Норвегии подобные действия могут квалифицироваться как незаконное использование должностным лицом, своего служебного положения с целью склонения лица или организаций к совершению определённых действий (ст. 124 УК Норвегии).

В Уголовном Кодексе Швеции предусмотрена ответственность лица, которое путем незаконного принуждения склоняет другого совершить какие-либо действия, которые повлекут выгоду для лица, совершившего преступление и убытки для принуждаемого лица (ст. 4, главы 9 УК Швеции).

Наконец, по этому же пути пошёл и Узбекистан, где аналогичная норма содержится в новой главе 13.1 Уголовного Кодекса Узбекистана являющейся гарантией защиты индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, от незаконного вмешательства должностных в законную предпринимательскую деятельность.

Статьей 78 Предпринимательского кодекса РК установлено, что защита прав и законных интересов субъектов предпринимательства — участников благотворительности, гарантируется и поддерживается государством. Согласно статье 3 Закона РК «О благотворительности» от 16 ноября 2015 года благотворители принимают участие в благотворительности на основе принципов законности, равноправия, добровольности и гласности.

Принцип добровольности заключается в соблюдении правового режима, устанавливающего право благотворителя оказывать благотворительную помощь пользователю и право пользователя получать или не получать ее без принудительного воздействия со стороны третьих лиц.

В пункте 5 Этического кодекса государственных служащих Республики Казахстан (утвержден Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года) указывается, что государственные служащие должны: обеспечивать законность и справедливость принимаемых решений; своими действиями и

поведением не давать повода для критики со стороны общества, не допускать преследования за критику, использовать конструктивную критику для устранения недостатков и улучшения своей деятельности; не использовать служебное положение для оказания влияния на деятельность государственных органов, организаций, государственных служащих и иных лиц при решении вопросов личного характера.

В этой связи предлагается ввести в Уголовный Кодекс Республики Казахстан статью 249-1. «Принудительное привлечение субъектов частного предпринимательства к благотворительности и иным мероприятиям», которая будет состоять в следующем: принудительное привлечение субъектов частного предпринимательства лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, или лицом, занимающим ответственную государственную должность, либо должностным лицом, к благотворительности и иным мероприятиям, связанным с оказанием услуг, либо передачей денежных средств, товаров и иного имущества, принадлежащих предпринимателю, если это повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, — наказывается штрафом в размере до двух тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до шестисот часов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок, с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Предлагаемый состав определен как материальный. Санкции статьи установлены в пределах уголовных правонарушений, предусмотренных главой 8 УК. По тяжести предлагаемая статья отнесена к категории преступлений небольшой тяжести. Объектом данного правонарушения являются общественные отношения между органами власти и предпринимателем по вопросу оказания материальной помощи при проведении благотворительности и иных мероприятий.

Объективная сторона выражается в принуждении субъектов предпринимательства к участию в благотворительной деятельности без соблюдения принципа свободы при проведении и участии в благотворительности.

Субъект правонарушения — специальный, то есть лицо, уполномоченное на выполнение государственных функций, либо приравненное к нему лицо, или

лицо, занимающим ответственную государственную должность, либо должностное лицо. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Винный осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит негативные последствия и желает их наступления.

Ещё одним предложением, выработанным на основе изучения законодательства наших соседних стран — Узбекистана и Кыргызстана является необходимость криминализации нарушений порядка и сроков проведения проверки субъектов частного предпринимательства. Обоснованием этого предложения является следующее.

Не секрет, что усилиями государственных органов наметились значительные улучшения по вопросам защиты бизнеса в части сокращения количества проверок субъектов предпринимательства в 2 раза (с 246 тысяч в 2012 г. до 100 тысяч в 2018 г.). Начата поэтапная автоматизация госконтроля и надзора субъектов бизнеса: от отбора проверяемых объектов до учета результатов проверочных мероприятий. Для этого в рамках Госпрограммы «Цифровой Казахстан» разработан Единый реестр субъектов и объектов проверок (ЕРСОП). По состоянию на октябрь 2019 года в автоматизированной системе ЕРСОП учтено свыше 90 тысяч проверок.

Вместе с тем, попытки назначения необоснованных проверок полностью не искоренены. Только за 9 месяцев 2019 года органами прокуратуры еще на стадии регистрации пресечено 340 фактов незаконных проверок.

Проведение незаконных проверок причиняет ущерб в виде необоснованного приостановления работы предприятия и упущенной выгоды, что существенно подрывает доверие предпринимателей и инвесторов, и как результат, отрицательно сказывается на показателе «Защита прав инвесторов в Казахстане» в мировом рейтинге DoingBusiness.

На сегодня в Уголовном Кодексе отсутствует отдельная норма об уголовной ответственности служащих контролирующих и надзорных органов за нарушения требований к организации и проведению проверок в отношении субъектов предпринимательства. В действующем законодательстве предусмотрена лишь административная (ст. 175 КРКоАП) и дисциплинарная ответственность за данное правонарушение.

Согласно статистическим данным за период с 2015 по 10 мес. 2019 г. к административной ответственности по ст. 175 КРКоАП, привлечено всего 79 лиц (2015 г. — 0, 2016 — 0, 2017 — 0, 2018 — 47, 10 мес.

2019 — 32), по ст. 175-1 — 4 лица (2015 г. — 0, 2016 — 0, 2017 — 0, 2018 — 3, 2019 — 1). По указанным статьям протоколы об административных правонарушениях составляет уполномоченный орган по предпринимательству в лице Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Вместе с тем, в регионах отсутствуют территориальные подразделения этого министерства.

Кроме того, согласно 32 КРКоАП сотрудники правоохранительных органов к административной ответственности за незаконные проверки субъектов предпринимательства не подлежат, так как на них распространяется дисциплинарная ответственность.

Наложение дисциплинарных взысканий возможно не позднее одного месяца со дня обнаружения дисциплинарного проступка и шести месяцев со дня его совершения.

С января 2020 года вступило в силу решение Главы государства о трехлетнем запрете на проверки субъектов микро- и малого бизнеса.

Таким образом, в целях обеспечения защиты прав предпринимателей, полагаем необходимым криминализовать ст. 175 КРКоАП, так как именно уголовное наказание за правонарушение продолжает оставаться одним из эффективных инструментов предупреждения правонарушений. Предлагаемый состав определен как материальный.

Объектом указанного правонарушения являются общественные отношения, возникающие в связи с проведением проверок контрольно-надзорными органами субъектов частного предпринимательства, тогда как объективную сторону образуют действия, связанные с нарушением порядка и сроков проведения проверки субъектов частного предпринимательства, а равно инициирование и (или) проведение незаконных проверок деятельности субъектов предпринимательства.

Субъект правонарушения — специальный, то есть лицо, уполномоченное на выполнение государственных функций, либо приравненное к нему лицо, или лицо, занимающее ответственную государственную должность, либо должностное лицо. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит негативные последствия и желает их наступления.

Подводя итоги можно отметить следующее. В сравнении с большинством зарубежных стран, а также с учётом наличия в Конституции Республики Казахстан понятия «высший надзор» автор приходит к выводу, что законодательно органы прокуратуры Казахстана имеют в своём распоряжении один из самых

больших арсеналов правовых средств и обширный круг полномочий по их эффективной реализации. Реализация механизмов защиты прав бизнеса в большинстве зарубежных стран возложена на иные структуры и уполномоченные государственные органы, в том числе на институт бизнес-омбудсмана. Классический прокурорский надзор за исполнением законов в социально-экономической сфере, касающейся защиты общественных интересов, или так называемый «общий надзор» в той или иной мере сохранён лишь на территории некоторых стран СНГ — РК, РФ, Беларуси, Узбекистане, при этом в последнем из перечисленных, именно в сфере защиты бизнеса он фактически ликвидирован в 2019 году. Повышение эффективности прокурорской деятельности в сфере защиты бизнеса напрямую зависит от уровня взаимодействия с иными органами государственной власти, неправительственными организациями и общественными объединениями на примере взаимодействия органов государственной власти с бизнесом в таких государствах как Швейцария, Япония и т.д. Максимальная защита прав бизнеса может быть обеспечена лишь посредством комплекса государственных мер, направленных на укрепление экономики страны: создание льготных налоговых режимов, ограничение прямых иностранных инвестиций, акцент на расширение экспорта и т.д.

Основываясь на изученном зарубежном опыте, предлагается ввести в Уголовный Кодекс РК уголовную ответственность за принудительное привлечение субъектов частного предпринимательства к благотворительности и иным мероприятиям, а также за нарушения порядка и сроков проведения проверки субъектов частного предпринимательства на примере законодательства Узбекистана и Кыргызстана.

Список источников

1. Воробьёва, Н. А. Особенности японской модели государственного регулирования экономики // Известия Восточного института. 2007. С. 75.
2. Воронин, А. В. Об организации и устройстве прокурорской деятельности в некоторых зарубежных странах // Уголовная юстиция. 2018. №12. С. 113.
3. Зеко, Л. Ю. Конституционное право на свободу предпринимательства в России и Великобритании [Текст] / Л. Ю. Зеко // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 37–40.
4. Латипов, Ш. Президент подписал новый указ о защите прав предпринимателей // Газета. UZ. 13 августа 2019 г.
5. Осмонов, Г. Координировать проверки узбекских бизнесменов с апреля будут по-новому // Юри-

дикфанларахборотномаси – Вестник юридических наук. № 2. 2019. С. 19–23 .

6. Самусик, А. М. Особенности функционирования института уполномоченного по защите прав предпринимателей в зарубежных странах // Евразийская адвокатура. № 6 (19). 2015. С. 88–93.

7. Сарычев, С. Б. ответственность за нарушение авторских прав в странах Азии и Америки // Мысль. 2017. № 4. С. 14–18.

8. Топ-10 самых счастливых стран мира. 13.05.2019 // Вести. Экономика. <https://www.vestifinance.ru/articles>.

9. Фоккенс, Я. В. Позиция службы общественной прокуратуры в Нидерландах // «Заңжәне заман». № 2. 2011. С. 57–60.

References

1. Vorobyeva, N. A. Features of the Japanese model of state regulation of the economy // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2007. P. 75.

2. Voronin, A.V. On the organization and structure of prosecutor's activity in some foreign countries // Criminal justice. 2018. No. 12. P. 113.

3. Zeko, L. Yu. The constitutional right to freedom of entrepreneurship in Russia and Great Britain [Text] / L. Yu. Zeko // Gaps in Russian legislation. 2015. No. 1. P. 37–40.

4. Latipov Sh. The President signed a new decree on the protection of the rights of entrepreneurs // Газета. UZ. August 13, 2019.

5. Osmonov, G. Coordinate inspections of Uzbek businessmen since April will be in a new way // Yuridikfanlarakhborotnomasi – Bulletin of Legal Sciences. No. 2. 2019. P. 19–23.

6. Samusik, A. M. Features of the functioning of the Institute of the Commissioner for the Protection of the rights of entrepreneurs in foreign countries // The Eurasian Bar. No. 6 (19). 2015. P. 88–93.

7. Sarychev, S. B. Responsibility for copyright infringement in the countries of Asia and America // Mysl. 2017. No. 4. P. 14–18.

8. Top 10 happiest countries in the world. 13.05.2019 // Vesti. Economy. <https://www.vestifinance.ru/articles>.

9. Fokkens, Ya. V. The position of the Public Prosecutor's Office in the Netherlands // “Zanjane zaman”. No. 2. 2011. P. 57–60.

Информация об авторе

Н. А. Сулейменов – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Information about the author

N. A. Suleimenov – Doctoral Candidate of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 13.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 342.92

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-285-288>

НИОН: 2003-0059-6/21-117

MOSURED: 77/27-003-2021-06-316

Меры, принимаемые сотрудниками органов внутренних дел по противодействию административным правонарушениям, посягающим на здоровье граждан

Камиль Арифович Султанов¹, Рустам Абдулкадирович Шихнабиев²

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, mpkr@mail.ru

² Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Домодедово, Московская область, Россия, rustamkaluga@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящается мерам, принимаемым сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения по противодействию административным правонарушениям, предусмотренным ст. 6.8, 6.9 (ч. 2 ст. 20.20) КоАП РФ. В статье раскрывается порядок действия при обнаружении признаков данного вида административных правонарушений, а также порядок взаимодействия сотрудник подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения с другими подразделениями полиции по привлечению граждан к административной ответственности за совершенные правонарушения.

Ключевые слова: сотрудник полиции, безопасность дорожного движения, наркотические средства, психотропные вещества, противодействие, административная ответственность

Для цитирования: Султанов К. А., Шихнабиев Р. А. Меры, принимаемые сотрудниками органов внутренних дел по противодействию административным правонарушениям, посягающим на здоровье граждан // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 285–288. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-285-288>.

Original article

Measures taken by employees of the internal affairs bodies to counteract administrative offenses that infringe on the health of citizens

Kamil A. Sultanov¹, Rustam A. Shikhnabiev²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, mpkr@mail.ru

² All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Moscow region, Russia, rustamkaluga@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to measures taken by employees of road safety departments to counteract administrative offenses under article 6.9 (part 2 of article 20.20), article 6.8 of the administrative Code of the Russian Federation. The article describes the procedure for detecting this type of administrative offenses, as well as the procedure for interaction of employees of road safety units with other police units to bring citizens to administrative responsibility for committed offenses.

Keywords: police officer, road safety, narcotic drugs, psychotropic substances, counteraction, administrative responsibility

For citation: Sultanov K. A., Shikhnabiev R. A. Measures taken by employees of the internal affairs bodies to counteract administrative offenses that infringe on the health of citizens. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):285–288. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-285-288>.

Вопрос обеспечения безопасности дорожного движения является весьма актуальным. Как следует из постановления Правительства РФ от 3 октября 2013 г. «О федеральной целевой программе «Повышение без-

опасности дорожного движения в 2013–2020 годах», «...ежегодно в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий погибают или получают ранения свыше 275 тыс. человек. За 9 лет в

© Султанов К. А., Шихнабиев Р. А., 2021

дорожно-транспортных происшествиях погибло 9 852 ребенка в возрасте до 16 лет, было травмировано 209 223 детей. Демографический ущерб от дорожно-транспортных происшествий и их последствий за 2004–2011 годы составил 571 407 человек» [1].

Пьяная езда является одной из основных причин ДТП с тяжкими последствиями [2].

По данным судебной статистики по административным правонарушениям, предусмотренным ст. 12.8 КоАП РФ за 2019 год было подвергнуто административному наказанию 251 534 граждан [3].

Сотрудники подразделений полиции по обеспечению безопасности дорожного движения при несении службы руководствуются Приказом МВД России от 23.08.2017 N 664 (ред. от 21.12.2017) «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопас-

ности дорожного движения» [4] (далее — Приказ). В пункте 6.9 Приказа предусмотрено, что должностные лица при осуществлении федерального государственного надзора имеют право направлять и (или) доставлять на медицинское освидетельствование в соответствующие медицинские организации граждан для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств, а также проводить освидетельствование указанных граждан на состояние опьянения в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Данная норма не означает, что все граждане, управляющие транспортными средствами, могут быть направлены на медицинское освидетельствование. Для этого должны быть основания полагать, что гражданин находится в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. К признакам алкогольного опьянения относятся: резкий запах алкоголя изо рта, несвязанная речь, шаткая походка, эмоциональная неустойчивость, неадекватность поведения, в том числе сопровождающаяся нарушением общественных норм, демонстративными реакциями (таблица 1).

Таблица 1

Общие признаки употребления наркотиков [5]

<u>Внешние признаки:</u>	<u>Поведенческие признаки:</u>	<u>Признаки — улики:</u>
<ul style="list-style-type: none"> -бледность кожи; -расширенные или суженные зрачки; -покрасневшие или мутные глаза; -замедленная речь; -плохая координация движений 	<ul style="list-style-type: none"> -увеличивающееся безразличие к происходящему рядом; -уходы из дома и прогулы в школе; -трудность в сосредоточении, ухудшение памяти; -неадекватная реакция на критику; -частая и неожиданная смена настроения; -необычные просьбы дать денег; -пропажа из дома ценностей, одежды и др. вещей; -частые необъяснимые телефонные звонки; -появление новых подозрительных друзей; -потеря аппетита, похудение, иногда чрезмерное потребление пищи; -хронический кашель 	<ul style="list-style-type: none"> - следы от уколов, порезы, синяки; - свёрнутые в трубочку бумажки, маленькие ложечки, капсулы, бутылки, пузырьки

После прохождения медицинского освидетельствования и подтверждения, что лицо находится в состоянии опьянения, на гражданина составляется протокол об административном правонарушении по ст. 12.8 КоАП РФ и направляется для рассмотрения мировому судье по подсудности, на основании ст. 23.1 КоАП РФ [6].

При наличии признаков — улик употребления наркотиков, сотрудники подразделений полиции по обеспечению безопасности дорожного движения вправе произвести личный досмотр граждан находящихся в транспортном средстве, а также самого транспортного средства и при обнаружении предметов, предназначенных для хранения или употребления наркотических средств или похожих на наркотические средства, должны сообщить в ближайшее подразделение полиции, где сотрудники следственно-оперативной группы должны изъять данные предметы и вещества и направить на ис-

следование. Также сотрудники полиции, должны опросить граждан, на предмет нахождения изъятых предметов и веществ в транспортном средстве.

В случае, если по результатам исследования вес изъятых наркотических средств или психотропных веществ окажется значительным, крупных или особо крупным размером, согласно таблице размеров наркотических средств, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2012 № 1002 [7] (далее — Таблица), то возбуждается уголовное дело по статье 228 УК РФ [8]. Если вес вещества ниже значительного размер, который указан в Таблице, то в это случае по материалу проверки проводится административное расследование по статье 6.8 КоАП РФ.

В случае, когда сотрудники подразделений полиции по обеспечению безопасности дорожного движения выявляют граждан, управляющих транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения, то

они обнаруживают сразу несколько административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.8 и ст. 6.9 (ч. 2 ст. 20.20) КоАП РФ. Гражданин, который сел за руль в состоянии наркотического опьянения где-то употребил наркотическое средство, в общественном или не в общественном месте. Согласно Приказу МВД России от 30 августа 2017 г. N 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» [9], сотрудники подразделений полиции по обеспечению безопасности дорожного движения имеют право составлять любые протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 28.3 КоАП РФ, в том числе предусмотренных ст. 6.8, ст. 6.9, ч.2 ст. 20.20 КоАП РФ.

В настоящее время сложилась такая практика, что сотрудники полиции по обеспечению безопасности дорожного движения при выявлении гражданина, управляющего транспортным средством в состоянии наркотического опьянения, составляют в отношении только протокол об административном правонарушении по ст. 12.8 КоАП РФ, а по признакам состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.8, ст. 6.9 (ч. 2 ст. 20.20) КоАП РФ, копирует материал проверки и направляют в территориальный отдел полиции для составления в отношении граждан протоколов по соответствующим статьям за употребление и хранение наркотических средств и психотропных веществ, хотя по всем этим правонарушениями административное дело рассматривает мировой судья. В этом случае проводится «двойная работа». Сотрудник полиции охраны общественного порядка получив рапорт сотрудника подразделения полиции обеспечения безопасности дорожного движения, об обнаружении признаков административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8, ст. 6.9 (ч.2 ст. 20.20), КоАП РФ, начинает искать правонарушителя, который довольно часто выключает свой номер телефона, отсутствует по месту жительства или просто скрывается от сотрудников полиции. При этом в материале проверки по факту употребления и хранения наркотических средств, гражданин не опрошен. Также к моменту получения соответствующего административного материала сотрудником полиции охраны общественного порядка, могут истечь сроки давности привлечения к административной ответственности. В таком случае лицо, совершившее правонарушение избегает административной ответственности.

Таким образом, законодательная база по взаимодействию сотрудников подразделений полиции по обеспечению безопасности дорожного движения с другими службами и подразделениями полиции, по выявлению и пресечению административных правонарушений, требует дальнейшего совершенствования.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. N 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. // [Режим доступа]: <https://base.garant.ru/70467076/>
2. Пьяная езда является одной из основных причин ДТП с тяжкими последствиями [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://59.mvd.pf/news/item/13112551/>
3. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://судебнаястатистика.pf/stats/adm/t/31/s/1>.
4. Приказ МВД России от 23.08.2017 N 664 (ред. от 21.12.2017) «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280037/
5. Симптомы наркотического опьянения [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: https://mvd.pf/mvd/structure1/Glavnie_upravljenija/gunk/родителям-и-детям/это-должен-знать-каждый/симптомы-наркотического-опьянения.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
7. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 N 1002 (ред. от 29.07.2020) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136206/
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
9. Приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных

правонарушениях и осуществлять административное задержание» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://base.garant.ru/71792502/>

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 3, 2013 N 864 “On the federal target program” Improving road safety in 2013-2020” (with amendments and additions) [Electronic resource] // [Access mode]: <https://base.garant.ru/70467076/>

2. Drunk driving is one of the main causes of road accidents with serious consequences [Electronic resource] // [Access mode]: <https://59.мвд.рф/news/item/13112551/>

3. Judicial statistics of the Russian Federation [Electronic resource] // [Access mode]: <http://судебнаястатистика.рф/stats/adm/t/31/s/1>.

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 23.08.2017 № 664 (ed. of 21.12.2017) “On approval of the Administrative Regulations for the execution by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the state function for the implementation of the federal state supervision over the observance by road users of the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety” [Electronic resource] // [Access mode]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280037/

5. Symptoms of narcotic intoxication [Electronic resource] // [Access mode]: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/gunk/родителям-и-детям/это-

должен-знать-каждый/симптомы-наркотического-опьянения.

6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (with amendments and additions). [Electronic resource] // [Access mode]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

7. Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.10.2012 № 1002 (ed. of 29.07.2020) “On Approval of Significant, Large and Especially Large Sizes of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, as Well as Significant, Large and Especially Large Sizes for Plants containing Narcotic Drugs or psychotropic Substances, or Their Parts containing Narcotic Drugs or psychotropic Substances, for the purposes of Articles 228, 228.1, 229 and 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation” [Electronic resource] // [Access mode]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136206/

8. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 31.07.2020) [Electronic resource] // [Access mode]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

9. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of August 30, 2017 № 685 “On officials of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation authorized to draw up protocols on administrative offenses and carry out administrative detention” [Electronic resource] // [Access mode]: <https://base.garant.ru/71792502.>

Информация об авторах

К. А. Султанов – доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент;

Р. А. Шихнабиев – адъюнкт кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений для охраны общественного порядка и подразделений по вопросам миграции Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России.

Information about the authors

K. A. Sultanov – Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

R. A. Shikhnabiev – Adjunct of the Department of Training of Police Officers for Public Order Units and Migration Units of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 22.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 342.922

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-289-292>

НИОН: 2003-0059-6/21-118

MOSURED: 77/27-003-2021-06-317

«На доступной игле»: почему наркотики имеют большую распространённость среди подростков и пути контролирования их потребления

Инна Викторовна Федорова¹, Ирина Александровна Ржаницына², Дарья Сергеевна Клокова³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ karnavalinna73@mail.ru

² irina-makharinova@mail.ru

³ danial.kloкова.01@mail.ru

Аннотация. Проведен криминологический анализ большой распространённости наркотиков среди подростков, характерного для Российской Федерации; рассмотрены актуальные проблемы пути контролирования потребления наркотиков.

Ключевые слова: полиция, граждане, наркотики, социальный опрос, подростки, пути решения, родители, актуальные проблемы

Для цитирования: Федорова И. В., Ржаницына И. А., Клокова Д. С. «На доступной игле»: почему наркотики имеют большую распространённость среди подростков и пути контролирования их потребления // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 289–292. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-289-292>.

Original article

“On the access needle”: why drugs are more widespread among children and ways to control consumption

Inna V. Fedorova¹, Irina A. Rzhantsyna², Daria S. Kloкова³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ karnavalinna73@mail.ru

² irina-makharinova@mail.ru

³ danial.kloкова.01@mail.ru

Abstract. The article provides a criminological analysis of the high prevalence of drugs among adolescents and children, which is typical for the Russian Federation; discusses current problems and ways to control consumption of narcotic drugs.

Keywords: police, citizens, drugs, social survey, teenagers, solutions, parents, current problems

For citation: Fedorova I. V., Rzhantsyna I. A., Kloкова D. S. “On the right needle”: why drugs are more widespread among children and ways to control consumption. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):289–292. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-289-292>.

В современном обществе, проблема употребления наркотических средств подростками стала пугающе возрастающей в России [2], их употребление стало обычным явлением среди современной молодежи. Зачастую несовершеннолетние употребляют наркотики из-за боязни быть непонятыми или немодными. По статистике, подростковая наркомания стала настоящей проблемой в стране. По данным Министерства

© Федорова И. В., Ржаницына И. А., Клокова Д. С., 2021

внутренних дел Российской Федерации, 70 % наркозависимых составляют подростки и молодые люди. Не менее 56 % мальчиков и 20 % девочек хотя бы раз употребляли наркотики или психоактивные вещества, в то время как 45 % мальчиков и 18 % девочек продолжают употреблять наркотики [3].

Несовершеннолетнему, испытывающему трудности в общении со своей семьей, кажется, что его употребляющие друзья прекрасно понимают его, и он в силах заменить свою семью и школу наркотиками.

Наркотики сейчас распространены среди молодежи прежде всего потому, что подросток еще не сформировался как личность, а уже хочет стать взрослым. Первую дозу наркотиков подросток обычно пробует в компании друзей, в клубе, на дискотеке, в школе. Он делает это исключительно из любопытства, когда, услышав о крутых последствиях от своих друзей, не понимает, что эта эйфория мимолетна и очень зависима. Во многих случаях наркомания в подростковом возрасте начинается из-за личных проблем, проблем в отношениях с родителями или с противоположным полом, попыток казаться выше своих сверстников, отсутствия радости в жизни или дружбы с несовершеннолетними.

Если говорить о первом употреблении наркотиков, мы можем подразумевать эксперимент с запрещенными веществами. Необязательно вешать ярлык зависимости на подростка при первом употреблении, так как мы не можем предугадать его судьбу. Возможно ему не понравится состояние при употреблении наркотиков, и после первого же употребления он забудет о них навсегда.

Каким бы положительным и благополучным не был несовершеннолетний, все равно есть риск, что он может попробовать запрещенные вещества по собственному желанию, либо по незнанию последствий для организма — все это обусловлено возрастными особенностями и мировосприятием.

Главная задача родителей, школы и специалистов состоит в том, чтобы предотвратить ситуации противоправных, незаконных действий и вовремя обратить внимание на ребенка, который попал в неприятности. Однако, многие родители отказываются от участия в тестировании своих детей на наркотики в образовательных учреждениях, которые сейчас проводят ежегодно, так как они уверены, что их несовершеннолетние дети не употребляют наркотики, и они доверяют им, либо уверены, что их никогда не коснется тема наркотиков, а также они боятся узнать, что дети что-либо употребляют. Иногда родители — это последнее звено, которое узнает, что их сын или дочь

попали в беду, потому что воспитание — это сложный процесс, который удастся контролировать, но эффект или результат может быть неоднозначным или незапланированным. Все усложняется, когда проблемы в поведении несовершеннолетнего игнорируются, и родителям стыдно признать, что у подростков есть проблемы с употреблением наркотиков, ведь взрослые боятся осуждения со стороны окружения.

Доверительные отношения родителей с подростком, образовательных учреждений с учащимися — это очень важный профилактический момент в воспитательном процессе. Близким родственникам и учителям не стоит забывать, что подростковый возраст — это возраст проб и ошибок, от которых не застрахован никто: ни дети, ни их родители.

Конечно, узнать, что несовершеннолетний употребляет наркотические вещества страшно, но не стоит опускать руки, впадать в панику и стараться не забывать, что на чаше весов здоровье и благополучие подростков. Следует тщательно продумать, что для родителей важнее: узнать сейчас, что чадо попробовал или пробует на неопределенном промежутке времени наркотики и провести своевременную работу с ним, или только потом узнать, когда у него уже будет сформирована стойкая зависимость и появятся нерешаемые проблемы.

Чаще всего подростки начинают употреблять наркотические средства по многим причинам — это естественное любопытство или желание «просто попробовать один раз», активный поиск новых видов для изменения сознания, ведь прошлые уже не приносят привлекаемых эмоций. Проблема многих несовершеннолетних состоит в том, что они не умеют говорить «нет», когда им некомфортно. Существует распространенный рассказ у подростков о том, что наркотики можно просто перестать употреблять, они не будут зависимы, от употребления наркотиков жизнь становится более яркой, красочной, а если ты вдруг не захочешь попробовать наркотики, то ты становишься неким изгоем.

Из-за постоянных изменений в поведении, интересах и восприятии собственного тела несовершеннолетние постоянно вынуждены приспосабливаться к новым условиям и их социальная жизнь резко меняется: появляются новые границы дозволенного, зависимость от мнения коллектива и приходится заново отстаивать свои позиции. Подросток тренируется на своей семье, оттачивая все свои навыки, в том числе и конфликтные. Родителям, образовательным учреждениям необходимо понять ребенка, а также без конфликта, не давать ему возможности думать, что его

не понимают и не принимают, потому что родители и образовательные учреждения являются «базой» для отработки навыков и умений.

Если несовершеннолетний начал употреблять или употребляет достаточное время наркотики, то у него повышается раздражительность, вспыльчивость, обидчивость, резко усиливаются негативные эмоциональные проявления в дома шнем поведении, появляется вызывающее поведение по отношению к родителям, плохая успеваемость в учебе, непоследовательное выражение эмоций, достаточно часто подросток начинает уходить в свой собственный мир, закрываясь от родственников, друзей или знакомых. Раннее выявление немедицинского потребления психоактивных веществ — эффективная стратегия профилактики.

Так, в 2013 году, Президент Российской Федерации В. В. Путин, подписал закон [4], который вводил тестирование учащихся в учреждениях на выявление факта употребления наркотиков. Чуть позднее, Мэр Москвы С. С. Собянин также подписал закон [1], который предусматривал проведение тестирования учащихся на предмет выявления фактов незаконного употребления наркотических и токсических средств и психотропных веществ. Тестирование в общеобразовательных организациях проводится согласно графику, составляемому в образовательном учреждении на учебный год. Для прохождения медицинских профилактических осмотров направляются классы или группы в полном составе. Обучающиеся в возрасте от пятнадцати лет смогут принимать решение об участии самостоятельно и заполнять добровольные информированные согласия.

При каждом медицинском обследовании соблюдается принцип конфиденциальности, который предусматривает, что персональные результаты тестирования не сообщаются в школу. Результаты исследования сообщаются родителям обучающегося до 15 лет или самому обучающемуся в возрасте от 15 лет. Если законный представитель ребенка старше пятнадцати лет хочет получить результаты тестирования, он может посетить наркологический диспансер, обратиться в наркологический центр и после предъявления паспорта либо подтверждения статуса законного представителя, может получить результат тестирования подростка.

Борьба с противозаконным оборотом наркотиков помимо силовых методов должна включать в себя и образовательный момент — подросток, собирающийся преступить антинаркотический закон, должен понимать, какое наказание повлекут за собой подобные действия. Например, если он получит наказание, связанное с лишением свободы, то «сломает жизнь»

только себе, но, если наказание предполагает еще и конфискацию имущества, от этого вполне ощутимо пострадают и его близкие родственники. Безрезультатно пробовать пресечь человеку доступ к наркотикам. При желании он все равно их найдет, иногда для этого достаточно иметь доступ к Интернету, где все можно найти в свободном доступе, однако, в завуалированном контексте. Важно другое — чтобы человек понимал, что, принимая наркотики, он создает себе серьезную проблему вплоть до лишения свободы.

Также противодействие и профилактика невозможны без формирования основы знаний о последствиях потребления наркотиков для организма. Мнение, что летальная передозировка возможна только при внутривенном употреблении героина или других опиатов, ошибочное. Современные синтетические наркотики, известные среди молодежи, также смертельно опасны. Риск есть и при долгом употреблении, и при разовом. Важно, чтобы несовершеннолетний уже до употребления наркотика понимал, что опасность содержится не столько в вероятном формировании зависимости, сколько в реакции его организма.

Отдельно стоит учитывать наркотики, попадающие в организм внутривенно — они не только формируют жесткую зависимость, но и провоцируют рост неизлечимых заболеваний. Если профилактические мероприятия были проведены своевременно и в должном объеме, то любой подросток будет понимать, что даже разовый прием может закончиться гепатитом, СПИДом или передозировкой.

Незаконный оборот наркотиков в России наказуем в зависимости от тяжести правонарушения: административное наказание вменяется за употребление наркотических средств, вовлечение несовершеннолетних, отказа от диагностики — размер штрафа зависит от тяжести проступка, а уголовное наказание — за хранение и продажу наркотических средств и срок заключения преступника зависит от объема и вида наркотического вещества.

Стоит отметить, что антинаркотический закон лоялен к людям, которые самовольно обратились для лечения или оформили явку с повинной — в этих случаях административное или уголовное наказание не применяется.

Для того, чтобы подросток «не скатывался на дно», превратившись в ненужного обществу наркомана, родителям необходимо прежде всего подавать правовой характер на своем примере, то, что ребенок видит с ранних лет жизни он считает нормой. Поведение родителей внутри семьи, отношение к близким и детям, к здоровому образу жизни и социальным девиациям

— это все формирует модель поведения у ребенка, поэтому, чтобы уберечь своего ребенка от наркомании и других пагубных привычек, а также неправомерных действий в дальнейшем, необходимо строить свои отношения в семье на искренности и доверии. Необходимо разговаривать с подростком на серьезные темы о здоровье, жизненных ситуациях и объяснять ему, что наркотики — это лишь мишура, под которой скрывается пустота [5].

Список источников

1. Закон Москвы от 13 февраля 2013 г. № 9 «О внесении изменения в статью 17 Закона города Москвы от 28 февраля 2007 года № 6 «О профилактике наркомании и незаконного потребления наркотических средств, психотропных веществ в городе Москве».
2. Проблема наркомании в России // Журнал «Молодой ученый». № 6. 2 марта 2015 года.
3. Сайт ГУ МВД России по Москве.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 07.06.2013 № 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ».
5. Федорова, И. В. Общий обзор профессиональ-

ной деятельности инспектора по делам несовершеннолетних // В сборнике : «Портрет инспектора по делам несовершеннолетних». Сборник научных трудов Всероссийской конференции. Москва, 2020. С. 244–247.

References

1. The Law of Moscow dated February 13, 2013 No. 9 “On amendments to Article 17 of the Law of the City of Moscow dated February 28, 2007 No. 6 “On the prevention of drug addiction and illegal consumption of narcotic drugs, psychotropic substances in the city of Moscow”.
2. The problem of drug addiction in Russia // Journal “Young Scientist”. No. 6. March 2, 2015.
3. The website of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow.
4. Federal Law of the Russian Federation No. 120-FZ of 07.06.2013 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the prevention of illegal consumption of narcotic drugs and psychotropic substances”.
5. Fedorova, I. V. General overview of the professional activities of the inspector for minors // In the collection : “Portrait of a juvenile affairs inspector”. Collection of scientific papers of the All-Russian Conference. Moscow, 2020. P. 244–247.

Информация об авторах

И. В. Федорова – доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

И. А. Ржаницына – научный сотрудник учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;

Д. С. Клокова – курсант 3 «К» курса Института судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

I. V. Fedorova – Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot’, Candidate of Legal Sciences;

I. A. Rzhانيتына – Researcher of the Educational and Scientific Complex of forensic examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot’;

D. S. Klokova – cadet of the 3rd “K” course of the Institute of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot’.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 340.113.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-293-297>

НИОН: 2003-0059-6/21-119

MOSURED: 77/27-003-2021-06-318

Неологизмы в юридическом дискурсе: проблема экспликации понятий

Юлия Владимировна Чеметева

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, chemeteva@volsu.ru

Аннотация. Рассматривается проблема неологизации в юридическом дискурсе. Отмечается, что большое количество новых лексем заимствуется из различных областей специального знания, при этом большинство неологизмов представляют собой заимствования из английского языка. В статье приводятся примеры, демонстрирующие активность разных способов заимствования терминологических единиц.

Ключевые слова: неологизм, юридический дискурс, термин, терминойд, понятие, неологизация, заимствование

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00251 «Тенденции развития языковых средств юридической техники гражданско-правового договора».

Для цитирования: Чеметева Ю. В. Неологизмы в юридическом дискурсе: проблема экспликации понятий // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 293–297. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-293-297>.

Original article

Neologisms in legal discourse: problem of concept explication

Yuliya V. Chemeteva

Volgograd State University, Volgograd, Russia, chemeteva@volsu.ru

Abstract. The article deals with the issue of neologization in legal discourse. The author notes that a large number of new lexemes are borrowed from various fields of special knowledge, and most neologisms are borrowings from the English language. The article provides examples that demonstrate the activity of different ways of borrowing terminological units.

Keywords: neologism, legal discourse, term, terminoid, concept, neologization, borrowing

Acknowledgments: The reported study was funded by the RFBR according to the research project no. 19-011-00251 “The Tendencies of Juridical Technique’s Language Means Development in Civil Contract”.

For citation: Chemeteva Yu. V. Neologisms in legal discourse: problem of concept explication. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):293–297. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-293-297>.

В юридическом дискурсе, активно вовлеченном в социальные процессы и взаимодействующем с другими дискурсами, происходит постоянное обновление лексики и появляются неологизмы. К числу факторов, обуславливающих процессы неологизации в юридическом дискурсе, относятся совершенствование законо-

дательства, внедрение инноваций в различные сферы жизни и необходимость в их правовом регулировании, развитие международного сотрудничества, появление новых общественных отношений, требующих правовой регламентации, новых правовых институтов и т.д. Неологизм представляет собой «слово или обо-

рот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия» [8, с. 131]. К таковым, например, относятся такие лексемы, как *инсайдерская информация, электронное правительство, legal tech* и др. Неологизмами лексемы являются до тех пор, пока воспринимаются носителями языка как новые [5]. С более широким распространением слова и привыканием к нему пользователей неологизм переходит в разряд общеупотребительной лексики. Стоит отметить, что граница между неологизмами и словами, перешедшими в пласт общеупотребительной лексики, достаточно условна.

Представляется релевантным исследовать проблему неологизации в юридическом дискурсе на терминологических единицах. В данном исследовании мы сфокусировались не только на юридических терминах, но и на так называемых терминоидах — лексемах, обозначающих новые понятия, но еще не имеющих четкого закрепления [1, с. 30–32]. Как термины, так и терминоиды активно вовлечены в процесс неологизации в юридическом дискурсе и представляют собой наглядный материал для исследования обозначенной проблемы.

Большое количество неологизмов заимствуется из различных областей специального знания. Особый интерес представляют терминологические единицы, вошедшие в юридический дискурс из сферы информационных технологий: *облачные платформы, legal tech, смарт-контракт, криптовалюта, биткоин, электронное правительство и т.д.* Как правило, подобные лексемы быстро входят в широкое употребление. Согласно М. Л. Давыдовой, процесс формирования юридических терминов в области цифровых технологий сводится к следующим этапам: 1) формирование терминологии информационно-технологической сферы (в значительной мере за счет заимствования слов из английского языка); 2) включение ее в язык программных и стратегических документов; 3) выработка на их основе собственно юридических терминов, закрепляемых в текстах нормативно-правовых актов [2].

Неологизмы, вошедшие в юридический дискурс из различных сфер, нередко представляют собой заимствования из других языков. Заимствование (как правило, из английского языка) в настоящее время является одним из наиболее продуктивных способов пополнения терминологий [4, с. 149–151]. При этом заимствованный термин легче всего адаптируется в пространстве русского языка при его использовании в транскрибированной или транслитерированной форме [3, с. 61–71]. Добавим, что нередко терминологические единицы также заимствуются с помощью калькиро-

вания: *самозанятость* (self-employment), *криптовалюта* (cryptocurrency), *умные города* (smart cities), *облачные вычисления* (cloud computing), *облачные услуги* (cloud services), *регуляторные песочницы* (regulatory sandboxes) и т. д. Нередко лексема заимствуется вместе с понятием, и в таком случае не возникает проблемы в его экспликации. Однако зачастую понятийное содержание, закрепленное за аналогичными лексемами в разных языках, расходится, что обуславливается особенностями систем права, действующих в данных государствах, а также различными экстралингвистическими и лингвистическими причинами.

Приведем пример неологизма, связанного с актуальным на данный момент в России вопросом об установлении специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: *самозанятый* [гражданин]. Понятие самозанятости является относительно новым в России. Для США термины «self-employment», «self-employed» представляются вполне привычными, так как давно занимают позицию «официальных» в системе юридической терминологии. Законодательство РФ на данный момент в рамках данного вопроса использует только термин, обозначающий налог, уплачиваемый официально оформленными самозанятыми: *налог на профессиональный доход*. При этом в СМИ встречаются следующие варианты терминологического обозначения данного понятия: *налог для самозанятых, налог на самозанятость, налог на самозанятых*. Вероятно, данные неофициальные эквиваленты термина налог на профессиональный доход были образованы по аналогии с наименованием налогов в Российском праве (налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, налог на доходы физических лиц и т. д.). Лица, к которым данный налог применяется, обозначены в Федеральном законе от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» как *налогоплательщики; физические лица, применяющие специальный налоговый режим*. Какого-либо емкого и в то же время краткого термина для обозначения лиц, уплачивающих налог на профессиональный доход, (например, самозанятый) в данном ФЗ нет.

Несмотря на тот факт, что терминологическая единица «самозанятый» не закреплена законодательно, она используется в юридическом дискурсе, в том числе в гражданско-правовых договорах, например: «Исполнитель является самозанятым лицом и по доходам, получаемым в рамках данного договора, применяет в своей деятельности специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». Также данную терминологическую единицу можно встретить в ин-

формационных материалах органов власти: «Налог на профессиональный доход — это новый специальный налоговый режим для самозанятых граждан, который можно применять с 2019 года» [10].

Установление данного налогового режима в России пока что носит экспериментальный характер. Вероятно, с его повсеместным введением и принятием дополнительных законодательных актов в отношении регулирования самозанятости в РФ появится необходимость в емком, лаконичном термине, обозначающем лиц, попадающих под данный налоговый режим, и подобным термином с большой долей вероятности может стать лексема «самозанятый».

Следует отметить, что понятийное содержание термина «self-employment», от которого, вероятно, образовалась с помощью калькирования терминологическая единица «самозанятость», не полностью совпадает с русскоязычным понятийным содержанием данного термина-неологизма. Понятие самозанятости в США не тождественно с формирующимся понятием самозанятости в РФ. В США оно включает также домашний бизнес, который относится к категории микропредприятий с максимальной численностью занятых не более 25 человек. В РФ специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» не охватывает лица, имеющие работников, с которыми они состоят в трудовых отношениях [7].

Еще одним примером термина-неологизма, появившегося в тексте юридического дискурса вследствие адаптации заимствования, является термин «инсайдерская информация»: «В случае получения доступа к инсайдерской информации Заказчика Исполнитель обязуется...». Первоначально лексема «инсайдерская информация» была заимствована из англоязычного юридического дискурса (*insider information*) путем транскрипции элемента «insider» и использования русскоязычного эквивалента англоязычной лексемы «информация» и грамматически адаптирован для более удобного использования носителями русского языка (добавление суффикса -ск и окончания, согласующего прилагательное с существительным).

Компонент «инсайдерский» быстро адаптировался в русскоязычном юридическом дискурсе, и в настоящее время в юридических текстах можно увидеть терминологические единицы, содержащие его: *инсайдерская оговорка, инсайдерская торговля, инсайдерская атака, инсайдерская угроза, инсайдерская активность, инсайдерская сделка*. Некоторые из приведенных словосочетаний уже встречаются в юридическом дискурсе, например: «б. Инсайдерская оговорка» (наименование пункта гражданско-право-

вого договора).

В скором времени вполне вероятно появление в юридическом дискурсе и других терминов, содержащих компонент «инсайдерский». В англоязычных контрактах можно наблюдать функционирование термина «insider trading»: «Insider Trading. Sellers and Buyers hereby certify that they have not themselves, nor through any third parties, purchased nor caused to be purchased in the public marketplace any publicly traded shares of the Company». В русском языке выделенное понятие еще не получило однозначного закрепления и не вошло в тексты юридических документов. Русскоязычный дискурс использует аналогичный англоязычному термину терминоид «инсайдерская торговля», однако он на данный момент не зафиксирован в законодательных текстах и не используется в гражданско-правовых договорах. В формулировках Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 224-ФЗ от 27 июля 2010 года встречаются следующие словосочетания: *неправомерное использование инсайдерской информации, раскрытие инсайдерской информации, доступ к инсайдерской информации, передача инсайдерской информации, предоставление инсайдерской информации и т. д.*

Рассматриваемый терминоид используется в юридическом дискурсе вне рамок законодательных текстов: «...незаконной инсайдерская торговля становится только в случае использования важной непубличной информации в качестве основы для принятия решения о совершении той или иной транзакции» [6]. Неустоявшийся характер терминоида, отсутствие четкой дефиниции способствуют неоднозначности его употребления, откуда возникает вариативность его использования: *инсайдерская торговля, инсайдерский трейдинг, трейдинг инсайдеров, инсайд-трейдинг*. Представляется возможным предположить, что с совершенствованием законодательства в области ценных бумаг и растущим интересом граждан к инвестированию терминоид «инсайдерская торговля» будет использоваться в текстах гражданско-правовых договоров и нормативных правовых актов. Наиболее вероятным вариантом адаптации терминоида с последующим переходом в разряд юридических терминов-неологизмов является словосочетание «инсайдерская торговля», так как оно построено по аналогичной модели со словосочетанием «инсайдерская информация», достаточно распространенным в русскоязычном юридическом дискурсе.

Интерес также представляет процесс заимствования англоязычной лексемы «smart contract», обозначающей один из наиболее обсуждаемых и инновационных предметов правоведения. В российской юридической науке терминологический термин используется в заимствованном варианте, образованном с помощью калькирования: *смарт-контракт*. Вариантными соответствиями также являются следующие словосочетания: *смарт контракт, умный контракт, смарт-контракт*. Учитывая инновационный характер данного понятия и тот факт, что технология смарт-контрактов используется в наиболее передовых отраслях, вовлеченных в международное взаимодействие, калькированный вариант лексемы, вероятно, является наиболее адекватным для использования. Кроме того, в научных статьях российские правоведы используют именно данный вариант, при этом чаще встречается написание терминологического термина через дефис. Приведем пример из научной статьи по юриспруденции: «Сказанное означает, что смарт-контракты могут быть применены далеко не во всех сферах имущественных отношений, что как раз и подтверждается складывающейся практикой заключения указанных соглашений» [7].

Еще одним примером заимствованного неологизма является терминологическая единица «электронное правительство». Тогда как в США термин «E-Government» официально закреплен, в русскоязычном юридическом дискурсе термин на настоящий момент не отражен в законодательстве, однако используется как в научной литературе, так и в СМИ унифицировано (электронное правительство), что дает основание считать его термином-неологизмом. При заимствовании лексемы «E-Government» из англоязычного юридического дискурса был применен прием экспликации: раскрыт компонент e- (electronic — электронное).

Частный случай представляет собой заимствование лексемы «legal tech» из англоязычного юридического дискурса. В настоящее время терминологический термин «legal tech» используется в полностью заимствованном варианте. В текстах юридического дискурса можно встретить его различные варианты написания: *legal tech, legaltech, Legal Tech, LegalTech*, при этом лексема может приводиться в кавычках, или без. Подобная вариативность указывает на то, что у данной лексемы пока еще нет определенного места в системе юридической терминологии.

Одной из характерных черт неологизации в юридическом дискурсе на данный момент является ее свойственная языку права метафоричность. Нередко статус термина получают слова и словосочетания, ис-

пользуемые в переносном значении: *искусственный интеллект, экосистема цифровой экономики, экосистема умной городской среды, облачные платформы, облачные и туманные вычисления, регуляторные песочницы, сквозные цифровые технологии, виртуальная лаборатория, дорожная карта и т.д.* Несмотря на то, что метафоризация является объективно распространенным способом терминообразования [11, р. 235–242], большинство правоведов критически относятся к использованию данного способа неологизации в юридическом дискурсе, подчеркивая, что с помощью терминов-метафор не достигаются точность и адекватность научной мысли [9, с. 351]. Одной из причин метафоризации в правовой терминологии является, на наш взгляд, активное заимствование терминов из англоязычного юридического дискурса, для которого более характерна образность, чем для русскоязычного юридического дискурса.

Неологизация, выступая индикатором изменений, протекающих в праве, представляет собой актуальнейшую тему. Процесс неологизации в юридическом дискурсе, происходящий на фоне совершенствования законодательства, внедрения инноваций, развития международного сотрудничества, появления новых общественных отношений, требующих правовой регламентации, в настоящее время характеризуется появлением в юридическом дискурсе большого количества новых лексем, заимствованных из различных областей специального знания. Данный факт обусловлен тем, что право в настоящий момент максимально задействует стремительно развивающиеся информационные технологии и адаптирует их к своей деятельности. Кроме того, взаимодействие индивидов и сообществ в информационной сфере выходит на новый уровень, и возникает необходимость в правовой регламентации складывающихся в данной сфере отношений с учетом всех их особенностей и непрекращающихся трансформаций. Усиливается интенсивность заимствований терминологических единиц из англоязычного юридического дискурса, и в данных условиях терминосистема юридического дискурса становится гибкой, подвижной, восприимчивой к ранее непродуктивным способам образования или заимствования терминов, а также использованию терминов с сохранением англоязычного написания и терминов-метафор. Приведенные в статье примеры демонстрируют активность разных способов заимствования терминологических единиц: как продуктивных (транскрипция и транслитерация, калькирование), так и менее продуктивных (экпликация, полное заимствование).

Список источников

1. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
2. Давыдова, М. Л. Формирование и нормализация юридической терминологии в сфере цифровых технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 4 (в печати).
3. Москалёва, Е. В. Научные подходы к проблемам изучения неологизмов в современном терминоведении // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 1. С. 61–71.
4. Мусина, Г. Ф. Иностранное заимствование в научно-технической терминологии русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. Ч. 3. С. 149–151.
5. Несветайло, Ю. Н. Трактовка понятий «неологизм» и «окказионализм» в современной научной парадигме // Наука. Инновации. Технологии. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traktovka-ponyatiy-nelogizm-i-okkazionalizm-v-sovremennoy-nauchnoy-paradigme>.
6. Обнаружение инсайдерской торговли : Алгоритмы выявления и паттерны незаконных сделок. URL: <https://habr.com/ru/company/iticapital/blog/273337/>.
7. Родионова, О. М. Гражданско-правовая природа последствий заключения смарт-контрактов // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-priroda-posledstviy-zaklyucheniya-smart-kontraktov>.
8. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. 400 с.
9. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 320 с.
10. Что такое «налог на профессиональный доход». URL: <https://npd.nalog.ru/>.
11. Assal, A. La métaphorisation terminologique // Terminologie et traduction. 1994. Vol. 2. P. 235–242.

References

1. Grinev-Grinevich, S. V. Terminology. M. : Academy, 2008. 304 p.
2. Davydova, M. L. Formation and normalization of legal terminology in the field of digital technologies // Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2020. Vol. 19. No. 4 (in print).
3. Moskaleva, E. V. Scientific approaches to the problems of studying neologisms in modern terminology // Bulletin of the Pushkin State University. 2012. No. 1. P. 61–71.
4. Musina, G. F. Foreign borrowings in the scientific and technical terminology of the Russian language // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2017. No. 12. Part 3. P. 149–151.
5. Nesvetailo, Yu. N. Interpretation of the concepts of “illogism” and “occasionalism” in the modern scientific paradigm // Nauka. Innovation. Technologies. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traktovka-ponyatiy-nelogizm-i-okkazionalizm-v-sovremennoy-nauchnoy-paradigme>.
6. Insider trading detection : Detection algorithms and patterns of illegal transactions. URL: <https://habr.com/ru/company/iticapital/blog/273337/>.
7. Rodionova, O. M. The civil-legal nature of the consequences of the conclusion of smart contracts // Gaps in Russian legislation. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-priroda-posledstviy-zaklyucheniya-smart-kontraktov>.
8. Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. Dictionary of linguistic terms. M. : Enlightenment, 1985. 400 p.
9. Cherdantsev, A. F. Logical-linguistic phenomena in jurisprudence. M. : Norm : INFRA-M, 2012. 320 p.
10. What is the “professional income tax”? URL: <https://npd.nalog.ru/>.
11. Assal, A. La métaphorisation terminologique // Terminologie et traduction. 1994. Vol. 2. P. 235–242.

Информация об авторе

Ю. В. Чеметева – аспирант, ассистент кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета.

Information about the author

Yu. V. Chemeteva – Postgraduate Student, Assistant Lecturer of the Department of Translation Theory and Practice of the Volgograd State University.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-298-304>

НИОН: 2003-0059-6/21-120

MOSURED: 77/27-003-2021-06-319

Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности.

Статья 7. Инновационные технологии восприятия и осуществления права

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Цифровизация, технологизация, роботизация, развитие систем искусственного интеллекта — взаимосвязанные, а в новейших условиях и взаимозависимые величины; все более усиливающиеся между ними интеракции ощутимо влияют на правовую жизнь современного социума, правовую политику государства, подчиняют своему влиянию правовые структуры, формируют новые юридические практики, трансформируют правовое восприятие и правовое поведение коммуницирующих субъектов, определяют необходимость появления инновационных правовых регуляторов.

В условиях XXI века юридические технологии наряду с функцией рационализации поведения социальных субъектов в сфере действия права применяются для достижения масштабных задач правовой политики — внедрения новых или перераспределения действующих методов правового регулирования, конструирования, апробации и введения в правовую систему страны инновационных правовых режимов, использования механизмов дерегулирования в экономике, трансплантации в практику новых видов процессуальных и контрольно-надзорных производств, систематизации крупных законодательных массивов и таким образом придания праву необходимой структурности и системного характера действия.

Инновационные правовые технологии — это производство нового продукта средствами и приемами ранее не известными практике. В контексте целей и задач цифровизации ощущается острая необходимость в широком использовании инструментария «правовой инженерии» в различных областях государственного управления, в законодательной и правоприменительной деятельности, в сфере правоохраны и в организации правового поведения непосредственных правопользователей. Фактор техносферы и нарождающейся цифровой реальности не только изменяет характер действия права (и правового регулирования), но и реструктурирует предметные области юридической науки, влияет на их содержание и формат юридических исследований. В сферу научного анализа вовлекаются не имевшие аналогов новые объекты; разрабатываемая проблематика полностью подчинена потребностям развивающейся практики.

Предлагаемый проект композиционно охватывает объединенные единым замыслом девять статей, объектом анализа в которых являются инновационные юридические технологии.

В этой связи применительно к разработанным правовой доктриной циклам действия права — правовому воздействию, восприятию права, правовым действиям и правовому порядку — предложен анализ технологий применения Больших данных (Big data) в законодательствовании; исследуется методология и технологии применения в отдельных сферах (зонах, участках) правового регулирования экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц»); освещены правовые инновации в сфере дерегулирования, внедрения механизмов «регуляторной гильотины» и др. Представлен анализ пределов технологизации (и цифровизации); доказываются необходимость осмысления рисков, сопряженных с цифровыми технологиями, предлагается обоснование мер противодействия агрессивным проявлениям «цифровой среды».

Ключевые слова: технологизация правовой деятельности, цифровизация в праве, цифровизация права, социально-правовая ценность юридических технологий, уровни применения юридических технологий, «правовая инже-

нерия», законодательные технологии, технологии согласования интересов в законодательной деятельности, технологии Больших данных в законодательствовании, технологии опережающего правотворчества, экспериментальный правовой режим, технологии создания «регуляторных песочниц», законодательство об обязательных требованиях, инновации в сфере дерегулирования, механизмы «регуляторной гильотины» методология и технологии оценки регулирующего воздействия, парламентский контроль за реализацией законов, технологии восприятия права, информационно-правовые технологии, дигитализация в праве, «цифровой юрист, «цифровой социальный омбудсмен», правоприменительные технологии, технологии формирования правовых (конституционных) порядков, технологии обеспечения правомерного поведения, технологии восстановительного правосудия, электронное правосудие, предикативное правосудие (predictive justice), цифровизация судопроизводства, системы искусственного интеллекта в сфере правоохраны, нейросетевые технологии, технологии оценки состояния социально-правовой среды, метод событийного анализа, пределы технологизации (и цифровизации), «цифровая диктатура», неправомерное вторжение в частную жизнь, право на защиту геолокации, критерии допустимости цифровизации в праве

Для цитирования: Червонюк В. И. Инновации в праве современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 7. Инновационные технологии восприятия и осуществления права // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 298–304. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-298-304>.

Original article

Innovation in law: modern legal technologies in the context of digital reality. Article 7. Innovative technologies of perception and implementation of law

Vladimir Ivanovich Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia,
v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. Digitalization, technologization, robotization, development of artificial intelligence systems are interconnected, and in the latest conditions are interdependent quantities; the ever-increasing interactions between them significantly affect the legal life of modern society, the legal policy of the state, subordinate legal structures to their influence, form new legal practices, transform legal perception and legal behavior of communicating subjects, predetermine the need for innovative legal regulators.

In the twenty century legal technologies along with the function of rationalizing the behavior of social actors in the sphere of law are used to achieve large scale tasks of legal policy — introduction of new or redistribution of existing methods of legal regulation, design, testing and introduction of innovative legal regimes into the country's legal system, use of mechanisms for deregulation in the economy, transplantation of new types of procedural and control and Supervisory proceedings, systematization of large legislative arrays, and thus giving the law the necessary structure and systematic nature of action.

Innovative legal technologies are the production of a new product by means and techniques previously unknown to practice. In the context of the goals and objectives of digitalization, there is an urgent need for the wide use of «legal engineering» tools in various areas of public administration, in legislative and law enforcement activities, in the field of law enforcement and in the organization of legal behavior of direct legal users. The factor of the technosphere and the emerging digital reality not only changes the nature of law (and legal regulation), but also restructures the subject areas of legal science, affects their content and format of legal research. The sphere of scientific analysis involves new objects that had no analogues; the developed problems are completely subordinated to the needs of developing practice.

The proposed project compositionally covers nine articles united by a single concept, the object of analysis in which is the Innovative legal technologies.

In this is developed legal doctrine in relation to the cycles of law — legal influence, perception of law, legal actions and legal order — an analysis of technologies for applying data in legislation is proposed; the methodology and technologies for applying experimental legal regimes («regulatory sandboxes») in certain areas (zones, sections) of legal regulation are investigated; legal innovations in the field of deregulation, the introduction of «regulatory guillotine» mechanisms, etc. are highlighted. The analysis of the limits of technologization (and digitalization) is presented); the

necessity of understanding the risks associated with digital technologies is proved, and the justification of measures to counter aggressive manifestations of the «digital environment» is proposed.

Keywords: technologization of legal activity, digitalization in law, digitalization of law, social and legal value of legal technologies, levels of application of legal technologies, «legal engineering», legislative technologies, technologies for coordinating interests in legislative activity, Big data technologies in legislation, technologies of advanced lawmaking, experimental legal regime, technologies for creating «regulatory sandboxes», legislation on mandatory requirements, innovations in the field of deregulation, mechanisms of the «regulatory guillotine» methodology and technologies for assessing regulatory impact, parliamentary control over the implementation of laws, technologies for the perception of law, information and legal technologies, digitalization in law, «digital lawyer, «digital social Ombudsman», law enforcement technologies, technologies for the formation of legal (constitutional) orders, technologies for ensuring lawful behavior, technologies for restorative justice, electronic justice, predicative justice, digitalization of judicial proceedings, artificial intelligence systems in the field of environmental protection, neural network technologies, technologies for assessing the state of the socio-legal environment, the method of event analysis, the limits of technologization (and digitalization), «digital dictatorship», illegal invasion of privacy, the right to protect geolocation, criteria for the validity (admissibility) of digitalization in the law

For citation: Chervonyuk V. I. Innovation in law: modern legal technologies in the context of digital reality. Article 7. Innovative technologies of perception and implementation of law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):298–304. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-298-304>.

Как и собственно относительно обособленный этап (цикл) действия права, точно так же и правовые *технологии восприятия права* практически остаются неизученными, хотя, безусловно, психологическая школа права, имеющая распространение в том числе и в современной России, все же способствовала большему пониманию психических закономерностей действия права. Среди возможных технологий, которые могут применяться в сфере восприятия права, как представляется, заметную роль может играть внедряемая в последние годы в законотворческую практику зарубежных стран *нейролингвистическая юридическая технология*, затрагивающая сферы совершенствования языка закона, его мотивационного воздействия на человека¹. Нейролингвистические технологии используют психологические и языковые методы для стимулирования у граждан положительного с точки зрения закона поведения. Эти технологии используют влияние, которое оказывает язык на программирование психических процессов, а также изучают, каким образом психические процессы и нервная система формируют наш язык и языковые шаблоны и находят в них отражение.

Понятно, что сконструированный таким образом закон более всего восприимчив массовым правосоз-

нанием, вследствие чего уже в момент введения его в действие у адресатов к нему формируется позитивное отношение. Учитывая специфику правовой ментальности российских граждан, очевидно, что такое направление развития юридической технологии особо актуально для современной отечественной законодательной деятельности. В специальной литературе отмечается, что нейролингвистические технологии направлены на формирование необходимого, желаемого поведения при помощи формулирования норм права с учетом их психологического влияния на граждан.

Точно также процессам оптимизации восприятия права способствуют *информационно-правовые технологии*, являющиеся одними из самых широко распространенных, т. к. позволяют обрабатывать огромное количество данных и управлять ими. Информационно-правовые технологии создают возможность для хранения, учета, анализа, поиска, использования, распространения и передачи прав на базе вычислительной техники, с широким применением информационных методов. К числу таких информационно-правовых систем относятся не имеющие аналогов в мире «Гарант», КонсультантПлюс, «Кодекс» и др.); создание информационно-правовых порталов; программное обеспечение; применение автоматизированной системы управления (автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности («АСОЗД») Государственной Думы); развитие системы электронного документооборота, локальных информационных систем, использование электронной цифровой подписи, системы электронной торговли и т. д. [9, с. 61–62; 10, с. 100].

Возможности цифровизации, несомненно, способны

¹ В законотворческой практике зарубежных стран (Франция, Канада, Великобритания) эта технология связана с тем, что разработка проекта закона осуществляется с привлечением юристов-лингвистов. Для этой цели в министерстве юстиции Канады сформирована группа юристов-лингвистов, которая входит в состав отдела законопроектных работ. В Великобритании на вопросах нейролингвистической юриспруденции специализируются несколько парламентских советников (см. об этом: Журнал рос. права. – 2008. – № 7. – С. 146–148; Уманская, В. П. Юридические технологии: понятие и виды // Право и культура. 2012. № 1 (12). С. 63).

усилить роль таких информационных ресурсов. Существующие в настоящее время электронные справочные правовые системы рассматриваются как переходная стадия, прототип будущей цифровой модели, построенный «по принципу базы данных», тогда как цифровая версия предполагается построенной «по принципу базы знаний», где «будет собрана, систематизирована, структурирована и приспособлена для автоматизированного использования более объемная и разноплановая (правовая, экономическая, социологическая и др.) информация, позволяющая без участия человека осуществлять толкование правовых норм, юридическую квалификацию, разрешать юридические коллизии, совершать сделки, выносить правоприменительные решения, определять эффективность правовых норм, формулировать право-творческие решения в целях оптимизации правового регулирования и др.». Предлагается также создание «электронных кодексов», государственных электронных справочно-правовых систем — каталогов действующих нормативных правовых актов, формирование на их основе онлайн-кодексов для официального опубликования всех новых нормативных актов.

Отмеченное не должно создавать иллюзии относительно решенности данной проблемы. Напротив, вопрос о том, в какой степени цифровизация способна повлиять на восприятие права его адресатами — отнюдь не риторический и похоже, что в уже условиях набирающей обороты цифровизации ответов на данный вопрос нет, либо же они выглядят настораживающими.

Технологии осуществления правовых установлений (главным образом правоприменительных — юрисдикционных, судебных¹, контрольно-надзорных, следственных, регистрационно-разрешительных и др.). Это также технологии интерпретационной деятельности и правового мониторинга. В эту же группу включаются и многообразные технологии осуществ-

ления правых действий непосредственными пользователями прав и свобод — граждан и их объединений: технологии реализации гражданских прав и свобод и их защиты, включая технологии самозащиты; технологии реализации, охраны и защиты отдельных прав и свобод, технологии реализации так называемых конституционных процессуальных прав (реализации права на государственную защиту, права на судебную защиту, права обращения с конституционной жалобой и с жалобой в межгосударственные органы защиты прав и свобод и др.).

Дигитализация (англ. — digitalization) – переход на цифровые технологии, на электронные каналы взаимодействия (с клиентами, акционерами и т. п.) предоставляет новые возможности для организации своего поведения непосредственно гражданами, включая реализацию и защиту принадлежащих им прав. В этой связи очевидные преимущества по оказанию различного рода юридических услуг представляет юридический стартап «Цифровой социальный юрист» — совокупность цифровых инструментов (сервисов, приложений, технологий, платформенных решений), обеспечивающий электронное взаимодействие между гражданами, поставщиками услуг, предотвращение и оперативное разрешение правовых конфликтов, осуществление правозащитной и правопросветительской деятельности [6]. Его составляющие — «цифровой социальный омбудсмен», «цифровой социальный представитель (адвокат)», «цифровой социальный нотариус», «умные» калькуляторы», «цифровая единая юридическая служба», «цифровой конструктор правовых актов социального законодательства», «юридический СМЭВ» (система межведомственного электронного взаимодействия)», «цифровое правовое просвещение граждан».

Очевидно, все же что инновации слабо проникают в эту область права. Кроме собственно проблем организационно-технического свойства, сказывается и традиционное отношение к реализации прав и свобод в равной мере и государства, и институтов гражданского общества.

Технологии формирования и поддержания правовых (конституционных) порядков, несмотря на кажущуюся их необычность, исследованы, пожалуй, более других, что, прежде всего, следует отнести к правоохранительным технологиям. Вместе с тем по-прежнему требуют широкого внедрения в юридическую практику технологии обеспечения правомерного поведения, включая технологии поведения граждан в ситуации нарушения их прав, технологии разрешения разнообразных юридических конфликтов, вклю-

¹ Значительные изменения, последовавшие вслед за поправками в Конституцию РФ, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», актуализируют разработку судебных технологий. В этой связи нельзя согласиться с тем утверждением, что объединение высших судов РФ «...не изменяет технологии осуществления арбитражных судами правоприменительной деятельности...» (Колесник И. В. «Теоретическая модель правоприменительной технологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 46). В отличие от общих судов для арбитражных судов по-прежнему актуальной остается весьма чувствительная для граждан проблема их (судов) удаленности, что, как следует из целого ряда так называемых пилотных постановлений Европейского суда по правам человека, существенно ограничивает доступ граждан к правосудию. Именно в этой связи актуальным является внедрение в судебную практику уже обсуждаемой (а отдельными судами апробированной) процедуры (технологии) непосредственного обращения граждан по поводу рассмотрения экономического спора в суд общей юрисдикции; рассмотрение таких дел в режиме видеоконференции собственно арбитражным судом и др.

чая и те, которые переросли в юридические споры, а равно технологии разрешения таких споров альтернативными способами посредством применения так называемых «примирительных» процедур. Это также применение разнообразных правовых и иных информационно-телекоммуникационных технологий в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, что в условиях сохраняющейся террористической опасности, распространения COVID-19 является весьма актуальным. Это также технологии правовой социализации, формирования уважительного отношения к праву, закону и др.

С учетом особой значимости судебной защиты в механизме обеспечения прав и свобод важны инновации в сфере правосудия. В новейших условиях во всех правовых порядках как дополнительная гарантия права на доступ к суду рассматривается электронная юстиция. В качестве элементов электронного правосудия обычно рассматриваются следующие: обеспечение электронного доступа к суду посредством обращения с помощью информационно-коммуникационных технологий (таких, например, как система «Case Management/Electronic Case File» в США, «eLodgement» в Австралии, «Court electronic File System» в Великобритании, подача в суды документов в электронном виде в России); электронный оборот в судах (electronic case management system); обмен информацией с судом и другими участниками процесса в электронной форме; электронные извещения и оповещения; распределение дел между судьями посредством соответствующих автоматизированных систем; формирование электронного дела (electronic case); ведение судебного процесса в электронной и дистанционной формах (представление доказательств с помощью информационно-коммуникационных технологий (таких, например, как electronic evidence в Великобритании), использование видео-конференц-связи, разбирательство в электронном зале заседаний, электронные дистанционные формы рассмотрения дел без вызова сторон (такие, например, как «e-Courtroom» в Австралии) и дел в упрощенном порядке (такие, например, как «Single Justice Service» в Великобритании, упрощенное производство в России), использование искусственного интеллекта в судопроизводстве); выполнение и направление судебного акта в электронном виде; доступ к информации о судебной деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий (предоставление доступа к базам данных судебных дел и решений для неограниченного круга лиц [2].

Перспективным направлением цифровизации су-

допроизводства при этом выступает предсказательное, прогностическое или предикативное правосудие (predictive justice). Речь идет о получении алгоритмов принятия решений по спорам на основе загруженных в базу судебных решений, обстоятельств испрашиваемого дела, характеристик сторон [4].

Одним из приоритетных направлений являются модели восстановительного правосудия, среди которых самыми распространенными являются: программы примирения потерпевших и правонарушителей (известные под названием «Медиация» или посредничество, а также «примирение жертв и правонарушителей», «конференция жертв и правонарушителей»; круги правосудия — программы, основанные на традициях североамериканских индейцев, проводимые преимущественно в Квебеке; «семейные конференции», родина которых — Новая Зеландия, где они узаконены и базируются на традициях коренного населения — маори.

В определенной мере реализации усилий в данной сфере могло бы оказать применение технологий нейронных сетей¹. Это, в частности, беспилотные транспортные средства [5], технологии генерации голоса человека на основе записей и обработки их с помощью нейронных сетей и других способов [1].

В ряде регионов мира (Европа, Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия, и Южная Африка) успешно зарекомендовали себя технологии восстановительного правосудия. В Российской Федерации распоряжением Правительства от 30 июля 2014 г. № 1430-р была утверждена Концепция развития до 2020 года сети служб медиации (в ред. распоряжения Правительства РФ от 01.09.2018 № 1837-р) в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уго-

¹ Суть нейронной сети (artificial neural network) в том, что она представляет математическую модель, построенную по принципу организации и функционирования сетей нервных клеток живого организма и представленная во внешнем мире в виде программного или аппаратного объекта.

Технологии нейронной сети широко применяются не только государственными структурами, но и иными организациями. Так, с сентября 2018 г. Московская городская сеть видеонаблюдения, состоящая из 179 тыс. камер, была подключена к нейронной сети. Система искусственного интеллекта Ntechlab распознает лица прохожих и сравнивает их с базами данных МВД.

В свою очередь, в МВД представлен мобильный биометрический комплекс оснащенный технологией распознавания лиц. Во время массовых мероприятий система подключается к 10 камерам, установленных в рамках металлодетекторов, и одновременно анализирует видео с каждой из них. Система может идентифицировать в режиме реального времени и отправлять на мобильные устройства сотрудников полиции уведомления с фото человека (Козина Е. Нейронные сети и уголовное право // zakon.ru > blog/2019/06/08...ugolovnoe...).

ловная ответственность в Российской Федерации¹. На заседании «круглого стола» 12 мая 2020 г., проходившем в режиме онлайн в Комитете министров Совета Европы, был обсужден комплекс мер, направленный на оптимизацию восстановительного правосудия в отношении детей [7].

Находят широкое применение в различных видах юридической деятельности цифровые решения, в частности, в сфере судопроизводства функционирует ряд электронных сервисов: онлайн-взаимодействие при подаче процессуальных документов в суд, получение судебных актов в электронном виде, доступ к электронной картотеке судебных дел.

Постепенно в сферу правоохраны, включая уголовно-процессуальную деятельность, проникают системы искусственного интеллекта. Применительно к российским реалиям справедливо утверждение о том, что именно «слабый» искусственный интеллект станет наиболее приемлемым для сферы уголовно-процессуальных отношений, где роботы, т. е. определенные программы, с которыми человек общается с помощью цифры, будут выполнять рутинные операции, освобождая человека для мыслительной деятельности [8]. В пенитенциарной сфере для контроля за исполнением отдельных видов наказания ведутся активные разработки по внедрению современных информационно-коммуникационных технологий с элементами искусственного интеллекта. Предполагается, что «умные» программы позволят фиксировать нарушения, характер поведения осужденных и пр.

В сфере правоохраны значительную роль могут сыграть *технологии оценки состояния социально-правовой среды*. Это инструментарий, заимствованный из области экономического анализа, статистики, эмпирической социологии и др. В этой связи представляет интерес метод событийного анализа, используемый преимущественно для оценки состояния фондовых рынков. Суть метода событийного анализа — отслеживание реакции социально-правовой среды на различного рода возмущения, вызываемые неправовым поведением как граждан, так и публичных властей. Ключевым элементом событийного анализа является непосредственно социально-правовое событие, оказывающее влияние на уровень энтропии в социально-правовой среде.

Список источников

1. Голоскоков, Л. В. Технологии и следствие // Рос. следователь. 2020. № 4. С. 16–19.

2. Гриценко, Е. В., Ялунер, Ю. А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации : значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 97–129.

3. Колесник, И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015.

4. Константинов, П. Д. Судейское усмотрение, шаблонность судебных решений и природа правосудия в свете предиктивного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 27–31.

5. Коробеев, А. И., Чучаев, А. И. Беспилотные транспортные средства : новые вызовы общественной безопасности // Lex russica. 2019. № 2. С. 9–28.

6. Писаревский, Е. Л. Цифровизация юридической деятельности в социальной сфере // Информационное право. 2018. № 4. С. 22–28.

7. Сицилианос, Л.-А. Дружественное ребенку правосудие в Европе – участие и восстановительное правосудие. Онлайн-мероприятие (12 мая 2020 г.). Выступление Председателя Европейского суда по правам человека Линос-Александра Сицилианоса // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 7. С. 4–6.

8. Сушина, Т. Е., Собенин, А. А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Рос. следователь. 2020. № 6. С. 21–25.

9. Уманская, В. П. Юридические технологии: понятие и виды // Право и культура. 2012. № 1 (12).

10. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

References

1. Goloskokov, L. V. Technologies and investigation // Russian investigator. 2020. No. 4. P. 16–19.

2. Gritsenko, E. V., Yaluner, Yu. A. The right to judicial protection and access to court in the conditions of informatization and digitalization: the significance of the experience of common law countries for Russia // Comparative Constitutional Review. 2020. No. 3. P. 97–129.

3. Kolesnik, I. V. Theoretical model of law enforcement technology : Abstract. dis. ...Dr. jurid. Nauk. N. Novgorod, 2015.

4. Konstantinov, P. D. Judicial discretion, the pattern of judicial decisions and the nature of justice in the light of predictive justice // Arbitration and civil process. 2020. No. 7. P. 27–31.

5. Korobeev, A. I., Chuchaev, A. I. Unmanned

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 32, ст. 4557.

- vehicles : new challenges of public safety // Lex russica. 2020. No. 7. P. 4–6.
2019. No. 2. P. 9–28.
6. Pisarevsky, E. L. Digitalization of legal activity in the social sphere // Information law. 2018. No. 4. P. 22–28.
7. Sicilianos, L.-A. Child-friendly justice in Europe – participation and restorative justice. Online event (May 12, 2020). Speech by the President of the European Court of Human Rights Linos-Alexander Sicilianos // Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition.
8. Sushina, T. E., Sobenin, A. A. Prospects and risks of using artificial intelligence in criminal proceedings // Russian investigator. 2020. No. 6. P. 21–25.
9. Umanskaya, V. P. Legal technologies: concept and types // Law and Culture. 2012. № 1 (12).
10. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in the conditions of digital reality // Journal of Russian Law. 2018. № 1.

Информация об авторе

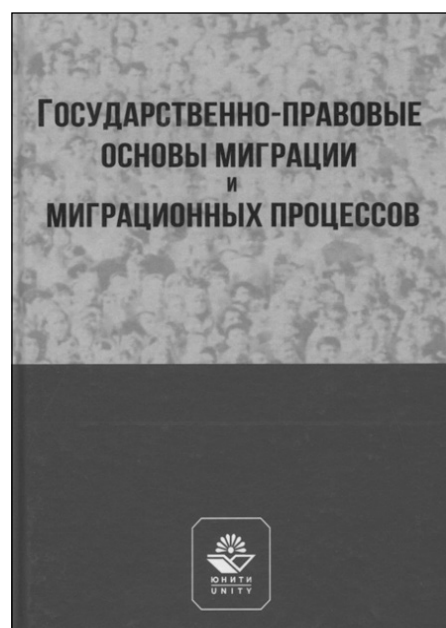
В. И. Червонюк – профессор Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук.

Information about the author

V. I. Chervonyuk – Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.02.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 03.02.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А.С. Прудникова. 535 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебное пособие подготовлено с учетом новых теоретических и научно-практических подходов к изучению миграции и ее правового регулирования, обеспечивающих положительную динамику развития миграционных процессов. В частности, в нем нашли отражение такие понятия, как «миграция и миграционная система», «международные стандарты в области регулирования миграции населения», «порядок приобретения гражданства», «правовые основы предоставления статуса беженца и временного убежища».

Дается общая характеристика деятельности государственных органов, участвующих в реализации национальной миграционной политики.

Для студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, преподавателей юридических вузов, а также практических сотрудников подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции.

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-305-310>

НИОН: 2003-0059-6/21-121

MOSURED: 77/27-003-2021-06-320

Цифровой формат возмещения экологического вреда

Оксана Игоревна Шарно

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, sharnoksana@yandex.ru

Аннотация. Цифровизация природоохранной системы обусловлена необходимостью широкого применения информационных технологий. В этой связи их значение переосмысливается, а внедрение инновационных цифровых технологий в процедуры и механизм возмещения экологического вреда презюмируется. Для целей исследования в работе раскрыты понятия «цифровой сигнал», «цифровой формат», экологический вред и экологическая ответственность (авт. опред.), цифровой формат возмещения экологического вреда (авт. опред.). В ходе проведенного исследования анализируются цифровой формат профилактики и предупреждения экологического вреда (производственных процессов и предприятий, экологического и космического мониторинга, экологические стартапы, «умные города»), а также цифровой формат возмещения вреда (уведомления или оповещения о причиненном окружающей среде ущербе, процедур возмещения экологического вреда).

Ключевые слова: цифровизация, цифровой формат возмещения экологического вреда, экологический вред, экологическая безопасность

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00864.

Для цитирования: Шарно О. И. Цифровой формат возмещения экологического вреда // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 305–310. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-305-310>.

Original article

Digital format for compensation for environmental damage

Oksana I. Sharno

Volgograd State University, Volgograd, Russia, sharnoksana@yandex.ru

Abstract. The digitalization of the environmental system is due to the need for widespread use of information technologies. In this regard, their meaning is being rethought. The introduction of innovative digital technologies into the procedures and mechanism of compensation for environmental damage is presumed by the author. For research purposes, the work discloses the concepts of «digital signal», «digital format», environmental harm and environmental responsibility (author's definition), digital format for compensation for environmental harm (author's definition). In the course of the study, the digital format of prevention and prevention of environmental harm is analyzed. It includes production processes and enterprises, environmental and space monitoring, environmental startups, «smart cities». The author also covers the issue of using the digital format of compensation for harm, namely, notification or notification of damage to the environment, the use of procedures for compensation for environmental harm.

Keywords: digitalization, digital format of compensation for environmental harm, environmental harm, environmental safety

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-011-00864.

For citation: Sharno O. I. Digital format for compensation for environmental damage. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):305–310. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-305-310>.

© Шарно О. И., 2021

Процесс реализации государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечение сбалансированных решений социально-экономических и экологических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности сопровождаются внедрением цифровых технологий. Цифровизация природоохранной системы — это возможность более эффективно обеспечивать конституционные права на благоприятную окружающую среду, открытость и доступность экологической информации, эффективность контрольно-надзорной деятельности.

Необходимость широкого применения компьютерных, информационных ресурсов в экологии и охране окружающей среды предопределена современными цифровыми реалиями, темпами развития общества, усложнением его инфраструктуры. Окружающая среда в таких условиях находится в крайне не стабильном состоянии, систематически подвергается вредоносному воздействию, что требует повышения эффективности процедур её охраны, восполнимости и восстановления. При таких обстоятельствах значение цифровых технологий применительно к природоохранной деятельности переосмысливается с позиции либо их признания, как инструментария, существенно уменьшающего вред окружающей среде, либо спорности применения как рычага, повышающего нагрузку на энергопотребимость.

В настоящей статье мы не ставим перед собой задачи дать оценку применения цифровизации в процессе охраны окружающей среды, это требует самостоятельных исследований, целью настоящего исследования является использование цифровых технологий при возмещении экологического вреда. В этом значении цифровизация демонстрирует безусловную эффективность. Именно в разрезе минимизации и возмещения вреда, возникшего в результате антропогенного воздействия цифровые технологии сегодня актуальны и востребованы.

Цифровизация — это процесс, в котором современные технологии используются либо внедряются в различные сферы жизни и производства, переводя их в более гибкое по отношению к текущему состоянию, обеспечивающее при прочих равных условиях наилучший конкурентоспособный результат. Цифровизация обеспечивает онлайнизацию сторон, объектов, которые ранее не имели точек соприкосновения, а в реалиях цифрового мира получили возможность

безпрепятственного взаимодействия. Цифровизация используется и в целях фиксации трансформации (замены) тех или иных ресурсов цифровыми, путем создания логических механизмов, баз данных, библиотек, электронных справочников, содержащих в сжатом виде данные, использование которых обеспечивается в бесперебойном и ускоренном формате.

Допустимость внедрения инновационных цифровых технологий в процедуры и механизм возмещения экологического вреда презюмируется, т. к. цифровые инструменты обеспечивают ускоренную, объективную и достоверную фиксацию случаев причинения экологического вреда, их проверку, принятие соответствующих решений, восстановление или устранение последствий, хранение необходимых данных. Учитывая, что возмещение вреда направлено на обеспечение восстановления природы в состояние, предшествующее ее порче, снижению качества природных свойств окружающей среды, цифровизация возмещения экологического вреда представляет процесс, в котором на всех этапах — от возникновения (причинения) вреда до его возмещения, современные цифровые технологии служат обеспечению рациональной возможности в разумные сроки добиться восстановления утраченных свойств окружающей среды.

При таких обстоятельствах, механизм возмещения вреда должен подлежать цифровизации, внедрению в данный процесс цифровых форматов и средств автоматизации. Поэтому, инвестировать (в экономическом и правовом значении) в возмещение вреда целесообразно именно в части перевода (в любом направлении и соотношении) данного процесса в цифровой формат. Если термин «цифровой» обычно относится к хранению данных или информации в форме цифровых сигналов, где цифровой сигнал есть последовательность цифровых значений, то понятие «цифровой формат» есть совокупность цифровых сигналов (взаимобусловленных цифровых значений) и форматов данных, используемых в дискретном процессе, т. е. процессе, попеременно сменяющим нестабильные и стабильные состояния. Именно такой формат способен обеспечить восстановление нарушенных свойств природной среды, минимизировать причиненный окружающей среде вред, устранить последствия его наступления. Отсюда, *цифровой формат возмещения экологического вреда* есть совокупность последовательных цифровых значений, форматов данных, цифровых технологий, используемых в процессе, сменяющим нестабильное («поврежденное», утраченное) состояние окружающей среды на стабильное (восстановленное, защищенное) (авт. опред.).

Вред окружающей среде — понятие широкое, он может быть вызван загрязнением атмосферного воздуха, водных объектов, уничтожением леса, вырубкой деревьев, незаконной рыбалкой и охотой, не правомерной добычей полезных ископаемых, перекрытием рек, убийством животных, уничтожением птиц, растений, эрозией почвы, авиационным шумом и многим другим.

Эффективность возмещения вреда определяется таким критерием как «экологическая ценность», представляющим качество или физическую характеристику окружающей среды, от которой производно экологическое здоровье, достижение благоприятного состояния окружающей среды, именно экологическая ценность является миссией государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности.

Любое, пусть даже самое незначительное неблагоприятное воздействие на экологическую ценность, необоснованное вмешательство или возможность (вероятность) вмешательства в благоприятное состояние окружающей среды (загрязнение, захламление, выброс, сброс, иной способ) есть вред окружающей среде.

Под экологическим вредом понимается «любая деградация окружающей среды, произошедшая в результате нарушения правовых экологических требований, и любого, связанного с этим уменьшения материальных и нематериальных благ, охраняемых законом, в том числе жизни и здоровья людей, имущество физических и юридических лиц» [1]. Вред в экологической сфере означает «причинение, как правило, экологического правонарушения, а также воздействия источника повышенной опасности и даже правомерных действий, повлекших длительную (постоянную) утрату здоровья человека, утраты (порчи) его имущества, негативной стойкой (временно) инверсии свойств окружающей среды» [6, с. 261]. Экологический (экогенный) вред — это «деяние, вызванное нарушением правовых экологических требований действия, связанное с этим уменьшение материальных и нематериальных благ, охраняемых законом, в том числе жизнь и здоровье человека, имущество физических и юридических лиц» [2, с. 495].

Следовательно, причинение вреда окружающей среде это совокупность экологических правонарушений, за которые следует экологическая ответственность — способность лиц претерпевать санкции за допущенные нарушения экологического законодательства (авт. определение), т.к. «юридическая ответственность — это специфическая обязанность претерпевания соответствующих лишений личного или

материального характера за совершенное правонарушение в соответствии с санкцией нарушенной нормы права» [4, с. 140].

Видовое разнообразие экологическое ответственности предопределяет многообразие форм экологического вреда и способов защиты.

Так, материальный вред окружающей среде всегда менее значителен, чем фактический, реальный, он направлен на предотвращение или минимизацию, а также восстановление окружающей среды, т. к. оценка размера причиненного вреда (ущерба) не отвечает принципам восполнимости. Фактический, реальный вред экологическим ценным компонентам окружающей среды, территориям, имеющим высокую природоохранную ценность или особую значимость, преимущественно необратим или трудно восстановим, оказывает сильное или широкое распространение

По степени императивности вред окружающей среды может возникнуть:

а) вследствие не соблюдения природоохранного законодательства, при нарушении тех или иных предписаний закона, трактующих рациональное использование природных ресурсов, сопровождаемое их охраной и обеспечивающее устойчивое развитие;

б) в результате не соблюдения обязанностей по взятым на себя обязательства в области обеспечения благоприятной окружающей среды, экологической безопасности.

Экологическая ответственность и формы экологического вреда предопределяют цифровой формат его возмещения.

Учитывая, что возмещение экологического вреда базируется на основополагающих принципах его недопущения и предотвращения, считаем возможным представить к анализу следующие цифровые форматы и их содержание.

А) Цифровой формат профилактики и предупреждения экологического вреда, который включает:

- цифровой формат производственных процессов и предприятий, добросовестно обеспечивающих выполнение экологической обязанности, согласно которой лицо не должно заниматься какой-либо деятельностью, причиняющей или способной причинить экологический ущерб, если это лицо не принимает все разумные и практически осуществимые меры для предотвращения или минимизации ущерба. Так, в деятельность предприятий внедряются новейшие центры (оборудование) по комплексной переработке материалов, функционирование которых основывается на инновационных технических операциях, автоматизации действий, вторичной переработке отходов и их

перевод в тепловую и электрическую энергию, а также автоматизированный контроль выбросов наиболее крупных промышленных предприятий. Здесь стоит подчеркнуть, что следует стремиться к сохранению производств, реализующих природоохранные планы, направленные на поэтапное снижение воздействия на окружающую среду, путем внедрения экологоориентированных и инновационных технологий;

- цифровой формат экологического мониторинга — его функциональность заключается в накоплении, систематизации и анализе информации: о состоянии окружающей среды, о причинах изменений состояния, об источниках и факторах негативного воздействия. Примером может служить объектный мониторинг состояния недр (ОМСН), который всесторонне анализирует и систематизирует материалы ежегодных отчетов, оценивает состояние подземных вод и взаимосвязанных с ними поверхностных вод;

- цифровой космический мониторинг, геоинформационные решения, система цифрового космического инспектирования природных ресурсов нашей страны и объектов особого внимания, наносящих вред окружающей среде или испытывающих на себе негативное воздействие загрязняющих веществ, которые позволят специалистам Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации в оперативном режиме получать информацию о состоянии и статусе использования природных ресурсов и земель, отслеживать активность хозяйствующих субъектов и потенциальный экономический эффект от их деятельности [5];

- экологические стартапы, базирующиеся на внедрении цифровых аналогов производства и потребления, где цифровая роль для инфраструктуры является первоочередной задачей;

- «умные города» с разработкой путей сообщения, «умных парковок», зеленых зон, «умных» технологий в сфере обращения с твердыми коммунальными и бытовыми отходами, проблемы загрязнения будут эффективнее и быстрее устранены в interconnected городах;

- цифровизацию общественного контроля в сфере охраны окружающей среды и взаимодействия общественных организаций и власти в сфере экологии.

Б) Цифровой формат возмещения вреда включает:

- цифровой формат уведомления или оповещения о причиненном окружающей среде ущербе. В данном случае следует говорить о совершенствовании экологической информации, под которой понимают данные [2], представляемые в письменной, аудиовизуальной, электронной или любой иной материальной форме

(п. 3 ст. 2 Конвенции «О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды»), отражающие процессы, происходящие в сфере взаимодействия природы и общества [3, с. 6]. Получение достоверной, т. е. не искаженной, соответствующей действительности, экологической информации становится возможным при организации коммуникаций по поводу ее полного, открытого и своевременного предоставления, что вытекает из принципов Всеобщей Декларации прав человека (ст. 19), Конституции Российской Федерации (ст. 29), а также предписаний Федеральных законов «Об охране окружающей среды (ст. 11), «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ст. 8), градостроительного, земельного и иного законодательства. В этой связи, органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные лица обязаны создавать и обеспечивать информационный обмен документами, материалами, сведениями, непосредственно затрагивающими экологические права граждан. Любые сведения о состоянии окружающей среды должны быть верифицируемы, что предопределяет проверку достоверности таких сведений. Без должного коммуникативного обмена в этом случае достоверность данных о состоянии окружающей среды в целом либо в конкретном месте обитания приобретает черты декларативности. Примером цифрового формата уведомления или оповещения о причиненном окружающей среде ущербе является открытый доступ к данным мониторинга атмосферного воздуха в режиме «он-лайн» через Интернет в городах федерального значения Москва, Санкт-Петербург;

- цифровой формат процедур возмещения экологического вреда, который основывается на способах защиты при его возникновении. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» устанавливает такие способы защиты как обязанность полного возмещения вреда окружающей среде (ст. 77), выставление требований об ограничении, приостановлении или прекращении деятельности лиц, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды (ст. 80); определение порядка компенсации вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды (ст. 78); особенности возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды (ст. 79), в т. ч. окружающей среде при сбросе загрязняющих веществ через централизованные системы водоотведения поселений или городских округов

(ст. 78.1).

В ходе реализации процедур возмещения экологического вреда следует использовать такие информационные технологии и инструменты для исследований особо охраняемых природных территорий, природных ресурсов и фиксации причинения вреда как видеокамеры, квадрокоптеры; космические снимки и их дешифровку; геоинформационные системы; приборы и методы контроля загрязнения атмосферы, аналитика данных, позволяющая использовать модели прогноз — контроля и улучшающая планирование анализа угроз.

Цифровой формат возмещения экологического вреда обеспечивает: определение источника негативного антропогенного воздействия; установление характеристик и механизма негативного антропогенного воздействия; установление обстоятельств, связанных с нарушением природоохранного законодательства.

Следовательно, цифровой формат возмещения экологического вреда может быть использован в спорах о возмещении вреда, причиненного в результате экологического правонарушения; спорах о выплате страхового возмещения; при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, в ходе расследований уголовных дел эколого-правозащитной направленности по ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», ст. 250 УК РФ «Загрязнение вод», ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы», ст. 252 УК РФ «Загрязнение морской среды», ст. 254 УК РФ «Порча земли», ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений», в иных спорах, направленных на возмещение экологического вреда, восстановление состояния окружающей среды до ее состояния, предшествовавшего нарушению.

Простое изменение привычек и повседневного образа жизни — это тоже переход к цифровым способам минимизации экологического вреда, но уже в порядке, предшествующем его возмещению.

Цель перевода процедур возмещения экологического вреда в цифровой формат — уменьшение негативного влияния образа жизни, антропогенной деятельности на окружающую среду с минимальными усилиями. Благодаря цифровым устройствам и их подключению к глобальной сети Интернет, что позволяет мгновенно доставлять и обрабатывать огромное количество данных, перед государством и обществом, в т. ч. в трансграничном пространстве, открываются бесценные возможности для управления различными ресурсами и предотвращения экологических нарушений.

Цифровые технологии, которые используются для минимизации и возмещения экологического вреда

должны быть основаны на минимальном потреблении энергии, сокращении и предотвращении вредных выбросов и сбросов, минимизации отходов производства и потребления. При внедрении цифрового формата следует использовать и такие рычаги как упрощение функций, этапов деятельности (действий), которые способствуют увеличению энергозатрат и повышению объема отходов производства и потребления, не снижают вредные выбросы и сбросы. В то же время следует уходить от таких цифровых технологий, которые влекут повышенное потребление энергии, что недопустимо с точки зрения воздействия на окружающую среду.

Экологической доктриной Российской Федерации провозглашен принцип равного внимания к экономической, социальной и экологической составляющим устойчивого развития и признание невозможности развития человеческого общества при деградации природы. Экономический рост не должен сопровождаться ухудшением состояния природных сред, в то же время дело охраны окружающей среды не должно приводить к экономическому ослаблению города. В этой связи именно цифровой формат возмещения экологического вреда способен обеспечить реализацию концепции устойчивого развития и экологическую безопасность в современной России.

Список источников

1. Анисимов, А. П. Экологическое право России : учебник. М. : Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. 504 с.
2. Бринчук, М. М. Экологическое право (право окружающей среды) : учебник для высших юридических учебных заведений. М. : Юристъ, 1998.
3. Дубовик, О. Л. Экологическая информация : понятие, виды, режим, защита // Зеленый мир. 2003. № 21–22.
4. Ерофеев, Б. В. Экологическое право : Учебник. М. : ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2004.
5. Российские космические системы [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://russianspacesystems.ru/2020/10/26/roskosmos-i-minprirody-rossii/>
6. Экологическое право : учебник / под ред. д.ю.н., проф. Ю. Е. Винокурова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экзамен, 2005.

References

1. Anisimov, A. P. Environmental law of Russia : textbook. M. : Higher education, Yurayt-Izdat, 2009. 504 p.
2. Pinchuk, M. M. Environmental law (environmental law) : textbook for higher educational establishments. M.

: Yurist, 1998.

3. Dubovik, O. L. Ecological information : concept, types, mode, protection // Green World. 2003. No. 21–22.

4. Yerofeev, B. V. Environmental Law : textbook. Moscow: ID "FORUM"; INFRA-M, 2004.

5. Russian space systems [Electronic resource].

Access mode : <http://russianspacesystems.ru/2020/10/26/roskosmos-i-minprirody-rossii/>

6. Environmental law : textbook / edited by D.Yu.n., prof. Yu. E. Vinokurov. 2nd ed., reprint. and add. M. : Exam, 2005.

Информация об авторе

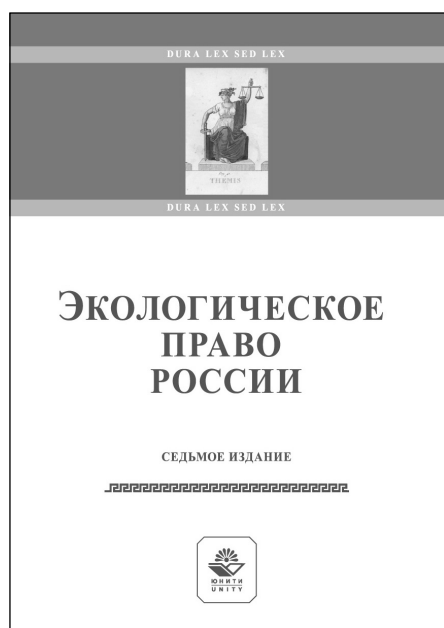
О. И. Шарно – доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. I. Sharno – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Volgograd State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 16.04.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Экологическое право России. Под ред. Н.В. Румянцева, Ф.Г. Мышко, А.В. Тумакова. 7-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие. 399 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Рассматриваются понятие, сущность, предмет, метод, система и источники экологического права, его теоретико-правовые и организационные основы. Уделяется внимание правовому и экономическому механизмам, аспектам юридической ответственности и международного сотрудничества в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

Нормативные правовые акты регулирования в области природопользования и охраны окружающей среды приводятся с учетом изменений по состоянию на 1 января 2021 г.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений юридического профиля, практических работников природоохранных органов, а также всех интересующихся проблемами эколого-правового регулирования.

Научная статья

УДК 342.924

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-311-314>

НИОН: 2003-0059-6/21-122

MOSURED: 77/27-003-2021-06-321

Административно-правовая ответственность за неправомерное акустическое сопровождение

Диана Николаевна Шурухнова¹, Карэн Рафаелович Аветисян²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

² karen-avetisyan-1989@bk.ru

Аннотация. Интеграция достижений науки и техники в деятельность органов правопорядка является одним из приоритетных направлений. В данной работе рассматриваются вопросы фрагментарного регулирования общественных отношений, связанных с административно-правовой ответственностью за неправомерное акустическое сопровождение на массовых мероприятиях. Рассмотрены положения документов стратегического планирования, в частности Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, определяющие в том числе информационно-психологическую безопасность общества как ключевого компонента в обеспечении безопасности государства. Вследствие чего авторы выступают с выдвиганием предложений по совершенствованию законодательства в области проведения публичных мероприятий, а также в частности регламентации акустического сопровождения, при проведении шествий демонстраций митингов и пикетов. Основой при изучении вопросов, связанных с акустическим сопровождением массовых мероприятий, послужили научно-медицинские исследования, стандарты и нормы, устанавливающие пороги по уровню воздействия в частности на физический компонент.

Ключевые слова: акустическое сопровождение, обеспечение общественного порядка, правовое регулирование, административно-правовая ответственность

Для цитирования: Шурухнова Д. Н., Аветисян К. Р. Административно-правовая ответственность за неправомерное акустическое сопровождение // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 311–314. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-311-314>.

Original article

Administrative and legal responsibility for improper acoustic accompaniment

Diana N. Shurukhnova¹, Karen R. Avetisyan²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

² karen-avetisyan-1989@bk.ru

Abstract. Integration of science and technology in the activities of law enforcement agencies is one of the priority areas. This paper examines the issues of fragmentary regulation of public relations related to administrative and legal responsibility for illegal acoustic accompaniment at mass events. The article considers the provisions of strategic planning documents, in particular the information security doctrine of the Russian Federation, which defines, among other things, the information and psychological security of society as a key component in ensuring state security. As a result, the authors come up with proposals for improving the legislation in the field of public events, as well as in particular the regulation of acoustic accompaniment during marches, demonstrations, rallies and pickets. Scientific and medical research, standards and norms that set thresholds for the level of impact on the physical component in particular,

© Шурухнова Д. Н., Аветисян К. Р., 2021

served as the basis for studying issues related to the acoustic support of mass events.

Keywords: acoustic accompaniment, ensuring public order, legal regulation, administrative and legal responsibility

For citation: Shurukhnova D. N., Avetisyan K. R. Administrative and legal responsibility for improper acoustic accompaniment. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):311–314. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-311-314>.

Основы акустического сопровождения. Массовая аудитория выражается в группе лиц, находящихся в едином информационном пространстве. При этом, нахождение лиц, составляющих массовую аудиторию, в одном месте не является обязательным, так как единое информационное пространство может быть обеспечено с помощью различных технических средств, обеспечивающих транслирование одной и той же информации в разнообразных местах и с разницей во времени. Необходимо учитывать, что акустическое сопровождение может осуществляться на отдельные группы лиц, которые обладают массовостью, например, дети, избиратели, пользователи каких-либо информационных ресурсов и т. д. Информационное пространство может складываться одновременно при проведении массовых мероприятий, которые требуют обеспечения со стороны правоохранительных органов.

Общественные отношения, связанные с информационно-психологическим воздействием, а акустическое сопровождение, выступая одним из его компонентов — в законодательстве имеет фрагментарное правовое регулирование. В этой связи вопрос о привлечении к ответственности за общественно опасное акустическое сопровождение массовых мероприятий представляется возможным лишь при квалификации противоправного деяния по установленным правонарушениям в действующем законодательстве на территории Российской Федерации. Однако это достаточно проблематично, так как на нормативном уровне не установлены условия и пределы акустического сопровождения.

Обратим внимание на вопрос о рассмотрении пределов акустического сопровождения массовых мероприятий. Необходимо иметь в виду специфику, т. е. «природу» акустического сопровождения (звук), которое выступает в виде упругих волн механических колебаний в той или иной среде распространения. Акустическое сопровождение (также звуковая волна, либо звуковые волны) и обладает рядом принципиальных характеристик, параметры которых в свою очередь и будут определять само воздействие как приемлемое, либо вредоносное, что свою очередь устанавливают

нормы и стандарты, закрепленные в нормативно-правовых актах Российской Федерации. Исходя из вышеизложенного, акустическое сопровождение массовых мероприятий следует понимать, как распространение упругих волн механических колебаний [1] с заданными субъектом параметрами, посредством заявленных средств материально-технического обеспечения [2].

Нарушение установленных законодательством стандартов и норм, а также правовых основ, регламентирующих параметры воспроизводимого звукового сигнала (его уровней: частота, интенсивность — звуковое давление и др.) [1], и порядка уведомления органов власти, в соответствии с Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ определит акустическое сопровождение общественно опасным, а деяние субъекта — организатора массового мероприятия — неправомерным [2].

В связи с этим, закрепление административной ответственности за противоправное акустическое сопровождение в большинстве случаев может потребовать изменений в специальные законы. Реализация акустическое сопровождение без согласия лица, в отношении которого оно применяется, гипотетически предполагалось в следующих случаях:

- в чрезвычайных ситуациях, возникающих во время катастроф природного, техногенного и антропогенного происхождения с целью локализации и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций;

- при проведении антитеррористических и миротворческих операций, в ходе военных действий при отражении внешней агрессии по отношению к государству [2].

Нормативные основы информационно-психологического воздействия могут быть отражены в специальном законе, разработка и попытки принятия такового имели место в начале 2000-х годов, либо внедрение комплекса норм, регулирующих рассматриваемую сферу отношений в уже действующие законодательные акты. Таковым может выступить Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3].

Проект Федерального закона «Об информационно-психологической безопасности». Во многих статьях законопроекта используются выражения и термины, не имеющие юридического содержания, например, «... осуществляется государством в лице ... органов государственной власти, органов местного самоуправления», «негативное информационно-психологическое воздействие», «негативные последствия для психики человека», «утрата способности к ... нравственной самоидентификации человека», «блокирование на неосознаваемом уровне свободы волеизъявления человека», «манипуляция общественным сознанием», «традиционные устои общества», «духовное пространство» «экспорт и импорт методов ...». [4; 5]. В заключение нижней палатой парламента были отражены существенные недостатки в части юридической техники. Было указано не отсутствие согласования и содержание законопроекта.

Нормативная база должна определять условия организационной составляющей акустического сопровождения, как средства управления «мягкой силой», определить структуру и функции институтов публичной власти и гражданского общества, задействованных в данном направлении, что будет непосредственно содействовать реализации положений Доктрины информационной безопасности Российской Федерации. Кроме того, в рамках надлежащего нормативного регулирования свое развитие должна получить технологическая составляющая, способствующая свободному и безопасному информационному обмену внутри общества, содействовать предотвращению и предупреждению угроз информационно-психологической безопасности [5].

Формирование нормативных основ позволит обеспечивать надлежащую институционализацию деятельности по сопровождению массовых мероприятий как объекта правового регулирования в дальнейших стадиях рассматриваемого механизма, предусмотреть условия для привлечения к ответственности за общественно опасное акустическое сопровождение. Таковыми стадиями являются возникновение правоотношений на основании юридических фактов или их состава с наделением участников данных правоотношений субъективными правами и юридическими обязанностями, реализация этих прав и обязанностей, а также, в случае необходимости, контроль над их использованием. В целях формирования полноценного нормативного регулирования при проведении массовых мероприятий непосредственных дополнений требует Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [2]. Можно

утверждать, что нормативно правовое обеспечение не отражает вопросы акустического сопровождения, и не содержит норм, регулирующих вышеописанную область системы социальных отношений, что также указывает на актуальность решения данного вопроса.

Неправомерное акустическое сопровождение необходимо также рассматривать с нарушением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию (статья 6.17 КоАП РФ), и регуляция данных общественных отношений требует введения специальных норм в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [7]. Но опять же, введение таких норм, что в свою очередь может привести к избыточному правовому регулированию. Если в системе законодательства будут предусмотрены условия допустимого акустического сопровождения, а также ответственность за нарушение соответствующих условий [8].

Сопровождение массовых мероприятий СМИ предлагается дополнить следующими положениями:

- содержание статьи 7 «Уведомления о проведении публичного мероприятия» Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ — перечнем заявленных технических, программно-аппаратных средств, с указанием их параметров и характеристик (отсутствие или непредставление такого уведомления предоставляет основания органам власти отказать в проведении заявленного мероприятия;
- внести дополнение в статью 11 «Материально-техническое и организационное обеспечение проведения публичного мероприятия» Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ о направленности и содержании акустического сопровождения [2].

Острым вопросом стоит необходимость в разработке и последующего принятия специальных норм, устанавливающих условия и уровни (технические характеристики по типу звукового давления, продолжительности, частоты и др.) допустимости сопровождения мероприятий, проводимых в разных условиях (при передвижении и (или) нахождении на том или ином участке или маршруте движения). Только при таком подходе представляется возможным определить условия правомерного акустического сопровождения при проведении массовых мероприятий.

Список источников

1. СНИП II-12-77 Защита от шума. Дата введения 1978-07-01.
2. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. Проект Федерального закона № 99114515-2 «Об информационно-психологической безопасности».
5. Паспорт проекта Федерального закона № 98003224-2 «Об обеспечении безопасности психосферы человека».
6. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

References

1. SNiP II-12-77 Noise protection. Date of introduction 1978-07-01.
2. Federal Law No. 54-FZ of 19.06.2004 “On Meetings, Rallies, demonstrations, Processions and Picketing”.
3. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 “On Information, Information Technologies and Information Protection”.
4. Draft Federal Law No. 99114515-2 “On information and psychological security”.
5. Passport of the draft Federal Law No. 98003224-2 “On ensuring the security of the human psychosphere”.
6. Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 No. 646 “On the approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation”.
7. Federal Law No. 436-FZ of 29.12.2010 “On the Protection of children from information harmful to their health and development”.
8. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001.

Информация об авторах

Д. Н. Шурухнова – профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

К. Р. Аветисян – преподаватель кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

D. N. Shurukhnova – Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

K. R. Avetisyan – Lecturer of the Department of Information Security of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 28.05.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-315-319>

НИОН: 2003-0059-6/21-123

MOSURED: 77/27-003-2021-06-322

Законодательство о налогах и сборах – 2021: устранены ли препятствия в реализации положений статьи 3 Налогового кодекса РФ

Нодари Дарчоевич Эриашвили¹, Александр Иванович Григорьев², Наваи Камилович Джафаров³

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

² Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, Москва, Россия, altr1960@mail.ru

³ Московский Авиационный Институт (МАИ) Национальный Исследовательский Институт, Москва, Россия

Аннотация. До настоящего времени в законодательстве о налогах и сборах Российской Федерации имеют место правовые коллизии, связанные с тем, что структура тех или иных норм налогового права дает расширительное толкование, что, в свою очередь, приводит к сложности в правоприменении, как налогоплательщикам, так и другим участникам налоговых правоотношений. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что эти «болезни», налоговое законодательство не избежало и в 2021 году. В своей работе, авторы сделали попытку проанализировать наиболее значимые проблемы налогового законодательства РФ, и предложило пути их решения.

Ключевые слова: КИК (контролируемая иностранная компания), налоговый контроль, пеня, налоги, налогоплательщики, письма Минфина и ФНС России, НДС/Л

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Джафаров Н. К. Законодательство о налогах и сборах – 2021: устранены ли препятствия в реализации положений статьи 3 Налогового кодекса РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 315–319. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-315-319>.

Original article

Legislation on taxes and fees – 2021: have the obstacles to the implementation of the provisions of Article 3 of the Tax Code of the Russian Federation been eliminated

Nodari D. Eriashvili¹, Alexander I. Grigoriev², Navai K. Dzhafarov³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

² Kosygin Russian State University, Moscow, Russia, altr1960@mail.ru

³ Moscow Aviation Institute (MAI) National Research Institute, Moscow, Russia

Abstract. To date, there are legal conflicts in the legislation on taxes and fees of the Russian Federation, due to the fact that the structure of certain norms of tax law gives an extensive interpretation of tax legislation, which, in turn, leads to difficulties in law enforcement, both for taxpayers and other participants in tax legal relations. Unfortunately, we have to state the fact that these “diseases” of tax legislation were not avoided in 2021. In their work, the authors made an attempt to analyze the most significant problems of the tax legislation of the Russian Federation, and suggest ways to solve them.

Keywords: CFC (controlled foreign company), tax control, penalties, taxes, taxpayers, letters from the Ministry of Finance and the Federal Tax Service of Russia, personal income tax

For citation: Eriashvili N. D., Grigoriev A. I., Dzhafarov N. K. Legislation on taxes and fees – 2021: have the obstacles to the implementation of the provisions of Article 3 of the Tax Code of the Russian Federation been eliminated. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):315–319. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-315-319>.

© Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Джафаров Н. К., 2021

Прошедший 2020 год был сложным для экономики России. Мировой экономический кризис, и наложившиеся экономические проблемы, связанные с пандемией COVID-19, оставили негативный след в росте ВВП страны. Федеральный бюджет в 2020 году был исполнен с дефицитом — 4 % ВВП. Правительству России пришлось в срочном порядке нарастить государственный долг России с 15 % до 20 % (что, впрочем не критично для экономики страны).

Из-за коронавирусных ограничений, новых правил дистанционной работы в стране произошло много неординарных событий. В результате чего, оперативно менялось правовое регулирование, в данном случае, в налоговых отношениях, в ответ на поступающие вызовы. Если рассматривать прошедший год по имеющемуся статистическим данным, то в 2020 году на рассмотрение в Государственную думу РФ попало 1015 законопроектов, около 9400 проектов нормативных актов было опубликовано на портале regulation.gov.ru. В истекшем году, Президиум ВС РФ принял 2 постановления, 382 определения вынесла судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, 48 постановлений принял КС РФ, около 1800 постановлений приняло Правительство Российской Федерации и 437 законов подписал Президент Российской Федерации. Много это или мало? Вопрос риторический. На наш взгляд, слова Ленина «лучше меньше, да лучше», — высказанные им в одноименной работе — до настоящего времени, не потеряли свою актуальность. [1] Ведь ни для кого не является секретом, что не редко принимаемые нормативные правовые акты в процессе их исполнения выявляют в себе неточности, противоречия действующего законодательства, либо структура норм права дает основу для их расширительного толкования, что в конечном итоге, приводит к противоречивым разъяснениям органами исполнительной власти. Особенно это недопустимо в налоговых отношениях, так это затрагивает важнейшие принципы, установленные в статье 3 Налогового кодекса Российской Федерации.

Если рассматривать принятые нормативные правовые акты 2020 года в области законодательства о налогах и сборах, то они имели разнонаправленное движение. В частности, положительным моментом можно считать долгожданное уменьшение уплаты страховых взносов для малого и среднего бизнеса с 30 % до 15 % (в два раза). С 2021 года изменился режим налогообложения для IT-компаний: налоговая ставка по налогу на прибыль, в определенных законом случаях, уменьшилась с 20 % до 3 %. Также для этой категории плательщиков снижен размер страховых взносов с 14 до 7,6 %.

[2] Изменился порядок предоставления отсрочки, рассрочки по уплате налогов, а также изменения, коснувшиеся ст. 76, 78, 79 НК РФ и ряд других. С 01.01.2021 года прекратила свое действие глава 26.3 Налогового кодекса Российской Федерации в отношении ЕНВД (единый налог на вмененный доход). В связи с отменой указанного налога, был видоизменена патентная система налогообложения (ПСН). С 01.01.2021 года индивидуальные предприниматели на патентной системе налогообложения имеют право уменьшить налог на уплаченные страховые взносы. Это право дает введенный п. 1.2 ст. 346.51 НК РФ. [3]

Начиная с 2020 года отмены декларации для транспортного и земельного налога. ФНС России будет самостоятельно начислять эти налоги, исходя из своих данных и направлять налогоплательщикам сообщения (новые п. и п. 7 ст. 363 НК РФ). [4]

В то же самое время, глобальным изменениям была подвергнута глава 23 НК РФ, посвященная НДФЛ. Несмотря на неоднократные заверения Правительства Российской Федерации, начиная с 2021 года в стране вводится прогрессивная шкала налогообложения [5], также взимание налога с процентов по вкладам, превыша всех КИК ющим 1 000 000 руб. [6].

Вместе с тем, настало время рассмотреть вопросы, связанные с применением норм права, которые имеют место быть в части первой и части второй Налогового кодекса Российской Федерации.

КИК (контролируемая иностранная компания)

Федеральный закон от 09.11.2020 № 368-ФЗ внес ключевые изменения в порядок обложения прибыли КИК, и в то же самое время и в НДФЛ. Рассмотрим внесенные поправки в действующее налоговое законодательство, и что в практической деятельности они будут означать для налогоплательщика.

Итак, указанные поправки устанавливают новый налоговый режим для налогоплательщиков-физических лиц (п. 9 ст. 25.15 НК РФ). Теперь, начиная с 2020 года, налогоплательщику-физическому лицу достаточно уплачивать НДФЛ для **всех КИК** фиксированный размер прибыли. Фактический платеж составит около 5 000 000 руб. в год. Фиксированная сумма прибыли за 2020 год установлена в размере 38 460 000 руб. за налоговый период, и 34 000 000 за последующие налоговые периоды, начиная с 2021 года.

С практической точки зрения, какие негативные последствия ждут налогоплательщика?

используя данный специальный налоговый режим налогоплательщик не имеет право уменьшить налог на налоговые вычеты (п. 3 ст. 210 НК РФ);

налогоплательщик не сможет воспользоваться ос-

вобождением от уплаты налога, предусмотренного п. 66 ст. 217 НК РФ;

налогоплательщик не сможет принимать в зачет налог, удержанный в РФ или за рубежом налоговым агентом(ами) при выплате доходов в пользу КИК (п. ст. 232 НК РФ, п. 11 ст. 309.1 НК РФ).

На первый взгляд может показаться, что данный налоговый режим выгоден только ограниченному кругу лиц (в офшорной зоне налоговая ставка по НДФЛ составляет 0 %, либо налогоплательщик реинвестирует полученные доходы КИК без выплаты дивидендов. Но это только на первый взгляд. При внимательном изучении ст. 227.2 НК РФ, законодателем четко установлен фиксированный платеж в размере около 5 000 000 руб. **с любого количества КИК**. Иными словами, если налогоплательщик получил за налоговый период прибыль в размере 100 000 000 руб.— он все равно уплатит фиксированный налоговый платеж в размере 5 000 000 руб. Вопрос: как это соотносится с пунктом 1 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации, в котором провозглашается всеобщность и равенство прав налогоплательщиков, а также их фактическая способность к уплате налога? Почему, при введении ст. 227.2 НК РФ, законодатель забыл про установлении равного налогового бремени для налогоплательщиков, соразмерно их доходам [7].

Пеня — это способ обеспечения обязанности по уплате налогов или это наказание для налогоплательщика

В практической деятельности налоговых органов возникают не редкость ситуации, когда налоговые органы, довольно своеобразно толкуют нормы налогового законодательства. Пример тому: Определение ВС РФ от 23.11.2020 № 305-ЭС20-2879 по делу №А40-86746/2019.

В налоговую инспекцию от ООО «Борец» 23.08.2018 г. поступило заявление о зачете суммы налога на прибыль, излишне уплаченного в бюджет (в части зачисляемой в бюджет РФ), в счет предстоящих платежей по НДС. 24.10.2018 ООО «Борец» была представлена налоговая декларация по НДС. 29.10.2018 г. налоговый орган принял решение о зачете переплаты по налогу на прибыль в счет предстоящих платежей по НДС.

Налоговый орган, в своих размышлениях, пришел к выводу о том, что, поскольку налогоплательщик не уплатил налог в установленный законом срок (до 25.10.2018 г.), а решение о зачете было принято контролирующим органом 29.10.2018 г., то за этот промежуток времени (с 26.10.2018 по 28.10.2018) ООО «Борец» была, соответствующим образом, начислена пеня.

Следовательно, в данной ситуации начисление пени налогоплательщику, приобрело характер санкции (наказание), что противоречит содержанию статьи 75 Налогового кодекса Российской Федерации. К такому же выводу пришла, и Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации. Вывод очевиден.

Пеня, являясь мерой государственного принуждения, стимулирует налогоплательщика к своевременному уплату налога, и в то же самое время, пеня не может приобретать штрафной характер, как наказание.

ВС РФ в своей резолютивной части сделал важное заключение о том, что начисление пени в период принятия налоговым органом решения о зачете (ст. 6.1 НК РФ, п. 4 и п. 8.1 ст. 78 НК РФ), означало бы применение к налогоплательщику мер государственного принуждения, что противоречило ст. 75 НК РФ. Высший суд обратил внимание на Постановление КС РФ от 12.10.1998 № 24-П, в котором судьи указали на недопустимость искажения налогового законодательства в отношении закрепленных принципов налоговой ответственности.

Налоговый контроль

Летом 2020 года, ФНС России издало письмо, которое по своей сути, устанавливает новое правовое регулирование главы 14 Налогового кодекса Российской Федерации, а именно, статьи 90 НК РФ [8]. Старая «болезнь» ФНС России — под любым предлогом, принять участие в новом нормативном правовом регулировании налогового законодательства. Ранее, по этим вопросам, фискальным органом, предпринимались попытки, правда, неудачные [9; 10], придать своим разъяснениям новое нормативное правовое регулирование. Своеобразно комментируя Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», контролирующий орган указал, что вышеназванный Закон не регламентирует участие адвоката от имени доверителя в процессуальных мероприятиях (допросе свидетеля), проводимых в отношении последнего. А для солидности, приведена ссылка на письмо Минфина России от 22.10.2015 № 03-02-07/60796. Между тем, высказанное в публичном пространстве разъяснение не соответствует положениям статьи 90 Налогового кодекса Российской Федерации. При буквальном прочтении диспозиции ст. 90 НК РФ, обнаруживается, что в ней отсутствуют какие-либо ограничения относительно круга лиц, которые могут присутствовать при допросах свидетеля. Таким образом, указанное письмо ФНС России может стать поводом для признания его недействительным, согласно Постановления Пленума ВС РФ от 30.12.2018 № 50. Как разрешить данную ситуацию? Думаем, что здесь

видятся два пути: либо Пленум ВС РФ должен дать разъяснение по данному вопросу, либо законодатель должен внести коррективы в ст. 90 НК РФ.

Еще стоит обратить внимание на одно письмо налогового органа [11]. В своем разъяснении, контролирующий орган, ссылаясь на отправленное ранее в Минфин России письмо от 14.05.2018 № ЕД-4-2/9126@, в заключительной части письма, обращаясь к неопределенному кругу лиц, просит **распространить полномочия по истребованию информации по счетам физических лиц вне рамок налоговой проверки**. Что это? Незнание действующего законодательства или правовой нигилизм? Банк может представить информацию о счетах налогоплательщика **только по мотивированному запросу налогового органа** (п. 2 ст. 86 НК РФ). В свою очередь, банки обязаны соблюдать банковскую тайну (Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 30.12.2020) «О банках и банковской деятельности» (ст. 26)).

Внимание: В письме от 27.06.2017 № ЕД-4-2/12216@ ФНС России сообщила, что не допускается произвольное истребование документов налоговыми органами, вне рамок налоговых проверок. Иными словами, налоговыми органами должен соблюдаться принцип разумности, целесообразности и обоснованности.

Список источников

1. Ленин, В. И. «Лучше меньше, да лучше» // «Правда». № 49. 1923. 04 марта.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 23.11.2020 № 373-ФЗ «О внесении изменений в главы 26.2 и 26.5 части второй Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 15.04.2019 № 63-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 9 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах».
5. Федеральный закон от 23.11.2020 № 372-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период».
6. Федеральный закон от 01.04.2020 № 102-ФЗ

«О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

7. Постановление КС РФ от 01.03.2012 № 6-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго подпункта 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» (абз. 2 п. 2 Постановления).

8. Письмо ФНС России от 17.08.2020 № ЕА-4-15/13203@ «О процедуре допроса налоговым органом свидетеля с участием представителя».

9. Письмо ФНС России от 10.07.2018 № ЕД-4-15/13247@.

10. Письмо ФНС России от 21.09.2018 № ЕД-4-15/184112@.

11. Письмо ФНС от 28.06.2018 № ЕД-4-2/12467@.

References

1. Lenin, V. I. "Less is better, but better" // "The truth". No. 49. 1923. 04 March.
2. Federal Law No. 265-FZ of 31.07.2020 "On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation".
3. Federal Law No. 373-FZ of 23.11.2020 "On Amendments to Chapters 26.2 and 26.5 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation and Article 2 of the Federal Law "On the Use of Cash Register Equipment in Making Payments in the Russian Federation".
4. Federal Law No. 63-FZ of 15.04.2019 "On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation and Article 9 of the Federal Law "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees".
5. Federal Law No. 372-FZ of 23.11.2020 "On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation regarding the Taxation of Personal Income Exceeding 5 million Rubles for the Tax Period".
6. Federal Law No. 102-FZ of 01.04.2020 "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation".
7. The decision of the constitutional court of the Russian Federation dated 01.03.2012 N 6-P "On the case about the verification of constitutionality of the provisions of the second paragraph of subparagraph 2 of paragraph 1 of article 220 of the Tax code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Commissioner for human rights in the Russian Federation" (par. 2 section 2 of the Resolution).

8. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 10.07.2018 No. ED-4-15/13247@.
17.08.2020 No. EA-4-15/13203@ “On the procedure for questioning by the tax authority of a witness with the participation of a representative”.
9. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 10.07.2018 No. ED-4-15/13247@.
10. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 21.09.2018 No. ED-4-15/18411@.
11. Letter of the Federal Tax Service dated 28.06.2018 No. ED-4-2/12467@.

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили – профессор Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники;

А. И. Григорьев – доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент;

Н. К. Джафаров – старший преподаватель кафедры «Государственное управление и социальные технологии» Московского Авиационного Института (МАИ) Национальный Исследовательский Институт.

Information about the authors

N. D. Eriashvili – Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, winner of the Russian Government prize in science and technology;

A. I. Grigoriev – Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Kosygin Russian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. K. Dzhafarov – Senior Teacher of the Department “State management and social technologies” of the Moscow Aviation Institute (MAI) National Research Institute.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-320-323>

НИОН: 2003-0059-6/21-124

MOSURED: 77/27-003-2021-06-323

Контуры антикриминальной и антикоррупционной модели обеспечения экономической безопасности на основе цифровых технологий сопровождения хозяйственной активности бизнес-агентов

Владимир Иванович Абрамов

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия,

wladimir.abramow@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы формирования антикриминальной и антикоррупционной модели обеспечения экономической безопасности на основе цифровых технологий сопровождения (мониторинга) хозяйственной активности бизнес-агентов. Обоснована необходимость качественного повышения порога анализируемой информации за счет синтеза сложноструктурируемой экономической информации, получаемой от мониторинга закупочных операций хозяйственной активности бизнес-агентов, где криминальные маркеры весьма четко сопрягаются и связывают между собой основные массивы финансовых и имущественных активов.

Ключевые слова: экономика, закупочные операции, управление, экономическая безопасность, информационная система

Благодарности: Статья выполнена в рамках государственного задания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук».

Для цитирования: Абрамов В. И. Контуры антикриминальной и антикоррупционной модели обеспечения экономической безопасности на основе цифровых технологий сопровождения хозяйственной активности бизнес-агентов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 320–323. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-320-323>.

Original article

Outlines of an anti-criminal and anti-corruption model of ensuring economic security based on digital technologies for supporting the economic activity of business agents

Vladimir I. Abramov

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia, wladimir.abramow@gmail.com

Abstract. The problems of the formation of an anti-criminal and anti-corruption model of ensuring economic security based on digital technologies for supporting the economic activity of business agents are considered. The necessity of a qualitative increase in the threshold of the analyzed information due to the synthesis of complexly structured economic information from financial monitoring — support of the economic activity of business agents, where criminal markers are very clearly coupled and connect the main arrays of financial and property assets, has been substantiated.

Keywords: economics, procurement operations, management, economic security, information system

Acknowledgments: The article was carried out within the framework of the state task of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “State Academic University for the Humanities”.

For citation: Abramov V. I. Outlines of an anti-criminal and anti-corruption model of ensuring economic security based on digital technologies for supporting the economic activity of business agents. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):320–323. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-320-323>.

© Абрамов В. И., 2021

В сложившихся условиях можно сформулировать стратегический императив кластера правоохранительных, фискальных и контролирующих органов, а также спецслужб Российской Федерации: мониторинг закупочных операций является важным инструментом, обеспечивающим эффективность регулирования процессов соотношения использования в интересах государства и выводимых из-под его управления и контроля массива финансовых и имущественных ресурсов. Эти ресурсы в ряде случаев используются для попыток перехвата власти, что создает угрозы конституционному строю и безопасности государства.

Это является основой обеспечения экономической безопасности как основы устойчивости политического режима и конституционного порядка, определяющих векторы развития нашей страны на основе снижения криминально-коррупционной составляющей, в т. ч. гарантии устойчивости законной власти и национально-суверенитета России [2]. При этом на базе данных мониторинга закупочных операций, опирающегося на расширенное использование цифровых технологий, осуществляемого кластером правоохранительных, фискальных и контролирующих органов, а также спецслужб Российской Федерации, происходит выявление, своего рода, «реперных точек» функционирования механизмов криминальной финансовой коммуникации в экономике. Эти «реперные точки» являются ключом к созданию (или блокированию государством) финансовых основ определенных политических сил, стремящихся на основе использования криминально-коррупционных механизмов обеспечить себе финансовую базу для последующего перехвата политической власти в нашей стране. В результате фокусируется стратегический концепт кластера правоохранительных, фискальных и контролирующих органов, а также спецслужб Российской Федерации — переход из статуса органов оперативно-финансового контроля в статус органа проектирования социально-экономического действия как базовой детерминанты благоприятного будущего нашей страны (характер лояльности бизнес-элиты России к политическому режиму).

Рассмотренные подходы к повышению эффективности механизмов обеспечения экономической безопасности как основы устойчивости политического режима и конституционного порядка, определяющих векторы развития экономики России в условиях необходимости оздоровления экономики (с учетом обостряющихся внешних и внутренних угроз) позволяют сформулировать контуры антикриминальной и антикоррупционной модели на основе цифровых техноло-

гий. Мониторинг закупочных операций становится базовым инструментом для обеспечения экономической безопасности как основы устойчивости политического режима и конституционного порядка, определяющим векторы развития экономики России на основе противодействия системным экономическим механизмам выведения финансовых и материальных ресурсов из сферы государственного контроля.

Необходимо формирование линейки бизнес-моделей мониторинга закупочных операций в процессах развития интегрированной цифровой платформы для создания сетецентрической информационной системы координированного управления антикриминальной и антикоррупционной деятельностью кластера правоохранительных, фискальных и контролирующих органов, а также спецслужб. Такая инфраструктура служит основой эффективного взаимодействия органов государственного управления, фискальных и правоохранительных органов, которые являются основой мониторинговых систем разного уровня на двухсторонних и многосторонних началах на основе внедрения информационно-аналитического модуля мониторинга закупочных операций.

Сформулированные мероприятия необходимо осуществить с качественным повышением порога анализируемой информации за счет синтеза сложноструктурируемой экономической информации, получаемой от мониторинга закупочных операций — сопровождения хозяйственной активности бизнес-агентов, где криминальные маркеры весьма четко сопрягаются и связывают между собой основные массивы финансовых и имущественных активов как в статике, так и в явной и латентной динамике [4].

Необходима разработка и внедрение моделей управления процессами оптимизации деятельности органов государственного управления, фискальных и правоохранительных органов в системе взаимосвязанных функциональных стратегий антикриминальной и антикоррупционной направленности [3].

Необходимо объединить различные цифровые информационные системы в квази-интегрированное единое информационное пространство, позволяющее осуществлять мониторинг:

- введения в систему, движения в ней и выхода за пределы системы каждого рубля, актива или товарного объекта с элементами smart-контрактов (основанного на присвоении каждой безналичной денежной единице индивидуального номера (smart-рубля) с элементами smart-контракта);
- присвоении каждой единице финансового ак-

тива [включая векселя с RFID-метками] индивидуального номера (smart-контракта);

- включение в каждую купюру — наличную денежную единицу RFID-метки и присвоении ей индивидуального номера с элементами smart-контракта;
- включение в каждую товарную единицу RFID-метки и присвоении ей индивидуально-го номера с элементами smart-контракта), для полной прозрачности этих процессов.

Рассматриваемые цели можно достичь на новых принципах построения мониторинга закупочных операций деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе процессов контроля формирования, концентрации и перераспределения финансовых и материальных ресурсов (активов) государственного и негосударственного характера для антикриминального и антикоррупционного программирования направлений развития агрегированных предпринимательских структур и государственных ведомств [5].

Здесь необходимо создание организационной сети центров облачных информационно-вычислительных сервисов, функционирующую на основе современных интеллектуальных информационно-вычислительных сетей, позволяющих обеспечить эффективное взаимодействие органов госуправления, фискальных и правоохранительных органов [6].

Такая сеть должна позволять осуществлять поведенческий анализ закупочных операций, с выявлением криминализированных ядер финансово-хозяйственных «сцепок», формирующихся на основе кланово-родственных и дружеских связей. Другой вектор этой сети — это динамическое отслеживание (сопровождение) состояния финансовой системы России в сложных условиях (кризис, санкции и пр.), затрудняющих применение традиционных методов анализа, динамику офшорных операций и с адаптацией к динамическому характеру множественных изменений конфигураций криминальных экономических и коррупционных политических связей. Такая инфраструктура может быть сформирована путем региональной, межрегиональной и национальной интеграции корпоративных информационно-коммуникационных сетей, а также приложения интеллектуального анализа данных к комплексному финансовому мониторингу структуры и движения финансовых и имущественных активов на основе сегментов анализа закупочных операций как основы антикриминального финансово-мониторингового сопровождения хозяйственной активности бизнес-агентов.

Поведенческий анализ закупочных операций является основой (на базе данных мониторинга закупочных операций, опирающегося на расширенное использование цифровых технологий, осуществляемого кластером правоохранительных, фискальных и контролирующих органов, а также спецслужб Российской Федерации) выявления, своего рода, «реперных точек» функционирования механизмов криминальной финансовой коммуникации в экономике.

Захват ресурсов является императивом формирования бизнес-основ определенных политических сил, пытающихся перехватить каналы движения финансовых средств и рычаги политической власти в нашей стране [1].

Информационная инфраструктура, формируемая посредством внедрения объединенных интеллектуальным образом информационно-вычислительных сетей необходима для формирования межведомственной системы управления (интегрированной с системами Электронного правительства) деятельностью антикриминального и антикоррупционного кластера госорганов с использованием интеллектуальных технологий и различной конфигурацией нейро-статистической обработки консолидированных мультиисточниковых информационных полей.

Список источников

1. Абрамов, В. И. Применение агент-ориентированного подхода для оценки эффективности институциональных преобразований (на примере системы государственных закупок) // Математические методы и модели в исследовании государственных и корпоративных финансов и финансовых рынков. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М. : ЦЭМИ РАН, 2015. С. 3–6.
2. Агеев, А. И., Логинов, Е. Л. Россия в новой экономической реальности. М. : Институт экономических стратегий, Ассоциация «Аналитика», 2016. 460 с.
3. Акинфеева, Е., Абрамов, В. Особенности участия субъектов малого предпринимательства в государственных закупках // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 6. С. 127–135.
4. Логинов, Е. Л., Логинов, А. Е. Критические потребительские ресурсы как инструмент глобального управления // Финансы и кредит. 2010. № 17 (401). С. 12–20.
5. Мищенко, В. А. Методы анализа электронных транзакций в глобальных информационных сетях // Инженерная физика. 2005. № 4. С. 72–78.
6. Пинчук, В. Н. Обеспечение международной конкурентоспособности российских компаний в си-

стеме мирохозяйственных связей / РГБ // <https://dlib.rsl.ru/01005095893>.

References

1. Abramov, V. I. Application of an agent-oriented approach to assess the effectiveness of institutional transformations (on the example of the public procurement system) // *Mathematical methods and models in the study of public and corporate finance and financial markets. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow : CEMI RAS, 2015. P. 3–6.*

2. Ageev, A. I., Loginov, E. L. *Russia in the new economic reality. Moscow : Institute of Economic Strategies, Association "Analytics", 2016. 460 p.*

3. Akinfeeva, E., Abramov, V. Features of participation of small business entities in public procurement // *Problems of theory and practice of management. 2017. No. 6. P. 127–135.*

4. Loginov, E. L., Loginov, A. E. Critical consumer resources as a tool of global management // *Finance and credit. 2010. No. 17 (401). P. 12–20.*

5. Mishchenko, V. A. Methods of analysis of electronic transactions in global information networks // *Engineering physics. 2005. No. 4. P. 72–78.*

6. Pinchuk, V. N. Ensuring the international competitiveness of Russian companies in the system of world economic relations / *RSE // https://dlib.rsl.ru/01005095893.*

Информация об авторе

В. И. Абрамов – доцент Государственного академического университета гуманитарных наук, кандидат экономических наук.

Information about the author

V. I. Abramov – Associate Professor of the State Academic University for the Humanities, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 14.09.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 14.09.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Бухгалтерский учет. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Ю.А. Бабаева, В.И. Бобошко, А.Ф. Дятловой. 611 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Представлена современная комплексная российская национальная система бухгалтерского учета, отчетности и анализа. Рассмотрены основы теории и организации бухгалтерского учета, содержание единой системы бухгалтерского финансового и управленческого учета.

Дана характеристика бухгалтерской (финансовой) отчетности, изложены основные методы анализа финансового состояния и финансовых результатов деятельности экономического субъекта. Приведена характеристика всех объектов бухгалтерского учета, их первичного, аналитического и синтетического учета, система бухгалтерских записей на взаимосвязанных синтетических счетах.

Материал изложен в полном соответствии с действующими российскими законодательными и нормативными правовыми актами по бухгалтерскому учету и отчетности, с учетом международных стандартов финансовой отчетности.

Для студентов (бакалавров, магистров) вузов, обучающихся по экономическим специальностям, преподавателей и практических работников.

Научная статья

УДК 336.71

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-324-330>

НИОН: 2003-0059-6/21-125

MOSURED: 77/27-003-2021-06-324

Влияние ESG на банковский сектор: новые возможности

Ольга Сергеевна Зимина¹, Юлия Юрьевна Финогенова²

^{1,2} Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

¹ zimi-olya@yandex.ru

² jfinozenova@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются аспекты внедрения ESG принципов в банковском секторе в России и за рубежом. Приводятся результаты анализа новых возможностей в рамках внедрения ESG-банкинга за рубежом и предпосылок для его интеграции в российскую экономику.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG, ESG-банкинг, ESG кошелек, зеленое финансирование

Для цитирования: Зимина О. С., Финогенова Ю. Ю. Влияние ESG на банковский сектор: новые возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 324–330. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-324-330>.

Original article

ESG impact on the banking sector: new opportunities

Olga S. Zimina¹, Yulia Yu. Finogenova²

^{1,2} Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

¹ zimi-olya@yandex.ru

² jfinozenova@yandex.ru

Abstract. The article discusses the aspects of ESG principles implementation in the banking sector in Russia and foreign countries. The analysis of new opportunities within ESG banking development abroad and prerequisites for its integration in the Russian economy is carried out.

Keywords: sustainability, ESG, ESG banking, ESG wallet, green finance

For citation: Zimina O. S., Finogenova Yu. Yu. ESG impact on the banking sector: new opportunities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):324–330. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-324-330>.

В результате масштабного коронакризиса, оказавшего негативное влияние на экономики стран по всему миру, понятия устойчивого развития и ESG стали как никогда актуальными. Ключевой причиной послужил тот факт, что большинство европейских государств, Южная Корея, Япония сделали акцент на “зеленость” в программах посткризисного восстановления. Россия, являясь частью мирового экономического сообщества, также затронута «зеленым переворотом» и

принимает активное участие в развитии национальной системы ESG финансирования.

ESG — принципы экологической, социальной и корпоративной ответственности (ESG -Environmental, Social, Governance), которые должны быть ключевым аспектом деятельности как нефинансовых, так и финансовых организаций, и которые институциональные инвесторы учитывают в процессе принятия инвестиционных решений. ESG является глобальным

трендом XXI века, а экологическая ответственность (“E”) — наиболее актуальным фактором в триаде ESG как с точки зрения общества, так и со стороны инвесторов, и, как следствие, оказывает непосред-

ственное влияние на функционирование финансового сектора, в котором банки выступают в роли «пионера» в процессе перехода к устойчивой экономике (рис. 1).

Рис. 1. Роль банковского сектора в рамках ESG трансформации

Источник: [7]

Концепция зеленого финансирования активно начала развиваться в Европе с 2015 года, когда были приняты 17 целей устойчивого развития (ЦУР) до 2030 года на саммите ООН в Париже. ЦУР послужили ориентиром для создания стратегии устойчивой экономики, улучшения благосостояния и защиты нашей планеты всеми государствами. Правительственные и надзорные органы наряду с банками активно анализируют влияние ESG на финансовый сектор и разрабатывают ряд консультативных документов и руководящих принципов с описанием проекта требований и метрик в рамках ESG, такие как:

- требования к раскрытию информации о корпоративной социальной ответственности, разработанные европейским правительством в 2017 году;
- заключительный отчет о финансировании устойчивой экономики, подготовленный Европейской комиссией European Commission High-Level Expert Group on Sustainable Finance в 2018 году;
- руководство по стресс-тестированию климатических рисков, разработанное Банком Англии, и руководство по раскрытию информации в рамках ESG, разработанное Европейским парламентом и Европейской комиссией в 2019 году;
- в 2020 году немецким регулятором BaFin / FMA совместно с Европейским Центральным Банком было выпущено первое руководство

по управлению климатическими рисками, и наряду с этим был опубликован статус-отчет о состоянии внедрения ESG принципов (TCFD).

Россия, как часть мирового сообщества по вопросам устойчивой экономики, активно изучает международный опыт развития ESG и анализирует предпосылки для его внедрения в нашей стране. На сегодняшний день существует ряд концептуальных локальных документов, оказывающих существенное влияние на совершенствование процессов и регулирование в области зеленого финансирования и ESG в России, таких как:

- Ассоциация российских банков в феврале 2021г. подготовила руководство для кредитных организаций по внедрению ESG-принципов, включая аспекты зеленого финансирования, в рамках реализации ЦУР и национальных целей развития РФ на период до 2030 года [3];
- Рабочая группа по ESG-финансированию в ЦБ РФ подготовила Концепцию развития инструментов “зеленого” финансирования и проектов ответственного инвестирования в России, в которой приведен обзор зарубежной методологической основы функционирования экосистемы зеленых финансов и ответственного инвестирования, выявлены основные элементы, необходимые для внедрения ESG в России, подготовлен примерный план внедрения указанных элементов и составлен перечень

методических материалов, разработанных в разных странах мира и в Российской Федерации [2];

- Банк ВЭБ.РФ разрабатывает комплексную «Методологию в сфере устойчивого развития и привлечения внебюджетных средств, актуализации критериев, требований к верификации проектов, подходов к оценке воздействия на окружающую среду и климат, информационного сопровождения и взаимодействия с международными финансовыми организациями» согласно Распоряжению Правительства РФ от 18 ноября 2020 года № 3024-р [1].

Поскольку трансформация в сторону устойчивого развития и ESG активно начинает проникать в финансовый сектор и будет влиять на банковскую деятельность в долгосрочной перспективе, следует четко понимать долгосрочные преимущества от внедрения данного подхода, чтобы использовать сильные стороны данной системы.

В Европе правительственные органы анонсировали, что для цели по сокращению выбросов парниковых газов на 55 % к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года необходимы дополнительные инвестиции в объеме ~1 100 млрд. евро в год [6]. В частности, в первую очередь это коснется следующих отраслей европейской экономики:

- транспортной отрасли (имеет самую низкую долю использования возобновляемой энергии – необходимы масштабные изменения в сторону «озеленения»);
- жилого фонда (здания, как правило, отвеча-

ют за 40% конечного потребления энергии, и должны быть интегрированы технологии энергоэффективного строительства);

- третичного сектора (высокий спрос на ископаемое топливо, на которое приходится наибольшая доля выбросов парниковых газов).

По результатам анализа портфелей рассматриваемых европейских банков доля заемщиков, относящихся к указанным отраслям, составляет ~ 90 % портфеля, это означает, что им потребуется дополнительное финансирование для достижения собственных целей в рамках перехода к “зеленой” экономике/ESG.

На основе вышеуказанных данных аналитики zeb (на основании консервативного подхода) оценили, что общие потребности в дополнительных инвестициях в соответствующие отрасли приводят к образованию комбинированного нового кошелька для банков в размере ~28,0 млрд. евро в год или ~280 млрд. евро в течение следующих 10 лет и создают возможность для интеграции новых зеленых продуктов в классический банковский кредитный портфель (рис. 2) [6]. Комбинированный банковский кошелек был рассчитан с применением портфельного подхода (используя средний в Европе ежегодный объем нового финансирования в течение следующих 10 лет, средний портфель, включающий ежегодный новый бизнес и объем погашений в течение следующих 10 лет и среднюю европейскую банковскую маржу, рассчитанную на основе опыта проектов и рыночной экспертизы zeb). Структура источников инвестиционных потребностей построена на основе средней структуры финансирования европейских компаний/домохозяйств [6].

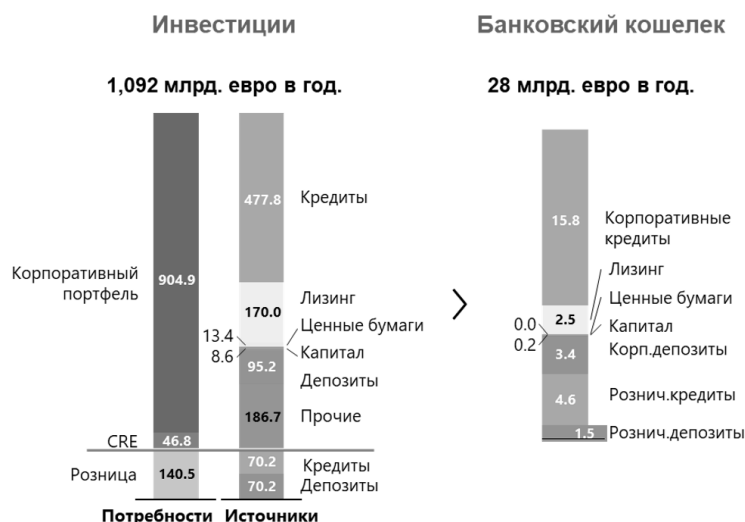

Рис. 2. Оценка комбинированного банковского кошелька в процессе внедрения ESG.

Источник: [6]

Понимание положительных аспектов от внедрения принципов ESG смотивировало европейские банки провести дополнительный анализ по выявлению целевых клиентов, нуждающихся в дополнительном финансировании для соответствия принципам устойчивого бизнеса, и создания для них соответствующих ESG продуктов. Анализ ключевых стран ЕС в области зеленого финансирования и ESG показал, что в настоящее время в более чем 100 финансовых институтах Европы уже существует более 300 новых зеленых продуктов в портфеле, а именно [7].

Скандинавские страны (Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция) – лидеры по уровню внедрения инструментов и решений в области устойчивого финансирования:

- в 2019 году правительства скандинавских стран решили сделать регион самым устойчивым в мире, взяв на себя внутренние обязательства по разработке стратегии защиты климата;
- каждый крупный банк предлагает широкий спектр финансовых решений, связанных с зеленым финансированием и ESG;
- финтех-компании сфокусированы на привлечении зеленых инвестиций и разработке моделей ESG скоринга;

Великобритания:

- в 2015 году Лондонская фондовая биржа создала специальные сегменты “зеленых” облигаций и также предлагает широкий спектр экологических фондов и ETF;
- все крупные банки предлагают решения по устойчивому финансированию в виде “зеленых” и социальных кредитов, в частности, все большей популярностью пользуются “зеленые” облигации;
- широко развитый сектор финтеха предлагает сложные решения с использованием искусственного интеллекта и расширяет предложение цифровых продуктов крупнейших банков;

Швейцария:

- текущая нормативная база отстает от инициатив ЕС, но в 2020 году Федеральный совет объявил о своем плане сделать Швейцарию ведущим финансовым центром в области устойчивого финансирования;
- предложения большинства крупных банков мало отличаются друг от друга, предоставляя ряд устойчивых продуктов и услуг, которые можно считать базовыми предложениями в об-

ласти устойчивого финансирования (зеленые облигации, зеленый ипотечный кредит и т.д.);

Германия:

- конкуренция со стороны финтех-компаний и специализированных учреждений и усиление регулирования являются ключевыми факторами, способствующими появлению экологических предложений у банков;
- все больше инновационных идей среди финтех-компаний (например, углеродно-нейтральный банковский счет) расширяют ассортимент устойчивых продуктов в стране;

Нидерланды:

- в результате введения ужесточенных мер со стороны правительства, направленных на защиту климата, банковский сектор подвергся масштабному “озеленению” — каждый крупный банк предлагает “продукты зеленого стандарта”, такие как зеленые облигации или кредиты, и обязан расширять долю своего зеленого портфеля;
- со стороны банков и финтех-компаний наблюдается активная поддержка сельского хозяйства и стартапов, ориентированных на устойчивое развитие, посредством зеленого финансирования;

Австрия:

- Правительство поддерживает Цели развития ООН, их приверженность со стороны банковского сектора пока носит добровольный характер, а не жесткие обязательные меры;
- лишь несколько региональных банков расширили свой портфель устойчивых продуктов, а некоторые финтех-компании вышли на рынок зеленого финансирования;
- ассортимент устойчивых продуктов относительно невелик и ориентирован, в основном, на немецкий рынок;

Бельгия:

- крупнейшие банки предлагают базовые решения по устойчивому финансированию, но в большей мере все еще предоставляют классические банковские продукты и услуги для устойчивых проектов и компаний;
- финтех-компании в меньшей степени фокусируются на устойчивых решениях.

В России также проанализированы новые возможности для банков в рамках ESG-финансирования для корпоративного сектора. По оценкам ВЭБ.РФ, европейский углеродный налог обойдется нашей стране в 33 млрд. евро в 2025-2030 годах [1]. Чтобы избежать

этого налога и оставаться конкурентоспособными на европейском рынке, российским компаниям также потребуется дополнительное финансирование для внедрения принципов ESG в стратегию и во все сферы деятельности.

Кроме того, согласно мета-исследованию NYU Stern Center for Sustainable Business & Rockefeller Asset

Management существует положительная зависимость между ESG и улучшением финансового положения как компаний корпоративного сектора (в качестве целевых метрик использовались ROE, ROA), так и инвесторов (в качестве целевых метрик использовались альфа-коэффициент или коэффициент Шарпа для портфеля акций) (рис. 3).

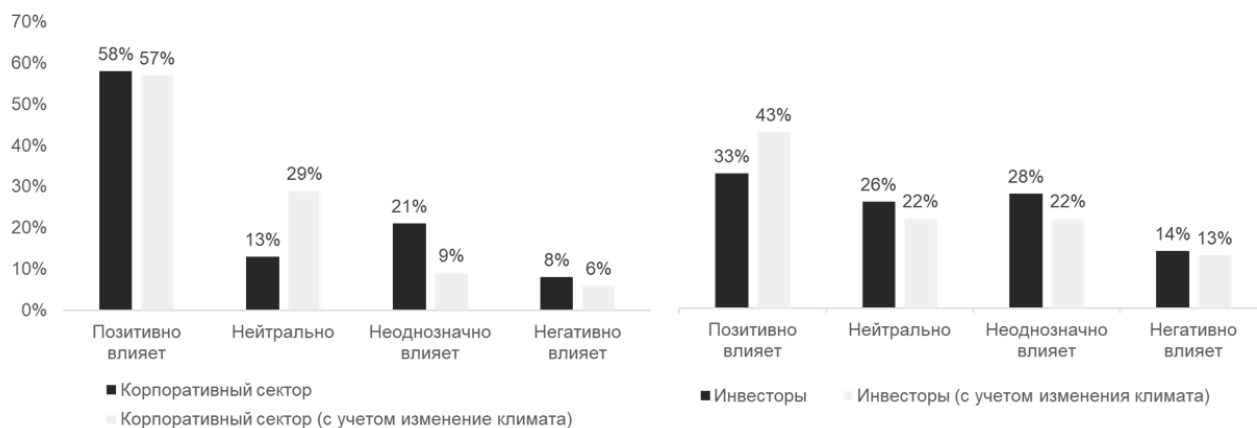

Рис. 3. График корреляций между ESG и финансовыми показателями (на основе 245 исследований, опубликованных в период с 2016 по 2020 год)

Источник: [11]

В отличие от европейских банков, которые понимают для себя выгоды от внедрения ESG и активно интегрируют принципы ESG в свою стратегию и портфель, по результатам исследования Deloitte у более 80 % российских банков пока нет понимания, насколько важно ESG для инвестора, и каковы потенциальные преимущества от внедрения ESG-банкинга. Однако банки играют все более активную роль в разработке общей ESG повестки во всех отраслях российской экономики, и есть несколько примеров банков, которые уже сделали несколько шагов в направлении развития ESG в России.

Одним из наиболее ярких примеров является Московский кредитный банк (МКБ), который разработал собственную ESG стратегию и набор KPI в области устойчивого развития и первым из российских банков получил официальный ESG-рейтинг BBB [esg] от RAEX Europe. На основании этого рейтинга банк привлек уже 2 кредита от немецкого Landesbank Baden-Wuerttemberg (LBBW), одного из лидеров зеленого банкинга в Европе. Такого рода «зеленый» кредит обладает следующими условиями: если ESG рейтинг МКБ будет улучшен и, как следствие, он усилит свои дальнейшие действия в рамках Целей устойчивого развития ООН и Парижского соглашения по климату, то процентная ставка по кредиту будет снижена в течение всего срока кредитования.

Другими примерами среди российских банков, ак-

тивно внедряющие принципы ESG, являются:

- Сбербанк, который опубликовал основные принципы устойчивого развития, интегрированные в собственную стратегию Банка, и успешно открыл кредитную линию для АФК «Система» по ставке, привязанной к ESG, а также принял активное участие в рекордном размещении «зеленых» облигаций ОАО «РЖД» на сумму 100 млрд рублей;
- Совкомбанк, подписавший соглашение с Аэрофлотом, согласно которому ставка по возобновляемой кредитной линии для компании привязана к рейтингу ESG от международного рейтингового агентства MSCI.

Российские банки, находящиеся в составе международных банковских групп, в основном фокусируются на «озеленении» портфелей. Например, Raiffeisen Bank объявил, что прекратит финансирование угольных проектов, связанных с энергетикой, и расширит ESG кредитование. Согласно пресс-релизу банка [8], портфель углеродного финансирования группы RBI будет значительно сокращен. В дальнейшем RBI прекратит выдачу новых кредитов клиентам, у которых доходы от энергетического угля превышают 25 %, а долг таких компаний перед группой должен быть полностью погашен к 2023 году. В то же время RBI планирует увеличить долю инвестиций в ESG-проекты с 10 % на треть к 2025 году.

Таким образом, внедрение ESG-банкинга является передовой темой для проработки среди ведущих мировых ассоциаций и регулирующих органов и играет важнейшую роль в обеспечении экономического роста, защите окружающей среды и повышении качества жизни людей.

Поскольку Россия является участником Парижского соглашения и активно участвует в “зеленой финансовой революции”, развитие национальной устойчивой экономики для поддержания банковского сектора на передовом уровне, привлечения дополнительного финансирования из зарубежных источников и сохранения конкурентоспособности российских производителей является актуальной задачей для нашей страны. Для проведения полномасштабной реструктуризации российского финансового сектора с ориентацией на принципы ESG необходимо разработать финансовый механизм и комплекс мер государственной поддержки для повышения инвестиционной привлекательности и финансовой устойчивости в первую очередь банковского сектора и его крупных корпоративных заемщиков, которые оказывают непосредственное влияние на развитие отдельных отраслей экономики, реализацию национальных проектов и деятельность сегмента малого и среднего бизнеса.

В результате проведенного исследования можно сделать ключевой вывод о том, что ESG имеет ряд положительных последствий в своем влиянии на мировой банковский сектор: это, в первую очередь, увеличение банковского “кошелька” за счет прогнозируемых ESG-инвестиций и расширение портфеля за счет новых “зеленых” продуктов. Не стоит забывать, что существуют и потенциально негативные стороны данного процесса, связанные с возможным усилением регуляторных требований и дополнительными затратами на внедрения ESG, которые в данный момент прорабатываются и требуют всестороннего и детального изучения [4, 10].

В связи с этим банкам необходимо уже сейчас разработать структурированный подход для комплексного внедрения концепции ESG-банкинга, а именно:

- проанализировать влияние отдельных компонентов ESG на различные аспекты деятельности банка (общая стратегия, стратегия бизнес-подразделения и т.д.);
- определить конкретные меры/инструменты в отношении областей воздействия ESG (например, включение ESG рисков в заявление об аппетите к риску, корректировка кредитной политики и структуры корпоративного управления в соответствии с принципами ESG, определение доли потенциального нового “зеленого” бизнеса в портфеле и т.д.);

- разработать общебанковскую стратегию ESG и обозначить точечные задачи в рамках внедрения ESG на уровне конкретного бизнес-подразделения.

Список источников

1. Антонов А. Гриниум. Сколько инвесторы готовы платить за экология? // Исследования ВЭБ. РФ 2020 г. – 2020 // ВЭБ.РФ: сайт банка. URL: <https://xn--90ab5f.xn--plai/ustojchivoe-razvitie/zeljonoe-finansirovanie/>
2. Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования / Банк России. Москва : 2019 // Центральный банк Российской Федерации: сайт. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf (дата обращения: 05.05.2020).
3. Рекомендации Банка России по реализации принципов ответственного инвестирования / Банк России. Москва : 2020 // Центральный банк Российской Федерации: сайт. URL: <https://fs.moex.com/f/13484/05.pdf> (дата обращения: 05.05.2020).
4. EBA Discussion paper on management and supervision of ESG risks for credit institutions and investment firms: European Banking Authority, 2019. URL: https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/document_library/Publications/Discussions/2021/Discussion%20Paper%20on%20management%20and%20supervision%20of%20ESG%20risks%20for%20credit%20institutions%20and%20investment%20firms/935496/2020-11-02%20%20ESG%20Discussion%20Paper.pdf.
5. ESMA letter to EC on ESG ratings / European Securities and Markets Authority. Paris : 2021 // European Securities and Markets Authority: официальный сайт. URL: <https://www.esma.europa.eu/press-news/esma-news/esma-calls-legislative-action-esg-ratings-and-assessment-tools> (reference date: 12.05.2020).
6. European Banking Study 2021, 1st edition; zeb consulting. [Munster]: zeb consulting, 2020. URL: <https://zeb-consulting.com/en-DE/publications/european-banking-study-2021-1st-edition>.
7. NatWest: official website. URL: <https://personal.natwest.com/personal.html> (reference date: 12.05.2020).
8. RAEX-Europe: официальный сайт. URL: <https://raexpert.eu/> (reference date: 05.05.2020).
9. Recommendations of the Task Force on climate-related financial disclosure / Financial Stability Board of the Bank for International Settlements. Switzerland, 2017 // Bank for International Settlements : website. URL: <https://assets.bbhub.io/company/sites/60/2020/10/FINAL-2017-TCFD-Report-11052018.pdf> (reference date: 10.05.2020).
10. The Global Risk Report 2021, 16th edition / World Economic Forum, 2021: insight report. URL: <http://>

www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf.

11. Whelan, T., Atz, U., Van Holt, T. and Clark, C. ESG and financial performance // NYU Stern Center for sustainable business and Rockefeller Asset Management, 2021. URL: https://www.stern.nyu.edu/sites/default/files/assets/documents/NYU-RAM_ESG-Paper_2021%20Rev_0.pdf.

References

1. Antonov A. Grinium. How much are investors willing to pay for ecology? // WEB Research. RF 2020 – 2020 // VEB.RF: the bank's website. URL: <https://xn--90ab5f.xn--plai/ustojchivoe-razvitie/zeljonoefinansirovanie/>

2. The concept of organizing a methodological system in Russia for the development of green financial instruments and responsible investment projects / Bank of Russia. Moscow : 2019 // Central Bank of the Russian Federation: website. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf (accessed: 05.20).

3. Recommendations of the Bank of Russia on the implementation of the principles of responsible investment / Bank of Russia. Moscow : 2020 // Central Bank of the Russian Federation: website. URL: <https://fs.moex.com/f/13484/05.pdf> (accessed: 05.20).

4. EBA Discussion paper on management and supervision of ESG risks for credit institutions and investment firms: European Banking Authority, 2019. URL: https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/document_library/Publications/Discussions/2021/Discussion%20Paper%20on%20management%20and%20supervision%20of%20

ESG%20risks%20for%20credit%20institutions%20and%20investment%20firms/935496/2020-11-02%20%20ESG%20Discussion%20Paper.pdf.

5. ESMA letter to EC on ESG ratings / European Securities and Markets Authority. Paris : 2021 // European Securities and Markets Authority: официальный сайт. URL: <https://www.esma.europa.eu/press-news/esma-news/esma-calls-legislative-action-esg-ratings-and-assessment-tools> (reference date: 12.05.2020).

6. European Banking Study 2021, 1st edition; zeb consulting. [Munster]: zeb consulting, 2020. URL: <https://zeb-consulting.com/en-DE/publications/european-banking-study-2021-1st-edition>.

7. NatWest: official website. URL: <https://personal.natwest.com/personal.html> (reference date: 12.05.2020).

8. RAEX-Europe: официальный сайт. URL: <https://raexpert.eu/> (reference date: 05.05.2020).

9. Recommendations of the Task Force on climate-related financial disclosure / Financial Stability Board of the Bank for International Settlements. Switzerland, 2017 // Bank for International Settlements : website. URL: <https://assets.bbhub.io/company/sites/60/2020/10/FINAL-2017-TCFD-Report-11052018.pdf> (reference date: 10.05.2020).

10. The Global Risk Report 2021, 16th edition / World Economic Forum, 2021: insight report. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf.

11. Whelan, T., Atz, U., Van Holt, T. and Clark, C. ESG and financial performance // NYU Stern Center for sustainable business and Rockefeller Asset Management, 2021. URL: https://www.stern.nyu.edu/sites/default/files/assets/documents/NYU-RAM_ESG-Paper_2021%20Rev_0.pdf.

Информация об авторах

О. С. Зимина – аспирант кафедры финансов и цен Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Ю. Ю. Финогенова – профессор кафедры финансов и цен Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук.

Information about the authors

O. S. Zimina – Graduate Student in the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics;

Yu. Yu. Finogenova – Professor of the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 29.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 336.225.68:343.148.5:004.891

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-331-336>

НИОН: 2003-0059-6/21-126

MOSURED: 77/27-003-2021-06-325

Применение средств автоматизации в экономических исследованиях несостоятельности хозяйствующего субъекта

Андрей Николаевич Ищенко¹, Маргарита Викторовна Михеева²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ botonko@yandex.ru

² mvmikheeva@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются новые подходы к применению информационных технологий в экономических исследованиях финансово-аналитического направления.

Ключевые слова: новые подходы, несостоятельность, экономическое исследование, автоматизация

Для цитирования: Ищенко А. Н., Михеева М. В. Применение средств автоматизации в экономических исследованиях несостоятельности хозяйствующего субъекта // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 331–336. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-331-336>.

Original article

The use of automation tools in economic studies of the insolvency of an economic entity

Andrey N. Ischenko¹, Margarita V. Mikheeva²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ botonko@yandex.ru

² mvmikheeva@mail.ru

Abstract. New approaches to the application of information technologies in economic research of the financial and analytical direction are considered.

Keywords: new approaches, insolvency, economic research, automation

For citation: Ischenko A. N., Mikheeva M. V. The use of automation tools in economic studies of the insolvency of an economic entity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):331–336. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-331-336>.

Целью и основной задачей настоящего исследования ставилось экспериментальное доказательство возможности применения автоматизированных систем с целью проведения экономического исследования несостоятельности организации применительно к структурам органов внутренних дел. В качестве инструментария был использован стандартный табличный процессор, использование которого продиктовано, в первую очередь простотой реализации и отсутствием необходимости применения навыков и знаний про-

граммиста при одновременном удовлетворении данного программно продукта необходимому для экспериментальных целей функционалу. Для исследования были использованы текстовые, арифметические и логические формулы, позволившие построить простейшую модель проведения финансово-аналитического исследования.

В качестве методической основы анализа несостоятельности была принята комбинация расчетные коэффициентов по модели Фулмера.

© Ищенко А. Н., Михеева М. В., 2021

$$H = 5,528 \times K1 + 0,212 \times K2 + 0,073 \times K3 + 1,27 \times K4 + 0,12 \times K5 + 2,335 \times K6 + 0,575 \times K7 + 1,083 \times K8 + 0,894 \times K9 - 6,075$$
, где

$K1$ = нераспределенная прибыль прошлых лет / A ;

$K2$ = выручка от продаж / A ;

$K3$ = $(\text{Пдн} + \text{Пу}) / \text{СК}$;

$K4$ = денежный поток / $(\text{КО} + \text{ДО})$;

$K5$ = $\text{ДО} / A$;

$K6$ = $\text{КО} / A$;

$K7$ = Log (материальные активы);

$K8$ = оборотный капитал / $(\text{ДО} + \text{КО})$;

$K9$ = $\text{Log} [(\text{Пдн} + \text{Пу}) / \text{Пу}]$.

Здесь A — активы компании, ДО и КО — ее долгосрочные и краткосрочные обязательства, Пдн — прибыль до налогообложения, Пу — проценты к уплате, СК — собственный капитал. Если по результатам оценки предприятия по этой модели $H < 0$, то существует риск банкротства предприятия.

В используемой модели было применено несколько листов табличного процессора. Моделирование листа ввода исходных данных для построения автоматизированной системы.

Для быстрой и качественной диагностики вероятности банкротства будем использовать модель Д. Фулмера.

Эксперимент состоял в моделировании автоматизированной системы в виде финансово-экономического исследования показателей хозяйственной деятельности.

Исходный лист состоит из названия исследования, перечисления вопросов, поставленных перед экспертом, а также бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах на примере ОАО «АК «ТРАНСАЭРО».

Перед исследованием были поставлены следующие вопросы:

Поставлены следующие вопросы:

1. Какова вероятность наступления банкротства ОАО «Авиационная компания «ТРАНСАЭРО»?

2. Если такая вероятность высока, какие хозяйственные операции могли повлиять на становление банкротства ОАО «Авиационная компания «ТРАНСАЭРО», какова степень их влияния?

3. Сохранит ли ОАО «Авиационная компания «ТРАНСАЭРО» исходную тенденцию к банкротству при исключении данных хозяйственных операций?

Ввод названия организации в исследование автоматизируем с помощью формулы «=СЦЕПИТЬ(“Финансово-экономическое исследование показателей”;N16; “по выявлению вероятности

наступления банкротства и его причин”))», таким образом, после ввода названия организации в формулу № 1 отчетности, оно будет автоматически отражаться в шапке листа (рис. 1).

Подобным образом автоматизируем ввод поставленных перед экспертом вопросов.

Описание расчетной стадии построения автоматизированной системы.

Для ответа на первый вопрос проведем анализ данных бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах ОАО «АК «ТРАНСАЭРО» по модели Д. Фулмера.

Как и в предыдущем случае, автоматизируем ввод названия организации в шапке расчетной страницы, ссылаясь на ячейку из листа ввода исходных данных формы № 1, с помощью формулы «=СЦЕПИТЬ(“Прогнозирование банкротства”;исходный!N16; “по модели Д. Фулмера”))» (рис. 2).

Для наглядности и понятности внешним пользователям расчетов распишем подробный ход прогнозирования банкротства по модели Д. Фулмера. Лист расчетов примет соответствующий вид.

После этого приступим к процессу расчета коэффициентов непосредственно по листу ввода исходных данных. Для этого каждый показатель строки из формул коэффициентов свяжем с его числовым значением из бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах соответственно. При этом необходимо обращать внимание на использование модуля числа в формах № 1 и № 2, и при необходимости расставлять отрицательное значение в показателях строки (рис. 3). То же самое проделываем с каждым расчетным коэффициентом.

Следующий этап — автоматизация расчетов итогового показателя H модели Д. Фулмера. Для этого свяжем ячейки ввода значений коэффициентов с рассчитанными ранее показателями (рис. 4). Коэффициенты 6, 7, 8 и 9 связываем по аналогии.

После этого необходимо автоматизировать выводы по расчетным данным с помощью формул «=СЦЕПИТЬ(“Вывод по расчетным данным прогнозирования банкротства”; исходный!N16; “по модели Д. Фулмера”))» и «=ЕСЛИ (расчеты!A176 > 0; СЦЕПИТЬ(“наступление банкротства”; исходный!N16; “маловероятно”); ЕСЛИ (расчеты!A176=0; СЦЕПИТЬ(“наступление банкротства”; исходный!N16; “возможно”); СЦЕПИТЬ(“наступление банкротства”; исходный!N16; “неизбежно”)))» с указанием на итоговый показатель H . Если $H < 0$, то наступление банкротства неизбежно (рис. 5).

A1 : X ✓ fx =СЦЕПИТЬ("Финансово-экономическое исследование показателей "; N16;" по выявлению вероятности наступления банкротства и его причин")

1 **Финансово-экономическое исследование показателей ОАО "Авиационная компания**
"ТРАНСАЭРО" по выявлению вероятности наступления банкротства и его причин

3

4 **Поставлены следующие вопросы:**

5 1. Какова вероятность наступления банкротства ОАО "Авиационная компания "ТРАНСАЭРО"?"

6 2. Если такая вероятность высока, какие хозяйственные операции могли повлиять на становление банкротства ОАО "Авиационная компания "ТРАНСАЭРО", какова степень их влияния?

7 3. Сохранил ли ОАО "Авиационная компания "ТРАНСАЭРО" исходную тенденцию к банкротству при исключении данных хозяйственных операций?

8

9

10 **Исходные данные**

11

12 **Бухгалтерский баланс**
на 31 декабря 2014 г.

Дата (число, месяц, год)	30	03	15
Организация	ОАО "Авиационная компания "ТРАНСАЭРО"		
Идентификационный номер налогоплательщика	11233782		
Вид экономической деятельности	Деятельность воздушного пассажирского транспорта, по подчиняющегося расписанию		
Организационно-правовая форма/форма собственности	ОАО		
Единица измерения: тыс. руб.	191104, Россия, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 48.		

Коды	0710001
Форма по ОКУД	30 03 15
по ОКПО	11233782
ИНН	5701000985
ОКВЭД 2	62.10
по ОКФС/ОКФС	47 16
по ОКЕИ	384

Рис. 1. Автоматизация ввода названия организации в финансово-экономическое исследование

A1 : X ✓ fx =СЦЕПИТЬ("Прогнозирование банкротства ";исходный!N16;" по модели Д.Фулмера")

1 **Прогнозирование банкротства ОАО "Авиационная компания "ТРАНСАЭРО" по модели**
Д.Фулмера

3

4 **Формула**

5
$$H = 5,528 * K1 + 0,212 * K2 + 0,073 * K3 + 1,27 * K4 + 0,12 * K5$$

$$+ 2,235 * K6 + 0,575 * K7 + 1,083 * K8 + 0,894 * K9 - 6,075$$

7

8

9

10 **Расчетные коэффициенты**

11

12 $K1 = \frac{\text{Нераспределенная прибыль прошлых лет}}{\text{Общая сумма активов}} = \frac{\text{стр. 1370}}{\text{стр. 1600}}$

13

14 $K2 = \frac{\text{Выручка от продаж}}{\text{Общая сумма активов}} = \frac{\text{стр. 2110}}{\text{стр. 1600}}$

15

16

17 $K3 = \frac{\text{Прибыль до налогообложения} + \text{Проценты к уплате}}{\text{Собственный капитал}} = \frac{\text{стр. 2300} + 2330}{\text{стр. 1300}}$

18

19

20 $K4 = \frac{\text{Чистая прибыль (убыток)}}{\text{Краткосрочные} + \text{Долгосрочные обязательства}} = \frac{\text{стр. 2400}}{\text{стр. 1400} + 1500}$

21

22

23 $K5 = \frac{\text{Долгосрочные обязательства}}{\text{Общая сумма активов}} = \frac{\text{стр. 1400}}{\text{стр. 1600}}$

24

25

26 $K6 = \frac{\text{Краткосрочные обязательства}}{\text{Общая сумма активов}} = \frac{\text{стр. 1500}}{\text{стр. 1600}}$

27

28

29 $K7 = \lg (\text{Материальные активы}) = \lg (\text{стр. 1140} + 1150 + 1160 + 1190 + 1210 + 1260)$

30

31

32 $K8 = \frac{\text{Оборотный капитал}}{\text{Краткосрочные} + \text{Долгосрочные обязательства}} = \frac{\text{стр. 1200} - 1500}{\text{стр. 1400} + 1500}$

33

34

35 $K9 = \lg \left(\frac{\text{Прибыль до налогообложения} + \text{Проценты к уплате}}{\text{Проценты к уплате}} \right) = \lg \left(\frac{\text{стр. 2300} + 2330}{\text{стр. 2330}} \right)$

36

37

38

39 **Индикаторы банкротства**

Рис. 2. Автоматизация ввода названия организации в лист расчетов

D47 : X ✓ fx =-исходный!ВН62

44

45

46 **Расчеты**

47 $K1 = \frac{-21677292}{158862566} = -0,1364531$

48

49

50 $K2 = \frac{117313131}{158862566} = 0,7384567$

51

52

Рис. 3. Автоматизация расчета коэффициентов банкротства

После анализа показателей бухгалтерской отчетности ОАО «АК «ТРАНСАЭРО» за 2014 год можно сделать вывод, что наступление банкротства неизбежно.

В случае с анализом влияния каких-либо происходивших хозяйственных операций на финансовое состояние, необходимо определиться с интересующими нас операциями и произвести моделирование отчетности, после которого произвести расчёт уже рассмотренных коэффициентов.

Для ответа на последний вопрос необходимо переписать показатели бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах так, как будто данных хозяйственных операций не было. Иными словами, нужно исключить эти операции из отчетности ОАО «АК «ТРАНСАЭРО». Для этого вручную моделируем лист расчетных данных со скорректированными бухгалтерским балансом и отчетом о финансовых результатах.

После этого необходимо повторить расчет коэффициентов банкротства, однако, ссылаться уже на показатели скорректированной отчетности.

Все остальные расчеты проводились по аналогии.

Мы видим, что после исключения из отчетности рассмотренных хозяйственных операций, итоговый показатель N по модели Д.Фулмера превысил свое предыдущее значение и при данном раскладе наступление банкротства ОАО «АК «ТРАНСАЭРО» маловероятно.

Для ответа на поставленные перед исследованием вопросы необходимо смоделировать лист с выводами. Ввод информации должен быть автоматизирован с помощью результатов проделанных прежде расчетов.

Для этого используем несколько формул (рис. 6):

«=СЦЕПИТЬ(“1. При сохранении исходных тенденций экономических показателей”;расчеты!A81)» с указанием на вывод из расчетов по исходным данным;

«=ЕСЛИ(расчеты2!A177>расчеты1!A176; СЦЕПИТЬ(«2. При исключении рассмотренных хозяйственных операций из экономических показателей»;исходный!N16;» коэффициент банкротства по модели Д. Фулмера увеличился, что показывает отрицательное влияние данных операций на общую платежеспособность организации»);ЕСЛИ(расчеты2!A177=расчеты1!A176;СЦЕПИТЬ(«При исключении рассмотренных хозяйственных операций из экономических показателей»;исходный!N16;» коэффициент банкротства по модели Д. Фулмера не изменится, что показывает отсутствия какого либо влияния данных операций на общую платежеспособность организации»);СЦЕПИТЬ(«При исключении рассмотренных хозяйственных операций из экономических показателей»;исходный!N16;» коэффициент банкротства по модели Д. Фулмера уменьшился, что пока-

зывает положительное влияние данных операций на общую платежеспособность организации»))» с указанием сравнения показателя N из расчетов по скорректированным и исходным данным;

«=СЦЕПИТЬ(«3. При исключении рассмотренных хозяйственных операций из экономических показателей»;расчеты2!A83)» с указанием на вывод из расчетов по скорректированным данным (рис. 6).

После рассмотрения отчетности ОАО «АК «ТРАНСАЭРО» и расчете коэффициентов банкротства по модели Д. Фулмера можем ответить на поставленные изначально перед исследованием вопросы.

Вывод:

Проведенное экспериментальное исследование по созданию модели автоматизированной системы по оценке несостоятельности организации по модели Фулмера считаем успешным. В результате была доказана как возможность, так и эффективность применения рассматриваемых здесь систем. Считаем эксперимент удавшимся и определенно достигшим своих целей.

Библиографический список

1. Креминская, Ю. А., Суслов, Д. А. К вопросу о проведении экономических исследований с использованием электронных баз данных // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 5. С. 48–53.
2. Дианов, Д. В. Возможности применения статистических методов для оценки экономических активов как фактора налоговых поступлений // Аудит и финансовый анализ. 2006. № 5. С. 005–018.
3. Сальников, К. Е., Суслов, Д. А. Методические проблемы решения типовых экспертных задач при исследовании исполнения обязательств по исчислению НДС // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 7. С. 21–27.

Bibliographic list

1. Kreminskaya, Yu. A., Suslov, D. A. On the issue of conducting economic research using electronic databases // Economics, statistics and computer science. Bulletin of the UMO. 2014. No. 5. P. 48–53.
2. Dianov, D. V. Possibilities of using statistical methods for assessing economic assets as a factor of tax revenues // Audit and financial analysis. 2006. No. 5. P. 005–018.
3. Salnikov, K. E., Suslov, D. A. Methodological problems of solving typical expert tasks in the study of the fulfillment of obligations to calculate VAT // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 7. P. 21–27.

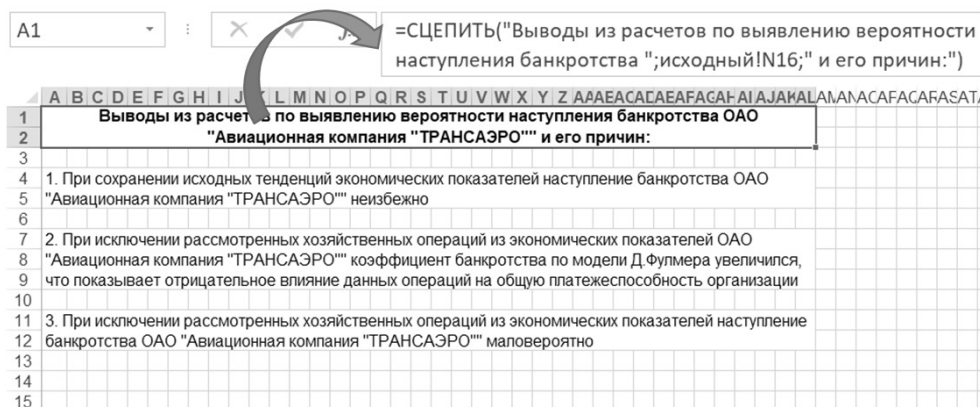

Рис. 6. Автоматизация построения общих выводов

Информация об авторах

А. Н. Ищенко – доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат экономических наук;

М. В. Михеева – старший преподаватель кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the authors

A. N. Ischenko – Associate Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences;

M. V. Mikheeva – Senior Lecturer of the Department of Economic Security, Finance and Economic analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 28.05.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-337-343>

НИОН: 2003-0059-6/21-127

MOSURED: 77/27-003-2021-06-326

Информационно-коммуникационная инфраструктура как элемент развития контрактной системы

Александр Николаевич Литвиненко¹, Игорь Евгеньевич Гусаров²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, Lanfk@mail.ru, ORCID 0000-0003-0599-4027

² Военная академия материально-технического обеспечения, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития отечественной контрактной системы на основе информатизации и автоматизации. Автором проанализированы основные аспекты организационного обновления и развития информационно-коммуникационной инфраструктуры государственных закупок и возможности модернизации существующей системы. На основе выявленных противоречий определены перспективные направления дальнейшего развития сферы закупок.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, управление в сфере закупок, цифровизация, автоматизация закупочной деятельности, информационно-коммуникационная инфраструктура

Для цитирования: Литвиненко А. Н., Гусаров И. Е. Информационно-коммуникационная инфраструктура как элемент развития контрактной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 337–343. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-337-343>.

Original article

Information and communication infrastructure as an element of the contract system development

Alexander N. Litvinenko¹, Igor E. Gusarov²

¹ Saint-Petersburg University of the MIA of Russia, Saint-Petersburg, Russia, Lanfk@mail.ru, ORCID 0000-0003-0599-4027

² Military Academy of Logistics, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The article discusses the prospects for the development of the domestic contract system based on informatization and automation. The author analyzes the main aspects of organizational renewal and development of the information and communication infrastructure of public procurement and the possibility of modernization of the existing system. On the basis of the revealed contradictions, promising directions for further development of the procurement sphere are determined.

Keywords: contract system, public procurement, procurement management, digitalization, automation of procurement activities, information and communication infrastructure

For citation: Litvinenko A. N., Gusarov I. E. Information and communication infrastructure as an element of the contract system development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):337–343. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-337-343>.

Введение. В Российской Федерации сформирована контрактная система для обеспечения государственных нужд. Сфера закупок представляет собой многоуровневую организационно-техническую структуру,

влияющую на бизнес, его ИТ-архитектуру и включающую в себя основные правила, процессы, процедуры, каталоги товаров и поставщиков. Среди основных целей управления закупками — повышение эффек-

© Литвиненко А. Н., Гусаров И. Е., 2021

тивности и конкурентоспособности, оптимизация расходов, обеспечение бесперебойной поставки качественных товаров, формирование круга надежных контрагентов, максимизация доходов и минимизация издержек, унификация и стандартизация номенклатуры закупаемых товаров, улучшение корпоративного взаимодействия, — информатизация и автоматизация закупочной деятельности являются одновременно и целью, и инструментами.

В условиях формирования цифровой экономики внедрение информационно-технологических решений в деятельность организации повышает производительность труда, снижает издержки, увеличивает оборачиваемость как финансовых ресурсов, так и оборотных средств.

Контрактная система активно автоматизирует закупочную деятельность и развивается под воздействием ряда стимулов: минимизация издержек (включая трудозатраты и сроки бизнес-процессов) как стратегическая цель организации; централизация управления и унификация бизнес-процессов; внедрение централизованных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в организации; технологическое развитие и формирование глобальных электронных торговых платформ; оперативность предоставления данных для принятия решений; прозрачность и контролируемость закупок; соблюдение регуляторных требований в части хранения информации. Немаловажным фактом является стимулирующая роль закупочной деятельности со стороны государства-заказчика, выступающего «первым покупателем» нового продукта [8].

Поступивший в июне текущего года в Совет Федерации правительственный законопроект об упрощении госзакупок вызвал обсуждение в экспертной среде [7]. Новый закон предполагает упростить порядок определения подрядчиков (исполнителей), «отсесть» участие в закупках недобросовестных участников и фирм-однодневок.

Методологической основой работы при решении поставленных задач стало использование процессного и ситуационного подходов.

Анализ развития контрактной системы. К основным факторам, влияющим на развитие информационных технологий в отечественной системе государственных закупок относятся: ИКТ, сетевые навыки; инвестиции и инновации; условия ведения бизнеса; конкуренция и коррупция.

Особенностями контрактных систем являются: планирование в обеспечении государственных нужд, ценовой мониторинг, формирование типовых контрактов, модификация инструментов контроля и оценки результатов исполнения контрактов, накопление информационных ресурсов [5]. Сравнительный анализ эффективности применения различных вариантов каждого инструмента позволит определить пер-

спективные направления развития для отечественной контрактной системы.

Происходящая научно-техническая революция требует построения отечественной контрактной системы в новой институциональной форме — как элемента будущей «умной» экономики. В то же время результаты анализа трудов как отечественных, так и зарубежных специалистов в части институализации, трансформации и цифровизации контрактной системы пока не нашли должного практического отражения. Помимо научного базиса перехода к электронному формату контрактная система нуждается в соответствующем методическом обеспечении. Внедрение качественных сетевых коммуникаций и инновационных технологических решений невозможно без соответствующего нормативно-правового и организационно-методического обеспечения сопровождения. От правительства требуется организационная гибкость и адаптивность, нормативно-правовое поле не должно создавать административные барьеры для появления новых институтов в цифровой экономике, а также защищать пользователей и потребителей от рисков и вызовов, характерных для цифровой среды.

Внедрение единой информационной системы государственных закупок позволило вывести организацию контрактной системы на новый уровень и повысить конкуренцию на рынке государственного заказа. В то же время нельзя останавливать развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры (ИКИ) исключительно на формировании цифровой среды взаимодействия заказчиков и поставщиков.

Под развитием ИКИ следует понимать совокупность процессов и направлений совершенствования программно-вычислительных инструментов реализации закупочной деятельности, цифровизации отдельных этапов и процедур закупки, модернизации существующей информационно-технической базы.

Уровни развития сферы закупок. Для систематизации, расширения и углубления знаний в данном направлении, разработки, внедрения и оценки эффективности инструментов обеспечения закупочной деятельности, на наш взгляд, целесообразно выделить три уровня информационно-коммуникационного развития сферы закупок: развитие ИКИ контрактной системы; информационно-коммуникационное развитие государственного заказчика; информационно-коммуникационное развитие компаний-исполнителей.

Рассматривая первый уровень классификации выделим тенденции, которые сейчас определяют развитие всей сферы государственных закупок.

Одним из направлений развития сферы закупок является глобализация закупочного пространства, которая выражается в масштабировании взаимодействия электронных площадок участников ЕАЭС. Перспективным инструментом воплощения данной идеи

выступают платформы электронной коммерции. По сути это первые глобальные маркетплейсы, которые делают доступными закупки, позволяют продвигать товары российских производителей на электронных площадках стран ЕАЭС. Данное направление считается перспективным, так как позволяет связать между собой всех потенциальных покупателей и продавцов. Из реализованных в нашей стране проектов, можно отметить Единый агрегатор торговли «Березка» (ЕАТ «Березка»), Портал поставщиков Москвы, у РТС-тендер — 52 электронных магазина и 11 корпоративных магазинов.

Успешность проектов по интернационализации рынка позволит упростить процесс проведения закупки, поставив факторы времени и качества продукции в один ряд с приоритетным для бюджетной системы критерием цены.

Стратегической целью развития закупочных технологий должен стать переход на платформу, позволяющую осуществление закупки у поставщика с наилучшим предложением, а не субъективно выбранного производителя. На сегодняшний день анализируется

возможность внедрения и использования VI-систем для планирования поставок: сбор и анализ данных из множественных источников, очистка, установление связей, построение моделей с регулируемыми параметрами [11]. Для этих целей необходимо соответствующее программное и техническое обеспечение, связанное с обработкой больших массивов данных, связанных с анализом качественных и количественных характеристик предлагаемой поставщиками продукции (работ, услуг).

Уже в ближайшее время возможно принятие на федеральном уровне трансграничных решений, направленных на построение единой витрины торгов Россия-Белоруссия-Казахстан в виде глобального e-commerce маркета.

Сегодня государство, как главный заказчик и потребитель в цифровой экономике, предопределяет развитие системы закупок. Проводимая политика должна основываться на наборе эффективных инструментов информационно-телекоммуникационного обеспечения для минимизации издержек от несовершенства рынка государственного заказа [2] (см. табл. 1).

Таблица 1

Долгосрочная стратегия информационно-коммуникационного развития сферы закупок

<i>Направление</i>	<i>Цель</i>	<i>Инструмент</i>
Технологическое обновление и развитие	Безопасность	Блокчейн
	Сокращение сроков	Смарт контракты
	Автоматизация закупок	Интеллектуальная информационная система
Модернизация	Глобализация	Глобальный e-commerce маркет
	Упрощение	Закупки у поставщика, сделавшего наилучшее предложение
	Конкуренция	Глобальный e-commerce маркет
	Транспарентность	Блокчейн
	Оптимизация расходов	Автоматизация закупочной деятельности

Второй уровень — информационно-телекоммуникационное развитие государственного заказчика — предполагает анализ перспективных информационно-технологических решений в части возможностей внедрения и использования в отечественной контрактной системе. С учетом международного опыта и тенденций развития отечественных бизнес-структур выделяют пять ключевых технологических трендов, способных повысить эффективность автоматизации закупок [1].

1. Блокчейн как список безотзывных транзакционных записей. Каждая транзакция содержит обязательный набор реквизитов, в том числе время, и находится жесткой привязке к предыдущим записям. Данная технология представляет практический интерес для трансформации закупочных процедур на основе информационно-технических решений для хранения и

обработки данных, а также управления контрактами в целом. Блокчейн может повысить прозрачность и снизить коррупционные риски государственных закупок. Каждый субъект закупки, обладающий правом доступа, может в любой момент просмотреть необходимую транзакционную запись. Безотзывный характер транзакций снижает риски всех субъектов закупочной деятельности.

2. Смарт-контракт представляет собой контракт с программными кодами. По своей сути это программное обеспечение или протокол, работающий на технологической платформе и базе блокчейна. Данная технология может применяться для автоматизации исполнения положений контракта и потенциально может прийти на смену сложным юридическим документам. С помощью смарт-контрактов потенциал блокчейн-технологий позволит автоматизировать

весь процесс управления контрактами. Внедрение и использование смарт-контрактов в организации закупочной деятельности – в зависимости от возможностей, специфики и потребностей — может быть как пределами одного положения контракта, так и в рамках управления полным циклом контракта. Фундаментальные разработки в данной области предполагают переход на смарт-контракты как отдельных подразделений, ответственных за закупки, так и организаций в целом с последующим функционированием всей экосистемы на данной основе.

На сегодняшний день несовершенная нормативно-правовая база регулирования государственных закупок, а также недостатки информационного обеспечения субъектов закупок ограничивают переход к системе смарт-контрактов [1].

3. Управление жизненным циклом контракта представляет собой переход от управления отдельными закупочными процедурами к единому процессу проактивного управления контрактом. Данная технология позволит минимизировать ряд рисков некачественного управления: ухудшение деловой репутации организации; упущенная выгода от незаключенных контрактов; увеличение издержек при изменении условий контракта; продление и преждевременное прекращение, штрафы, потерянные доходы.

В тактических целях CLM-решения применяются либо в корпоративном масштабе, либо на уровне подразделения, либо могут быть развернуты тактически в рамках конкретного контракта. На сегодняшний день CLM-решения организации применяют для: обеспечения документооборота и архивного хранения контрактов; реализации корпоративных решений, обеспечивающих функциональные взаимодействия между структурными подразделениями; улучшения функциональности пользовательского интерфейса и аналитики, интеграции с существующими приложениями; выявления новых тенденций контрактов в сети поставок.

4. Искусственный интеллект для закупок — это концепция применения технологий искусственного интеллекта (прогнозирующая аналитика, когнитивные эксперты). В сфере закупок может применяться при классификации расходов и анализе контрактов, для повышения эффективности деятельности при управлении рисками, подборе исполнителей, автоматизации поиска поставщиков и др.

5. Роботизированная автоматизация процессов (RPA) сочетает технологии распознавания пользовательского интерфейса и выполнения рабочих процессов. RPA-процессы направлены на передачу функций и задач, требующих выполнения циклических и повторяемых действий от человека к программному обеспечению (роботу).

На уровне информационно-коммуникационно-го развития компаний-исполнителей закупочная де-

ятельность занимает все большее место в системе управленческих отношений организации. Рентабельность компаний определяется успешностью внедрения результатов технологического развития. Кроме того, формирование полноценной экосистемы предприятия на основе развития информационно-коммуникативной инфраструктуры, системы управления закупками и получения возможности для принятия решения в режиме реального времени для многих компаний становится не просто модным трендом, а вопросом конкурентоспособности и выживания [3].

Закупочный процесс с позиций финансовой деятельности практически для каждой организации является предметом нормативного регулирования и контроля. С учетом организационно-правовой структуры и статуса организации применяются соответствующие специальные регуляторные подходы [9; 10].

Следует отметить, что структуре расходной части бюджета организаций с государственным участием закупки товаров и услуг варьируются от 25 до 65 %. Безусловно, значительные расходы требуют соответствующего планирования, контроля и анализа. Автоматизация закупочной деятельности позволяет обеспечить: оперативность доступа к большим объемам информации, уменьшение вероятности проявления коррупционных рисков, непрерывность мониторинга соблюдения условий проведения закупок, качество управленческих решений, формирование функционально-иерархического разграничения ответственности между подразделениями, осуществляющими закупочную деятельность.

При этом для автоматизации закупочной деятельности заказчик должен конкретизировать требования к функциональным возможностям системы, способности её интеграции с действующими информационными системами, внешними электронными торговыми площадками.

Практическое выражение автоматизации закупочной деятельности организации заключается в следующих аспектах: анализ рыночных цен; мониторинг количественных и качественных показателей по всем закупкам; проверка наличия опыта выполнения соответствующих заказов у потенциальных поставщиков; контроль за изменениями в конкурсную документацию; анализ требований заказчика; интеграция системы с действующими сетевыми информационными ресурсами; проверка аффилированности участников закупочной деятельности.

Ключевой драйвер развития всей сферы закупок — ее цифровизация. Учитывая комплексный характер данного процесса, направлениями его развития выступают: повсеместный переход на электронную форму и документооборот, интеграция с ЕИС, повышение прозрачности сферы закупок за счет усиления контрольных мероприятий посредством автоматизации.

Несмотря на очевидные положительные ожидаемые изменения в результате автоматизации, как для сегмента коммерческих закупок, так и для регулируемых закупок, следует различать цели и приоритеты в процессе внедрения данных. Так, в сфере корпоративных закупок, в том числе с государственным участием, ожидаемые экономические выгоды от внедрения систем автоматизации закупочной являются приоритетными в качестве инструмента максимизации прибыли и оптимизации издержек.

Однако для государственных закупок на практике первичным будет формальное исполнение требований регулятора. Экономические выгоды в виде повышения производительности труда, качества и прозрачности закупочной деятельности, уменьшения коррупционных рисков и роста эффективности деятельности предприятий государственного сектора экономики, вторичны, не всегда осязаемы.

Безусловно, система государственных закупок, как и многие другие сферы присутствия государства в экономике, развивается значительно медленнее отраслей, генерирующих прибыль экономических субъектов. В связи с этим имеет смысл обратить внимание на те практические решения, которые уже применяются отдельными компаниями, рассмотреть возможность адаптации их в сфере закупок, рассчитать бюджетный и экономический эффект от внедрения.

Формирование интеллектуальной контрактной системы. Фундаментальные основы трансформации отечественной системы государственных закупок в интеллектуальную контрактную систему заложены Бижоевым Б. М. Использование информационно-вычислительных систем с интеллектуальной поддержкой для обеспечения государственных и муниципальных нужд стало важным элементом инфраструктуры государственного сектора экономики и электронного правительства.

Сущность интеллектуальной системы выражается в формировании и развитии программной системы, представляющей собой совокупность взаимодействующих элементарных структур и процессов. Целевая функция данной системы заключается в передаче от человека традиционных функций конкретной предметной области к программным средствам искусственного интеллекта [5].

Формирование интеллектуальной контрактной системы в сфере закупок предполагает поэтапное внедрение информационно-технических решений, позволяющих автоматизировать отдельные элементы управления контрактом. Реализация концепции такой контрактной системы уже началась. Совместная разработка ФАС и ГК «Ростех» позволяет в автоматизированном режиме выполнять предусмотренные законом закупочные процедуры [4].

Формировать предмет закупки и начальную цену

на стадии планирования до объявления закупок, анализировать расходы, управлять рисками, подбирать поставщиков — все это может оптимизировать искусственный интеллект для закупок.

На этапе заключения контракта процесс проверки потенциальных контрагентов на предмет соответствия единым требованиям может быть автоматизирован посредством RPA-технологий.

Исполнение контракта, прежде всего, финансовых условий, возможно перевести на новый уровень за счет внедрения смарт-контрактов, расширенных при помощи блокчейн-технологий. Блокчейн позволит перевести все транзакции на специальные счета, что повысит прозрачность и снизит коррупционные риски, а смарт-контракты переведут исполнение отдельных положений контракта в автоматизированный процесс. Такое сочетание позволит приблизиться к переходу на управление полным циклом контракта.

Мониторинг, управление и контроль над соблюдением всех условий контракта целесообразно проводить с применением CLM-технологий. Для эффективности проведения закупок необходима реализация корпоративных решений, обеспечивающих функциональные взаимодействия между всеми структурными единицами организации, а также улучшение функциональности пользовательского интерфейса и аналитики, интеграция с существующими приложениями.

Необходимо дополнить данные концептуальные направления развития сферы закупок еще одним глобальным информационно-технологическим трендом — переходом на «облачные» технологии. Концепция использования облачных решений (IaaS, PaaS, SaaS) является одним из стратегических императивов в бизнес-применении информационных технологий. В отечественной контрактной системе целесообразно внедрение «облачной» платформы, повышающей безопасность и открытость всей контрактной системы, а также позволяющей сократить издержки содержания информационно-коммуникативной системы закупочной детальности в целом, и каждого участника в частности (см. табл. 2).

Заключение. На пути реализации оптимизационного законопроекта [4] в сфере госзакупок остается ряд неразрешенных противоречий между:

- сокращением сроков проведения закупочных процедур посредством уменьшения числа способов закупок с отказом от сложных процедур (с одиннадцати до трех) и потенциальной опасностью потери эффективности проведения закупки, в том числе закупки менее качественных товаров;
- сохранением аукциона (в нем главным критерием отбора является цена) как наиболее распространенного в России способа госзакупок и наличием «аукционного крена», трактующе-

го, что областью применения такого способа являются продажи, а не закупки;

- нововведением в форме универсальной предквалификации, призванной не допустить к крупным закупкам (от 20 млн рублей) недобросовестных поставщиков, а также компаний без опыта работы в рамках контрактной системы, и опасностью того, что это может послужить ограничению конкуренции;
- введением рейтинга деловой репутации участ-

ников и появлением ограничений для участников закупок, в том числе по контрактам, заключенным по результатам «закрытых» госзакупок.

Разрешение этих противоречий на основе информатизации и автоматизации закупочных процессов в российской контрактной системе позволит минимизировать существующие риски и повысить эффективность, открытость и прозрачность системы государственных закупок.

Таблица 2

Сферы применения технологий в интеллектуальной контрактной системе

Стадия контракта	Сфера	Возможные технологии	Ожидаемый эффект
Планирование и нормирование закупок	Каталог закупок	Искусственный интеллект	Осуществление и обновление в автоматическом режиме процедур закупок
	Информационный поиск	Искусственный интеллект	Автоматическая подборка и выдача результатов, кастомизированная рассылка закупок по видам деятельности
	Определение НМЦК	ПО для АЗД, анализ больших массивов данных	Правильное определение НМЦК в автоматизированном режиме
	Формирование предмета закупки	ПО для АЗД	Точное формирование предмета закупки в автоматизированном режиме
Заключение контракта	Поиск наилучших предложений	Искусственный интеллект, смарт контракт	автоматическое заключение контракта с лучшим по соотношению цена – качество предложением
	Проверка контрагента на соответствие единым требованиям	Роботизированная автоматизация процессов (RPA)	Автоматический контроль соответствия участника закупок квалификационным требованиям
Исполнение контракта	Специальные счета	Блокчейн	Маркировка транзакций и автоматический контроль расходования
	Эскроу-счета для обеспечения исполнения контракта	Блокчейн, смарт-контракт	Автоматический возврат средств после подтверждения исполнения обязательств по контракту
	Оплата контрактов	Блокчейн, смарт-контракт	Автоматическая оплата после наступления события
Мониторинг, контроль	Соблюдение условий контракта	CLM-технологии	Автоматизированный контроль выполнения всех положений контракта
Ведение электронной документации	Цифровизация закупок	«облачные» технологии, CLM-технологии	Обработка и хранение данных

Список источников

1. Автоматизация закупок: Опыт крупнейших заказчиков, структура рынка, тренды. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения 28.06.2021).
2. Бижоев, Б. М. Основы интеллектуальной контрактной системы в сфере государственных закупок // *Journal of economic regulation*. № 1. 2018. С. 10–122.
3. Ионичев, В. Н. Внедрение информационных технологий в процесс управления закупками компании с государственным участием в контексте обеспечения экономической безопасности // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. № 12 (74). С. 174–183.
4. Корпорация «Ростех» построила автоматизированную систему управления финансовой и за-

купочной деятельностью / <https://consulting.lc.ru/cases/106205.html> (дата обращения 28.06.2021).

5. Мубаракшина, Э. Р. Зарубежный опыт организации государственных закупок // *Вестник науки и образования*. 2018. № 16-1 (52). С. 69–73.
6. Обобщение: автоматизация как средство решения «болевых точек» контрактной системы / <https://zakupki-digital.ru/novosti/obobshhenie-avtomatizacija-kak-sredstvo-reshenija-bolevyih-tochek-kontraktnoj-sistemy/> (дата обращения 28.06.2021).
7. Поддержан законопроект об упрощении госзакупок / <http://duma.gov.ru/news/50981/> (дата обращения 28.06.2021).
8. Покровская, В. В., Ускова, Е. А. Современный зарубежный опыт в области развития государственных закупок // *Российский внешнеэкономический*

вестник. 2008. № 3. С. 25–38.

9. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: Консультант Плюс.

10. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: Консультант Плюс.

11. Что такое BI-система? <https://biconsult.ru/cho-takoe-bi> (дата обращения 28.06.2021).

References

1. Procurement automation: Experience of the largest customers, market structure, trends. Electronic resource. Access mode: <https://www.tadviser.ru/index.php> / (accessed 28.06.2021).

2. Bizhoyev, B. M. Fundamentals of the intellectual contract system in the field of public procurement // Journal of economic regulation. No. 1. 2018. P. 10–122.

3. Ionichev, V. N. Introduction of information technologies into the procurement management process of a company with state participation in the context of ensuring economic security // Regional problems of economic transformation. 2016. No. 12 (74). P. 174–183.

4. Rostec Corporation has built an automated

financial and procurement management system / <https://consulting.lc.ru/cases/106205.html> (accessed 28.06.2021).

5. Mubarakshina, E. R. Foreign experience in the organization of public procurement // Bulletin of Science and Education. 2018. No. 16-1 (52). P. 69–73.

6. Generalization: automation as a means of solving the “pain points” of the contract system / <https://zakupki-digital.ru/novosti/obobshhenie-avtomatizaciya-kak-sredstvo-resheniya-bolevyih-tochek-kontraktnoj-sistemy> / (accessed 28.06.2021).

7. The bill on simplification of public procurement was supported / <http://duma.gov.ru/news/50981> / (accessed 28.06.2021).

8. Pokrovskaya, V. V., Uskova, E. A. Modern foreign experience in the field of public procurement development // Russian Foreign Economic Bulletin. 2008. No. 3. P. 25–38.

9. Federal Law “On Procurement of Goods, works, services by certain types of Legal entities” dated 18.07.2011 No. 223-FZ [Electronic resource]. Access mode: Consultant Plus.

10. Federal Law “On the Contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs” dated April 5, 2013 No. 44-FZ (with amendments and additions) [Electronic resource]. Access mode: Consultant Plus.

11. What is a BI system? <https://biconsult.ru/cho-takoe-bi> (accessed 28.06.2021).

Информация об авторах

А. Н. Литвиненко – доктор экономических наук, профессор;

И. Е. Гусаров – кандидат военных наук, доцент.

Information about the authors

A. N. Litvinenko – Doctor of Economic Sciences, Professor;

I. E. Gusarov – Candidate of Military Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 09.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-344-348>

НИОН: 2003-0059-6/21-128

MOSURED: 77/27-003-2021-06-327

Систематизация методов повышения эффективности осуществления функции органа валютного контроля

Дмитрий Валерьевич Назарычев¹, Андрей Владимирович Богатырев², Елена Сергеевна Игонина³, Олег Демьянович Соловьев⁴

^{1, 2, 3, 4} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

⁴ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹ dnazarychev@mail.ru

Аннотация. В современной тенденции либерализации валютного законодательства России особое внимание уделяется оценке эффективности осуществления государственной функции органа валютного контроля. Совершенствование системы валютного регулирования и контроля способствует увеличению числа добросовестных субъектов, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, а также укреплению экономического суверенитета страны.

Ключевые слова: валютный контроль, эффективность осуществления функции органа валютного контроля, репатриация

Для цитирования: Назарычев Д. В., Богатырев А. В., Игонина Е. С., Соловьев О. Д. Систематизация методов повышения эффективности осуществления функции органа валютного контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 344–348. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-344-348>.

Original article

Systematization of methods to improve the efficiency of the function of the currency control body

Dmitry V. Nazarychev¹, Andrey V. Bogatyrev², Elena S. Igonina³, Oleg D. Soloviev⁴

^{1, 2, 3, 4} Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

⁴ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

¹ dnazarychev@mail.ru

Abstract. In the current trend of liberalization of Russian currency legislation, special attention is paid to assessing the effectiveness of the implementation of the state function of the currency control body. Improving the system of foreign exchange regulation and control contributes to an increase in the number of bona fide entities engaged in foreign economic activity, as well as to the strengthening of the country's economic sovereignty.

Keywords: foreign exchange control, the effectiveness of the function of the foreign exchange control body, repatriation

For citation: Nazarychev D. V., Bogatyrev A. V., Igonina E. S., Soloviev O. D. Systematization of methods to improve the efficiency of the function of the currency control body. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):344–348. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-344-348>.

© Назарычев Д. В., Богатырев А. В., Игонина Е. С., Соловьев О. Д., 2021

Одной из главных обязанностей государства является не только реагирование на события, связанные с выявлением и пресечением правонарушений, но и проведение комплекса профилактических мероприятий, что и нашло отражение в принятом в 2016 году Федеральном законе от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Отсутствие установленного порядка и возможности отслеживания соблюдения требований законодательства при осуществлении валютных операций может привести к полноценной угрозе экономической безопасности и финансовой стабильности страны. Состояние валютной сферы иллюстрирует органам валютного регулирования насколько эффективны меры валютной политики, что в свою очередь определяет и результативность валютного контроля, проводимого уполномоченными органами.

В юридической и экономической науках обстоятельно разработаны и исследованы категории «эффективность», «экономическая эффективность», а также соответствующие критерии ее оценки, относящиеся, прежде всего, к коммерческим организациям [3]. Понятие же эффективности использования бюджетных средств не регламентировано бюджетным законодательством, оно лишь упоминается в статье 34 Бюджетного кодекса РФ среди принципов бюджетной системы.

И. И. Мазур подчеркивает [5], что «эффективность использования бюджетных средств определяется не столько традиционными объективными показателями действенности решений по типу: «затраты-выпуск» или «затраты-результат», сколько по соотношению результатов и ресурсов, использованных для достижения стратегических целей политической системы и реализации общих государственных интересов».

При определении указанных составляющих первоочередное внимание следует обратить на сущность валютного контроля и преследуемые им цели, а также на то, какие из них могут быть реализованы на уровне отдельного органа валютного контроля.

Валютный контроль со своими положительными и отрицательными сторонами [2] может по-разному влиять на экономику, а его нормативно-правовая имплементация может иметь больший или меньший эффект в виде различных количественных характеристик, являющихся показателями степени достижения цели.

Однако, если в случае неисполнения резидентом обязанности, закрепленной в пункте 1 части 1 статьи 19 Федерального закона от 10 декабря 2003 года

№ 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», ответственность реально возможна, то в большинстве случаев нарушения обязанности по пункту 2 части 1 обозначенной статьи и дальнейшее привлечение к административной или уголовной ответственности крайне затруднительно, в виду излишней, на наш взгляд, либеральности нормы, предполагающей в качестве обязательного условия привлечения к ответственности наличия во внешнеэкономических контрактах срока возврата денежных средств. Указанная норма соответствует духу гражданского права определяющего, что стороны контракта вправе определить любые условия контракта, тем не менее, отсутствие вышеуказанного обязательства и порядка его исполнения во внешнеэкономическом контракте делает, зачастую, привлечение лиц, нарушивших указанные требования, невозможным, ввиду невозможности определения события правонарушения.

Между тем, валютный контроль, в первую очередь, нацелен на контроль именно за исполнением указанных норм. Во-вторых, он ориентирован на исполнение резидентами норм и правил, установленных актами органов валютного контроля (обязательных инструкций, указаний и положений Банка России, также постановлений и распоряжений Правительства России), исполнение которых призвано обеспечить осуществление текущего валютного контроля его агентами за соблюдением резидентами требований норм статьи 19 указанного выше закона. Мерами же воздействия по итогам и в рамках валютного контроля являются, как уже было ранее замечено, привлечение нарушителей, в первую очередь, к административной ответственности и вынесение в их адрес постановлений, представлений и предписаний.

На данный момент вышеуказанная цель законодательно достигается через нормы, закрепленные в статье 19 рассматриваемого Федерального закона, определяющие понятие репатриации денежных средств, ответственность за неисполнение которой установлена как в КоАП РФ, так и в Уголовном кодексе РФ.

Кроме того, считаем объективным, что передачу материалов проверок с выявленными признаками составов уголовных преступлений в подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, либо в правоохранительный блок ФТС России [4], ни при каких обстоятельствах нельзя отнести к целям контрольной деятельности в сфере валютного контроля осуществляемой действующими органами валютного контроля.

Таким образом, исходя из обозначенной цели валютного контроля, можно выделить две группы ме-

тодов повышения эффективности осуществления рассматриваемой государственной функции, основываясь на том, что аудит эффективности [1] представляет собой целенаправленные действия уполномоченных органов по проверке расходования бюджетных средств:

1) Методы, ориентированные на увеличение достигнутого результата за счет повышения производительности исполнения рассматриваемой функции.

Первым методом повышения производительности любого органа валютного контроля по осуществлению государственной функции валютного контроля является организационный метод. Суть его заключается в организации исполнения рассматриваемой функции на уровне отдельного структурного подразделения таким образом, чтобы обеспечить достижение необходимого результата в установленный отчетный период, то есть повышение эффективности организации исполнения указанной функции зависит от наличия установленных сроков осуществления конкретных действий, последовательности и случаев их исполнения в рамках контрольных мероприятий и подготовки к ним, а также ответственности за их неисполнение, что обеспечит надлежащую исполнительскую дисциплину, являющуюся, как уже было отмечено выше, залогом качественного результативного контрольного мероприятия.

Повысить эффективность организации исполнения государственной функции валютного контроля на стадии административного производства и реализации его результатов возможно путем принятия на уровне конкретного органа валютного контроля локального нормативного акта, ликвидирующего с учетом сложившейся практики пробелы, связанные с тем, что КоАП РФ содержит только общую последовательность процессуальных действий, максимальные сроки их осуществления и не содержит ответственности отдельных исполнителей за ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей.

Второй метод повышения производительности осуществления государственной функции валютного контроля можно назвать социально-экономическим, заключающимся в стимулировании производительности труда каждого отдельного сотрудника путем увеличения его денежного содержания, а именно дополнительных выплат, к которым среди прочего относятся премии за выполнение различных заданий, максимальный размер которых не ограничивается.

Поэтому, на наш взгляд, единственным действительным денежным стимулятором служащих органов валютного контроля может быть премия, размер которой может в частности зависеть от размера экономии

фонда оплаты труда и оценки показателей служебной деятельности.

Экономия фонда оплаты труда в частности может образоваться за счет нахождения сотрудников в служебных командировках, в очередных оплачиваемых отпусках, в отпусках по временной нетрудоспособности и так далее. Структуру премии за отчетный период следует отобразить в следующем виде:

$$\text{Пр} = \text{Прб} * \text{кфот} * \text{козд}$$

где:

Пр — премия, полагающаяся сотруднику;

Прб — базовая единица премии сотрудника, размер которой целесообразно приравнять к окладу денежного содержания;

кфот — коэффициент базовой единицы премии сотрудника, исходя из размера экономии фонда оплаты труда;

козд — оценка служебной деятельности сотрудника исходя из результатов его деятельности (осуществление контрольных мероприятий или обеспечение административного производства и реализации его результатов).

Если коэффициент базовой единицы премии сотрудника кфот определяется исходя из размера экономии фонда оплаты труда в каждом органе валютного контроля самостоятельно, то оценку служебной деятельности сотрудников козд полагаем целесообразным осуществлять по критериям и показателям, использованным ранее для оценки органов валютного контроля на предмет исполнения ими рассматриваемой государственной функции, то есть исходя из удельного веса осуществленных контрольных мероприятий, рассмотренных дел об административных правонарушениях и качества исполнительской дисциплины, то есть:

$$\text{козд} = V_{+вк} / V_{вк} * 100 \%$$

где:

$V_{+вк}$ — объем результативных контрольных мероприятий или дел об административных правонарушениях, осуществленных одним сотрудником;

$V_{вк}$ — общий объем контрольных мероприятий или дел об административных правонарушениях, проведенных одним сотрудником.

После его определения, предлагается, что показатель может принимать следующие значения:

козд = 1, если он находится в интервале $0 \% < \text{козд} \leq 30 \%$;

козд = 2, если он находится в интервале $30 \% < \text{козд} \leq 70 \%$;

козд = 3, если он находится в интервале $70 \% < \text{козд} \leq 100 \%$.

Полагаем, что предлагаемый подход в определении размера премии сотрудников, занятых исполнением функции валютного контроля, на разных ее стадиях будет способствовать повышению не только производительности их труда, так и результативности исполнения функции в целом.

2) Методы, ориентированные на сокращение расходов на осуществление государственной функции валютного контроля.

Как уже было установлено, уменьшение расходов по отдельным кодам классификации операций сектора государственного управления возможно только в случае, если указанный результат может быть достигнут за счет действий, финансирование которых осуществляется по другому коду классификации операций сектора государственного управления, при этом, определяя такую возможность, следует исходить из сравнения необходимых расходов по различным кодам классификации операций сектора государственного управления по отношению к остаткам указанных средств, доведенных до конкретного органа валютного контроля по соответствующим кодам классификации операций сектора государственного управления.

Таким образом, замена одних расходов на альтернативные целесообразна, когда при равнозначности результата отношение первых расходов к остаткам денежных средств на соответствующем коде классификации операций сектора государственного управления на момент возникновения необходимости осуществления действий больше, чем аналогичное отношение альтернативных расходов к остаткам средств на соответствующем коде классификации операций сектора государственного управления.

Еще одним вариантом заменимости одних расходов на другие является замена расходов, непосредственно относящихся, к исполнению функции валютного контроля, расходами, которые относятся к ее исполнению опосредовано, но опять же при условии, что они приводят к достижению идентичного результата.

Предложенные группы методов повышения эффективности осуществления государственной функции органа валютного контроля позволят выработать уполномоченным субъектам новые подходы к противодействию правонарушениям и преступлениям в

валютной сфере, что, безусловно, способствует обеспечению экономической безопасности России и укреплению национального суверенитета.

Список источников

1. Антипова, Т. В. Аудит эффективности как система целенаправленных действий органов внешнего контроля по проверке расходования бюджетных средств // Вестник АКСОР. 2016. № 4 (40). С. 112–119.
2. Звягин, С. А., Зеленев, Д. С., Абдулкеримов, Р. А. О некоторых недостатках валютного контроля в Российской Федерации // На страже экономики. 2020. № 2 (13). С. 139–146.
3. Калиева, О. М., Разумова, М. С., Дергунова, М. И., Говорова, М. С. Понятие экономической эффективности коммерческой деятельности // Инновационная экономика (материалы Международной научной конференции). 2014. С. 99–103.
4. Калинин, Ю. П. Взаимодействие ОВД с субъектами валютных правоотношений // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 75–77.
5. Мазур, И. И., Шапиро, В. Д., Ольдерогге, Н. Г. Эффективный менеджмент: Учебник. М., 2016.

References

1. Antipova, T. V. Performance audit as a system of targeted actions of external control bodies to check the spending of budgetary funds // Vestnik AKSOR. 2016. № 4 (40). P. 112–119.
2. Zvyagin, S. A., Zelenov, D. S., Abdulkarimov, R. A. On some shortcomings of currency control in the Russian Federation // On the guard of the economy. 2020. № 2 (13). P. 139–146.
3. Kalieva, O. M., Razumova, M. S., Dergunova, M. I., Govorova, M. S. The concept of economic efficiency of commercial activity // Innovative Economy (materials of the International Scientific Conference). 2014. P. 99–103.
4. Kalinchenko, Yu. P. Interaction of the Department of Internal Affairs with the subjects of currency legal relations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 8. P. 75–77.
5. Mazur, I. I., Shapiro, V. D., Olderogge, N. G. Effective Management: A Textbook. M., 2016.

Информация об авторах

Д. В. Назарычев – начальник кафедры финансов, налогов и кредита Нижегородской академии МВД России, кандидат экономических наук;

А. В. Богатырев – профессор кафедры управления Нижегородской академии МВД России, доктор экономических наук, доцент;

Е. С. Игонина – доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, кандидат экономических наук;

О. Д. Соловьев – доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

D. V. Nazarychev – Head of the Department of Finance, Taxes and Credit of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences;

A. V. Bogatyrev – Professor of the Department of Management of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor;

E. S. Igonina – Associate Professor of the Department of Forensic accounting and Accounting of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences;

O. D. Soloviev – Associate Professor of the Department of Forensic accounting and Accounting of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Forensic Science of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 29.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Российская
таможенная академия

ТОРГОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ. ЭКСПОРТНЫЙ И ВАЛЮТНЫЙ КОНТРОЛЬ

ЮНИТИ
UNITI

Торговые ограничения. Экспортный и валютный контроль. Под ред. В.Б. Мантусова. Учебник. 463 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник".

Дается системное изложение вопросов торговых ограничений, экспортного и валютного контроля в международной торговле товарами и услугами. Рассматриваются задачи и сущность, особенности и правовые основы организации и реализации торговых ограничений, валютного и экспортного контроля внешнеторговых потоков в разрезе международного и национального законодательства.

Для профессиональной подготовки студентов вузов по специально-сти "Таможенное дело", а также лиц, занимающихся внешнеэкономической деятельностью.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-349-355>

НИОН: 2003-0059-6/21-129

MOSURED: 77/27-003-2021-06-328

Неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности Российской Федерации

Юрий Геннадьевич Наумов¹, Глеб Андреевич Хазиев²

^{1,2} Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹ naumov6112@rambler.ru

² glebhaziev@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком в контексте экономической безопасности Российской Федерации. Проводится анализ текущего состояния и тенденций российского фондового рынка, судебной практики и материалов контрольно-надзорных органов по делам, связанным с неправомерным использованием инсайдерской информации и манипулированием рынком. Приводится расчет фактического и потенциального ущерба экономической системе и участникам фондового рынка от указанного вида преступлений. Предлагаются пути повышения эффективности противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком.

Ключевые слова: инсайдерская информация, манипулирование рынком, экономическая безопасность, фондовый рынок

Для цитирования: Наумов Ю. Г., Хазиев Г. А. Неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 349–355. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-349-355>.

Original article

Misuse of insider information and market manipulation as a threat to the economic security of the Russian Federation

Yury G. Naumov¹, Gleb A. Khaziev²

^{1,2} Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ naumov6112@rambler.ru

² glebhaziev@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of illegal use of insider information and market manipulation in the context of the economic security of the Russian Federation. The analysis of the current state and trends of the Russian stock market, judicial practice and materials of control and supervisory authorities in cases related to the misuse of insider information and market manipulation. The calculation of the actual and potential damage to the economic system and stock market participants from the specified type of crime. Ways to improve the effectiveness of countering the illegal use of insider information and market manipulation are proposed.

Keywords: insider information, market manipulation, economic security, stock market

For citation: Naumov Yu. G., Khaziev G. A. Misuse of insider information and market manipulation as a threat to the economic security of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):349–355. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-349-355>.

© Наумов Ю. Г., Хазиев Г. А., 2021

Фондовый рынок является одним из основных элементов финансового рынка. Когда мы говорим об инвестициях на развитых рынках, то в первую очередь, подразумевается именно фондовый рынок, как основной механизм размещения и перераспределения капиталов. Российский фондовый рынок, несмотря на свое активное развитие, которое наблюдается в последние годы, очень сильно отстает от фондовых рынков развитых стран, что напрямую сказывается на инвестициях в российскую экономику.

Если обратиться к концепции экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года [4], то можно заметить, что большое количество положений, прямо или косвенно касаются фондового рынка. Так, например, среди основных вызовов и угроз экономической безопасности выделяются:

- усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, увеличение разрыва между стоимостной оценкой реальных активов и производных ценных бумаг;
- усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков;
- подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам (в том числе в результате влияния спекулятивного иностранного капитала);
- недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом;
- низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам и др.

А в качестве целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности закреплены:

- укрепление экономического суверенитета Российской Федерации;
- повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз;
- обеспечение экономического роста и др.

Достижение указанных целей просто невозможно без развитого, устойчиво функционирующего фондового рынка, что доказано на практическом примере многих развитых стран.

Говоря об угрозах фондового рынка Российской Федерации, стоит выделить геополитические риски, которые актуализируются с каждым годом, несовершенство нормативного регулирования, низкий уровень сформированности рынка и его участников, высокая волатильность, вызванная всеми вышеперечисленными факторами и др.

Большая часть из существующих угроз вызвана внешними факторами, изменение которых требует большого количества времени и усилий, а также зависит от многих участников международной финансовой системы.

В то же время существуют внутренние факторы и угрозы, повлиять на которых не просто реально, а возможно в достаточно короткие сроки и при этом эффективно. Одним из таких факторов, выступает стабильность и прозрачность фондового рынка. Данный фактор зависит от соблюдения участниками фондового рынка законодательства и недопущения ими недобросовестных практик. Одними из наиболее опасных недобросовестных практик на финансовом рынке являются неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком, так как они напрямую угрожают стабильности функционирования фондового рынка страны.

Для детального рассмотрения данной проблемы, следует:

- охарактеризовать текущее состояние и тенденции фондового рынка России;
- проанализировать судебную практику и материалы контрольно-надзорных органов по делам, связанным с неправомерным использованием инсайдерской информации и манипулированием рынком;
- произвести расчет фактического и потенциального ущерба экономической системе и участникам фондового рынка, возникающий в результате неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком;
- предложить пути повышения эффективности противодействия рассматриваемым противоправными проявлениями.

На сегодняшний день, фондовый рынок России — это 7,6 млн участников, владеющих активами на общую сумму 12,7 трлн рублей, 72 % которых принадлежат физическим лицам [3]. За последний год, количество инвесторов на фондовом рынке приблизилось к 10 % экономически активного населения страны¹. Совокупный объем биржевых операций покупки и продажи, совершенных профучастниками в III квартале 2020 г., составил рекордные 420 трлн руб. (+12 % к/к и +20 % г/г). Учитывая складывающуюся макроэкономическую обстановку, снижение ключевой ставки Центрального банка и следующее за ним

¹ В октябре 2020 года количество уникальных клиентов на Московской Бирже составило 7,5 млн человек. Численность рабочей силы, по данным Росстата, составила 75,3 млн человек.

снижение ставок по депозитам, увеличивающийся у населения интерес к фондовому рынку, а также динамику последних лет (рис. 1), можно прогнозировать, что в ближайшие годы на российский фондовый ры-

нок будет приходить все большее количество клиентов, что повлечет увеличение активов в обращении, а значит и развитие фондового рынка, который играет все большую роль в экономике России.

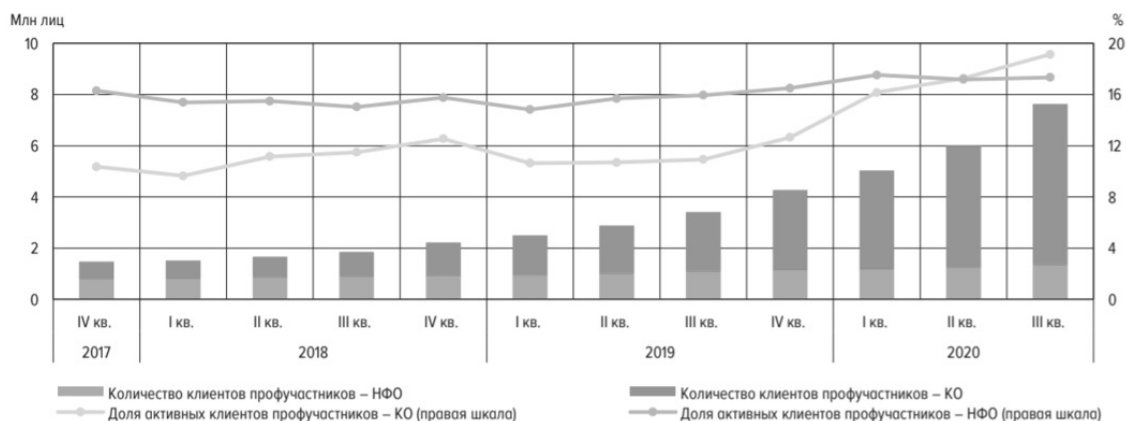

Рис. 1. Динамика числа клиентов на брокерском обслуживании и доли активных клиентов.

Источник: Банк России

Таким образом, мы видим, что фондовый рынок России — это один из основных элементов финансовой системы нашей страны, включающий в себя более 7,5 млн участников и огромные потоки финансовых активов. Развитие данного экономического института, может способствовать стабилизации и активному развитию экономики России, в связи с чем просто необходимо сделать все возможное для устранения угроз и факторов, препятствующих стабильному функционированию фондового рынка.

Одной из главных внутренних угроз стабильному функционированию и развитию фондового рынка выступают недобросовестные практики поведения его участников, к которым в первую очередь относятся неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком. Данные противоправные проявления наносят серьезный ущерб для инвестиционной привлекательности российского фондового рынка, в том числе для иностранных инвесторов, которые активно инвестируют в российскую экономику, особенно в части покупки государственных облигаций и корпоративных облигаций российских компаний.

Если обратиться к судебной статистике по уголовным делам, связанным с неправомерным использованием инсайдерской информации (ст. 185.6 УК РФ) и манипулирование рынком (ст. 185.3 УК РФ), то может сложиться впечатление, что проблемы не существует, так как за последние годы имеется всего один приговор, вынесенный в 2019 году в отношении бывшего трейдера «Ак Барс Банка», в результате действий ко-

торого банку был причинён ущерб в размере 76 миллионов рублей.

Но на самом деле, все немного сложнее. Изучив результаты деятельности департамента противодействия недобросовестным практикам и ежегодные годовые отчеты Банка России, который выполняет роль мегарегулятора всего финансового рынка, нами была получена следующая статистика по выявленным случаям неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком (таблица 1).

Только за последние 3 отчетных года в правоохранительные органы были направлены 16 материалов проверок по фактам неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком. Из них только одно уголовное дело дошло до суда и по нему был вынесен приговор.

Так существует ли проблема? И стоит ли из-за столь незначительного количества преступных проявлений, серьезно задумываться над изменением механизма выявления, раскрытия и расследования данной группы преступлений?

Отвечая на эти вопросы, прежде всего стоит сказать про общественную опасность данных преступлений. В первую очередь, опасность заключается в крупном размере ущерба от данных противоправных проявлений. Так, нами были проанализированы результаты надзорной деятельности Банка России [1], согласно которым средний ущерб от одного факта неправомерного использования инсайдерской информации или манипулирования рынком составляет 120–150 миллионов рублей. Если сделать поправку

на несовершенство существующей надзорной системы, нехватку времени, сил, средств и ресурсов, то при самых скромных оценках, можно предположить, что количество установленных фактов, составляет одну десятую от фактического количества преступных проявлений. Тогда совокупный годовой ущерб от неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком, составляет порядка

8 млрд рублей. И это только фактический ущерб. В контексте объемов самого фондового рынка эта цифра кажется незначительной, но данный ущерб наносится широкому перечню субъектов, среди которых профучастники рынка ценных бумаг, частные инвесторы, брокерские компании, в одном из выявленных Банком России случаев пострадавшей стороной выступал даже Внешэкономбанк России.

Таблица 1

**Сведения о результатах деятельности Банка России
по противодействию злоупотреблениям на российских организованных торгах**

Наименование показателя	2017 год	2018 год	2019 год
Количество проводимых проверок в отношении фактов возможного НИИИМР ¹ , всего	72	36	33
из них:			
– начаты в отчетном году	20	15	16
Количество случаев раскрытия информации по фактам нарушений законодательства Российской Федерации в области ПНИИИМР ² — всего	12	16	16 ³
из них:			
– в результате манипулирования рынком	10	14	16
– в результате неправомерного использования инсайдерской информации	2	2	1
Информация о примененных мерах воздействия по итогам проверок в отношении фактов возможного НИИИМР			
в том числе:			
– количество аннулированных лицензий участников финансового рынка	2	0	12
– количество аннулированных квалификационных аттестатов специалиста финансового рынка	14	6	9
– количество направленных предписаний об устранении нарушений законодательства Российской Федерации и принятии мер по недопущению нарушений в дальнейшей деятельности	40	84	69
– количество случаев блокировки счетов лиц, совершающих операции, являющиеся манипулированием рынком	4	10	0
Количество случаев, по которым материалы направлены в правоохранительные органы	6	3	7
Количество проанализированных на предмет возможных злоупотреблений организованных рынков финансовых инструментов	254	290	358

¹ НИИИМР — неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком.

² ПНИИИМР — противодействие неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком.

³ Один из случаев раскрытия информации содержал сведения о выявленном случае неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком.

Наряду с фактическим ущербом, стоит учитывать и косвенный ущерб, который наносится общественным отношениям, складывающимся на фондовом рынке и в финансовой системе в целом. Так, отсутствие прозрачности и инвестиционной привлекательности российского фондового рынка, может привести к оттоку нерезидентов с фондового рынка, а они в свою очередь осуществляют покупку до 35 % государственных облигаций России. Тогда, столь, казалось бы, редкие и незначительные факты преступных проявлений, могут привести к проблемам с покрытием дефицита государственного бюджета. Таким образом, неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком, представляет серьезную угрозу экономической безопасности фондового рынка, а следовательно, и всей финансовой системе Рос-

сийской Федерации.

На сегодняшний день процесс выявления, раскрытия и расследования данного вида преступлений выглядит следующим образом:

- Центральным Банком Российской Федерации в режиме реального времени осуществляется мониторинг хода торгов на московской и Санкт-Петербургской биржах (мониторинг осуществляется посредством специализированного программного обеспечения, используемого не только Центральным банком, но и самими биржами по всему фондовому рынку, включая облигации и производные финансовые инструменты);
- на основе запрограммированных алгоритмов, выявляются нестандартные сделки (которые

потенциально могут представлять собой инсайдерские покупки/продажи или манипулирование рынком);

- также информация о потенциальных инсайдерских и манипулятивных сделках может поступить в Центральный банк посредством жалоб (заявлений, обращений) граждан и организаций, из сведений, содержащихся в средствах массовой информации, из других государственных органов;
- информация по нестандартным сделкам аккумулируется в Центральном Банке, после чего проходит первичную проверку и при наличии признаков потенциальных противоправных сделок передается на рассмотрение руководства (проверка может проводиться только на основании решения Председателя Банка России или его заместителя) [2];
- Департаментом противодействия недобросовестным практикам проводится проверка, которая обычно занимает от одного до полутора лет (максимальный срок — 18 месяцев). Проверка осуществляется посредством истребования необходимых документов, объяснений, информации от органов, организаций и физических лиц, а также путем проведения опросов, осмотра территорий, помещений, документов и предметов проверяемого лица, лица, располагающего информацией;
- после проведения проверки, в случае подтверждения факта инсайдерской сделки либо манипулирования рынком, содержащих признаки уголовно-наказуемого деяния, Центральный Банк передает собранную информацию в правоохранительные органы для проведения расследования (ст. 185.3 и 185.6 УК РФ находятся в подследственности Следственного комитета Российской Федерации);
- следователями следственного комитета (обычно дела передаются в управление по расследованию особо важных дел ГСУ либо в отделы по расследованию особо важных дел СУ по субъекту Российской Федерации) после оценки и анализа поступившей информации, даются указания на проведение оперативно-разыскных мероприятий оперативным сотрудникам органов внутренних дел, производятся необходимые следственные действия, направленные на установление всех деталей совершения преступлений и сбор доказательств.

Данная схема раскрытия и расследования престу-

плений выглядит логичной, последовательной, всесторонней и эффективной. Но практика показывает другое: за последние 3 года Банком России была проведена 141 проверка по фактам возможного неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком, из них в 44 случаях было выявлено нарушение законодательства и информация по 16 проверкам была передана в правоохранительные органы, а результатом большого количества усилий стало только одно уголовное дело.

Сложившаяся ситуация может говорить либо о том, что в России не совершаются преступления на фондовом рынке, либо о том, что действующая система выявления, раскрытия и расследования данных преступлений неэффективна.

В связи с тем, что у Банка России отсутствуют полномочия на осуществление оперативно-разыскной деятельности, ограничен арсенал проверочных действий, для более эффективного противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулирования рынком, необходимо пересмотреть механизм взаимодействия Центрального Банка с правоохранительными органами.

Решение существующих проблем видится нами в заключении между Центральным банком и правоохранительными органами (Следственный комитет, Министерство внутренних дел России) межведомственного соглашения о взаимодействии, направленного на повышение качества противодействия преступлениям на рынке ценных бумаг. В данном соглашении необходимо предусмотреть следующие ключевые положения:

1) Центральный банк или его территориальные подразделения обязуется уведомлять правоохранительные органы обо всех существенных нарушениях на рынке ценных бумаг, если в действия лиц их осуществивших, могут содержаться признаки совершения преступления. Это позволит правоохранительным органам своевременно начать проверку поступившей информации, провести комплекс оперативно-разыскных мероприятий, позволяющих установить всех потенциальных участников преступления, задокументировать их умысел и механизм преступной деятельности. В это время, сотрудники Центрального банка, с учетом имеющейся у них информации и ресурсов, будут проводить внутреннюю проверку, направленную на установление деятельности участников фондового рынка, приведший к нарушению законодательства. На текущий момент, деятельность правоохранительных органов начинается только после передачи им Центральным банком материалов внутреннего расследования, которое занимает обычно от одного до полутора лет.

К тому времени большинство оперативно-разыскных и следственных действий становится нецелесообразным и малоэффективным.

2) Центральный банк должен предоставить правоохранительным органам доступ к информационно-аналитической системе и базе данных, которая осуществляет контроль и мониторинг за деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг на фондовом рынке. Таким образом, благодаря данному нововведению, у правоохранительных органов появится возможность осуществления предупредительной деятельности по данному направлению, а также оперативный доступ к любой информации, которая может быть необходимой в рамках выявления и раскрытия рассматриваемых преступлений.

3) Организация обучения специалистами Центрального банка сотрудников правоохранительных органов. Это необходимая мера, без которой другие нововведения будут малоэффективными. Фондовый рынок представляет собой сложный механизм, обладающим большим количеством особенностей, знание которых требует специфической подготовки. Чтобы обладать знаниями на уровне профессиональных участников рынка недостаточно получить высшее экономическое образование или пройти курсы повышения квалификации, для этого требуется большой объем систематизированных профессиональных знаний.

4) В целях локализации возможных негативных последствий на фондовом рынке необходимо предусмотреть механизм мониторинга актуальной ситуации, на основе которой будут предприниматься упреждающие меры управленческого характера. Для профилактики преступлений на рынке ценных бумаг следует разработать межведомственную информационную систему централизованного учета – электронный банк данных о профессиональных участниках рынка ценных бумаг, их деловой активности.

Таким образом, неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком представляют собой серьёзную угрозу экономической безопасности Российской Федерации. При относительно небольшом количестве выявляемых преступлений, каждый случай приносит многомиллионный ущерб экономической системе. Но ещё большую угрозу представляет косвенный ущерб от данного вида преступлений, который выражается в снижении уровня доверия к фондовому рынку России, снижении инвестиционной привлекательности, сокращении иностранных инвестиций.

По нашему мнению, принятие данного соглашения, которое бы включало целую систему мер,

направленных на повышение эффективности предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений на рынке ценных бумаг, позволило быть существенно повысить эффективность правоохранительной деятельности. Комплексно рассмотрев сложившуюся ситуацию и существующий проблемы, мы пришли к выводу, что для повышения эффективности противодействия, указанного виде преступлений, целесообразно пересмотреть механизм взаимодействия надзорных и правоохранительных органов. Предложенные меры, должны способствовать не только повышению уровня выявления, раскрытия и расследования существующих преступлений, но и в дальнейшем привести к недопущению случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком.

Список источников

1. Выявленные случаи неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком. Департамент по противодействию недобросовестным практикам. Официальный сайт Центрального банка России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cbr.ru/inside/> (дата обращения 07.02.2021).

2. Инструкция Банка России от 13.01.2020 № 201-И «О порядке проведения Банком России проверок соблюдения требований Федерального закона от 27 июля 2010 года № 244-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов Банка России». Официальный сайт Центрального банка России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения 07.02.2021).

3. Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг. Информационно-аналитический материал. III квартал 2020 года. ЦБ РФ [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/analytics/rcb/review_rcb/ (дата обращения 07.02.2021).

4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. ст. 2902.

References

1. Identified cases of illegal use of insider information and market manipulation. Department of Counteracting Bad Practices. The official website of the Central Bank of

Russia [Electronic resource] // URL: <https://www.cbr.ru/inside/> (date of access 07.02.2021).

2. Bank of Russia Instruction No. 201-I dated January 13, 2020 “On the Procedure for the Bank of Russia to Verify Compliance with the Requirements of Federal Law No. 244-FZ, dated July 27, 2010 “On Countering the Unlawful Use of Insider Information and Market Manipulation and on Amending Certain Legislative acts of the Russian Federation” and the regulatory legal acts of the Bank of Russia adopted in accordance with it”. The official website of the Central Bank of Russia [Electronic resource] // URL: <https://www.cbr.ru/> (date of treatment

02/07/2021).

3. Review of key indicators of professional participants in the securities market. Information and analytical material. III quarter of 2020. Central Bank of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: https://www.cbr.ru/analytics/rcb/review_rcb/ (date of access 07.02.2021).

4. On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. Art. 2902.

Информация об авторах

Г. Ю. Наумов – профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академия управления МВД России, доктор экономических наук, профессор;

Г. А. Хазиев – преподаватель-методист управления учебно-методической работы Академии управления МВД России.

Information about the authors

Yu. G. Naumov – Professor of the Department of Financial, Economic, Logistical and Medical Support of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economics, Professor;

Gleb A. Khaziev – Teacher-methodologist of Educational-Methodical Work Department of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 28.05.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-356-360>

НИОН: 2003-0059-6/21-130

MOSURED: 77/27-003-2021-06-329

Особенности расслоения экономического пространства как фактор влияния на управление организацией

Людмила Валерьевна Шманёва,

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, shmaneva_luda@mail.ru

Аннотация. В статье определено, что в исследуемых социально-экономических системах, ввиду большой неопределенности их поведения охарактеризовать особенности функционирования возможно лишь с позиций нелинейности, которая является главным условием самоорганизации.

Доказано, что управление с позиции концепции расслоенности экономического пространства не в полном объеме описывает происходящие явления и отражает взаимосвязь протекающих процессов. Важно учитывать влияние цикличности и самоорганизации социально-экономических систем через фазовые переходы в рамках различных слоев (подпространств). Данный подход имеет большой потенциал, характеризуя взаимодействия между слоями и взаимовлияние множества факторов с учетом отображаемых циклов развития организаций и экономики в целом.

Ключевые слова: расслоенность экономического пространства, управление организацией, нелинейность

Для цитирования: Шманева Л. В. Особенности расслоения экономического пространства как фактор влияния на управление организацией // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 356–360. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-356-360>.

Original article

Features of the stratification of economic space as a factor of influence on the management of the organization

Liudmila V. Shmaneva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', shmaneva_luda@mail.ru

Abstract. The article determines that in the studied socio-economic systems, due to the great uncertainty of their behavior, it is possible to characterize the features of functioning only from the standpoint of non-linearity, which is the main condition for self-organization.

It is proved that management from the perspective of the concept of stratification of the economic space does not fully describe the phenomena occurring and reflects the relationship of the processes taking place. It is important to take into account the influence of cyclicity and self-organization of socio-economic systems through phase transitions within different layers (subspaces). This approach has a greater potential, characterizing the interactions between layers and the mutual influence of many factors, taking into account the displayed cycles of development of organizations and the economy as a whole.

Keywords: economic space stratification, organization management, non-linearity

For citation: Shmaneva L. V. Features of the stratification of economic space as a factor of influence on the management of the organization. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):356–360. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-356-360>.

© Шманева Л. В., 2021

Сейчас большая часть достижений экономики базируется на открытиях других наук, как гуманитарных (социология, психология, философия), так и естественных (биология, физика, химия). Можно предположить, что это определяется тем, что совокупное обращение к инструментарию и методам различных областей научного знания дает иллюзию возможного решения столь актуальных проблем управления социально-экономическими системами, когда их функционирование обеспечивается противоречивыми воздействиями практически бесконечного множества факторов: условиями внешней среды и происходящими в ней изменениями; особенностями внутренней структуры, стремящейся сохранить стабильность, и общественно-политическими реалиями, требующими постоянной модернизации; общей целью организации и личными амбициями, целями и компетенцией лиц, принимающих решения; необходимыми ресурсами для поддержания эффективной жизнедеятельности системы и возможностей, доступных ей.

С другой стороны, мы должны отметить, что синтез наук открывает новые пути, способные привести к развитию существующих методологий, и предложить подходы, модели и алгоритмы, позволяющие значительно расширить их эвристические возможности для решения проблем, в том числе управления.

Экономисты давно согласились с мыслью, что в исследуемых социально-экономических системах ввиду большой неопределенности их поведения охарактеризовать особенности функционирования возможно лишь с позиций нелинейности, которая является главным условием самоорганизации.

Вместе с тем, в большинстве случаев, даже имея достаточно информации для принятия решения, результативность управленческих действий не совпадает с прогнозируемым вариантом и демонстрирует непредвиденные последствия. То есть, мы можем увидеть эффект, можем описать его, провести поиск повлиявших факторов, но обнаружить причину в наблюдаемом пространстве получается далеко не всегда.

Есть основания полагать, что ограниченность в возможностях фиксировать достаточный объем (необходимый минимум) информации (в том числе о действующих факторах, механизмах их влияния, а также об особенностях протекания различных процессов) для осуществления выбора и принятия управленческого решения мешает нам понять ряд экономических явлений.

Наша неспособность четко устанавливать логическую взаимосвязь причины-следствия при осуществлении управления может лежать в плоскости многоаспектности и многомерности социально-экономических структур и образований. Подтверждением

этому служат следующие причины:

1. Мы воспринимаем экономическое пространство исключительно по тем объектам, которые можем обнаружить и подвергнуть измерениям.

2. Измеряемые и осязаемые нами объекты составляют наблюдаемое пространство.

3. Исследование наблюдаемого пространства может осуществляться ограниченным числом методов и описываться ограниченным количеством моделей.

4. Способы, описывающие экономическое пространство, являются упрощенными и абстрагированными моделями фиксирования наблюдаемой реальности.

5. Наборы методов и приемов исследования экономического пространства со всеми происходящими внутри процессами не перекрывают собой доступный диапазон анализа.

6. Возможности восприятия и анализа экономических явлений ограничиваются пределом осознаваемой мерности экономического пространства.

7. Предел осознаваемой экономической мерности определяется объемом информации, которую мы в состоянии зафиксировать, воспринять и переработать.

То есть помимо ограниченности информации в отношении множественного действия различных факторов, проблеме поиска их источников осложняет расслоенность пространства, не все слои которого поддаются анализу и наблюдению.

Данные представления позволяют предположить, что, обратившись к многомерности экономического пространства, мы существенно расширим возможности поиска причин неудач и/или неэффективности проведенных управленческих решений.

Попытку раскрыть механизм управления с позиции концепции расслоенности экономического пространства впервые предпринял Шманев С. В. [2]. Вместе с тем, намеченные названным автором контуры расслоения экономического пространства не в полном объеме описывают происходящие явления и отражают взаимосвязь (в том числе математическую) протекающих процессов. Им не учтено влияние цикличности, а также не приводится описание самоорганизации социально-экономических систем через фазовые переходы в рамках различных слоев (подпространств).

Эвристические возможности данного подхода имеют значительно больший потенциал, если углубиться в характеристику взаимодействий между слоями и взаимовлияния множества факторов с учетом отображаемых циклов развития социально-экономических образований (организаций) и экономики в целом, одновременно анализируя фазовые переходы систем из одного состояния в другое.

С нашей точки зрения, как раз такой взгляд позволит привлечь соответствующий математический аппарат и

методические разработки, и объединить (увязать) в системе уравнений и цикличность, и фазовые переходы.

Исходя из выше изложенного сформируем ряд постулатов расширенной концепции расслоенного экономического пространства.

1 постулат. Слои экономического пространства выступают как отражение объективной экономической реальности. Экономический агент воспринимает экономические события в определенном слое, в рамках которого им ведется конкретная деятельность, и обусловлена возможностями индивида (лица, принимающего решение) отбирать нужную информацию и его способностью ее осознавать и правильно интерпретировать.

2 постулат. Слоев экономического пространства может быть множество, в каждом из которых функционируют социально-экономические системы, представляемые собой устойчивые образования с набором характеристик.

3 постулат. Социально-экономические системы формируются из подсистем, между которыми происходит самосогласование определенным образом. Механизм самосогласования осуществляется через резонансные процессы (т. е. совпадения интересов, например, или возможностей) в рамках какого-либо слоя пространства (т. е. колебания в подпространствах должны быть подобны — примерно одной амплитуды хотя бы в данный период времени).

4 постулат. Всякая социально-экономическая система может быть связана с множеством элементов других систем, находящихся в ином слое экономического пространства, ненаблюдаемого экономическим агентом. Влияние элементов подсистем, принадлежащих другим социально-экономическим системам, функционирующим в ином слое (ненаблюдаемом, мнимом), вызывает неопределенность результатов управленческих действий в наблюдаемом слое.

5 постулат. Развитие определенной социально-экономической системы в данном конкретном наблюдаемом слое ограничивается целями ее предназначения и, имея нелинейный характер, подвергается циклическим изменениям.

6 постулат. Цель функционирования определяется как жесткая причина, сформированная как результат отклика системы на внешнее возбуждение (в том числе под действием элементов подсистем, скрыто влияющих на элементы исследуемой системы), которое распространяется диффузно по всем иерархическим уровням, и максимально устраивает тот, что вступает в резонанс [3].

7 постулат. Цель, как отклик наблюдаемой системы, постоянно меняет центр (аттрактор) и может менять направление (вектор) развития.

8 постулат. Наблюдаемая динамика процессов функционирования социально-экономического образования (организации) проявляется в слое, в котором доступно проведение анализа, т. е. в том, на котором способен действовать экономический агент (лабораторное пространство).

9 постулат. Элементы «лабораторного» пространства функционируют в других («мнимых») пространствах. Зависимость взаимовлияния составляющих системы элементов носит явно нелинейный характер. Закон их взаимодействия (взаимосвязи) будут определяться системой дифференциальных уравнений.

10 постулат. Элементы систем лабораторного пространства (изучаемого) соотносятся с элементами невидимого (мнимого) пространства в рамках осцилляционных законов.

11 постулат. Всякое управленческое действие направлено на поддержание устойчивости наблюдаемой социально-экономической системы и ее развитие.

12 постулат. Чтобы анализировать устойчивость исследуемой системы требуется правильно определить фазовое пространство, в котором отражаются конкретные движения (явления, процессы), происходящие в связанных слоях (подпространствах), а также выделять сигналы, идущие от элементов других систем, с которыми осуществляется взаимодействие, и от внешней среды в целом.

Правильное расслоение объема фазового пространства должно соответствовать следующим критериям:

1. **Соответствие связей, которые устанавливаются в данном слое:** схожие процессы, но базирующиеся на различных причинах их вызывающих, могут образовывать идентичные связи, но относящиеся к разным явлениям, ввиду этого не всякую фиксируемую связь получится идентифицировать с конкретным действием, оказывающим влияние на изучаемый слой подпространства. Т. е. неверно установленная (ложная) связь создаст условия невозможности разработать алгоритм принятия адекватного решения.

2. **Определение и исключение из анализа фантомных систем:** иногда системы вообще не существуют, тем не менее, на внешнем уровне она выглядит вполне оформленной (т. е. является фантомной). Такие системы являются самым существенным препятствием для создания систем управления. Фантомные системы обладают не только квазивижимостью, но и вызывают квазиочевидные действия аппарата управления, нарушающих перспективу возникновения системообразующих связей и системообразующих целей. Поэтому, когда мы говорим о правильном расслоении фазового пространства, мы имеем в виду возможность формирования механизмов, участвующих в

создании систем управления в соответствии с условиями, обеспечивающими их жизнеспособность.

3. Учет основного свойства систем — их открытости: исследуемая система находится одновременно в разных слоях мнимых пространств, в течение времени мнимые слои могут: а) постепенно сращиваться с наблюдаемым пространством, наделяя его новыми качествами, или б) переходить на внешний уровень и закрепляться на нем.

4. Система, в которой осуществляется передача (отражение) информации (отклик) в слоях фазового пространства, возникает в зависимости от сформировавшихся связей. Математически это можно выразить следующим образом:

$$I=K \ln P \quad (1)$$

где

I — информационное поле;

K — некая постоянная (удельная информация);

P — статистический вес (параметр, ограничивающий выбор, т. е. определяющий вероятность) [1, с. 32].

Тогда динамика движения этой системы формирует информационную волну:

$$\frac{\partial^2 I}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 I}{\partial y^2} + \frac{\partial^2 I}{\partial z^2} = \frac{\partial^2 I}{\partial t^2}.$$

13 постулат. Установление сигналов, идущих от элементов других систем, с которыми осуществляется взаимодействие, и от внешней среды, происходит по стабильным и непрерывным информационным каналам, которые определяют контуры устойчивости исследуемой системы.

14 постулат. Устойчивость системы и поддержание вектора выбранного развития ограничивается полнотой и скоростью получения информации, которую способен проанализировать и переработать экономический агент.

15 постулат. В условиях снижения качества и количества информации степень неопределенности (энтропия) состояния возрастает, флуктуации накапливаются, что приводит систему к дестабилизации за счет дисфункциональных изменений.

16 постулат. При достижении точки максимального значения энтропии (точки бифуркации) исследуемая социально-экономическая система меняет свой фазовый портрет, осуществляет фазовый переход в другое состояние или разрушается.

Представленные постулаты формируют подход, позволяющий уменьшить число предлагаемых вариантов выбора управленческих решений и привлечь математический аппарат, описывающий одновременно процессы,

происходящие в наблюдаемом слое, а также влияющие на динамику и вектор развития исследуемой социально-экономической системы с учетом цикличности.

Благодаря инструментарию, доступному в рамках расширенной концепции расслоенного экономического пространства, возможно провести многомерный количественный анализ, интерпретация которого выведет нас из большой неопределенности получаемых результатов управления и обеспечит получение значимых характеристик изучаемых экономических явлений.

В рамках расширенной концепции расслоенности экономического пространства мы можем для построения систем управления использовать разнообразный математический аппарат, например, теорию нечетких множеств, которая активно привлекается для моделирования неопределенности при решении экономических задач. Например, рассматривая социально-экономическое пространство, как топологическое пространство Хаусдорфа, мы имеем возможность отражать в нем информационные потоки, связанные с процессом управления, а для оценки его последствий уже давно в экономике применяется теория вероятности и т. д.

Использование математического аппарата позволяет моделировать: 1) процессы прохождения информации между слоями, формирование причинно-следственных связей в отдельно взятом слое; 2) рассматривать процесс зарождения резонансных и затухающих колебаний в результате наложения информационных потоков разной интенсивности, длительности и направления.

Таким образом, в свете предложенного подхода, управление мы можем рассматривать как процесс восприятия, оперирования и трансформации субъектом объективных «естественных» социально-экономических законов, проявившихся на лабораторном уровне в результате их просачивания через мнимые слои. В свою очередь процессы, активизированные на лабораторном слое, вносят коррективы в мнимые слои, способствуя (или препятствуя) реализации этих законов, что в свою очередь провоцирует дополнительные изменения на наблюдаемом уровне (лабораторном слое). Происходит циклический кругооборот взаимодействия и взаимовлияния слоев единого социально-экономического пространства.

Список источников

1. Винтизенко, А. М., Яковенко, В. С. Использование фазовых методов анализа и прогнозирования экономических процессов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. № 1. С. 27–28.
2. Шманев, С. В. Управление инновациями на основе концепции расслоенных пространств // Вестник

ОрелГИЭТ, № 2 (2), 2007. С. 71–80.

3. Шманева, Л. В. Формирование процесса управления социальными системами на базе концепции расслоенного сознания // Электронный ресурс: http://www.rusnauka.com/18_NPM_2008/Philosophia/34564.doc.htm.

References

1. Vintzenko, A. M., Yakovenko, V. S. The use of phase methods of analysis and forecasting of economic processes // *Economic Bulletin of the Rostov State University*. 2006. No. 1. P. 27–28.

2. Shmanev, S. V. Management of innovations on the basis of the concept of stratified spaces // *Vestnik OrelGIET*, No. 2 (2), 2007. P. 71–80.

3. Shmaneva, L. V. Formation of the process of managing social systems on the basis of the concept of stratified consciousness // *Electronic resource*: http://www.rusnauka.com/18_NPM_2008/Philosophia/34564.doc.htm.

Библиографический список

1. Боташева, Ф. Б. Современный инструментарий в исследовании макроэкономической динамики. Фазовый анализ // *Научный журнал КубГАУ, № 83(09)*, 2012. С. 1–10.

2. Бриллюэн, Л. Научная неопределенность и информация. Пер. с англ. / Под ред. и с послесл. И. В. Кузнецовой. Изд. 2-е стереотипное. М. : КомКнига, 2006. 272 с.

3. Гринченко, С. Н. «Человек многомерный» от возникновения до современности : модельное представление эффекта кумуляции. С. 783–787.

4. Корогодина, В. И., Корогодина, В. Л. Информация как основа жизни. Дубна : Издательский центр «Феникс», 2000. 208 с.

5. Ларионов, И. К. Синергия управления многомерной экономикой : Монография / Под ред. д.э.н., проф. И. К. Ларионова, д.э.н., проф. О. Н. Герасиной, к.т.н., доц. М. А. Гуреевой. 2-е изд. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2019. 412 с. ISBN

978-5-394-03288-2.

6. Погребинская, Е. А. Природа флуктуаций и эволюционных фазовых переходов в экономике // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, № 8*, 2004. С. 40–45.

7. Сайко, Э. В. Введение. Многоуровневость и многохарактерность субъекта и пространств его действия // *Пространства жизни субъекта: Единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции*. М. : Наука, 2004. С. 5–10.

Bibliographic list

1. Botasheva, F. B. Modern tools in the study of macroeconomic dynamics. Phase analysis // *Scientific Journal of KubGAU*, No. 83 (09), 2012. P. 1–10.

2. Brillouin, L. *Scientific uncertainty and Information* / Ed. and with the afterword by I. V. Kuznetsova. Ed. 2nd, stereotypnoe. M. : KomKniga, 2006. 272 p.

3. Grinchenko, S. N. “The multidimensional man” from the origin to the present : a model representation of the cumulation effect. P. 783–787.

4. Korogodin, V. I., Korogodina, V. L. *Information as the basis of life*. Dubna : Publishing center “Phoenix”, 2000. 208 p.

5. Larionov, I. K. *Synergy of management of multidimensional economy* : Monograph / Edited by Doctor of Economics, Professor I. K. Larionov, Doctor of Economics, Professor O. N. Gerasina, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor M. A. Gureeva. 2nd ed. Moscow : Publishing and Trading Corporation “Dashkov and Co.”, 2019. 412 p. ISBN 978-5-394-03288-2.

6. Pogrebinskaya, E. A. The nature of fluctuations and evolutionary phase transitions in the economy // *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, No. 8, 2004. P. 40–45.

7. Saiko, E. V. Introduction. Multilevelness and multicharacterism of the subject and the spaces of its action // *The spaces of life of the subject : Unity and multidimensionality of the subject-forming social evolution*. Moscow: Nauka, 2004. P. 5–10.

Информация об авторе

Л. В. Шманёва – заместитель начальника Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя по заочному обучению, кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

L. V. Shmaneva – Deputy Chief for distance education of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot’, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 29.11.2021.

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 29.11.2021.

Научная статья

УДК 608

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-361-365>

НИОН: 2003-0059-6/21-131

MOSURED: 77/27-003-2021-06-330

Проблема становления личности в современном информационном пространстве

Наталья Николаевна Башлуева¹, Вероника Сергеевна Клементьева²

¹ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
п. Старотеряево, Московская область, Россия

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, kikinjushka@mail.ru

Аннотация. В статье речь идет о современном процессе социализации личности. Статья посвящена преимуществам и недостаткам реальной и виртуальной коммуникации в обществе. Обсуждается вопрос о росте преступности в сетевом окружении личности. Сеть изменила структуру современного общества, объединяя людей друг с другом, она разрушила географические барьеры. С точки зрения права, существует и успешно развивается ряд преступлений, которые используют интернет. В обиходе появляются все новые и новые дефиниции сетевых преступлений: кибербуллинг, троллинг, моббинг, фишинг, скимминг.

Ключевые слова: общение, социализация, сетевое взаимодействие, индивид, фишинг, кибербуллинг

Для цитирования: Башлуева Н. Н., Клементьева В. С. Проблема становления личности в современном информационном пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 361–365. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-361-365>.

Original article

The problem of personality formation in the modern information space

Natalia N. Bashlueva¹, Veronika S. Klementyeva²

¹ Moscow region branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Staroteryaev, Moscow region, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, kikinjushka@mail.ru

Abstract. The article deals with the modern process of socialization of personality. The article is devoted to the advantages and disadvantages of real and virtual communication in society. The issue of the growth of crime in the network environment of the individual is discussed. The network has changed the structure of modern society, connecting people with each other, it has destroyed geographical barriers. From the point of view of law, a number of crimes that use the Internet exist and are successfully developing. More and more definitions of network crimes are appearing in everyday life: cyberbullying, trolling, mobbing, phishing, skimming.

Keywords: communication, socialization, networking, individual, phishing, cyberbullying

For citation: Bashlueva N. N., Klementyeva V. S. The problem of personality formation in the modern information space. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):361–365. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-361-365>.

Цифровизация целенаправленно входит в нашу жизнь. Этот процесс непосредственно влияет на становление и социализацию личности, которое наиболее активно прослеживается в подростковом возрасте, так как многие факторы, которые станут ориентиром дальнейшего развития для человека, закладываются в этом возрасте. Мультимедийные средства и технологии широко имплементируются во всех сферах коммуникации. Несмотря на то, что изучение воздействия информационного пространства на личность началось еще в 1990–е годы, существуют различные точки зрения на влияние цифровизации на наше общество.

Информация всегда и во все времена имела ценное значение как для общества в целом, так и для воспитания подрастающего поколения. Наше общество использует интернет и множество технологий, связанных с информатизацией социума. В современном социуме все сферы, как духовная, так и материальная, сотрудничают с каким либо объемом информации. Наш материальный статус подвержен влиянию информационных изобретений в виде каких либо новых технологий, компьютеризированных систем, инновационных разработок. Но информация это не безобидное явление. Информация проникает вовсе роли нашей общественной деятельности и оказывает непосредственное влияние на отношения между людьми. В процессе влияния она модифицируется.

С использованием цифровизации можно увидеть прогресс в области быстрого доступа к обширному объему информации. Открываются широкие возможности для повышения уровня кругозора, что в свою очередь, выводит науку и образование на более серьезные высоты. Однако процесс цифровизации имеет не только положительные стороны. Существуют объективные сложности. Можно утверждать, что информация обрабатывается достаточно сложным способом. Таким образом, создается новая среда общения среди индивидов. Этот процесс влияет на высоту уровня развития индивидов.

Рационально утверждать, что цифровизация является элементом социализации индивида. Этот процесс включает в себя отличительные особенности социализации:

- присутствие ситуации разделения ролей, которая представляет собой определенные, так называемые статусы;
- конгломерат принципов и норм поведения в информационном социуме;
- организованный и спонтанный порядок;
- комплекс законов и организаций по управлению и работе с информационной сферой.

Рассмотрим положительные аспекты влияния информационного пространства на формирование личности. Информационное пространство представляет собой достаточно весомый и удобный способ общения между индивидами. В арсенале Интернета присутствует широкий выбор платформ, профессиональных сообществ, коммуникационных возможностей. Благодаря этому подрастающее поколение, дети, которые учатся или живут в других городах, могут общаться со своими родителями. А в период всеобщей самоизоляции, включавшей в себя перевод школьного и вузовского образования на дистанционную форму обучения, стало возможным продолжить обучение для миллионов школьников и студентов с использованием информационных технологий.

Интернет просторы обладают комплексом возможностей для получения образования и использования обучающих систем для широкого спектра социальных групп. В данном случае не играют никакой роли различия между людьми, включая национальность, гражданство той или иной страны, здоровье и т.д. В реальных учебных организациях поводом для отказа могут быть так же материальные или социальные различия. Широкие просторы Интернета и их возможности стали удобной площадкой для изобретения интернет технологий, популяризации информации, образования. Педагоги и обучающиеся получили неограниченные ресурсы по использованию электронной сети. Студенты и преподаватели приобрели возможность работы с электронными учебниками и библиотекой, удобными системами тестирования, а также использование инновационных средств общения. Всемирная паутина аккумулирует любые уже используемые образовательные ресурсы. Рассматривая сетевые возможности, данные образовательные ресурсы целесообразно расширить и имплементировать в качестве инновационной информационной общности. Неоценимо широки источники самообучения и саморазвития с использованием интернета. Существует огромный перечень форм и методов обучения в подобном режиме. В условиях невозможности общения педагога и обучаемого в режиме директ во время пандемии или при ситуациях удаленности друг от друга удобна форма онлайн работы. Обучаемые имеют возможность контакта с преподавателем. И здесь существует огромный потенциал для преподавания от консультирования до видеоконференций. Интернет все больше становится библиотекой знаний не только для подростков, но и для людей разных возрастов, которые нуждаются в получении информации. Сеть изменила структуру современного общества, объединяя людей друг с другом, она разру-

шила географические барьеры.

Помимо образовательных целей интернет пространство существует, как определенная форма жизни, общения. Множество людей в разных странах с разными физическими возможностями вступают в группы, общественные структуры по интересам как личным, так и профессиональным предпочтениям. Сетевое пространство это источник существования и организации различных групп от учебных до административных и так далее. Многие люди испытывают трудности при непосредственном общении с себе подобными. Используя интернет для общения, процесс знакомства и коммуницирования друг с другом значительно облегчается. Существует огромный выбор тем и направлений для обсуждения. Индивид имеет возможность для выражения своего собственного мнения, не испытывая проблем с общением. Многообразие социальных ролей является преимуществом для самореализации человека. Преимущества сетевого окружения вызвали создание и имплементацию различного рода интернет-групп и сообществ. Интернет предлагает широкий спектр самых разнообразных сообществ, появление которых стало возможным благодаря простоте их создания: от кулинарии, медицины и ботаники до физики, политики и инженерии. Интернет соединил разные общества и их культуру в повседневном общении и теперь создает социальные отношения в сети. Группы в социальных сетях являются лишь примером социального взаимодействия.

Практикующие психологи установили ряд причин создания и существования социальных групп в сетевом пространстве. Сетевое пространство является своеобразной банковской сферой, построенной на принципе ожидания взаимности индивидов. Таким образом, это можно охарактеризовать как комплекс кредитов и дебетов. Повышение оценки имиджевого коэффициента дает возможность индивиду, обеспечивающему сообщество нужным ресурсом знаний и источников, улучшить свою значимость в данном обществе. Существует так же принцип эффективности партиципации. Индивид, который обеспечивает сообщество определенными благами в виде информации, приобретает уверенность в своей влиятельности на данную организацию людей. Вопросы безопасности зависят от рациональной структурированности данной группы.

Таким образом, проанализировав вышеперечисленные факторы, возможно констатировать тот факт, что позитивная сторона влияния информационного пространства на становление личности, в первую очередь на молодежь, достаточно существенна. Вступле-

ние молодежи в интернет-группы обуславливают таким образом процесс социальной востребованности.

У любого процесса, любой реальности существуют как положительные, так и отрицательные стороны. Перейдем к анализу негативных аспектов влияния информационного пространства на формирование личности.

Процесс социализации индивидов всегда находится под влиянием различных факторов, будь то семья, школа, пример родителей, общественная среда. Но обычная социализация индивида имеет традиционные корни. То коммуникационная социализация через ресурсы интернета не зависит от среды и бэкграунда индивида. Участники коммуникации представлены какой либо воображаемой действительности. Иной раз воображаемая действительность вступает в соревновательный процесс с объективной реальностью. Порой виртуальный мир побеждает реальный. Что касается правил регулирования процесса социализации, то здесь в виртуальной среде наблюдается ряд проблем. Отсутствие механизма контроля виртуальной социализации является сложным обстоятельством, которое затрудняет возможность направления индивида по правильному пути коммуницирования. Это обстоятельство является явным недостатком процесса воспитания подрастающего поколения.

Интернет-коммуникации не только заменяют традиционные формы, в которых происходила столетиями социализация (общение, игра, обучение и т.д.), но и ограничивают эти виды деятельности в реальной жизни. Подросток предпочитает общаться не лично, а с помощью Интернет-почты, игры в интернет-игры, посещения веб-страниц. Более того, он начинает искать в Интернет-пространстве возможности удовлетворить потребности в социальных отношениях (в т.ч. любви, дружбе, признании). В итоге возникает разрыв с культурной традицией, формируется личность нового типа. При личном общении все нежелательное взаимодействие прерывается невербальными сигналами, которые могут полностью заменять слова. При общении с человеком в сети, который не присутствует рядом, для того чтобы понять его сарказм или искренность, у индивида есть только его собственные фильтры, которые могут субъективно интерпретировать информацию. Наши внутренние фильтры зависят от настроения, таким образом семантически двусмысленная фраза «Нет, спасибо», полученная человеком в сообщении после очень тяжелого дня, может показаться грубой, вместо вежливого отказа, как это было задумано собеседником. Недостатком процесса сетевой социализации является фальшивое, навязанное

поведение индивида. Такое поведение обусловлено законами виртуального сообщества. Подобная коммуникация не имеет ничего общего с реальной жизнью и средой, в которой воспитывается и обучается индивид. Человек оторван от истории и культурных норм той страны, в которой он проживает. Полностью отсутствует чувство патриотизма, как таковое. Индивид ощущает себя как гражданин мира в целом. Нет ощущения дома, национальных ценностей. Интернет воспитывает потребителя, которому где комфортнее, там и лучше. С точки зрения права существует и успешно развивается ряд преступлений, которые используют интернет. В обиходе появляются все новые и новые дефиниции сетевых преступлений: кибербуллинг, троллинг, моббинг, фишинг, скиминг. Сегодня травля в интернете стала предметом беспокойства на государственном уровне. В российских школах по инициативе комиссии Совета Федерации по развитию информационного общества ежегодно проходит «единый урок безопасности» в интернете. Также с возникновением виртуальной социализации возникает термин «киберсоциализация». Данное понятие дефинирует постоянный процесс качественных изменений личности. Киберсоциализация может быть осуществлена в киберпространстве виртуальной социализирующей Интернет-среды.

Под социальными параметрами в реальной жизни принято понимать общественную среду, которая находится в непосредственной близости к индивиду. В реальной жизни невозможно коммуницировать с большим количеством участников сообщества. Данное обстоятельство носит объективный характер. То есть существуют ограничения по общению с теми или иными индивидами. Принципиально иным образом дело обстоит в ситуации интернет-коммуникации. Количество и качество коммуникации в сетевом обществе не поддается контролю. Хронотоп (*существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений*) киберпространства обладает особыми уникальными чертами. Здесь нет необходимости перемещаться в пространстве для поиска партнеров по общению, что позволяет иметь контакты с людьми, находящимися практически в любых уголках планеты. В Интернете возникает возможность (за счет анонимности общения) менять пол, возраст, социальный статус и тем самым «примерять» на себя различные социальные роли, не подвергаясь риску потерпеть неудачу. В це-

лом в информационной среде возникают невиданные прежде возможности создания виртуальной личности и экспериментирование с идентичностью.

Тема киберкоммуникации обширна. Существуют как преимущества, так и недостатки сетевой социализации. Индивид намного быстрее и эффективнее систематизирует знания о существующих в социуме нормах, ценностях, моделях поведения, крайне эффективно коммуницирует со всеми членами общества вне зависимости от их географического положения и находит себя среди множества интернет-сообществ. Но, с другой стороны, подросток в информационной среде ставит под угрозу свою адекватную социализацию и подвергается опасности кибербуллинга, способной выйти далеко за рамки интернет-травли.

Библиографический список

1. Башлуева, М. А. Сущность, структура и содержание процесса подготовки курсантов вузов МВД России к педагогической профилактике наркотического поведения / М. А. Башлуева, Ф. К. Зиннуров // Мир образования – образование в мире. 2017. № 4 (68). С. 162–168.

2. Башлуева, Н. Н. Подготовка курсантов вузов МВД РФ к педагогической профилактике информационной защищенности сотрудников органов внутренних дел как одного из факторов предупреждения преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий. Прикладная психология и педагогика. 2018. Т. 3. N 1. С. 48–57. <http://naukaru.ru/ru/nauka/jornal/77/view>.

Bibliographic list

1. Bashlueva, M. A. The essence, structure and content of the process of training cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the pedagogical prevention of narcotic behavior / M. A. Bashlueva, F. K. Zinnurov // World of education – education in the world. 2017. № 4 (68). P. 162–168.

2. Bashlueva, N. N. Training of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for pedagogical prevention of information security of employees of internal affairs bodies as one of the factors of crime prevention in the field of information and telecommunication technologies. Applied psychology and pedagogy. 2018. Vol. 3. N 1. P. 48–57. <http://naukaru.ru/ru/nauka/jornal/77/view>.

Информация об авторах

Н. Н. Башлуева – доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент;

В. С. Клементьева – старший редактор редакции научных и периодических изданий УОНИРИД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

N. N. Bashlueva – Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Moscow region branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

V. S. Klementyeva – Senior Editor of the Editorial Office of scientific and periodicals of the UNIRID of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 29.11.2021.

The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 29.11.2021.

Психология оперативно-розыскной деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Шевченко В.М. и др. Москва, 2020 г. 255 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

В учебном пособии дается анализ теоретических и методологических основ психологии в оперативно-розыскной деятельности (ОРД), исследуются предмет, задачи и методы психологии в ОРД. Рассматриваются проблемы психологии личности, деятельности, профессионального общения оперативных работников с различными категориями участников ОРД, психологические основы раскрытия преступлений оперативными аппаратами органов внутренних дел.

Для курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД.

Научная статья

УДК 378:33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-366-373>

НИОН: 2003-0059-6/21-132

MOSURED: 77/27-003-2021-06-331

**Конструирование информационной среды
управления образовательным процессом, реализующей функции
интеллектуального анализа данных о когнитивных
и личностных особенностях обучающегося**

**Николай Анатольевич Волобуев^{1,2}, Игорь Васильевич Грошев³, Евгений Леонидович Логинов^{4,5},
Игорь Михайлович Мацкевич^{6,7}, Нодари Дарчоевич Эриашвили⁸**

¹ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

² Государственная корпорация «Ростех», Москва, Россия

³ Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, aus_tgy@mail.ru

⁴ Институт экономических стратегий, Москва, Россия, loginovel@mail.ru

⁵ Ситуационно-аналитический центр Минэнерго России, Москва, Россия

⁶ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия, matskevichim@minobrnauki.gov.ru

⁷ Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, Москва, Россия, matskevichim@minobrnauki.gov.ru

⁸ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы конструирования информационной среды управления образовательным процессом, реализующей функции интеллектуального анализа данных о когнитивных и личностных особенностях обучающегося. Предлагается внедрение новых информационных технологий для синхронизации процесса профессионального обучения в рамках синергетической интеграции преподавателей, организационно интегрируемых на базе цифровой образовательной инфраструктуры, интеллектуальных активов и цифровых технологий реализации образовательных программ.

Ключевые слова: образование, цифровые технологии, информационная среда, электронные образовательные ресурсы, когнитивные и личностные особенности обучаемых, образовательные инфраструктуры, интеллектуальные активы, профессиональное обучение, образовательные программы, профессиональные компетенции, кадры для оборонно-промышленного комплекса

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-07-01066).

Для цитирования: Волобуев Н. А., Грошев И. В., Логинов Е. Л., Мацкевич И. М., Эриашвили Н. Д. Конструирование информационной среды управления образовательным процессом, реализующей функции интеллектуального анализа данных о когнитивных и личностных особенностях обучающегося // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 366–373. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-366-373>.

Original article

**Designing the information management environment,
the educational process that implements the functions of intellectual analysis
of data on the cognitive and personal characteristics of the student**

© Волобуев Н. А., Грошев И. В., Логинов Е. Л., Мацкевич И. М., Эриашвили Н. Д., 2021

Nikolay A. Volobuev^{1,2}, Igor V. Groshev³, Yevgeny L. Loginov^{4,5}, Igor M. Matskevich^{6,7}, Nodari D. Eriashvili⁸

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

² State Corporation «Rostec», Moscow, Russia

³ Research Institute of education and science, Moscow, Russia, aus_tgy@mail.ru

⁴ Institute of economic strategies, Moscow, Russia, loginovel@mail.ru

⁵ Situation analysis center of the Ministry of Energy of Russia, Moscow, Russia

⁶ Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia, matskevichim@minobrnauki.gov.ru

⁷ Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia, matskevichim@minobrnauki.gov.ru

⁸ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

Abstract. The problems of designing an information environment for managing the educational process, which implements the functions of intellectual analysis of data on the cognitive and personal characteristics of the student, are considered. It is proposed to introduce new information technologies to synchronize the process of professional training within the framework of synergetic integration of teachers, organizationally integrated on the basis of digital educational infrastructure, intellectual assets and digital technologies for the implementation of educational programs.

Keywords: education, digital technologies, information environment, electronic educational resources, cognitive and personal characteristics of trainees, educational infrastructures, intellectual assets, vocational training, educational programs, professional competencies, personnel for the military-industrial complex

Acknowledgments: The article has been prepared under financial support of the Russian Science Foundation (project № 19-07-01066).

For citation: Volobuev N. A., Groshev I. V., Loginov Ye. L., Matskevich I. M., Eriashvili N. D. Designing the information management environment, the educational process that implements the functions of intellectual analysis of data on the cognitive and personal characteristics of the student. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(6):366–373. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-366-373>.

Введение

Фундаментальной научной и актуальной практической задачей в современных условиях является повышение эффективности процесса профессионального обучения в учебных заведениях, проводящих подготовку и переподготовку профессиональных кадров для сферы оборонно-промышленного комплекса на основе использования образовательных программ, реализующих свой потенциал через сложную интеллектуальную систему «человек – компьютер – когнитивные компетенции», с помощью которых оптимизируется системно-организационное поведение обучаемых с учетом их когнитивных и личностных особенностей. Кроме того, проблема эффективного процесса профессионального обучения в учебных заведениях обусловлена, помимо прочего, затрудненностью в настоящее время создания математических моделей, позволяющих, в сложных социальных условиях, рассчитать все показатели оптимизации по большому количеству участников процесса профессионального обучения [1].

В последние годы в нашей стране и за рубежом активно проводятся исследования в области использования технологий искусственного интеллекта и внедряются в образовательные процессы научно-практические разработки с целью формирования качественно новых инструментов образовательных программ на различных уровнях в образовательной системе учебных заведений, осуществляющих подготовку и переподготовку высокотехнологичных кадров для оборонно-промышленного комплекса [2; 3; 4]. Однако, пока задача не решена ни в теоретическом, ни в практическом плане.

Проблема повышения конкурентоспособности системы профессионального образования

Исходя из вышеизложенного, с учетом низкой конкурентоспособности системы профессионального образования России, требуется выработка новых методов реализации образовательных программ с нацеленностью как на текущее лидерование по подготовке высокотехнологичных кадров для оборонно-промышленного комплекса, так и на предвидение структуры

рынков и рыночного спроса на человеческий капитал будущего [5]. Иными словами, необходимо развитие предметных и профессиональных компетенций обучающихся для повышения эффективности работы различных российских участников процесса профессионального обучения в учебных заведениях, образовательных программах, реализующих свой потенциал через интеллектуальную систему «человек – компьютер – когнитивные компетенции» как сложных процессов со значительным числом отклоняющихся образовательных переменных [6; 7].

Важнейшим элементом такого механизма является информационное обеспечение организационного процесса решения сложных в разработке и внедрении методов реализации образовательных программ, в том числе междисциплинарного характера, на основе использования технологий искусственного интеллекта, в которых широко используются: 1) нейросети для обработки данных о когнитивных и личностных особенностях обучаемых; 2) имитационное моделирование; 3) сочетание новых информационных технологий, обеспечивающих возможность практической реализации комплексного и системного подходов к решению задач повышения эффективности процесса профессионального обучения в учебных заведениях в рамках синергетической интеграции преподавателей, организационно интегрируемых в систему цифровой образовательной инфраструктуры; 4) интеллектуальные активы и цифровые технологии образовательных программ во всех сферах функционирования системы профессионального образования как единого управляемого пространства, реализующего операции посредством сложной интеллектуальной системы «человек – компьютер – когнитивные компетенции» или в иной форме присутствующих в доступных для анализа информационных массивах.

Таким образом, можно заключить, что в настоящий момент необходима выработка инструментария и подходов, позволяющих синхронизировать оперирование совокупностью информационных ресурсов учебных мероприятий при активном использовании синергетической интеграции преподавателей, организационно интегрируемых в рамках цифровой образовательной инфраструктуры, интеллектуальных активов и цифровых технологий образовательных программ [8]. Наряду с этим требуется повышение точности прогнозов и увеличения массивов анализируемых данных о когнитивных и личностных особенностях обучаемых на базе, не только формируемых ими профессиональных компетенций, виртуализации сетевых функций, но и реализации унифицированно-

го механизма направления учебных заданий и обработки результатов их выполнения с использованием технологий искусственного интеллекта [9].

Ключевые задачи исследования проблемы повышения конкурентоспособности системы профессионального российского образования

1. Проведение анализа процессов и закономерностей использования технологий искусственного интеллекта, включая сбор сведений о формах и тенденциях процессов развития информационных систем, использующих нейросети и имитационное моделирование, для образовательных программ на различных образовательных уровнях в отношении участников процесса обучения в учебных заведениях, осуществляющих подготовку и переподготовку кадров для сферы оборонно-промышленного комплекса.

2. Исследование особенностей функционирования образовательных программ на различных уровнях системы профессионального образования с целью ее совершенствования. С другой стороны, повышения качества профессиональной подготовки образовательных программ, реализующих свой потенциал через систему «человек – компьютер – когнитивные компетенции», детерминирующих оптимизацию системно-организационного поведения обучаемых с учетом их когнитивных и личностных особенностей.

3. Обоснование необходимости формирования пула программно-аппаратных комплексов с расширенной интеллектуальной составляющей, позволяющей использовать технологии искусственного интеллекта для образовательных программ в сфере профессионального образования, с интеграцией сегментов информационно-телекоммуникационной инфраструктуры образовательной деятельности.

4. На основе сбора расширяемых объемов и обработки значительного многообразия структурированных и неструктурированных данных о когнитивных и личностных особенностях обучаемых, разработка управленческой модели для расширения возможностей координации деятельности участников процесса обучения в учебных заведениях. Этому способствует внедрение интеллектуального анализа данных о когнитивных и личностных особенностях обучаемых, распознавания и прогностического моделирования, а также технологии получения информации об образовательных и профессиональных компетенциях обучаемых.

5. Решение сложных в разработке и внедрении методов реализации образовательных программ, в том числе междисциплинарного характера, на базе виртуализации сетевых функций и реализации унифициро-

ванного механизма направления учебных заданий и обработки результатов их выполнения с использованием технологий искусственного интеллекта.

6. Анализ проблем преодоления имеющихся ограничений для развития механизма интеллектуального анализа данных о когнитивных и личностных особенностях обучаемых, распознавания и прогностического моделирования, реализуемого в отношении системы масштабируемых комплексов функциональных взаимосвязей процесса обучения, как в учебных заведениях, так и в образовательной системе в целом, формирующих совокупный человеческий потенциал России. Кроме того, выявление особенностей линейных и нелинейных образовательных процессов с выделением сложных скрытых зависимостей, нацеленных, как на текущее лидерование по подготовке и переподготовке высокотехнологичных кадров для оборонно-промышленного комплекса, так и на предвидение структуры рынков и рыночного спроса на человеческий капитал будущего как приоритет развития профессиональных компетенций обучающихся.

7. Развитие методики практического распознавания и прогностического моделирования, реализуемого в отношении масштабируемых информационно-технических комплексов функциональных взаимосвязей в процессе обучения в учебных заведениях. А также в образовательной системе с большим числом сложно прогнозируемых функциональных траекторий собственного поведения источников информационных ресурсов и образовательных услуг и их образовательных потребителей (участников), что может основываться как на анализе отдельного события, так и на агрегации и сопоставлении разнородных интеллектуально-когнитивных параметров образовательной деятельности.

8. Определение мер повышения эффективности организационных механизмов развития человеческого потенциала обучаемых посредством реконфигурации объемов, структуры и условий координирования образовательной деятельности распределенных участников процесса обучения в учебных заведениях. С учетом образовательных программ, реализующих свой потенциал через сложную интеллектуальную систему «человек – компьютер – когнитивные компетенции» и переходом от нечетких выводов к точному значению регулируемого когнитивного параметра по критериям оптимизации деятельности, как отдельных участников образовательного процесса, так и их агрегированных групп с формированием динамически адаптируемого под различные образовательные структуры набора информационно-аналитических инструментов

оптимизации цепочек и схем реализации функциональных взаимоотношений между участниками процесса обучения в учебных заведениях, осуществляющих подготовку и переподготовку кадров для сферы оборонно-промышленного комплекса.

Дорожная карта разработки мер повышения конкурентоспособности системы профессионального российского образования включает следующие направления:

- обоснование фундаментального научно-теоретического подхода к формированию качественно новой модели интеллектуального анализа данных о когнитивных и личностных особенностях обучаемых;
- распознавание и прогностическое моделирование с учетом проблем образовательных программ с позиций системного подхода, реализующих свой потенциал через сложную интеллектуальную систему «человек – компьютер – когнитивные компетенции», оптимизацию системно-организационного поведения обучаемых с учетом их когнитивных и личностных особенностей на основе возможностей нейросетевого и имитационного моделирования, включая технологии искусственного интеллекта с расширением общего информационного поля данных (о когнитивных и личностных особенностях обучаемых) доступных для анализа;
- определение теоретических и практических основ повышения эффективности оперирования информационно-образовательными ресурсами и образовательными услугами через управление деятельностью агрегированных групп участников процесса обучения в учебных заведениях для эффективного предоставления информационно-аналитических сервисов и вычислительных мощностей, позволяющих внедрить технологии искусственного интеллекта с учетом синергетической интеграции преподавателей в образовательный процесс;
- организационное интегрирование в рамках цифровой образовательной инфраструктуры, интеллектуальных активов и цифровых технологий образовательных программ для подготовки обучаемых во всех сферах функционирования системы профессионального образования как единого управляемого пространства, реализующего операции через информационно-цифровую цепочку «человек –

компьютер – когнитивные компетенции» или в иной форме присутствующих в доступных для анализа российских информационных массивах;

- выявление подходов к организации процедуры оптимизационного структурирования типовых образовательных схем и отдельных (распределенных) участников процесса обучения и их агрегированных групп в учебных заведениях с переходом от нечетких выводов к точному значению регулируемого когнитивного параметра по критериям оптимизации образовательной деятельности;
- уточнение возможности участников процесса обучения в учебных заведениях с нацеленностью на оптимизацию образовательного процесса, включающего образовательные программы, реализующие свой потенциал через систему «человек – компьютер – когнитивные компетенции»;
- описание сложившихся условий для перехода к созданию пула программно-аппаратных комплексов с расширенной интеллектуальной составляющей, позволяющих использовать технологии искусственного интеллекта для образовательных программ с генерированием, внедрением и использованием радикальных (рынокоформирующих) образовательных инноваций с выходом на построение эффективной системы процесса профессионального обучения в учебных заведениях, осуществляющих подготовку и переподготовку профессиональных кадров для оборонно-промышленного комплекса;
- достижение конкурентного превосходства образовательных услуг российских учебных заведений с опорой на принятие оптимальных функциональных решений и учетом поведенческих траекторий различных участников процесса профессионального обучения, отвечающих современным условиям;
- обоснование необходимых мер, направленных на оптимизацию планирования на основе использования технологий искусственного интеллекта с проектированием комбинаций информационных ресурсов и регуляторных инструментов при реализации мер эффективной организации участников процесса профессионального обучения в учебных заведениях по ключевым направлениям образовательного процесса;
- проектирование системы масштабируемых комплексов функциональных взаимосвязей, с помощью которых и осуществляется взаимодействие распределенных участников процесса обучения в учебных заведениях, в том числе при реализации проектов развития профессионального и личностного потенциала обучаемых;
- определение направлений расширения контроля совокупных массивов человеческого капитала с целью формирования динамично конфигурируемой структуры мер в рамках синергетической интеграции преподавателей, организационно интегрируемых в рамках цифровой образовательной инфраструктуры, интеллектуальных активов и цифровых технологий образовательных программ для подготовки обучаемых во всех сферах функционирования системы профессионального образования;
- проведение анализа предпосылок, позволяющих на территории Российской Федерации в зонах деятельности российских участников процесса профессионального обучения (учебных заведениях) осуществить систематизацию необходимых мер оптимизации совокупной структуры компьютерных мощностей, взаимосвязанных по специализациям, как общесистемных информационных ресурсов России;
- выделение направлений внедрения новых инструментов мониторинга когнитивных и организационных характеристик с целью расширения анализируемого поля интеллектуально-когнитивных параметров деятельности участников процесса обучения в учебных заведениях, с ориентацией на формирование условий для экспоненциального социально-когнитивного развития обучаемых в ближайшие 15–20 лет с нацеленностью, как на текущее лидерование по подготовке и переподготовке кадров, так и на предвидение структуры рынков и рыночного спроса на человеческий капитал будущего как приоритет развития профессиональных компетенций обучающихся;
- систематизирование направлений по формированию новых подходов к мониторингу и анализу функциональных зависимостей между взаимосвязанными информационно-образовательными ресурсами, отражающими

их структурно-системные характеристики в зонах деятельности российских участников образовательного процесса в учебных заведениях, включая образовательные программы, реализующие свой потенциал через информационно-цифровую цепочку «человек – компьютер – когнитивные компетенции»;

- использование механизмов вариативной конфигурации международного сотрудничества для стратегического позиционирования российских участников процесса обучения с учетом глобальной динамики и выделения в этом аспекте каналов движения информационных ресурсов в интересах процесса профессионального обучения в учебных заведениях;
- формулирование и реализация основных направлений организационного структурирования процесса профессионального обучения в отношении образовательных программ;
- определение возможности обеспечения многоаспектной систематики анализируемых связей, позволяющих их структурировать с одновременным конструированием набора инструментов оптимизации цепочек и схем реализации функциональных взаимоотношений между участниками процесса профессионального обучения в учебных заведениях, осуществляющих подготовку и переподготовку кадров для оборонно-промышленного комплекса.

Заключение

Необходимо разработать подходы к поддержанию процессов реализации образовательных программ с целью обеспечения развития профессионального и личностного потенциала обучаемых на основе использования технологий искусственного интеллекта. В частности, нейросетей при обработке данных о их когнитивных и личностных особенностях, имитационного моделирования, в том числе сочетания новых информационных технологий для синхронизации процесса профессионального обучения в учебных заведениях в рамках синергетической интеграции преподавателей, организационно интегрируемых на основе цифровой образовательной инфраструктуры, а также интеллектуальных активов и цифровых технологий образовательных программ для подготовки обучаемых во всех сферах функционирования системы профессионального образования.

Список источников

1. Агеев, А. И., Логинов, Е. Л., Шкута, А. А. Кон-

вергентный мониторинг и программирование личности как инструмент оперирования интеллектуальной динамикой поведения больших групп людей // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 2 (152). С. 70–87.

2. Агеев, А. И., Логинов, Е. Л., Шкута, А. А. Нейрооперирование поведением когнитивных агентов на основе электронной семантической интерпретации состояний сознания и психики с эффектами погружения, присутствия и единения с виртуальной реальностью // Микроэкономика. 2020. № 1. С. 5–12.

3. Волобуев, Н. А., Гайдамашко, И. В., Грошев, И. В., Логинов, Е. Л., Эриашвили, Н. Д. Когнитивный нейро-информационный подход к профессиональной подготовке и переподготовке кадров для высокотехнологичных производств с большой долей цифровых управленческих навыков // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 47–51.

4. Волобуев, Н. А., Грошев, И. В., Логинов, Е. Л., Шкута, А. А., Эриашвили, Н. Д. Использование сетевых коммуникативных технологий в процессе повышения профессиональной квалификации кадров высокотехнологичной сферы // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 2. С. 54–60.

5. Логинов, Е. Л., Райков, А. Н., Шкута, А. А. Использование нейротехнологий при программировании когнитивно-поведенческих стереотипов действий личностей для устойчивого функционирования систем управления социумом // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2018. № 9. С. 34–45.

6. Логинов, Е. Л., Райков, А. Н., Эриашвили, Н. Д. Оптимизация функционирования образовательной системы поддержки компетенций функциональных и управленческих кадров на основе ОНП-сети с распределенной информационно-вычислительной средой // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 7. С. 206–210.

7. Самойлов, В. Д., Эриашвили, Н. Д. Об информационно-образовательных технологиях // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2020. № 3. С. 170–174.

8. Эриашвили, Н. Д., Логинов, Е. Л., Райков, А. Н. Конвергентное использование интеллектуальных информационных технологий для поддержки процессов взаимодействия участников образовательной, научной и производственной деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 2. С. 152–159.

9. Эриашвили, Н. Д., Логинов, Е. Л., Райков, А. Н. Формирование и развитие образовательной системы поддержки компетенций функциональных и управленческих кадров в госорганах и наукоёмких

отраслях на основе кластерно-сетевых форм интеграции образовательных, научных, производственных структур // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 239–243.

References

1. Ageev, A. I., Loginov, E. L., Shkuta, A. A. Convergent monitoring and programming of personality as a tool for operating with intellectual dynamics of behavior of large groups of people // *Economic strategies*. 2018. Vol. 20. No. 2 (152). P. 70–87.

2. Ageev, A. I., Loginov, E. L., Shkuta, A. A. Neuro-operation with the behavior of cognitive agents on the basis of electronic semantic interpretation of states of consciousness and psyche with the effects of immersion, presence and unity with virtual reality // *Microeconomics*. 2020. No. 1. P. 5–12.

3. Volobuev, N. A., Gaidamashko, I. V., Groshev, I. V., Loginov, E. L., Eriashvili, N. D. Cognitive neuro-informational approach to professional training and retraining of personnel for high-tech industries with a large share of digital managerial skills // *Civil service and personnel*. 2021. No. 2. P. 47–51.

4. Volobuev, N. A., Groshev, I. V., Loginov, E. L., Shkuta, A. A., Eriashvili, N. D. The use of network communication technologies in the process of improving the professional qualification of high-tech sphere personnel // *Science. Scientific personnel*. 2021. No. 2. P. 54–60.

5. Loginov, E. L., Raikov, A. N., Shkuta, A. A.

The use of neurotechnology's in programming cognitive-behavioral stereotypes of individuals ' actions for the sustainable functioning of social management systems // *Neurocomputers: development, application*. 2018. No. 9. P. 34–45.

6. Loginov, E. L., Raikov, A. N., Eriashvili, N. D. Optimization of the functioning of the educational system for supporting the competencies of functional and managerial personnel on the basis of an ONP network with a distributed information and computing environment // *Science. Scientific personnel*. 2013. No. 7. P. 206–210.

7. Samoilov, V. D., Eriashvili, N. D. About information and educational technologies // *International Journal of Psychology and Pedagogy in Service Activities // International Journal of Psychology and Pedagogy in Service Activities*. 2020. No. 3. P. 170–174.

8. Eriashvili, N. D., Loginov, E. L., Raikov, A. N. Convergent use of intelligent information technologies to support the processes of interaction of participants in educational, scientific and industrial activities // *Science. Scientific personnel*. 2015. No. 2. P. 152–159.

9. Eriashvili, N. D., Loginov, E. L., Raikov, A. N. Formation and development of the educational system for supporting the competencies of functional and managerial personnel in state bodies and high-tech industries on the basis of cluster-network forms of integration of educational, scientific, and production structures // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. No. 3. P. 239–243.

Информация об авторах

Н. А. Волобуев – заведующий базовой (профильной) кафедрой экономического анализа и корпоративного управления производством и экспортом высокотехнологичной продукции Государственной корпорации «Ростех» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, заместитель генерального директора Государственной корпорации «Ростех», кандидат юридических наук, доцент;

И. В. Грошев – заместитель директора Научно-исследовательского института образования и науки, доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Е. Л. Логинов – заместитель директора Института экономических стратегий, начальник Экспертно-аналитической службы Ситуационно-аналитического центра Минэнерго России, доктор экономических наук, профессор Российской академии наук, дважды лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники;

И. М. Мацкевич – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Н. Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

Information about the authors

N. A. Volobuev – Head of the Basic (profile) Department of Economic Analysis and Corporate Management of production and export of high-tech products of the State corporation «Rostec» of the Plekhanov Russian University of Economics, Deputy General Director of the State Corporation «Rostec», Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

I. V. Groshev – Deputy Director of the Research Institute of education and science, Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored scientist of the Russian Federation;

Ye. L. Loginov – Deputy Director of the Institute of Economic Strategies, Head of the Expert and Analytical Service of the Situation Analysis Center of the Ministry of Energy of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, twice winner of the Russian Government award in the field of science and technology;

I. M. Matskevich – Professor of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Chief Scientific Secretary of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor;

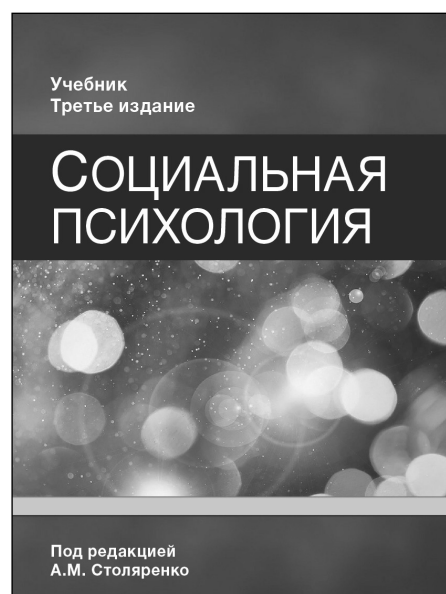
N. D. Eriashvili – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, winner of the Russian Government prize in science and technology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 14.09.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Социальная психология. Учебник. Под ред. А.М. Столяренко. 3-е изд., перераб. и доп. 431 с. Гриф МО РФ. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник содержит полную и четко структурированную систему современных социально-психологических знаний – важного раздела психологической науки. Это знания о психологии групп и поведения человека в группах, – знания нужные для жизни и деятельности каждому образованному человеку. Развитие человека, его права и свободы учеба, труд, семья, торговля, менеджмент, преступность, культура, досуг, жизненные кризисы, пьянство, наркомания – все так или иначе вплетено в систему социально-психологических связей и зависимостей. Понимание их и умение разбираться в них – важнейшее условие жизненных успехов.

Учебник ориентирован на широкий круг читателей, использование в вузах самого различного профиля, готовящих кадры, чья деятельность требует достаточной социально-психологической компетентности.

Содержание учебника включает весь минимум социально-психологических знаний, предусмотренных федеральными государственными образовательными стандартами. Оно открывает и возможность его профилирования при подготовке будущих профессионалов разных направлений деятельности.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-374-381>

НИОН: 2003-0059-6/21-133

MOSURED: 77/27-003-2021-06-332

Честь как моральный ориентир в развитии деонтологических основ в законодательстве о службе в органах внутренних дел

Николай Петрович Маюров¹, Оюна Доржаевна Ороева²

¹ Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия, mayurov2010@mail.ru

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, blackmailer03@list.ru

Аннотация. Анализ законодательства, правоприменительной и судебной практики по вопросу соблюдения сотрудниками органов внутренних дел морально-этических правил подтверждает актуальность данной проблемы для органов внутренних дел в настоящее время. Кроме того, в работе авторами исследуется весь арсенал средств и методов, который предусмотрен действующим законодательством и апробирован правоприменительной практикой.

Ключевые слова: честь, органы внутренних дел, кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел, присяга, дорожно-транспортные происшествия, проступок, порочащий честь и достоинство сотрудника органа внутренних дел, морально-этические требования, требования к служебному поведению, законодательство, суд, юридическая ответственность, административное правонарушение

Для цитирования: Маюров Н. П., Ороева О. Д. Честь как моральный ориентир в развитии деонтологических основ в законодательстве о службе в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 374–381. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-374-381>.

Original article

Honor as a moral guideline in the development of deontological foundations in the legislation on service in the internal affairs bodies

Nikolay P. Mayurov¹, Oyuna D. Oroeva²

¹ Admiral S. O. Makarov State University of Marine and River Fleet, Saint Petersburg Russia, mayurov2010@mail.ru

² Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, blackmailer03@list.ru

Abstract. Analysis of legislation, law enforcement and judicial practice on the issue of compliance by employees of internal affairs bodies with moral and ethical rules confirms the relevance of this problem for the internal affairs bodies at the present time. In addition, the author examines the entire arsenal of means and methods, which is provided for by the current legislation and approved by law enforcement practice.

Keywords: honor, internal affairs bodies, code of ethics and service conduct for employees of internal affairs bodies, oath, road traffic accidents, an offense defaming the honor and dignity of an employee of the internal affairs body, moral and ethical requirements, requirements for official conduct, legislation, court, legal responsibility, administrative offense

For citation: Mayurov N. P., Oroeva O. D. Honor as a moral guideline in the development of deontological foundations in the legislation on service in the internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):374–381. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-374-381>.

© Маюров Н. П., Ороева О. Д., 2021

Сегодня сложно представить правовое государство, в законодательстве которого, отсутствовали бы нормы, регламентирующие морально-этическую сторону правоохранительной службы. Кроме того, в таком международном документе, как Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка от 17 декабря 1979 года особо обращается внимание на осознание всеми государствами-участницами ООН в лице Генеральной Ассамблеи того, что «существуют дополнительные важные принципы и предпосылки гуманного осуществления функций по поддержанию правопорядка, а именно, что эффективное поддержание этических норм среди должностных лиц по поддержанию правопорядка зависит от существования хорошо продуманной, повсеместно принятой и гуманной системы законов» [3]. Сказанное в полной мере распространяется и на правоохранительную систему Российской Федерации.

В указанной норме международного законодательства отражен глубокий смысл влияния закрепленных в законе моральных императивов на повседневную оперативно-служебную деятельность сотрудников правоохранительных органов. Безусловно, морально-этические установки сотрудника формируются через воспитание и культуру под действием многих факторов, которые оказывали и/или оказывают влияние на него на протяжении всей его жизни: школа, семья, друзья, вуз и т.д. В этой связи уровень морально-этических требований, предъявляемых к себе, у разных сотрудников правоохранительных органов может различаться. Вот почему так важно, чтобы Закон устанавливал нижний предел такой планки, отсекая тех сотрудников, которые не смогли в силу действия указанных факторов соответствовать тому уровню морально-этических требований, который установлен Законом.

В этой связи сегодня совокупность морально-этических норм также предопределяет правовое регулирование деонтологических основ¹ службы и в органах внутренних дел Российской Федерации, включая закрепление такой важной категории как «честь». Так как категория «честь», во-первых, имеет прямое отношение к предъявляемым к сотруднику органов внутренних дел повышенным морально-нравственным требованиям; во-вторых, в случае не выполнения указанных требований запускает механизм привлечения

такого сотрудника к соответствующему виду юридической ответственности; в-третьих, тесно связана с гарантированным сотруднику со стороны Закона механизмом ее защиты. Именно в первых двух аспектах представляется важным проанализировать уровень развития соответствующего законодательства о службе в органах внутренних дел.

В соответствии с трактовкой Толкового словаря С. И. Ожегова «честь» — это достойные уважения и гордости моральные качества человека [5]. Толковый словарь В. И. Даля указывает на то, что «честь» — внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть [2].

Современное понятие «честь» подразумевает, прежде всего, осознание некоторого долга, обязательства, связанного с личным достоинством, т. е. сегодня «честь» характеризует морально-нравственную основу действий и поступков человека, руководствующегося, в том числе, служебным долгом. Указанный подход в полной мере распространяется и на сотрудников органов внутренних дел.

А между тем, «честь» — это категория этическая, которая, в первую очередь, отражает осознание человеком своего значения в глазах общества, т. е. своего рода, признание его со стороны общества. Следует отметить, что «общество» — это собирательный образ, поэтому в повседневной жизни оценку индивиду, как правило, могут давать отдельные коллективные субъекты: рабочий коллектив, вся нация и т. д. Поэтому категория «честь» может характеризоваться таким прилагательными как: «национальная», «профессиональная», «индивидуальная» и др.

Применительно к сотрудникам органов внутренних дел мы можем вести речь о фиксации в Законе особых морально-этических требований, которые предъявляются ко всем сотрудникам и которые вытекают из особого статуса, которым этот же Закон наделяет сотрудников, являющихся в этой связи представителями государства и выразителями его интересов. При этом указанные морально-этические требования не только носят рекомендательный характер, но могут влиять на критерии отбора граждан на службу в органы внутренних дел по личным качествам.

О каких же особых требованиях к сотруднику в рассматриваемом контексте идет речь? Эти требования изложены, например, в статье 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [18] (далее — Закон о служ-

¹ Деонтология (от греч. deon – долг) — это вытекающая из моральных требований категория этики, означающая должностное поведение, определяемое социальной необходимостью. Деонтология формирует требования социальных законов к частному поведению. Понятие «деонтология» в научный обиход ввел И. Бентам, а основы теории полицейской деонтологии разработал В. М. Кукушин.

бе). При этом одно из таких требований, являющееся по своей сути ключевым, говорит о том, что сотрудник должен заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти.

Закон о службе предусматривает в качестве санкции за несоблюдение морально-этических норм, связанное с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, увольнение сотрудника со службы в органах внутренних дел с обязательным расторжением контракта в связи с совершением им проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел (пункт 9 части 3 статьи 82 Закона о службе).

При этом важно понимать, как правильно отмечают в своих решениях суды при рассмотрении дел, связанных с совершением сотрудниками, проступка, порочащими честь сотрудника органов внутренних дел, что применение других мер ответственности в данном случае невозможно, поскольку закон не предоставляет руководителю органа внутренних дел права избрания для такого сотрудника иной более мягкой меры ответственности, чем увольнение из органов внутренних дел, так как увольнение сотрудника органов внутренних дел за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, обусловлено особым правовым статусом указанных лиц.

Что это значит? Это значит, что указанное выше юридическое последствие для проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, наступает независимо от того: 1) будут или не будут иметь место обстоятельства, смягчающие вину сотрудника, совершившего данный проступок; 2) какие личные и деловые качества, характеризующие сотрудника, совершившего аморальный проступок, будут установлены в ходе проведения служебной проверки; 3) признает ли вину или раскаивается в содеянном сотрудник, совершивший проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел; 4) был или не был привлечен ранее к дисциплинарной ответственности сотрудник, совершивший проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел.

Несомненно, из перечисленных видов проступков, наибольшей частотой совершения, а значит, наносящим наибольший урон авторитету органа внутренних

дел, в том числе, с точки зрения того, как общество воспринимает каждый такой проступок, является управление транспортным средством водителем, находящимся в нетрезвом состоянии, отказ водителя от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а также иные дорожно-транспортные происшествия с участием сотрудников.

Чтобы иметь полное представление о морально-нравственной характеристике выделенного нами вида аморального проступка, приведу только некоторые из наиболее вопиющих примеров, которые можно сегодня обозреть, в том числе через судебную практику: 1) пьяный сотрудник в форме был застигнут другим участником ДТП (гражданином) на месте происшествия, затем сбежал с места происшествия, переодевшись в гражданскую форму одежды [8]; 2) сотрудник был остановлен в связи с управлением транспортным средством в нетрезвом состоянии. При составлении протокола об административном правонарушении стоял и пил пиво, ругался нецензурной бранью и наносил удары по внешней и внутренней сторонам машины, когда приехал ответственный от руководства его подразделения, он перестал вести себя таким образом [12]; 3) сотрудник ехал на квадроцикле в состоянии алкогольного опьянения и допустил столкновение с транспортным средством гражданина [11]; 4) инспектор ДПС, при совершении запрещенного в этом участке дороги обгона, допустил столкновение. Не сообщил о случившемся своему руководству, скрыл от лица, осуществляющего административное производство, информацию о том, что он является сотрудником органов внутренних дел [13]; 5) сотрудник ДПС был отстранен от управления транспортного средства, при этом он пытался переложить свою вину на друга, чтобы уйти от ответственности [10]; 6) сотрудник в пьяном состоянии после ДТП пытался перелезть с места водителя на заднее сидение, разъяренная гражданка пострадавшего транспортного средства пыталась его вытащить с водительского сидения. Кроме того сотрудник пытался предложить свидетелям пройти за него освидетельствование, а также пытался подкупить пострадавшую, предлагая ей не сообщать о ДТП с его участием [9]; 7) сотрудник, ведя служебную машину, совершил наезд на машину двигаясь по дороге с односторонним движением против потока движения. Управлял машиной в нетрезвом состоянии, пытался сбежать с места происшествия. Его остановили владельцы пострадавших транспортных средств. Сотрудник пытался переложить вину на своего сына, чтобы уйти от ответственности [14] и др.

Во всех выше перечисленных ситуациях и в ана-

логичных им, сотрудники были уволены со службы в органах внутренних дел в связи с совершением ими проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел (пункт 9 части 3 статьи 82 Закона о службе).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что суды при рассмотрении указанных дел активно ссылаются на уже упомянутую нами выше статью 13 Закона о службе («Требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел»). В этой связи возникает вполне резонный вопрос: означает ли это, что «проступок, порочащий честь сотрудника», а, значит, влекущий в качестве санкции в любом случае увольнение из органов внутренних дел — это любое нарушение статьи 13 Закона о службе?

При этом следует иметь в виду, что в соответствии с частью 4 статьи 13 Закона о службе иные требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел определяются в соответствии с законодательством Российской Федерации и могут содержаться в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел, утверждаемом руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Напомним, что 26 июня 2020 года Министром внутренних дел Российской Федерации был издан приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» (далее — Кодекс профессиональной этики) [6].

А в соответствии с частью 4 статьи 13 Закона о службе можно вести речь и о требованиях к служебному поведению, изложенных в тексте Присяги сотрудника органов внутренних дел, закрепленной в статье 28 Закона о службе.

Значит ли это, что Закон, с точки зрения наступления юридических последствий (увольнение), ставит на одну доску проступок сотрудника, связанный с не проявлением уважения, вежливости, тактичности по отношению к гражданам (ст. 13) или бдительности (ст. 28) и управление транспортным средством в нетрезвом состоянии? Ведь во всех этих случаях с точки зрения Закона мы имеем дело с проступком, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел. Однако, почему-то, мы не видим примеров из правоприменительной практики, где бы сотрудника увольняли за совершение проступка, связанного, например, с тем, что сотрудник не уступил в общественном транспорте место пожилому человеку. В этой связи, возможно, уже назрела необходимость выделения отдельной категории проступков, связанных с нарушением морально-эти-

ческих требований, предъявляемых к сотруднику, но при этом не являющихся резонансными или наносящими большой ущерб авторитету органа внутренних дел, и в силу этого являющиеся малозначительными. При этом за совершение указанных морально-этических проступков на сотрудника их совершившего могли бы налагаться общественное порицание или дисциплинарные взыскания, применяемые по правилам дисциплинарного производства.

Данная проблема усугубляется еще и тем, что, как правильно отметила Е. Г. Беляева, понятие проступка, порочащего честь, в законодательстве Российской Федерации не раскрывается, не определен перечень ситуаций, которые подлежат отнести к порочащим честь сотрудника [1]. В этой связи представляется важным попытаться дать единое определение понятию проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. Вместе с тем, анализ доктринальных взглядов на природу рассматриваемого проступка не позволяет говорить о наличии единой точки зрения на данный вопрос. И это не удивительно, ведь если мы проанализируем содержание рассматриваемого проступка через призму Кодекса профессиональной этики, то обнаружим два заслуживающих внимание положения: во-первых, не выполнение сотрудником этических требований, предусмотренных Кодексом, приводит лишь к утере им доброго имени и чести, лишению морального права на уважение, поддержку и доверие со стороны его коллег, руководителей (начальников) и других граждан; во-вторых, «несоблюдение требований к служебному поведению, содержащихся в Кодексе, должно будет учитываться руководителем органа внутренних дел при оценке личностных и деловых качеств, переводе сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на иные должности, применении к ним мер поощрения и наложении дисциплинарных взысканий» [6]. Это говорит о том, что в этой части Кодекс профессиональной этики находится в коллизии с Законом о службе, который для проступка, порочащего честь сотрудника, предусматривает только одно единственное юридическое последствие — увольнение.

Поэтому М. Г. Махаева обоснованно указывает на существующие сегодня в правоприменительной практике противоречия в понимании природы проступка, порочащего честь сотрудника, и решение этого вопроса видит «в принятии единого правового акта, который кодифицировал бы все имеющиеся этические нормы в системе государственной службы» [4].

А. В. Равнюшкин полагает, что проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел — это

совершение действий, нарушающих этические правила поведения сотрудника органов внутренних дел вне службы, подрывающих авторитет органов внутренних дел, действий аморального характера» [7, с. 162].

В этой связи, нам представляется, более обоснованным определять проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел *как виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел этических норм, правил, и требований к служебному поведению сотрудников органов внутренних дел при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время, применяемые наряду с нормативными предписаниями, определяющими государственно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел, ограничения, требования к нему, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел Российской Федерации.*

Важность ограничения проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, изложенного в Законе о службе и влекущего обязательное увольнение сотрудника, его совершившего, со службы в органах внутренних дел, от иных морально-этических проступков, также продиктована и тем, что большинство правовых норм, посвященных иным морально-этическим проступкам, как раз, закреплены в Кодексе профессиональной этики. Приведу, для примера, некоторые из них. Сотруднику при осуществлении служебной деятельности и во внеслужебное время предписывается: 1) Быть примером соблюдения правил дорожного движения и водительской вежливости при управлении автомобилем или иным транспортным средством (п. 7.6. Кодекса); 2) соблюдать функциональность, скромность и чувство меры при оформлении (оборудовании) рабочего места (служебного кабинета) (п. 7.7. Кодекса) [6] и др. Очевидно, что нарушения каждого из этих пунктов с трудом претендуют на звание «проступок, порочащий честь сотрудников органов внутренних дел», за совершение которого сотрудник его совершивший заслуживает исключительно только увольнения. Но, с другой стороны, Кодекс профессиональной этики — это единственный юридический источник, которые предоставляет нам исчерпывающий инструментарий, позволяющий дать юридическую квалификацию действиям сотрудника, нарушающего установленные в обществе нормы морали.

Несомненно, издание так ожидаемого Кодекса профессиональной этики будет способствовать дальнейшему развитию деонтологических основ законодательства о службе в органах внутренних дел, направ-

ленных на профилактику аморальных проступков, порочащих честь сотрудника органов внутренних дел. Насколько эффективно? Время покажет. Но каков следующий шаг в дальнейшем развитии соответствующего законодательства о службе в органах внутренних дел?

Наибольшее внимания, по нашему мнению, заслуживает статья 28 Закона о службе. Тем более, что в свете складывающейся сегодня практики привлечения сотрудников к юридической ответственности за совершение ими проступков, порочащих честь сотрудников органов внутренних дел и состояния законодательства о государственной службе в целом, возникает вопрос к достаточности изложенных в рассматриваемой Присяге морально-этических требований. Как нам представляется, изложенные в действующей редакции Присяги Закона о службе морально-этические требования не в полной мере описывают тот идеал и образец службы, которому должен следовать сотрудник органов внутренних дел. В этой связи, представляется важным проанализировать опыт уже действующего законодательства о государственной службе на предмет дальнейшего совершенствования правовых норм о Присяге сотрудника органов внутренних дел с целью более эффективной профилактики совершения сотрудниками проступков, порочащих честь достоинство сотрудника органов внутренних дел.

Так, в соответствии с Присягой, закрепленной в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат «клянется честно и добросовестно исполнять обязанности адвоката, защищать права, свободы и интересы доверителей, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и кодексом профессиональной этики адвоката» (статья 13) [17]. Согласно Военной присяге, изложенной в Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий клянется «соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников, достойно исполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество» (часть 2 статьи 40) [16]. Наибольший интерес в рассматриваемом контексте представляет содержание Присяги прокурора, закрепленной в статье 40.2 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которой прокурор не только клянется добиваться высокой эффективности прокурорского надзора, но и сознает, что нарушение

Присяги несовместимо с дальнейшим пребыванием в органах прокуратуры [15].

Учитывая приведенный выше законодательный опыт, представляется целесообразным пересмотреть закрепленный в Законе о службе текст Присяги и изложить часть 2 статьи 28 Закона о службе в новой редакции:

«2. Текст Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации:

«Я, (фамилия, имя, отчество), поступаю на службу в органы внутренних дел, торжественно присягаю на верность Российской Федерации и ее народу!

Клянусь при осуществлении полномочий сотрудника органов внутренних дел:

- уважать и защищать права и свободы человека и гражданина, свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, не допуская малейшего от них отступления;
- строго выполнять требования дисциплинарного устава органов внутренних дел, кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел;
- быть мужественным, честным и бдительным, не щадить своих сил в борьбе с преступностью, добиваться высокой эффективности при выполнении служебных обязанностей;
- постоянно совершенствовать свое мастерство, дорожить честью сотрудника органов внутренних дел, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности, свято беречь и приумножать лучшие традиции органов внутренних дел;
- достойно исполнять свой служебный долг и возложенные на меня обязанности по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, хранить государственную и служебную тайну;
- сознаю, что нарушение Присяги несовместимо с дальнейшим пребыванием в органах внутренних дел.

Служу России, служу Закону!».

Несомненно, каждый сотрудник, произнося слова указанной Присяги, будет четко осознавать не только более строгие морально-этические требования, предъявляемые к нему, но, что самое главное, представлять образец высокоморального поведения сотрудника, а также ясно представлять юридические последствия нарушения данной им Присяги.

Список источников

1. Беляева, Е. Г. Проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел: некоторые проблемы правоприменительной практики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4(90). С. 83–90.
2. Даль, В. И. Словарь Даля. 2012 URL : <https://slovar.cc/rus/dal/580892.html> (дата обращения: 06.05.2021).
3. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1979 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739106>.
4. Махаева, Л. Г. Проблемные вопросы увольнения сотрудников органов внутренних дел, связанные с нарушением профессионально-этических норм // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 155–160.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=35095> (дата обращения: 06.05.2021).
6. Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».
7. Равнюшкин, А. В. Судебная практика по спорам об увольнении со службы (при совершении преступления) в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 156–162.
8. Решение Брединского районного суда Челябинской области от 10 июля 2020 г. по делу № 2-303/2020.
9. Решение Верхотурского районного суда Свердловской области от 6 июля 2020 г. по делу № 2-137/2020.
10. Решение Вологодского городского суда Вологодской области от 8 июля 2020 г. по делу № 2-4079/2020.
11. Решение Московского районного суда г. Твери (Тверская область) от 30 июля 2020 г. по делу № 2-1048/2020.
12. Решение Моршанского районного суда Тамбовской области от 29 сентября 2020 г. по делу № 2-808/2020.
13. Решение Центрального районного суда г. Калининграда (Калининградская область) от 29 июля 2020 г. по делу № 2-2905/2020.
14. Решение Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 25 мая 2020 г. по делу № 2-1294/2020.
15. Федеральный закон от 17 января 1992 г. №

2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Вестник Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г. № 8. Ст. 366.

16. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

17. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

18. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

References

1. Belyaeva, E. G. A misdemeanor discrediting the honor of an employee of the internal affairs bodies: some problems of law enforcement practice // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4(90). P. 83–90.

2. Dahl, V. I. Dahl's Dictionary. 2012 URL: <https://slovar.cc/rus/dal/580892.html> (accessed 06.05.2021).

3. Code of Conduct for Law Enforcement Officials (Adopted by General Assembly resolution 34/169 of December 17, 1979). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739106>.

4. Makhaeva, L. G. Problematic issues of dismissal of employees of internal affairs bodies associated with violation of professional and ethical standards // Humanitarian and legal studies. 2017. No. 2. P. 155–160.

5. Ozhegov, S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=35095> (date of appeal: 06.05.2021).

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 460 dated June 26, 2020 “On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation”.

7. Ravnyushkin, A. V. Judicial practice on disputes about dismissal from service (when committing a crime) in connection with the commission of a misdemeanor discrediting the honor of an employee of internal affairs bodies // Legal science and law enforcement practice. 2015. № 3 (33). P. 156–162.

8. The decision Bredinsky district court of Chelyabinsk region from 10 July 2020 in case No. 2-303/2020.

9. The decision Verkhoturysky district court of the Sverdlovsk region from July 6, 2020 in case No. 2-137/2020.

10. The decision of the court of the Vologda city of the Vologda region from July 8 2020 in case No. 2-4079/2020.

11. The decision of the Moscow district court of Tver (Tver oblast) of 30 July 2020 in case No. 2-1048/2020.

12. The decision of the district court Morshansk, Tambov region, dated 29 September 2020 in case No. 2-808/2020.

13. The decision of the Central district court of the city of Kaliningrad (Kaliningrad area) from July 29 2020 in case No. 2-2905/2020.

14. The decision of the Elista city court of the Republic of Kalmykia from 25 may 2020 in case No. 2-1294/2020.

15. Federal law of January 17, 1992, No. 2202-I “On the procuracy of the Russian Federation” // Vedomosti of the Congress of people’s deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation of February 20, 1992, № 8. St. 366.

16. Federal law of 28 March 1998 No. 53-FZ “About military duty and military service” // meeting of the legislation of the Russian Federation. 1998. No. 13. St. 1475.

17. Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 “On Advocacy and advocacy in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 23. St. 2102.

18. Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 “On service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 49 (part 1). Article 7020.

Библиографический список

1. Маюров, Н. П., Ороева, О. Д. Теоретико-правовой аспект служебного спора по законодательству о службе в органах внутренних дел Российской Федерации // Пробелы в Российском законодательстве. 2016. № 1. С. 145–151.

2. Маюров, Н. П., Мартенюк, Д. А. Некоторые вопросы административной ответственности государственных служащих в Российской Федерации // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и пути их решения // Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции 29 марта 2019 года. Под ред. Б. П. Белозерова [и др.]; СПб у-т управления и экономики. 2019. С. 261–275.

Bibliographic list

1. Mayurov, N. P., Oroeva, O. D. The theoretical and legal aspect of the service dispute under the legislation on service in the internal affairs bodies of the Russian

- Federation // Gaps in the Russian legislation. 2016. No. 1. P. 145–151.
2. Mayurov, N. P., Martenyuk, D. A. Some issues of administrative responsibility of civil servants in the Russian Federation // Human rights activities in modern Russia: problems and ways to solve them // Collection of scientific papers of the V International Scientific and Practical Conference on March 29, 2019. Edited by B. P. Belozerov [et al.]; St. Petersburg Department of Management and Economics. 2019. P. 261–275.

Информация об авторах

Н. П. Маюров – профессор кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

О. Д. Ороева – доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. P. Mayurov – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Admiral S. O. Makarov State University of Marine and River Fleet, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation;

O. D. Oroeva – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 23.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-382-384>

НИОН: 2003-0059-6/21-134

MOSURED: 77/27-003-2021-06-333

Психологические особенности обучения будущих педагогов и педагогов-психологов

Федор Георгиевич Мышко¹, Евгения Владимировна Чернега²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ fg_myshko@guu.ru

² Chernegal@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются теоретические и практические вопросы применения некоторых психологических приемов обучения будущих педагогов и педагогов-психологов. Автором статьи сделан вывод о том, что обучение практикой, практическими действиями способствует более продуктивному усвоению материала, созданию положительной эмоциональной атмосферы, что, в целом, ведет к повышению уровня обученности студентов и развитию их профессиональных компетенций. Обсуждение темы, в процессе которой формируется способность к аргументации, видение проблемы с разных точек зрения, умение доказать свою позицию, также является действенным механизмом развития личности студента. В статье исследуется проблема интерактивных методов обучения, актуальных в настоящее время. Это методы и средства обучения, используемые преподавателем для активизации учебной деятельности студентов и имеющие обратную связь: проблемные лекции, семинары-дискуссии, разбор конкретных педагогических ситуаций, деловые игры, методы математического моделирования.

Ключевые слова: психология, ценность, обучение, педагог, метод обучения, студент, профессиональные компетенции, образование, личность

Для цитирования: Мышко Ф. Г., Чернега Е. В. Психологические особенности обучения будущих педагогов и педагогов-психологов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 382–384. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-382-384>.

Original article

Psychological features of training future teachers and psychological educators

Fyodor G. Myshko¹, Evgeniya V. Chernega²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ fg_myshko@guu.ru

² Chernegal@gmail.com

Abstract. The article considers theoretical and practical issues of application of some psychological techniques of training future teachers and teacher-psychologists. The author of the article concluded that training in practice, practical actions contributes to a more productive absorption of material, the creation of a positive emotional atmosphere, which, in general, leads to an increase in the level of training of students and the development of their professional competencies. The discussion of the topic, in the process of which the ability to argue is formed, the vision of the problem from different points of view, the ability to prove its position, is also an effective mechanism for the development of the student's personality. The article explores the problem of interactive teaching methods that are currently relevant. These are the teaching methods and tools used by the teacher to intensify the educational activities of students and have feedback: problematic lectures, seminars-discussions, analysis of specific pedagogical situations, business games, methods of mathematical modeling.

© Мышко Ф. Г., Чернега Е. В., 2021

Keywords: psychology, value, training, teacher, teaching method, student, professional competencies, education, personality

For citation: Myshko F. G., Chernega E. V. Psychological features of training future teachers and psychological educators. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):382–384. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-382-384>.

Профессиональная деятельность человека представляет собой обширное поле для проведения различных теоретических и практических психологических исследований [5]. В настоящее время психологи все чаще обращаются к анализу профессиональной деятельности с точки зрения аксиологического подхода. Данный подход предполагает изучение профессиональной деятельности в рамках ее ценностно-смыслового содержания. При таком понимании данный вид деятельности субъекта не сводится лишь к реализации профессиональных знаний и умений, но соотносится с развитием ценностно-смысловой сферы личности [3].

Обучение практикой, практическими действиями способствует более продуктивному усвоению материала, созданию положительной эмоциональной атмосферы, что, в целом, ведет к повышению уровня обученности студентов и развитию их профессиональных компетенций. Обсуждение темы, в процессе которой формируется способность к аргументации, видение проблемы с разных точек зрения, умение доказать свою позицию, также является действенным механизмом развития личности студента.

Выступление в роли обучающего способствует развитию эмпатии и рефлексии студентов, что также является профессионально-важными качествами будущих педагогов и педагогов-психологов. Наглядные пособия, аудио-видео средства занимают среднюю позицию, по мнению субъектов образовательного процесса в вузе, в качестве эффективности развивающего обучения [1]. Говоря о модернизации образования, нельзя не затронуть проблему интерактивных методов обучения, актуальных в настоящее время. Это методы и средства обучения, используемые преподавателем для активизации учебной деятельности студентов и имеющие обратную связь: проблемные лекции, семинары-дискуссии, разбор конкретных педагогических ситуаций, деловые игры, методы математического моделирования [2].

В связи с развитием компьютерной техники расширяется возможность применения различных методов инновационной деятельности с применением информационных технологий и становится доступным применение интернета в обучении. Повышение качества образования определяется умением использовать

инновационные методы обучения, которые предполагают коренное изменение лекционных занятий, происходит трансформация традиционных лекций как способ передачи знаний в монологической форме.

Профессиональная карьера представляет собой процесс самореализации индивида в профессии, а целью этого процесса может являться профессиональный рост и/или должностное продвижение. Будучи динамичным и изменчивым процессом, профессиональная карьера имеет свою структуру. В нее входят три основных компонента: целевой, процессуальный и результативный, при этом карьерные ориентации отражают целевой компонент профессиональной карьеры. В этом компоненте наиболее ярко воплощается тот личностный смысл, который человек стремится реализовать при выборе и осуществлении своей профессиональной карьеры.

При этом студенты, ориентированные на науку и педагогику, в отличие от представителей общего студенческого контингента, пренебрегают целым рядом форм педагогического взаимодействия, направленных на тактическое освоение учебного материала (детальное и поэтапное). Сюда относятся формы педагогического взаимодействия, достаточно широко востребованные испытуемыми общей выборки. Это выделение позиций спорящих, фиксация знания о своем незнании, анализ ошибок, рефлексия способа и результата мышления и деятельности, требование точного воспроизведения.

Выявленные в результате анализа, особенности восприятия форм педагогического взаимодействия студентами, обладающими высоким исследовательским потенциалом и профессионально ориентированными на научно-исследовательскую и научно-педагогическую деятельность, могут быть истолкованы как проявление самостоятельности и гибкости мышления, наличия собственной мыслительной стратегии. В связи с этим можно сделать вывод о целесообразности применения различных организационных форм обучения для студентов общего контингента и для будущих научно-педагогических кадров.

Ценностные иерархии у студентов-психологов и студентов-менеджеров, в целом, схожи. Так, ведущие позиции в обеих группах занимают ценности «Добро-

та», «Самостоятельность» и «Достижения». Высокую значимость ценности «Доброты» мы связываем с общей направленностью студентов, получающих специализацию в профессиональной системе «Человек-Человек» и трактуем ее как одну из форм просоциальной альтруистической установки, как позитивную ориентацию на поддержание благоприятных взаимоотношений с людьми.

«Самостоятельность» — другая ценность, которая присуща обеим группам, практически, в равной степени. Эту ориентацию на поддержание независимости и автономии, направленность на творческую и исследовательскую активность, мы соотносим с основными характеристиками студенческого возраста. Ориентация на «Достижение» свидетельствует о направленности студентов на достижение своих целей и реализацию планов, что особенно актуально в условиях скорого окончания вуза.

Наибольшие различия между студентами-психологами и студентами-менеджерами можно обозначить среди следующих жизненных ценностей: «Активные социальные контакты» и «Высокое материальное положение». Более высокое место ценности «Активные социальные контакты» в иерархии у менеджеров объясняется, прежде всего, преобладанием у них экстравертированной установки, в то время как у психологов преобладает интровертированная установка. Кроме того, в иерархии ценностей у студентов-менеджеров более высокое место, по сравнению со студентами-психологами занимает ценность «Высокое материальное положение», что свидетельствует о тенденции студентов-менеджеров ориентироваться на богатство и материальный достаток [4].

Информация об авторах

Ф. Г. Мышко – доктор юридических наук, доцент;

Е. В. Чернега – младший научный сотрудник научного журнала «Психология и педагогика служебной деятельности».

Information about the authors

F. G. Myshko – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Chernega – Junior Researcher of the scientific journal «Psychology and Pedagogics in Official Activity».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 15.12.2021.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 15.12.2021.

Список источников

1. Асмолов, А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России : от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Материалы Первой научно-практической конференции «Психология образования: проблемы и перспективы». М., 2004. С. 6–10.
2. Зеер, Э. Ф. Личностно-развивающие технологии начального профессионального образования. М. : Академия, 2010.
3. Зеер, Э. Ф. Профессиональное образовательное пространство личности. Екатеринбург, 2002.
4. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. 2-е изд., испр. М. : Смысл, 2003. 487 с.
5. Смолкин, А. М. Методы активного обучения. М. : Высшая школа, 1991.

References

1. Asmolov, A. G. Practical psychology and the design of variable education in Russia : from the paradigm of conflict to the paradigm of tolerance // Materials of the First Scientific and Practical Conference “Psychology of Education: Problems and Prospects”. M., 2004. P. 6–10.
2. Zeer, E. F. Personal development technologies of primary vocational education. M. : Academy, 2010.
3. Zeer, E. F. Professional educational space of personality. Yekaterinburg, 2002.
4. Leontiev, D. A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality / D. A. Leontiev. 2nd ed. M. : Meaning, 2003. 487 p.
5. Smolkin, A. M. Methods of active training. M. : Higher School, 1991.

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-385-390>

НИОН: 2003-0059-6/21-135

MOSURED: 77/27-003-2021-06-334

О роли особенностей познавательных процессов в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД

Татьяна Юрьевна Полозова¹, Наталья Викторовна Аникеева², Алена Александровна Конькова³

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

³ УГИБДД ГУ МВД России Москвы, Москва, Россия

¹ psn_06@mail.ru,

² n.anikeeva0606@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей психической познавательной сферы сотрудников ГИБДД с различным стажем службы. Особое внимание авторы уделили изучению свойств внимания и характеристик мышления и их взаимовлиянию. Так, в результате проведенного исследования было установлено и подтверждено статистическими методами, что имеются достоверные корреляционные зависимости между способностью к обобщению, умением проводить анализ информации и вниманием. Необходимо отметить также, что авторами статистически подтверждена зависимость особенностей познавательных процессов (внимания и мышления) сотрудников от стажа их службы в ГИБДД. Полученные эмпирические данные могут стать основой для дальнейших теоретических разработок в области изучения профессиональной деятельности сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: профессионально-значимые психологические качества личности инспекторов ДПС ГИБДД, особенности психической познавательной деятельности, свойства внимания, мышление, способность к обобщению и анализу информации, гибкость мыслительных процессов

Для цитирования: Полозова Т. Ю., Аникеева Н. В., Конькова А. А. О роли особенностей познавательных процессов в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 385–390. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-385-390>.

Original article

On the role of the features of cognitive processes in the professional activities of traffic police officers

Tatyana Yu. Polozova¹, Natalya V. Anikeeva², Alena A. Konkova³

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

³ UGIBDD GU Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ psn_06@mail.ru

² n.anikeeva0606@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of features of mental cognitive sphere of traffic police officers with different service experience. The authors paid special attention to the study of the properties of attention and characteristics of thinking and their mutual relationship. Thus, as a result of the study, it was found and confirmed by statistical methods that there are reliable correlation relationships between the ability to generalize, the ability to analyze information and attention. It should also be noted that the authors statistically confirmed the dependence of the peculiarities of the cognitive processes (attention and thinking) of employees on the length of service in the traffic police. The empirical

© Полозова Т. Ю., Аникеева Н. В., Конькова А. А., 2021

data obtained can form the basis for further theoretical developments in the field of study of professional activities of employees of the State Traffic Safety Inspectorate.

Keywords: research of features of mental cognitive activity, levels of volume, switching and distribution of attention, orientation of thinking, its stability, ability to generalization and analysis of information, flexibility of thought processes

For citation: Polozova T. Yu., Anikeeva N. V., Konkova A. A. On the role of the features of cognitive processes in the professional activities of traffic police officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):385–390. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-385-390>.

Согласно существующей статистике на дорогах России ежедневно фиксируется около 500 дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими, достаточно большое количество — с материальным ущербом. По официальным данным ГИБДД за 2020 год произошло более 137 тысяч аварий, более 175 тысяч человек получили в ДТП травмы различной степени тяжести, около 16 тысяч человек погибло [8].

Повышение уровня безопасности дорожного движения на протяжении многих десятилетий остается приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации. Существенная роль в ее обеспечении принадлежит Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД), и, в частности, сотрудникам дорожно-постовой службы (ДПС) ГИБДД.

Специфика дорожно-патрульной службы состоит в нестандартности и экстремальности условий деятельности, а также в сложности и разнообразии задач по обеспечению безопасности дорожного движения.

Особенности несения службы государственного инспектора безопасности дорожного движения помимо специальных знаний и умений предполагают наличие у него следующих развитых профессионально-важных качеств и способностей:

- в волевой сфере — развитых волевых качеств: внимательности, ответственности, дисциплинированности, выдержки, принципиальности, настойчивости, честности, решительности, самоконтроля [2; 5];
- в эмоциональной сфере — эмоциональной устойчивости, уравновешенности;
- в познавательной сфере: развитых свойств *внимания* — распределения, переключения, устойчивости, концентрации, объема, избирательности; сформированной *памяти* — двигательной и образной; развитого *мышления* и его операций — способности анализа и обобщения информации, устойчивости мыслительной деятельности и др.

Также необходимым психологическим професси-

онально-значимым качеством личности сотрудника ДПС ГИБДД является профессиональная наблюдательность, характеризующаяся как «способность подмечать внешние малозаметные и на первый взгляд малозначительные признаки явлений, объектов» [1, с. 6].

Среди прочих особенностей познавательной деятельности сотрудников ГИБДД некоторые авторы [3; 4; 6; 7] выделяют: умение быстро оценивать и прогнозировать дорожную обстановку; оперативно принимать адекватные решения в дорожно-транспортных ситуациях различной сложности; способность точно воспринимать и анализировать высказывания, причины и мотивы поведения участников дорожного движения; способность находить новые, необычные решения и т.д.

Исходя из этого, представилось необходимым проведение исследования особенностей познавательных функций сотрудников ДПС ГИБДД и их зависимости от возраста и стажа профессиональной деятельности.

Эмпирическое исследование проводилось на базе УГИБДД ГУ МВД России Москвы. Для изучения познавательных функций в качестве респондентов выступили сотрудники ДПС ГИБДД, имеющие различный стаж службы в органах внутренних дел (от 1 до 9 лет). Выборка составила 63 человека.

Исследование предусматривало следующие этапы: 1) постановка цели и задач исследования; 2) подбор диагностического инструментария исследования внимания и мышления; 3) проведение психодиагностического исследования познавательных функций участников эксперимента; 4) обработка и анализ полученных результатов; 5) разработка рекомендаций по результатам проведенного исследования.

Для реализации цели исследования были определены изучаемые характеристики и подобраны следующие диагностические методики (табл. 1).

Выбранные методики направлены на изучение особенностей развития познавательных функций сотрудников УГИБДД ГУ МВД России Москвы, а также влияния профессионального стажа на изменение особенностей познавательных функций.

Таблица 1

Методики исследования особенностей познавательных функций сотрудников ГИБДД

№	Исследуемые характеристики	Методики исследования
1.	Объем, переключение, распределение внимания	«Тест отыскания чисел» (В. Л. Маршук)
2.	Способность к обобщению и анализу информации, устойчивость мыслительной деятельности, гибкость мыслительных процессов, внимание, интегральный показатель мышления	Краткий отборочный тест (КОТ) (В. Н. Бузин, Э. Ф. Вандерлик)
3.	Способность к классификации и анализу	Методика «Исключение понятий» (модификация О. Б. Поляковой)
4.	Уровень концентрации внимания	Тест Пьерона-Рузера

В первую очередь были проанализированы уровни развития объема, переключения и распределения внимания сотрудников ДПС ГИБДД.

Результаты проведенного исследования распределились следующим образом: у большинства сотрудников (27 респондентов — 49,2 %) уровень развития объема, переключения и распределения внимания — высокий, у 24 респондентов (42,9 %) — средний и у 12 респондентов (7,9 %) — низкий.

При этом важно отметить, что высокий уровень объема, переключения и распределения внимания выявлен у сотрудников, имеющих профессиональный стаж от 1 года до 5 лет.

Кроме того, были рассмотрены и проанализированы изучаемые показатели развития концентрации внимания сотрудников ДПС ГИБДД по тесту Пьерона-Рузера.

Согласно проведенному исследованию, у большинства сотрудников ГИБДД (25 респондентов — 39,7 %) — низкий уровень концентрации внимания, у 22 респондентов (34,9 %) — средний уровень концентрации внимания, у 15 респондентов (23,8 %) — высокий. Очень низкий уровень концентрации внимания выявлен у 1 респондента (1,6 %).

Анализ полученных данных позволяет сказать,

что у сотрудников ГИБДД преобладает низкий уровень концентрации внимания. В среднем это сотрудники, имеющие профессиональный стаж 1 год, 6 лет, 7 лет и 9 лет.

Анализ результатов, полученных согласно методике «Исключение понятий» (модификация О. Б. Поляковой), показал, что у большинства сотрудников ГИБДД (35 респондентов — 55,6 %) уровень развития способностей к классификации и анализу информации средний, у 16 респондентов (27,1 % от общего числа испытуемых) — высокий, у 12 респондентов (17,3 %) — низкий уровень способностей к классификации и анализу информации.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у данных сотрудников преобладает средний уровень развития способностей классификации и анализа информации. В эту группу вошли сотрудники, имеющие профессиональный стаж 3–4 года и 9 лет.

Высокие показатели изученных свойств внимания и мышления говорят не только об индивидуально-личностных особенностях познавательной сферы сотрудников, сравнительно молодом возрасте и небольшом стаже службы сотрудников, но также и об отсутствии у них признаков профессиональной деформации.

Таблица 2

Результаты исследования мышления и внимания сотрудников ГИБДД

КОТ					Нахождение чисел	Исключение понятий	Тест Пьерона-Рузера
Способность к обобщению и анализу информации	Устойчивость мыслительной деятельности	Гибкость мыслительных процессов	Внимание	Интегральный показатель			
17,2	9,1	4,5	1,6	34,6	10,04	6	3,3

В таблице 2 представлены средние результаты по изучаемым особенностям познавательных функций — мышления и внимания.

Для установления зависимости между познавательными функциями и стажем службы сотрудников ДПС ГИБДД полученные результаты были подвергнуты корреляционному анализу при помощи программного пакета Statistica 10. Достоверность различий данных определялась критерием Спирмена.

Так были выявлены статистически достоверные корреляционные зависимости между способностью к обобщению, умением проводить анализ информации и вниманием — $p\text{-level} < 0,05$.

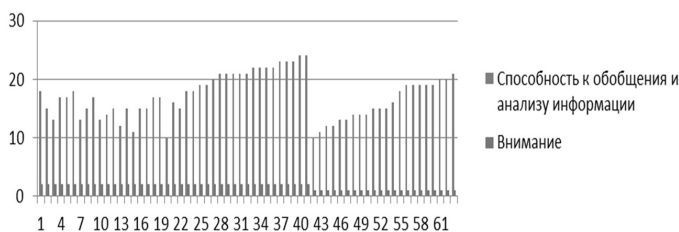

Рис. 1. Анализ показателей субшкалы методики «КОТ» и внимания

На рисунке 1 наглядно представлена зависимость способности к обобщению и анализу информации от особенностей внимания сотрудников ГИБДД: чем выше показатели внимания, тем выше способности к обобщению и анализу информации.

Способность к обобщению и анализу информации является одним из профессионально важных качеств сотрудника ДПС ГИБДД, так как ее наличие обеспечивает эффективность в сборе информации о происшествиях, а также влияет на способность разбивать информацию на важные информационные части и собирать целостную картину из частей. Устойчивость внимания важна для концентрации на одном и том же предмете, в первую очередь концентрации на выполняемой задаче. Вследствие того, что сотруднику ДПС ГИБДД в течение служебного времени предстоит решать множество разнонаправленных задач по обеспечению безопасности дорожного движения, необходимо иметь хорошо развитые свойства внимания — переключаемость и распределение.

Процесс формирования профессионально-значимых познавательных качеств сотрудника ДПС ГИБДД возможен при взаимодействии двух сторон: внешней — практической, профессиональной, и внутренней — личностной, мотивационно-волевой, где по мере формирования личности сотрудника ГИБДД

должна возрастать роль осознания и самосознания. Только в том случае, когда интересы, потребности, мотивы, цели совпадают с содержанием работы, можно достичь положительной динамики развития познавательных процессов.

Проведенное исследование позволило выявить уровень развития познавательных процессов сотрудников ДПС ГИБДД — особенностей мышления и внимания, определить недостатки развития отдельных свойств внимания. Учет полученных данных позволит практическому психологу указанных подразделений при организации психологического сопровождения сотрудников.

Резюмируя полученные результаты исследования, можно утверждать следующее:

1) особенности познавательной сферы — направленность мышления, его устойчивость, способность к обобщению и анализу информации, гибкость мыслительных процессов, а также концентрация, объем, переключение и распределение внимания зависят не только от возраста и индивидуальных особенностей сотрудников ДПС ГИБДД, но и от стажа службы в ГИБДД.

2) профессиональная помощь сотрудникам ДПС ГИБДД со стороны психологов подразделения должна предусматривать работу по развитию и поддержанию высокого уровня познавательной сферы: устойчивости внимания, распределения, объема, концентрации, переключаемости и сосредоточенности внимания, а также развитие различных видов и процессов мышления.

Список источников

1. Аминов, И. И. Психология деятельности юриста: учеб. пособие для студентов. М. : Юнити-Дана, 2009. С. 43–44.
2. Аникеева, Н. В. Роль волевой регуляции в профессиональной деятельности сотрудника ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 105–107.
3. Борисова, С. Е. Профессиограммы сотрудников подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения: учеб. пособие, изд. 2-е. Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2014. 104 с.
4. Гайнуллина, А. В. Профессиограмма и психосограмма инспектора дорожно-патрульной службы ГИБДД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 120–125.
5. Гончарова, Е. М. Психологические условия формирования профессионально-волевых качеств как

необходимый фактор становления профессионала в системе МВД // *Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности*. 2017. № 3. С. 35–37.

6. Касперович, Ю. Г., Костина, Л. Н., Марьин, М. И. О формировании профессиональных навыков и качеств у сотрудников Госавтоинспекции для противодействия провокационному поведению участников дорожного движения // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2017. № 4 (71). С. 106–110.

7. Костина, Л. Н., Перков, А. А. Обучение профайлингу как фактор формирования профессиональной наблюдательности сотрудников госавтоинспекции // *Наука и практика*. 2014. № 4 (61). С. 138–142.

8. Электронный ресурс : <http://stat.gibdd.ru>. Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России.

References

1. Aminov, I. I. *Psychology of lawyer activity: textbook. manual for students*. М. : Unity-Dana, 2009. P. 43–44.

2. Anikeeva, N. V. The role of volitional regulation in the professional activity of an employee of the Department of Internal Affairs // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. No. 3. P. 105–107.

3. Borisova, S. E. *Professionograms of employees of the departments of the State Road Safety Inspectorate: textbook. manual, ed. 2nd*. Orel : OrYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 2014. 104 p.

4. Gainullina, A.V. *Professionogram and psychogram of the inspector of the traffic police patrol service // Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2012. No. 2 (49). P. 120–125.

5. Goncharova, E. M. Psychological conditions for the formation of professional-volitional qualities as a necessary factor in the formation of a professional in the system of the Ministry of Internal Affairs // *International Journal of Psychology and Pedagogy in Professional Activity*. 2017. No. 3. P. 35–37.

6. Kasperovich, Yu. G., Kostina, L. N., Maryin, M. I. On the formation of professional skills and qualities among employees of the State Traffic Inspectorate for countering provocative behavior of road users // *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2017. No. 4 (71). P. 106–110.

7. Kostina, L. N., Perkov, A. A. Profiling training as a factor in the formation of professional observation of

traffic police officers // *Science and Practice*. 2014. No. 4 (61). P. 138–142.

8. Electronic resource : <http://stat.gibdd.ru>. Official website of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Библиографический список

1. Костина, Л. Н. Снижение рисков в деятельности сотрудников ДПС ГИБДД благодаря развитию профессиональной наблюдательности. В сборнике : *Правопорядок в России : проблемы совершенствования*. Сборник научных статей Всероссийской конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 113–116.

2. Костина, Л. Н., Марьин, М. И. Особенности ситуационного подхода в профессиональной подготовке сотрудников Госавтоинспекции // *Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований* Материалы международной научно-практической конференции. С.-Пб, 2017. С. 414–418.

3. Слесарева, Е. А. Профессионально-значимые психологические качества личности инспекторов ДПС ГИБДД // *Вестник ГУУ*. 2011. № 19. С. 132–134.

4. *Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова*. М., 2014.

Bibliographic list

1. Kostina, L. N. Risk reduction in the activities of traffic police officers due to the development of professional observation. In the collection : *Law and Order in Russia : problems of improvement*. Collection of scientific articles of the All-Russian Conference. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2017. P. 113–116.

2. Kostina, L. N., Marin, M. I. Features of the situational approach in the professional training of employees of traffic police // *Law enforcement activities of the internal Affairs bodies in the context of modern scientific research materials of the international scientific-practical conference*. S.-Pb, 2017. P. 414–418.

3. Slesareva, E. A. Professionally important psychological qualities of the person inspectors traffic police // *Bulletin of GUU*. 2011. No. 19. P. 132–134.

4. *Textbook on general psychology. Psychology of thinking / edited by Yu. B. Gippenreiter, V. V. Petukhov*. М., 2014.

Информация об авторах

Т. Ю. Полозова – доцент кафедры психологии УНК ПСД Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

Н. В. Аникеева – доцент кафедры психологии УНК ПСД Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

А. А. Конькова – психолог группы по работе с личным составом УГИБДД ГУ МВД России Москвы.

Information about the authors

T. Yu. Polozova – Associate Professor of the Department of Psychology of the Educational-scientific Complex of psychology service activities of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

N. V. Anikeeva – Associate Professor of the Department of Psychology of the Educational-scientific Complex of psychology service activities of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

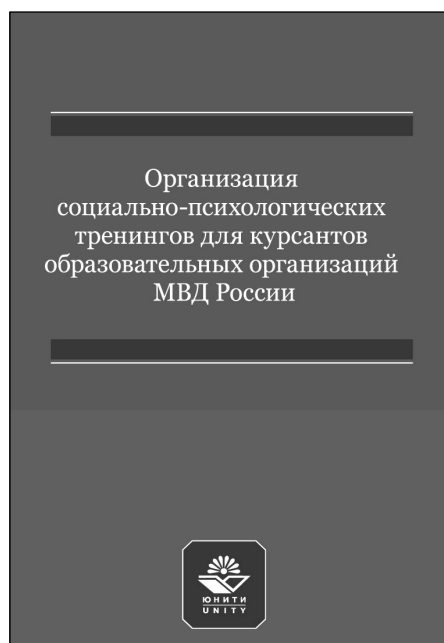
A. A. Konkova – Staff Psychologist of UGIBDD GU Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.09.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 29.09.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России. Учебно-метод. пособие. Михайлова С.Ю. и др. 159 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены программы социально-психологических тренингов, направленных на реализацию тракто-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном обучении курсантов-психологов.

Цель тренингов – необходимость развития сферы профессионального самосознания сотрудников полиции с учетом специфики их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем напряженности и риска, дефицита времени и информации при принятии решения и других факторов.

Основные идеи пособия неоднократно были апробированы на практике и в научных разработках в рамках научной школы «Психологическое обеспечение эффективности служебной деятельности», созданной на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и возглавляемой доктором психологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Федотовым и доктором психологических наук, профессором Игорем Борисовичем Лебедевым.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, практических психологов МВД России, адъюнктов и профессорско-преподавательского состава.

Научная статья

УДК 159.98:316.64

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-391-398>

НИОН:2003-0059-6/21-136

MOSURED: 77/27-003-2021-06-335

Стили жизнедеятельности студентов и психологическая безопасность образования

Вioletta Рубеновна Петросянц¹, Людмила Николаевна Гридяева², Галина Валерьевна Валеева³,
Мариям Равильевна Арпентьева⁴

^{1,2} Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Российская Федерация

³ Высшая школа физической культуры и спорта Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Российская Федерация

⁴ Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие», Калуга, Российская Федерация

¹ vipe80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-2974>

² lgridyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0239-0861>

³ valeeva-chel@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3140-1627>

⁴ mariam_rav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Аннотация. Образовательная среда университета, выступающая как институт социализации, управления и поддержки становления и развития человека, оказывает на него интенсивное и разнонаправленное воздействие. В зависимости от характера воздействия формируются психологически опасные и безопасные среды обучения и воспитания человека, а также более или менее психологически безопасные субъекты образования. Образовательная среда вуза направляет, наполняет, структурирует активность каждого конкретного человека, в том числе его активность в отношении собственного здоровья и безопасности, задает стиль жизнедеятельности субъектов, обладающий в разной мере выраженным потенциалом сохранения и укрепления здоровья. Однако, есть и противоположное движение: взаимодействие субъектов образования порождает «результатирующую» безопасность образования того или иного вуза: субъекты образования и, в том числе оздоровительной деятельности, способны влиять на формирование и развитие безопасной образовательной среды. Цель исследования — анализ стилей жизненной активности студентов как компонентов психологической безопасности образования. Метод исследования: анализ стилей жизненной активности студентов как компонентов психологической безопасности образования. Можно выделить несколько групп студентов, реализующих разные стили жизнедеятельности и, в том числе, оздоровительной деятельности, которые обладают разной степенью психологической (без)опасности.

Ключевые слова: студенты, стиль жизни, буллинг, насилие, деформации образовательных отношений, оздоровительная деятельность, психологическое сопровождение образования, психологическая безопасность образования, психологическая безопасность индивида

Для цитирования: Петросянц В. Р., Гридяева Л. Н., Валеева Г. В., Арпентьева М. Р. Стили жизнедеятельности студентов и психологическая безопасность образования // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 391–398. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-391-398>.

Original article

Student's styles of life and psychological safety of education

Violetta R. Petrosyants¹, Lyudmila N. Gridyaeva², Galina V. Valeeva³, Mariam R. Arpenteva⁴

^{1,2} Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

³ Higher school of physical culture and sports South Ural state humanitarian-pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

© Петросянц В. Р., Гридяева Л. Н., Валеева Г. В., Арпентьева М. Р., 2021

⁴ Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance «Assistance», Kaluga, Russian Federation

¹ vipe80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-2974>

² lgridyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0239-0861>

³ valeeva-chel@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3140-1627>

⁴ mariam_rav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Abstract. The educational environment of the university, acting as an institution of socialization, management and support of the formation and development of a person, has an intense and multidirectional impact on it. Depending on the nature of the impact, psychologically dangerous and safe environments for the education and upbringing of a person are formed, as well as more or less psychologically safe subjects of education. The educational environment of the university directs, fills, structures the activity of each individual person, including his activity in relation to his own health and safety, sets the life style of the subjects, which has a differently expressed potential for maintaining and strengthening health. However, there is also the opposite movement: the interaction of educational subjects gives rise to the «resulting» safety of education of a particular university: subjects of education, including health-improving activities, are able to influence the formation and development of a safe educational environment. The aim of the research is to analyze the styles of students' life activity as components of the psychological safety of education. Research method: analysis of the styles of students' life activity as components of the psychological safety of education. It is possible to distinguish several groups of students who implement different styles of life, including health-improving activities, which have varying degrees of psychological (safety) danger.

Keywords: students, lifestyle, bullying, violence, deformations of educational relations, health-improving activities, psychological support of education, psychological safety of education, individual psychological safety

For citation: Petrosyants V. R., Gridyaeva L. N., Valeeva G.V., Arpenteva M. R. Student's styles of life and psychological safety of education. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):391–398. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-391-398>.

Введение. Стиль жизни клиента — результат суммарного воздействия на его развитие целой системы факторов, среди которых образовательные факторы занимают одно из лидирующих мест, наряду с факторами семейными. Семья и школа (начальная, средняя, а потом и высшая) создают условия для формирования жизнеутверждающего или жизнеотрицающего, активного или пассивного, независимого или зависимого стилей жизни. Стиль выступает как целостная характеристика образа жизни, который ведет человек в пространстве-времени более или менее значимых для него жизненных ситуаций и отношений (семейных, дружеских и иных — интимно-личностных отношений, учебно-профессиональных отношений, повседневных бытовых отношений и отношений по поводу хобби и иных видов осуществляемой человеком деятельности) с другими людьми. Вместе с тем, именно образовательная среда, являющаяся институтом поддержки, направления развития человека, оказывает на это развитие наиболее активно модифицирующее действие: направляет, наполняет, структурирует активность человека, в том числе его активность в отношении собственного здоровья и безопасности. В случае, если образовательная среда деформирована, ее воздействие на человека носит деформирующий характер. Особен-

но это заметно, если речь идет о том, что ресурсы совладания с деформирующими воздействиями среды у человека не сформированы или, в той или иной ситуации, незначительны или не могут быть пополнены. В этом контексте весьма сложная ситуация сложилась в отечественном и мировом образовании последних десятилетий: рост психических и соматических нарушений у учеников и педагогов, нормализация отношений насилия и иных деформаций отношений между ними, деформации учебной и образовательной деятельности фиксируются регулярно, практически всеми специалистами, как масштабное явление, угрожающее безопасности образования [1; 2; 3].

Теоретико-методические основы исследования. Цель исследования — анализ стилей жизненной активности студентов как компонентов психологической безопасности образования. Метод исследования: теоретический и эмпирический анализ стилей жизненной активности студентов как компонентов психологической безопасности образования. Методологической основой исследования стали концепции становления и развития человека как личности, партнера и субъекта учебной и профессиональной деятельности А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, В. Н. Мясищева, Э. Ф. Зеера, К. Роджерса, иных исследователей отношений

людей в ситуации учебного и трудового взаимодействия.

Основные результаты исследования. Психологические особенности безопасной образовательной среды предстают как важное условие результативности обучения и воспитания как деятельности поддержки / сопровождения развития ученика [4; 5; 6]. В рамках обеспечения психологической безопасности образования большое значение имеет готовность и способность каждого субъекта образования к осуществлению безопасной и направленной на оздоровление человека и его отношений, включая учебные и профессиональные, деятельности [7; 8; 9]. Такая деятельность, способствующая сохранению, восстановлению, укреплению и развитию здоровья учащихся и обучающихся, а также учителей и преподавателей может быть названа оздоровительной деятельностью [10; 11]. Сформированность у субъектов образования психологической готовности и способности к оздоровительной деятельности различна, в том числе на разных этапах образования, в разных образовательных моделях и организациях. Очевидна актуальность направленного формирования у субъектов образования стремления и умений в сфере формирования, сохранения и укрепления здоровья: как в интересах личной, так и общей, организационной и социальной безопасности. В рамках многих исследований эта проблема ставится как формирование «здорового стиля жизни» или оптимального «стиля жизни в отношении здоровья» (health lifestyle) [12; 13].

Исследователи отмечают важность формирования и развития потребности и стремления к сохранению и укреплению своего здоровья и здоровья окружающих людей как жизненной ценности проявления жизнеутверждающего отношения к себе и миру как у подрастающего поколения (школьников и студентов), так и у педагогов и иных специалистов школ и вузов. Как правило, психологическая готовность и способность к оздоровительной деятельности, в том числе в контексте применения здоровьесберегающих технологий, реализация потребности в сохранении или повышении психофизического самочувствия, комфорта существования и отношений [14], к творческой активности и получению удовольствия (от жизни в целом и от оздоровительной деятельности в частности), говорят о личной / личностной безопасности субъектов образования. Личностная безопасность каждого субъекта образования – компонент безопасности всей системы образования. Формирование и укрепление первой приводит к формированию и укреплению второй.

Очевидно, что такое формирование и укрепление — результат направленных, планомерных, постоянных усилий, в том числе педагогов, учеников, служб сопровождения образования. Несмотря на множественность и междисциплинарность существующих подходов к проблемам изучения и разработке путей диагностики, сохранения и укрепления здоровья, разнообразные подходы сходятся в том, что формирование и развитие психологической готовности и способности к оздоровительной деятельности важно и в контексте личной безопасности, и в контексте безопасности всей системы образования, его учреждений и субъектов [10; 11].

Особенно большое внимание уделяется организационным аспектам обеспечения безопасности и ее нарушениям и индивидуальным аспектам. В рамках организационного подхода, не вполне на сегодняшний день развернутого, осмысляются проблемы организационной культуры и психологического климата вуза, школы и т. д. В рамках индивидуального подхода изучаются проблемы мотивации превентивного и продолжающегося самостоятельного оздоровления [15]. А. П. Степанов отмечает, что в ситуации кризиса в борьбе медицины за здоровье человека, у людей должна увеличиваться мотивация самостоятельного оздоровления. Основным препятствием к самостоятельности оздоровления, демотивации, оказываются монотония семейно-бытовой и учебно-профессиональной жизни, жизненная текучка, а также «банальная лень» вместе с неверием в себя, свои силы, в перемены и в то, что жизнь — в целом и конкретного человека — представляет ценность для окружающего мира. Такое жизнеотрицание порождает отказ от активности в целом и от оздоровительной активности в частности. Оно также обозначает отказ от развития и защиту от развития («комплекс Ионы», описанный А. Маслоу) [16]. Типология отношений субъектов образования включает шкалы пассивности — активности, устойчивости неустойчивости / нестабильности, и самостоятельности — управляемости, у школьников и студентов подразумевает соответствующие стимулирующие стили руководства со стороны педагога. Мотивация к самостоятельной физкультурно-спортивной деятельности — важнейшая составляющая деятельности (само)оздоровления. Часто основным мотивом превентивного и даже реабилитационного (само)оздоровления выступает наличие внешнего принуждения: плохое состояние здоровья начинает ограничивать нормальную жизнедеятельность человека и вызывает тягостные психологические состояния, и, несмотря на компенсаторную (ре)адаптацию организма, человек

начинает сознавать важность регулярной, направленной и системной «борьбы» у за свое здоровье, в том числе психологическое и социальное благополучие, свободу передвижения и движения и т. д. [15]. Отмечается, что при наличии жизнеутверждающего, активного, целенаправленного и действенного отношения человека к себе и своему здоровью и жизни в целом, при удовлетворенности педагогов условиями, процессом и результатами труда, при наличии возможности реализовать свой творческий потенциал система образования представляет собой прекрасную среду, мотивирующую не только педагогов, но и учеников, укрепляющих у себя и других стремление к самореализации и развитию скрытых способностей и компетенций. Однако, важен и третий подход — интерперсональный: особенности отношений между людьми оказывают существенное влияние и на организационную культуру, и на индивидуальное функционирование и развитие. Именно поэтому так важно и результативно бывает психологическое сопровождение образования, включение субъектов образования в диалог со специалистами сопровождения, умеющими и стремящимися транслировать ценности здоровья как баланса стремлений к гармонии и транспарентности, ценности психологической безопасности как диалога и сотрудничества в поисках лучших для всех решений проблем и т. д. Исследователи выделяют критерии качества психологического сопровождения в направленном на безопасность образовании [17], включая в них, помимо профессионализма, способность и готовность специалиста выступать как модель психологически безопасного человека.

Много внимания уделяется исследователями проблемам формирования и поддержания здорового образа жизни у студентов [18], психологической готовности субъектов образования к оздоровительной деятельности в интересах личной и общей безопасности [10; 11]. В своих работах исследователи описывают особенности стилей деятельности и самоорганизации у студентов университета [19], особенности становления отношений с окружающими у студентов разных профессиональных групп [20], включая отношения по поводу оздоровительной активности и безопасности в целом. Стиль жизнедеятельности студента — целенаправленная, отражающая особенности терминальных и инструментальных ценностей и жизненных целей человека система способов представления, переживания и реагирования на повседневные и кризисные ситуации интимно-личностной (дружеской и семейной), учебно-профессиональной и иных сфер., отражающая

такие характерные черты как жизнеутверждение. Разные стили жизнедеятельности очевидно приводят к различиям в развитии умения и стремления студентов к эффективному и продуктивному предотвращению и/или совладанию с проблемными, противоречивыми, кризисными жизненными ситуациями в учебно-деловых и /или интимно-личностных, отношениях. Такие различия приводят к минимизации или максимизации состояний психологической опасности образовательных и иных отношений студентов и иных субъектов образования.

Стиль жизнедеятельности, который выбирает студент, — результат многих взаимодействующих факторов и в разной мере осознанного выбора. Этот стиль может быть более или менее жизнеутверждающим, безопасным для человека и окружающих, или, напротив, жизнеотрицающим и опасным. З. И. Тюмасева, Г. В. Валеева, И. Л. Орехова [11], в рамках системной модели стилей безопасности / опасности жизнедеятельности, выделяют четыре стиля:

1) субъективно и объективно безопасная (здоровьесберегающая) жизнедеятельность — «истинная безопасность»;

2) субъективно безопасная (здоровьесберегающая), но объективно опасная (здоровьезатратная) деятельность — «иллюзия безопасности»;

3) субъективно опасная (здоровьезатратная), но объективно безопасная (здоровьесберегающая) деятельность — «иллюзия опасности»;

4) субъективно и объективно опасная (здоровьезатратная) жизнедеятельность — «истинная опасность».

Для того, чтобы обеспечить результативность оказания психологической помощи важно выявить, какой вариант жизнедеятельности реализуется индивидом или группой и какой вариант преобладает в их окружении., чтобы направить психолого-педагогическую поддержку на принятие и переосмысление объективной ситуации, преодоление сопротивления изменениям, формирование и закрепление нового образа жизни, преодоление перфекционистских тенденций и стремления к превосходству, в том числе за счет других, помощь в разработке и реализации проекта «здорового», безопасного образа жизни и инвентаризации ресурсов, идентификации стремлений самоактуализации и самореализации, заботы о себе и о мире, согласование тенденций к гармонии, согласию, включенности и транспарентности, аутентичности и конгруэнтности и т.д.

Эмпирическое исследование стилевых особенностей жизнедеятельности студентов педагогических и филологических специализаций в апреле-мае 2021

года в Челябинске (50 человек, 35 — девушки, 15 — юноши), Калуге (50 человек, 40 — девушки, 10 — юноши) и Воронеже (50 человек, 30 — девушки, 20 — юноши) показало, что для основной части обучающихся свойственно состояние выраженной опасности, причем существенно большей, чем это можно оценить, исходя из реального состояния их телесного, психологического и социального здоровья. Это в существенной мере ограничивает их социальную активность, а также иные показатели жизнедеятельности. Наиболее распространенной является при этом иллюзорная идентификация проблем:

На уровне восприятия физической безопасности превалирует (72 %) стиль безопасности «иллюзия безопасности», для остальных студентов (28 %) типичен — стиль жизнедеятельности, связанный с состоянием «истинной опасности». При этом деформации физической составляющей здоровья становятся основной причиной нарушения безопасности жизнедеятельности человека, а стиль жизнедеятельности «иллюзия безопасности» мешает его идентификации и коррекции.

С точки зрения психологической безопасности студенты определяют состояние своей жизнедеятельности как «иллюзорно или субъективно опасный» (78 %), остальная часть (21 %) поддерживает противоположную иллюзию — «безопасности» реализуемого стиля жизнедеятельности. Ведущая причина опасной жизнедеятельности лежит, таким образом, в отношении студентов к себе и к миру, деформациях психологической составляющей безопасности.

На социальном уровне ситуация несколько оптимистичнее: треть студентов (37 %) реализует стиль жизнедеятельности, названный нами «истинная безопасность», отражающий активность в построении и поддержании здоровых отношений с социумом. Однако показатель стиля жизнедеятельности «иллюзия опасности» остается по-прежнему очень высоким (61 % опрошенных).

При этом показатели, полученные на воронежской части выборки незначительно выше, чем на челябинской и выше, чем в калужской, но, в основном, за счет перераспределения ведущих показателей: все три части выборки отражают стили жизнедеятельности студентов одной и той же страны, одной модели образовательных отношений, хотя и разных регионов: проблемы, с которыми сталкиваются студенты в кризисном социуме имеют много общего. Общая иллюзорность оценок опасности себя и мира говорит о неспособности и неготовности к ее обеспечению и вы-

раженности состояний типа «выученной беспомощности». В некоторых случаях, как очевидно, такие состояния подпитывают рентные и иные манипулятивные установки, фиксирующие отказ от самоактуализации и связанных с нею ответственности, «мужества понимания всего, что знаешь» (С. Цвейг), развития умения и стремления принятия / смирения, прощения / «отпускания» и активных трансформаций проблем. В крупных городах и больших вузах эти проблемы меньше, чем в малых городах (таких как Калуга), где ниже и уровень жизни, и удовлетворенность ею (что вполне согласуется с представлениями отечественных и зарубежных исследователей о том, что стиль жизни есть показатель социального статуса, неравенства в обществе) [13; 21; 22].

Заключение. В целом полученные результаты говорят о том, что можно выделить несколько групп студентов, реализующих разные стили жизнедеятельности и, в том числе, оздоровительной деятельности, которые обладают разной степенью психологической (без)опасности. Многие современные студенты остро ощущают неблагополучие своей жизни, но не могут и не стремятся его преодолеть, вероятно, в силу развивавшегося состояния выученной беспомощности и отказа от развития. При этом реалистический стиль жизнедеятельности продуктивнее и эффективнее иллюзорного, но в ситуации, когда студенты ощущают угрозу всем компонентам своего бытия и здоровья, иллюзии, очевидно, помогают части студентов пройти кризис, игнорируя его. Мы наблюдаем процесс, когда нарушенный стиль жизнедеятельности является и причиной и следствием, и проявлением неблагополучия, его эскалации и расширения от социального к телесному и наоборот. При этом существует тесная взаимная связь психологической (без)опасности образовательной среды и (без)опасности образующих данную среду субъектов. Способность и готовность человека противостоять негативным воздействиям связана с его активностью, реалистичностью и оптимизмом как верой в себя и в мир, жизнеутверждением.

Список источников

1. Арпентьева М. Р., Худякова Т. Л., Клепач Ю. В., Гридяева Л. Н. Буллинг и сталкинг в концептуальном поле исследований безопасности образования // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 109–117.
2. Behind the numbers : Ending school violence and bullying / Choi, S.-H., Cornu, Chr. (eds). Paris, France : UNESCO, 2019. 74 p.

3. Kassymova K. G., Valeeva G. V., Muller O. Yu., Anufrieva N. V., Arpentieva M. R., Lavrinenko S. V. and Dossayeva S. K. Innovation in education : prevention and correction of the pedienias and matetogenias in students and teachers // *Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 5, № 381. P. 11–18. <https://doi.org/10.32014/2019.2518-1467.130>.
4. Алексеев С. В., Костецкая Г. А. Безопасность жизнедеятельности : инновации в методике обучения. Москва : НИЦ «Инфра-М», 2021. 215 с.
5. Баева И. А. Психологические проблемы обеспечения безопасности в образовании // *Мир психологии*. 2020. № 2 (102). С. 184–190.
6. Горчинская А. А., Капелюшник Р. Е. Обеспечение психологической безопасности образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования // *Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение*. 2020. № 1 (9). С. 5–9.
7. Баева И. А., Тарасов С. В., Алексеева Е. В., Лактионова Е. Б., Гаязова Л. А., Кондакова И. В., Пежемская Ю. С., Чежина Я. В. Психологические технологии формирования и оценки безопасной образовательной среды. Гатчина : Изд-во ГИЭФПТ, 2021. 274 с.
8. Кора Н. А., Еремеева Т. С. Проблема формирования личностной безопасности и пути её решения в образовании // *Health and Social Care Journal*. 2018. № 1 (6). С. 14–19.
9. Edmondson A. Psychological safety and learning behavior in work teams // *Administrative Science Quarterly*. 1999. Vol. 44. № 2. P. 350–383.
10. Валеева Г. В., Тюмасева З. И. Практические аспекты психологии здоровья. Челябинск : Изд-во ЮУГГПУ, 2020. 265 с.
11. Валеева Г. В., Тюмасева З. И., Орехова И. Л. Психологическая готовность субъектов образования к оздоровительной деятельности в интересах личной безопасности // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2020. № 2 (155). С. 252–274.
12. Cockerham W. C. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // *Journal of Health and Social Behavior*. 2005. Vol. 46 (1). P. 51–67.
13. Glorioso V., Pisati M. Socioeconomic Inequality in Health-related Behavior : A Lifestyle Approach // *Quality & Quantity : International Journal of Methodology*. 2014. Vol. 48 (5). P. 2859–2879.
14. Ситникова Е. Ю. Формирование психологически комфортной и безопасной образовательной среды // *Вестник магистратуры*. 2021. № 6–1(117). С. 94–98.
15. Степанов А. П. Проблемы мотивации превентивного самостоятельного оздоровления // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*. 2019. № 4 (15). С. 127–133.
16. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб : Евразия, 1999. 432 с.
17. Лушпаева И. И., Мухаметзянова Ф. Г. Влияние глобального образования на состояние психологической безопасности образовательной среды вуза // *Глобальная экономика и образование*. 2021. Т. 1. № 4. С. 90–98.
18. Кочиева Э. Р. Формирование здорового образа жизни у студентов как социально-важная проблема // *Primo Aspectu*. 2021. № 3 (47). С. 22–27.
19. Епанчинцева Г. А., Козловская Т. Н., Козловский Д. А. Особенности стилей деятельности и самоорганизации у студентов университета // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2019. № 1 (219). С. 80–87.
20. Журавлева Л. А. Особенности становления отношений с окружающими у студентов разных профессиональных групп // *Гуманизация образования*. 2020. № 3. С. 92–102.
21. Арпентьева М. Р. Жизнеутверждение и нравственно-психологические аспекты здоровья и болезней. Калуга : Изд-во КГУ, 2017. 454 с.
22. Рощина Я. М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // *Экономическая социология*, 2016. № 17(3). С. 13–36.

References

1. Arpentieva M. R., Khudyakova T. L., Klepach Yu. V., Gridiaeva L. N. Bullying and stalking in the conceptual field of education security research // *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). P. 109–117.
2. Behind the numbers : Ending school violence and bullying / Choi, S.-H., Cornu, Chr. (eds). Paris, France : UNESCO, 2019. 74 p.
3. Kassymova K. G., Valeeva G. V., Muller O. Yu., Anufrieva N. V., Arpentieva M. R., Lavrinenko S. V. and Dossayeva S. K. Innovation in education : prevention and correction of the pedienias and matetogenias in students and teachers // *Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 5, № 381. P. 11–18. <https://doi.org/10.32014/2019.2518-1467.130>.
4. Alekseev S. V., Kostetskaya G. A. Safety : innovations in teaching methods. Moscow : SIC «Infra-M», 2021. 215 p.
5. Baeva I. A. Psychological problems of security in education // *The world of psychology*. 2020. No. 2 (102). P. 184–190.

6. Gorchinskaya A. A., Kapelyushnik R. E. Ensuring psychological safety of the educational process in educational institutions of higher education // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and healthcare*. 2020. No. 1 (9). P. 5–9.
7. Baeva I. A., Tarasov S. V., Alekseeva E. V., Laktionova E. B., Gayazova L. A., Kondakova I. V., Pezhemskaya Yu. S., Chezina Ya. V. Psychological technologies of formation and assessment of a safe educational environment. Gatchina: Publishing House of GIEFT, 2021. 274 p.
8. Kora N. A., Eremeeva T. S. The problem of personal safety formation and ways of its solution in education // *Health and Social Care Journal*. 2018. No. 1 (6). P. 14–19.
9. Edmondson A. Psychological safety and learning behavior in work teams // *Administrative Science Quarterly*. 1999. Vol. 44. № 2. P. 350–383.
10. Valeeva G. V., Tyumaseva Z. I. Practical aspects of health psychology. Chelyabinsk : Publishing house of YUGSPU, 2020. 265 p.
11. Valeeva G. V., Tyumaseva Z. I., Orekhova I. L. Psychological readiness of subjects of education for recreational activities in the interests of personal safety // *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*. 2020. No. 2 (155). P. 252–274.
12. Cockerham W. C. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // *Journal of Health and Social Behavior*. 2005. Vol. 46 (1). P. 51–67.
13. Glorioso V., Pisati M. Socioeconomic Inequality in Health-related Behavior : A Lifestyle Approach // *Quality & Quantity : International Journal of Methodology*. 2014. Vol. 48 (5). P. 2859–2879.
14. Sitnikova E. Y. Formation of a psychologically comfortable and safe educational environment // *Bulletin of the Magistracy*. 2021. No. 6–1(117). P. 94–98.
15. Stepanov A. P. Problems of motivation of preventive self-improvement // *Human health, theory and methodology of physical culture and sports*. 2019. No. 4 (15). P. 127–133.
16. Maslow A. The far limits of the human psyche. St. Petersburg : Eurasia, 1999. 432 p.
17. Lushpaeva I. I., Mukhametzhanova F. G. The influence of global education on the state of psychological security of the educational environment of the university // *Global economy and education*. 2021. Vol. 1. No. 4. P. 90–98.
18. Kochieva E. R. Formation of a healthy lifestyle among students as a socially important problem // *Primo Aspectu*. 2021. No. 3 (47). P. 22–27.
19. Epanchintseva G. A., Kozlovskaya T. N., Kozlovsky D. A. Features of styles of activity and self-organization among university students // *Bulletin of Orenburg State University*. 2019. No. 1 (219). P. 80–87.
20. Zhuravleva L. A. Features of the formation of relationships with others among students of different professional groups // *Humanization of education*. 2020. No. 3. P. 92–102.
21. Arpentyeva M. R. Life affirmation and moral and psychological aspects of health and diseases. Kaluga : KSU Publishing House, 2017. 454 p.
22. Roshchina Ya. M. Lifestyle in relation to health : does social inequality matter? // *Economic Sociology*, 2016. No. 17(3). P. 13–36.

Информация об авторах

В. Р. Петросянц — доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент;

Л. Н. Гридяева — доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент;

Г. В. Валеева — доцент кафедры валеологии и биомедицинских дисциплин Высшей школы физической культуры и спорта Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент;

М. Р. Арпентьева — академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор Российской академии естествознания, свободный исследователь, Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие», доктор психологических наук, доцент.

Information about the authors

V.R. Petrosyants — Associate Professor of the Department of Practical Psychology of the Voronezh State Pedagogical University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;

L.N. Gridyaeva — Associate Professor of the Department of Practical Psychology of the Voronezh State Pedagogical

University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;

G. V. Valeeva — Associate Professor of the Department of Life Safety and Biomedical Disciplines of the Higher School of Physical Culture and Sports of the South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;

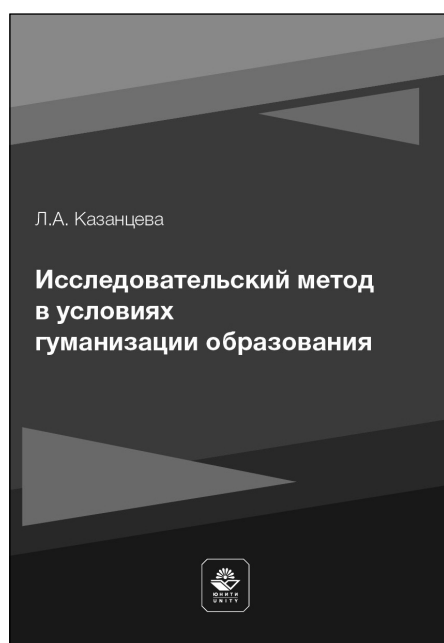
M. R. Arpentieva — Professor of the Russian Academy of Natural History, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Academician of the International Academy of Education, free researcher, Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance «Assistance», Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 17.12.2021.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 17.12.2021.

Исследовательский метод в условиях гуманизации образования. Монография. Казанцева Л.А. 137 с. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты методолого-теоретические предпосылки совершенствования применения исследовательского метода в условиях глубинных процессов гуманизации современного образования. Теоретически обоснованы: концептуальная модель исследовательского метода, а также дидактические принципы, условия, границы и барьеры его применения в образовательном процессе. Особое внимание уделено раскрытию специфики профессиональной компетентности педагога в применении исследовательского метода.

Для преподавателей, студентов классических и педагогических университетов, слушателей институтов повышения квалификации, работников образования.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-399-402>

НИОН: 2003-0059-6/21-137

MOSURED: 77/27-003-2021-06-336

О допустимости включения цифрового права в систему права и правоохранительной деятельности в Российской Федерации

Самвел Суренович Маилян¹, Эриашвили Нодари Дарчоевич²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ gambuch@yandex.ru

² professor60@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа литературы и законодательства относительно допустимости включения цифрового права в систему права Российской Федерации высказано несколько суждений: цифровизация может рассматриваться как неизбежный спутник научно-технического прогресса; цифровизация оказывает непосредственное влияние и на юриспруденцию; обособление цифрового права в системе права Российской Федерации, ввиду недостаточности теоретического обоснования, преждевременно.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, федеральный закон Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 8 июля 2006 г., Федеральный закон РФ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 22 июля 2020 г., отрасль права, отрасль законодательства, цифровое право, цифровое законодательство

Для цитирования: Маилян С. С., Эриашвили Н. Д. О допустимости включения цифрового права в систему права и правоохранительной деятельности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 399–402. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-399-402>.

Original article

On the admissibility of the inclusion of digital law in the system of law and law enforcement in the Russian Federation

Samvel S. Mailyan¹, Nodari D. Eriashvili²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² State University of Management, Moscow, Russia

¹ gambuch@yandex.ru

² professor60@mail.ru

Abstract. In the article, based on the analysis of literature and legislation regarding the permissibility of including digital law in the legal system of the Russian Federation, several judgments are made: digitalization can be considered as an inevitable companion of scientific and technological progress; digitalization has a direct impact on jurisprudence; isolation of digital law in the legal system of the Russian Federation, due to the lack of theoretical justification, is premature.

Keywords: Russian Federation, legislation, Federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On Information, Information Technologies and Information Protection» dated July 8, 2006, Federal Law of the Russian Federation «On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations in the Russian Federation» dated July 22, 2020, branch of law, branch of legislation, digital law, digital legislation

For citation: Mailyan S. S., Eriashvili N. D. On the admissibility of the inclusion of digital law in the system of law and law enforcement in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(6):399–402. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-399-402>.

© Маилян С. С., Эриашвили Н. Д., 2021

Предметом данной статьи являются цифровое право и допустимость его включения в систему права Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.

Так, «целью» О. А. Городова являлась «постановка и решение ... проблемы с точки зрения определения места совокупности правовых норм, регулирующих отношения, складывающиеся в сфере цифровых технологий»: «Подводя итог нашим рассуждениям по проблемам цифрового права, необходимо отметить, что данный феномен уже получил в российском законодательстве ряд успешных практических реализаций. Однако существуют и определенные трудности его приложения, которые можно истолковать как показатель необходимости дальнейшей конструктивной работы, направленной на совершенствование действующих юридических механизмов» [5].

Авторы – единомышленники (А. А. Арямов и Е. О. Руева) «на основании передового зарубежного опыта правового регулирования оборота цифровых активов проанализировали текущую реформу отечественного гражданского и инвестиционного права, имеющую место в результате принятия Федеральных законов от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ и от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ, которыми введено в юридический оборот новое понятие «цифровое право», что позволило выявить серьезные пробелы и коллизии в российском праве» («Изложенное позволяет сделать вывод: опасения, что задекларированный новый объект гражданских прав формирует риск возникновения новой формы преступного посягательства (посягательства на цифровые права в том виде, в каком они урегулированы гражданским законодательством), не оправдались. В очередной раз гора родила мышь. В силу очевидной сумбурности правовой реформы новый объект уголовно-правовой охраны так и не возник») [1].

О. В. Танимов и А. Р. Шевченко определили «основные сущностные аспекты» цифрового права: «Итак, цифровое право являет собой юридическую фикцию, если мы говорим о праве людей на объекты гражданских прав. Внедрение цифрового права в повседневную жизнь остается дискуссионным вопросом, поскольку не выработано конкретной позиции относительно его применения в российском праве. Также цифровое право в качестве подотрасли еще не обрело объективных оснований и социальной необходимости для формального существования. Из-за недоступности цифровых технологий для большей части населения возникает проблема в потребности существования цифрового права как подотрасли комплексной отрасли информационного права. Однако если повысить уровень цифровой грамотности и обеспеченности населения, то уже можно будет говорить о необходимости дальнейшего развития цифрового

права в целом и своевременности его появления» [7].

Э. В. Талапина попыталась «выявить особенности цифрового права и тенденции его развития в мировом масштабе» («Таким образом, ярким примером универсальной цифровой технологии, к которой национальные законодательства относятся полярно, служит блокчейн. Диапазон применения блокчейна колеблется от дистанционных выборов до регистрации прав на интеллектуальную собственность, от цифровой валюты до аренды такси. При этом успешность национального подхода к регулированию блокчейна зависит от понимания и учета технологической сути децентрализованного реестра, не предназначенного для осуществления вертикального контроля со стороны государства. Обобщения, сделанные посредством методологии сравнительного права, способны отобрать лучшие практики, помочь в понимании назначения той или иной цифровой технологии, с тем чтобы правильно ее регулировать на национальном и международном уровнях»; «Проведенный анализ доктрины и практики, научные предположения и разбор конкретных кейсов убеждают в том, что цифровое право находится в стадии активного становления, а глобальные параллели показывают перспективность сравнительно-правовых исследований в данной сфере, значительно влияющих на теорию права в целом») [6].

Лишь отдельные авторы однозначно высказываются относительно недопустимости обособления цифрового права в системе права Российской Федерации [см., например: 2; 4].

Вероятно, не столь совершенные результаты научных изысканий об обособлении цифрового права предопределили и несовершенство законодательства о цифровизации в Российской Федерации¹.

Первоначально обращаемся к Федеральному закону РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 8 июля 2006 г.² («1. Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие при: 1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; 2) применении информационных технологий; 3) обеспечении защиты информации. 2. Положения настоящего Федерального закона не распространяются на отношения, возникающие при правовой охране результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом» — ст. 1).

¹ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123).

² См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448; ...; 2020. № 14 (часть I). Ст. 2035.

«Сфера действия» Федерального закона РФ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 22 июля 2020 г.¹ определена в ст. 1: «1. Настоящий Федеральный закон определяет цели и принципы экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, круг участников экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, а также регулирует отношения, связанные с их установлением и реализацией, в том числе изменением, приостановлением, прекращением, мониторингом, оценкой их эффективности и результативности. 2. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций могут устанавливаться в соответствии с настоящим Федеральным законом по следующим направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций: 1) медицинская деятельность, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтическая деятельность; 2) проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов, аттестация их операторов, предоставление транспортных и логистических услуг и организация транспортного обслуживания; 3) сельское хозяйство; 4) финансовый рынок; 5) продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом; 6) архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос объектов капитального строительства, эксплуатация зданий, сооружений; 7) предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, осуществление иных полномочий и функций государственными органами и органами местного самоуправления; 8) промышленное производство (промышленность); 9) иные направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, установленные Правительством Российской Федерации».

В ст. 1 Федерального закона РФ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 22 июля 2020 г.² определен «предмет регулирования»: «1. Настоящим Федеральным законом регулируются отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отно-

шения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации. 2. Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. 3. Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. ...».

Таким образом, цифровизация, фактически затронувшая все сферы человеческой деятельности, несомненно нуждается в научных исследованиях ученых — юристов.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, цифровизация может рассматриваться как неизбежный спутник научно-технического прогресса.

Во-вторых, цифровизация оказывает непосредственное влияние и на юриспруденцию.

В-третьих, обособление цифрового права в системе права Российской Федерации, ввиду недостаточности теоретического обоснования, преждевременно.

Список источников

1. Арямов, А. А., Руева, Е. О. Цифровое право как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 45–47.
2. Галузо, В. Н., Канафин, Н. А. Цифровое право в Российской Федерации : нонсенс или реальность? // Право и государство : теория и практика. 2018. № 8. С. 118–125.
3. Галузо, В. Н. Конституционно-правовой статус

¹ См.: СЗ РФ. 2020. N 31 (часть I). Ст. 5017.

² См.: СЗ РФ. 2020. N 31 (часть I). Ст. 5018.

России: проблема именованя государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123.

4. Галузо, В. Н. О допустимости «клонирования» отраслей юридической науки в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство : проблемы теории и практики. 2021. № 1. С. 24–27.

5. Городов, О. А. Цифровое право как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. 2021. № 1. С. 36–43.

6. Талапина, Э. В. Сравнительное цифровое право : становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 18–32.

7. Танимов, О. В., Шевченко, А. Р. Цифровое право : основные сущностные аспекты // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 6–9.

References

1. Aryamov, A. A., Rueva, E. O. Digital law as an object of criminal law protection // Russian Justice. 2020.

No. 1. P. 45–47.

2. Galuzo, V. N., Kanafin, N. A. Digital law in the Russian Federation : nonsense or reality? // Law and the State : theory and practice. 2018. No. 8. P. 118–125.

3. Galuzo, V. N. Constitutional and legal status of Russia : the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. P. 119–123.

4. Galuzo, V. N. On the permissibility of «cloning» branches of legal science in the Russian Federation // Criminal proceedings : problems of theory and practice. 2021. No. 1. P. 24–27.

5. Gorodov, O. A. Digital law as a sub-branch of information law // Law and the digital economy. 2021. No. 1. P. 36–43.

6. Talapina, E. V. Comparative digital law : formation and prospects // Journal of Russian Law. 2021. No. 9. P. 18–32.

7. Tanimov, O. V., Shevchenko, A. R. Digital law : basic essential aspects // Russian Justice. 2019. No. 10. P. 6–9.

Информация об авторах

С. С. Маилян – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

Information about the authors

S. S. Mailyan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

N. D. Eriashvili – Professor of the Department of the Civil and Labor Law, Civil Process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 17.12.2021.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 17.12.2021.